МОЙ
ЛЮБИМЫЙ
ДЕТЕКТИВ

АГАТА КРИСТИ

МИСС МАРПЛ
АГАТА КРИСТИ

Аннотация
Untitled
ОДНИМ ПАЛЬЦЕМ
ГЛАВА 1
ГЛАВА 2
ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО
Глава 1. ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО
Глава 2. ЗАВТРАК В ЛИТТЛ-ПАДДОКСЕ
Глава 3. В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ
Глава 4. ОТЕЛЬ «РОЙЯЛ СПА»
Глава 5. МИСС БЛЕКЛОК И МИСС БАННЕР
Глава 6. ДЖУЛИЯ, МИЦИ И ПАТРИК
Глава 7. ...И ДРУГИЕ
Глава 8. НА СЦЕНУ ВЫХОДИТ МИСС МАРПЛ
Глава 9. ПО ПОВОДУ ДВЕРИ

Глава 10. ПИП И ЭММА
Глава 11. МИСС МАРПЛ ПРИХОДИТ НА ЧАЙ
Глава 12. УТРЕННИЕ ХЛОПОТЫ В ЧИППИНГ-КЛЕОРНЕ
Глава 13. УТРЕННИЕ ХЛОПОТЫ В ЧИППИНГ-КЛЕОРНЕ. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)
Глава 14. ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ
Глава 15. ДИВНАЯ СМЕРТЬ
Глава 16. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИНСПЕКТОРА КРЕДДОКА
Глава 17. АЛЬБОМ
Глава 18. ПИСЬМА
Глава 19. ПОПЫТКА ВОССОЗДАТЬ КАРТИНУ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
Глава 20. МИСС МАРПЛ ИСЧЕЗАЕТ
Глава 21. ТРИ ЖЕНЩИНЫ
Глава 22. ПРАВДА
Глава 23. ВЕЧЕР У ВИКАРИЯ
ЭПИЛОГ
ФОКУС С ЗЕРКАЛАМИ
ГЛАВА 1
ГЛАВА 2
ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6

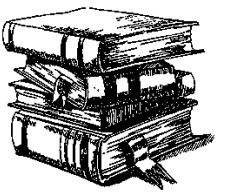
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ГЛАВА 13
ГЛАВА 14
ГЛАВА 15
ГЛАВА 16
ГЛАВА 17
ГЛАВА 18
ГЛАВА 19
ГЛАВА 20
ГЛАВА 21
ГЛАВА 22
ГЛАВА 23
ЭПИЛОГ

Аннотация

СОДЕРЖАНИЕ:

ОДНИМ ПАЛЬЦЕМ. *Перевод Т.Голубевой*
ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО. *Перевод Т.Шишовой*
ФОКУС С ЗЕРКАЛАМИ. *Перевод З.Александровой*

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ДЕТЕКТИВ



6

АГАТА КРИСТИ

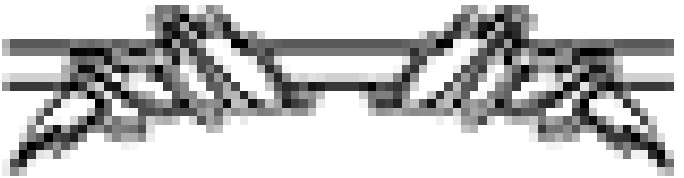
Agatha Christie

МИСС МАРПЛ

ОДНИМ ПАЛЬЦЕМ

THE MOVING FINGER

ОДНИМ ПАЛЬЦЕМ



Моим друзьям
Сидни и Мэри Смит

ГЛАВА 1

I

Я часто вспоминаю то утро, когда пришло первое анонимное письмо.

Его принесли перед завтраком. Я лениво перевернул его, как это делают, когда время течет медленно и любое событие приобретает значение. Это было, как я обнаружил, «местное» письмо с отпечатанным на машинке адресом. Я вскрыл его первым, отложив пару писем с лондонскими штемпелями, поскольку в одном из них явно был счет, а на другом я узнал почерк одной из моих наискучнейших кузин.

Теперь странно вспоминать, что Джоанну и меня это письмо только развлекло. У нас и мысли не возникло, что с ним придут кровь и насилие, недоверие и страх.

Просто невозможно связать такого рода вещи с Лимстоком.

Я вижу, я неверно начал. Я не объяснил, что такое Лимсток.

После авиакатастрофы, в которую я угодил, долгое время я был уверен, вопреки утешитель-

ным словам врачей и сиделок, что приговорен к тому, чтобы всю оставшуюся жизнь провести в инвалидной коляске. Но в конце концов меня извлекли из гипса, и я начал осторожно учиться пользоваться своим телом, а затем Маркус Кент, мой врач, хлопнул меня по спине и заявил, что все в порядке, но я должен поехать в деревню и по крайней мере полгода вести растительную жизнь.

— Найдите такую часть света, где у вас нет никаких друзей. Удерите от всего, интересуйтесь местной политикой, деревенскими сплетнями, поглощайте все местные скандалы. И немножко пива — вот предписание для вас. Абсолютный покой и тишина.

Покой и тишина! Смешно об этом думать теперь.

Итак, Лимсток — и вилла «Литтл Фюрц».

Лимсток был большим городом во времена завоевания норманнов. В двадцатом же веке это было место незначительное во всех отношениях. Лимсток расположился в трех милях от железнодорожной магистрали — крохотный провинциальный городок, почти деревня, в котором часто устраивались базары; городок, окруженный бесконечными вересковыми пустошами.

Вилла «Литтл Фюрц» располагалась на холме, у дороги, уходящей в вереск. Это был чопорный, унылый дом с покосившейся викторианской верандой блекло-зеленого цвета.

Моя сестра Джоанна, едва завидя его, решила, что это идеальное место для выздоравливающего. Владелица дома была под стать ему — очаровательная маленькая старая леди, невообразимо викторианская. Она объяснила Джоанне, что ей бы и не приснилось такое — сдавать дом, но все так изменилось в нынешние времена... И эти ужасные налоги!

Итак, все было улажено, и договор подписан, и должным образом Джоанна и я прибыли и обосновались в доме. Сама же мисс Эмили Бартон перебралась в Лимсток, в комнаты, которые содержала ее бывшая горничная («моя преданная Флоренс»), оставив нас под присмотром нынешней горничной мисс Бартон — Патридж, мрачной, но весьма квалифицированной личности, которой помогала приходящая «девушка».

Через несколько дней после того, как мы поселились в «Литтл Фюрц», Лимсток начал наносить торжественные визиты. Каждый в Лимстоке имел какой-то свой отличительный признак, и все семьи выглядели «вполне счастливыми», как

сказала Джоанна.

Это были: мистер Симмингтон, адвокат, тонкий и сухой, с раздражительной, любящей бридж женой; доктор Гриффитс, мрачный, меланхолический врач, и его сестра — большая и радушная; викарий, образованный, забывчивый пожилой человек, и его жена — с энергичным лицом и блуждающим взглядом; богатый дилетант мистер Пай из виллы «Прайорз Лодж»; и наконец, мисс Эмили Бартон собственной персоной, безупречная деревенская старая дева.

Джоанна дотрагивалась до карт с чем-то похожим на благоговейный трепет.

— Я не знала, — как-то сказала она голосом, полным непонимания, — что есть люди, которые действительно приходят в *гости,* чтобы играть *в карты!*

— Это потому, — объяснил я, — что ты ничего не знаешь о деревне.

Моя сестра Джоанна очень хорошенькая и очень веселая, она обожает танцы и коктейли, любовные романы и гонки на скоростных автомобилях. Она — законченная горожанка.

— Во всяком случае, — заявила Джоанна, — я смотрюсь в деревне неплохо.

Я критически оглядел ее и не счел возможным

согласиться.

— Нет, — сказал я, — ты одета неправильно. Ты должна носить старую причудливую твидовую юбку с хорошеньким кашемировым джемпером, подобрав их под пару... но, может быть, предпочтительнее мешковатое вязаное пальто... И ты должна надеть фетровую шляпу и толстые чулки, и еще — старые, хорошо разношенные уличные ботинки. И лицо у тебя неправильное, — добавил я.

— Что в нем неправильного?! Я наложила «деревенский тон номер два»!

— Вот именно, — сказал я. — А если бы ты жила здесь, ты бы лишь чуть-чуть пудрилась, не высовывая носа на солнце, и ты, конечно же, носила бы свои брови целиком, вместо того чтобы оставлять от них четверть.

Джоанна рассмеялась и сказала, что переезд в деревню обещает новые впечатления и она намерена всем наслаждаться.

— Боюсь, ты будешь ужасно скучать, — предположил я, испытывая угрызения совести.

— Нет, не буду. Я сыта по горло всеми моими компаниями, и хотя ты не желаешь мне сочувствовать, я действительно была очень огорчена из-за Пауля. Теперь у меня будет время все за-

быть.

Я отнесся к сказанному скептически. Любовные истории Джоанны всегда двигались по одному и тому же пути. Она влюблялась сумасшедшим образом в какого-нибудь совершенно бесхарактерного молодого человека, непризнанного гения. Она выслушивала его бесконечные жалобы и делала все, чтобы его заметили. Затем, когда он оказывался неблагодарным, она бывала глубоко ранена и утверждала, что ее сердце разбито, — до тех пор, пока не появлялся очередной унылый молодой человек, что обычно случалось недельки через три.

Я не слишком серьезно относился к разбитому сердцу Джоанны, но видел, что жизнь в деревне — нечто вроде новой забавы для моей милой сестры. Она с интересом предалась веселой игре в нанесение визитов. Мы должным порядком получали приглашения на чай и бридж, принимали их и рассылали ответные приглашения.

Для нас обоих все это было как увлекательная книга — совершенно новая книга!

И, как я уже сказал, когда пришло анонимное письмо, оно всего лишь позабавило меня.

Вскрыв письмо, я минуту или две пребывал в недоумении. Печатные слова, вырезанные из

книги и наклеенные на лист бумаги...

В письме в довольно грубых выражениях сообщалось мнение отправителя насчет того, что мы с Джоанной не были братом и сестрой.

— Эй, что это такое? — спросила Джоанна.

— Это очень грязное анонимное письмо, — ответил я.

Я ощутил легкую душевную боль. Кто бы предположил, что подобное может случиться в тихом болоте Лимстока?

Джоанна мгновенно проявила живейший интерес:

— Да ну? И что в этом письме говорится?

Должен заметить, что в романах анонимные письма — грубые, внушающие отвращение — по возможности не показывают дамам. Подразумевается, что дам следует во что бы то ни стало защитить от потрясения, в которое подобное письмо повергнет их нежную нервную систему.

Очень жаль, но я должен сказать, что мне бы и в голову не пришло скрыть письмо от Джоанны. Я немедленно протянул ей лист.

Джоанна подтвердила мою веру в нее тем, что не проявила никаких чувств, кроме веселого удивления.

— Какая жуткая гадость! Я слыхала об аноним-

ных письмах, но мне никогда не приходилось их видеть. Они что, все такие?

— Не могу сказать, — ответил я. — Для меня это тоже впервые.

Джоанна захихикала.

— Похоже, ты был прав, говоря о моей косметике, Джерри. Наверное, они тут решили, что я просто обязана быть распутной женщиной!

— К тому же, — сказал я, — нужно учесть тот факт, что наш отец был высоким смуглым человеком с длинным худым лицом, а наша матушка — очаровательное маленькое создание, голубоглазое, с прекрасными волосами, и что я похож на отца, а ты — на маму.

Джоанна задумчиво кивнула.

— Да, мы ничуть не похожи. Никто и не подумает, что мы брат и сестра.

— Кто-то и не подумал, — сказал я с чувством.

Джоанна заявила, что она считает все это просто забавным. Она помахала письмом, держа его осторожно за уголок, и спросила, что мы с *этим* сделаем.

— Я полагаю, будет наиболее верным, — предложил я, — сунуть его в огонь, энергично выразив свое отвращение.

Я подкрепил свои слова действием, и Джоанна

зааплодировала.

— Ты это проделал великолепно, — сказала она. — Тебе просто необходимо пойти на сцену. Какое счастье, что у нас все еще есть огонь, правда?

— Корзинка для бумаг не была бы столь драматична, — согласился я. — Хотя, конечно, я мог поджечь листок спичкой и понаблюдать, как он медленно сгорает.

— Когда тебе нужно что-то сжечь, оно ни за что не загорается, — сказала Джоанна. — Оно гаснет. Тебе наверняка пришлось бы чиркать спичку за спичкой.

Она встала и подошла к окну. Потом, стоя там, вдруг резко обернулась.

— Удивляюсь, — сказала она, — кто мог написать такое?

— Вероятно, мы никогда этого не узнаем, — предположил я.

— Я тоже так думаю. — Она помолчала немного и продолжила: — И тем не менее, не знаю уж почему, мне все это кажется забавным. Видишь ли, я думала, они... я думала, нас здесь полюбят.

— Так оно и есть, — сказал я. — Просто тут живет какой-то наполовину свихнувшийся тип.

— Надеюсь, что это так. Фу, гадко!

Джоанна ушла наружу, на солнышко, а я, закуривая положенную после завтрака сигарету, решил, что сестра права. Это действительно гадко. Кого-то возмутил наш приезд сюда... кого-то возмутила юная, яркая красота Джоанны... кто-то хотел причинить боль. Возможно, лучшим выходом было посмеяться над всем этим.

Тем утром к нам зашел доктор Гриффитс. Я договорился с ним о еженедельных осмотрах. Мне нравился Оуэн Гриффитс. Он был смуглый, нескладный, с неловкими манерами и мягкими, искусными руками. Говорил он отрывисто и был слегка застенчив:

— Вы не хуже чувствуете себя сегодня, а? Или это мое воображение, или с утра на вас немножко действует погода.

— Не то, — сказал я. — Вместе с утренним кофе пришло довольно грубое анонимное письмо, и оно оставило достаточно гадкий привкус во рту.

Доктор уронил свой портфель на пол. На его тощем, темном лице отразилось возбуждение.

— Вы хотите сказать, что и *вы* получили одно из них?

Я заинтересовался:

— А что, здесь такое случается?

— Да. С некоторых пор.

— О, — сказал я, — понятно. А я-то решил, что лишь присутствие столь странных личностей, как мы, вызвало чье-то негодование.

— Нет-нет, ваш приезд ни при чем. Это просто... — Он помолчал и спросил: — О чем там говорилось? По крайней мере... — Он внезапно покраснел и смутился. — Возможно, я не должен был спрашивать?

— Я с удовольствием отвечу вам, — сказал я. — Там всего лишь сообщалось, что экстравагантная девица, которую я привез с собой, вовсе мне не сестра. И это, добавлю, кратчайшее изложение.

Смуглое лицо доктора налилось гневом.

— Проклятье! Ваша сестра... надеюсь, она не слишком расстроилась?

— Джоанна, — пояснил я, — не очень-то похожа на ангелочка с рождественской елки, она более чем современна и достаточно крепка. Она нашла это в высшей степени забавным. Ей не приходилось прежде сталкиваться с чем-либо подобным.

— Да уж надеюсь, что не приходилось, — сказал Гриффитс.

— И в любом случае, — сказал я уверенно, — здесь ничего не остается, кроме как посмеяться. Как над чем-то чрезвычайно нелепым!

— Да, — сказал Оуэн Гриффитс, — всего лишь...

Он замолчал, и я быстро подхватил:

— Совершенно верно. Всего лишь слова.

— Беда в том, — сказал он, — что такого рода вещи, однажды начавшись, сами по себе не заканчиваются.

— Могу вообразить.

— Безусловно, это патология.

Я кивнул.

— У вас есть какие-нибудь соображения об авторе? — спросил я.

— Нет, лишь желание узнать. Видите ли, причин к сочинению анонимных писем может быть две. Если это единичное письмо — отправленное одному человеку или группе лиц, — то можно сказать, что оно мотивировано. То есть его написал некто, имеющий причины для недовольства (или полагающий, что имеет) и выбирающий грязный, тайный путь к проявлению этого недовольства. Это дурно, и это вызывает отвращение, но такой человек не обязательно сумасшедший, и обычно довольно легко определить автора — уволенный слуга, ревнивая женщина и так далее. Но если это не единичный случай, а принцип действия личности, то это уже куда серьезнее. Письма рассылаются беспорядочно, и они служат одной цели — заменить какие-то разрушенные надеж-

ды в воображении пишущего. Как я уже сказал, это, безусловно, патология. И безумие прогрессирует. В конце концов, конечно, автора анонимок выследят и поймают (часто это, кстати, оказывается человек, о котором просто невозможно подумать подобное), и тем все и кончится. Был подобный инцидент, на другом конце графства, в прошлом году — когда уволили заведующую отделом дамских шляп в большом универмаге. Тихая, изысканная женщина, работала там много лет. Я припоминаю несколько случаев и из моей практики. Но это были несчастные, озлобленные, уволенные люди. Однако, как я сказал, я уже видывал подобное, и это, совершенно искренне, пугает меня!

— И давно это продолжается? — спросил я.

— Не знаю точно. Безусловно, это трудно определить, потому что люди, получившие подобные письма, не рекламируют этот факт. Они бросают письма в огонь.

Он помолчал.

— Я тоже получил одно. И Симмингтон, адвокат. И один или двое из моих небогатых пациентов говорили мне об этом.

— И все письма похожи одно на другое?

— О да. Во всех повторяется одна и та же тема

секса, это их обычная черта. — Он усмехнулся. — Симмингтона обвинили в преступных отношениях с его служащей, бедной мисс Гинч. А ей по меньшей мере сорок, она носит пенсне, и зубы у нее, как у кролика. Меня обвинили в нарушении профессиональной этики в отношениях с пациентками и усердно налегали на подробности. Эти письма весьма инфантильны и абсурдны, но жутко язвительны. — Лицо доктора стало серьезным. — И тем не менее я *напуган*. Такие вещи могут быть *ужасны*, знаете ли.

— Полагаю, что действительно могут.

— Понимаете, — сказал он, — хотя письма грубы и полны детской злобы, рано или поздно *одно из них может попасть в цель.* А тогда — бог знает, что может случиться! И еще я боюсь влияния анонимок на неповоротливые, подозрительные, невоспитанные умы. Ведь когда они видят нечто *написанным*, они верят, что это правда. Тут возможны любые осложнения.

— Это было малограмотное письмо, надо сказать, — заметил я задумчиво. — Сочиненное кем-то практически необразованным.

— Так ли это? — сказал Оуэн и ушел.

Раздумывая позже обо всем этом, я нашел докторское «так ли это?» несколько тревожащим.

II

Я не намерен утверждать, что наша анонимка не оставила гадкого привкуса во рту. Это было. Но в то же время — она скоро забылась. Видите ли, в тот момент я не отнесся к письму всерьез. Думаю, я внушил себе, что подобное случается нередко в глухих провинциальных городках. Причиной тому — истеричные женщины, склонные все драматизировать. Во всяком случае, если все анонимки такие же детские и глупые, как та, что получили мы, вряд ли они принесут много вреда.

Следующий *инцидент*, если это можно так назвать, произошел неделей позже, когда Патридж, поджав губы, сообщила, что Беатриса, наша приходящая служанка, сегодня не явится.

— Я полагаю, сэр, — сказала Патридж, — у девушки сильное расстройство.

Я не слишком понял, что имеет в виду Патридж, но отметил (ошибочно), что Патридж как бы смакует намек на нечто слишком щекотливое, чтобы сказать об этом прямо. Я ответил, что не вижу в этом ничего страшного и надеюсь, что Беатрисе скоро станет лучше.

— Девушка здорова, — пояснила Патридж. — Но

ее чувства в расстройстве.

— О! — произнес я в недоумении.

— Это, — продолжила Патридж, — из-за письма, которое она получила. Насколько я поняла, весьма лживое письмо.

Жесткое выражение глаз Патридж натолкнуло меня на мысль, что ложь в письме относилась ко мне. Поскольку я с трудом узнал бы Беатрису, встреть я ее в городе, и вообще мало догадывался о ее существовании, я почувствовал чудовищную досаду. Инвалид, передвигающийся на двух костылях, очень уж мало годился на роль соблазнителя деревенских девиц.

Я сказал раздраженно:

— Что за чушь!

— То же самое сказала я матери девушки, — доложила Патридж. — Ничего подобного не могло быть в этом доме, сказала я ей, и ничего подобного не будет, пока этот дом под моим присмотром. Что касается Беатрисы, сказала я, то девушки в наши дни очень разные и я ничего не могу сказать о ее поведении где-нибудь в другом месте. Но верно и то, сэр, что приятель Беатрисы, из гаража, тот, с которым она гуляет, тоже получил одно из этих скверных писем. И нельзя сказать, чтобы он отнесся ко всему этому благоразумно.

— В жизни не слышал ничего более нелепого, — сердито сказал я.

— И я того же мнения, сэр, — сообщила Патридж. — И нам лучше бы избавиться от этой девушки. Я ведь что говорю: она бы не получила письма, если бы не было чего-то *такого*, что она хотела бы скрыть. «Нет дыма без огня» — вот что я сказала.

Я и не догадывался, как сильно надоест мне вскоре эта простенькая фраза.

III

Тем утром в поисках приключений я решил спуститься в городок. Светило солнце, воздух, прохладный и живительный, был полон весенней прелести. Я собрал свои костыли и отправился, твердо отказавшись от предложения Джоанны сопровождать меня.

Мы договорились, что сестра приедет за мной на автомобиле и привезет обратно на холм к обеду.

— У тебя масса времени уйдет лишь на то, чтобы поздороваться с каждым в Лимстоке.

— Не сомневаюсь, — сказал я, — что меня там ни один не пропустит.

Мне бы не следовало, конечно, — после того,

что со мной произошло, — спускаться в городок без сопровождающего. Я прошел около двухсот ярдов, когда услышал позади велосипедный звонок, потом скрип тормоза, а потом Меган Хантер с треском уложила свою машину к моим ногам.

— Привет, — выдохнула она, поднимаясь на ноги и отряхиваясь.

Мне, в общем, нравилась Меган, но я постоянно испытывал перед ней странное чувство вины.

Меган была падчерицей адвоката Симмингтона. Дочь миссис Симмингтон от первого брака. О мистере (или капитане) Хантере старались упоминать пореже, и я сделал вывод, что ему следует быть забытым. О нем ходили слухи, что он очень плохо обращался с миссис Симмингтон. Она развелась с ним через год или два после свадьбы. Миссис Симмингтон была женщиной со средствами, и — вместе со своей маленькой дочкой — поселилась в Лимстоке, «чтобы все забыть», и здесь нашла подходящую партию, единственного на все местечко холостяка Ричарда Симмингтона.

От второго брака родились два мальчика, которым родители посвятили себя полностью. И я представлял себе, что Меган, пожалуй, иной раз ощущает себя лишней в доме. Она вовсе не

похожа была на мать, маленькую анемичную женщину, совсем поблекшую, которая нежным меланхоличным голосом рассуждала о сложностях обращения с прислугой и о собственном здоровье.

Меган была высокой неуклюжей девушкой, и хотя ей было почти двадцать лет, она куда больше походила на шестнадцатилетнюю школьницу. Меган обладала копной растрепанных каштановых волос, орехово-зелеными глазами, тонким сухим лицом и неожиданно чарующей, чуть кривоватой улыбкой. Одежда ее имела вид скучный и непривлекательный, и не было случая, чтобы на фильдекосовых чулках Меган не оказалось дырок.

Я решил, что этим утром она гораздо больше похожа на лошадь, чем на человеческое существо. Но надо признать, что она была бы симпатичной лошадкой, только очень уж неухоженной.

Меган заговорила как обычно — словно задыхаясь от спешки.

— Я была на ферме — вы знаете, у Лашеров, — чтобы спросить, нет ли у них утиных яиц. А у них куча милых малюсеньких поросят! Прелесть! Вы любите поросят? Я — очень. Мне даже их запах нравится.

— Если свиней хорошо содержать, они не должны бы пахнуть, — предположил я.

— Не должны? Да они же под себя ходят! А вы в город? Я увидела, что вы один, вот и решила остановиться и пойти с вами, только я остановилась слишком уж резко.

— Вы порвали чулки, — сказал я.

Меган печально посмотрела на свою правую ногу.

— Да, действительно. Но там уже есть две дырки, так что это не имеет особого значения, правда?

— Вы что же, Меган, никогда не чините чулки?

— Изредка. Когда мамуля заставляет. Но она не слишком-то ко мне цепляется — так что с этим все в порядке, да?

— Вы, похоже, не понимаете, что вы уже взрослая, — сказал я.

— Вы хотите сказать, что мне бы следовало быть похожей на вашу сестру? Расфуфыренной?

Меня слегка обидело подобное определение Джоанны.

— Она всегда выглядит чистой и аккуратной, и на нее приятно взглянуть, — сказал я.

— Она прехорошенькая, — сказала Меган. — И ничуть на вас не похожа, правда? А почему?

— Братья и сестры не всегда похожи.

— Да. Конечно, я не слишком похожа на Брайана и Колина. И Брайан с Колином друг на друга не очень похожи... — Она помолчала и добавила: — Это очень чудно, правда?

— Что именно?

Меган кратко бросила:

— Семьи.

Я произнес глубокомысленно:

— Полагаю, это так.

Хотел бы я знать, что было у нее на уме. Мы шли в молчании минуту или две, потом Меган спросила робко:

— Вы летаете, да?

— Да.

— И из-за этого пострадали?

— Да, я разбился.

Меган сообщила:

— Здесь никто не летает.

— Да, — сказал я, — наверное, это так. Вам нравится летать?

— Мне? — Меган казалась удивленной. — Бог мой, нет. Меня бы тошнило. Меня даже в поезде тошнит.

Она помолчала и затем спросила с той непосредственностью, которая обычно присуща

детям:

— А вы поправитесь и будете снова летать или так и останетесь такой вот развалиной?

— Мой врач уверяет, что я буду в полном порядке.

— А он не из тех, кто любит приврать?

— Не думаю, — сказал я. — Я в нем вполне уверен.

— Тогда все в порядке. Но большинство людей врет.

Я принял это категорическое утверждение молча.

Меган произнесла независимо и беспристрастно:

— Рада за вас. А то я боялась, что вы выглядите таким мрачным из-за того, что потерпели крах в жизни; но если вы вообще такой, это другое дело.

— Я не мрачный, — сказал я холодно.

— Ну, раздражительный.

— Я раздражителен потому, что мне хочется поскорее вернуться к норме; но такие дела не делаются быстро.

— Тогда к чему суетиться?

Я рассмеялся:

— Дорогая девочка, разве вам никогда не хоте-

лось, чтобы что-то случилось поскорее?

Меган обдумала вопрос. И доложила:

— Нет. Чего бы мне могло хотеться? Здесь не из-за чего спешить. Ничего никогда не случается.

Я был поражен отчаянием, прозвучавшим в ее словах. И мягко спросил:

— А чем вообще вы здесь занимаетесь?

Она пожала плечами:

— Да чем здесь можно заняться?

— У вас нет никаких увлечений? Вы ни во что не играете? У вас нет друзей?

— Я ничего не понимаю в играх. А девушек вокруг много, но они все мне не нравятся. Они считают меня ужасной.

— Чушь. Почему?

Меган тряхнула головой в ответ.

Мы уже добрались до Верхней улицы. Меган язвительно сказала:

— Мисс Гриффитс идет. Ненавистная тетка. Вечно пристает, чтобы я вступила в команду этих вонючих скаутов. Ненавижу скаутов. Зачем наряжаться, и ходить везде кучей, и носить значки, если все равно ничего не умеешь делать как следует? Я думаю, это все вздор.

В целом я, пожалуй, был согласен с Меган. Но мисс Гриффитс обрушилась на нас прежде, чем я

успел высказать свое согласие.

Сестра доктора обладала странным и не подходящим ей именем Айми и всей той самоуверенностью, которой так не хватало ее брату. Это была весьма самостоятельная, энергичная женщина с низким голосом.

— Привет обоим, — сказала она нам. — Великолепное утро, не так ли? Меган, я как раз хотела вас видеть. Мне нужна небольшая помощь. Надписать конверты для Ассоциации консерваторов.

Меган что-то уклончиво пробормотала, приткнула свой велосипед у обочины и целеустремленно направилась к универмагу.

— Необычное дитя, — сообщила мисс Гриффитс, провожая ее взглядом. — Костлявая лентяйка. Только и делает, что бродит, как во сне. Должно быть, это нелегкое испытание для бедной миссис Симмингтон. Я знаю, что она не раз пыталась заставить девчонку заняться хоть чем-то — стенографией, знаете ли, или кулинарией, предлагала ей завести ангорских кроликов... Ей *необходимо* какое-то занятие в жизни.

Я подумал, что это вполне может быть и правдой, но на месте Меган я бы тоже, пожалуй, твердо сопротивлялся любым предложениям Айми Гриффитс по той простой причине, что

агрессивность этой личности всегда вынуждала меня быстренько ретироваться.

— Я никогда не бездельничаю, — продолжала мисс Гриффитс. — И уж конечно, нельзя допускать, чтобы бездельничала молодежь. И если бы Меган была хоть хорошенькой, привлекательной или что-то в этом роде! Иногда я думаю, что девочка слабоумна. Ее отец, знаете ли, — она слегка понизила голос, — был определенно дурным человеком. Боюсь, что дитя пошло в него. Это мучительно для ее матушки. Ну, впрочем, мало ли как можно устроиться в жизни, я так считаю.

— К счастью, — отозвался я.

Айми Гриффитс издала «прелестный» смешок.

— Да, невозможно всем жить по одному образцу. Но я не могу видеть, когда кто-то не берет от жизни всего, что возможно. Мне говорят, что, должно быть, до смерти скучно круглый год жить в деревне. Ничуть, отвечаю я! Я всегда занята, всегда счастлива! И в таком крохотном городишке всегда что-то происходит. Мое время заполнено — у меня есть скауты, Женский институт, всякие комитеты, не говоря уж о том, что нужно присматривать за Оуэном.

В эту минуту мисс Гриффитс увидела знакомого на другой стороне улицы и, издав одобритель-

ный лай, поскакала через дорогу, позволив мне свободно продолжить путь в банк.

Я всегда считал мисс Гриффитс сокрушительной личностью.

IV

Мои дела в банке завершились успешно, и я отправился в контору «Гэлбрайт, Гэлбрайт и Симмингтон». Я не знаю, существовали ли когда-либо какие-то Гэлбрайты. Я их не видел. Меня проводили к ныне здравствующему владельцу Ричарду Симмингтону. В его кабинете ощущался запах пыли и ни с чем не сравнимый аромат давным-давно основанной юридической фирмы.

Огромное количество ящиков с документами, украшенных наклейками: «Леди Хоуп», «Сэр Эверард Карр», «Вильям Ятсби-Хоурз, эсквайр», «Скончавшиеся» и т. д., создавало впечатление благопристойности клиентуры и признанного, устоявшегося дела.

Пока мистер Симмингтон рассматривал бумаги, которые я принес, я рассматривал его, и мне пришло в голову, что если миссис Симмингтон и бедствовала в первом браке, то второе замужество было игрой наверняка. Ричард Симмингтон был высшим проявлением спокойной респек-

табельности, тем типом человека, который не доставит своей жене никаких тревог. Длинная шея с кадыком, невыразительное, бледное, как у покойника, лицо и длинный тонкий нос... Милейший человек, без сомнения, но не из тех, кто заставляет сердца бешено колотиться.

Вскоре мистер Симмингтон заговорил. Он говорил четко и медленно, выказывая доброжелательность ко мне и хитроумную проницательность в делах. Мы ударили по рукам, и я поднялся, чтобы идти, заметив попутно:

— С холма я шел вместе с вашей приемной дочерью.

Какое-то мгновение мистер Симмингтон выглядел так, словно понятия не имел, кто такая его приемная дочь, потом улыбнулся.

— О да, конечно... Меган. Она... э-э... недавно вернулась из школы. Мы подумываем о том, чтобы пристроить ее к какому-нибудь делу... да, к делу. Но, конечно, она еще слишком молода. И немножко неразвита для своего возраста, говорят. Да, мне так говорили.

Я вышел. В соседней комнате находились очень старый человек, сидящий на табурете и медленно и тщательно пишущий что-то, маленький нахального вида мальчишка и женщина средних

лет с завитыми волосами и в пенсне, которая с бешеной скоростью печатала на машинке.

Если это и была мисс Гинч, то я бы согласился с Оуэном Гриффитсом, что нежные отношения между ней и ее работодателем абсолютно невозможны.

Я зашел в пекарню и выложил монетку за булку с изюмом. Но, увидев эту булку, я выразил протест и недоверие, совершенно справедливые в данном случае, и тут же получил взамен другую, «совершенно свежую, только что из печки!». И, судя по тому, как она обожгла мою грудную клетку, когда я прижал ее к себе, это было правдой.

Я вышел из лавки и посмотрел направо и налево, надеясь увидеть Джоанну и автомобиль. Прогулка сильно утомила меня, и было неудобно идти на костылях, держа булку.

Но Джоанна еще не появилась.

Внезапно мои глаза обнаружили нечто радостное и невероятное. По тротуару ко мне приближалась, словно плыла, богиня. Тут действительно не подобрать было другого слова. Прекрасные черты лица, вьющиеся золотые волосы, стройная, изысканных очертаний фигура... И походка у нее была легкая, как у богини, и казалось — девушка подплывает все ближе и ближе. Великолепная,

невероятная, сногсшибательная девушка!

Весьма взволновавшись, я попытался шагнуть. Но что действительно при этом сдвинулось с места, так это булка. Она выскользнула из моих пальцев. Я попытался пикировать за ней — и уронил костыль, с грохотом полетевший на тротуар, а я поскользнулся и чуть не упал.

Сильная рука богини поймала и поддержала меня. Заикаясь, я заговорил:

— Уж-жасно вам благодарен, я ж-жутко виноват...

Она подобрала булку и вручила ее мне вместе с костылем. Затем она очаровательно улыбнулась и сказала бодро:

— Не стоит благодарности. Ничего особенного, уверяю вас.

И магия полностью растаяла от звуков категоричного, уверенного голоса. Добрая, хорошо сложенная, приятно выглядящая девушка, только и всего.

Я ударился в размышления о том, что случилось бы, если бы боги наделили Елену Троянскую точно такой же категоричной манерой говорить. Как это странно, что девушка могла растревожить вашу душу до самой глубины, пока помалкивала, но в тот самый момент, когда она заговорила,

чары исчезли, будто их и не было вовсе.

Я знавал, однако, и счастливые несоответствия: одну маленькую печальную женщину с обезьяньим личиком, на которую никто не захотел бы оглянуться, чтобы увидеть ее еще раз. Но вот она открывала рот — и внезапно возникало и расцветало обаяние, словно Клеопатра поделилась с ней своим искусством очаровывать мужчин.

Джоанна остановилась у обочины рядом со мной, но я не заметил ее. Она спросила, не случилось ли чего-нибудь.

— Ничего, — сказал я, беря себя в руки. — Я размышлял о Елене Прекрасной и прочих.

— Миленькое местечко ты для этого выбрал, — сказала Джоанна. — Ты выглядишь *очень* странно, стоя здесь с широко открытым ртом и вцепившись в булку с изюмом.

— Я потрясен, — объяснил я. — Я перенесся в «Илиаду» и вернулся обратно.

И добавил, указывая на удаляющуюся, словно плывущую спину:

— Ты не знаешь, кто это?

Всмотревшись в девушку, Джоанна сказала, что это Элси Холланд, гувернантка Симмингтонов.

— Так вот что заставило тебя окаменеть! — сообразила Джоанна. — Она неплохо выглядит, но

немножко похожа на рыбу.

— Понятно, — сказал я. — Очень милая и добрая девушка. Я было принял ее за Афродиту.

Джоанна открыла дверцу автомобиля, и я уселся.

— Она прелестна, не так ли? — сказала Джоанна. — Есть люди с блестящей внешностью, но с полным отсутствием сексапильности. Она как раз такая. Какая жалость!

Я сказал, что если она гувернантка, то это как раз может быть к лучшему.

V

В тот день нас пригласил к чаю мистер Пай.

Мистер Пай был крайне женственным, пухлым маленьким человечком, полностью посвятившим себя своим крохотным стульям, дрезденским пастушкам и коллекции стильной мебели разных эпох. Он жил на вилле «Прайорз Лодж». На прилегающих к ней землях сохранились руины старого монастыря, разрушенного во времена Реформации.

Вилла с трудом могла сойти за человеческое жилье. Шторы и диванные подушки здесь были из очень дорогого шелка пастельных тонов.

Маленькие пухлые ручки мистера Пая дрожали

от возбуждения, когда он описывал и демонстрировал свои сокровища, а голос мистера Пая срывался на тонкий писк, когда он повествовал о волнующих обстоятельствах, при которых приобрел итальянскую кровать в Вероне.

Мы с Джоанной, оба любящие антиквариат, внимали с одобрением.

— Это действительно удовольствие, огромное удовольствие — такое пополнение нашей маленькой общины. Здесь живут милые, добрые люди, вы знаете, но они мучительно буколичны — чтобы не сказать *провинциальны*. Вандалы, абсолютные вандалы! А обстановка их домов — она заставит вас плакать, дорогая леди, уверяю, она заставит вас плакать! Разве не так?

Джоанна согласилась, что ничего подобного тому, что она видит здесь, ей встречать не приходилось.

— Дом, который вы снимаете, — продолжал мистер Пай, — дом мисс Эмили Бартон. Он просто очарователен, и у нее там есть кое-какие прелестные вещицы. Весьма прелестные. Одна или две из них просто первоклассные. И у нее есть вкус; хотя я не вполне уверен, что сделал бы так же. Боюсь, что иной раз — мне так кажется — это просто сентиментальность. Ей нравится держать

вещи там, где они были всегда, но не там, где им лучше всего быть, не там, где они выглядели бы лучше всего, и лишь по той причине, что ее матушка ставила их именно на это место.

Он перенес свое внимание на меня, и его голос изменился. Это уже был голос не восхищенного художника, а прирожденного сплетника.

— Вы ничего не знаете об этой семье? О, конечно, нет, — только то, что услышали от агента по найму. Но, мой дорогой, вы *должны* иметь представление об этой семье! Когда я приехал сюда, старая мамаша была еще жива. Невероятная особа, совершенно невероятная! *Монстр*, если вы понимаете, что я имею в виду. Совершенный монстр. Монстр в викторианских платьях, пожирающий своих дочерей. Да, иначе и не скажешь. Она была монументальна, знаете ли, в ней, должно быть, было стоунов[1] семнадцать, и все пять дочерей крутились возле нее. «Девочки!» — она всегда звала их только так. «Эти глупые девчонки!» — иной раз называла она их. Черные рабы — вот кем они были; на них она ездила, и они же с ней всегда соглашались. В десять вечера

[1] notes: 1

С т о́ у н — британская единица измерения массы, равная 14 фунтам или 6,35029318 килограммам. В Великобритании и Ирландии используется как единица массы тела человека.

они отправлялись в постель и не смели зажигать света в спальнях, а уж чтобы они пригласили в дом кого-то из своих друзей — это неслыханно. Она презирала их, знаете ли, за то, что они не выходят замуж, но ведь они не могли устроить свою жизнь, потому что у них не было возможности встречаться с кем-либо. Мне кажется, Эмили, а возможно, это была Агнес, завела какие-то отношения с помощником приходского священника. Но его семья оказалась недостаточно хороша, и мамаша пресекла *все это*.

— Звучит как роман, — сказала Джоанна.

— О, моя дорогая, все так и было. А потом ужасная старая женщина умерла, но, конечно, было уже слишком поздно. Они продолжали жить там и тихими голосами говорили о том, чего бы могло захотеться бедной матушке. Даже переклейку обоев в ее спальне они восприняли бы как святотатство. Однако они делали много хорошего в церковном приходе, тихо и незаметно... Но ни одна из них не обладала большим запасом жизненных сил, и они поумирали одна за другой. Эдит скончалась от инфлюэнцы, Минни сделали операцию — и она не оправилась после нее, а бедную Мэйбл хватил удар — Эмили ухаживала за ней со всей преданностью. Последние десять лет

она только тем и занимается, что ухаживает за больными. Прелестное создание, вам не кажется? Похожа на дрезденскую статуэтку. Как печально, что у нее сейчас финансовые затруднения... Впрочем, нынче все обесценилось.

— Это ужасно, что мы живем в ее доме, — сказала Джоанна.

— Нет-нет, дорогая юная леди. Вы не должны чувствовать ничего в этом роде. Ее добрая Флоренс весьма предана ей, и Эмили сама мне говорила, что счастлива обрести таких арендаторов. — Тут мистер Пай слегка поклонился. — Она считает, что ей с вами решительно повезло!

— В этом доме, — сказал я, — утешающая атмосфера.

Мистер Пай бросил на меня быстрый взгляд.

— В самом деле? Вы это почувствовали? Да, это очень интересно. Я удивлен, знаете ли. Да, я удивлен.

— Что вы имеете в виду, мистер Пай? — спросила Джоанна.

Мистер Пай развел пухлыми ручками.

— Ничего, ничего. Удивлен, и только. Я верю в атмосферу, знаете ли. Люди думают и чувствуют. На них оказывают воздействие стены и мебель.

На пару мгновений я онемел. Я осматривался

вокруг и соображал, как бы я описал атмосферу «Прайорз Лодж». Мне как раз казалось очень странным, что здесь нет никакой атмосферы! Это было и в самом деле примечательно.

Я задумался над этим настолько, что совершенно не слышал разговора, продолжавшегося между Джоанной и хозяином. Я очнулся, однако, услышав, что Джоанна начинает прощаться. Я оставил свои фантазии и присоединился к компании.

Мы отправились в холл. Когда мы подошли к парадной двери, в почтовую щель вползло письмо и упало на циновку.

— Дневная почта, — прошептал мистер Пай, поднимая его. — Ну, дорогие молодые люди, вы ведь придете еще, не так ли? Как приятно встретить столь свободные умы, если вы меня понимаете, в этом мирном болоте, где никогда ничего не случается!

Пожав нам обоим руки, он с преувеличенной заботливостью помог мне сесть в машину. Джоанна взялась за руль, проехала достаточно осторожно по круговой дорожке вокруг безупречной зеленой лужайки и, выехав на прямую, подняла руку, чтобы помахать гостеприимному хозяину, стоявшему на ступенях у входа. Я наклонился вперед,

чтобы сделать то же самое.

Но наш прощальный жест остался незамеченным. Мистер Пай вскрыл почту. Он стоял, изумленно глядя на развернутое письмо.

Джоанна как-то назвала его пухлым розовым херувимчиком. Он, конечно, оставался пухлым, но сейчас совсем не был похож на херувима. Его лицо налилось темным пурпуром, исказилось от гнева и изумления. И от страха.

В этот момент я взглянул на конверт. Он мне что-то напомнил. Я ничего не понял тогда — потому что это была одна из тех вещей, которые мы подмечаем неосознанно, даже не догадываясь об этом.

— Боже мой, — сказала Джоанна, — кто стукнул бедного малыша?

— Думаю, — сказал я, — что это снова Таинственная Рука.

Сестра повернула ко мне изумленное лицо, и автомобиль вильнул.

— Внимательнее, девушка, — предостерег я.

Джоанна сосредоточилась на дороге. Она недовольно хмурилась.

— Ты имеешь в виду письмо вроде того, что мы получили?

— Это лишь догадка.

— Что же это за местечко? — спросила Джоанна. — Ведь оно выглядит самым невинным, сонным, безвредным кусочком Англии, какой только можно представить...

— И где, цитируя мистера Пая, никогда ничего не случается, — перебил я. — Он выбрал дурную минуту, чтобы сказать это. Что-то случилось.

— Джерри! — сказала Джоанна. — Я... я думаю, что мне это не нравится. — Впервые в ее голосе прозвучала нотка страха.

Я ничего не ответил, потому что мне это тоже не нравилось. Такой мирный, улыбчивый, счастливый сельский уголок, над которым нависло нечто злое. И именно с этого момента у меня в душе поселилось предчувствие беды...

VI

Прошло несколько дней. Мы явились на бридж к Симмингтонам, и миссис Симмингтон надоела мне до крайности, постоянно упоминая Меган.

— Бедная деточка так неуклюжа. Она в таком возрасте, когда уже заканчивают школу, но еще продолжают расти.

Джоанна заметила сладко:

— Но ведь Меган уже двадцать, не так ли?

— О, да, да. Но она, конечно, моложава для сво-

их лет. Совсем еще как ребенок. А неплохо было бы, я думаю, если бы девочки не росли так быстро. — Она засмеялась. — Я уверена, любая мать хотела бы, чтобы ее ребенок оставался вечным младенцем.

— С чего бы им этого хотеть? — сказала Джоанна. — К тому же, должно быть, это очень затруднительно — иметь ребенка, который умственно остается шестилеткой, когда его тело становится взрослым.

Миссис Симмингтон глянула с досадой и сказала, что мисс Бёртон не должна воспринимать все слишком буквально.

Я был доволен Джоанной, и мне пришло в голову, что я был невнимателен к миссис Симмингтон. Эта анемичная прелесть среднего возраста скрывает, подумал я, эгоистичную, хваткую натуру.

Джоанна коварно спросила, не намерена ли миссис Симмингтон учить Меган танцам.

— Танцам? — Миссис Симмингтон, казалось, удивилась и позабавилась. — О нет, здесь такое не принято.

— Вижу. А заодно теннис и прочее в этом роде.

— Наш теннисный корт годами пустует. Ни Ричард, ни я не играем. Я полагаю, позже, когда

мальчики подрастут... О, Меган найдет массу занятий. Она, знаете ли, вполне счастлива, впустую проводя время. Позвольте взглянуть, я сдаю?

Когда мы поехали домой, Джоанна, злобно нажав на акселератор, так, что машина прыгнула вперед, сказала:

— Я чувствую себя ужасно виноватой перед этой девочкой.

— Меган?

— Да. Ее мать не любит ее.

— Ну, Джоанна, бывают вещи и похуже.

— Да, конечно. Множество мамаш не любят собственных детей. А Меган — могу представить! Держать дома такое существо весьма неудобно. Она вносит разлад в их образ жизни — образ жизни Симмингтонов. Без нее они — завершенное семейство, и они должны ощущать себя крайне несчастными из-за того, что среди них такое чувствительное создание, — а она *действительно* чувствительна!

— Да, — согласился я, — думаю, она такая.

Джоанна внезапно весело рассмеялась:

— Невезуха тебе с этой гувернанткой!

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал я с достоинством.

— Ерунда. Каждый раз, когда ты смотрел на

нее, на твоем лице вырисовывалась мужская досада. Я согласна с тобой, это бесполезная трата времени. И я не вижу, кто еще здесь мог бы тебе подойти. Но ты произвел огромное впечатление на Айми Гриффитс.

— Избави бог! — воскликнул я с содроганием. — И кстати, — добавил я, — почему так много интереса к моей интимной жизни? А как насчет тебя, девочка? Ты нуждаешься в небольшом развлечении, насколько я тебя знаю. Но здесь нет непризнанных гениев, болтающихся вокруг. Тебе нужно покорить Оуэна Гриффитса. Он единственный неженатый мужчина в местечке.

Джоанна вскинула голову:

— Доктору Гриффитсу я не нравлюсь.

— Он мало тебя видел.

— Он видел достаточно для того, чтобы переходить на другую сторону, встречая меня на Верхней улице!

— Весьма необычная реакция, — сказал я с сочувствием. — Ты к такому не привыкла.

Джоанна в молчании проехала в ворота «Литтл Фюрц» и к гаражу. Потом сказала:

— Возможно, в твоей идее что-то есть. Я не понимаю, почему бы кому-то переходить на другую сторону улицы, чтобы избежать встречи со мной.

Это уж слишком бросается в глаза.

— Я вижу, — сказал я, — ты намерена устроить хладнокровную охоту на него.

— Ну, мне не нравится, когда меня сторонятся.

Я медленно и осторожно выбрался из автомобиля и установил костыли. Потом дал сестре маленький совет:

— Позволь сказать тебе, девочка. Оуэн Гриффитс — не из тех твоих ручных, скулящих, артистичных молодых людей. Если ты не будешь осторожна, ты можешь разворошить осиное гнездо. Этот человек может быть опасным.

— Ты действительно так думаешь? — спросила Джоанна, проявляя все признаки удовольствия от такой перспективы.

— Оставь беднягу в покое, — сказал я настойчиво.

— Как он смеет переходить через улицу, когда видит меня?

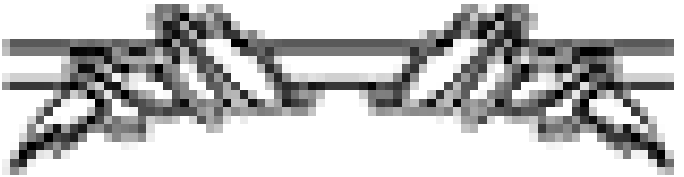
— Все вы, женщины, одинаковы. Вечно повторяете одно и то же. Сестрица Айми тоже устроит охоту с ружьем — на тебя, если я не ошибаюсь.

— Она уже меня ненавидит, — сказала Джоанна. Она говорила задумчиво, но с оттенком злорадства.

— Мы приехали сюда, — сказал я строго, — в

мирный и тихий уголок, и я надеюсь, что мы не нарушим его покой.

Но если чего и не было впереди, так это мира и тишины.



ГЛАВА 2

I

Примерно через неделю я, вернувшись домой, обнаружил Меган, которая сидела на ступенях веранды, уткнув подбородок в колени.

Она встретила меня со своей обычной бесцеремонностью.

— Привет! — сказала она. — Вы, наверное, думаете, что я явилась к обеду?

— Конечно, — сказал я.

— Если там отбивные или что-нибудь подобное и на всех их не хватит, вы мне скажите сразу, — предупредила Меган, пока я огибал дом, чтобы известить Патридж, что за столом нас будет трое.

Мне показалось, что Патридж фыркнула. Она, по обыкновению, без слов умудрилась выразить, что не слишком-то высокого мнения об этой мисс Меган.

Я вернулся на веранду.

— Все в порядке? — озабоченно спросила Меган.

— Вполне в порядке, — ответил я. — Ирландское рагу.

— О, это вроде кормежки для собак, да? Я хочу сказать, что это в основном картошка и приятный запах.

— В этом роде, — согласился я.

Мы молчали, пока я курил свою трубку. Это была в высшей степени приятельская тишина.

Меган разрушила ее внезапно и эгоистично:

— Я полагаю, вы думаете, я такая же ужасная, как все.

Я был настолько поражен, что у меня трубка вывалилась изо рта. Это была пенковая трубка, весьма приятного цвета, — и она разбилась.

Я сердито сказал Меган:

— Смотрите, что вы натворили!

Это странное дитя, вместо того чтобы расстроиться, откровенно усмехнулось:

— Я поступаю, как вы.

Ответ ее прозвучал яростно. Можно вообразить, что так ответила бы собака, умеющая говорить, — хотя это может оказаться заблуждением относительно собак. Мне пришло в голову, что Меган, несмотря на свое сходство с лошадью, имеет собачий характер. И уж конечно, она была не вполне человеком.

— Что вы сказали перед тем, как она разбилась? — спросил я, тщательно собирая осколки заветной трубки.

— Я сказала, что полагаю — вы считаете меня ужасной, — повторила Меган, но уже совсем другим тоном.

— Почему бы я должен так считать?

Меган серьезно объяснила:

— Потому что я ужасная.

Я резко сказал:

— Не будьте дурочкой.

Меган тряхнула головой:

— Все точно. Я не дурочка. Хотя многие так обо мне думают. Они не знают, что я прекрас-

но понимаю, чего они хотят, и что я постоянно ненавижу их.

– *Ненавидите* их?

— Да, — отрезала Меган.

Ее глаза — недетские грустные глаза — смотрели на меня пристально, не мигая. Это был долгий, внимательный взгляд.

— Вы бы тоже ненавидели людей, если бы были похожи на меня, — сказала она. — Если бы вы были нежеланны.

— Вам не кажется, что вы слегка нездоровы? — спросил я.

— Да, — сказала Меган. — Это самое говорят все, когда слышат правду. А это правда. Меня не хотят видеть в доме, и я понимаю почему. Мамуля ничуть не любит меня. Я думаю, я напоминаю ей отца, а он был жесток с ней, ужасно жесток, судя по тому, что я слышала. Только матери не могут сказать, что им не нужны их дети, и сбежать от них. Или съесть их. Кошки ведь съедают тех котят, которых не любят. Мне кажется, это благоразумно. Ни пустой траты времени, ни неприятностей. А вот человеческие матери не оставляют своих детей, даже присматривают за ними. Пока я жила в школе, все было не так уж плохо, но вы же видите, что мамуле хотелось

бы остаться с моим приемным отцом и мальчиками.

Я медленно произнес:

— Мне все же кажется, что вы нездоровы, Меган, но если допустить, что кое-что из того, что вы говорите, — правда, то почему вы не уедете и не начнете жить самостоятельно?

Она улыбнулась мне странно, не по-детски.

— Вы хотите сказать, заняться делом? Зарабатывать на жизнь?

— Да.

— Чем?

— Я полагаю, вы могли бы чему-нибудь научиться. Стенографии, машинописи, книжной торговле...

— Не уверена, что могу. Я мало понимаю в делах. Зато...

— Ну?

Она перед этим отвернулась от меня, а сейчас медленно повернула голову. Ее лицо покраснело, на глазах были слезы. И когда она заговорила, детство вновь звучало в ее голосе:

— Почему я не уезжаю? Или хотя бы не попытаюсь это сделать? Они меня не хотят, но я останусь. Я *останусь*, и пусть они об этом пожалеют. Пусть они все об этом пожалеют! Ненавистные свиньи!

Я ненавижу всех в Лимстоке! Они все думают, что я глупая и безобразная. Я им покажу! Я им покажу! Я...

Это был детский, необычайно трогательный гнев.

Я услышал шаги по гравию за углом дома.

— Быстро! — свирепо рявкнул я. — Бегите в дом через гостиную! Пойдите в ванную. Умойтесь. Быстро!

Она неловко вскочила на ноги и мгновенно забралась в дом через окно, пока Джоанна огибала угол.

Я сказал ей, что к обеду пришла Меган.

— Хорошо, — кивнула Джоанна. — Мне нравится Меган, хотя я все-таки думаю, что она немножко слабоумная. Ребенок, подброшенный на порог феями. Но она интересная.

II

Похоже, я до сих пор не уделил внимания преподобному Дейн-Кэлтропу и миссис Дейн-Кэлтроп.

А ведь оба они, викарий и его жена, были оригинальными персонами. Дейн-Кэлтроп, наверное, был самым далеким от жизни человеком, какого я когда-либо знал. Его существование заключа-

лось в его книгах и ученых штудиях[2]. Его жена, напротив, отличалась тем, что всегда все знала. Хотя она редко давала советы и никогда ни во что не вмешивалась, она все же взывала к совести жителей деревни, словно олицетворяя самого Господа.

Миссис Дейн-Кэлтроп остановила меня на Верхней улице на другой день после того, как Меган приходила к обеду. Я, как обычно, изумился — потому что миссис Дейн-Кэлтроп двигалась так, словно она не гуляла, а гналась за кем-то, и оттого приобретала потрясающее сходство с борзой; а поскольку ее взгляд был постоянно сосредоточен на горизонте, вы были уверены, что ее цель находится в полутора милях отсюда.

— О! — сказала она. — Мистер Бёртон!

Она произнесла это немного торжествующе, тоном человека, разрешившего особо хитрую загадку. Я подтвердил, что я действительно мистер Бёртон, и миссис Дейн-Кэлтроп, оставив в покое горизонт, попыталась сосредоточить свое внимание на мне.

— Для чего, — спросила она, — я хотела вас увидеть?

---

[2] notes: 2
Ш т у д и я — научное исследование, научная работа *(устар.).*

Я ничем не мог ей помочь. Она стояла, хмуря брови, пребывая в глубоком замешательстве.

— Что-то очень гадкое, — сказала она.

— Прошу меня извинить за это, — пораженный, сказал я.

— А! — вскрикнула миссис Дейн-Кэлтроп. — *Анонимные письма!* Что за историю с анонимными письмами вы привезли к нам?

— Я не привозил ее, — возразил я. — Это здесь уже было.

— Никто ничего подобного не получал, пока вы не приехали, — сказала миссис Дейн-Кэлтроп обвиняюще.

— Письма приходили и до нас, миссис Дейн-Кэлтроп. Этот ужас начался давно.

— О боже! — сказала миссис Дейн-Кэлтроп. — Мне это не нравится.

Она помолчала, и ее взгляд вновь убежал вдаль. Потом она сообщила:

— Я не могу избавиться от чувства, что это нечто *дурное*. Мы не такие здесь. Зависть, конечно, и злоба, и мелкие стычки с давних пор, — но я не думала, что есть некто, способный на такое. Да, никогда не думала. И это огорчает меня, видите ли, потому что *я* должна была бы знать.

Ее прекрасные глаза вернулись с горизонта

и нашли меня. Во взгляде было беспокойство и искреннее замешательство.

— Почему вы должны были бы знать? — спросил я.

— Я всегда все знаю. Я просто чувствую, что это моя обязанность. Калеб проповедует правильные идеи и отправляет требы[3]. Это обязанность викария, но я думаю, что обязанность его жены — знать, что думают и чувствуют люди, даже если жена ничего не может сделать. А я не имею ни малейшего представления, чей ум оказался...

Она внезапно прервала свою речь, уклончиво добавив:

— К тому же это очень глупые письма.

— А вы... э-э... вы тоже что-то получили?

Я задал вопрос с известной долей робости, но миссис Дейн-Кэлтроп ответила совершенно естественным тоном, лишь ее глаза стали чуть шире:

— О да, два... нет, три. Я забыла, что именно в них говорилось. Что-то очень глупое о Калебе и школьной учительнице, так, кажется. Совершенная ерунда, потому что Калеб не имеет склонности к флирту. Он никогда этим не зани-

---

[3] notes: 3

Т р е б ы — краткие богослужения, совершаемые по просьбе (требованию) верующих и не входящие в какой либо богослужебный круг.

мался. Он вполне доволен церковной работой.

— Конечно, — сказал я. — О, конечно.

— Калеб стал бы святым, — сказала миссис Дейн-Кэлтроп, — если бы не был слишком уж умным.

Я оказался не в состоянии подобрать ответ на подобную критику, но это было и ни к чему, так как миссис Дейн-Кэлтроп продолжала говорить, непостижимым образом вновь перескочив от своего мужа к письмам:

— Существует ведь множество вещей, о которых могло бы говориться в этих письмах, но этого нет. И это весьма странно.

— Я бы вряд ли сказал, что они страдают избытком сдержанности, — бросил я резко.

— Да, но не похоже, чтобы автор *знал* что-нибудь. Что-нибудь реальное.

— Вы полагаете?

Прекрасные блуждающие глаза обнаружили меня.

— Да, конечно, ведь у всех нас есть множество прегрешений, какие-то постыдные секреты. Почему этот сочинитель не использует их? — Она помолчала, а потом внезапно спросила: — Что говорилось в вашем письме?

— Там утверждалось, что моя сестра мне не

сестра.

— А она вам сестра?

Миссис Дейн-Кэлтроп задала вопрос с непринужденным, дружеским интересом.

— Конечно, Джоанна мне сестра.

Миссис Дейн-Кэлтроп кивнула.

— Это как раз и подтверждает то, что я имела в виду. Осмелюсь сказать, существует другое...

Ее чистые, нелюбопытные глаза смотрели на меня задумчиво, и я внезапно понял, почему весь Лимсток побаивается миссис Дейн-Кэлтроп.

В жизни каждого есть нечто тайное, и каждый надеется, что об этом никто никогда не узнает. Но я почувствовал, что миссис Дейн-Кэлтроп действительно знает все.

И в этот раз я испытал истинное наслаждение, когда сердечный голос Айми Гриффитс прогудел:

— Привет, Мод! Рада, что наконец-то вас встретила. Я хочу предложить изменить день распродажи рукоделий. Доброе утро, мистер Бёртон.

Она продолжала:

— Я должна сейчас заскочить к бакалейщику, оставить заказ, потом я пойду в институт, вам это подходит?

— Да-да, это будет просто замечательно, — ответила миссис Дейн-Кэлтроп.

Айми Гриффитс вошла в лавку.

Миссис Дейн-Кэлтроп сказала:

— Бедняжка!

Я был в недоумении. Неужели она жалеет Айми?

Она тем временем продолжила:

— Знаете, мистер Бёртон, я действительно боюсь...

— Вы об этих письмах?

— Да, видите ли, в них есть намерение... в них должно быть намерение... — Она замолчала, сбившись с мысли, прищурилась. Потом заговорила медленно, словно решая загадку: — Слепая ненависть... да, слепая ненависть. Но даже слепой человек может попасть кинжалом в сердце, если ему выпадет шанс... И что случится тогда, мистер Бёртон?

Мы узнали это еще до того, как закончился следующий день.

III

Патридж, которая просто-таки наслаждалась разного рода трагедиями, в очень ранний утренний час вошла в комнату Джоанны и со всеми подробностями сообщила, что миссис Симмингтон накануне днем покончила жизнь

самоубийством...

Джоанна, стряхнув остатки сна, села в постели, мгновенно и окончательно проснувшись.

— О Патридж, какой ужас!

— Действительно ужас, мисс. Безнравственно лишать себя жизни. Хотя тут, конечно, не без того, что ее довели до этого, бедняжку.

Джоанна поняла намек. Ее едва не затошнило.

— Нет... — Ее глаза задавали Патридж вопрос, и Патридж кивнула.

— Именно так, мисс. Одно из этих грязных писем.

— Как это отвратительно! — сказала Джоанна. — До жути отвратительно! И все-таки я не понимаю, почему она должна убивать себя из-за подобного письма.

— Если только написанное в нем не было правдой, мисс.

— А что в нем было?

Но этого Патридж не могла или не хотела сказать. Джоанна вошла ко мне, бледная и потрясенная. Все это казалось тем более страшным, что мистер Симмингтон был не тем человеком, с которым хоть как-то можно связать представление о трагедии.

Джоанна высказала мысль, что мы должны

предложить Меган переехать к нам на день-два. Элси Холланд, сказала Джоанна, может быть, и хороша для детей, но это такая особа, которая почти наверняка доведет Меган до сумасшествия.

Я согласился. Я представил Элси Холланд, произносящую пошлость за пошлостью и предлагающую бесчисленные чашки чая. Доброе создание, но совсем не то, что нужно Меган.

Мы поехали к Симмингтонам после завтрака. Мы оба немножко нервничали. Наш приход мог выглядеть как явное и отвратительное любопытство. К счастью, мы встретили Оуэна Гриффитса, возвращавшегося от Симмингтонов. Он приветствовал меня вполне сердечно, и его обеспокоенное лицо прояснилось.

— О, привет, Бёртон, рад вас видеть. Я боялся, что это произойдет рано или поздно. И вот это случилось. Проклятое дело!

— Доброе утро, доктор Гриффитс, — сказала Джоанна тем голосом, каким она обычно говорила с нашими глухими тетушками.

Гриффитс подскочил от испуга и покраснел.

— О... о, доброе утро, мисс Бёртон.

— Я подумала, — пояснила Джоанна, — что, может быть, вы меня не заметили.

Оуэн Гриффитс покраснел еще гуще. Его охва-

тило отчаянное смущение.

— Я... извините... я сосредоточился... нет, это не так.

Джоанна безжалостно продолжила:

— В конце концов, это *я*, собственной персоной.

— Ну просто несносная кошка, — рассерженно бросил я в ее сторону. И сказал, обращаясь к Гриффитсу: — Мы с сестрой, Гриффитс, хотели бы знать, хорошо ли будет, если Меган переберется к нам на пару дней. Как вы думаете? Мне бы не хотелось бесцеремонно вмешиваться в чужие дела — но все это чересчур мрачно для бедного ребенка. Как Симмингтон к этому отнесется, вы не знаете?

Гриффитс минуту или две обдумывал услышанное.

— Полагаю, это было бы превосходно, — произнес он наконец. — Она странная, нервная девочка, и для нее было бы неплохо отвлечься от всего этого. Мисс Холланд творит чудеса, у нее прекрасная голова на плечах, но у нее больше чем достаточно дел с двумя детьми и с самим Симмингтоном. Он совершенно разбит... сбит с толку.

— Это было... — я колебался, — самоубийство?

Гриффитс кивнул.

— О да. Никаких сомнений. Она написала: «Я не смогу...» — на клочке бумаги. То письмо, должно быть, пришло вчера, с дневной почтой. Конверт валялся на полу возле ее стула, а само письмо было смято в комок и заброшено в камин.

— Что... — Я замолчал, ужаснувшись собственной бестактности. — Извините, — сказал я.

Гриффитс печально улыбнулся.

— Не стесняйтесь спрашивать. То письмо будет прочитано при дознании. Оно не вызывает ничего, кроме сожалений. Оно такое же, как все прочие, и составлено в таких же отвратительных выражениях. В нем в особенности нажимается на то, что второй мальчик, Колин, — не сын Симмингтона.

— Вы думаете, это правда? — воскликнул я недоверчиво.

Гриффитс пожал плечами.

— Я не имею никаких оснований для выводов. Все то время, что я их знал, Симмингтоны были безмятежной, счастливой парой, людьми, преданными друг другу и своим детям. Верно лишь то, что мальчик действительно не похож на родителей — у него яркие рыжие волосы, например, — но ведь дети часто бывают похожи на

дедушку или бабушку.

— Но как раз отсутствие сходства и могло породить это обвинение. Подлый и внезапный удар наугад.

— Но он попал в цель, — сказала Джоанна. — В конце концов, иначе-то она бы не стала убивать себя, правда?

Гриффитс сказал с сомнением в голосе:

— Я не совсем в этом уверен. Миссис Симмингтон очень беспокоило здоровье в последнее время — нервы, истеричность. Я лечил ее, старался привести ее нервы в порядок. Я думаю, это возможно: потрясение от письма, составленного в подобных выражениях, могло привести ее в состояние паники, упадка духа, и она решилась покончить с жизнью. Она могла разжечь в себе уверенность, что муж ни за что не поверит ей, если она начнет отрицать написанное, и стыд и возмущение могли нахлынуть на нее с такой силой, что она впала в умопомешательство.

— Самоубийство как результат больного воображения, — сказала Джоанна.

— Совершенно верно. Я думаю, именно эту точку зрения я изложу на дознании.

Мы с Джоанной вошли в дом.

Входная дверь была открыта, и просто войти

показалось нам проще, чем звонить, тем более что мы слышали внутри голос Элси Холланд.

Она говорила с мистером Симмингтоном, который, лежа в кресле, выглядел совершенно ошеломленным.

— Нет, в самом деле, мистер Симмингтон, вы должны проглотить хоть что-то. Вы ничего не ели утром, уж не говоря о настоящем, плотном завтраке, и вы ничего не ели вчера вечером, и из-за этого потрясения и всего остального вы сами заболеете, а вам понадобятся все ваши силы. Доктор тоже так говорил перед уходом.

Симмингтон ответил монотонным голосом:

— Вы очень добры, мисс Холланд, но...

— Выпейте горячего чая, — сказала Элси Холланд, настойчиво протягивая ему чашку с напитком.

Лично я дал бы бедняге крепкого виски с содовой. Он выглядел так, словно сильно нуждался в выпивке. Как бы то ни было, он согласился на чай и взглянул снизу на Элси Холланд.

— Я не в силах отблагодарить вас за все, что вы сделали и делаете, мисс Холланд. Вы действительно великолепны.

Девушка покраснела; она выглядела польщенной.

— Вы очень добры, говоря так, мистер Симмингтон. Вы должны мне позволить делать все, что я могу, чтобы помочь вам. Не беспокойтесь о детях — я за ними присмотрю, и я успокоила слуг, и если есть еще что-нибудь, что я могла бы сделать — отпечатать письмо или позвонить, — непременно скажите мне.

— Вы очень добры, — сказал Симмингтон.

Элси Холланд, обернувшись, заметила нас и торопливо вышла в холл.

— Разве это не ужасно? — сказала она чуть слышным шепотом.

Я, глядя на нее, подумал, что она и в самом деле очень милая девушка. Добрая, образованная, практичная в критической ситуации. Веки ее великолепных голубых глаз покраснели, подтверждая, что она настолько отзывчива, что проливает слезы из-за смерти хозяйки.

— Можем мы с вами поговорить минутку? — спросила Джоанна. — Мы не хотели бы беспокоить мистера Симмингтона.

Элси Холланд понимающе кивнула и повела нас в столовую, по другую сторону холла.

— Для него это ужасно, — сказала она. — Такое потрясение! Кто бы мог подумать о чем-либо подобном? Но, конечно, я теперь понимаю, что в

последнее время миссис Симмингтон выглядела подозрительно. Ужасно нервная и слезливая. Я думала, это из-за нездоровья, хотя доктор Гриффитс часто говорил, что у нее нет ничего серьезного. Но она была взвинченной и раздражительной, и в иные дни невозможно было понять, как с ней обращаться.

— Мы, собственно, зашли затем, — мягко перебила Элси Джоанна, — чтобы узнать, не можем ли мы пригласить к себе Меган на несколько дней — если, конечно, она этого захочет.

Элси Холланд выглядела сильно удивленной.

— Меган... — произнесла она с сомнением. — Не знаю, право. Я хочу сказать, это очень мило с вашей стороны, но она очень странная девочка. Никогда нельзя угадать, что она скажет или о чем она думает.

Джоанна сказала весьма нейтральным тоном:

— Мы подумали — а вдруг это как-то поможет?

— О, конечно, если она согласится. Я имею в виду, что мне надо смотреть за мальчиками (они сейчас с кухаркой) и за бедным мистером Симмингтоном — он нуждается в присмотре, как никто, — и столько всего нужно сделать и за стольким присмотреть! У меня действительно нет времени, чтобы уделить его Меган. Я думаю,

она наверху, в старой детской. Она, похоже, никого не хочет видеть. Я не знаю, как...

Я быстро выскользнул из столовой и пошел по лестнице.

Старая детская была на верхнем этаже. Я открыл дверь и вошел. В комнатах нижнего этажа, выходящих окнами в сад за домом, шторы никогда не задергивали. Но в этой комнате, выходящей окнами на дорогу, шторы были благопристойным образом закрыты.

В тусклом сером полумраке я увидел Меган. Она скорчилась на диване, стоявшем у дальней стены, и я сразу вспомнил прячущихся испуганных зверюшек. Меган окаменела от страха.

— Меган! — окликнул ее я.

Я шагнул вперед, и совершенно бессознательно мой голос приобрел тот тон, которым говорят, желая успокоить напуганное животное. И я всерьез удивился тому, что у меня в руках нет морковки или кусочка сахара. Мои чувства требовали чего-то в этом роде.

Она пристально взглянула на меня, но не шевельнулась, и выражение ее лица не изменилось.

— Меган! — повторил я. — Джоанна и я интересуемся, не хотите ли вы побыть у нас немного.

Ее голос прозвучал глухо в мутных сумерках.

— Побыть у вас? В вашем доме?

— Да.

— Вы хотите сказать, что заберете меня отсюда?

— Да, моя дорогая.

Внезапно она задрожала. Это выглядело пугающе и очень трогательно.

— О, заберите меня отсюда! Пожалуйста, заберите! Это так ужасно — быть здесь и чувствовать себя злой!

Я подошел к ней, и ее руки вцепились в рукав моего плаща.

— Я трусиха. Я и не знала, что я такая трусиха.

— Все в порядке, малышка, — сказал я. — Такие события расшатывают нервы. Пойдемте.

— Мы можем уйти сейчас же? Немедленно?

— Конечно, только вы должны взять кое-какие вещи, я полагаю.

— Какие вещи? Почему?

— Дорогая девочка, — сказал я, — мы можем предоставить вам кровать, и ванну, и отдых ото всех этих дел, но будь я проклят, если я одолжу вам свою зубную щетку!

Она робко, чуть слышно хихикнула, будто всхлипнула.

— Я поняла. Я думаю, я очень глупая сегодня. Вы не должны обращать на это внимания. Я пойду и соберу вещи. Вы... вы не уйдете? Подождете меня?

— Я получу хорошую трепку, если не дождусь вас.

— Спасибо. Огромное вам спасибо! Извините, что я такая дурочка. Но это так страшно, когда мама умирает...

— Я знаю, — сказал я.

Я ласково похлопал ее по плечу, она одарила меня благодарным взглядом и исчезла в спальне. Я спустился вниз.

— Я нашел Меган, — сказал я. — Она собирается.

— О, как это хорошо! — воскликнула Элси Холланд. — Это отвлечет ее. Она действительно нервная девочка, вы знаете. Трудная. Для меня большое облегчение — знать, что нет необходимости помнить еще и о ней, как обо всем прочем. Вы очень добры, мисс Бёртон, я надеюсь, она не доставит вам неприятностей. О боже, телефон! Я должна ответить. Мистер Симмингтон не в состоянии...

Она торопливо вышла из комнаты.

Джоанна сказала:

— Какой заботливый ангел!

— Ты говоришь слишком зло, — заметил я. — Она хорошая, добрая девушка и, конечно, очень чувствительная.

— Очень. И сама это знает.

— Это недостойно тебя, Джоанна, — сказал я.

— Хочешь сказать: почему бы ей не делать свое дело?

— Именно так.

— Я никогда не могла спокойно смотреть на самодовольных людей, — сказала Джоанна. — Они пробуждают во мне самые худшие инстинкты. Как тебе показалась Меган?

— Сжалась в комок в темной комнате и была похожа на побитую газель.

— Бедное дитя. Она сразу согласилась перебраться к нам?

— Она подпрыгнула от радости.

Глухие удары тяжелого предмета об пол и о стену донеслись из холла, возвещая о приближении Меган и ее чемодана. Я пошел навстречу девушке и забрал ее ношу.

Джоанна настойчиво произнесла мне в спину:

— Уходим! Я не в состоянии дважды отказываться от хорошей чашки горячего чая.

Мы вышли наружу. Меня раздражало то, что

чемодан к машине вытащила Джоанна. Я уже мог передвигаться с помощью лишь одного костыля, но еще не был способен к атлетическим подвигам.

— Садитесь, — сказал я Меган.

Она забралась в машину, я — следом за ней. Джоанна завела мотор, и мы уехали.

Мы прибыли в «Литтл Фюрц» и вошли в гостиную.

Меган упала на стул и залилась слезами. Она плакала, как ребенок, — всхлипывала и ревела во весь голос. Я вышел из комнаты в поисках лекарства. Когда дело касается чувствительных сцен, подумал я, от Джоанны проку больше, чем от меня.

Вскоре я услышал хриплый, задыхающийся голос Меган:

— Извините меня. Это выглядит по-идиотски.

Джоанна мягко успокаивала ее:

— Ничуть. Возьмите другой носовой платок.

Я пришел к выводу, что Меган нуждается совсем в иной поддержке. Я вернулся в комнату и протянул девушке наполненный до краев стакан.

— Что это?

— Коктейль.

— Коктейль? В самом деле? — Слезы Меган мгновенно высохли. — Я никогда не пила коктейлей.

— Всем нам приходится когда-то начинать, — сказал я.

Меган очень осторожно, маленькими глоточками попробовала напиток, потом лучезарная улыбка озарила ее лицо, она запрокинула голову и одним глотком проглотила все.

— Мне это нравится, — сказала она. — А можно мне еще?

— Нельзя, — ответил я.

— Почему?

— Минут через десять поймете.

— О!

Меган перенесла внимание на Джоанну:

— Я виновата, устроила тут такой рев. Я даже не понимаю почему. Это выглядит ужасно глупо, потому что я так рада очутиться здесь!

— Все в порядке, — сказала Джоанна. — И мы тоже очень рады, что вы у нас.

— Вам-то чему радоваться? Вы просто очень добры и участливы. Но я вам благодарна.

— Пожалуйста, не надо благодарности, — сказала Джоанна. — Это меня весьма стесняет. Вы наш друг, и мы рады, что вы здесь. Все, что вам

нужно...

И она повела Меган наверх — устраиваться.

Вошла Патридж — с весьма кислым выражением лица — и сообщила, что она приготовила только две чашки заварного крема к обеду, и что ей теперь прикажете делать?

IV

Дознание провели тремя днями позже.

Время смерти миссис Симмингтон было установлено: между тремя и четырьмя часами. Она была в доме одна; Симмингтон находился в конторе, у обеих служанок был выходной, Элси Холланд гуляла с детьми, а Меган где-то каталась на велосипеде.

Письмо должно было прийти с дневной почтой. Миссис Симмингтон, видимо, забрала его из почтового ящика, прочла и затем, в состоянии сильного возбуждения, взяла глиняный флакон, в котором держали цианид для уничтожения осиных гнезд, растворила таблетку в воде и выпила, написав лишь несколько взволнованных слов: «Я не смогу...»

Оуэн Гриффитс дал медицинское заключение и отстаивал то мнение, которое уже излагал нам, — о состоянии нервов миссис Симмингтон и

о ее психической неустойчивости. Коронер был учтив и осмотрителен. Он говорил с горечью, осуждая людей, которые пишут такие подлости в анонимных письмах. Кто бы их ни написал, это безнравственно, и отправивший письмо несет моральную ответственность за убийство, сказал коронер. Он выразил надежду, что полиция скоро отыщет преступника и примет против него или нее меры. Подобный трусливый и подлый поступок заслуживает наказания по всей строгости закона.

Под руководством коронера присяжные вынесли неизбежный вердикт: самоубийство в результате временного умопомешательства.

Коронер сделал все, что мог, и Оуэн Гриффитс тоже, но чуть позже я, зажатый в толпе возбужденных деревенских женщин, услышал свистящий шепот, с ненавистью произносящий уже хорошо знакомые мне слова: «Не бывает дыма без огня, вот что я говорю!» и «Что-то в этом непременно есть. Иначе она ни за что бы не сделала этого...»

На какой-то момент я возненавидел весь Лимсток и всех этих сплетничающих женщин.

V

Когда мы вышли наружу, Айми Гриффитс сказала значительно:

— Ну вот и все. Не везет Дику Симмингтону, трудно все это вынести. Хотела бы я знать, есть ли у него какие-нибудь подозрения.

Я был поражен.

— Но вы же слышали, как он говорил, и очень горячо, что в этом *лживом* письме нет ни слова правды?

— Конечно, он сказал так. Совершенно верно. Мужчина должен защищать свою жену. И Дик будет защищать. — Она помолчала и затем объяснила: — Видите ли, я знаю Дика Симмингтона очень давно.

— В самом деле? — удивился я. — Я понял из слов вашего брата, что он лишь несколько лет назад купил здесь практику.

— Да, но Дик Симмингтон бывал в наших краях, на севере. Я знаю его много лет.

Я взглянул на Айми с удивлением. Она продолжала, тон ее стал мягким:

— Я знаю Дика очень хорошо... Он гордый человек и очень сдержанный. Но он из тех, кто может быть очень ревнивым.

— Это объясняет, — сказал я осторожно, — почему миссис Симмингтон побоялась показать ему письмо или рассказать о нем. Она испугалась, что он, будучи ревнивцем, не поверит ее объяснениям.

Мисс Гриффитс взглянула на меня сердито и презрительно.

— Великий боже! — воскликнула она. — Вы что же, думаете, есть такие женщины, которые пойдут и наглотаются цианистого калия из-за лживого обвинения?

— Коронер, похоже, решил, что это возможно. Ваш брат — тоже...

Айми перебила меня:

— Мужчины все одинаковы: все сделают для того, чтобы соблюсти приличия. Но вам не удастся заставить *меня* поверить в эту чушь. Когда невиновная женщина получает подобное письмо, она только смеется и выбрасывает его. Именно это я и... — Она неожиданно запнулась и потом закончила: — Сделала бы.

Но я заметил паузу. Я был уверен, что она чуть не сказала: «Я сделала», без всяких там «бы».

И я решил, что объявлю войну враждебной деревне.

— Я понимаю, — сказал я вежливо. — Значит,

вы тоже получили письмо?

Айми Гриффитс принадлежала к тем женщинам, которые презирают ложь. Она помолчала немного, порозовела — и сказала:

— Да. Но я не позволила себе обеспокоиться.

— Такое же грязное? — Я спрашивал сочувствующе, как сострадающий друг.

— Естественно. Письма такого рода всегда грязные. Бред сумасшедшего! Я прочла несколько слов, поняла, что это такое, и тут же бросила письмо в корзинку для мусора.

— А вы не подумали о том, чтобы отнести его в полицию?

— Тогда — нет. Чем меньше слухов, тем лучше, подумала я тогда.

Что-то внутри меня подмывало сказать: «Нет дыма без огня!» — но я сдержался.

Я спросил Айми, не знает ли она, как смерть матери отразится на финансовых делах Меган. Не окажется ли девушка вынуждена зарабатывать на жизнь?

— По-моему, ей кое-что оставила бабушка, и уж конечно, Дик не выгонит ее из дома. Но для нее было бы гораздо лучше чем-нибудь заняться, а не вести растительную жизнь, как сейчас.

— Ну, я бы сказал, что Меган сейчас в таком

возрасте, когда девушкам хочется радоваться жизни, а не работать.

Айми покраснела и резко сказала:

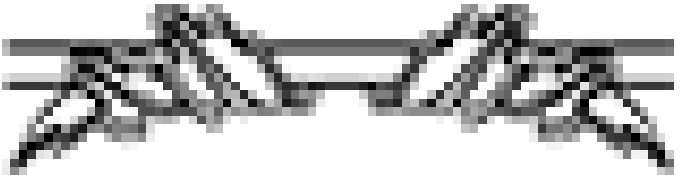
— Вы — как все мужчины: вам противна мысль о работающих женщинах. Вам кажется невозможным, чтобы женщине хотелось заняться делом. Это казалось невозможным и моим родителям. Я так хотела выучиться на врача! Они отказались платить за мое учение. Но они с готовностью платили за Оуэна. А еще неизвестно — может быть, я стала бы лучшим врачом, чем брат...

— Простите, — сказал я. — Все зависело от вашего упорства. Когда кто-то хочет добиться чего-то...

Она быстро перебила меня:

— О, я всем довольна сейчас. У меня масса возможностей приложить силы. Моя жизнь полна дел. Я одна из самых счастливых в Лимстоке. Есть чем заняться. Но я сражаюсь с глупым старомодным предрассудком, что место женщины — в доме.

— Простите, если я вас чем-то обидел, — сказал я. Я и не предполагал в Айми Гриффитс подобного неистовства.



ГЛАВА 3

I

Симмингтона я встретил в городке в тот же день, позже.

— Ничего, если Меган побудет у нас немного? — спросил я. — Джоанне нужна компания — ей очень одиноко иной раз без всех ее старых друзей.

— О... э... Меган? О да, это очень мило с вашей стороны.

Я почувствовал к Симмингтону отвращение, которое потом не мог уже преодолеть. Совершенно очевидно было, что он начисто забыл о Меган. Я бы еще мог понять, если бы он не любил девушку, — мужчины частенько ревниво относятся к детям своих жен от предыдущих браков, — но этого не было; он просто с трудом замечал ее. Он думал о ней даже меньше, чем обычно думают о собаке, живущей в доме. То есть собаку замечают хотя бы тогда, когда о нее спотыкаются, и тут же принимаются ругать ее и проклинать или же погладят ее — когда она окажется достаточно близко для этого. Меня очень раздражало полное равнодушие Симмингтона к приемной дочери.

Я спросил:

— Какие у вас планы относительно Меган?

— Меган? — Он выглядел весьма озадаченным. — Ну, она будет жить дома. Я хочу сказать — естественно, это же ее дом.

Моя бабушка, очень меня любившая, частенько напевала под гитару старомодные песенки. Одна из них, как я помнил, заканчивалась так:

Девица моя, не забудь меня,
Без дома и доли я,
Нет места мне и в краю родном,

Живу лишь в сердце твоем.

Я пошел домой, напевая эту песню.

II

Эмили Бартон пришла сразу после того, как стол прибрали после чая. Она хотела поговорить о саде. Мы гуляли в саду с полчаса. Затем вернулись в дом.

Войдя, она спросила, понизив голос:

— Я надеюсь, что это дитя... что она не слишком *потрясена* всем этим?

— Смертью ее матери, вы хотите сказать?

— Да, конечно. Но я скорее имела в виду то... то нехорошее, что произошло *прежде*.

Я был озадачен. Мне хотелось понять чувства мисс Бартон.

— Что вы думаете обо всем этом? Что это — правда?

— О, нет, нет, безусловно, нет. Я совершенно уверена, что миссис Симмингтон никогда... что она не могла... — Маленькая Эмили Бартон порозовела и сконфузилась. — Совершеннейшая неправда — хотя, конечно, это может быть карой.

— Карой? — изумленно переспросил я.

Эмили Бартон была такая розовая, так похожа

на дрезденскую пастушку...

— Я не могу избавиться от чувства, что все эти страшные письма, все горе и страдание, которые они приносят, могут быть посланы с определенной *целью*.

— Конечно, их посылают с определенной целью, — мрачно сказал я.

— Нет-нет, мистер Бёртон, вы меня неправильно поняли. Я говорю не о том заблуждающемся создании, которое их пишет, — это, должно быть, кто-то ужасно одинокий. Я имею в виду, что это допущено провидением! Чтобы пробудить в нас ощущение нашего несовершенства.

— Наверное, — сказал я, — Всемогущий мог бы выбрать более привлекательное орудие.

Мисс Эмили прошептала, что пути Господни неисповедимы.

— Нет, — сказал я. — Слишком уж сильна в нас склонность приписывать Господу то зло, которое человек творит по своей воле. Я могу еще допустить, что это дьявол. Богу нет необходимости наказывать нас, мисс Бартон. Мы так часто наказываем себя сами.

— Я не в состоянии понять: *почему* люди хотят совершать подобные поступки?

Я пожал плечами:

— Уродливый склад ума.

— Это кажется весьма печальным.

— Это не кажется мне печальным. Это кажется мне истинным проклятьем. И я не намерен извиняться за это слово. Я хотел сказать именно это.

Краска отлила от щек мисс Бартон. Они побелели.

— Но почему, мистер Бёртон, *почему*? Что за удовольствие может кто бы то ни было получить от такого?

— Ни вам, ни мне тут ничего не понять, и слава богу.

Эмили Бартон понизила голос:

— Ничего подобного здесь никогда прежде не случалось — никогда на моей памяти. Здесь всегда было такое счастливое маленькое селение. Что бы сказала моя дорогая матушка? Да, следует быть благодарной богу, что она избежала всего этого.

Я подумал, что, судя по тому, что я слышал, старая миссис Бартон была достаточно крепкой и вполне способной наслаждаться подобной сенсацией.

Эмили продолжала:

— Все это глубоко огорчает меня.

— А вы не... э-э... вы сами не получали писем?

Она густо покраснела.

— О нет... о нет, конечно. О! Это было бы ужасно!

Я поспешно извинился, но все же она ушла очень расстроенной.

Я проводил ее и вернулся в дом. Джоанна стояла в столовой, возле камина, который только что разожгли, поскольку вечера были все еще холодноваты. Она держала в руках вскрытое письмо.

Когда я вошел, сестра быстро обернулась.

— Джерри! Я нашла это в почтовом ящике — его кто-то принес, не почтальон. Оно начинается так: «Ты, раскрашенная проститутка...»

— И что там еще говорится?

Джоанна состроила гримасу.

— Все те же старые мерзости.

Она бросила письмо в огонь. Быстро, хотя это могло повредить моей спине, я выхватил бумагу из камина, прежде чем она успела загореться.

— Не надо, — сказал я. — Нам оно пригодится.

— Пригодится?

— Для полиции.

III

Лейтенант Нэш прочел письмо от начала до конца. Затем поднял глаза и спросил:

— Оно выглядит так же, как предыдущее?

— Думаю, да... насколько я помню.

— Те же различия между надписью на конверте и собственно текстом?

— Да, — сказал я. — Адрес был отпечатан на машинке. А само письмо составлено из типографских слов, наклеенных на лист бумаги.

Нэш кивнул и сунул письмо в карман. Затем сказал:

— Я надеюсь, мистер Бёртон, вы не откажетесь пойти со мной в полицейский участок? Мы могли бы устроить небольшое совещание, а в результате сэкономить довольно много времени.

— Конечно, — сказал я. — Вы хотите, чтобы я пошел прямо сейчас?

— Если не возражаете.

Полицейский автомобиль стоял у дверей. Мы поехали на нем.

Я спросил:

— Вы полагаете, вам удастся отыскать автора?

Нэш кивнул со спокойной уверенностью:

— О да, мы найдем автора. Это вопрос времени и техники. Такие дела расследуются медленно, но почти наверняка. Весь смысл в том, чтобы сузить круг подозреваемых.

— Отсекая их одного за другим?

— Да. Шаблонное занятие.

— И наблюдение за почтовыми ящиками, да? И проверка пишущих машинок и отпечатков пальцев, и все такое?

Он улыбнулся.

— Все так, как вы говорите.

В полицейском участке я обнаружил Симмингтона и Гриффитса. Меня представили высокому человеку с худым лицом, в штатском костюме — инспектору Грейвзу.

— Инспектор Грейвз, — объяснил Нэш, — прибыл из Лондона к нам на помощь. Он специалист по делам с анонимными письмами.

Инспектор печально улыбнулся. Я пришел к выводу, что жизнь, посвященная поиску авторов анонимных писем, должна быть своеобразной и унылой. Тем не менее инспектор Грейвз проявлял признаки меланхолического энтузиазма.

— Они все похожи, эти дела, — сказал он низким, мрачным голосом, похожим на ворчание грустной ищейки. — Вы бы не поверили. И слова этих писем, и то, о чем в них говорится.

— У нас был подобный случай около двух лет назад, — сказал Нэш. — Инспектор Грейвз нам тогда очень помог.

Я заметил, что на столе перед Грейвзом лежат

несколько писем. Похоже, он исследовал их.

— Трудность в том, — сказал Нэш, — чтобы раздобыть эти письма. Люди или сжигают их, или не признаются в том, что получали нечто в этом роде. Видите ли, они боятся связываться с полицией. Люди здесь очень отсталые.

— Однако мы собрали вполне достаточно, — сказал Грейвз.

Нэш достал из кармана то письмо, которое отдал ему я, и бросил его на стол перед Грейвзом.

Письмо было внимательно осмотрено и присоединено к остальным. Действие сопровождалось замечанием:

— Очень хорошо... в самом деле, очень хорошо...

Я вряд ли выбрал бы такие слова для определения подобного послания, но у специалиста, я полагаю, особый взгляд на вещи. И я был рад, что эти многословные непристойные ругательства и оскорбления хоть *кому-то* могут доставить удовольствие.

— Я думаю, этого достаточно для работы, — сказал инспектор Грейвз, — но я хотел бы попросить вас, господа, если вы получите еще письма, принести их сюда сразу же. И если вы услышите, что кто-либо получил такое письмо (в особенности

вы, доктор, вы можете это узнать у пациентов), прошу вас приложить все усилия, чтобы убедить человека прийти к нам. Я имею, — он проворно перебрал вещественные доказательства, — одно к мистеру Симмингтону, полученное около двух месяцев назад, одно к доктору Гриффитсу, одно адресованное миссис Мадж, жене мясника, одно к мисс Гинч, одно — Дженнифер Кларк, официантке из «Трех корон», еще одно — полученное миссис Симмингтон, и теперь вот — письмо мисс Бартон. Ах да, еще одно — директору банка.

— Весьма представительная коллекция, — заметил я.

— И ни одного не похожего на какой-либо из предыдущих случаев в моей практике! Вот это, например, невероятно похоже на письмо, написанное той модисткой. Вот это — точная копия тех писем, что вдруг начали приходить в Нортумберленде, их писала школьница. Я должен вам сказать, господа, мне нравится иной раз обнаруживать что-то *новенькое* вместо одних и тех же знакомых мотивов.

— Нет ничего нового под луной, — пробормотал я.

— Совершенно верно, сэр. Вы бы это знали особенно хорошо, занимайся вы нашим делом.

Нэш вздохнул и сказал:

— Да, действительно.

Симмингтон спросил:

— У вас уже есть определенное мнение об авторе?

Грейвз откашлялся и прочел небольшую лекцию:

— Во всех письмах есть нечто общее. Я сообщу вам, господа, на какие соображения они наводят. Текст писем составлен из слов, вырезанных из частной переписки, опубликованной в книге. Это старая книга, изданная, как я предполагаю, около 1830 года. Совершенно очевидно, что автор таким образом стремился избежать риска быть узнанным, что неизбежно, когда письмо пишется от руки, — всем нынче известно, что это очень легко... так называемый измененный почерк не может обмануть, если есть образец для сравнения. На письмах и конвертах нет четких отпечатков пальцев. Нужно сказать, что письма побывали во многих руках — у почтовых работников, у тех, кто получал эти конверты, — и случайных отпечатков на них довольно много, но все они нечеткие, смазанные... и это говорит о том, что человек, отправлявший письма, надевал перчатки.

Адреса на конвертах отпечатаны на машинке «Виндзор-7», неновой, буквы «а» и «т» отпечатываются плохо. Большинство писем отправлены местной почтой, а некоторые просто брошены самим автором в почтовые ящики. Это также доказывает, что мы имеем дело с местным жителем. Письма написаны женщиной, и я уверен, что это женщина средних лет или даже старше, и, возможно, хотя и необязательно, — незамужняя.

Мы хранили почтительное молчание минуту или две. Потом я сказал:

— Пишущая машинка — ваша главная ставка, не так ли? Ее нетрудно, должно быть, найти в таком маленьком поселке, как этот.

Инспектор Грейвз печально покачал головой и сказал:

— Вы ошибаетесь, сэр.

— Машинку, — сказал лейтенант Нэш, — к несчастью, мы нашли слишком легко. Это старая машинка из конторы мистера Симмингтона, которую он передал Женскому институту; и я могу сказать, что она более чем доступна любому. А местные дамы очень часто бывают в институте.

— Но разве вы не можете сказать что-то более определенное по... э-э... стилю, манере работы, кажется, это так называется?

Снова Грейвз кивнул.

— Да, такое возможно — но адреса отпечатаны кем-то, кто пользовался для работы только *одним* пальцем.

— Следовательно, это кто-то, не умеющий печатать?

— Нет, я бы так не сказал. Скорее некто, кто умеет печатать, но не хочет, чтобы мы об этом знали.

— Кем бы она ни была, она достаточно хитра, — медленно произнес я.

— Да, сэр, да, — подтвердил Грейвз. — Она знает все профессиональные штучки.

— Никогда бы не подумал, что у какой-то из этих буколических дам в здешних краях могли оказаться мозги, — сказал я.

Грейвз кашлянул.

— Похоже, я высказался недостаточно ясно. Эти письма написаны образованной женщиной.

— Что?! Она — леди?!

Это выскочило у меня непроизвольно. Я не произносил слова «леди» уже много лет. Но сейчас оно само собой сорвалось с моих губ, откликнувшись эхом давних дней, и в глубине сознания чуть слышно прозвучал голос бабушки, высокомерно говорящей: «Уж конечно, она *не леди*,

дорогой мой».

Нэш мгновенно понял меня. Для него слово «леди» до сих пор значило многое.

— Не обязательно леди, — сказал он. — Но, безусловно, и не сельская работница. Они здесь в общем-то малограмотны, не могут толком написать что-либо, и, уж безусловно, неспособны к связному выражению мыслей.

Я промолчал, поскольку был потрясен. Городок такой крохотный. Бессознательно я представлял автора писем кем-то вроде миссис Клит, местной колдуньи и знахарки, — человеком злобным, хитрым и полоумным.

Симмингтон выразил мою мысль в словах. Он резко сказал:

— Но это сокращает область поисков до полудюжины или дюжины человек во всем городишке! Я не могу в это поверить.

Потом, глядя прямо перед собой, с некоторым усилием — словно бы звуки собственных слов были ему противны, — он добавил:

— Вы слышали, что я говорил на дознании. Возможно, вы подумали, что я говорил так, защищая честь супруги. Я бы хотел повторить сейчас: я твердо убежден, что все, что говорилось в письме, полученном моей женой, — абсолютная ложь.

Я знаю, что это ложь. Моя жена была очень чувствительной женщиной, и... э-э... ну, вы назвали бы ее в каком-то смысле жеманной. Подобное письмо стало для нее огромным потрясением, да еще у нее было слабое здоровье.

Грейвз немедленно отозвался:

— Это очень похоже на правду, сэр. Ни одно из писем не показывает действительного знания каких-то интимных подробностей. Это всё слепые обвинения. Это и не попытки шантажа. И не похоже на религиозный фанатизм, как это иной раз бывает. Здесь только секс и злоба! И это дает нам хорошую отправную точку для поисков автора.

Симмингтон поднялся. Хотя он заговорил сухо и холодно, его губы дрожали:

— Я надеюсь, вы скоро найдете дьяволицу, писавшую эти письма. Она убила мою жену, точно так же, как если бы ударила ее ножом. — Он помолчал. — Хотел бы я знать, как она чувствует себя теперь.

И вышел, не дождавшись ответа.

— Как она себя теперь чувствует, Гриффитс? — спросил я. Мне показалось, что ответ на такой вопрос — в его компетенции.

— Бог знает. Может быть, испытывает угрызения совести. С другой стороны, вполне может

наслаждаться своей силой. Смерть миссис Симмингтон могла дать новую пищу ее мании.

— Надеюсь, что нет, — сказал я с некоторым содроганием. — Потому что, если это так, она...

Я замолчал, и Нэш закончил за меня:

— Она возьмется за свое снова? Это, мистер Бёртон, было бы так плохо, что хуже некуда. Повадился кувшин по воду ходить.

— Она может оказаться достаточно сумасшедшей для этого! — воскликнул я.

— Она будет продолжать, — сказал Грейвз. — Они всегда продолжают. Это, знаете ли, такой порок, от которого они уже не способны отказаться.

Я с ужасом встряхнул головой. Я спросил, нужен ли я здесь еще; мне хотелось выйти на воздух. Атмосфера казалась пропитанной злом.

— Нет, мистер Бёртон, — сказал Нэш. — Только смотрите вокруг повнимательнее и сделайте все возможное, убеждая всех приносить к нам письма, если их кто-либо получит.

Я кивнул.

— Я полагаю, что уже каждый в городке получил подобное грязное послание, — сказал я.

— Хотел бы я быть уверенным в том, — пробормотал Грейвз. Он немного склонил набок свою

печальную голову и спросил: — Не знаете ли вы кого-нибудь, кто *наверняка* не получал письма?

— Что за странный вопрос! Местные жители не посвящают меня в свои тайны.

— Нет-нет, мистер Бёртон, я не это имел в виду. Я только хотел спросить, не знаете ли вы кого-нибудь одного, конкретного, кто, по вашему убеждению, анонимок не получал?

— А в самом деле. — Я колебался. — Я знаю, в некотором смысле.

И я пересказал свой разговор с Эмили Бартон и все, что она говорила мне.

Грейвз выслушал информацию с каменным лицом и сказал:

— Да, это может пригодиться. Я это учту.

Мы с Гриффитсом вышли наружу, под полуденное солнце. Очутившись на улице, я негромко чертыхнулся:

— Какое прелестное местечко для человека, приехавшего поваляться на солнышке и подлечить свои раны! Оно полно отравы, это местечко, — а выглядит мирным и невинным, как Эдемский сад!

— Даже там, — сухо сказал Оуэн, — нашлась одна змея.

— Послушайте, Гриффитс, они что-нибудь зна-

ют? У них есть уже какие-то идеи?

— Понятия не имею. Полицейские всегда выглядят такими искренними и при этом ничего вам не говорят.

— Да. Нэш — хороший человек.

— И очень способный.

— Если тут в городке есть кто-то совершенно спятивший, *вы-то* должны знать, — сказал я обвиняющим тоном.

Гриффитс покачал головой. Он выглядел обескураженным. И хуже того — он казался очень обеспокоенным. Хотел бы я знать, подозревает ли он кого-то.

— Я полагаю, второй взнос арендной платы я должен сделать авансом. Но мне очень хочется, заплатив, тут же уехать отсюда вместе с Джоанной. Избавиться от отдыха в арендованных владениях.

— Не уезжайте, — сказал Оуэн.

— Почему бы это?

Он не ответил. Помедлив минуту-другую, он сказал:

— Конечно, после всего... осмелюсь сказать, вы правы. Лимсток нынче нездоров. Это... это может повредить вам... или вашей сестре.

— Ничто не может повредить Джоанне, — воз-

разил я. — Она крепкая. Это я слабак. Когда-нибудь штучки с письмами доведут меня до болезни.

— Они *меня* доведут до болезни, — сказал Оуэн.

Я приоткрыл дверь агентства.

— Но я не уеду, — заявил я. — Вульгарное любопытство сильнее малодушия. Я хочу знать, чем все это кончится.

Я вошел в агентство.

Женщина, печатавшая на машинке, встала и шагнула навстречу мне. У нее были завитые волосы и фальшивая улыбка, но я нашел ее куда более интеллигентной, чем те очкастые девицы, которые обычно распоряжаются в провинциальных конторах.

Секундой позже я осознал, что уже встречался с ней. Это была мисс Гинч, бывшая служащая Симмингтона.

Я отметил этот факт.

— Вы работали у «Гэлбрайта, Гэлбрайта и Симмингтона», не так ли? — спросил я.

— Да. Да, конечно. Но я решила, что лучше уйти оттуда. Здесь вполне хорошее место, хотя и меньше платят. Но есть вещи, которые не измерить деньгами, вам не кажется?

— Несомненно, — подтвердил я.

— Эти жуткие письма, — произнесла мисс Гинч свистящим шепотом. — Я получила одно такое. Обо мне и мистере Симмингтоне. О, это было ужасно, там говорились такие *кошмарные* вещи! Я знаю свои обязанности, и я отнесла его в полицию, хотя, уж конечно, не слишком-то это для меня *приятно*, а?

— Да-да, это очень неприятно.

— Они поблагодарили меня и сказали, что я поступила правильно. Но я подумала потом: раз уж люди говорят такое — а ясно, они *должны* были говорить, иначе откуда бы этот «писатель» подцепил такую идею? — я обязана уйти подальше даже от намеков на что-либо в этом роде, потому что ничего никогда не было между мной и мистером Симмингтоном.

Я был более чем смущен.

— О, конечно, конечно, нет...

— Но люди так несправедливы! Да, увы, так несправедливы!

Я, несколько нервно пытаясь обойти мисс Гинч, тем не менее успел взглянуть в ее глаза и сделал при этом весьма неприятное открытие. Мисс Гинч искренне наслаждалась собой. Однажды в этот день я уже встретился с человеком, который получал удовольствие от анонимных писем. Но

энтузиазм инспектора Грейвза был профессиональным. А наслаждение мисс Гинч показалось мне просто подозрительным и внушающим отвращение.

Странная мысль мелькнула у меня: а не сама ли мисс Гинч написала эти письма?

IV

Вернувшись домой, я обнаружил там миссис Дейн-Кэлтроп, беседующую с Джоанной. Мне подумалось, что супруга викария выглядит бледной и больной.

— Это было для меня ужасным потрясением, мистер Бёртон, — сказала она. — Бедняжка, бедняжка!

— Да, — сказал я. — Это ужасно — думать, что человека довели до того, что он лишил себя жизни.

— О, вы имеете в виду миссис Симмингтон?

— А разве вы не о ней?

Миссис Дейн-Кэлтроп покачала головой.

— Конечно, кто-то в этом виноват, но это должно было произойти во всяком случае, не так ли?

— Должно было произойти? — произнесла Джоанна сухо.

Миссис Дейн-Кэлтроп повернулась к ней:

— О, я думаю так, дорогая. Если вы считаете самоубийство способом избежать хлопот, то становится не особенно важно, что именно вы считаете хлопотами. И при любой серьезной неприятности, столкнись миссис Симмингтон с ней лицом к лицу, она сделала бы то же самое. И все, что тут можно утверждать, — что она была женщиной, склонной к такому поступку. Никто не мог бы этого предположить. Она всегда казалась мне эгоистичной до глупости, с твердой линией в жизни. Нет повода к беспокойству, могли бы вы подумать, — но я начинаю понимать, как мало я в действительности знаю о каждом.

— Мне любопытно, о ком же вы сказали «бедняжка», — заметил я.

Она уставилась на меня.

— Разумеется, о той женщине, которая пишет письма.

— Не думаю, — холодно сказал я, — чтобы я стал за нее переживать.

Миссис Дейн-Кэлтроп наклонилась вперед, положила руку мне на колено.

— Но неужели вы действительно... неужели вы не *чувствуете?* Вы только вообразите! Подумайте, как отчаянно, безнадежно несчастен должен быть человек, пишущий такие вещи! Как он оди-

нок, оторван от человеческих радостей! Насквозь отравленный, до краев наполненный заразой, ищущей выхода. Поэтому я чувствую угрызения совести. Некто в этом городе мучается от такого ужасного несчастья, а я об этом не догадывалась. Тут нельзя помочь действием — я никогда этого не делаю. Но этот душевный порок — вроде нарыва на руке, черного и распухшего. Если его вскрыть, гной вытечет, и опасность минует. Да, бедняжка, бедняжка...

Она встала, собираясь уходить.

Я не мог согласиться с ней. Я ни в коем случае не испытывал сочувствия к сочинителю анонимных писем. Но я спросил с любопытством:

— А вы не догадываетесь, кто эта женщина?

Миссис Дейн-Кэлтроп перевела на меня взгляд — в ее чудесных глазах отражалось замешательство.

— Ну, я могу предположить, — сказала она. — Но ведь я могу и ошибиться, не так ли?

Она быстро вышла наружу и, внезапно повернув ко мне лицо, спросила:

— Можете вы ответить, почему вы до сих пор не женаты, мистер Бёртон?

В любом другом случае подобный вопрос показался бы дерзким, но когда вы говорили с миссис

Дейн-Кэлтроп, у вас возникало ощущение, что данная мысль внезапно пришла ей в голову и что она действительно хочет знать — почему?

— Да позволительно мне будет сказать, — ответил я, иронизируя, — что до сих пор не довелось встретить правильную женщину!

— Вы можете так сказать, — откликнулась миссис Дейн-Кэлтроп. — Но вряд ли это будет очень удачный ответ, потому что слишком многие женятся на откровенно неправильных женщинах.

После этого она уже и в самом деле ушла.

Джоанна сказала:

— Знаешь, я действительно думаю, что она сумасшедшая. Но она мне нравится. Здесь, в деревне, люди ее боятся.

— И я боюсь, немножко.

— Потому что ты никогда не знаешь, что она скажет в следующее мгновение.

— Да. А с какой великолепной небрежностью она сообщила о своих догадках!

Джоанна медленно произнесла:

— Ты тоже думаешь, что тот, кто пишет эти письма, очень несчастен?

— Я не знаю, что думает или чувствует эта проклятая ведьма! И не желаю знать. Ее жертвы — вот кого мне жаль.

Теперь мне кажется странным, что в наших размышлениях о настроениях Ядовитого Пера мы упустили нечто абсолютно очевидное. Гриффитс воображал, что эта женщина, возможно, очень экзальтированна. Я предполагал, что она полна раскаяния, напуганная результатом дела своих рук. Миссис Дейн-Кэлтроп видела ее страдающей.

Но, очевидно, мы не приняли в расчет неизбежную реакцию этой особы, или, возможно, я должен бы сказать: *я* не принял в расчет. Этой реакцией был Страх.

Со смертью миссис Симмингтон письма стали оцениваться иначе, нежели прежде. Не знаю, какова была официальная версия, — это, я полагаю, было известно Симмингтону, — но было совершенно ясно, что, поскольку письмо привело к смерти человека, положение автора писем теперь куда как более серьезно. Уже не могло быть речи о том, чтобы расценить письма как шутку, если их автор будет обнаружен. Полиция действовала энергично, вызвав эксперта Скотленд-Ярда. Теперь для автора анонимок стало жизненно важным по-прежнему оставаться неизвестным.

И все последующее объяснялось, если допустить, что Страх был основным движущим

мотивом. Но этого я не заметил. Хотя, конечно, все было вполне очевидно.

V

Джоанна и я довольно поздно вышли к завтраку на следующее утро. То есть, надо заметить, поздно по правилам Лимстока. Было половина десятого — в Лондоне в это время Джоанна едва разлепляет веки, а мои глаза, скорее всего, еще плотно закрыты.

Тем не менее, когда Патридж спросила: «Завтрак в половине девятого или в девять?» — ни Джоанна, ни я не решились предложить более позднее время.

К моей досаде, я обнаружил, что на пороге стоит Айми Гриффитс и болтает с Меган.

Увидев нас, она громко сказала в своей обычной задушевной манере:

— Привет, лодыри! Я поднялась несколько часов назад.

Это, безусловно, было ее личное дело. Доктор, без сомнения, обычно завтракает рано, и заботливая сестра подает ему чай или кофе. Но это отнюдь не значит, что можно являться чуть свет к дремлющим соседям. Половина десятого — неподходящее время для утреннего визита.

Меган проскользнула обратно в дом и отправилась в столовую, чтобы, как я понял, продолжить прерванный завтрак.

— Я не буду входить, — сказала Айми Гриффитс, хотя я не понимаю, почему приличнее вызывать людей наружу и говорить с ними на крыльце, вместо того чтобы разговаривать в доме. — Я лишь хотела спросить у мисс Бёртон, нет ли у нее лишних овощей для нашей палатки на ярмарке в Ред-Кросс. Если есть, то я попрошу Оуэна заехать за ними на машине.

— Вы, похоже, выходите из дома очень рано, — сказал я.

— Кто рано встает, тому бог подает, — ответила Айми. — В такое время гораздо больше шансов застать людей дома. Отсюда я пойду к мистеру Паю. И я должна быть в Брентоне днем. Скауты.

— Ваша энергия меня подавляет, — сказал я; в этот момент зазвонил телефон, и я вернулся в холл, чтобы взять трубку, покинув Джоанну, бормочущую что-то весьма сомнительное о ревене и французских бобах и демонстрирующую полное незнание огорода.

— Да? — сказал я в телефонную трубку.

На другом конце послышался глубокий вздох, смущенное сопение, и нерешительный женский

голос произнес:

— О!

— Да? — повторил я ободряюще.

— О! — вновь произнес голос, а затем гнусаво спросил: — Это... это, я надеюсь... это «Литтл Фюрц»?

— Это «Литтл Фюрц».

— О! — Очевидно, с этого восклицания начиналось любое предложение. Голос спросил осторожно: — Могу я поговорить прямо сейчас с мисс Патридж?

— Конечно, — сказал я. — Кто ее спрашивает?

— О! Скажите ей, это Агнес, ладно? Агнес Воддл.

— Агнес Воддл?

— Да, так.

Подавив в себе желание выругаться, я положил телефонную трубку на стол и, подойдя к лестнице, ведущей на второй этаж, окликнул Патридж, звуки деятельности которой доносились сверху:

— Патридж! Патридж!

Патридж возникла на верхней ступеньке, держа в руке длинную метелку и выглядя как «Ну, что *еще?*», что слишком явственно отличалось от ее обычных респектабельных манер.

— Да, сэр?

— Агнес Воддл хочет поговорить с вами по телефону.

— Простите, сэр?

Я повысил голос:

— Агнес Воддл!

Я произнес фамилию так, как расслышал ее. Но мне пришлось выслушать и точный вариант:

— Агнес Водделл... Что ей могло понадобиться?

В сильном смущении Патридж бросила свою метелку и мгновенно сбежала вниз, треща платьем из набивного ситца.

Чтобы не показаться Патридж навязчивым, я вышел в столовую, где Меган, как голодный волчонок, уминала почки и бекон. Меган, в отличие от Айми Гриффитс, не делала «великолепное утреннее лицо». Она грубовато ответила на мое приветствие и продолжала есть в молчании.

Я развернул утреннюю газету, а минутой или двумя позже вошла Джоанна, выглядевшая довольно расстроенной.

— Вот так так! — сказала она. — Я очень устала. И думаю, что я продемонстрировала полное невежество относительно того, когда что растет. Разве молодых бобов нет в это время года?

— Август, — буркнула Меган.

— Да, но в Лондоне они есть всегда, — сказала

Джоанна, защищаясь.

— Консервы, милая дурочка, — сказал я. — Их привозят в кораблях-холодильниках из колоний.

— Как слоновую кость, обезьян и павлинов? — спросила Джоанна.

— Разумеется.

— Я бы предпочла павлинов, — сообщила Джоанна глубокомысленно.

— А мне больше всех нравятся обезьянки, — сказала Меган.

Задумчиво обдирая кожицу с апельсина, Джоанна проговорила:

— Хотела бы я знать, что чувствуют люди вроде Айми Гриффитс, которые прямо лопаются от здоровья, избытка энергии и наслаждения жизнью... Как вы думаете, она когда-нибудь устает, или бывает в плохом настроении, или... или грустит?

Я сказал, что совершенно уверен в том, что Айми Гриффитс никогда не грустит, и вслед за Меган вышел через открытое французское окно на веранду.

Стоя там и куря трубку, я слышал, как Патридж вошла в столовую из холла и произнесла мрачным голосом:

— Могу я поговорить с вами, мисс?

«Черт побери, — подумал я, — надеюсь,

Патридж не намерена уведомить нас о своем уходе. Эмили Бартон будет весьма раздосадована, случись такое».

Патридж продолжила:

— Я должна извиниться, мисс, за этот звонок. Надо сказать, та юная особа, которая звонила мне, могла бы и разбираться в таких вещах. У меня никогда не было обыкновения пользоваться телефоном или позволять моим приятелям звонить мне, и я действительно чувствую себя виноватой из-за того, что такое могло случиться и что хозяину пришлось ответить на звонок, ну и вообще...

— Но все в порядке, Патридж, — сказала Джоанна мягко. — Почему бы вашим друзьям и не воспользоваться телефоном, если им хочется поговорить с вами?

Хоть я и не видел лица Патридж, но почувствовал, что оно было мрачнее обыкновенного, когда она холодно ответила:

— Ничего подобного никогда не случалось в этом доме. Мисс Эмили никогда не допустила бы этого. Я уже сказала, я прошу меня извинить за то, что произошло, но Агнес Водделл — девушка, которая звонила, — очень расстроена, и она слишком молода, чтобы понимать, что можно, а

чего нельзя в доме джентльмена.

«Вот это как раз для Джоанны», — подумал я, развеселившись.

— Агнес, мисс, — продолжала Патридж, — здесь служила под моим началом. Ей было всего шестнадцать, когда она сюда пришла прямо из приюта. Видите ли, у нее нет ни дома, ни матери, ни каких-либо родственников, кто мог бы ей дать совет, и она привыкла обращаться ко мне. Я могу ей объяснить, что к чему, видите ли.

— Да? — произнесла Джоанна и замолчала, ожидая. Очевидно, должно было следовать продолжение.

— Поэтому я позволила себе спросить вас, мисс: не разрешите ли вы Агнес прийти сегодня днем к чаю на кухне? У нее выходной, видите ли, и она хочет о чем-то со мной посоветоваться. Мне кажется, это что-то из ряда вон выходящее.

Джоанна смущенно сказала:

— Но почему же и не прийти кому-то к вам на чай?

Джоанна потом сказала мне, что при этих словах Патридж выпрямилась, и вид у нее был весьма грозный, когда она ответила:

— Ничего подобного нет в правилах этого дома, мисс. Старая миссис Бартон никогда не позволяла

визиты на кухню, исключая наши собственные выходные дни, — тогда нам разрешалось приглашать наших приятелей, вместо того чтобы самим ходить куда-то, но в других случаях, в обычные дни, — никогда. И мисс Эмили придерживается прежнего.

Джоанна всегда очень добра к слугам, и большинство из них ее любят, но ей никак не удавалось растопить лед в отношениях с Патридж.

— Нехорошо, моя девочка, — сказал я, когда Патридж ушла и Джоанна вышла ко мне. — Твои симпатии и мягкость не оценены. Для Патридж хороша лишь старая добрая властность и то, что прилично в доме джентльмена.

— Я никогда не слышала о такой тирании, чтобы запрещалось даже пригласить друзей, — сказала Джоанна. — Все это очень мило, Джерри, но не может же им нравиться, что с ними обращаются, как с черными рабами?

— Очевидно, им нравится, — сказал я. — По крайней мере, нравится женщинам типа Патридж в этом мирке.

— Не представляю, почему она меня не любит. Большинство людей относятся ко мне хорошо.

— Возможно, она презирает тебя из-за того, что ты не настоящая домохозяйка. Ты никогда

не возлагаешь руки на полки и не устраиваешь проверок на предмет наличия следов пыли. Ты никогда не заглядываешь под половики. Ты никогда не спрашиваешь, куда подевались остатки шоколадного суфле, и ты никогда не заказываешь хороший хлебный пудинг.

— Ух! — воскликнула Джоанна. И печально продолжила: — У меня весь день неудачи. Наша Айми презирает меня за незнание огородных дел. Патридж относится ко мне пренебрежительно за то, что я отношусь к ней по-человечески. Я сейчас пойду в сад и буду есть червяков.

— Меган уже там, — сказал я.

Действительно, Меган несколько минут назад проскользнула мимо нас и теперь стояла бесцельно посреди маленькой лужайки, похожая на задумчивую птичку, ожидающую корма.

Но вот она обернулась к нам и резко сказала:

— Мне кажется, я должна сегодня вернуться домой.

— Что? — обеспокоенно переспросил я.

Покраснев, она продолжила нервно и убежденно:

— Вы были ужасно добры, пригласив меня, и я полагаю, что я страшно вам досаждала, мне у вас нравится, но теперь я должна вернуться, потому

что... ну, все-таки это мой дом, и никто не может надолго уходить из дома, и потому, я думаю, я отправлюсь обратно сегодня.

Оба мы, Джоанна и я, пытались заставить ее переменить решение, но она оказалась тверже алмаза, и в конце концов Джоанна вывела автомобиль, и Меган через несколько минут спустилась по ступенькам со своим вновь упакованным багажом.

Единственным человеком, выглядевшим довольным, была Патридж, и на ее мрачном лице даже появилось нечто вроде улыбки. Ей никогда не нравилась Меган.

Когда Джоанна вернулась, я стоял в центре лужайки.

Джоанна спросила, не думаю ли я, что я — солнечные часы.

— Почему?

— Ты стоишь тут как садовое украшение. Кто-нибудь вполне мог бы написать на тебе девиз, как на солнечных часах. Ты мрачен как гроза!

— Я не расположен шутить. Сначала Айми Гриффитс...

— Помилуйте! — прошептала Джоанна. — Я же должна поговорить об этих овощах!..

— ...потом эта выходка Меган. Я-то думал о том,

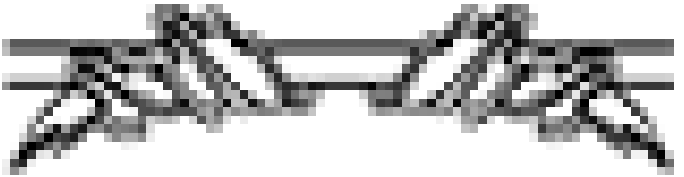
чтобы пригласить ее на прогулку в Лег-Тор.

— При ошейнике и поводке, полагаю? — заметила Джоанна.

— Что?

Джоанна, огибая угол дома и направляясь к огороду возле кухни, повторила громко и четко:

— Я сказала: «При ошейнике и поводке, полагаю?» Ты потерял свою собачку, вот что с тобой случилось!



ГЛАВА 4

I

Должен признаться, у меня вызывала досаду та резкость, с которой Меган покинула нас. Но, возможно, мы ей просто наскучили.

В конце концов, в «Литтл Фюрц» была не слишком веселая жизнь для девушки. А дома были мальчишки и Элси Холланд.

Я услышал, что возвращается Джоанна, и поспешно перешел на другое место, чтобы не давать

ей повода повторить нахальное замечание насчет солнечных часов.

Незадолго до обеда приехал Оуэн Гриффитс; садовник уже ждал его со всей необходимой огородной продукцией.

Пока старый Адамс загружал овощи в автомобиль, я пригласил Оуэна в дом — выпить. Остаться к обеду доктор не мог.

Войдя в гостиную с шерри, я обнаружил, что Джоанна вновь принялась за свои дрянные проделки. Теперь в ней не было ни малейших признаков враждебности. Она съежилась в уголке дивана и, чуть ли не мурлыкая, задавала Оуэну вопросы о его работе: нравится ли ему быть врачом общего профиля и не предпочитает ли он какую-либо специализацию? Она думает, что врачебное дело — одно из лучших в мире.

Вы бы сказали, что Джоанна — очаровательная, божественная слушательница. Но после выслушивания такого множества будущих гениев, рассказывавших ей о своей непонятости, слушать Оуэна Гриффитса было для нее плевым делом. К тому времени, как мы принялись за третий стаканчик шерри, Гриффитс рассказал ей о нескольких непонятных случаях и ранениях в таких научных терминах, что никто не понял бы

ни слова, кроме его коллег-медиков.

Джоанна выглядела понимающей и крайне заинтересованной.

Я на какое-то мгновение засомневался. Это было очень дурно со стороны Джоанны. Гриффитс был слишком хорошим малым, чтобы играть с ним так легкомысленно и небрежно. Женщины действительно дьяволы.

Впоследствии я оценил осторожный взгляд Гриффитса, его длинный, волевой подбородок и твердые, упрямо сжатые губы, и моя уверенность в том, что Джоанна сможет вертеть этим человеком, поугасла. Ну и в любом случае это дело личное — позволять женщине делать из вас дурачка. Пусть доктор сам поостережется.

Потом Джоанна сказала:

— Может быть, вы измените решение и останетесь у нас на обед, доктор Гриффитс?

Гриффитс слегка покраснел и сказал, что он бы с удовольствием, но сестра будет ждать его возвращения...

— Мы ей позвоним и предупредим, — быстро предложила Джоанна, тут же вышла в холл и позвонила по телефону.

Вернулась она улыбаясь и сообщила, что все в порядке.

И Оуэн Гриффитс остался на обед и выглядел вполне довольным. Мы говорили о книгах и пьесах, о мировой политике и о музыке, о живописи, о современной архитектуре.

Мы ни слова не сказали о Лимстоке, или об анонимных письмах, или о самоубийстве миссис Симмингтон.

Мы отбросили все это, и, я думаю, Оуэн Гриффитс был счастлив. Его темное, печальное лицо осветилось, и он высказывал интересные мысли.

Когда он ушел, я сказал Джоанне:

— Этот парень слишком хорош для твоих фокусов.

— Это *ты* так считаешь! — воскликнула Джоанна. — Все вы, мужчины, поддерживаете друг друга!

— А почему ты охотишься за его шкурой, Джоанна? Задетое тщеславие?

— Возможно, — сказала моя сестра.

II

В тот день мы были приглашены на чай к мисс Эмили Бартон в ее комнаты в деревне.

Мы решили прогуляться пешком, поскольку я чувствовал себя достаточно сильным для того, чтобы на обратном пути самостоятельно вска-

рабкаться на холм.

Мы вышли с таким расчетом, чтобы иметь запас времени, пришли слишком рано, и открывшая нам дверь высокая, костлявая женщина со свирепым лицом сказала, что мисс Бартон еще нет.

— Но она вас ожидает, я знаю, так что, пожалуйста, входите и подождите немного.

Очевидно, это и была преданная Флоренс.

Мы проследовали за ней вверх по лестнице; распахнув дверь, она провела нас в некое подобие уютной гостиной, хотя, возможно, бедновато меблированной. Некоторые из вещей, как я заподозрил, были доставлены сюда из «Литтл Фюрц».

Женщина явно гордилась комнатой.

— Здесь мило, не так ли? — требовательно спросила она.

— Очень мило, — мягко сказала Джоанна.

— Я устроила все так уютно, как сумела. Не совсем то, чего бы мне хотелось, и, уж конечно, не то, что мисс Эмили должна бы иметь. Она должна жить в собственном доме, как полагается, а не болтаться по комнатам. Я у нее девять лет была горничной.

Флоренс, весьма смахивающая на дракона, по очереди осмотрела нас обоих укоряющим

взглядом. Я утвердился в мысли, что сегодня у нас несчастливый день. Джоанне досталось от Айми Гриффитс и от Патридж, а теперь нам обоим влетело от драконши Флоренс.

Джоанна, раздраженная несправедливостью, сказала:

— Ну, мисс Бартон хотела сдать дом. Она сама обратилась к агенту по недвижимости.

— Она была вынуждена, — сказала Флоренс. — И она живет так экономно и осторожно. Но даже теперь правительство не хочет оставить ее в покое. Безжалостно требует одного и того же!

Я печально покачал головой.

— Во времена старой леди денег хватало, — продолжала Флоренс. — А потом все эти бедняжки умерли одна за другой. Мисс Эмили ухаживала за всеми по очереди. Она надорвалась на этой работе. Она всегда была такой терпеливой и безропотной. Но на нее всякое наговаривали, да еще и беспокойство из-за денег в довершение ко всему! Акции не приносят того дохода, который должны бы приносить, так она говорит; и почему я не должна ей верить, хотела бы я знать? Люди должны бы стыдиться самих себя. Обманывать леди вроде нее, которая ничего не понимает в цифрах и не может разобраться во всех этих

фокусах!

— В общем-то любой может в этом разобраться, — сказал я, но Флоренс не смягчилась.

— Это верно для тех, кто вполне самостоятелен, но не для *нее*. Она нуждается в присмотре, и пока она со мной — я намерена следить, чтобы никто не обманул ее и не огорчил как бы то ни было. Я все сделаю для мисс Эмили!

И, вперив в нас долгий пристальный взгляд, чтобы ее мысль проникла в наше сознание, преданная Флоренс вышла из комнаты, осторожно закрыв за собой дверь.

— Ты не чувствуешь себя кровопийцей, Джерри? — спросила Джоанна. — Я чувствую. Что с нами происходит?

— Мы, кажется, здесь не слишком-то к месту, — сказал я. — Меган от нас устала, Патридж не одобряет тебя, преданная Флоренс не одобряет нас обоих.

Джоанна прошептала:

— Хотела бы я знать, *почему* Меган уехала?

— Мы ей наскучили.

— Не думаю. Хотела бы я знать... Как ты думаешь, Джерри, может быть, это из-за того, что ей сказала *что-то* Айми Гриффитс?

— Ты имеешь в виду — сегодня утром, когда

они говорили на крыльце?

— Да. Конечно, времени у нее было немного, но...

Я закончил фразу:

— Но эта женщина действует, как слониха! Она могла...

Открылась дверь, и вошла мисс Эмили. Она была розовая, немного задыхалась и выглядела возбужденной. Глаза ее были очень синими и сияющими.

Она смущенно прощебетала:

— О, дорогие, извините, я опоздала. Я делала покупки в городе, и пирожные в «Голубой розе» показались мне недостаточно свежими, поэтому я пошла к мистеру Лигону. Я предпочитаю покупать их в последнюю очередь, тогда можно получить свежайшую порцию, только что из печи, и не следует покупать их днем раньше. Но я так огорчена, что заставила вас ждать, — вот уж беспардонность...

Джоанна прервала ее:

— Это наша вина, мисс Бартон. Мы пришли слишком рано. Мы пошли пешком, а Джерри теперь шагает так быстро, что мы приходим всюду слишком рано.

— Ничуть не рано. Не говорите так. Чего-либо

хорошего не бывает слишком много, знаете ли.

И старая леди нежно похлопала Джоанну по плечу.

Джоанна оживилась. Наконец-то, кажется, она имела успех. Эмили Бартон обратила свою улыбку и ко мне, но с легким признаком робости, как бы обращаясь к тигру-людоеду в тот момент, когда можно ручаться за его безвредность.

— Очень мило с вашей стороны принять участие в таком дамском занятии, как чаепитие.

Эмили Бартон, я думаю, представляла мужчин бесконечно поглощающими виски с содовой и курящими сигары, а в перерывах исчезающими для того, чтобы соблазнять деревенских девиц либо заводить интрижки с замужними дамами.

Когда я позже сказал об этом Джоанне, она заметила, что, возможно, мне хочется думать, будто Эмили Бартон такого мнения о мужчинах, но, увы, это не так.

Тем временем мисс Эмили суетилась в комнате, устраивая Джоанну и меня возле небольшого столика и осторожно обеспечивая нас пепельницами, а минутой позже дверь открылась и вошла Флоренс, держа поднос с чаем и очаровательными фарфоровыми чашками «Корона Дерби», которые, как я догадался, мисс Эмили привезла

с собой. Чай был китайский, высшего сорта, и еще была масса тарелок с сэндвичами, тонкими кусочками хлеба с маслом и множеством маленьких пирожных.

Флоренс теперь сияла и смотрела на мисс Эмили с почти материнской нежностью, как на любимое дитя, играющее в «гости».

Джоанна и я съели гораздо больше, чем нам хотелось, — хозяйка так старательно угощала нас. Маленькая леди действительно наслаждалась тем, что она принимает гостей, и я чувствовал, что для Эмили Бартон Джоанна и я представляем огромное приключение — два человека из таинственного мира Лондона.

Естественно, наша беседа вскоре перешла на местные темы. Мисс Бартон тепло говорила о докторе Гриффитсе, о его доброте и высокой медицинской квалификации. И мистер Симмингтон — очень умный адвокат, он помог мисс Бартон вернуть деньги из «Инком Такс», о чем она сама никогда и не думала. И он так добр к своим детям, предан им и своей жене... Тут она перебила сама себя:

— Бедная миссис Симмингтон, это так печально, когда маленькие дети остаются сиротами. Возможно, она никогда не была слишком силь-

ной женщиной, да еще и здоровье ее недавно ухудшилось. Мозговая горячка — вот что это, должно быть, было. Я читала о подобных вещах в газетах. В таких случаях люди совершенно не понимают, что творят. И она тоже не понимала, иначе бы вспомнила о мистере Симмингтоне и детях.

— Это анонимное письмо, должно быть, слишком сильно потрясло ее, — сказала Джоанна.

Мисс Бартон покраснела. С оттенком порицания в голосе она произнесла:

— Не слишком приятные вещи для обсуждения, вы не находите, дорогая? Я знаю, что там были... э-э... письма, но мы не должны говорить об этом. Гадкие вещи. Я думаю, лучше их просто игнорировать.

Конечно, мисс Бартон могла себе позволить игнорировать письма, но для некоторых людей это не было так уж просто. Как бы то ни было, я послушно сменил тему беседы, и мы принялись обсуждать Айми Гриффитс.

— Она прелестна, она просто прелестна! — сказала Эмили Бартон. — Ее энергия и организаторские способности великолепны. Она так добра к девочкам. Она так практична и современна во всех делах. Воистину она управляет нашим ме-

стечком. И абсолютно предана своему брату. Так приятно видеть подобную преданность между братом и сестрой.

— Неужели он никогда не ощущает, что она несколько давит на него? — спросила Джоанна.

Эмили Бартон уставилась на нее с испуганным видом.

— Она принесла ради него огромную жертву, — сказала она с ноткой оскорбленного достоинства в голосе.

Я заметил нечто вроде «ах вот как?» в глазах Джоанны и поспешил перевести разговор на мистера Пая.

Эмили Бартон несколько сомневалась относительно мистера Пая.

Все, что она могла сказать, повторяя это с некоторым подозрением, — что он очень добр, да, очень добр. Благороден, разумеется, и более чем великодушен. У него иной раз бывают странные посетители, но это, конечно, из-за того, что он много путешествовал.

Мы согласились, что путешествия не только развивают широту ума, но иной раз и способствуют появлению очень странных знакомств.

— Я частенько думаю, что мне и самой хотелось бы отправиться в путешествие, — задумчиво ска-

зала Эмили Бартон. — Читаешь о них в газетах, и все это звучит так привлекательно...

— А почему бы вам и не поехать? — спросила Джоанна.

Такой поворот от мечты к реальности, похоже, переполошил мисс Эмили.

— О нет, нет, это *совершенно* невозможно.

— Но почему? Это достаточно дешево.

— О, дело не в стоимости. Но я бы не смогла поехать одна. Путешествие в одиночестве выглядело бы довольно странно, вам не кажется?

— Нет, — сказала Джоанна.

Мисс Эмили взглянула на нее с подозрением.

— И я не знаю, как бы я управилась с багажом... и высаживалась бы в иностранных портах... и все эти сложности с обменом валюты...

Казалось, перед испуганным взором маленькой леди встали вдруг бесчисленные ловушки, и Джоанна поспешила успокоить ее вопросом о приближающемся празднике урожая и распродаже рукоделий. Это естественным образом привело нас к миссис Дейн-Кэлтроп.

Нечто вроде легкой судороги исказило на мгновение лицо мисс Бартон.

— Знаете, дорогая, — сказала она, — миссис Дейн-Кэлтроп всегда казалась мне очень *стран-*

ной женщиной. Такие вещи говорит иной раз...

Я спросил, какие именно.

— О, я не знаю. Весьма *неожиданные* вещи. И эта ее манера смотреть на вас так, будто вы не здесь, а где-то далеко... Я неточно формулирую, но очень трудно выразить то впечатление, которое я имею в виду. И она не должна бы... ну, *вмешиваться* во все. Так много случаев, когда жена викария может дать совет... или даже предостеречь. Но она лишь останавливает людей, вы знаете, даже на улице, и требует, чтобы они вели себя лучше. Поскольку всем приходится ее выслушивать — я уверена, ее боятся. Но она утверждает, что всегда держится в стороне, и при этом имеет странную привычку стыдиться за наиболее недостойных людей.

— Это интересно, — сказал я, обмениваясь быстрым взглядом с Джоанной.

— И тем не менее она очень хорошо воспитанная женщина. Ее девичья фамилия — Фарровей, из Белпота, очень приличная семья, но все эти старые семьи немножко странные, я уверена. Но она предана своему мужу, человеку исключительного интеллекта, — иной раз я думаю, что такой интеллект ни к чему в нашем деревенском кругу. Хороший человек и весьма искренний, но

меня смущает его привычка постоянно цитировать латинские тексты.

— Слышал, слышал! — горячо воскликнул я.

— Джерри получил дорогое школьное образование, поэтому он способен узнать латынь, когда ее слышит, — сообщила Джоанна.

Это замечание подсказало мисс Бартон новую тему.

— Здешняя школьная учительница — весьма неприятная молодая особа, — сказала она. — Совершенно *красная*, я уверена! — На слове «красная» мисс Бартон понизила голос.

Позже, когда мы поднимались на холм, идя домой, Джоанна сказала мне:

— Она просто прелесть!

III

За ужином в этот вечер Джоанна выразила надежду, что вечеринка с чаем у Патридж имела успех.

Патридж слегка покраснела и с трудом взяла себя в руки.

— Спасибо, мисс, но Агнес так и не появилась после всего.

— О, извините.

– *Меня* это не беспокоит, — отрезала Патридж.

Но ее настолько переполняла обида, что Патридж позволила ей выплеснуться на нас:

— Это не я додумалась позвать ее! Она сама позвонила, сказала, что у нее что-то эдакое на уме и нельзя ли ей прийти, у нее ведь был выходной. И я сказала — да, потому что вы разрешили. И после этого — ни звука, ни вздоха от нее! Хоть бы слово в извинение, хотя я надеюсь, что завтра утром все же получу от нее открытку. Эти нынешние девчонки ни своего места не знают, ни понятия у них, как себя вести!

Джоанна попыталась успокоить оскорбленные чувства Патридж:

— Вдруг она плохо себя почувствовала. Вы могли бы позвонить и узнать.

Патридж выпрямилась во весь рост:

– *Нет*, мисс! Конечно, нет. Если Агнес хочется вести себя безобразно, это ее дело, но я ей кое-что выскажу, когда мы встретимся.

Патридж вышла из комнаты, ледяная от охватившего ее негодования, и мы с Джоанной рассмеялись.

— Почти случай из «Советов тетушки Нэнси»[4], — сказал я. — «*Мой мальчик так холодно дер-*

---

[4] notes: 4
Газетная колонка, где даются советы на все случаи жизни.

жится со мной, что мне делать?» За неимением тетушки Нэнси за советом хотели обратиться к Патридж, но вместо того произошло примирение, я полагаю, и теперь Агнес и ее кавалер безмолвно держатся за руки, как все те парочки, на которые натыкаешься в темноте у живых изгородей. Они тебя смущают ужасно, но ты их смутить не можешь.

Джоанна засмеялась и сказала, что она предположила то же самое.

Мы заговорили об анонимных письмах и принялись гадать о том, какие успехи сделали Нэш и меланхоличный Грейвз.

— Сегодня ровно неделя, — сказала Джоанна, — со дня самоубийства миссис Симмингтон. Мне кажется, они уже должны были что-нибудь отыскать к этому времени. Отпечатки пальцев, или образец почерка, или *хоть что-то*.

Я отвечал ей рассеянно. Где-то на грани сознания возникло странное беспокойство. Каким-то образом оно было связано с фразой Джоанны — «ровно неделя».

Я бы должен был, осмелюсь утверждать, сложить два и два раньше. Возможно, бессознательно во мне давно уже зародилось подозрение.

И теперь эта закваска действовала. Тревога

росла, заполняя мою голову.

Джоанна внезапно заметила, что я не слушаю ее, мысленно оценивая деревенские события.

— Что случилось, Джерри?

Я не ответил, поскольку мой мозг был занят сведением фактов воедино.

Самоубийство миссис Симмингтон... Она была одна в доме в тот день... *Одна в доме, потому что у прислуги был выходной...* Ровно неделю назад...

— Джерри, что...

Я перебил сестру:

— Джоанна, у прислуги один выходной в неделю, не так ли?

— И кроме того, в воскресенье, — сказала Джоанна. — К чему...

— Не обращай внимания на воскресенья. Они отдыхают каждую неделю в один и тот же день?

— Да. Обычно так бывает.

Джоанна уставилась на меня с любопытством. Она не могла проследить ход моей мысли.

Я прошел через комнату и позвонил в колокольчик. Явилась Патридж.

— Скажите мне, — спросил я, — эта Агнес Водделл — она прислуга?

— Да, сэр. У Симмингтонов. У мистера Симмингтона теперь.

Я глубоко вздохнул. Посмотрел на часы. Было половина одиннадцатого.

— Она должна бы вернуться домой к этому времени, как вы думаете?

Патридж всем своим видом выразила неодобрение.

— Да, сэр. В том доме прислуга должна возвращаться к десяти. Там придерживаются старых обычаев.

Я сказал:

— Я хочу позвонить им.

Я вышел в холл. Джоанна и Патридж последовали за мной. Патридж явно была в бешенстве. Джоанна пребывала в недоумении. Она спросила, пока я набирал номер:

— Что ты собираешься делать, Джерри?

— Я бы хотел быть уверен, что девочка благополучно вернулась домой.

Патридж фыркнула. Только фыркнула, ничего больше. Я не обратил внимания на фырканье Патридж.

На другом конце к телефону подошла Элси Холланд.

— Извините, что звоню вам, — сказал я. — Это говорит Джерри Бёртон. Э... а... ваша горничная, Агнес, вернулась?

И лишь после того, как я произнес это, я вдруг почувствовал себя немножечко дураком. Потому что, если девушка вернулась и все в порядке, каким образом я собираюсь объяснить свой звонок и вопрос? Было бы лучше, если бы я предоставил спрашивать Джоанне, хотя бы потому, что этому нашлось бы какое-то минимальное объяснение. Я предвидел новую волну сплетен, которая прокатится по Лимстоку, — насчет меня и небезызвестной Агнес Водделл.

Элси Холланд откликнулась с неестественно сильным изумлением:

— Агнес? О, она должна бы уже спать сейчас.

Я чувствовал себя дураком, но продолжил:

— Вы не отказались бы взглянуть, пришла ли она, мисс Холланд?

Следует отдать должное гувернантке: она всегда делала то, о чем ее просили. Не ее забота — зачем! Элси Холланд положила трубку и послушно ушла.

Двумя минутами позже я услышал ее голос:

— Мистер Бёртон?

— Да!

— Агнес нет дома, это точно.

Теперь я знал, что мои подозрения верны.

Я услышал неясный шум голосов в трубке, за-

тем со мной заговорил сам Симмингтон:

— Хэлло, Бёртон, что случилось?

— Ваша горничная Агнес не вернулась до сих пор?

— Нет. Мисс Холланд только что посмотрела. Ведь не было никакого несчастного случая, не так ли?

— Никакого *несчастного случая,* — подтвердил я.

— Вы хотите сказать, что имеете основания предположить, будто с девушкой что-то произошло?

Я сказал мрачно:

— Я бы не удивился.

IV

Я плохо спал в ту ночь.

Я думаю, что даже во сне кусочки головоломки вертелись в моем уме. Я уверен, что, если бы я приложил к этому усилия, я мог бы разрешить все проблемы тогда же и там же. Иначе почему все эти фрагменты так упорно преследовали меня?

Что мы знали к этому времени? Достаточно много, или, я могу утверждать, мы знали то, что знали. Но почему мы не могли проложить путь к этому подспудному знанию? Все было на виду, а

мы не могли до всего этого дотянуться.

Я лежал в постели, беспокойно ворочаясь.

Ведь была же какая-то схема; и если бы только я сумел уловить ее! Я должен знать, кто писал эти чертовы письма. Там был след, куда-то ведущий, и если бы я сумел пройти по нему...

В то время, как я засыпал, в дремлющем мозгу раздражающе вертелись слова: «Нет дыма без огня. Нет дыма без огня. Дым... Дым? Дымовая завеса... Нет, это было во время войны... Военная фраза. Война. Клочок бумаги... Всего лишь клочок бумаги. Бельгия — Германия...»

Я уснул. Я видел во сне, что вывожу на прогулку миссис Дейн-Кэлтроп, превратившуюся в борзую, — на прогулку, на поводке и в ошейнике.

V

Меня разбудил настойчивый телефонный звонок.

Я сел в постели, взглянул на часы. Было половина восьмого. Мне еще не могли звонить. Но телефон дребезжал в холле внизу.

Я выскочил из кровати, набросил халат и помчался вниз. Я столкнулся с Патридж, выходящей из задней двери, от кухни.

Я поднял трубку.

— Алло?

— О... — Я услышал облегченное всхлипывание. — Это *вы!*

Голос Меган. Голос Меган, неописуемо жалкий и испуганный.

— О, пожалуйста, приходите... *придите*. Пожалуйста! Вы придете?

— Я иду немедленно, — сказал я. — Вы слышите? *Немедленно!*

Я помчался наверх, перескакивая через две ступеньки сразу, и ворвался к Джоанне.

— Слушай, Джо, я бегу к Симмингтонам.

Джоанна подняла с подушки светлую кудрявую головку и потерла глаза, как маленький ребенок.

— Почему?.. Что случилось?

— Я не знаю. Звонила эта малышка — Меган. Она вне себя.

— Что это, как ты думаешь?

— Что-то с Агнес, или я очень крупно ошибаюсь.

Когда я выходил из двери, Джоанна окликнула меня:

— Подожди! Я встану и отвезу тебя.

— Не надо. Я поеду сам.

— Ты не можешь водить автомобиль.

— Могу.

Я действительно мог. Мне это было вредно, но не слишком. Я умылся, побрился, оделся, вывел автомобиль и уже через полчаса был у Симмингтонов. Недурно.

Меган, должно быть, ждала меня. Она бегом выскочила из дома и вцепилась в меня. Ее несчастное маленькое личико было бледно и искажено судорогой.

— О, вы пришли... вы *пришли!*

— Возьмите себя в руки, малышка, — сказал я. — Да, я пришел. И что дальше?

Она вдруг задрожала. Я обхватил ее рукой.

— Я... я нашла ее.

— Вы нашли Агнес? Где?

Дрожь усилилась.

— Под лестницей. Там чулан. Там держат удочки, и клюшки для гольфа, и всякое такое. Вы знаете.

Я кивнул. Это был обычный чулан.

Меган продолжала:

— Она была там... и все свалено в кучу... и холодная... ужасно холодная. Она была... она была *мертвая,* понимаете!

Я с любопытством спросил:

— Что вы там искали?

— Я... я не знаю. Вы позвонили вчера вечером.

И мы все стали гадать, где же Агнес. Мы ждали какое-то время, но она не возвращалась, и в конце концов мы легли спать. Я не могла толком уснуть, и я рано встала. Все еще спали, кроме Розы (это кухарка, вы знаете). Она была очень сердита из-за того, что Агнес не вернулась домой. Она сказала, что это не к добру, когда девушка резвится подобным образом. Я позавтракала в кухне — молоко и хлеб с маслом, и вдруг Роза вошла и сказала, что все вещи Агнес — в ее комнате! Ну, тот ее лучший наряд, в котором она выходит погулять. И я предположила: а что, если она и не выходила из дома, и начала везде заглядывать, и я открыла чулан под лестницей... а она была там...

— Кто-нибудь позвонил в полицию, я полагаю?

— Да, они уже здесь. Отчим сразу же вызвал их. А потом... я почувствовала, что не могу все это вынести, и я позвонила *вам*. Вы ничего не имеете против?

— Нет, — сказал я. — Я ничего не имею против.

Я взглянул на нее с любопытством.

— А кто-нибудь дал вам немножко бренди, или кофе, или хотя бы чаю после... после того, как вы нашли ее?

Меган покачала головой.

Я проклял *весь дом* Симмингтона. Это чванли-

вое ничтожество Симмингтон не подумал ни о чем, кроме полиции. И ни Элси Холланд, ни кухарка, похоже, не сообразили, какое впечатление произвело на чувствительного ребенка ужасное открытие.

— Пойдемте, Меган, — сказал я. — Нам нужно на кухню.

Мы обошли дом и через заднюю дверь вошли на кухню. Роза, сорокалетняя женщина с пухлым лицом, похожим на пудинг, пила крепкий чай, сидя у кухонного очага. Она приветствовала нас, прижав руки к сердцу и разразившись потоком слов.

Она так странно себя чувствует, заявила она мне, она вся дрожит от страха! Только подумать обо всем этом, ведь могли убить и *ее саму*, любой из них мог быть убитым во сне, в постели!

— Налейте-ка для Меган чая, в чашку побольше, — сказал я. — Она испытала сильное потрясение, вы же знаете. Не забывайте, что это именно она нашла тело.

Простое упоминание о трупе чуть было не вернуло Розу к прежней теме, но я сокрушил кухарку суровым взглядом, и она налила в чашку чернильной жидкости.

— Это для вас, юное существо, — сказал я Ме-

ган. — Выпейте это. Роза, я полагаю, у вас найдется капелька бренди?

Роза ответила с некоторым сомнением, что у нее оставалась капля бренди от рождественского пудинга...

— То, что надо, — сказал я и влил в чашку Меган изрядную порцию спиртного.

Я сказал Меган, чтобы она оставалась у Розы.

— Надеюсь, вы присмотрите за мисс Меган? — спросил я, и Роза ответила с удовлетворением в голосе:

— О да, сэр.

Я пошел в комнаты. Насколько я знал Розу и ее натуру, ей вскоре захочется подкрепить свои силы едой, а это и для Меган будет полезно. Черт бы побрал этих людей, почему они не позаботились о ребенке?!

Кипя негодованием, я отыскал Элси Холланд в гостиной. Она не удивилась, завидя меня. Я полагаю, что после ужасного открытия всех здесь охватило такое волнение, что они и не соображали, кто приходил в дом, кто уходил. К тому же у парадной двери стоял констебль Берт Рандл.

Элси Холланд, задыхаясь, воскликнула:

— О, мистер Бёртон, разве это не *ужасно?!* Кто мог совершить такое жуткое дело?

— Это было *убийство*, так?

— О да! Ее ударили сзади по голове. Все волосы в крови... о, это *ужасно!..* и затолкали в чулан. Кто мог оказаться таким безнравственным? и *почему?* Бедняжка Агнес, я уверена, она никогда никому не причинила зла!

— Конечно, — сказал я. — Но кто-то взглянул на это иначе.

Она уставилась на меня. «Нет, — подумал я, — она не слишком сообразительная девочка». Но зато у нее были крепкие нервы. Цвет ее лица был обычным, лишь чуть более ярким от возбуждения, и я даже представил, что, по-своему ужасаясь и вопреки действительно доброму сердцу, она все же наслаждается драмой.

Элси сказала извиняющимся тоном:

— Я должна подняться к мальчикам. Мистер Симмингтон весьма озабочен, что все это их слишком взволнует. Он просил меня увести их.

— Я слышал, что тело обнаружила Меган, — сказал я. — Надеюсь, кто-нибудь присматривает за ней?

Должен признать, что Элси Холланд выглядела как человек, внезапно ощутивший угрызения совести.

— Ох, дорогая! — воскликнула она. — Я о ней

забыла! Надеюсь, с ней все в порядке. Знаете, столько всего нахлынуло, полиция и все остальное... Но это небрежность с моей стороны. Бедная девочка, она должна чувствовать себя очень плохо. Я сейчас же пойду взглянуть, как она там.

Я смягчился.

— С ней все в порядке, — сказал я. — За ней присматривает Роза. Вы можете заняться детьми.

Она поблагодарила меня белозубой печальной улыбкой и поспешила наверх. В конце концов, ее делом были мальчики, а Меган... Элси платили, чтобы она присматривала за чертовыми братцами Симмингтонами. Вряд ли можно было порицать ее за внимание к ним.

Когда она исчезла за поворотом лестницы, у меня перехватило дыхание. На мгновение мне почудилось, что это мелькнула Ника Самофракийская, бессмертная и невероятно прекрасная, а вовсе не добросовестная гувернантка.

Затем открылась дверь, и в холл прошествовал лейтенант Нэш, сопровождаемый Симмингтоном.

— О, мистер Бёртон! — сказал он. — Я как раз собирался звонить вам. Рад, что вы уже здесь.

Он не спросил — в тот момент, — почему я уже здесь.

Он обернулся к Симмингтону:

— Я бы занял ту комнату, если можно.

То была маленькая дневная гостиная с окном, выходящим на улицу.

— Конечно, можно.

Выдержка у Симмингтона была недурной, однако он выглядел безнадежно усталым. Лейтенант Нэш сказал вежливо:

— На вашем месте я бы позавтракал, мистер Симмингтон. Вы, и мисс Холланд, и мисс Меган почувствуете себя гораздо лучше после кофе и яиц с беконом. Убийство на голодный желудок — гадкое дело.

Он говорил тоном доброго домашнего врача. Симмингтон сделал слабую попытку улыбнуться и сказал:

— Благодарю вас, лейтенант, я последую вашему совету.

Я следом за Нэшем вошел в гостиную, и он закрыл дверь. Потом он сказал:

— Вы оказались здесь очень быстро! Как вы узнали?

Я объяснил, что мне позвонила Меган. Я чувствовал расположение к лейтенанту Нэшу. Он, во всяком случае, не забыл, что и Меган нуждается в завтраке.

— Я слышал, вы звонили вчера вечером, мистер Бёртон, и справлялись об этой девочке. Почему бы это?

Я догадывался, что это выглядит странно. Я рассказал ему о телефонном звонке Агнес и о том, что она не явилась к Патридж. Лейтенант сказал:

— Да, понимаю...

Он протянул это медленно и задумчиво, потирая подбородок. Потом лейтенант вздохнул.

— Н-да, — сказал он. — Это убийство, совершенно ясно. Непосредственное физическое воздействие. Вопрос в том, что именно знала девушка? Сказала ли она что-нибудь этой Патридж? Что-то определенное.

— Не думаю. Но вы можете спросить сами.

— Да, я зайду повидать ее, когда закончу здесь.

— Что именно произошло? — спросил я. — Или вы еще не знаете?

— Кое-что знаем. У прислуги был выходной...

— У обеих женщин сразу?

— Да; здесь, кажется, прежде служили две сестры, и они любили отдыхать вместе, а миссис Симмингтон устраивал такой порядок. Потом прислуга сменилась, но порядок остался прежним. Девушки только заранее готовили холодный ужин и сервировали его в столовой, а мисс Хол-

ланд обычно готовила чай.

— Понятно.

— Здесь все вполне ясно на первый взгляд. Повариха Роза приехала сюда из Нижнего Микфорда, и для того, чтобы съездить туда в выходной, она должна попасть на автобус в половине третьего. Поэтому Агнес всегда заканчивала мытье посуды после обеда сама. Роза обычно перемывала посуду после ужина, чтобы рассчитаться. В этот день было так: Роза ушла к автобусу на 2:25, Симмингтон отправился в свою контору от 2:25 до 3:00. Элси Холланд и дети вышли без четверти три. Меган Хантер уехала на велосипеде минут на пять позже. Агнес после этого оставалась в доме одна. Насколько я разобрался, она обычно выходила из дома между тремя часами и половиной четвертого.

— А дом оставался пустым?

— О, здесь на этот счет не беспокоятся. В этих краях не особо запирают дома. Как я сказал, без десяти три Агнес была в доме одна. И ясно, что она никуда не выходила, поскольку она была в чепчике и переднике, когда нашли ее тело.

— Я полагаю, вы можете приблизительно определить время ее смерти?

— Доктор Гриффитс не захотел компромети-

ровать себя излишней точностью. Между двумя часами и половиной пятого — таково официальное медицинское заключение.

— Как ее убили?

— Сначала ее оглушили ударом по затылку. После этого обычный кухонный вертел, очень остро заточенный, вонзили в основание черепа, мгновенно убив ее.

Я раскурил сигарету. Это не было приятной картиной.

— Очаровательное хладнокровие, — сказал я.

— О да, это очень характерно.

Я глубоко вздохнул.

— Кто это сделал? — пробормотал я. — И зачем?

— Я не думаю, — медленно сказал Нэш, — что мы когда-либо узнаем совершенно точно — почему. Но мы можем догадываться.

— Она что-то знала?

— Она что-то знала.

— Она никому здесь не намекнула ни о чем?

— Насколько я мог выяснить, нет. Повариха говорит, что девушка была расстроена со дня смерти миссис Симмингтон, и, по словам этой Розы, она все сильнее и сильнее о чем-то беспокоилась и часто повторяла, что не знает, что она

должна делать.

Нэш раздраженно хмыкнул:

— Это частенько бывает. Они не хотят идти к нам. Они не хотят «быть замешанными в полицейские дела», это глубоко засевшее предубеждение. Если бы она пришла и рассказала о том, что ее тревожит, она бы сегодня была жива.

— Неужели она *ни о чем* не намекнула товарке?

— Нет. Роза так говорит, и я склонен ей верить. Потому что, если бы Агнес что-то сказала, Роза уж разболтала бы это мгновенно, да еще бы и от себя немало добавила.

— Это с ума свести может, — сказал я. — Ничего не знать...

— Мы можем только гадать, мистер Бёртон. Начнем с того, что это должно быть нечто совершенно простое. Это должно быть нечто такое, о чем вы постоянно размышляете, и в то время как вы об этом размышляете, ваша тревога растет. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Да.

— Теперь, думаю, я знаю, что это было.

Я взглянул на него с уважением:

— Неплохая работа, лейтенант.

— Ну, видите ли, мистер Бёртон, я знаю кое-что

такое, чего вы не знаете. Предполагалось, что в тот день, когда миссис Симмингтон покончила с собой, обеих служанок не было дома. У них был выходной. Но в действительности Агнес вернулась домой.

— Вы точно знаете?

— Да. У Агнес есть кавалер — молодой Ренделл из рыбной лавки. В среду они закрываются рано, и парень отправлялся на свидание с Агнес, они шли гулять или в кино, если шел дождь. В ту среду они поссорились сразу, как только встретились. Наш сочинитель писем проявил активность, намекая, что у Агнес есть приятели поважнее, и молодой Фред Ренделл был очень возбужден. Они сильно повздорили, и Агнес убежала домой, сказав, что не выйдет до тех пор, пока Фред не извинится.

— Ну, и?..

— Ну, мистер Бёртон, кухонные окна выходят на задний двор дома, но из окошка кладовой видно то же, что и из окна вот этой комнаты. То есть видна калитка. Вы проходите через нее и идете или к парадной двери, или по тропинке вокруг дома, к черному ходу.

Он помолчал.

— Теперь я вам еще кое-что скажу. Письмо,

что пришло миссис Симмингтон в тот день, *не было послано по почте.* На нем была погашенная марка, и почтовый штемпель подделан весьма убедительно с помощью ламповой сажи, так что оно выглядело так, будто было доставлено почтальоном с дневными письмами. Но в действительности *оно не проходило через почту*. Вы понимаете, что это значит?

— Это значит, — медленно сказал я, — что кто-то принес его *собственноручно*, опустил в почтовый ящик перед тем, как разносили дневную почту, чтобы оно очутилось среди других писем...

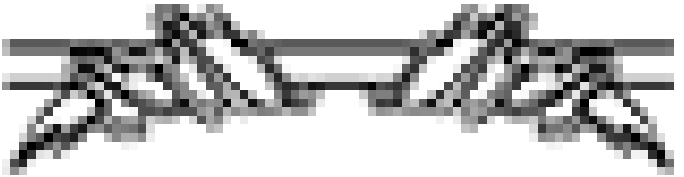
— Вот именно. В тот день почта пришла почти без четверти четыре. Моя мысль такова: девушка находилась в кладовке и смотрела в окно (оно снаружи закрыто кустами, но через него достаточно хорошо видно), ожидая, когда ее молодой человек вернется и попросит прощения.

Я сказал:

– И она видела, кто принес это письмо?

— Это мое предположение, мистер Бёртон. Конечно, я могу ошибаться.

— Не думаю, что вы ошибаетесь. Это же ясно — и убедительно... и это значит, что Агнес знала, *кто автор анонимных писем.*



ГЛАВА 5

I

— Да, — сказал Нэш, — Агнес знала, кто писал эти письма.

— Но тогда почему она?.. — Я замолчал, нахмурясь.

Нэш быстро сказал:

— Я себе это представляю так: девушка *не поняла, что именно она увидела.* Не сразу поняла. Кто-то принес письмо в дом, да, но этот «кто-то»

был не таким человеком, которого она могла бы в мыслях связать с анонимными письмами. Это был некто, с подобной точки совершенно вне подозрений. Но чем больше она об этом думала, тем больше тревожилась. Возможно, она должна кому-нибудь рассказать об этом? В замешательстве она подумала о прислуге мисс Бартон, Патридж, которая, как я понимаю, для Агнес весьма значительная особа, на чье суждение она положилась бы без колебаний. Она решила спросить у Патридж, что должна делать.

— Да, — сказал я задумчиво, — это подходит. И, так или иначе, Ядовитое Перо об этом узнала. Как она узнала, лейтенант?

— Вы никогда не жили в деревне, мистер Бёртон. Это нечто вроде чуда — как здесь обо всем узнают. Но прежде всего вспомним о телефонном звонке. Кто слышал разговор у вас?

Я сосредоточился.

— Я сам взял трубку. И позвал Патридж.

— Вы упомянули имя девушки?

— Да... да.

— Кто-нибудь слышал вас?

— Моя сестра или мисс Гриффитс вполне могли услышать.

— Ах, мисс Гриффитс! Что она там делала?

Я объяснил.

— Она потом вернулась в деревню?

— Сначала она собиралась зайти к мистеру Паю.

Лейтенант Нэш вздохнул.

— Тут два варианта, каким образом все это стало всем известно.

Я недоверчиво спросил:

— Вы полагаете, что мисс Гриффитс или мистер Пай стали бы беспокоиться о том, чтобы повторять столь незначащую новость?

— В местечке вроде этого все что угодно является новостью. Вас это может удивить. Если матушка портнихи купила плохую солонину — об этом знают все! И в этом доме тоже многие слышали. Мисс Холланд, Роза вполне могли слышать то, что говорила Агнес. Да еще Фред Ренделл. Он мог рассказать, что Агнес вернулась домой в тот день.

Я слегка вздрогнул. Посмотрел в окно. Прямо передо мной были чистенькая зеленая лужайка, и тропинка, и низкая аккуратная калитка...

Кто-то открыл калитку, тихо подошел к дому и опустил письмо в почтовый ящик. Я смутно видел в воображении неясную женскую фигуру. Вместо лица была пустота — но это должно было

быть лицо, которое я знал...

Лейтенант Нэш продолжал говорить:

— Все-таки круг поисков довольно узок. Обычно таким путем мы и добираемся до конца. Неторопливый, настойчивый отбор. Не так уж много людей могло здесь оказаться в нужный момент.

— Вы хотите сказать...

— Нужно отсечь тех служащих женщин, которые были на работе в тот день. Отсечь школьную учительницу. Она вела уроки. И окружную медсестру. Я знаю, где она была вчера. Не то чтобы я думал, будто это кто-то из них, но в данном случае мы *уверены*. Видите ли, мистер Бёртон, у нас имеются две определяющие точки во времени, на которых мы сосредоточены, — вчерашний день и день на прошлой неделе. Что касается дня смерти миссис Симмингтон, мы говорим о времени между четвертью четвертого (раньше Агнес не могла вернуться домой после ссоры) и четырьмя часами, когда могли доставить почту (но это я намерен еще уточнить у почтальона). А вчера — начинаем без десяти минут три (когда мисс Меган Хантер вышла из дома) и до половины четвертого или, возможно, до четверти четвертого, поскольку Агнес еще не начала переодеваться.

— Как вы думаете, что случилось вчера?

Нэш поморщился.

— Я думаю, что некая леди подошла к парадной двери и позвонила, очень спокойная и улыбающаяся, обычный дневной визит... Может быть, она спросила мисс Холланд или мисс Меган, или, возможно, она принесла какой-то пакет. В любом случае Агнес повернулась к ней спиной, чтобы взять поднос для карточек или чтобы положить принесенный пакет, и леди, явившаяся с визитом, ударила ее сзади по доверчивой головке.

— Чем?

Нэш сказал:

— Дамы в этих местах имеют привычку носить в сумках разные тяжелые вещи. Никогда нельзя сказать, что там у них найдется.

— А потом она проткнула Агнес насквозь вертелом и затолкала в чулан? Не слишком ли тяжелая работа для женщины?

Лейтенант Нэш взглянул на меня с несколько странным выражением.

— Женщина, которую мы ищем, ненормальна; не так чтобы уж слишком заметно, но такой тип расстройства психики отличается внезапными приливами силы. Агнес не была крупной девушкой! — Он помолчал и спросил: — Как мисс Меган Хантер объясняет то, что она заглянула в чулан?

— Просто инстинктивно, — сказал я.

Потом я спросил:

— Почему убийца спрятала тело? Из каких соображений?

— Чем дольше тело не найдено, тем труднее точно установить время смерти. Если бы, например, мисс Холланд обнаружила труп сразу, как только вернулась, врач смог бы установить время смерти с точностью до десяти минут или около того, а это поставило бы нашу подружку в затруднительное положение.

Я сказал, хмурясь:

— Но если у Агнес были подозрения относительно этой особы...

Нэш перебил меня:

— Она не подозревала. Точнее, не до такой степени. Она просто думала, что это «странно», скажем так. Я предполагаю, что она была тугодумкой и она лишь смутно ощущала что-то «неправильное». Она, конечно же, не могла заподозрить, что стоит напротив женщины, способной на убийство.

— У вас есть конкретные подозрения? — спросил я.

Нэш покачал головой и сказал с чувством:

— Я должен узнать. Этот случай с самоубий-

ством, видите ли, напугал Ядовитое Перо. Она взвинчена. Страх, мистер Бёртон, приводит к непредсказуемым последствиям.

Да, страх. Это было как раз то, что мы обязаны были предвидеть. Страх — в безумном мозгу...

— Понимаете, — сказал лейтенант Нэш, и от его слов все стало вдруг невыносимо ужасным, — мы ведь подозреваем человека высокоуважаемого, о котором очень хорошо думают, человека, который занимает высокое социальное положение!

II

После этого Нэш сказал, что хотел бы немедленно поговорить с Розой. Я спросил — не совсем уверенно, — могу ли я при этом присутствовать. К моему удивлению, я услышал любезнейшее разрешение.

— Я очень рад вашему сотрудничеству, мистер Бёртон, если мне позволено это сказать.

— Это звучит подозрительно, — заявил я. — В детективных романах тот, кого приглашают помочь, обычно и оказывается убийцей.

Нэш коротко рассмеялся. Потом сказал:

— Вас едва ли можно принять за человека, пишущего анонимные письма, мистер Бёртон. — И добавил: — Совершенно искренне, вы можете

быть нам полезны.

— Я очень рад, но не понимаю, каким образом.

— Вы здесь чужак, вот в чем дело. И ваше мнение о местных жителях непредвзятое. Но в то же время для вас это удобный случай участвовать в том, что я назвал бы социальным исследованием.

— Убийца занимает высокое социальное положение, — пробормотал я.

— Именно.

— Я буду шпионом в своей команде?

— У вас есть какие-то возражения?

Я обдумал это.

— Нет, — сказал я наконец. — Откровенно говоря, нет, поскольку речь идет об опасной ненормальной, доводящей безобидных женщин до самоубийства и колотящей маленьких служанок по голове. Вдобавок я не питаю отвращения к тому, чтобы выполнить небольшую грязную работу — ради того, чтобы эту ненормальную остановить.

— Весьма благоразумно с вашей стороны, сэр. И позвольте сказать: особа, которую мы ищем, опасна. Она почти так же опасна, как гремучая змея, или кобра, или черная мамба, подкрадывающаяся к кому-то.

Я слегка содрогнулся. И сказал:

— В самом деле, не следует ли поспешить?

— Это верно. Но не думайте, что мы бездействуем. Это не так. Мы работаем в нескольких разных направлениях.

Он произнес это весьма зловеще.

Мне привиделась прекрасная, широко растянутая паутина...

Нэш хотел еще раз послушать историю Розы — потому, объяснил он мне, что она уже рассказала ему две разные версии, и чем больше версий он от нее услышит, тем лучше, потому что в таком случае можно будет выудить зерно истины.

Мы нашли Розу моющей посуду после завтрака, и она тут же бросила работу, и вытаращила глаза, и схватилась за сердце, и объяснила еще раз, что она ужасно себя чувствует все утро.

Нэш обращался с Розой терпеливо, но твердо. Он уже объяснял мне, что сначала с ней нужно говорить тоном утешающим, потом повелительным, и сейчас он использовал смесь этих двух вариантов.

Роза с удовольствием принялась распространяться обо всех деталях прошедшей недели, о том, как смертельно напугана была Агнес и как она дрожала и говорила: «Не спрашивай меня», когда

Роза убеждала ее рассказать, что же случилось.

— «Я умру, если она мне расскажет» — вот что она сказала! — закончила Роза.

— Агнес никак не намекнула, что именно ее испугало?

— Нет, она ничего не говорила, кроме того, что боится за свою жизнь.

Лейтенант Нэш вздохнул и сменил тему, вынужденный удовлетвориться выяснением точных сведений о собственных делах Розы в течение вчерашнего дня.

С трудом выяснилось, что Роза села на автобус в 2:30 и провела день и вечер со своей семьей, вернувшись из Нижнего Микфорда автобусом в 8:40. Повествование было насыщено яркими описаниями дурных предчувствий, которые Роза испытывала весь день, и подробным рассказом о том, как сестра Розы комментировала эти предчувствия и как Роза была не в состоянии дотронуться даже до кусочка булки с тмином...

Из кухни мы отправились на поиски Элси Холланд, которая присматривала за детьми.

Как обычно, Элси Холланд была деловита и услужлива. Она встала и произнесла:

— Сейчас Колин и вы, Брайан, решите эти три примера, и вы должны быть готовы ответить,

когда я вернусь.

Затем она провела нас в детскую спальню.

— Мы можем поговорить здесь? Я думаю, это лучше, чем вести беседу при детях.

— Спасибо, мисс Холланд. А теперь скажите мне еще раз: *вполне* ли вы уверены, что Агнес никогда не упоминала при вас о том, что ее что-то беспокоит, — я имею в виду, с момента смерти миссис Симмингтон?

— Нет, она ничего такого не говорила. Она была очень тихая девушка, вы знаете, и говорила мало.

— Ну да, в отличие от второй прислуги!

— Да, Роза говорит слишком много. Иной раз я вынуждена пресекать ее неуместные высказывания.

— И еще, вы не могли бы рассказать мне точно, что произошло вчера днем? Все, что сможете вспомнить.

— Ну, мы обедали, как обычно, в час. И мы немножко спешили. Я не могу позволить, чтобы мальчики бездельничали. Так, погодите... Мистер Симмингтон вернулся в контору, и я помогла Агнес накрыть стол к ужину. Мальчики убежали в сад, потом я их забрала оттуда.

— Куда вы пошли?

— В направлении к Комб-Экру, тропинкой через луг, — мальчики намеревались ловить рыбу. Я забыла их приманки и вернулась за ними.

— Во сколько это было?

— Дайте подумать... Мы вышли около трех, примерно без двадцати или чуть позже. Меган собиралась пойти с нами, но передумала. Она уехала на своем велосипеде. Она просто помешалась на велосипедных прогулках.

— Я имел в виду, в какое время вы вернулись за приманками? Вы входили в дом?

— Нет, я забыла их в оранжерее, за домом. Я не знаю, во сколько это было. Возможно, без десяти три.

— Вы видели Меган или Агнес?

— Меган должна была уже уехать, я думаю. Нет, я не видела Агнес. Я никого не видела.

— А после этого вы отправились удить рыбу?

— Да, мы пошли вдоль реки. Мы ничего не поймали. Мы редко что-либо ловим, но мальчикам сам процесс рыбной ловли доставляет большое удовольствие. Брайан немного промок. Я переодела его, когда мы вернулись.

— Вы готовите чай по средам?

— Да. В гостиной все бывало готово для мистера Симмингтона. Мне нужно было только заварить

чай, когда он приходил. Дети и я пили чай в классной комнате, и Меган, конечно. Там у меня было все, что нужно, — в буфете.

— Во сколько вы этим занялись?

— Без десяти пять. Я забрала детей наверх и начала готовить чай. Потом, в пять часов, когда пришел мистер Симмингтон, я спустилась, чтобы заварить чай ему, но он сказал, что будет пить чай с нами, в классной комнате. Мальчики были просто счастливы. Потом мы играли в «Поймай зверя». Сейчас об этом подумать — так просто ужасно, ведь бедная девочка все это время лежала в чулане!

— Этим чуланом обычно кто-нибудь пользовался?

— О нет, его использовали только для того, чтобы складывать всякое тряпье. Шляпы и пальто висят в маленькой гардеробной, справа от входной двери. В тот чулан могли не заглядывать месяцами.

— Понятно. И вы не заметили ничего необычного, ничего ненормального, совсем ничего, когда вернулись?

Голубые глаза широко распахнулись.

— О нет, инспектор, совершенно ничего! Все было так, как обычно. Это как раз самое ужасное!

— А неделей раньше?

— Вы имеете в виду день, когда миссис Симмингтон...

— Да.

— О, это было ужасно... ужасно!

— Да-да, я понимаю. Тогда вы тоже днем выходили?

— О да, я всегда вывожу детей днем на прогулку — если погода достаточно хорошая. Утром мы делаем уроки. Мы в тот день ходили на вересковую пустошь, я помню... довольно далеко. Я испугалась тогда, что вернулась слишком поздно, потому что, когда я проходила через калитку, я увидела мистера Симмингтона, идущего из конторы, — на другой стороне улицы, а я ведь еще не поставила чайник, но было только без десяти пять...

— Вы не поднялись к миссис Симмингтон?

— О нет. Я никогда этого не делала. Она обычно отдыхала после обеда. У нее были частые приступы невралгии, и, как правило, они начинались после еды. Доктор Гриффитс прописал ей какие-то порошки. Она обычно ложилась и пыталась заснуть.

Нэш небрежно спросил:

— Значит, никто не приносил ей почту?

— Дневную почту? Нет, я заглядывала в почтовый ящик и складывала письма на столик в холле, когда возвращалась. Но частенько миссис Симмингтон спускалась и забирала их сама. Она же не спала весь день. Она обычно просыпалась к четырем.

— Вас не обеспокоило, что в тот день она не проснулась к этому времени?

— О нет, я ни о чем таком и не подумала. Мистер Симмингтон как раз вешал свое пальто в холле, и я сказала: «Чай еще не совсем готов, но чайник уже закипает», и он кивнул и позвал: «Мона, Мона!» А поскольку миссис Симмингтон не ответила, он поднялся в ее спальню, и это, должно быть, было для него ужасным потрясением. Он позвал меня, и я прибежала, и он сказал: «Уведите детей», а потом позвонил доктору Гриффитсу, и мы все забыли про чайник, и у него прогорело дно. О боже, это было страшно, ведь она была такая веселая и бодрая за обедом!

Нэш резко спросил:

— Мисс Холланд, каково ваше мнение о том письме, что она получила?

Элси Холланд вспыхнула:

— О, я думаю, это безнравственно... безнравственно!

— Я не это имел в виду. Как вы думаете, это правда?

Элси Холланд твердо заявила:

— Нет, разумеется, я так не думаю. Миссис Симмингтон была очень чувствительна... по-настоящему чувствительна. Она все принимала близко к сердцу. И она была очень... ну, *щепетильна*. — Элси порозовела. — Что-либо в таком роде — *грязное*, я имею в виду, — могло довести ее до сильного потрясения.

Нэш помолчал немного, потом спросил:

— А вы не получали таких писем, мисс Холланд?

— Нет. Нет, я не получала.

— Вы уверены? Пожалуйста, — он поднял руку, — не спешите с ответом. Не слишком-то приятно получать такое, я понимаю. И иногда люди не хотят в этом признаваться. Но в данном случае очень важно, чтобы мы узнали. Мы прекрасно осведомлены, что все, что утверждается в этих письмах, — лишь наглая ложь, так что ни к чему смущаться.

— Но я их не получала, лейтенант. Действительно не получала! Ничего в этом роде!

Она негодовала, почти плакала, и ее запирательство выглядело совершенно искренним.

Когда она вернулась к детям, Нэш встал у окна, глядя наружу.

— Ну, — сказал он, — вот так дела! Она говорит, что не получала таких писем. И так говорит, словно это правда.

— Конечно. Я уверен, что она не врет.

— Хм-м, — протянул Нэш. — В таком случае я хотел бы знать, почему этот черт ее не зацепил?

Я уставился на него, и он продолжил нетерпеливо:

— Она ведь хорошенькая девушка, не так ли?

— Гораздо больше, чем просто хорошенькая.

— Вот именно. В сущности говоря, она необыкновенно хороша. И она молода. Лакомый кусочек для сочинителя анонимок. Тогда почему ее пропустили?

Я покачал головой.

— Это интересно, знаете ли. Я должен сообщить об этом Грейвзу. Он ведь спрашивал, не знаем ли мы кого-то, кто совершенно точно не получал таких писем.

— Она вторая, — сказал я. — Вспомните, есть еще Эмили Бартон.

Нэш издал короткий смешок.

— Вы не должны верить всему, что вам говорят, мистер Бёртон. Мисс Бартон одно-то наверняка

получила... да и побольше, чем одно.

— Откуда вы знаете?

— Эта преданная драконша, у которой мисс Бартон теперь квартирует, рассказала мне, — прежняя прислуга, или повариха, Флоренс Элфорд. Весьма негодует по этому поводу. Жаждет крови «писателя».

— Почему же мисс Эмили говорила, что она их не получала?

— Робость. Язык этих писем не слишком хорош. Маленькая мисс Бартон всегда жила, сторонясь всего грубого и неотшлифованного.

— И о чем же говорилось в этих письмах?

— Как обычно. В случае мисс Бартон это особенно нелепо. И между прочим, там намеки на то, что она отравила свою старую матушку и большинство сестер!

Я спросил недоверчиво:

— Вы хотите сказать, что эта жуткая ненормальная действительно бывает в обществе — и мы не можем ее вычислить?

— Мы ее вычислим, — сказал Нэш, и в его голосе прозвучала неумолимость. — Пусть только напишет еще одно письмо.

— Но, боже ж ты мой, она же не будет больше писать эти штуки... не теперь же!

Он взглянул на меня:

— Э, нет, она будет. Видите ли, *она уже не способна остановиться.* Это болезненная жажда. Письма будут приходить, в этом не может быть ошибки.

III

Я вышел наружу и, перед тем как уйти совсем, нашел Меган. Она была в саду и, похоже, почти уже вернулась к своему обычному состоянию. Меня она приветствовала вполне бодро.

Я предложил ей снова перебраться к нам на некоторое время, но после некоторого раздумья она покачала головой:

— Это очень любезно с вашей стороны, но, я думаю, я останусь здесь. В конце концов, это... ну, я полагаю, это мой дом. И, осмелюсь предположить, я могу быть немножко полезна мальчикам.

— Ну, — сказал я, — это уж как вам захочется.

— Тогда, я думаю, я останусь. Я... я...

— Вы?..

— Если... если случится что-нибудь ужасное, я ведь могу позвонить вам, не так ли, и вы придете?

Я был тронут.

— Конечно. Но что такое ужасное может слу-

читься, как вы думаете?

— О, я не знаю. — Вид у нее был рассеянный. — Что-нибудь вроде того, что сейчас происходит, разве этого не может быть?

— Стоп! — сказал я. — Довольно болтать о трупах. Вам это не слишком полезно.

Она сверкнула короткой улыбкой.

— Нет, конечно. Я от этого чувствую себя почти что больной.

Мне не очень хотелось оставлять ее здесь, но, в конце концов, как она сказала, это был ее дом. И я склонен был думать, что теперь Элси Холланд будет чувствовать больше ответственности за Меган.

Мы с Нэшем вместе пришли в «Литтл Фюрц». Пока я представлял Джоанне подробный отчет об утренних делах, Нэш взялся за Патридж. Когда он присоединился к нам, он выглядел обескураженным.

— Не слишком много толку. По словам этой женщины, девушка только и сказала, что она о чем-то беспокоится, не знает, что делать, и хотела бы услышать совет мисс Патридж.

— Патридж при ком-нибудь об этом упоминала? — спросила Джоанна.

Нэш кивнул; вид у него был хмурый.

— Да, она рассказала миссис Эмори — вашей приходящей прислуге; насколько я мог разобраться, она говорила в том смысле, что есть же *такие* молодые особы, которые требуют совета от старших и даже не помышляют о том, с какой же вдруг стати эти старшие должны решать их проблемы, ничего о них не зная. Может быть, Агнес и не была слишком сообразительна, но она была очень почтительной и имела хорошие манеры...

— Патридж гордится собой, это уж точно, — пробормотала Джоанна. — А миссис Эмори могла разнести это по всему городу?

— Именно так, мисс Бёртон.

— Есть одна вещь, которая меня очень удивляет, — сказал я. — Почему и мы с сестрой оказались в этой истории? Мы здесь чужие, никто не может иметь зуб против нас.

— Вы недостаточно принимаете в расчет склад ума Ядовитого Пера. Все годится для этой мельницы. Вы могли бы сказать, что у нее зуб против рода человеческого.

— Полагаю, — задумчиво сказала Джоанна, — это как раз то, что имела в виду миссис Дейн-Кэлтроп.

Нэш вопросительно глянул на нее, но Джоанна не стала ничего пояснять.

Лейтенант сказал:

— Я не знаю, может быть, случайно вы рассмотрели конверт того письма, что получили, мисс Бёртон. Если так, вы могли заметить, что на самом деле оно было адресовано мисс Бартон, а потом «а» исправлено на «ё».

Это замечание, верно истолкованное, должно было дать нам путеводную нить ко всему этому делу. Но так вышло, что ни один из нас не обратил на это внимания.

Нэш ушел, и мы с Джоанной остались одни. Она тут же сказала:

— Ты не думаешь, что письмо и в самом деле было написано для мисс Эмили, а?

— Вряд ли тогда оно могло начинаться со слов «ты, раскрашенная проститутка», — заметил я, и Джоанна согласилась со мной.

Затем она намекнула, что неплохо бы мне спуститься в городок.

— Ты должен послушать, что там говорят. У них есть *тема* сегодня!

Я предположил, что и она пойдет тоже, но, к моему удивлению, Джоанна отказалась. Она заявила, что намеревается навести порядок в саду.

Я задержался в дверях и сказал, понизив голос:

— Я надеюсь, с Патридж все в порядке...

— Патридж?

Изумление, прозвучавшее в голосе Джоанны, дало мне понять, что сестра стыдится моей мысли.

Я сказал извиняющимся тоном:

— Я только хотел бы разобраться. Она до некоторой степени «странная»... мрачная старая дева... Тот тип человека, который может страдать религиозной манией.

— Это не религиозная мания... это то, что объяснял Грейвз.

— Ну, сексуальная мания. Они очень тесно смыкаются, это ясно. Патридж подавленна и чопорна, и ее заставит заткнуться большинство женщин старше ее годами...

— Что натолкнуло тебя на такую мысль?

— Ну, — сказал я медленно, — мы ведь знаем только с ее слов, что ей говорила Агнес, не так ли? Предположи, что Агнес попросила Патридж рассказать, почему та пришла и опустила записку в тот день, а Патридж сказала, что зайдет днем и объяснит.

— А потом, чтобы это замаскировать, пришла к нам и спросила, можно ли девушке прийти сюда?

— Да.

— Но она совсем не выходила в тот день.

— Ты этого не знаешь. Вспомни, нас обоих не было дома.

— Да, верно. Я полагаю, это возможно. — Джоанна все это провернула в уме. — Но тем не менее я сомневаюсь. В смысле я не думаю, чтобы у Патридж хватило ума скрыть свои следы на письмах. Стереть отпечатки пальцев и все такое. Это ведь не то чтобы недостаток хитрости — это нужно знать. Я не думаю, чтобы она такое знала. — Джоанна поколебалась, потом медленно произнесла: — Они уверены, что это женщина, так?

— Не думаешь же ты, что это мужчина? — воскликнул я изумленно.

— Нет... не обычный мужчина... но определенный тип мужчины. В самом деле, я подумала о мистере Пае.

— Итак, ты избрала мистера Пая?

— А ты сам не чувствуешь, что это возможно? Он принадлежит к тому сорту людей, которым свойственно жить в уединении... быть несчастными... и злобными. Ты знаешь, над ним все смеются. Разве ты не замечаешь в нем тайной ненависти ко всем нормальным счастливым людям и что он получает удовольствие от всего

странного, извращенного, театрального?

— Грейвз говорил — старая дева средних лет.

— Мистер Пай, — заявила Джоанна, — и *есть* старая дева средних лет.

— Неудачник, — медленно сказал я.

— Более чем неудачник. Он богат, но деньги не могут ему помочь. И я чувствую, что он может иметь неустойчивую психику. Он действительно слегка *пугающий* маленький человек.

— Вспомни, он и сам получил письмо.

— Мы этого не знаем, — подчеркнуто сказала Джоанна. — Мы только так думаем. И в любом случае он мог все это просто разыграть.

— Специально для нас?

— Да. Он достаточно умен, чтобы подумать об этом — и в то же время не пересолить.

— Он должен быть тогда первоклассным актером.

— Ну конечно же, Джерри, тот, кто вытворяет такие вещи, *должен* быть первоклассным актером. Отчасти он и от этого получает удовольствие.

— Ради бога, Джоанна, не говори таким понимающим тоном! Ты будишь во мне такое чувство, словно ты... словно ты слишком хорошо понимаешь подобный склад ума.

— Я думаю, я действительно понимаю. Я могу... вот именно — проникнуться этим настроением. Как будто я не Джоанна Бёртон, как будто я не молода, достаточно привлекательна и могу неплохо проводить время, а будто бы я... как это выразить?.. где-то за забором, в стороне, наблюдаю за остальными людьми, которые наслаждаются жизнью, — и тогда как бы черный, дурной прилив поднимается во мне, заставляя меня причинять боль, мучить... и даже уничтожать!

— Джоанна! — Я схватил ее за плечи и встряхнул. Она судорожно вздохнула, слегка вздрогнула и улыбнулась.

— Я тебя напугала, да, Джерри? Но у меня было такое ощущение, что это — самый верный путь для решения всей проблемы. Ты должен как бы воплотиться в такого человека, чтобы понять его чувства и что заставляет его действовать... И тогда, возможно, ты поймешь, что он собирается делать дальше.

— Ох, здорово! — сказал я. — А я-то приехал сюда, чтобы питаться овощами и развлекаться милыми мелкими местными скандальчиками. Милый мелкий местный скандальчик! Клевета, обливание грязью, непристойности и убийство!

IV

Джоанна оказалась абсолютно права. Верхняя улица была полна людей. Мое появление было отмечено лишь мельком.

Первым я встретил Гриффитса. Он выглядел жутко больным и усталым. Настолько, что я удивился. Конечно, убийство не является для врача делом привычным, но все же его профессия заставляет сталкиваться со множеством вещей, включая страдание, безобразнейшие стороны человеческой натуры и смерть.

— Вы выглядите совсем больным, — сказал я.

— Правда? — Он был рассеян. — О, у меня за последнее время было несколько сложных случаев.

— Включая бродящего на свободе сумасшедшего?

— И это, конечно.

Он взглянул мимо меня на другую сторону улицы. Я заметил, что у него нервно дернулось веко.

— А у вас нет подозрений насчет того... *кто* это?

— Нет. Нет. Но я хотел бы знать.

Он коротко осведомился о Джоанне и добавил нерешительно, что у него есть несколько фотоснимков, которые она хотела видеть.

Я предложил передать их ей.

— О, это неважно. Я, видимо, буду проходить мимо вашего дома позже, днем.

Я начал побаиваться, что Гриффитс сильно влип. Проклятая Джоанна! Гриффитс был слишком хорошим человеком, чтобы с ним мошенничать.

Я дал ему уйти, поскольку заметил, что приближается его сестра, а я хотел на этот раз (в виде исключения) поговорить с ней.

Айми Гриффитс начала, как обычно, сразу с середины темы.

— Совершенно потрясающе! — прогудела она. — Я слышала, вы там были — очень рано?

Так прозвучал вопрос на словах, но глаза ее сверкали и нажимали на слово «рано». Я не собирался докладывать, что Меган позвонила мне. Вместо этого я сказал:

— Видите ли, я был немного встревожен вчера вечером. Девушка должна была прийти в наш дом на чай, но не пришла.

— И потому вы опасались худшего? Весьма умно с вашей стороны!

— Да, — сказал я, — я хорошая ищейка.

— Это впервые — убийство в Лимстоке. Ужасающее потрясение. Надеюсь, полиция сможет с

этим справиться.

— Я бы на этот счет не беспокоился, — сказал я. — Там очень квалифицированная команда.

— Я даже никак не могу вспомнить, как эта девочка выглядела, хотя, полагаю, она открывала мне двери десятки раз. Тихая, незаметная бедняжка. Ударили по голове, а потом проткнули сзади вертелом, так Оуэн мне сказал. Мне кажется, похоже на то, что это ее кавалер сделал.

— Вы объясняете это так?

— Это кажется наиболее вероятным. Они поссорились, я предполагаю. Они все здесь выродки, у большинства очень плохая наследственность. — Она помолчала, потом продолжила: — Я слышала, труп нашла Меган Хантер? Для нее это должно быть серьезным потрясением.

Я коротко подтвердил:

— Так и было.

— Не слишком-то ей полезно, смею предположить. По моему мнению, она не очень крепка головой, а подобные вещи могут заставить ее и вовсе потерять голову.

Я внезапно решился. Я должен был кое-что узнать.

— Скажите мне, мисс Гриффитс, это вы вчера убедили Меган вернуться домой?

— Ну не то чтобы я ее убедила...

Я стоял на своем:

— Но вы ей что-то сказали?

Айми Гриффитс переступила с ноги на ногу и пристально посмотрела мне в глаза, явно уходя в глухую оборону. Она сказала:

— Это нехорошо, когда молодая женщина увиливает от ответственности. Она молода, и она не знает, как длинны языки, поэтому я чувствовала, что моя обязанность — намекнуть ей.

— Языки?... — Я оборвал себя на полуслове, поскольку был слишком зол, чтобы продолжать.

Айми Гриффитс, как и всегда, говорила с доводящей до бешенства самодовольной уверенностью в себе.

— О, я осмелюсь сказать, *вы* просто не слышали тех сплетен, что ходят вокруг. А я слышала! Я знаю, *что* говорят люди. Уверяю вас, я и на минуту бы не подумала, что во всем этом что-то есть, — ни на минуту! Но вы знаете, каковы люди: если уж они могут сказать гадость — они непременно скажут. А это плохо отразится на девушке, когда ей придется зарабатывать себе на жизнь.

— Зарабатывать на жизнь? — переспросил я в замешательстве.

Айми продолжала:

— Естественно, она в очень трудном положении. Но я думаю, она поступит верно. Я имею в виду, она не сбежит в такой ответственный момент и не оставит детей без присмотра. Она ведет себя великолепно, просто великолепно! Я это всем говорю! Но есть тут кое-что такое, что вызывает недоброжелательность, и люди будут сплетничать.

— О ком это вы говорите? — спросил я.

— Об Элси Холланд, конечно, — нетерпеливо откликнулась Айми Гриффитс. — По моему мнению, она старательная, милая девушка и всего лишь выполняет свои обязанности.

— А что же говорят люди?

Айми Гриффитс рассмеялась. Это был, подумал я, весьма неприятный смех.

— Они говорят, что она уже подумывает о возможности стать миссис Симмингтон номер два, что она вся ушла в утешение вдовца и делает все, чтобы стать совершенно необходимой.

— Но, — воскликнул я, потрясенный, — миссис Симмингтон умерла всего неделю назад!

Айми Гриффитс пожала плечами:

— Разумеется. Это абсурд! Но вы знаете, каковы люди. Барышня Холланд молода и хороша собой — и этого достаточно. И, обратите внимание,

должность гувернантки — это не перспектива для девушки. Я бы не осудила ее за желание обзавестись домом и мужем и соответственно этому вести игру. Конечно, — продолжала она, — бедный Дик Симмингтон об этом и не догадывается! Он еще не справился до конца с потрясением от смерти Моны. Но вы же знаете, каковы люди! Если девушка все еще там, заботится о нем, создает ему условия, будучи при этом весьма предана детям, — ну, значит, он попадет в зависимость от нее.

Я сказал спокойно:

— То есть вы думаете, что Элси Холланд — грязная интриганка?

Айми Гриффитс вспыхнула:

— Ничуть! Я жалею девушку — потому что люди говорят гадкие вещи! Именно поэтому я более или менее объяснила Меган, что она должна вернуться домой. Это все-таки выглядит лучше, чем если бы Дик Симмингтон и девушка оставались одни в доме.

Я начал кое-что понимать.

Айми Гриффитс издала оживленный смешок.

— Вы потрясены, мистер Бёртон, слыша о том, что думают сплетники в нашем маленьком городишке. Я могу добавить еще вот что: они всегда

думают о самом плохом!

Она рассмеялась и размашисто зашагала прочь.

V

Мистера Пая я настиг возле церкви. Он рассказывал что-то Эмили Бартон, и та выглядела смущенной и одновременно возбужденной.

Мистер Пай приветствовал меня с очевидным восторгом:

— Ах, мистер Бёртон, доброе утро, доброе утро! Как поживает ваша очаровательная сестра?

Я сообщил ему, что Джоанна поживает неплохо.

— Но не присоединяется к нашему сельскому парламенту? Мы все здесь — в напряженном ожидании новостей. Убийство! Убийство среди нас — совсем как в воскресной газете! Боюсь только, что это — не из самых интересных преступлений. Нечто подлое. Жестокое убийство маленькой прислуги. Никаких подробностей о преступлении.

Мисс Бартон сказала дрожащим голосом:

— Это шокирует... совершенно шокирует.

Мистер Пай повернулся к ней:

— Но вам это нравится, дорогая леди, вам это

нравится, признайте это. Вы это не одобряете, вы находите это предосудительным, но это же сенсация! Я настаиваю, это *действительно* сенсация!

— Такая милая девушка, — сказала Эмили Бартон. — Она пришла ко мне из монастыря Святой Клотильды. Совершенно неопытная девочка. Но очень способная. Она превратилась в такую милую маленькую прислугу. Патридж была ею очень довольна.

Я сказал быстро:

— Она собиралась на чай к Патридж вчера днем. — Я повернулся к Паю: — Я полагаю, Айми Гриффитс рассказала вам.

Я говорил небрежным тоном. Пай отреагировал явно безо всяких подозрений:

— Она упоминала об этом, да. Она говорила, я помню, что это что-то новенькое — чтобы слуги пользовались телефонами хозяев.

— Патридж никогда бы и не подумала о чем-либо подобном, — сказала мисс Эмили. — И я очень удивлена, что Агнес так поступила.

— Вы отстаете от времени, дорогая леди, — сказал мистер Пай. — Мои двое слуг постоянно терзают телефон и курят по всему дому до тех пор, пока я не сделаю им замечание. Но этого не следует делать часто. Прескотт — божественный

повар, хотя излишне темпераментный, а миссис Прескотт — восхитительная горничная.

— Да, в самом деле, мы все думаем, что вы счастливчик.

Я вмешался, поскольку не хотел, чтобы беседа свелась к домашним проблемам.

— Известие об убийстве разнеслось очень быстро, — сказал я.

— Конечно, конечно, — согласился мистер Пай. — Мясник, булочник, продавец подсвечников... Шествует Молва, изукрашенная множеством языков! Лимсток, увы! — пойди он прахом. Анонимные письма, убийства, масса уголовных склонностей.

Эмили Бартон нервно сказала:

— Никто не думает... нет же такой мысли... что... что это между собой связано.

Мистер Пай на лету подхватил идею:

— Интересное предположение! Девушка что-то знала, и из-за этого ее убили. Да, да, весьма многообещающе! Как умно с вашей стороны догадаться об этом!

— Я... я не могу этого вынести!

Эмили Бартон резко оборвала разговор и пошла прочь, шагая очень быстро.

Пай посмотрел ей вслед. Его ангельское личико

насмешливо сморщилось. Он вновь повернулся ко мне и осторожно покачал головой:

— Чувствительная душа. Очаровательное создание, вам не кажется? Как старинное произведение искусства. Она, знаете, не принадлежит к своему собственному поколению, она — из поколения предыдущего. Ее мать, должно быть, имела очень сильный характер. Я бы сказал, она словно накрыла семью чехлом, остановив время около 1870 года. Целая семья, упрятанная под стеклянным колпаком. Мне нравится наталкиваться на такие явления.

Мне не хотелось говорить о старинных произведениях искусства.

— А что вы вообще думаете обо всем этом деле? — спросил я.

— Что вы имеете в виду?

— Анонимные письма, убийство...

— Наш местный рост преступности? А вы?

— Я спросил вас первым, — сказал я любезно.

Мистер Пай сказал осторожно:

— Знаете ли, я изучаю всякие отклонения. Мне это интересно. Люди, которые очевидно несчастливы, делают иной раз совершенно фантастические вещи. Возьмите случай с Лиззи Борден. Этому нет разумного объяснения. А в

нашем случае я бы посоветовал полиции — изучайте *характер*. Оставьте эти ваши отпечатки пальцев, и измерения почерка, и микроскопы. Наблюдайте вместо этого, что люди делают со своими руками, и отмечайте малейшие особенности их поведения, и как они едят, и не смеются ли они иной раз без видимых резонов...

Я вздернул брови.

— Сумасшедший? — произнес я.

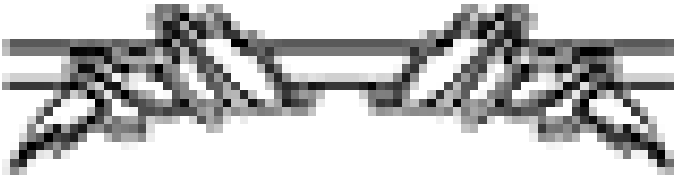
— Совершенно, совершенно сумасшедший, — подтвердил мистер Пай и добавил: — Но вам никогда об этом не догадаться!

— Кто?

Его глаза встретились с моими. Он улыбался.

— Нет-нет, Бёртон, это будет сплетня. Мы не можем добавить еще одну сплетню к тем, что уже есть.

И он грациозно поскакал по улице.



ГЛАВА 6

I

Пока я стоял, изумленно глядя вслед мистеру Паю, открылась церковная дверь и вышел преподобный Калеб Дейн-Кэлтроп.

Он неопределенно улыбнулся мне.

— Доброе... доброе утро, мистер... э... э...

Я помог ему:

— Бёртон.

— Конечно, конечно, вы не должны думать,

будто я вас не помню. Просто ваше имя на мгновение выскользнуло из моей памяти. Прекрасный день.

— Да. — Я ответил слишком коротко.

Он всмотрелся в меня:

— Но что-то... что-то... ах да, это бедное, несчастное дитя, которое служило у Симмингтонов. В это трудно поверить, но я должен признать, что среди нас есть убийца, мистер... э... Бёртон.

— Это выглядит немножко фантастичным, — сказал я.

— И еще кое-что мне сказали. — Он наклонился ко мне. — Я узнал, что здесь появились анонимные письма. До вас доходил слух о чем-либо подобном?

— Доходил, — сказал я.

— Подлые и трусливые дела. — Он помолчал и излил огромный поток латыни. — Эти слова Горация весьма здесь применимы, вы согласны? — спросил он.

— Абсолютно, — ответил я.

II

Больше мне не встретился никто, с кем бы я мог поговорить с пользой для себя, поэтому я отправился домой, заглянув еще за табаком и бутылкой

шерри — чтобы узнать мнение простого торговца о преступлении.

«Грязный бродяга» — таков был приговор.

— Подошел к двери — они часто так делают — и пожаловался да попросил денег. А если девочка дома одна была, он и тюкнул ее. Моя сестра Дора, она в Комб-Экре, она видела такого, по своему опыту знает, — пьяный, конечно, и стишки продавал, маленькие такие, отпечатанные...

История была долгой и заканчивалась тем, что неустрашимая Дора храбро захлопнула дверь перед лицом этого человека и спряталась и забаррикадировалась в некоем таинственном убежище, которое, как я понял из тонких намеков, было не чем иным, как уборной. «И там она и оставалась, пока ее хозяйка не вернулась!»

Я добрался до «Литтл Фюрц» лишь за несколько минут до обеда.

Джоанна стояла у окна гостиной, совершенно ничем не занятая, и выглядела так, словно мысли ее блуждали невероятно далеко.

— Что с тобой происходит? — спросил я.

— О, не знаю. Ничего особенного.

Я вышел на веранду. Два стула были придвинуты к черному столику, и там стояли два пустых стакана из-под шерри. На одном из стульев нахо-

дился предмет, на который я смотрел некоторое время в замешательстве.

— Что это за куча земли?

— О, — сказала Джоанна, — я думаю, это фотография больной селезенки или чего-то в этом роде. Доктору Гриффитсу показалось, что мне будет интересно на это взглянуть.

Я посмотрел на фотографию с некоторым любопытством. У каждого мужчины свои способы искать расположения женщины. Лично я не стал бы этого делать при помощи снимка селезенки, больной или еще какой-то. Однако нет сомнений, что Джоанна о ней что-то спрашивала!

— Не слишком аппетитно, — сказал я.

Джоанна согласилась, что это, пожалуй, так.

— Как там Гриффитс? — спросил я.

— Он выглядит усталым и очень несчастным. Я думаю, у него что-то особое на уме.

— Селезенка, не поддающаяся лечению?

— Не будь дураком. Я имею в виду что-то серьезное.

— Я бы сказал, что у него *ты* на уме. Я бы хотел, чтобы ты оставила его в покое, Джоанна.

— Ой, заткнись. Я ничего такого не делаю.

— Женщины всегда так говорят.

Джоанна, разозлившись, вихрем вылетела из

комнаты.

Больная селезенка начала сморщиваться под солнечными лучами. Я взял ее за уголок и унес в гостиную. Меня она не трогала, но я осмелился предположить, что это одно из сокровищ Гриффитса.

Я остановился и оглядел нижнюю часть книжной полки в поисках книги потяжелее, чтобы использовать ее как пресс и заложить фотографию между страницами. Там нашелся увесистый том чьих-то проповедей.

Книга в моих руках неожиданно раскрылась сама. В следующую минуту я понял почему. *Часть страниц в ее середине была аккуратно вырезана.*

III

Я застыл, уставившись на книгу. Потом взглянул на титул. Книга была издана в 1840 году.

Тут не могло быть никаких сомнений. Я смотрел на книгу, из страниц которой были составлены анонимные письма. Кто вырезал их?

Ну, для начала это могла быть сама Эмили Бартон. Она была, быть может, наиболее очевидной кандидатурой. Или же это могла быть Патридж.

Но были и другие возможности. Страницы мог вырезать некто, остававшийся один в этой

комнате, некий гость, например, сидевший здесь и ожидавший мисс Эмили. Или любой человек, пришедший по делу.

Нет, это не годилось. Я заметил однажды, что клерка из банка, пришедшего ко мне, Патридж провела в маленький кабинет в задней части дома. Очевидно, это было здесь в обычае.

Итак, гость?.. Некто «с хорошим социальным положением». Мистер Пай? Айми Гриффитс? Миссис Дейн-Кэлтроп?

IV

Прозвенел гонг, и я пошел обедать. Позже, в гостиной, я продемонстрировал Джоанне мою находку.

Мы обсуждали это с разных сторон. Потом я отнес книгу в полицейский участок.

Там по поводу находки возликовали, и меня хлопали по спине, выражая таким образом беспредельный восторг.

Грейвза не было в тот момент, но был Нэш, и он тут же позвонил Грейвзу. Они должны были исследовать книгу на предмет наличия отпечатков пальцев, хотя Нэш и не надеялся их найти. Я мог бы и сразу сказать, что искать нечего. Там могли быть отпечатки лишь мои и Патридж, и ничьи

больше, что прекрасно продемонстрировало бы добросовестность Патридж при вытирании пыли.

Я спросил Нэша, как идут дела.

— Мы сужаем круг поисков, мистер Бёртон. Мы исключаем тех людей, которые не могли быть в том месте.

— А-а, — сказал я. — И кто же остается?

— Мисс Гинч. У нее вчера была назначена встреча с клиентом на дому. Тот дом расположен недалеко от дороги на Комб-Экр, а эта дорога идет мимо дома Симмингтонов. Проходя там, она могла как миновать дом, так и войти в него... Неделей раньше, в тот день, когда пришло анонимное письмо и миссис Симмингтон покончила с собой, она последний день работала в конторе Симмингтона. Мистер Симмингтон сначала полагал, что она не выходила из помещения в тот день. У него весь день был сэр Генри Лашингтон, и они время от времени звонили мисс Гинч. Я, однако, выяснил, что она выходила между тремя и четырьмя. В конторе иссяк запас дорогих марок, и она выходила, чтобы их купить. Мог бы сбегать и рассыльный, но мисс Гинч предпочла пойти сама, сказав, что у нее болит голова и ей нужно выйти на воздух. Она отсутствовала не

слишком долго.

— Но достаточно долго?

— Да, достаточно долго для того, чтобы быстро пройти в другой конец городка, опустить письмо в ящик и поспешить обратно. Я должен сказать тем не менее, что я не нашел никого, кто видел бы ее неподалеку от дома Симмингтонов.

— А ее должны были заметить?

— Могли заметить, а могли и не заметить.

— Кто же еще в вашем списке?

Нэш как-то странно смотрел прямо перед собой.

— Вы же понимаете, мы не можем исключить никого — вообще никого...

— Конечно, — сказал я. — Я это понимаю.

Нэш очень серьезно произнес:

— Мисс Гриффитс вчера ездила в Брентон на встречу скаутов. Она вернулась очень поздно.

— Не думаете же вы...

— Нет, я не думаю. Но я *не знаю*. Мисс Гриффитс кажется на редкость нормальной, здравомыслящей женщиной, но, повторяю, я *не знаю.*

— А как насчет предыдущей недели? Она могла бросить письмо в ящик?

— Это возможно. Она ходила по магазинам в тот день. — Он помолчал. — То же относится и

к мисс Эмили Бартон. Она вчера с утра ушла по магазинам; и она навещала кого-то из своих друзей, проходя как раз мимо дома Симмингтонов, неделей раньше.

Я недоверчиво покачал головой. Я понимал, что обнаружение изрезанной книги в «Литтл Фюрц» привлекает внимание к владелице этого дома, но когда я вспоминал мисс Эмили, входящую вчера, — такую сияющую, и счастливую, и взволнованную...

Черт побери... взволнованную... Да, взволнованную — розовые щеки... сверкающие глаза... уж не потому ли?.. не потому ли?..

Я тупо сказал:

— Это дело для меня вредно! Что-то видеть... что-то воображать...

Нэш сочувствующе кивнул:

— Да, это не слишком приятно — рассматривать хороших знакомых как возможных безумных преступников.

Он помедлил минуту, затем продолжил:

— Следующий — мистер Пай...

Я живо воскликнул:

— Так вы и его учли?!

Нэш улыбнулся.

— О да, мы и его учли. Очень любопытный ха-

рактер... нет, я бы сказал, очень милый характер. У него нет алиби. В обоих случаях он был в саду, совершенно один.

— Значит, вы подозреваете не только женщин?

— Я не думаю, что письма писал мужчина, я даже уверен, и Грейвз тоже; пусть даже этот мужчина — мистер Пай, о котором говорят, что он имеет в характере ненормальные, женские черты. Но мы проверяем *всех*, имея в виду вчерашний день. Это убийство, видите ли. *Вы* вне подозрений, — усмехнулся он, — и ваша сестра тоже, и мистер Симмингтон не выходил из конторы, и доктор Гриффитс был на обходе в другом конце города, а я проверил все его визиты.

Он снова помолчал, снова улыбнулся и сказал:

— Как видите, мы скрупулезны.

Я медленно произнес:

— Таким образом, ваша задача — выбрать из этих троих? Мистер Пай, мисс Гриффитс, маленькая мисс Бартон?

— О, нет, нет, у нас есть еще кое-кто, включая и супругу викария.

— Вы подозреваете *ее?*

— Мы подозреваем *всех*, а миссис Дейн-Кэлтроп заметно ненормальна, если вы понимаете, что

я имею в виду. В общем, она *могла* это сделать. Вчера днем она была в лесу, любовалась на птичек, — но птички не могут этого подтвердить.

Он внезапно замолчал, так как в полицейский участок вошел Оуэн Гриффитс.

— Привет, Нэш. Я слышал, вы везде искали меня утром. Что-нибудь важное?

— Дознание в пятницу, если это вас устроит, доктор.

— Хорошо. Мы с Морсби произведем вскрытие вечером.

Нэш сказал:

— Тут есть еще одна штука, доктор Гриффитс. Миссис Симмингтон говорила о каких-то порошках или о чем-то в этом роде, которые вы ей прописывали...

Он замолчал.

Оуэн Гриффитс произнес вопросительно:

— Да?

— Не могла ли передозировка этих порошков быть фатальной?

— Конечно, нет, — сухо ответил Гриффитс. — Ничего бы не случилось, даже если бы она проглотила их штук двадцать пять!

— Но вы однажды предупреждали ее, чтобы она не превышала дозу, так мне говорила мисс

Холланд.

— О, это — да. Миссис Симмингтон была женщиной того типа, которые все принимают с излишком, — они воображают, что двойной прием лекарства вдвое улучшит их состояние, а этого нельзя проделывать ни с каким лекарством, даже с фенацетином и аспирином, — это вредно для сердца. Но в любом случае об этом не следует думать как о причине смерти. Там был цианид.

— Ох, да я знаю. Вы просто не поняли, что я имел в виду. Я лишь думал, что, совершая самоубийство, люди скорее выбирают приличную дозу снотворного, чем наедаются синильной кислоты.

— Ну да. Но, с другой стороны, синильная кислота более драматична и более чем достаточна для такого фокуса. С барбитуратами, напротив, жертву можно привести в чувство, если прошло не слишком много времени.

— Понятно; спасибо, доктор Гриффитс.

Гриффитс откланялся, и я попрощался с Нэшем. Я медленно направился на холм, домой. Джоанна отсутствовала или, по крайней мере, не подавала знака о присутствии, а на телефонной подставке красовался загадочный меморандум, нацарапанный то ли для Патридж, то ли для меня:

«Если позвонит доктор Гриффитс, то я не смогу пойти в четверг, но ухитрюсь, пожалуй, в среду или в пятницу».

Я вздернул брови и прошел в гостиную. Я уселся в самое удобное кресло (по-настоящему удобным не было ни одно из них, все они имели слишком прямые спинки и напоминали о покойной миссис Бартон), вытянул ноги и попытался обдумать все как следует.

С внезапным раздражением я вспомнил, что приход Оуэна прервал мою беседу с инспектором и что тот упоминал о других возможных подозреваемых.

Я хотел знать, кто они такие.

Возможно, одна из них — Патридж? В конце концов, изрезанная книга найдена в этом доме. И Агнес, ничего не подозревая, могла быть сражена своей руководительницей и наставницей. Нет, исключить Патридж нельзя.

Я закрыл глаза. Я, сосредоточившись, размышлял. Кроткая, хрупкая маленькая Эмили Бартон? Что в действительности имеется против нее? Загубленная жизнь? С детства жестко руководимая и подавленная? Слишком многих жертв требовали от нее?.. Ее странное отвращение к

обсуждению чего-либо «не слишком красивого»? А вдруг это в действительности означает, что она крайне озабочена подобными темами... Не слишком ли я увлекаюсь фрейдизмом? Я вспомнил, как однажды врач рассказывал мне, что бормочут кроткие старые девы под наркозом, — для врача это было открытием! «Вы бы и не подумали, что они знают подобные слова!..»

Айми Гриффитс?

Ее, конечно, ничто не подавляет и не «сдерживает». Бодрая, мужеподобная, удачливая. Ее жизнь полна и насыщенна. Но миссис Дейн-Кэлтроп сказала: «Бедняжка!»

И было что-то... что-то... какое-то воспоминание... А! Вспомнил. Оуэн Гриффитс говорил что-то такое: «Была краткая эпидемия анонимных писем на севере, где я имел практику».

Уж не была ли это работа Айми Гриффитс? Конечно, возможно и совпадение. Две вспышки той же болезни.

Минутку. Там же нашли автора писем. Гриффитс говорил об этом. Школьница.

Внезапно стало холодно — должно быть, сквозняк от открытого окна. Я неловко повернулся в кресле. Почему вдруг я ощутил головокружение и тревогу?..

Продолжим размышления. Айми Гриффитс? Возможно, именно она, а не та, другая, девушка писала письма? И Айми переехала сюда и снова взялась за свои фокусы. И именно поэтому Оуэн Гриффитс выглядит столь несчастным и заезженным. Он подозревает. Да, он подозревает...

Мистер Пай? Нет, как бы то ни было, очень милый маленький человечек. И все же я мог представить его устраивающим все это дело, смеющимся...

Та записка на подставке для телефона в холле — почему я упорно думаю о ней? Гриффитс и Джоанна — он сражен ею. Нет, не потому записка тревожит меня. Там было что-то еще...

Ощущения мои расплылись, я почти засыпал. Я по-идиотски повторял про себя: «Нет дыма без огня. Нет дыма без огня... Это... это все связано между собой...»

А потом я шел по улице с Меган, а навстречу шла Элси Холланд. Она была в наряде невесты, и люди шептали: «Она собирается наконец-то замуж за доктора Гриффитса. Конечно, они годами встречались тайно...»

Затем мы оказались в церкви, и Дейн-Кэлтроп читал службу на латыни.

А в середине ее миссис Дейн-Кэлтроп вскочила

и энергично закричала: «Это нужно прекратить, я вам говорю! Это нужно прекратить!»

Минуту или две я не мог понять, то ли я еще сплю, то ли уже проснулся. Потом мои мозги прояснились, и я обнаружил, что нахожусь в гостиной «Литтл Фюрц» и что миссис Дейн-Кэлтроп, вошедшая через окно, стоит передо мной, произнося с нервным напором:

— Это нужно прекратить, я вам говорю!

Я вскочил.

— Прошу прощения, — сказал я. — Боюсь, я задремал. Что вы сказали?

Миссис Дейн-Кэлтроп свирепо хлопнула кулаком по ладони другой руки.

— Это должно быть прекращено. Эти письма! Убийство! Нельзя допустить, чтобы невинных детей вроде Агнес Водделл *убивали!*

— Вы совершенно правы, — сказал я. — Но как вы предполагаете это остановить?

Миссис Дейн-Кэлтроп заявила:

— Мы должны что-то сделать!

Я улыбнулся — возможно, несколько снисходительно.

— И что мы должны сделать, что вы предлагаете?

— Нужно все выяснить! Я утверждала, что в

нашем местечке нет безнравственности. Я ошибалась. Она есть.

Во мне вспыхнула досада.

— Да, дорогая, — сказал я не слишком вежливо. — Но что вы намерены *делать?*

Миссис Дейн-Кэлтроп сказала:

— Положить конец всему этому, разумеется.

— Полиция сделает это лучше.

— Если Агнес смогли вчера убить, их действия недостаточно хороши.

— Значит, вы лучше их знаете, что делать?

— Ничуть. *Я* не знаю вообще ничего. Именно поэтому я намерена вызвать специалиста.

Я покачал головой:

— Вы не можете этого сделать. Скотленд-Ярд уже взялся за дело по запросу начальника полиции округа. В настоящий момент они прислали Грейвза.

— Я совсем не имею в виду такого специалиста. Я не имею в виду тех, кто разбирается в анонимных письмах или даже в убийствах. Я говорю о таком человеке, который знает *людей*. Вы понимаете? Мы должны пригласить того, кто очень хорошо понимает, что такое *порок!*

Это была странная точка зрения. Но тем не менее очень любопытная.

Прежде чем я смог что-либо сказать, миссис Дейн-Кэлтроп кивнула мне и заявила деловым, уверенным тоном:

— Я намерена позаботиться об этом немедленно.

И вышла через окно.

V

Следующая неделя, я уверен, была самым странным периодом в моей жизни. Все напоминало сон. Ничто не казалось реальным.

Состоялось дознание по делу Агнес Водделл, и любопытствующий Лимсток присутствовал на нем в полном составе. Никаких новых фактов не появилось, и единственно возможный вердикт гласил: «Убита неизвестным или неизвестными».

Итак, бедняжка Агнес Водделл, получив свою долю внимания, была должным образом похоронена на тихом кладбище у церкви, и жизнь в Лимстоке потекла как прежде.

Нет, последнее утверждение неверно. Не так, как прежде...

Полуиспуг-полулюбопытство светилось в каждом взгляде. Соседи косились друг на друга. Одно стало совершенно ясно на дознании: что абсо-

лютно неправдоподобна версия о том, что Агнес Водделл убил бродяга. Никаких бродяг или просто неизвестных людей никто не замечал в округе. И, таким образом, в Лимстоке ходил по Верхней улице, делал покупки, проводя время, человек, треснувший беззащитную девочку по черепу и проткнувший остроконечным вертелом ее мозг.

И никто не знал, кем был этот человек.

Как я уже сказал, дни проходили как дурной сон. Я смотрел на каждого встречного в новом свете — как на возможного убийцу. Это не было приятным ощущением!

А по вечерам, опустив шторы, мы с Джоанной сидели и говорили, говорили, споря, перебирая различные варианты, казавшиеся фантастичными и невероятными.

Джоанна твердо придерживалась гипотезы о мистере Пае. Я же, после некоторых колебаний, вернулся к своему первоначальному подозрению — мисс Гинч. Но мы при этом снова и снова перебирали все возможные имена.

Мистер Пай?

Мисс Гинч?

Миссис Дейн-Кэлтроп?

Айми Гриффитс?

Эмили Бартон?

Патридж?

И все это время, нервничая, опасаясь, мы ожидали новых событий.

Но ничего не случалось. Никто, насколько мы знали, не получал больше писем. Нэш совершал регулярные вылазки в городок, но что он делал и какие ловушки ставила полиция, я не догадывался. Грейвз приехал снова.

Эмили Бартон приходила на чай. Меган приходила на обед. Оуэн Гриффитс продолжал практиковать. Мы навестили мистера Пая и пили с ним шерри. И еще мы пили чай в доме викария.

Я был рад, что миссис Дейн-Кэлтроп больше не обнаруживает боевой свирепости, которую она проявила при нашей последней встрече. Я подумал, что она обо всем этом забыла.

Теперь ее, кажется, главным образом интересовали бабочки-белянки и как уберечь от них цветную и обычную капусту.

Тот день в доме викария был одним из самых мирных. Дом был старый и милый, с большой, ветхой, удобной гостиной, обитой поблекшим кретоном в розах. У Дейн-Кэлтропов была гостья — любезная пожилая леди, постоянно вязавшая что-то из белой пушистой шерсти. К чаю были замечательные горячие лепешки; пришел викарий

и лучезарно и безмятежно улыбался нам, ведя вежливую, умную беседу. Это было чудесно.

Но я не рассчитывал, что мы избегнем темы убийства, мы просто не могли ее обойти.

Мисс Марпл, гостья, была, естественно, взволнована таким разговором. Поэтому она сказала извиняющимся тоном:

— В деревне совершенно не о чем говорить!

Она вообразила, что погибшая девушка должна была быть похожа на ее Эдит.

— Такая же милая маленькая горничная и такая услужливая, но иной раз, пожалуй, немножко *копуша*[5].

У мисс Марпл также была кузина, сводная сестра племянницы которой была весьма раздражена и напугана анонимными письмами, — в общем, похоже, все это очень интересовало очаровательную старую леди.

— Но скажите мне, дорогая, — обратилась она к миссис Дейн-Кэлтроп, — что деревенский люд, то есть я хотела сказать горожане, говорят об этом? Что *они* думают?

— Они считают, что это миссис Клит, по-моему, — сказала Джоанна.

---

[5] notes: 5
Человек, делающий все медленно и вяло.

— Ох нет, — пробормотала миссис Дейн-Кэлтроп. — Не *теперь*.

Мисс Марпл поинтересовалась, кто такая миссис Клит.

Джоанна объяснила, что это деревенская ворожея.

— Ведь это действительно так, да, миссис Дейн-Кэлтроп?

Викарий изрек длинную латинскую цитату, я думаю, о дурном влиянии ворожей, и мы все выслушали ее в почтительном молчании, ничего не поняв.

— Она очень глупая женщина, — сказала его жена. — Любит пускать пыль в глаза. Ходит в полнолуние собирать травы и старается, чтобы все в округе об этом знали.

— А глупые девочки бегают к ней за советами, я полагаю? — спросила мисс Марпл.

Я заметил, что викарий готов обрушить на нас очередную порцию латыни, и торопливо спросил:

— Но почему бы людям и не заподозрить ее в убийстве теперь? Они же думали, что письма — ее рук дело.

Мисс Марпл сказала решительно:

— О! Но девочку убили *вертелом*, так я слы-

шала. Весьма неприятно. Ну, естественно, это отводит *все* подозрения от этой миссис Клит. Потому что, видите ли, она же могла наворожить болезнь, и девушка зачахла бы и умерла обычным образом.

— Странно, как живучи эти старые верования, — сказал викарий. — Во времена раннего христианства местные суеверия были мудро объединены в христианские доктрины, и их наиболее неприятные атрибуты постепенно элиминированы.

— То, с чем нам здесь приходится иметь дело, — не суеверие, а *факт*, — сказала миссис Дейн-Кэлтроп.

— И весьма неприятный факт, — добавил я.

— Совершенно верно, мистер Бёртон, — подтвердила мисс Марпл. — Но вот *вы* — извините меня, если я чересчур конкретна, — вы здесь чужак, и вы знаете мир и разные стороны жизни. Мне кажется, вы должны быть в состоянии найти решение этой неприятной проблемы.

Я улыбнулся:

— Наилучшее решение я нашел во сне. Во сне все прекрасно улеглось и совпало. К сожалению, когда я проснулся, все это оказалось чепухой.

— Как интересно! — воскликнула мисс

Марпл. — Расскажите мне, как вы додумались до этой чепухи.

— О, все началось с глупой фразы: «Нет дыма без огня». Это все повторяли без конца. А потом я спутал это с военным временем. Дымовая завеса, клочок бумаги, записка у телефона... Нет, это был другой сон.

— А что это был за сон?

Старая леди спрашивала настолько нетерпеливо, что я ощутил уверенность в том, что она тайно читает *«Книгу снов Наполеона»*, бывшую, помнится, величайшей жизненной опорой моей старой няньки.

— О, там была Элси Холланд — гувернантка Симмингтонов, вы знаете, — и она собиралась замуж за доктора Гриффитса, а викарий читал службу на латыни («Весьма недурно», — прошептала миссис Дейн-Кэлтроп своему супругу), а потом миссис Дейн-Кэлтроп встала и запретила оглашать предстоящее бракосочетание, заявив, что все это должно быть прекращено. Но эта часть, — добавил я с улыбкой, — была реальностью. Я проснулся и обнаружил вас стоящею передо мной именно с этими словами.

— И я была совершенно права, — сказала миссис Дейн-Кэлтроп. — И я очень мягко выразилась,

рада заметить.

— Но где появляется записка у телефона? — спросила мисс Марпл, вздернув брови.

— Боюсь, тут я сглупил. Это не было во сне. Это было как раз перед ним. Я проходил через холл и заметил, что Джоанна оставила записку насчет того, что отвечать, если позвонит один человек.

Мисс Марпл наклонилась вперед. На ее щеках вспыхнул румянец.

— Не подумаете ли вы, что я *чересчур* назойлива и *чересчур* бесцеремонна, если я спрошу вас, что говорилось в этой записке?

Джоанну, напротив, это сильно развлекло.

— О, я не помню, — заверила она старую леди. — Я сама ничего не могу сказать, но, может быть, Джерри?.. Должно быть, что-то совершенно заурядное.

Я торжественно повторил текст записки, насколько мог его вспомнить, и получил огромное удовольствие от того, с каким вниманием выслушала меня старая леди.

Я боялся, что текст разочарует ее, но, возможно, у нее возникла какая-то сентиментальная мысль о любовной истории, поскольку она кивала, и улыбалась, и выглядела довольной.

— Понятно, — сказала она. — Я так и думала,

что там было нечто в этом роде.

Миссис Дейн-Кэлтроп живо спросила:

— В каком роде, Джейн?

— Что-то совсем заурядное, — пояснила мисс Марпл.

Она задумчиво смотрела на меня мгновение-другое, а потом неожиданно сказала:

— Я вижу, вы очень умный молодой человек, но вам не хватает уверенности в себе. Вы должны быть более уверенным!

Джоанна громко присвистнула.

— Ради бога, не пробуждайте в нем подобных чувств! Он вполне доволен собой и так.

— Потише, Джоанна, — сказал я. — Мисс Марпл меня понимает.

Мисс Марпл вновь принялась за свое вязанье.

— Знаете, — задумчиво заметила она, — совершение удачного убийства должно быть сродни успешному выполнению фокуса.

— Ловкость рук, обманывающая глаз?

— Не только это. Вы должны заставить людей смотреть не на ту вещь и не на то место — это называется «направить по ложному пути», насколько я знаю.

— Ну, — сказал я, — тогда, кажется, все ищут нашего лунатика не там, где надо.

— Я бы и сама ошиблась, — сказала мисс Марпл, — отыскивая кого-то весьма здравомыслящего.

— Да, — задумчиво проговорил я, — как раз это и сказал Нэш. Я помню, он особо подчеркивал добропорядочность убийцы.

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Это *очень* важно.

С этим, кажется, были согласны все.

Я обратился к миссис Дейн-Кэлтроп.

— Нэш думает, — сказал я, — что должны быть еще анонимные письма. А ваше мнение?

— Это возможно, я полагаю, — медленно произнесла она.

— Если в полиции так думают, так и будет, не сомневайтесь, — сказала мисс Марпл.

Я упорно продолжал приставать к миссис Дейн-Кэлтроп:

— Вы все еще жалеете этого сочинителя?

Она порозовела:

— Почему бы и нет?

— Я не думаю, что могу с вами согласиться, дорогая, — сказала мисс Марпл. — Не в этом случае.

Я горячо заявил:

— Письма довели женщину до самоубийства, они были причиной огромной беды!

— Вы получали такие письма, мисс Бёртон? — спросила мисс Марпл Джоанну.

Джоанна прожурчала:

— О да! Там говорились совершенно жуткие вещи!

— Я уверена, — сказала мисс Марпл, — что молодые и очаровательные леди в первую очередь должны были привлечь внимание сочинителя.

— Как раз поэтому я и думаю: очень странно, что Элси Холланд не получила такого письма, — сказал я.

— Позвольте, — сказала мисс Марпл, — это гувернантка Симмингтонов — из тех, кто приснился вам, мистер Бёртон?

— Да.

— Может, она и получила письмо, да не хочет признаваться, — предположила Джоанна.

— Нет, — сказал я. — Я ей верю. И Нэш тоже.

— Боже мой! — воскликнула мисс Марпл. — Тогда это *очень* интересно! Это самое интересное из всего, что я услышала!

VI

Когда мы шли домой, Джоанна сказала, что я не должен был повторять слова Нэша о том, что письма будут приходить еще.

— Почему?

— Потому что миссис Дейн-Кэлтроп может оказаться *этим человеком.*

— Ну ты же сама в это не веришь!

— Я не уверена. Она странная женщина.

И мы вновь принялись перебирать возможные варианты.

Двумя днями позже я возвращался в автомобиле из Эксгемптона. Там я поужинал и потом отправился назад; к тому времени, как я доехал до Лимстока, почти стемнело.

Что-то не ладилось в автомобильных фарах, и, немного помедлив, пытаясь включать и выключать их, я вышел из машины, чтобы взглянуть, не могу ли я что-то исправить. Потратив какое-то время на эту возню, я все-таки ухитрился в конце концов заставить их работать.

Дорога была пустынна. Никто в Лимстоке не выходит из дома после наступления темноты. Первые дома были прямо передо мной, и среди них безобразно торчало здание Женского института. Оно смутно вырисовывалось в слабом свете звезд, и что-то побудило меня подойти и взглянуть на него. Не знаю, возможно, я уловил мельком неясное движение, словно бы какая-то фигура проскользнула в калитку; если так, то

движение это было настолько неопределенно, что не отложилось в моем сознании, однако я внезапно ощутил нечто вроде непреодолимого любопытства к этому месту.

Калитка была слегка приоткрыта; я распахнул ее и пошел во двор. Короткая тропинка и четыре ступеньки вели к двери.

Я постоял мгновение в нерешительности. В самом деле, зачем я здесь? Я не знал; но тут внезапно, совсем рядом, я услышал шелест. Как от шелкового дамского платья.

Я резко повернулся и обогнул угол здания, направляясь туда, откуда донесся звук.

Я никого не увидел. Я пошел дальше и обогнул следующий угол. Теперь я был позади дома. И вдруг, в двух футах от себя, я увидел открытое окно.

Я подкрался к нему и прислушался. Я ничего не услышал, но то ли почувствовал, то ли угадал, что внутри кто-то есть.

Моя спина еще не окрепла настолько, чтобы заниматься акробатикой, но я ухитрился подтянуться и перевалиться через подоконник. К сожалению, я изрядно нашумел.

Я постоял внутри, у окна, вслушиваясь. Потом шагнул, вытянув перед собой руки. И тут же

услышал слабый звук впереди, справа.

В кармане у меня был фонарик, и я включил его.

Мгновенно прозвучал низкий, отчетливый голос:

— Уберите это!

Я тут же повиновался, поскольку мне и секунды не понадобилось, чтобы узнать лейтенанта Нэша.

Он взял меня за руку и провел через дверь в коридор. Здесь, где не было окон и никто снаружи не мог заметить наше присутствие, он включил свет и посмотрел на меня скорее печально, нежели сердито.

— Вы *могли* получить по голове в ту минуту, мистер Бёртон.

— Простите, — сказал я виноватым тоном, — но у меня возникло подозрение, что здесь что-то неладно.

— Возможно. Вы что-то видели?

Я колебался.

— Я не уверен, — сказал я наконец. — У меня было смутное ощущение, что я видел кого-то, крадущегося к калитке, но я не могу сказать, что я *действительно* видел кого-то. Потом я услышал шорох за углом, с этой стороны здания.

Нэш кивнул.

— Все верно. Кто-то прошел вокруг дома перед вами. Он — или она — остановился возле окна, потом быстро ушел. *Вас* услышал, я полагаю.

Я еще раз извинился.

— А вы здесь с какой целью? — спросил я.

Нэш ответил:

— Я основываюсь на мысли, что сочинитель анонимок не может прекратить писать эти письма. Она знает, что это опасно, но будет продолжать. Это вроде жажды пьяницы или наркомана.

Я согласился.

— Видите ли, мистер Бёртон, я предполагаю, что она захочет, чтобы письма выглядели как можно более одинаковыми. У нее есть вырезанные страницы из книги, и можно продолжать составлять письма из тех слов. Но конверты представляют сложность. Она захочет отпечатать адрес на той же самой машинке. Она не может рисковать и использовать другую машинку или написать адрес от руки.

— Вы всерьез думаете, что она будет продолжать с прежним энтузиазмом? — спросил я недоверчиво.

— Да. И могу держать пари на что вам будет

угодно — она полна уверенности. Они же всегда тщеславны, как дьявол, эти люди! Ну вот, я и вычислил, что эта особа явится в институт после наступления темноты, чтобы добраться до машинки.

— Мисс Гинч, — сказал я.

— Возможно.

— Вы все еще не знаете?

— Я не *знаю*.

— Но подозреваете?

— Да. Но кто-то очень хитер, мистер Бёртон. Кто-то знает все правила этой игры.

Я мог представить ту сеть, которую Нэш раскинул вокруг. Я не сомневался, что каждое письмо, написанное любым из подозреваемых, отправленное по почте или доставленное вне ее, немедленно исследуется. Рано или поздно преступника накроют, допусти он хоть малейший просчет.

В третий раз я извинился за свое усердие и нежелательное присутствие.

— Да ну, — философски бросил Нэш, — в другой раз повезет.

Я вышел в ночь. За моей машиной смутно виднелась чья-то фигура. К моему изумлению, я узнал Меган.

— Привет! — сказала она. — Я так и думала, что это ваша машина. А что вы здесь делаете?

— А вы что здесь делаете? Это куда интереснее, — сказал я.

— Я гуляю. Я люблю гулять по вечерам. Никто тебя не останавливает и не говорит глупостей, и я люблю звезды, и все как-то лучше пахнет, и обычные вещи так странно выглядят.

— Это все я, безусловно, допускаю, — сказал я. — Но только кошки и колдуньи бродят в темноте. О вас беспокоятся дома.

— Нет. Они никогда не беспокоятся о том, где я или *что я делаю*.

— А как вообще ваши дела? — спросил я.

— Все в порядке, похоже.

— Мисс Холланд присматривает за вами после всего этого?

— Элси в норме. Ничто не поможет ей перестать быть полной дурой.

— Жестоко... но похоже на правду, — сказал я. — Забирайтесь в машину, я отвезу вас.

Меган ошиблась, сказав, что ее отсутствия никогда не замечают.

Симмингтон стоял на крыльце, когда мы подъезжали. Он всмотрелся в машину.

— Эй, Меган тут?

— Да, — сказал я. — Я доставил ее домой.

Симмингтон сказал резко:

— Ты не должна уходить таким образом, ничего не сказав нам, Меган. Мисс Холланд очень о тебе беспокоилась.

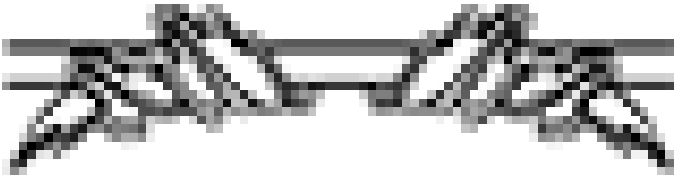
Меган что-то невнятно пробормотала и прошествовала мимо него в дом. Симмингтон вздохнул:

— Взрослая девушка — большая ответственность, особенно когда нет матери, чтобы присмотреть за ней. А школу она уже переросла, мне кажется.

Он посмотрел на меня как-то подозрительно.

— Полагаю, вы учили ее водить машину?

Я рассудил, что лучше оставить его с этой мыслью.



ГЛАВА 7

I

На следующий день я продолжал сходить с ума. Оглядываясь теперь назад, я действительно не могу найти другого объяснения.

Я должен был отправиться с ежемесячным визитом к Маркусу Кенту. Я решил ехать поездом. К моему огромному изумлению, Джоанна осталась в Лимстоке. Как правило, она предпочитала путешествия сидению на одном месте. Но не в

этот раз.

Поэтому я решил вернуться в тот же день, вечерним поездом, до такой степени меня удивила Джоанна. Она просто сказала загадочным тоном, что, конечно, неплохо бы съездить, но зачем проводить часы в грязном, душном поезде, когда в деревне такой чудесный день?

Это, конечно, было неоспоримо, но уж слишком это было не похоже на Джоанну.

Она сказала, что автомобиль ей не нужен и я могу припарковать его у станции до моего возвращения.

По каким-то неясным соображениям, известным только железнодорожной компании, вокзал Лимстока располагался в трех милях от собственно Лимстока. На полпути к железной дороге я нагнал Меган, волочащую ноги с бесцельным видом. Я остановился.

— Привет, чем вы заняты?

— Я просто гуляю.

— Это не назовешь веселой прогулкой, как я вижу. Вы тащитесь, словно удрученный краб.

— Ну, я же не иду куда-то определенно.

— Тогда вам лучше проводить меня до станции.

Я открыл дверцу машины, и Меган запрыгнула

внутрь.

— Куда это вы собираетесь? — спросила она.

— В Лондон. К моему врачу.

— А с вашей спиной теперь уже неплохо, а?

— Да, практически уже все в порядке. Я надеюсь, ему это очень понравится.

Меган кивнула.

Мы подъехали к вокзалу. Я припарковал автомобиль, потом купил в кассе билет. На платформе было очень мало людей, и ни одного знакомого.

— Вы мне не дадите взаймы пенни, а? — спросила Меган. — Я бы купила немного шоколада в автомате.

— Пожалуйста, дитя, — сказал я, протягивая ей монету, о которой шла речь. — А почему бы вам не купить заодно немного жевательной резинки или мятных лепешек?

— Я больше люблю шоколад, — ответила Меган, не заметив сарказма.

Она отправилась к торговому автомату, а я смотрел ей вслед, чувствуя растущее раздражение.

На ней были чрезмерно разношенные ботинки и толстые, темные носки, какие-то бесформенные свитер и юбка. Не знаю, почему все это привело меня в ярость, но тем не менее это было так.

Я смотрел на нее со злостью, пока она возвращалась.

— Почему вы носите такие жуткие носки?

Меган взглянула на меня, удивленная.

— Что с ними случилось?

— С ними случилось все сразу. Они отвратительны. И почему вы носите свитер, похожий на развалившийся кочан капусты?

— Нормальный свитер, по-моему. Я его уже несколько лет ношу.

— Воображаю. А почему вы...

В эту минуту подошел поезд и прервал мою злобную лекцию.

Я вошел в пустой вагон первого класса, опустил окно и высунулся наружу, чтобы продолжить беседу.

Меган стояла напротив и меланхолично жевала шоколад. Она спросила, почему я такой сердитый.

— Я не сердитый, — ответил я лживо. — Просто меня приводит в бешенство ваша расхлябанность и то, что вы совсем не обращаете внимания на свою внешность.

— Я все равно не могу выглядеть красивой, так что какая разница?

— Прекратите! — рявкнул я. — Я хочу видеть

вас одетой как следует. Я хочу взять вас в Лондон и обмундировать от галстука до туфель.

— Хотела бы я, чтобы вы это сделали, — заметила Меган.

Поезд тронулся. Я смотрел в расстроенное, грустное лицо Меган.

И вот тут, как я уже говорил, на меня напало безумие. Я распахнул дверь, схватил Меган за руку и резко втащил ее в вагон.

Носильщик, стоявший рядом, возмущенно завопил от такого нарушения правил, но все, что он мог сделать, — так это проворно захлопнуть дверь купе. Я поднял Меган с пола, куда ее бросила моя стремительная акция.

— С какой стати вы это сделали? — возмутилась она, потирая коленку.

— Заткнитесь, — сказал я. — Вы едете со мной в Лондон, а там я вам покажу, как вы можете выглядеть, если постараетесь. Мне надоело видеть, как вы слоняетесь по холмам и все такое.

— О! — воскликнула Меган восторженным шепотом.

По вагону проходил контролер, и я купил для Меган билет. Она уселась в углу купе, глядя на меня с благоговейным страхом.

— Я понимаю, — сказала она, когда контролер

ушел. — Вы очень вспыльчивый, да?

— Очень, — ответил я. — Это у нас семейное.

Как объяснить Меган тот порыв, что одолел меня?.. Она выглядела печально, как собака, которую бросают. На ее лице и сейчас было выражение недоверчивой признательности — как у собаки, которую в конце концов взяли на прогулку.

— Я полагаю, вы не слишком хорошо знаете Лондон? — спросил я.

— Нет, я знаю, — откликнулась Меган. — Я всегда проезжала через Лондон в школу. И я туда ездила к дантисту и смотреть пантомимы.

— Это, — мрачно сказал я, — должно быть, другой Лондон.

Мы приехали за полчаса до времени моего визита на Харлей-стрит.

Я взял такси, и мы отправились прямиком к «Миротину», где одевалась Джоанна. «Миротин» во плоти был весьма нестандартной и живой женщиной сорока пяти лет, Мэри Грей. Она была умной и очень общительной. Мне она всегда нравилась.

Я сказал Меган:

— Вы — моя кузина.

— Почему?

— Не спорьте, — приказал я.

Мэри Грей была занята с толстой дамой, которая восхищалась темно-голубым вечерним платьем в обтяжку. Я отозвал Мэри в сторонку.

— Послушайте, — сказал я, — я тут привез свою маленькую кузину. Джоанна сегодня хотела приехать, но не смогла. Но она сказала, что я могу все это доверить вам. Видите, на что эта девочка похожа сейчас?

— Кажется, я поняла, что от меня потребуется! — воскликнула Мэри Грей с энтузиазмом.

— Отлично. Я хочу, чтобы ее полностью переодели, с головы до ног. Я вам даю полную свободу действий. Носки, туфли, белье, абсолютно все! Кстати, тот парикмахер, у которого Джоанна причесывается, он ведь где-то рядом, так?

— Энтони? За углом. Я присмотрю и за этим.

— Вы исключительная женщина.

— О, мне это доставит удовольствие — даже если не вспоминать о деньгах... хотя и на это не наплевать в наше время, а половина моих чертовых клиенток не хочет платить по счетам. Но я уже сказала, мне это доставит удовольствие.

Она бросила на Меган, стоящую чуть в стороне, короткий профессиональный взгляд.

— У нее чудесная фигурка.

— У вас, должно быть, в глазах рентген, — сказал я. — Мне она кажется совершенно бесформенной.

Мэри Грей рассмеялась.

— Уж эти школы! — сказала она. — Они, похоже, гордятся тем, что воспитывают девочек, которым нравится выглядеть замарашками. Это называется простотой и безыскусностью. Иной раз целый сезон потратишь, прежде чем девушка возьмется за себя и начнет выглядеть по-человечески. Не беспокойтесь, оставьте ее мне.

— Хорошо, — сказал я. — Я вернусь и заберу ее около шести.

II

Маркус Кент был рад мне. Он сообщил, что я превзошел его самые фантастические ожидания.

— Вы должны обладать конституцией слона, — сказал он, — чтобы так скоро окрепнуть. Ну конечно, прекрасный деревенский воздух, ранний сон, отсутствие волнений — это помогает.

— Я согласен с вами по двум первым пунктам, — сказал я. — Но не думайте, что в деревне отсутствуют волнения. Мне таки пришлось поволноваться.

— А что случилось?

— Убийство, — сообщил я.

Маркус Кент поджал губы и присвистнул.

— Какая-то буколическая любовная драма? Деревенский парень убил подружку?

— Ничуть. Хитрейшее убийство, совершенное сумасшедшим.

— А я ничего не читал об этом! Когда его поймали?

— Его не поймали, и потом, это — женщина.

— Фью! Я не уверен, что этот Лимсток — подходящее для вас место, старина.

Я сказал твердо:

— Очень подходящее. И не пытайтесь заставить меня уехать оттуда.

Маркус Кент обладал вульгарным умом. Он тут же спросил:

— Вот оно что! Обнаружили блондинку?

— Ни в коем случае, — сказал я, виновато подумав об Элси Холланд. — Просто сильный интерес к психологии преступления.

— О, хорошо. Это не может причинить вам особого вреда, но только если есть уверенность, что этот сумасшедший убийца не доберется до *вас*.

— Об этом не тревожьтесь, — сказал я.

— Как насчет того, чтобы пообедать вместе? Вы могли бы рассказать мне об этом отвратительном

убийстве.

— Извините. Я уже договорился.

— Свидание с леди... а? Да, вы определенно поправляетесь.

— Думаю, это можно и так назвать, — сказал я, с некоторым удовольствием представив Меган в роли леди.

Я приехал в «Миротин» в шесть, когда это учреждение официально уже было закрыто. Мэри Грей вышла из примерочной и стояла на верхней ступеньке рядом с дверью, встречая меня.

Она приложила палец к губам.

— Вы будете потрясены! Если мне позволено похвастать — скажу, что пришлось здорово поработать.

Я вошел в большую примерочную. Меган стояла, оглядывая себя в высоком зеркале. Я могу поклясться, что с трудом узнал ее! На мгновение я просто задохнулся. Высокая и изящная, как ива, со стройными ножками, просвечивающими сквозь шелковые чулки, в сильно открытых туфельках... Да, прелестнейшие руки и ноги, хрупкое сложение... достоинство и оригинальность в каждой черте. Ее волосы были подстрижены и уложены, и они блестели, как глянцевитый каштан. Она не была подкрашена, или же косметику наложили

столь тонко, что ее было не заметить. Губы Меган не нуждались в помаде.

Кроме того, в девушке появилось нечто новое, чего я никогда прежде не замечал, — какая-то невинная гордость в изгибе шеи... Она взглянула на меня серьезно, со слабой, застенчивой улыбкой.

— Я выгляжу... в общем, неплохо, а? — сказала Меган.

— Неплохо? — возразил я. — Неплохо — это не то слово. Идемте ужинать, и если каждый второй мужчина не обернется, чтобы взглянуть на вас, я буду удивлен. Вы всех девушек заткнете за пояс.

Меган не была красавицей, но она была необыкновенной и поражала. В ней была индивидуальность. Она вошла в ресторан впереди меня, и я волновался и ощущал идиотскую гордость человека, обладающего чем-то совершенно необычным.

Сначала мы выпили по коктейлю, и мы не спешили с этим. Потом мы ужинали. А потом мы танцевали. Меган очень хотела танцевать, и я не мог обмануть ее ожидания, но, по тем или иным причинам, я не думал, что она танцует хорошо. Но она танцевала очень хорошо. В моих руках она была легкой, как перышко, и ее тело и ноги

безупречно следовали за ритмом музыки.

— Черт побери! — воскликнул я. — Вы умеете танцевать!

Она казалась немного удивленной.

— Ну конечно умею. У нас в школе каждую неделю был урок танцев.

— Это не то, чему могут научить на уроке танцев, — возразил я.

Мы вернулись к нашему столику.

— Правда, здесь кормят чудесно? — сказала Меган. — Здесь все чудесно!

В ее взгляде светился восторг.

— Именно это я и чувствую, — сказал я.

Это был бредовый вечер. Я продолжал безумствовать. Меган вернула меня на землю, спросив с сомнением:

— А мы не должны уже ехать домой?

Моя челюсть отвалилась. Да, определенно, я сошел с ума. Я забыл обо всем! Я очутился в мире, далеком от реальности, я наслаждался творением своих рук.

— Боже мой! — воскликнул я.

Я обнаружил, что последний поезд уже ушел.

— Подождите здесь, — сказал я. — Мне нужно позвонить.

Я позвонил в «Левеллин Хай» и заказал самый

большой и самый быстрый автомобиль — и чтобы пришел как можно скорее.

Я вернулся к Меган.

— Последний поезд уже ушел, — сказал я. — Поэтому мы поедем домой на машине.

— На машине? Какая прелесть!

«Какое милое дитя! — подумал я. — Так благодарна за все, так ненавязчива и принимает все мои предложения без суеты и беспокойства».

Автомобиль прибыл, и он был большим и быстрым, но тем не менее было уже очень-очень поздно, когда мы приехали в Лимсток.

Ощутив внезапный укол совести, я сказал:

— За вами, наверное, уже выслали поисковые партии!

Но Меган пребывала в благодушном настроении.

— Ну нет, не думаю, — сказала она небрежно. — Я часто ухожу и не возвращаюсь домой к обеду.

— Да, мое милое дитя, но вы не были и за чаем, и за ужином тоже.

Но, похоже, взошла счастливая звезда Меган. Дом был темным и тихим. По совету Меган мы обошли дом вокруг и бросили камешек в окно Розы.

Как и следовало ожидать, Роза выглянула и с

тихими восклицаниями, вся трепеща, вышла встретить нас.

— Ну, наконец-то, а я сказала, что вы уже давно спите. Хозяин и мисс Холланд (легкое фырканье после имени «мисс Холланд») рано поужинали и отправились на прогулку. Я сказала: я присмотрю за мальчиками. Мне показалось, я слышала, как вы вернулись, когда я была в детской и пыталась утихомирить Колина — он уж очень разыгрался, — но вас не было, когда я вышла оттуда, и я подумала, что вы легли спать. И так я и сказала, когда хозяин вернулся и спросил про вас.

Я прервал беседу замечанием, что Меган лучше войти в дом.

— Спокойной ночи, — сказала Меган. — И *ужасное* вам спасибо. Это был самый прекрасный день в моей жизни.

Я поехал домой, все еще пребывая в несколько легкомысленном настроении, отвалил шоферу изрядные чаевые и предложил переночевать у нас, если он захочет. Но он предпочел уехать обратно во тьму.

Парадная дверь приоткрылась, пока мы с ним совещались, и как только он отъехал, дверь распахнулась настежь и Джоанна сказала:

— Вот и ты наконец-то, а?

— Ты обо мне беспокоилась? — спросил я, входя и закрывая двери.

Джоанна прошла в гостиную, и я проследовал за ней. На спиртовке стояла кофеварка, и Джоанна собственноручно приготовила кофе, пока я угощался виски с содовой.

— Беспокоилась о тебе? Нет... конечно, нет. Я думала, ты решил остаться в городе и устроить кутеж.

— Я и устроил кутеж... или что-то в этом роде.

Я усмехнулся, а потом расхохотался. Джоанна поинтересовалась, над чем это я смеюсь, и я рассказал ей все.

— Но, Джерри, ты, должно быть, сошел с ума, совершенно сошел с ума!

— Похоже, да.

— Но, дорогой мальчик, нельзя делать подобные вещи — во всяком случае, в подобных городишках. Завтра же об этом будет знать весь Лимсток!

— Наверное, так. Но, в конце концов, Меган всего лишь ребенок.

— Она не ребенок. Ей двадцать. Ты не можешь возить двадцатилетнюю девушку в Лондон и покупать ей одежду без того, чтобы не разразился жуткий скандал. Ради бога, Джерри, тебе, кажет-

ся, придется на ней жениться!

Джоанна наполовину смеялась, наполовину была серьезна. И именно в этот момент я сделал очень важное открытие.

— Черт побери все, — сказал я. — Я не я буду, если я этого не сделаю... Точно, я был бы рад!

На лице Джоанны появилось забавное выражение. Она встала и сказала сухо, направляясь к двери:

— Да, я всегда знала, что когда-нибудь...

Она оставила меня — со стаканом в руке, — ошеломленного открытием.

III

Я не знаю, как обычно чувствует себя мужчина, вознамерившийся сделать предложение руки и сердца. В романах его горло пересыхает, воротничок его душит, и он пребывает в жалком состоянии от сильного волнения. Я ничего подобного не ощущал. Обнаружив неплохую идею, я лишь хотел реализовать ее как можно скорее. Я не видел какой-то особой нужды в том, чтобы смущаться и беспокоиться.

Я прибыл в дом Симмингтонов около одиннадцати. Я позвонил и, когда Роза открыла дверь, спросил мисс Меган. И лишь понимающий взгляд

Розы заставил меня впервые слегка оробеть.

Роза проводила меня в маленькую дневную гостиную, и, ожидая там, я в тревожном волнении понадеялся, что Меган не слишком тут досталось.

Когда дверь открылась и я обернулся, я мгновенно почувствовал облегчение. Меган совершенно не выглядела испуганной или расстроенной. Ее головка все так же напоминала блестящий каштан, и над ней витал дух гордости и достоинства, которым она обзавелась вчера. На Меган снова была старая одежда, но она ухитрилась заставить это барахло выглядеть совсем иначе. Просто потрясающе, что делает с девушками сознание собственной привлекательности. Я вдруг обнаружил, что Меган повзрослела.

Полагаю, мне следовало и в самом деле чуть поволноваться, тогда я не начал бы разговор со слов: «Привет, зубастый карась!» При любых обстоятельствах это с трудом сошло бы за приветствие влюбленного.

Похоже, это устроило Меган. Она усмехнулась и сказала:

— Привет!

— Послушайте, — сказал я, — надеюсь, вы не получили нагоняй за вчерашнее?

Меган заявила самоуверенно:

— О *нет!* — Потом поморгала и добавила неопределенно: — Впрочем, полагаю, что получила. Я имею в виду, они много чего говорили, и, кажется, они думают, что все это очень странно, — но вы же знаете, каковы люди и как они суетятся по-пустому.

— Я пришел с утра, — сказал я, — потому что я хочу сделать предложение. Видите ли, вы мне невероятно нравитесь, и я думаю, я вам тоже нравлюсь...

— Ужасно! — сказала Меган с восторгом.

— И нам жутко хорошо вместе, так что, я думаю, было бы неплохо, если бы мы поженились.

— Ох, — сказала Меган.

Она выглядела удивленной. Только и всего. Не испуганной. Не потрясенной. Всего лишь слегка удивленной.

— Вы имеете в виду... Вы действительно хотите жениться на мне? — спросила она таким тоном, каким спрашивают, желая окончательно прояснить вопрос.

— Больше всего на свете, — ответил я, и я именно это и имел в виду.

— Вы хотите сказать, что вы меня любите?

— Я вас люблю.

Ее глаза смотрели на меня спокойно и серьезно. Она сказала:

— Я думаю, вы самый замечательный человек в мире. Но я вас не люблю.

— Я вас заставлю полюбить меня.

— Не пойдет. Я не хочу, чтобы меня *заставляли.* — Она помолчала и добавила серьезно: — Я не гожусь вам в жены. Я умею ненавидеть, а не любить. — Она произнесла это с каким-то напряжением.

Я сказал:

— Ненависть долго не живет, а вот любовь — да.

— Так ли это?

— Я в это верю.

Снова наступило молчание, потом я сказал:

— Значит, нет?

— Именно — нет.

— И вы не позволяете мне надеяться?

— Какой смысл позволять?

— Никакого, наверное, — согласился я. — К тому же совершенно излишне — потому что я все равно буду надеяться, позволите вы или нет.

IV

Да, такие вот дела. Я отправился восвояси, слегка ошеломленный, а пристальный взгляд Розы преследовал меня.

Роза очень многое успела сказать, прежде чем я сбежал. Что она ничего подобного не чувствовала с того ужасного дня! Что она бы здесь ни за что не осталась, если бы не дети и если бы не было так жаль бедного мистера Симмингтона. Что она тут не останется, если не найдут быстро другую горничную, — да не похоже, чтобы им это удалось, ведь в доме произошло убийство! Что, конечно, мисс Холланд настолько добра, что обещала помогать в домашней работе тем временем. О да, она очень добра и услужлива, но ведь это потому, что надеется в один прекрасный день стать хозяйкой дома! Мистер Симмингтон, бедняга, совершенно ничего не замечает, но каждому ясно, что вдовец, бедное беспомощное создание, может стать жертвой злонамеренной женщины. А мисс Холланд уж очень старается надеть башмаки покойной хозяйки!

Хотел бы я знать, была ли хоть капля правды в том, что она говорила. В самом ли деле Элси Холланд предполагает, что это возможно — стать

второй миссис Симмингтон? Или она просто порядочная девушка и старается изо всех сил, присматривая за обездоленным хозяином дома?

В любом случае результат мог быть неплохим. Почему бы и нет? Маленькие сыновья Симмингтона нуждаются в матери — а Элси очень приличная девушка... если исключить то, что она до неприличия красива — пункт, который оценит любой мужчина, даже такая фаршированная рыба, как Симмингтон!

Я думал обо всем этом, наверное, потому, что хотел выбросить из головы мысли о Меган.

Можно предположить, что я отправился просить Меган выйти за меня замуж, пребывая в нелепо самодовольном настроении, и что я получил по заслугам, — но это не совсем так. Я пошел потому, что чувствовал уверенность, был убежден в том, что Меган принадлежит мне, что мое главное дело — присматривать за ней, и сделать ее счастливой, и уберегать ее от опасности, и что это единственно верный путь для меня; и потому, что я надеялся — она тоже чувствует, что мы с ней принадлежим друг другу.

Но я не сдался. О нет! Меган была моей женщиной, и я намеревался заполучить ее.

После минутного раздумья я отправился в кон-

тору Симмингтона. Осуждение ее поступка могло ничего не значить для Меган, однако я предпочел бы расставить все по своим местам.

Симмингтон был свободен; обо мне доложили; меня проводили в кабинет.

По сжатым губам и особой сдержанности манер я понял, что мне сейчас не слишком-то рады.

— Доброе утро, — сказал я. — Боюсь, мой визит — совершенно личный, а не по какому-то официальному поводу. Я изложу кратко. Осмелюсь предположить, вы догадываетесь, что я люблю Меган. Я просил ее выйти за меня замуж, а она отказалась. Но не скажу, чтобы на этом дело и кончилось.

Я увидел, как изменилось выражение лица Симмингтона, и до смешного легко прочел его мысли. Меган дисгармонировала с его домом. Симмингтон был — я в этом уверен — вполне добрым человеком, и у него никогда не возникало мысли отказать в доме дочери его покойной жены. Но, выйди она за меня замуж, он бы испытал немалое облегчение. Мороженая камбала оттаяла. Симмингтон одарил меня бледной, осторожной улыбкой.

— Если откровенно, Бёртон, я не думал ни о чем подобном. Я знаю, вы проявили к ней немалое

внимание, но мы как-то привыкли считать ее ребенком.

— Она не ребенок, — коротко сказал я.

— Нет-нет, я не о годах.

— Она может пребывать в том возрасте, в каком ей вздумается быть, — сказал я, слегка рассердившись. — Она несовершеннолетняя, я знаю, но станет совершеннолетней через месяц или два. Я позволил себе сообщить вам о своих намерениях. Я состоятелен и веду вполне благопристойную жизнь. Я буду о ней заботиться и сделаю все для ее счастья.

— Конечно... конечно. Однако она вам отказала.

— Она передумает со временем, — сказал я. — И именно поэтому я подумал, что лучше с вами поговорить об этом.

Он сообщил, что оценил мой поступок, и мы расстались вполне дружески.

V

Выйдя, я налетел на мисс Эмили Бартон. В ее руках была корзинка для покупок.

— Доброе утро, мистер Бёртон, я слышала, вы вчера были в Лондоне.

Да, она уже все слышала. Ее глаза, подумал я,

были очень добрыми, но в то же время полны любопытства.

— Я ездил повидать своего доктора, — сказал я.

Мисс Эмили улыбнулась. Но эта улыбка мало что общего имела с улыбкой Маркуса Кента. Она пробормотала:

— Я слышала, Меган чуть не попала под поезд. Она прыгнула в вагон, когда поезд уже тронулся.

— С моей помощью, — пояснил я. — Это я затащил ее внутрь.

— Как вам повезло! Ведь вполне мог произойти несчастный случай.

Просто потрясающе, в какое дурацкое положение может поставить мужчину кроткая, любопытная старая дева!

Я был спасен от дальнейшей пытки яростной атакой миссис Дейн-Кэлтроп. При ней тоже шла на буксире бесцветная старая дева, а сама миссис была переполнена руководящими советами.

— Доброе утро, — сказала она. — Я слышала, вы купили Меган какую-то приличную одежду? Весьма разумно с вашей стороны. Это характеризует вас как человека, думающего о чем-то действительно полезном. Я давно уже тревожусь об этой девочке. Девушки с мозгами так склонны к идиотизму, не правда ли?

С этим потрясающим утверждением она нырнула в рыбную лавку.

Мисс Марпл, оставшаяся со мной, сказала, насмешливо поблескивая глазами:

— Миссис Дейн-Кэлтроп весьма замечательная женщина, не так ли? Она почти всегда права.

— Из-за этого ее боятся, — заметил я.

— Искренность всегда имеет такой эффект, — сказала мисс Марпл.

Миссис Дейн-Кэлтроп вынырнула из рыбной лавки и присоединилась к нам. В руках она держала огромного красного омара.

— Вы когда-нибудь видели что-либо, столь несходное с мистером Паем? — спросила она. — Весьма мужествен и красив.

VI

Я немножко нервничал перед встречей с Джоанной, но, придя домой, обнаружил, что тревожиться не стоило. Джоанны не было дома, и она не вернулась к обеду. Это весьма разобидело Патридж; подавая на стол филейную вырезку — главный козырь обеда, — она сказала кисло:

— Мисс Бёртон уверяла, что *будет* к обеду.

Я съел обе порции, пытаясь тем искупить ошибку Джоанны. И все-таки я хотел бы знать, где

моя сестра. С недавних пор она вела себя очень загадочно.

Было половина четвертого, когда Джоанна ворвалась в гостиную. Я слышал, как у дома остановился автомобиль, и был уже готов увидеть Гриффитса, но машина отъехала, и Джоанна вошла одна.

Лицо ее было очень красным, и она выглядела расстроенной. Я понял — что-то случилось.

— В чем дело? — спросил я.

Джоанна открыла рот, снова его закрыла, вздохнула, свалилась в кресло и уставилась перед собой.

Потом сказала:

— У меня был совершенно жуткий день.

— Что случилось?

— Я занималась невероятными вещами. Это было ужасно...

— Но что...

— Я всего лишь вышла погулять, просто погулять... Я пошла на другую сторону холма, на вересковую пустошь. Я прошла несколько миль... мне так кажется. Потом я провалилась в яму. Там неподалеку ферма... такое, знаешь, забытое богом местечко. Я хотела пить и решила узнать, нет ли у них молока или еще чего-нибудь. Поэтому

я вошла во двор, и вдруг дверь открылась и появился Оуэн.

— Ну?..

— Он думал, что это районная медсестра. Там женщина рожала ребеночка. Он ждал медсестру, и еще он ей просил передать, чтобы она привела второго врача. Там... там дела шли очень плохо.

— Ну?..

— И он сказал *мне:* «Заходите, поможете. Лучше, чем никого». Я сказала, что не могу, а он спросил: что я имею в виду? Я сказала, что никогда ничего подобного не делала, что ничего не знаю... Тогда он поинтересовался, какого же черта мне тут нужно. И потом — он был *ужасен*. Он наорал на меня. Он сказал: «Вы женщина, да? Я полагаю, вы можете постараться, чтобы помочь другой женщине». И еще он говорил, что я врала ему, что меня интересует медицина и что я хотела быть медицинской сестрой... «Одна болтовня, похоже! Вы ничего этого не имели в виду, а здесь все происходит *на деле*, и вы должны поступить как порядочный человек, а не как бессмысленная игрушка для кретинов!..» И я делала совершенно невозможные вещи, Джерри. Держала инструменты, и кипятила их, и подавала ему разные штуки. Но он спас ее и маленького. Оуэн какое-то

время думал, что не сможет его спасти. О боже!.. — Джоанна спрятала лицо в ладонях.

Я созерцал ее с немалым удовольствием и мысленно снимал шляпу перед Оуэном Гриффитсом. Он сумел сунуть Джоанну носом в реальность.

Я сказал:

— Там, в холле, письмо для тебя. От Пауля, я думаю.

— А?

Она помолчала с минуту, потом сказала:

— Я же понятия не имела, Джерри, *чем* доктора занимаются. Ну и нервы у них должны быть!

Я сходил в холл и принес Джоанне письмо. Она вскрыла его, глянула небрежно на текст и отложила.

— Он был... в самом деле... просто прекрасен! Это дело, которое он выбрал... в этом деле его никто не превзойдет! Он был груб и ужасен *со мной* — но он был прекрасен!

Я с удовольствием отметил пренебрежение к письму. Очевидно, Джоанна излечилась от Пауля.

VII

Все всегда происходит неожиданно.

Я был поглощен делами Джоанны и своими

собственными и весьма смутился на следующее утро, когда в телефонной трубке раздался голос Нэша:

– *Мы поймали ее*, мистер Бёртон!

Я был так поражен, что чуть не выронил трубку.

— Вы хотите сказать...

Он перебил:

— Вас там не могут подслушать?

— Нет, думаю, нет... Ну, может быть...

Мне показалось, что тяжелая кухонная дверь чуть качнулась, приоткрываясь.

— Может быть, вы бы лучше приехали в участок?

— Да. Я сейчас буду.

Я появился в полицейском участке, по-моему, уже в следующее мгновение. Во внутреннем помещении сидели Нэш и сержант Паркинс. Нэш лучился улыбкой.

— Это была долгая погоня, — сказал он. — Но она подошла к концу.

Он перебросил через стол письмо. В этот раз оно целиком было отпечатано на машинке. Было оно — для писем такого рода — довольно мягким:

«Бесполезно надеяться, что вам удаст-

ся надеть башмаки усопшей. Весь город смеется над вами. Уезжайте немедленно. Потом может оказаться слишком поздно. Это предупреждение. Помните, что случилось с той, другой девушкой. Уезжайте и не возвращайтесь...»

Заканчивалось письмо несколькими сдержанными ругательствами.

— Оно пришло утром мисс Холланд, — сказал Нэш.

— Забавно думать, что до сих пор она ни одного не получила, — сказал сержант Паркинс.

— Кто его написал? — спросил я.

Восторг поблек на лице Нэша. Лейтенант вдруг стал выглядеть усталым и озабоченным.

Он сказал спокойно:

— Мне очень жаль, потому что это будет тяжелым ударом для порядочного человека. Возможно, правда, что он уже сам кое-что подозревает.

— Кто его написал? — повторил я.

— Мисс Айми Гриффитс.

VIII

Нэш и Паркинс, с ордером, днем отправились в дом Гриффитса.

По приглашению Нэша я пошел с ними.

— Доктор, — сказал Нэш, — очень вас любит. У него здесь немного друзей. Я думаю, что если это для вас не слишком мучительно, то вы могли бы помочь ему справиться с потрясением.

Я сказал, что пойду. Не то чтобы мне нравилось это поручение, но я думал, что смогу быть полезным.

Мы позвонили у двери, спросили мисс Гриффитс, и нас провели в гостиную. Там были Элси Холланд, Меган и Симмингтон — они пили чай.

Нэш повел себя весьма осмотрительно. Он спросил у Айми, не может ли сказать ей несколько слов наедине.

Она встала и подошла к нам. Мне кажется, я заметил слабый отсвет озабоченности в ее глазах. Но если это и так, все тут же исчезло. Она была совершенно спокойна и радушна.

— Что-то хотите мне сказать? Надеюсь, речь не пойдет о нарушениях правил дорожного движения моими скаутами?

Она провела нас из гостиной — через холл — в маленький кабинет.

Когда я закрывал за собой дверь гостиной, я заметил, как резко дернулась голова Симмингтона. Я предположил, что его юридическая практика не

раз заставляла его сталкиваться с полицейскими делами и он что-то заметил в поведении Нэша. Он привстал.

Но это и все, что я заметил до того, как дверь захлопнулась и я отправился следом за всеми.

Нэш изложил дело. Он был очень спокоен и корректен. Он сообщил, что вынужден просить Айми пойти с ним. Он предъявил ордер на арест и прочел вслух предписание.

Я сейчас не помню точную юридическую формулировку. Речь пока шла о письмах, а не об убийстве.

Айми Гриффитс вскинула голову и разразилась лающим хохотом:

— Что за смехотворная чушь! Чтобы я написала пачку неприличных гадостей вроде тех! Вы, должно быть, сошли с ума. Я не писала ни слова такого сорта!

Нэш достал письмо, адресованное Элси Холланд. Он спросил:

— Мисс Гриффитс, вы отрицаете, что написали вот это?

Если она и заколебалась, то лишь на долю секунды.

— Разумеется, отрицаю. Я это в первый раз вижу.

Нэш сказал тихо:

— Я должен сообщить вам, мисс Гриффитс, что вас видели печатающей это письмо на машинке в Женском институте между одиннадцатью и половиной двенадцатого позавчера вечером. Вчера вы зашли на почту с пачкой писем в руках.

– *Этого* я не отправляла.

— Да, *вы* не отправляли. Пока на ваши письма ставили штемпеля, вы незаметно уронили это письмо на пол, чтобы кто-нибудь, ничего не подозревая, нашел его и отправил.

— Я не...

Дверь открылась, и вошел Симмингтон. Он резко сказал:

— Что здесь происходит? Айми, если здесь что-то дурное, вы должны иметь юридического представителя. Если вы доверяете мне...

Тогда она сломалась. Закрыла лицо руками и упала на стул. И воскликнула:

— Уйдите, Дик, уйдите! Только не вы! Только *не вы!*

— Вам нужен адвокат, дорогая девочка.

— Не вы!.. Я... мне этого не вынести.

Он что-то понял, похоже. И тихо сказал:

— Я приглашу Милдмэя из Эксгемптона. Подойдет?

Она кивнула. Теперь она всхлипывала.

Симмингтон вышел из комнаты. В дверях он столкнулся с Оуэном Гриффитсом.

— Что такое? — стремительно спросил Оуэн. — Моя сестра...

— Мне жаль, доктор Гриффитс. Очень жаль. Но у нас нет альтернативы.

— Вы думаете, она... она ответственна за эти письма?

— Боюсь, в этом нет сомнений, сэр, — сказал Нэш. Он повернулся к Айми: — Простите, вы должны сейчас пойти с нами, мисс Гриффитс. У вас будут все возможности для встречи с адвокатом, вы знаете.

Оуэн вскрикнул:

— Айми?!

Айми отстранила его, не взглянув в его сторону. Она сказала:

— Не говори со мной. Не говори ничего. И ради всего святого, *не смотри* на меня!

Они вышли. Оуэн стоял, словно заснув. Я подождал немного, потом подошел к нему.

— Если я могу быть чем-то полезен, Гриффитс, скажите.

Он произнес словно во сне:

— Айми? Я в это не верю.

— Это может быть ошибкой, — неуверенно предположил я.

Он медленно сказал:

— Она никогда бы не могла написать *такие* письма. И вообще я в это не верю. Я *не могу* в это поверить.

Он тяжело опустился на стул. Я постарался быть полезным, найдя порцию крепкой выпивки и принеся ему. Он проглотил напиток, и ему, кажется, полегчало.

Он сказал:

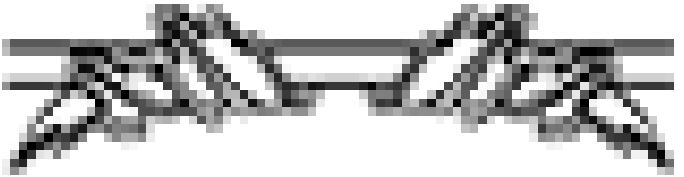
— Я поначалу никак не мог взять этого в толк. Теперь все в порядке. Спасибо, Бёртон, но вы ничего не можете сделать. *Никто* ничего не может сделать.

Открылась дверь, и вошла Джоанна. Она была очень бледна. Джоанна подошла к Оуэну и взглянула на меня.

Она сказала:

— Уйди, Джерри. Это мое дело.

Выходя за дверь, я увидел, как она опустилась на колени возле его стула.



ГЛАВА 8

I

Я не в состоянии связно изложить события последующих двадцати четырех часов. Какие-то детали всплывают в памяти вне всякой связи с остальными.

Я помню, как Джоанна вернулась домой, очень бледная и измотанная, и как я попытался подбодрить ее, спросив:

— Чей ты теперь ангел-хранитель?

И как она улыбнулась жалкой, кривой улыбкой:

— Он говорит, что я ему не нужна, Джерри. Он *очень* гордый и холодный!

И я сказал:

— Моя девушка говорит мне то же...

Мы сидели молча какое-то время, и наконец Джоанна произнесла:

— В семье Бёртонов нынче никто не нуждается!

Я сказал:

— Не обращай внимания, милая, у нас есть мы сами.

А Джоанна откликнулась:

— Так или иначе, Джерри, сейчас меня это не слишком утешает...

II

Оуэн явился на следующий день и принялся грубо льстить Джоанне. Она так прекрасна, изумительна! Как она пришла к нему, как она сказала, что согласна выйти за него замуж — если, конечно, он этого хочет! Но он не может этого допустить. Нет, она слишком хороша, слишком очаровательна, чтобы оказаться втянутой во всю ту мерзость, которая начнется, как только газеты

доберутся до этих новостей.

Я любил Джоанну и знал, что она принадлежит к тому типу людей, которые прекрасно справляются с трудностями, но мне наскучило все это напыщенное суесловие. Я несколько раздраженно посоветовал Оуэну не быть черт знает каким великодушным.

Я отправился на Верхнюю улицу и обнаружил, что все языки болтают без передышки. Эмили Бартон утверждала, что она никогда всерьез не доверяла Айми Гриффитс. Жена бакалейщика со смаком объясняла — она всегда замечала, что у мисс Гриффитс странный взгляд...

Следствие по делу Айми было закончено, как я узнал от Нэша. При обыске в доме были обнаружены изрезанные страницы из книги Эмили Бартон — в кладовке под лестницей, запрятанные в рулон старых обоев.

— Очень хорошее место, — уважительно сказал Нэш. — Вы не можете угадать, когда любопытствующая прислуга сунет нос в письменный стол или запертый ящик, а эта кладовка для хлама набита прошлогодними теннисными мячами и старыми обоями, и открывают ее только для того, чтобы запихнуть туда еще что-нибудь.

— Даме, похоже, очень понравился этот тай-

ник, — сказал я.

— Да. Преступное воображение редко бывает богатым. Кстати, вспомним о погибшей девушке: мы обнаружили один факт в дополнение того дела. В лаборатории доктора мы нашли большой тяжелый пестик. Могу держать пари на что угодно, именно им девушку и оглушили.

— Довольно неудобная вещь, чтобы носить ее с собой, — заметил я.

— Не для мисс Гриффитс. Она в тот день ходила к скаутам, но по дороге собиралась занести цветы и овощи в ларек на Ред-Кросс, так что при ней была чудовищно огромная корзина.

— Вы не нашли вертел?

— Нет, и не надеюсь. Она, может быть, и безумна, но не настолько, чтобы держать окровавленный вертел в доступном для нас месте, когда все, что и нужно-то было сделать, — это помыть его и вернуть в кухонный ящик.

— Полагаю, — допустил я, — вы не можете отыскать абсолютно все.

В дом викария новости доходили в последнюю очередь. Старая мисс Марпл была очень огорчена всем этим. Она весьма горячо говорила со мной:

— Это *неверно*, мистер Бёртон! Я убеждена, что это неверно.

— Боюсь, это достаточно верно. Они, знаете ли, устроили там засаду. Ее *видели*, когда она печатала это письмо.

— Да-да, возможно, это она сделала. Да, *это* я понимаю.

— И те книжные страницы, из которых составлялись письма, тоже найдены — там, где она их спрятала, в ее доме.

Мисс Марпл уставилась на меня. Потом очень тихо сказала:

— Но это ужасно... воистину *безнравственно*.

К нам стремительно подошла миссис Дейн-Кэлтроп и поинтересовалась:

— В чем дело, Джейн?

Мисс Марпл ответила:

– *Что-то* там должно быть. Но я такая старая и невежественная и, боюсь, слишком глупа...

Я был изрядно смущен и обрадовался, когда миссис Дейн-Кэлтроп увела свою подругу.

Тем не менее я снова встретился с мисс Марпл в тот день. Гораздо позже, когда уже шел домой.

Она стояла у мостика, неподалеку от дома миссис Клит, и разговаривала с Меган.

Я хотел увидеть Меган. Я весь день мучился желанием увидеть ее и ускорил шаг. Но пока я спешил к ним, Меган круто повернулась и пошла

в противоположном направлении.

Это рассердило меня, и я хотел догнать ее, но мисс Марпл загородила мне дорогу.

— Я хочу поговорить с вами, — сказала она. — Нет, не ходите сейчас за Меган. Это было бы неразумно.

Я уже готов был очень резко возразить, но мисс Марпл обезоружила меня, сказав:

— Эта девушка очень смелая... необычайно смелая.

Я еще рвался пойти за Меган, но мисс Марпл сказала:

— Не пытайтесь повидаться с ней сейчас. Я знаю, что говорю. Ей сейчас нужно сохранить свою храбрость.

В утверждении старой девы было нечто, бросившее меня в озноб. Казалось, она знает что-то такое, о чем я и не догадываюсь.

Я был испуган, но почему — не знал.

Я не пошел домой.

Я вернулся на Верхнюю улицу и принялся бесцельно прогуливаться туда-сюда. Я не знаю, чего я ждал, о чем я думал...

Меня остановил ужасный старый зануда полковник Эпплби. Он, как обычно, осведомился о моей очаровательной сестре, а потом сказал:

— Как насчет того, что сестрица Гриффитса оказалась совсем чокнутой? Говорят, это она писала те анонимки, из-за которых чуть ли не у каждого была масса неприятностей. Невозможно даже и поверить, но, говорят, это чистая правда.

Я сказал, что это, в общем, верно.

— Ну-ну... Должен сказать, наша полиция немало сил потратила на все это. Дайте им время, только и всего, дайте им время. Забавное дело — этот фокус с анонимками... эти высушенные старые леди всегда такими вещами интересуются. Хотя мисс Гриффитс была бы неплоха, будь ее зубы немного покороче. Но в наших краях нет прилично выглядящих женщин... кроме этой девочки, гувернантки Симмингтонов. На нее стоит посмотреть. Приятная девушка и всегда так признательна, если для нее сделают хоть какую мелочь... Я как-то недавно проезжал мимо, когда она выводила детей на пикник или что-то в этом роде. Мальчики шалили в вереске, а она вязала и пожаловалась, что — вот досада! — у нее кончилась шерсть. Я говорю: «Ну, позвольте, я вас отвезу в Лимсток? Я все равно хотел купить себе удочку. На это и понадобится-то всего десять минут, и я тут же привезу вас обратно». Она сомневалась: «Как же оставить мальчиков?» Я

говорю: «Кто их обидит? Почему бы и не оставить их одних, нечего опасаться!» В общем, я ее отвез, подбросил к лавке, привез назад, только и всего! Уж как она меня благодарила! Признательна и все такое. Милая девушка!

Я сумел наконец сбежать от него.

И как раз после этого я увидел мисс Марпл в третий раз. Она выходила из полицейского участка.

III

Откуда приходят к людям страхи? Где они формируются? Где они прячутся, прежде чем напасть?

Только одна короткая фраза, услышанная и замеченная, но оставленная без внимания: «Заберите меня отсюда... здесь так страшно... чувствую такую злость...»

Почему Меган сказала это? Что заставило ее злиться?

В смерти миссис Симмингтон не могло быть ничего такого, что заставило бы Меган чувствовать злобу.

Почему ребенок ощутил это? Почему? Почему?

Может быть, потому, что она боялась какой-то ответственности?

Меган? Невозможно. Меган не может иметь

никакого отношения к тем письмам — к тем грязным, непристойным письмам.

Оуэн Гриффитс знал случай на севере — школьница...

Что говорил инспектор Грейвз?

Что-то насчет *инфантильного сознания...*

Невинные леди средних лет на операционных столах бормочут слова, которые они едва ли могут знать. Маленькие мальчики мелом пишут на стенах непристойности.

Нет-нет, только не *Меган*.

Наследственность? Дурная кровь? Бессознательное проявление какой-то фамильной ненормальности? Ее несчастье, но не вина; проклятие, наложенное на нее предыдущим поколением?

«Я не гожусь вам в жены. Я умею ненавидеть, а не любить».

О, моя Меган, мое маленькое дитя. Только не *это!* Что угодно, кроме этого. Да еще эта старая дева... она подозрительна. Она сказала — у девочки есть смелость. Смелость совершить... *что?*

Это была всего лишь мозговая горячка. Она прошла. Но я хотел видеть Меган. Я ужасно хотел ее видеть.

В половине десятого этим вечером я вышел из дома и пошел в городок — прямиком к дому

Симмингтона.

Именно тогда *новая* мысль полностью завладела моим сознанием. Мысль о женщине, которую никто ни на мгновение не принял во внимание. (Или Нэш учитывал и ее?)

До дикости неправдоподобно, до дикости невероятно, и до сегодняшнего дня я бы тоже сказал — невозможно. Но это не так. Нельзя сказать — *невозможно*.

Я прибавил шаг. Потому что стало просто необходимо увидеть Меган немедленно.

Я вошел в калитку Симмингтонов и приблизился к дому. Ночь была темной, небо затянули облака. Начал накрапывать дождик. Ничего не было видно вокруг.

Я заметил полоску света в одном из окон. Маленькая гостиная?

Поколебавшись мгновение-другое, я, вместо того чтобы подойти к парадной двери, повернул и очень тихо подкрался к окну, скрывшись за большим кустом и пригнувшись.

Свет пробивался сквозь неплотно задернутые портьеры. Нетрудно было заглянуть внутрь через щель.

Сцена была удивительно мирной и домашней. Симмингтон в большом кресле; Элси Холланд,

склонившая голову, трудолюбиво латающая разорванную мальчишечью рубашку.

Мне было так же хорошо слышно, как и видно, поскольку верхняя часть окна была открыта.

Элси Холланд говорила:

— Я действительно думаю, мистер Симмингтон, что мальчики достаточно большие для школы с пансионом. Но мне ненавистна даже мысль, чтобы расстаться с ними. Я так люблю их обоих.

Симмингтон сказал:

— Я думаю, относительно Брайана вы, возможно, и правы, мисс Холланд. Я решил, что в следующем семестре он начнет учиться в Винхейзе — это моя старая приготовительная школа. Но Колин еще слишком мал. С ним я бы предпочел подождать до будущего года.

— Да, конечно, я понимаю, что вы имеете в виду. И Колин, возможно, несколько отстает...

Такой домашний разговор... такая домашняя сцена... и золотая головка, склонившаяся над шитьем.

Открылась дверь, и вошла Меган.

Она очень прямо стояла в дверном проеме, и я мгновенно осознал, что она как-то напряжена и взвинчена. Кожа на ее лице была сухой и натянутой, а глаза сверкали решимостью. Этим вечером

в ней не было ни робости, ни детства.

Она заговорила, обращаясь к Симмингтону, но никак его не называя (и я вдруг сообразил, что никогда не слышал, чтобы она как-то его называла. Был ли он для нее отцом, или Диком, или кем-то еще?):

— Я бы хотела поговорить с вами, пожалуйста. Наедине.

Симмингтон выглядел удивленным и, как я себе представил, не слишком-то обрадовался. Он нахмурился, но Меган стояла на своем с необычной для нее решимостью.

Она повернулась к Элси Холланд и сказала:

— Вы не против, Элси?

— О, конечно! — Элси Холланд вскочила. Она выглядела испуганной и немного взволнованной.

Она направилась к двери, и Меган отодвинулась, когда Элси проходила мимо нее. На мгновение Элси остановилась в дверях, оглядываясь через плечо. Ее губы были сжаты, она замерла, вскинув одну руку, а другой прижимая к себе шитье.

Я задержал дыхание, внезапно ошеломленный ее красотой.

Теперь, когда я вспоминаю ее, я часто вижу

ее именно такой — замершей мгновенно, в несравненном, бессмертном совершенстве, вызывающем мысли об античной Греции.

Затем она вышла, закрыв дверь.

Симмингтон спросил весьма раздраженно:

— Ну, Меган, в чем дело? Чего ты хочешь?

Меган подошла вплотную к столу. Она стояла там, глядя на Симмингтона. Я снова был поражен решительным выражением ее лица и еще чем-то в ней... совершенно новым для меня.

Затем ее губы раскрылись и произнесли нечто, пробравшее меня до мозга костей.

— Мне нужны деньги, — сказала она.

Эта просьба отнюдь не улучшила настроения Симмингтона. Он резко сказал:

— Неужели ты не могла подождать до утра? В чем дело, ты думаешь, тебе слишком мало выдают на расходы?

«Прекрасный человек, — подумал я даже тогда, — готовый выслушать разумные доводы, хотя и не откликающийся на эмоциональные взрывы».

Меган сказала:

— Я хочу много денег.

Симмингтон выпрямился в кресле. Он холодно сказал:

— Через несколько месяцев ты станешь совершеннолетней. Тогда те деньги, которые завещала тебе бабушка, будут тебе выданы опекуном.

Меган сказала:

— Вы не понимаете. Я хочу получить деньги от *вас*. — Она продолжала, говоря все быстрее: — Никто мне не рассказывал слишком много о моем отце. Просто не хотели, чтобы я знала о нем. Но я знаю, что он попал в тюрьму, и знаю почему. За шантаж!

Она помолчала.

— Ну а я — его дочь. И возможно, я на него похожа. В любом случае я требую дать мне денег, потому что, если вы этого не сделаете... — Она остановилась, а потом продолжила очень медленно и четко: — Если вы этого не сделаете, *я расскажу, что вы проделали с таблетками в тот день в комнате моей матери: я это видела.*

Наступило молчание. Затем Симмингтон произнес совершенно неживым голосом:

— Я не знаю, что ты имеешь в виду.

— Я думаю, вы знаете, — сказала Меган.

И она улыбнулась. Это не была добрая улыбка.

Симмингтон встал. Подошел к письменному столу. Достал из кармана чековую книжку и выписал чек. Он осторожно промокнул чек и

вернулся. Протянул чек Меган.

— Ты уже взрослая, — сказал он. — Я могу понять твои чувства и желание купить что-нибудь особенное из нарядов и прочего. Я не знаю, о чем ты говоришь. Я не стану обращать на это внимание. Но вот тебе чек.

Меган взглянула на чек, потом сказала:

— Спасибо. Мы это продолжим.

Она повернулась и вышла из комнаты. Симмингтон уставился ей в спину, потом на закрытую дверь, потом он повернулся, и, когда я увидел его лицо, я совершенно инстинктивно рванулся вперед.

Меня остановили самым экстравагантным образом. Большой куст, который я заметил у стены, перестал быть кустом. Руки лейтенанта Нэша обвились вокруг меня, и голос лейтенанта Нэша зашипел прямо мне в ухо:

— Тихо, Бёртон! Ради всего святого!

Затем, с бесконечной осторожностью, он дал сигнал к отступлению, и его рука принудила меня последовать за ним.

Обогнув дом, он выпрямился и отер лоб.

— Конечно, — сказал он, — вы *могли* вломиться туда!

— Девочка в опасности, — сказал я требователь-

но. — Вы видели его лицо? Мы должны забрать ее оттуда.

Нэш крепко сжал мою руку:

— Вот что, мистер Бёртон, извольте *слушаться!*

IV

Что ж, я слушался. Мне это не нравилось, и все же я уступил. Но я настоял на том, чтобы остаться здесь, и я поклялся безусловно выполнять приказы.

Таким образом, я вместе с Нэшем и Паркинсом вошел в дом через заднюю дверь, которая была уже отперта. И я ждал вместе с Нэшем на лестничной площадке, спрятавшись за бархатной портьерой, скрывающей окно в нише, пока часы в доме не пробили два. Открылась дверь спальни Симмингтона, и он прошел через площадку в комнату Меган.

Я не вздрогнул и не шевельнулся, потому что знал, что сержант Паркинс — там, в комнате, скрытый распахнутой дверью; я знал, что Паркинс добрый человек и прекрасный специалист, но я не был уверен в том, что сумею сохранить спокойствие и не взорваться.

И, ожидая там, с глухо колотящимся сердцем, я

увидел Симмингтона, выходящего из комнаты с Меган на руках и несущего ее вниз по лестнице; а мы с Нэшем крались за ним на благоразумной дистанции.

Симмингтон внес Меган в кухню, удобно устроил ее голову в газовой духовке и открыл газ как раз в тот момент, когда Нэш и я вошли в кухонную дверь и включили свет.

И это был конец Ричарда Симмингтона. Он сломался. Он и не пытался бороться. Он знал, что проиграл и погиб.

V

Наверху я сел у постели Меган, ожидая, когда она очнется, и обстоятельно проклиная Нэша.

— Откуда вы знаете, что с ней все в порядке? Это был слишком большой риск!

Нэш был совершенно откровенен:

— Всего лишь немного снотворного в молоке, которое она всегда пьет перед сном. Ничего больше. Само собой разумеется, он не мог рискнуть отравить ее. Насколько это его касалось, дело закончилось с арестом мисс Гриффитс. Он не мог позволить себе иметь в доме какую-то таинственную смерть. Никакого насилия, никакого яда. Ну а эта непонятная девушка вроде зациклилась на

самоубийстве матери и в конце концов пошла и сунула голову в газовую духовку — что ж, люди только и скажут, что она никогда не была вполне нормальной и что потрясение от смерти матери ее добило.

Я сказал, глядя на Меган:

— Уж очень долго она не приходит в себя.

— Вы слышали, что говорил доктор Гриффитс? Сердце, пульс — все в абсолютном порядке; она всего лишь спит и проснется естественным образом. Это снотворное он дает множеству своих пациентов, он так говорит.

Меган шевельнулась. Что-то пробормотала. Лейтенант Нэш деликатно вышел из комнаты.

Вскоре Меган открыла глаза:

— Джерри.

— Привет, милая.

— Я все правильно сделала?

— Ты могла бы стать шантажисткой уже в колыбели!

Меган снова закрыла глаза. Потом прошептала:

— Вчера вечером я... я писала тебе... на случай, если... если что-нибудь будет не так. Но я так захотела спать к концу... Оно там.

Я прошел через комнату к письменному столу.

В затрепанном маленьком блокноте я нашел незаконченное письмо Меган.

Оно начиналось так:

«Мой дорогой Джерри, я читала моего школьного Шекспира, тот сонет, который начинается со слов:

«Ты насыщаешь взгляд, как тело – хлеб,
Как влага освежающая – землю...»

И я поняла, что все-таки люблю тебя, потому что именно это я чувствую...»

VI

— Как видите, — сказала миссис Дейн-Кэлтроп, — я была совершенно права, вызвав специалиста.

Я уставился на нее. Мы все находились в доме викария. Снаружи хлестал дождь, а здесь горел чудесный огонь в камине, и миссис Дейн-Кэлтроп блуждала по комнате, зверски избивая диванную подушку и водрузив ее затем — из каких-то собственных соображений — на фортепиано.

— Но когда? — спросил я, удивленный. — И кто это был? Чем он занимался?

— Это отнюдь не «он», — ответила миссис Дейн-Кэлтроп.

Широким жестом она указала на мисс Марпл. Мисс Марпл уже закончила пушистое вязанье, и теперь при ней был клубок хлопковых ниток, а она орудовала крючком.

— Вот мой эксперт, — сказала миссис Дейн-Кэлтроп. — Джейн Марпл. Посмотрите на нее хорошенько. Я вам говорю: эта женщина знает все проявления человеческой безнравственности лучше, чем кто-либо иной.

— Я не думаю, что тебе следует излагать все подобным образом, — пробормотала мисс Марпл.

— Но это так!

— Любой станет разбираться в человеческой натуре, живя круглый год в деревне, — безмятежно сказала мисс Марпл.

Затем, почувствовав, видимо, чего от нее ждут, она отложила крючок и прочитала лекцию об убийстве — в мягкой манере старой девы.

— Все самое главное в этом случае просто лежало на поверхности. Большинство преступлений, видите ли, до глупости примитивны. И это было таким же. Все было весьма разумно и неприкры-

то — и совершенно понятно; хотя и неприятно, конечно.

— Весьма неприятно!

— Решение действительно было совершенно очевидным. *Вы* все это видели, вы знали, мистер Бёртон.

— Ничего я не знал!

— Знали. Вы всё полностью мне и показали. Вы видели отлично все отношения между фактами, но вы не сумели поверить своим глазам и понять, что все это означает. Начать с этой навязчивой фразы — «Нет дыма без огня». Она вас раздражала, и вы совершенно верно определили, что это было на самом деле — дымовая завеса. Ложный след, видите ли; вы смотрели не туда, куда надо, — на анонимные письма, но вся суть в том, что *не было* анонимных писем!

— Но, дорогая мисс Марпл, я могу вас уверить — они *были*. Я сам их получал.

— О да, но они не были настоящими. Милая Мод была в смятении из-за них. Даже в таком мирном Лимстоке вполне хватает сплетен, и могу вас уверить — любая *женщина*, живущая здесь, знает их и пользуется ими. Но мужчина, видите ли, не интересуется сплетнями, особенно такой нелюдимый, логичный человек, как мистер Сим-

мингтон. А настоящая женщина, пиши она такие письма, могла бы сделать их куда более конкретными. Так что, если бы вы не обратили внимания на дым и пошли бы к огню, вы бы знали, где его искать. Вы почти добрались до истинного значения происшедшего. А ведь в результате всех этих писем случилось только одно — умерла миссис Симмингтон.

Но тогда естественным было бы подумать: кто мог хотеть смерти миссис Симмингтон? И конечно, первым человеком, о котором думают в таком случае, боюсь, является *муж*. Можно, конечно, спросить: каковы причины? Каков мотив? Например, другая женщина?

И первое, что я услышала, — в доме есть очень привлекательная молодая гувернантка. Все ясно, не так ли? Мистер Симмингтон, весьма сухой, сдержанный, бесчувственный человек, устал от ворчливой, невротичной жены, и вот неожиданно появляется молодое сияющее создание.

Боюсь, вы знаете, что подобные люди, влюбившись в определенном возрасте, плохо переносят эту болезнь. Это совершеннейшее безумие. А мистер Симмингтон, насколько я могла разобраться, никогда не был действительно *хорошим* человеком — он не был очень добрым, или очень

нежным, или способным сочувствовать, — все его качества были отрицательными... Так что он и не способен был справиться со своим безумием. А в таком городишке лишь смерть жены могла разрешить его проблему. Видите ли, он хотел жениться на девушке. Она весьма респектабельна — и он такой же. Кроме того, он очень привязан к своим детям и не хотел никуда их отсылать. Он хотел, чтобы при нем оставалось все: его дом, его дети, его респектабельность и Элси. А ценой, которую он должен был за все это заплатить, оказалось убийство.

Он выбрал, я думаю, очень разумный путь. Он хорошо знал из своей юридической практики, как скоро подозрение падает на мужа, если жена умирает неожиданно, и знал о возможности эксгумации при подозрении на отравление. Поэтому он подготовил смерть, которая показалась бы случайной кому бы то ни было. Он создал не существующего на деле сочинителя анонимных писем. И умно было заставить полицию подозревать *женщину*. Все эти письма *действительно* были женскими письмами — он их весьма ловко списал с прошлогодних анонимок, это тот случай, о котором вам рассказывал доктор Гриффитс. Я не хочу сказать, что он оказался несообрази-

телен и повторил какое-то письмо буквально, но он использовал фразы и выражения оттуда, перемешивая их, и окончательным результатом стало то, что письма были идентифицированы как написанные женщиной — полусумасшедшей закомплексованной особой.

Он знал все полицейские приемы — насчет отпечатков пальцев, исследования шрифта и так далее. Он долго готовил свое преступление. Все конверты он напечатал заранее, до того, как передал машинку в Женский институт, и он очень давно вырезал страницы из книги в «Литтл Фюрц», ожидая хозяйку в гостиной в какой-то из дней. Люди так редко заглядывают в книги проповедей!

И наконец, основательно подготовив свое фальшивое Ядовитое Перо, он принялся за дело. Прекрасный день, когда гувернантка с детьми и его приемная дочь должны были уйти, а у прислуги — выходной. Он же не мог предвидеть, что маленькая горничная Агнес поссорится со своим кавалером и вернется домой.

Джоанна спросила:

— Но что она *видела?* Вы знаете?

— Я не могу знать. Я могу только предположить. И я предполагаю, что она не видела ничего.

— То есть все мы попали пальцем в небо?

— Нет-нет, дорогая, я хотела сказать, что она простояла у окна кладовой весь день, ожидая, когда придет ее молодой человек попросить прощения, и она буквально не видела ничего. Никто не подходил к дому — ни почтальон, ни кто-либо другой. Довольно долго, очень медленно доходило до нее, что это очень странно, потому что очевидно было — миссис Симмингтон *получила* анонимное письмо в тот день.

— А разве она его не получала? — спросил я в замешательстве.

— Ну конечно же нет! Как я говорила, это преступление очень простое. Муж несчастной женщины всего лишь положил цианид на место одной из тех таблеток, которые она принимала днем, потому что после еды у нее обострялся ишиас. Все, что Симмингтону нужно было сделать, — это прийти домой раньше Элси Холланд или одновременно с ней, позвать жену, не получить ответа, подняться в ее комнату, бросить крошку яда в тот стакан с водой, из которого она запивала таблетки, бросить заготовленное анонимное письмо на каминную решетку и вложить в руку жены обрывок бумаги со словами: «Я не смогу...»

Мисс Марпл повернулась ко мне:

— Вы были совершенно правы и насчет этого клочка бумаги тоже, мистер Бёртон. Люди не пишут предсмертные письма на оборванных клочках бумаги. Они берут *лист* бумаги, а очень часто еще и конверт. Да, обрывок бумаги был ошибкой, и вы знали это.

— Вы меня слишком высоко оцениваете, — сказал я. — Ничего я не знал.

— Но вы действительно *знали*, мистер Бёртон. Иначе почему на вас произвела такое впечатление записка вашей сестры, оставленная у телефона?

Я медленно повторил:

— «Передайте, что *я не смогу* пойти в пятницу...» Я понял! «Я не смогу...»?!

Мисс Марпл просияла улыбкой.

— Вот именно! Мистер Симмингтон случайно натолкнулся на записку и увидел в ней определенную возможность. Он оторвал лишние слова и получил то, что хотел, — подлинную записку, написанную рукой его жены.

— А какие еще блестящие озарения меня посетили? — спросил я.

Мисс Марпл моргнула раз-другой, глядя на меня.

— Знаете ли, вы меня вывели на след. Вы объединили все эти факты для меня — в определенной последовательности, — и вершиной всего было то, что вы сказали мне наиважнейшую вещь: Элси Холланд ни разу не получала анонимок.

— А знаете, — сказал я, — прошлой ночью я подумал, что это *она* писала письма, а иначе почему она ни одного не получила?

— О нет, дорогой... Те, кто рассылает анонимки, почти всегда пишут их и самим себе. Это нечто вроде... ну, излишнего возбуждения, я полагаю. Нет-нет, факт был интересен по *совершенно* другой причине. Это, видите ли, просто продемонстрировало слабость мистера Симмингтона. Он не мог заставить себя написать грязное письмо девушке, которую он любит. Это очень интересная сторона человеческой натуры — и в каком-то смысле делает честь Симмингтону, — но этим же он выдал себя.

Джоанна спросила:

— И он убил Агнес? Но, похоже, это было совершенно бессмысленно.

— Возможно, и так, но чего вы не можете представить, дорогая (не говоря уж об убийстве), — так это того, что после всего свершившегося вам все

видится преувеличенным. Нет сомнений, он слышал, как девушка звонила Патридж, говоря, что она тревожится со дня смерти миссис Симмингтон и что есть тут нечто, чего она не понимает. У него не было выбора — ведь глупая, дурная девчонка *что-то* видела, что-то знала.

— Но он же весь тот день был в своей конторе?

— Я предполагаю, он убил ее до того, как ушел. Мисс Холланд была то в гостиной, то на кухне. Он вышел в холл, открыл и захлопнул входную дверь, как будто выйдя из дома, и проскользнул в маленькую гардеробную. Когда в доме осталась одна лишь Агнес, он, вероятно, позвонил в колокольчик у входа, вернулся в гардеробную, подкрался к Агнес и ударил ее по голове, когда она открывала дверь, а потом, запихнув труп в кладовку, поспешил в контору, запоздав так немного, что никто не мог его ни в чем заподозрить. Видите ли, ведь никто не подозревал *мужчину*.

— Грязная скотина, — сказала миссис Дейн-Кэлтроп.

— Вам его не жаль, миссис Дейн-Кэлтроп? — поинтересовался я.

— Ничуть. А что?

— Просто я рад это слышать, только и всего.

Джоанна сказала:

— Но почему — Айми Гриффитс? Я знаю, полиция нашла пестик из аптеки Оуэна и вертел тоже. Похоже, не так-то легко оказалось для мужчины вернуть этот вертел в кухонный ящик. А угадайте, где они были? Лейтенант Нэш сказал мне — я его встретила, когда шла сюда. В одном из этих заплесневелых ящиков с документами в его конторе. В том, где документы покойного сэра Джаспера Харрингтона.

— Бедный Джаспер, — сказала миссис Дейн-Кэлтроп. — Он был моим кузеном. Такой неисправимый старый мальчишка! Он был бы поражен!

— Разве не было безумием держать у себя эти вещи? — спросил я.

— Может быть, еще большим безумием было бы, если бы он все это выбросил, — возразила миссис Дейн-Кэлтроп. — Ведь ни у кого же не было подозрений насчет Симмингтона.

— Он ударил ее не пестиком, — сказала Джоанна. — Там была еще гиря от часов, с волосами и кровью на ней. В полиции думают, что он стащил пестик тогда, когда арестовали Айми, и тогда же подбросил страницы из книги в их дом. И вот это меня снова возвращает к тому же вопросу. Как насчет Айми Гриффитс? Ведь полицейские дей-

ствительно *видели*, как она писала то письмо.

— Да, конечно, — сказала мисс Марпл. — Она написала *это* письмо.

— Но почему?

— О, дорогая, наверное, вы догадываетесь, что мисс Гриффитс всю жизнь была влюблена в Симмингтона.

— Бедняжка! — машинально произнесла миссис Дейн-Кэлтроп.

— Они всегда были хорошими друзьями, и, я полагаю, после смерти миссис Симмингтон, возможно... ну... — Мисс Марпл деликатно кашлянула. — А потом начались сплетни насчет Элси Холланд, и, я предполагаю, ее это очень задело. Она думала о девушке как о кокетке, намеренной завладеть привязанностями Симмингтона и совершенно недостойной его. И потому, я думаю, она поддалась искушению. Почему не добавить еще одно анонимное письмо — и заставить девушку уехать? Ей это показалось совершенно безопасным, и она думала, что проделала все очень хитро.

— Ну вот, — сказала Джоанна, — конец истории?

— Я бы предположила, — медленно сказала мисс Марпл, — что, когда мисс Холланд показала

это письмо Симмингтону, он мгновенно понял, кто написал его, и увидел неплохую возможность отвести опасность от себя. Не слишком благородно... да, не слишком благородно, но, видите ли, он был напуган. Полиция все равно не успокоилась бы, пока не поймала анонимщика. Когда он отнес письмо в полицию и выяснил, что они видели Айми пишущей это письмо, он почувствовал, что ему выпал единственный шанс из тысячи — покончить со всей историей разом.

Его с семьей в тот день пригласили на чай в дом Гриффитсов, и, выходя из конторы, он сунул в портфель страницы, вырезанные из книги, чтобы спрятать их под лестницей. Спрятав их, он нанес последний штрих. Это выглядело как повторение действий, проделанных с телом Агнес, а практически это выполнить было для него очень легко. Когда он провожал Айми и полицейских, то минуты-двух, когда он проходил через холл, было вполне достаточно.

— Все равно, — сказал я, — есть одна вещь, которую я не могу вам простить, мисс Марпл, — то, что вы втянули во все это Меган.

Мисс Марпл отложила в сторону работу, за которую было снова взялась. Она посмотрела на меня сквозь очки, и ее глаза были строгими.

— Милый молодой человек, но ведь *что-то* нужно было делать. Доказательств против этого очень умного и беспринципного человека не было. Мне нужен был помощник, кто-то очень храбрый и умный. И я нашла человека, которого искала.

— Это было очень опасно для нее.

— Да, это было опасно, мистер Бёртон, но мы приходим в этот мир не для того, чтобы прятаться от опасности, когда жизнь нашего ближнего поставлена на карту. Вы понимаете меня?

Я понял.

VII

И было утро на Верхней улице.

Мисс Эмили Бартон вышла от бакалейщика, неся свою корзинку для покупок. Щеки ее были розовыми, глаза сияли.

— О, дорогой мистер Бёртон, я ужасно взволнована. Подумать только, я действительно еду путешествовать!

— Я надеюсь, вам это понравится.

— О, я уверена! Я бы никогда не отважилась отправиться сама. Это выглядит так *чудесно*, что все именно так повернулось. Я уже давно чувствовала, что должна расстаться с «Литтл Фюрц»,

потому что я *так* стеснена в средствах, но мне невыносима была мысль, что здесь поселится *посторонний*. Но теперь вы купили усадьбу и собираетесь жить здесь с Меган — а это совсем другое дело. И еще милая Айми после этого ужасного испытания не знает, что ей делать, да и ее брат намерен жениться (как приятно думать, что вы *оба* останетесь с нами!), и она соглашается ехать со мной! Мы намерены путешествовать долго. Мы даже, может быть, — мисс Эмили понизила голос, — *объедем вокруг света!* И Айми такая замечательная и такая практичная. Я действительно думаю — а вы? — что все повернулось *к лучшему*.

На какое-то мгновение я подумал о миссис Симмингтон и Агнес Водделл — в могилах на церковном кладбище — и захотел узнать, согласились ли бы они с этим мнением, а потом вспомнил, что кавалер Агнес не слишком-то любил ее, а миссис Симмингтон не слишком-то была добра к Меган, так какого черта?! Все мы умрем в свое время! И я согласился со счастливой мисс Эмили, что все к лучшему в этом лучшем из миров.

Я пошел по Верхней улице, вошел в калитку Симмингтонов, и Меган вышла встретить меня.

Это не была романтическая встреча, потому что громадная староанглийская овчарка, вышедшая вместе с Меган, чуть не свалила меня с ног плохо рассчитанным прыжком.

— Правда, он восхитителен? — спросила Меган.

— Немножко великоват. Он что, наш?

— Да, это свадебный подарок от Джоанны. Нам прислали премилые свадебные подарки, правда? Тот пушистый свитер, насчет которого мы не могли сообразить, откуда эта штука, — от мисс Марпл, и очень красивый чайный сервиз «Корона Дерби» — от мистера Пая, и Элси прислала мне тостер...

— В ее духе, — мимоходом заметил я.

— И она помолвлена с дантистом и очень счастлива! А... а я?

— Масса свадебных подарков! Не забывай, что если ты передумаешь, тебе придется отослать их обратно.

— Я не передумаю. Что же еще нам прислали?.. О да, миссис Дейн-Кэлтроп прислала египетского скарабея.

— Оригинальная женщина, — отметил я.

— О! Но ты же не знаешь главного! *Патридж* только что преподнесла мне подарок. Это самая

отвратительная чайная скатерть, какую ты вообще мог видеть. Но я думаю, что Патридж *должна* теперь меня любить, потому что она сказала, что вышивала эту скатерть собственными руками!

— Полагаю, там узор из кислого винограда и чертополоха?

— Нет, она вся в узоре из бантиков[6].

— Милая, милая, — предупредил я, — Патридж *идет!*

Меган втащила меня в дом. И сказала:

— Вот только одного я не могу взять в толк. Кроме ошейника и поводка для собаки, Джоанна прислала еще один ошейник и поводок. Как ты думаешь, зачем это?

— Это, — сказал я, — маленькая шутка Джоанны.

---

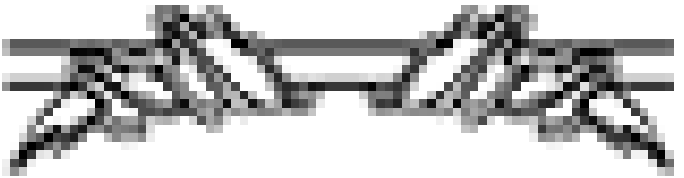
[6] notes: 6

Б а н т — символ любви и прочного союза.

ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО

A MURDER IS ANNOUNCED

ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО



Посвящается Рейфу и Энн Ньюменам,
в чьем доме я впервые попробовала
«Дивную смерть»

Глава 1
ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО

I

Ежедневно, кроме воскресений, с семи тридцати до восьми тридцати утра, Джонни Батт, пронзительно свистя, объезжал на велосипеде поселок Чиппинг-Клеорн; перед каждым домом он останавливался и бросал в почтовый ящик те утренние газеты, на которые подписывались хозяева этих домов у киоскера с Хай-стрит. А посему полковнику Истербруку с женой он положил в ящик *«Таймс»* и *«Дейли график»,* миссис Светтенхэм он оставил *«Таймс»* и *«Дейли уоркер»,* мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд - *«Дейли телеграф»* и *«Ньюс кроникл»,* мисс Блеклок - *«Телеграф»*, *«Таймс»* и *«Дейли мейл».*

А по пятницам он заносил в эти, как и во все другие дома Чиппинг-Клеорна, еще и *«Норт бэнхэм ньюз энд Чиппинг-Клеорн газетт»*, которую называли здесь попросту *«Газетой».*

И каждую пятницу, бросив беглый взгляд на заголовки других изданий

«Напряженность в мире обостряется!» «Сегодня – Ассамблея ООН!» «Ищейки выслеживают убийцу белокурой машинистки!» «Три шахты бастуют!» «Двадцать три человека умерли от пищевого отравления в отеле Сисайд»

большинство жителей Чиппинг-Клеорна нетерпеливо разворачивали «Газету» и погружались в изучение местных новостей. Наскоро просмотрев раздел писем (в которых пышным цветом расцветали страстная ненависть и кровная вражда), девять подписчиков из десяти обращались к столбцу частных объявлений, здесь, вперемешку с объявлениями о купле или продаже и слезными мольбами о помощи по хозяйству, печатались бесчисленные объявления о собаках, домашней птице и садовом инвентаре, — короче говоря, все то, что могло заинтересовать членов маленькой общины Чиппинг-Клеорна.

Пятница, 29 октября, не была исключением из правил...

II

Откинув со лба очаровательные пепельные кудряшки, миссис Светтенхэм развернула *«Таймс»*,

окинула томным взглядом левую страницу с новостями и, решив, по своему обыкновению, что даже если в мире и случилось что-нибудь из ряда вон выходящее, то *«Таймс»* все равно ограничится лишь туманными гладкими фразами ни о чем, быстренько проглядела хронику рождений, свадеб и смертей (последние — с бóльшим интересом!), затем с чувством выполненного долга отложила *«Таймс»* в сторону и торопливо потянулась за *«Чиппинг-Клеорн газетт».*

Когда немного погодя ее сын Эдмунд вошел в комнату, она уже была погружена в изучение объявлений.

— Доброе утро, дорогой, — сказала миссис Светтенхэм. — Смедли продают свой «даймлер». Он у них с тридцать пятого года — совсем развалина, да?

Сын пробурчал в ответ что-то маловразумительное, налил кофе, взял пару копченых рыбешек, уселся за стол и развернул *«Дейли уоркер»,* прислонив газету к подносу с гренками.

– *Щенки бульмастифа*[7], — читала вслух миссис Светтенхэм. — Ей-богу, *не понимаю,* как можно в наше время прокормить такую большую

[7] notes: 7

Б у л ь м а с т и ф — большая догообразная собака, выведенная в 60-х годах прошлого века специально для защиты птиц от браконьеров.

собаку... Гм-м, Селина Лоуренс опять дала объявление насчет кухарки... По-моему, пустая трата времени по нынешним временам. Она даже не указала адреса, только номер почтового ящика... да... роковая *ошибка,* скажу я вам... прислуга теперь просто с ножом у горла требует, чтобы ей сообщали точный адрес: все хотят попасть в престижный район... *Искусственные зубы...* Не понимаю, почему искусственные зубы пользуются таким спросом. *Вполне доступные цены!.. Прекрасные луковицы. Наш особый сорт.* Действительно, недорого... *Девушка ищет интересную работу, хотела бы путешествовать.* Тоже мне!.. А кто бы не хотел? *Таксы...* Вот мне лично никогда не нравились таксы, не потому что порода *немецкая,* это теперь уже не так важно, просто не нравились — и все тут!.. Да-да, миссис Финч?

Дверь приоткрылась, и показалась мрачная особа могучего телосложения в потертом бархатном берете — миссис Финч.

— Доброе утро, мэм, — сказала она. — Можно убирать со стола?

— Нет-нет, подождите. Мы еще не позавтракали, — ответила миссис Светтенхэм. — Скоро кончим, — добавила она заискивающе.

Метнув грозный взгляд на сидевшего с газетой

Эдмунда, миссис Финч презрительно фыркнула и удалилась.

— Я ведь только сел, — начал было Эдмунд, но мать перебила его:

— И, пожалуйста, не читай эту жуткую газету, Эдмунд! Миссис Финч *этого* не любит.

— Не понимаю, какое дело миссис Финч до моих политических убеждений.

— Тем более, — не слушая его, продолжала миссис Светтенхэм, — что ты не рабочий. Ты вообще не работаешь.

— Ну, это уж чистая ложь! — возмутился Эдмунд. — Как не работаю? Я пишу книгу.

— Я имею в виду *настоящую* работу, — сказала миссис Светтенхэм. — А миссис Финч нам очень даже нужна. Вот обидится она, уйдет — кого мы найдем вместо нее?

— Напечатаем объявление в *«Газете»*, — ухмыльнулся Эдмунд.

— Да говорю тебе, это бесполезно! Ей-богу, в наши дни если нет в доме старенькой нянюшки, которая готовит еду и ведет хозяйство, пропадешь.

— А почему у нас ее нет? Как же ты так оплошала и вовремя не обеспечила меня нянюшкой? О чем ты только думала, мама?!

— Но, дорогой, у тебя была айя[8].

— Как ты недальновидна, — пробормотал Эдмунд.

Миссис Светтенхэм снова углубилась в частные объявления.

– *Продается подержанная газонокосилка.* Интересно... Боже, что за *цена!..* Еще таксы... *«Напиши или свяжись со мной, я в отчаянии. Макака»*. Ну и дурацкие бывают прозвища!.. *Кокер-спаниели...* Эдмунд, помнишь Сьюзи? Она была прямо как *человек.* Все понимала... *Продается буфет в стиле шератон*[9]*. Подлинник, фамильная реликвия. Миссис Лукас. Дайяс-Холл...* Вот лгунья! Можно подумать — и впрямь шератон!

Миссис Светтенхэм презрительно хмыкнула и продолжала читать:

– *«Дорогая, все ошибка. Любовь до гроба. В пятницу как обычно».* Наверное, влюбленные поссорились. А может, это воровской пароль? Как ты думаешь, Эдмунд? *Опять таксы!* Ей-богу, люди помешались на таксах! Словно других собак нет!

---

[8] notes: 8

А й я — туземное название няни в Индии, индийская женщина, служащая у англичан.

[9] notes: 9

Ш е р а т о н — стиль мебели XVIII века, отличавшийся неоклассической простотой формы и тонким изяществом; назван по имени краснодеревщика Томаса Шератона (1751 — 1806).

Вот у твоего дяди Симона были манчестерские терьеры[10]. Такие грациозные крошки! Мне лично нравится, когда у собак длинные лапы... *Дама, собирающаяся за границу, продает двухместный катер...* и ни описания, ни цены... *Объявлена свадьба...* нет, *убийство... Что?!* Первый раз слышу... Эдмунд, *Эдмунд,* ты только взгляни:

> «Объявлено убийство, которое произойдет в пятницу, 29 октября, в 18:30 в Литтл-Паддоксе. Только сегодня. Друзья, спешите принять участие».

— Что такое? — оторвался от газеты Эдмунд.

— В пятницу двадцать девятого октября... Ой, ведь это *сегодня!*

— Дай-ка, дай-ка, — взял у нее газету сын.

— Однако что все это значит? — сгорая от любопытства, спросила миссис Светтенхэм.

Эдмунд Светтенхэм задумчиво почесал нос.

— Наверное, они устраивают вечеринку. «Игру в убийство» или что-то в этом духе.

— А-а, — с сомнением в голосе откликнулась миссис Светтенхэм. — Но что за странная манера

---

[10] notes: 10

М а н ч е с т е р с к и й...т е р ь е р — мелкая, гладкошерстная порода собак, использовалась для травли крыс.

давать такие объявления! Совершенно не похоже на Летицию Блеклок, я ее считала на редкость здравомыслящей женщиной.

— Может, на нее подействовали развеселые юнцы, живущие сейчас в доме?

— Очень уж лаконичная заметка. Сегодня... Как ты считаешь, нам стоит пойти?

— Здесь говорится: «Друзья, спешите принять участие».

— Однако эта новая мода приглашать гостей ужасно беспардонна, — решительно заявила миссис Светтенхэм.

— Хорошо, мама, не ходи туда.

— И не пойду! — воскликнула миссис Светтенхэм.

Они помолчали.

— Неужели тебе действительно *хочется* съесть эту последнюю гренку, Эдмунд?

— Ах, мама, а я-то думал, что мое правильное питание для тебя важнее, чем то, что старой карге приспичило убрать со стола!..

— Тс-с, дорогой, она *может* услышать!.. А что такое «игра в убийство»?

— Точно не знаю. Кажется, к тебе прицепляют клочок бумаги... нет, пожалуй, их все-таки тянут из шапки. Один становится сыщиком, другой

— жертвой, гасят свет, и кто-нибудь хлопает тебя по плечу; ты орешь, падаешь и притворяешься мертвым.

— Что ж, весьма увлекательно.

— А по-моему, чертовски скучно. Я не пойду.

— Глупости, Эдмунд! — решительно возразила миссис Светтенхэм. — Раз *я* собираюсь, значит, и *ты* пойдешь. И *нечего* тут обсуждать!

III

— Арчи, — сказала миссис Истербрук своему мужу, — ты *только* послушай!

Полковник Истербрук не обратил на нее внимания, поскольку возмущенно пыхтел, читая статью в *«Таймс»*.

— Вся беда этих деятелей в том, — изрек он, — что они не имеют об Индии ни малейшего понятия. Ни малейшего!

— Конечно, милый, конечно.

— Иначе они не писали бы такой чепухи.

— Ну, разумеется, Арчи, послушай:

> «Объявлено убийство, которое произойдет в пятницу, 29 октября *(значит, сегодня!),* в 18:30 в Литтл-Паддоксе. Только сегодня. Друзья, спешите принять

участие».

Миссис Истербрук торжествующе умолкла. Полковник взглянул на нее снисходительно, но без особого интереса.

— «Игра в убийство» — вот что это такое, — сказал он.

— А... — пробормотала миссис Истербрук.

— Только и всего. — Полковник слегка выпрямился. — Однако она может оказаться очень даже забавной, если только играют со знанием дела. А для этого нужен кто-то, кто хорошо знает правила. Сначала положено тянуть жребий. Один из игроков — убийца, кто именно — никому не известно. Гасят свет. Убийца выбирает жертву. Она должна сосчитать до двадцати, а потом закричать. Тогда тот, кому выпало быть детективом, начинает расследование. Всех допрашивает. Где они были, что делали... Пытается вывести убийцу на чистую воду. Да, хорошая игра, если детектив... м-м... имеет представление о том, что ему нужно делать.

— Вот как ты, например, Арчи. Сколько интересных дел было в твоем округе!

Полковник Истербрук снисходительно улыбнулся и самодовольно покрутил ус.

— Да уж, Лаура, — сказал он. — Думаю, я мог бы их кое-чему научить.

Он приосанился.

— Мисс Блеклок зря не попросила тебя помочь.

Полковник хмыкнул.

— Так у нее ж есть этот молокосос! Племянник или кем он там ей доводится?.. Наверное, это он ее и подбил. Надо же додуматься — дать такое объявление!.. Забавно!

— Оно напечатано в частных объявлениях. Мы могли бы и не заметить. Как ты считаешь, это приглашение, Арчи?

— Хорошенькое приглашение! На *меня*, во всяком случае, пусть не рассчитывают.

— Но, Арчи! — Голос миссис Истербрук стал пронзительно-плаксивым.

— Должны были предупредить заранее. Они же знают, что я могу быть занят.

— Но ведь ты не занят, милый, правда? — вкрадчиво прошептала миссис Истербрук. — Арчи, по-моему, пойти помочь бедной мисс Блеклок — это твой долг. Она наверняка рассчитывает на твою помощь. Ты же столько знаешь про работу в полиции, про суды... Если ты ей не поможешь, у них ничего не получится. В конце концов, соседей *надо* выручать!

Миссис Истербрук склонила набок головку с крашеными светлыми волосами и широко распахнула голубые глаза.

— Ну, коли так, то конечно, Лаура... — Полковник Истербрук снова с важным видом покрутил ус и снисходительно глянул на свою пышную женушку. Миссис Истербрук была моложе его, по крайней мере, лет на тридцать. — Раз ты *так* считаешь, Лаура, — протянул он.

— Но ведь это действительно твой *долг,* Арчи! — торжественно отчеканила миссис Истербрук.

IV

«Чиппинг-Клеорн газетт» принесли и в Боулдерс — так назывались три живописных, соединенных друг с другом коттеджа, где обитала мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд.

— Хинч!

— В чем дело, Мергатройд?

— Ты где?

— В курятнике.

— Ой!

Осторожно ступая по высокой мокрой траве, мисс Эми Мергатройд добралась до подруги. Облачившись в вельветовые штаны и военный китель, та добросовестно растирала ладонями

корм и бросала его в таз, в котором дымилось малоаппетитное варево из картофельных очисток и капустных кочерыжек.

Мисс Хинчклифф обернулась. Волосы ее были подстрижены коротко, по-мужски, кожа на лице задубела.

Мисс Мергатройд, миловидная толстушка, была одета в твидовую юбку и растянувшийся пуловер ярко-синего цвета. Седые кудряшки ее растрепались и напоминали птичье гнездо. Она слегка запыхалась.

— Тут, в *«Газете»*, — выдохнула Мергатройд. — Ты только послушай... что бы это *значило?*

> «Объявлено убийство, которое произойдет в пятницу, 29 октября, в 18:30 в Литтл-Паддоксе. Только сегодня. Друзья, спешите принять участие».

У нее перехватило дыхание, и она умолкла, ожидая авторитетного заключения подруги.

— Рехнуться можно, — сказала мисс Хинчклифф.

— Да-да, но что же все-таки это *значит,* как ты думаешь?

— Выпивон, что же еще? — хмыкнула мисс Хинчклифф.

— Значит, это приглашение?

— Выясним, когда придем, — сказала мисс Хинчклифф. — Шерри наверняка будет паршивый. Ты бы сошла с травы, Мергатройд. Ты же в домашних тапочках. Они насквозь промокли.

— О боже! — Мисс Мергатройд уныло уставилась на свои ноги. — Сколько сегодня яиц?

— Семь. Эта проклятая курица все еще высиживает цыплят. Надо будет загнать ее в курятник.

— Странный все-таки это способ, как ты думаешь? — мечтательно протянула Эми Мергатройд, имея в виду объявление в *«Газете».*

Однако подруга была сделана из более простого и жесткого теста. Она нацелилась на борьбу с непокорной курицей, и никакие, даже самые загадочные, объявления не могли ее отвлечь.

Мисс Хинчклифф тяжело прохлюпала по грязи и набросилась на пятнистую наседку. Послышалось громкое возмущенное кудахтанье.

— Надо будет завести уток, — изрекла мисс Хинчклифф. — С ними *куда* меньше хлопот.

V

— Восхитительно! — воскликнула за обедом миссис Хармон, обращаясь к мужу, преподобному Джулиану Хармону. — У мисс Блеклок будет

убийство.

— Убийство? — переспросил, слегка удивившись, муж. — Когда?

— Сегодня днем... Вернее, ранним вечером. В половине седьмого. Ах, что за невезенье, милый, тебе как раз надо готовиться к конфирмации![11] А ведь ты обожаешь убийства!

— Совершенно не понимаю, о чем ты, Банч.

Миссис Хармон, этакая пышечка, протянула ему *«Газету».*

— Вот, взгляни. Там, где подержанные пианино и вставные зубы.

— Какое странное объявление!

— Правда? — радостно подхватила Банч. — Никогда бы не подумала, что мисс Блеклок увлекается подобными играми. Наверное, ее подбили молодые Симмонсы... Хотя, по-моему, для Джулии Симмонс такие забавы грубоваты. Но факт остается фактом, и просто *возмутительно,* что ты не сможешь пойти. А я пойду обязательно и потом тебе все расскажу. Хотя сама я едва ли получу удовольствие — не люблю игр в темноте. Признаться, они меня пугают, *надеюсь,* что мне не выпадет роль жертвы. Уверена, что, если кто-

---

[11] notes: 11

К о н ф и р м а ц и я — у протестантов обряд подтверждения крещения, совершаемый над подростками перед первым причастием.

нибудь вдруг схватит меня за плечо и шепнет: «Ты убита», у меня сердце так подпрыгнет, что я и *вправду* умру. Как ты думаешь, это возможно?

— Конечно нет, Банч. Я думаю, ты будешь жить долго-долго... вместе со мной...

— И мы умрем в один день, и нас похоронят в одной могиле. Вот было бы чудесно!

При мысли о такой перспективе Банч просияла.

— Ты выглядишь очень счастливой, — сказал, улыбаясь, ее муж.

— А кто на моем месте *не был* бы счастлив? — чуть смущенно спросила Банч. — У меня есть ты, и Сьюзан, и Эдвард, и все вы во мне души не чаете, и вам не важно, глупа я или умна. И солнышко светит! И у нас такой чудный большой дом!

Преподобный Джулиан Хармон оглядел просторную полупустую столовую и нерешительно кивнул.

— Для некоторых жить в таком огромном бестолковом доме, где гуляют сквозняки, хуже каторги.

— А мне нравятся большие комнаты. В них подолгу задерживаются приятные ароматы, долетающие с улицы. И чувствуешь себя вольготно, и можно разбрасывать вещи, потому что беспо-

рядка не будет заметно.

— Но у нас нет ни электроприборов, облегчающих быт, ни центрального отопления. Тебе, должно быть, тяжко приходится, Банч.

— Да что ты, Джулиан! Я, как встану в полседьмого, сразу включаю бойлер и ношусь туда-сюда, как вихрь, и к восьми у меня уже все готово. Разве я плохо справляюсь? Я натираю полы пчелиным воском, стираю пыль с полировки и ставлю в большие кувшины осенние листья. На самом деле с большим домом хлопот вовсе не прибавляется. Вытираешь пыль и моешь полы гораздо быстрее, потому что не натыкаешься на разные вещи, как это бывает в маленьких комнатушках. И спать в большой холодной комнате мне нравится: свернешься клубочком, так что только нос торчит, — уютно! А чистить картошку и мыть посуду все равно приходится везде, не важно, в каком доме ты живешь. Сам посуди, как прекрасно, что у Сьюзан и Эдварда такая большая пустая комната! Они могут играть сколько им вздумается и в железную дорогу, и в куклы, и им не нужно убирать игрушки. А потом, когда дом большой, есть где разместить гостей. Возьми, к примеру, Джимми Саймса и Джонни Финча — им пришлось жить с родителями жен. А ты сам знаешь, каково это.

Ты преданно любишь свою маму, но, наверно, тебе не очень хотелось бы после свадьбы жить с ней и с папой. И мне тоже. Я чувствовала бы себя маленькой девочкой.

Джулиан улыбнулся.

— Но ты и вправду до сих пор как маленькая девочка, Банч.

Сам Джулиан Хармон, судя по всему, давно ощущал себя шестидесятилетним старцем. Однако до края, предначертанного природой, ему оставалось еще лет двадцать пять.

— Знаю, я глупая...

— Ты не глупая, Банч. Ты очень умная.

— Нет-нет... Я совсем не интеллектуалка. Правда, я стараюсь... и мне действительно очень нравится, когда ты рассказываешь о литературе, истории, природе... Хотя, наверное, читать мне по вечерам Гиббона все-таки не стоило. Знаешь, когда за окном свистит ветер, а у нас тут внутри тепло и уютно, меня от Гиббона почему-то клонит в сон.

Джулиан рассмеялся.

— Но я обожаю тебя слушать, Джулиан. Расскажи мне еще раз про старого викария.

— Ты же знаешь эту историю наизусть, Банч.

— Ну, еще разочек. *Пожалуйста!*

— Ладно, — уступил муж. — Викария звали старик Скримгор. Однажды кто-то заглянул к нему в церковь. Стоя на кафедре, он держал страстную речь перед двумя поденщицами. Грозил им пальцем и говорил: «Ага! Знаю-знаю, о чем вы думаете. *Вы* думаете, что Агасфер[12] — это Артаксеркс Второй[13]. Так вот: *ошибаетесь!* — восклицал старик и добавлял с неописуемым торжеством: — Агасфер был Артаксерксом *Третьим!*»[14]

Джулиан не находил в этой истории ничего особо смешного, но Банч не переставала потешаться.

Раздался всплеск ее звонкого смеха.

— Какой душка! — воскликнула она. — Когда-нибудь и ты станешь таким, Джулиан.

Джулиану явно было не по себе.

— Я знаю, что порой не могу выражаться просто

---

[12] notes: 12

А г а с ф е р — имя персидского царя, встречающееся в Библии; специалисты по толкованию Священного писания отождествляют его с Ксерксом Первым (486 — 465 до н.э.), царем Персии, сыном Дария Первого, совершившим поход на Грецию, но потерпевшим поражение и убитым своими телохранителями.

[13] notes: 13

А р т а к с е р к с...В т о р о й Мнемон — царь персидского царства Ахеменидов в 404 — 358 гг. до н.э.

[14] notes: 14

А р т а к с е р к с...Т р е т и й...О х — царь той же династии, что и Артаксеркс Второй Мнемон, правивший Персией в 358 — 338 гг. до н.э.

и доходчиво, — ответил он, — и очень из-за этого переживаю.

— Ну, на сей счет я бы на твоем месте не беспокоилась. — Банч поднялась из-за стола и начала собирать на поднос грязную посуду. — Вчера миссис Батт сказала мне, что ее муж, который раньше в церковь вообще не заглядывал и слыл местным атеистом, теперь каждое воскресенье отправляется послушать твою проповедь... «А недавно, мадам, — продолжала она, мастерски подражая голосу «рафинированной» миссис Батт, — мой Батт сказал мистеру Тимкинсу из Литтл-Ворсдейла, что у нас в Чиппинг-Клеорне настоящая *культура,* не то что в Ворсдейле, где мистер Гросс говорит с прихожанами, будто с детьми неразумными. Наш викарий — человек высокообразованный. Еще бы! Он не в каких-нибудь там Мильчестерах, он в Оксфорде обучался! И он дарит всех нас плодами своей учености. И про все-то он знает! И про Древний Рим, и про Грецию, и про Вавилон с Ассирией! Даже кота своего назвал в честь ассирийского царя!» — победоносно закончила Банч. — Видишь, какая о тебе идет слава!.. О господи боже мой! Мне же надо делать дела, а то я до вечера не управлюсь. Кис-кис, Тиглатпаласар, попробуй-ка селедочный

хребет!

Она открыла дверь, ловко придержала ее ногой и юркнула в нее с полным подносом, громко и не особенно благозвучно распевая собственную версию шуточной песенки:

Мы на убийство собрались,

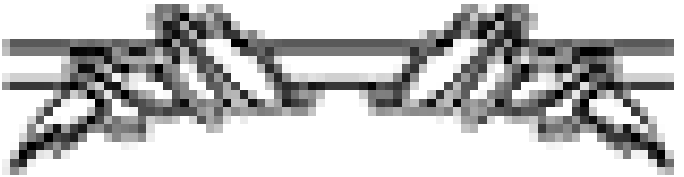
Собрались, собрались!

А сыщики все разбрелись

Сегодня майским утром...

Грохот вываливаемой в раковину посуды заглушил следующие слова, но, выходя из дому, преподобный Джулиан Хармон услышал заключительную ликующую строку:

Идем мы на убийство!



Глава 2

ЗАВТРАК В ЛИТТЛ-ПАДДОКСЕ

I

В Литтл-Паддоксе завтрак тоже был в самом разгаре.

Мисс Блеклок, шестидесятилетняя хозяйка дома, сидела во главе стола. На ней было домашнее платье, совершенно не вязавшееся с ожерельем из крупного фальшивого жемчуга. Она читала статью Лейн Норкотт в *«Дейли мейл»*.

Джулия Симмонс томно перелистывала *«Дейли телеграф».* Патрик Симмонс решал кроссворд в *«Таймсе».* Мисс Дора Баннер с головой ушла в местный еженедельник и ничего вокруг не замечала.

Мисс Блеклок тихонько хихикнула; Патрик пробормотал: «Не *авторитетный,* а *авторитарный* - вот где я ошибся».

И вдруг мисс Баннер закудахтала, как вспугнутая курица:

— Летти, *Летти,* ты видела? Что *это?*

— В чем дело, Дора?

— Какое странное объявление! В нем черным по белому назван Литтл-Паддокс. Но что это значит?

— Дора, милочка, дай-ка взглянуть...

Мисс Баннер послушно протянула газету мисс Блеклок и ткнула дрожащим пальцем в загадочные строчки:

— Только посмотри, Летти.

Мисс Блеклок взглянула. Брови ее приподнялись. Окинув стол испытующим взором, она громко прочла:

«Объявлено убийство, которое произойдет в пятницу, 29 октября, в 18:30 в

Литтл-Паддоксе. Только сегодня. Друзья, спешите принять участие».

— Патрик, это твои штучки? — Ее вопрошающий взгляд остановился на красивом молодом повесе, сидевшем на противоположном конце стола.

Патрик Симмонс поспешил оправдаться:

— Что вы, тетя Летти! Как вы могли подумать? И вообще, при чем тут я?

— От тебя вполне можно этого ожидать, — жестко сказала мисс Блеклок. — Такие выходки в твоем духе.

— Выходки? Да что вы, тетя Летти!

— Тогда, может, это ты, Джулия?

— Ну, разумеется, нет, — устало ответила Джулия.

— Неужели вы думаете, что миссис Хаймс... — пробормотала мисс Блеклок и взглянула на уже освободившееся место за столом.

— Нет, вряд ли наша Филлипа вдруг сделалась шутницей, — откликнулся Патрик. — Она у нас девушка серьезная.

— Однако чья же это тогда выдумка? — спросила, зевая, Джулия. — И что это означает?

— Наверное, какой-то глупый розыгрыш, — за-

думчиво произнесла мисс Блеклок.

— Но зачем? — воскликнула Дора Баннер. — С какой целью? По-моему, это очень неумная шутка. И дурного тона!

Ее дряблые щеки негодующе затряслись, а близорукие глаза возмущенно сверкнули.

Мисс Блеклок улыбнулась.

— Не переживай так, Банни. Просто кто-то решил пошутить: хотелось бы только узнать, кто именно.

— Здесь говорится «сегодня», — напомнила мисс Баннер, — сегодня в восемнадцать тридцать. Как ты думаешь, что будет?

— Будет *Смерть,* — загробным голосом ответил Патрик. — Дивная Смерть!

— Патрик, уймись! — цыкнула на него мисс Блеклок, а мисс Баннер тихо взвизгнула.

— Но я имел в виду всего лишь торт, который готовит Мици, — принялся оправдываться Патрик. — Вы же знаете, мы называем его «Дивная Смерть».

Мисс Блеклок рассеянно улыбнулась.

Однако мисс Баннер никак не желала оставить ее в покое.

— Нет, правда, Летти, как ты думаешь...

Подруга прервала ее, стараясь держаться бес-

печно.

— Я знаю только одно, — сухо сказала она, — в шесть тридцать к нам пожалует, сгорая от любопытства, полпоселка. На твоем месте я бы лучше выяснила, есть ли у нас что-нибудь выпить.

II

— Но ведь ты волнуешься, Лотти?

Мисс Блеклок вздрогнула. Она сидела за письменным столом, рассеянно рисуя на промокашке каких-то рыбок. Подняв голову, она посмотрела на встревоженную подругу.

Что ей было сказать Доре Баннер? Банни нельзя волноваться, нельзя расстраиваться. Мисс Блеклок помолчала, раздумывая...

Они с Дорой Баннер вместе учились в школе. В те времена Дора была светловолосой, голубоглазой глуповатой девочкой. Но глупость ее никому не мешала, и с ней с удовольствием общались, потому что она была веселой, жизнерадостной и хорошенькой. Мисс Блеклок считала, что ей нужно выйти замуж за симпатичного военного или за сельского присяжного. Ведь Дора обладала массой достоинств: нежностью, привязчивостью, верностью. Но жизнь жестоко обошлась с ней: Доре пришлось самой зарабатывать себе на

хлеб. Она всегда была очень старательной... Но — неумехой страшной... За что бы она ни бралась, ничего у нее не получалось.

На долгое время подруги потеряли друг друга из виду. Но полгода назад мисс Блеклок получила письмо, сбивчивое и патетическое. Дорино здоровье было подорвано. Она жила в маленькой комнатушке, пытаясь кое-как просуществовать на свою жалкую пенсию. Ей хотелось бы брать на дом вышиванье, но из-за ревматизма она не могла сделать и этого. Банни вспоминала школьную дружбу... конечно, жизнь разбросала их... но, может быть... вдруг подруга ей поможет?

Поддавшись внезапному порыву, мисс Блеклок откликнулась. Бедная Дора, бедная, милая, глупенькая, пухленькая Дора! Летиция бросилась к ней, увезла ее с собой и поселила в Литтл-Паддоксе, сказав, что одной вести хозяйство тяжело и ей нужна помощница. Жить Доре оставалось недолго — так, по крайней мере, уверяли врачи. И все же порой мисс Блеклок чувствовала, что взяла на себя непомерно тяжелую ношу. Дорогая ее Дора путала все на свете, расстраивала темпераментную иностранку-домработницу, теряла счета, письма и временами доводила мисс Блеклок до белого каления. Бедная бестолковая

старушка, такая преданная, так искренне желающая помочь, столь гордая тем, что она нужна и приносит пользу, — только, увы, на нее ни в чем нельзя было положиться...

— Не надо, Дора. Я же тебя просила, — резко произнесла мисс Блеклок.

— Ой! — виновато поглядела на нее мисс Баннер. — Конечно... Я просто забыла. Но... ты ведь действительно...

— Волнуюсь? Вовсе нет. По крайней мере, — добавила Летиция, стараясь быть правдивой, — не из-за этого. Ты же говоришь про дурацкое объявление в *«Газете»?*

— Да... И даже если это шутка, то, по-моему, она очень злая.

— Злая?

— Да. Я чувствую во всем какую-то *злость*. То есть... я хочу сказать... *нехорошая* это шутка, вот что.

Мисс Блеклок взглянула на подругу. Кроткие глаза, длинный упрямый рот, слегка вздернутый нос. Бедная Дора, от нее с ума можно сойти! Такая преданная и такая суетливая... Боже, сколько с ней хлопот! И вот на тебе — у этого милого, выжившего из ума существа еще остался нюх на нравственные и безнравственные поступки!

— Пожалуй, ты права, Дора, — сказала мисс Блеклок. — Это нехорошая шутка.

— Мне она совсем не нравится, — с внезапной яростью выпалила мисс Баннер. — Я боюсь... И ты тоже *боишься,* Летиция, — неожиданно прибавила она.

— Ерунда! — бодро возразила мисс Блеклок.

— Это *опасно...* Это... это как бомба, которую присылают по почте.

— Да нет же, дорогая, просто какой-то недоумок решил сострить.

— Не вижу *ничего* смешного.

И действительно, ничего смешного тут не было... Лицо мисс Блеклок вдруг выдало ее мысли, и Дора торжествующе вскричала:

— Я же говорила! Ты тоже так думаешь!

— Но, Дора, милочка...

Мисс Блеклок осеклась. В комнату, словно цунами, ворвалась молодая женщина, пышная грудь ее бурно вздымалась под тесным свитером. Широкая яркая юбка была посажена на корсаж, вокруг головы были обмотаны грязные черные косы. Темные глаза сверкали.

— Я могу вам говорить, пожалуйста, да? — затарахтела она.

Мисс Блеклок вздохнула.

— Конечно, Мици, в чем дело?

Порой ей казалось, что лучше самой готовить еду и вести хозяйство, чем терпеть бесконечные истерики домработницы-беженки.

— Я сразу говорить... надеюсь, все нормально? Я даю вам предупреждение... и *уходить*... уходить *сейчас.*

— Но почему? Вас кто-нибудь расстроил?

— Да, расстроил, — трагически воскликнула Мици. — Я не хочу умереть! Я уже убежать Европа. Моя семья — они все умереть... их убивать... мама, и маленький брат, и моя такая милая маленькая племянница... всех, всех их убивать. Но я убежать, я прятаться... прийти в Англия. Я работаю. Я делаю работа, какая никогда не делать на моей родине... Я...

— Все это мне известно, — решительно оборвала мисс Блеклок вечную песню Мици. — Но почему вы намерены уйти именно *сегодня?*

— Потому что они опять приходят меня убивать!

— Кто?

— Мои враги. Наци! А может, на этот раз и большевики. Они узнали, что я здесь. И приходят убивать. Я читала об это, да, я читала газету!

— Вы имеете в виду нашу *«Газету»?*

— Здесь, *здесь* написано. — Мици вытащила из-за спины *«Газету».* — Посмотрите, вот здесь есть прямо: *«Убийство».* В Литтл-Паддоксе. Или это не значит здесь? Сегодня вечером в половине седьмого. Ай! Я не хочу ждать, когда меня убивают... *Нет.*

— Но почему это обязательно про *вас?* Мы думаем, кто-то просто пошутил.

– *Шутка?* Разве убивать кого-нибудь — шутка?

— Разумеется, нет. Но, дорогая девочка, если бы кто-нибудь захотел вас убить, он бы не стал давать объявление в газете.

— Вы думаете? — Мици слегка заколебалась. — Вы думаете, они никто не хотеть убивать? А может, они хотеть убивать *вас,* мисс Блеклок.

— Ни за что не поверю, что кому-то хочется меня убить, — беспечно заявила мисс Блеклок. — И, ей-богу, Мици, я совершенно не понимаю, зачем им убивать вас. Ну, зачем, скажите на милость?

— Потому что они плохие... очень плохие. Я вам уже говорить: и маленький брат, и мама, и моя такая милая маленькая племянница...

— Да-да, конечно, — ловко остановила лавину словоизлияний мисс Блеклок. — Но мне как-то не верится, что *кто-то* хочет вас убить, Мици. Однако если, дорогая, вы хотите уйти, причем

предупредив меня за пять минут до своего ухода, я не в силах вам помешать. Но учтите, вы сделаете большую глупость, — уже другим тоном произнесла мисс Блеклок и решительно добавила, видя, что Мици засомневалась: — Говядина, что прислал к обеду мясник... по-моему, она очень жесткая.

— Я буду готовить гуляш, особый гуляш.

— Ну, гуляш так гуляш... А не могли бы вы из того засохшего куска сыра сделать сырные палочки? Может, у нас сегодня будут гости.

— Сегодня? Что значит «сегодня»?

— В половине седьмого вечера.

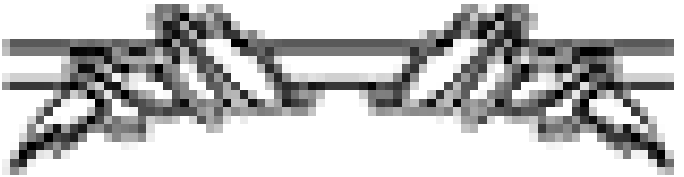
— Но это время, которое есть в газете! Кто придет? Зачем?

— Они явятся на похороны, — сказала, подмигивая, мисс Блеклок. — Хватит, Мици. Мне некогда. И закрой за собой дверь поплотнее, — строго добавила она.

Дверь за ошарашенной Мици захлопнулась.

— Так... на некоторое время покой обеспечен, — произнесла мисс Блеклок.

— Ах, Летти! Ты такая деловая! — восхищенно воскликнула мисс Баннер.



Глава 3

В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ

I

— Ну, вроде все, — сказала мисс Блеклок, окидывая оценивающим взглядом сдвоенную гостиную. Расписанный розочками мебельный ситец, две вазы с золотистыми хризантемами, маленькая вазочка с фиалками и серебряная сигаретница на столике возле стены, поднос с напитками на

столе посреди комнаты...

Литтл-Паддокс, особняк средних размеров, был построен в ранневикторианском стиле. Узкая длинная гостиная освещалась плохо, потому что крыша веранды заслоняла солнечный свет; в конце гостиной некогда были двойные двери, которые вели в маленькую комнатку с окном в нише. Но со временем двойные двери убрали и заменили их бархатными портьерами. Позже мисс Блеклок убрала и портьеры, окончательно объединив обе комнаты. В каждой имелся камин, и, хотя ни один не горел, по комнате разливалось приятное тепло.

— Вы включили центральное отопление, — догадался Патрик.

Мисс Блеклок кивнула.

— Тут было так зябко и промозгло! В доме ужасно сыро. Вот я и заставила Эванса перед уходом включить отопление.

— И не пожалели драгоценного кокса? — насмешливо сказал Патрик.

— Именно драгоценного. Но иначе нам пришлось бы тратить еще более драгоценный уголь. Сам знаешь, муниципальные власти ни на грамм не дают больше, чем положено на неделю... если только мы не заявим, что нам совершенно не на

чем готовить еду.

— Но ведь были же когда-то горы угля и кокса, и они продавались свободно? — сказала Джулия так, будто речь шла о диковинной заморской стране.

— Да, и причем по дешевке.

— И кто угодно мог пойти и купить сколько хотел, без всяких карточек и ограничений? Неужели всего было полно?

— Да, и любого сорта, любого качества... и к тому же без камней и сланца, не то что теперь.

— Жили же люди! — мечтательно вымолвила Джулия.

Мисс Блеклок улыбнулась.

— Мне тоже приходят на ум такие мысли, когда я оглядываюсь назад. Но ведь я старуха. И естественно, время моей юности кажется мне самым лучшим. Но вам, молодым, негоже вести подобные речи.

— Я могла бы не работать, — продолжала, не слушая, Джулия. — Сидела бы себе дома, составляла цветочные букеты и писала бы письма... Почему тогда писали столько писем? И кому?

— Всем, кому ты сейчас звонишь по телефону, — лукаво прищурилась мисс Блеклок. — Право, мне что-то не верится, что ты *умеешь* писать,

Джулия.

— Да уж, конечно, я не следую *«Полному руководству по написанию писем»*, которое я недавно тут раскопала. Просто прелесть! Там, например, даются советы, как достойно отказать вдовцу, если он просит твоей руки.

— Вряд ли тебе удалось бы всю жизнь бездельничать. У людей все равно было много разных обязанностей. — Голос мисс Блеклок звучал сухо. — Но вообще-то я мало знаю о светской жизни. Банни и мне, — она послала Доре Баннер нежную улыбку, — рано пришлось отправиться на биржу труда.

— О да, да, — поддакнула мисс Баннер. — Каких гадких, отвратительных детей мне пришлось учить! Никогда их не забуду. Летти, конечно, оказалась умнее. Она проникла в деловой мир, стала секретаршей крупного финансиста.

Дверь открылась, и вошла Филлипа Хаймс, высокая, красивая, спокойная женщина. Она удивленно огляделась.

— Привет! Вы что, гостей ждете? А почему мне ничего не сказали?

— Вот это да! — вскричал Патрик. — Наша Филлипа не знает. Бьюсь об заклад: она единственная женщина в Чиппинг-Клеорне, которая ничего

не знает!

Филлипа вопросительно взглянула на него.

— Узрим мы вскоре, — театрально воскликнул Патрик и взмахнул рукой, — убийства сцену!

В глазах Филлипы мелькнуло удивление.

— Вот это, — Патрик указал на хризантемы, — похоронные венки, а оливки и сырные палочки символизируют поминальное угощенье.

Филлипа перевела непонимающий взгляд на мисс Блеклок.

— Это что, шутка? — спросила она. — Вы же знаете, я начисто лишена чувства юмора.

— Это очень гадкая шутка! — возбужденно откликнулась мисс Баннер. — И мне она совсем не нравится.

— Покажи ей объявление, — сказала мисс Блеклок. — А я *пойду* загоню уток. Уже темно. Им пора домой.

— Давайте я схожу, — сказала Филлипа.

— Ну что ты, дитя мое. На сегодня твоя работа закончена.

— Тогда давайте я, — предложил Патрик.

— Нет-нет, ни в коем случае, — решительно возразила мисс Блеклок. — В прошлый раз ты плохо задвинул засов.

— Летти, дорогая, позволь пойти мне! — закри-

чала мисс Баннер. — Честное слово, я с удовольствием! Вот только галоши надену и джемпер... куда он запропастился?

Но мисс Блеклок, улыбаясь, уже выходила из комнаты.

— Дохлый номер, Банни, — сказал Патрик. — У тети Летти уйма энергии, она не выносит, когда что-нибудь делают за нее. Она везде хочет поспеть сама.

— Да, ей это нравится, — поддакнула Джулия.

— Правда, ты, кажется, и не предлагала ей своих услуг, — поддел Джулию брат.

Девушка лениво улыбнулась.

— Ты же сам только что сказал, что тетя Летти любит все делать сама. И потом, — она вытянула вперед красивую ногу в тонком чулке, — я же надела свои выходные чулки.

— Смерть в шелковых чулках, — с пафосом произнес Патрик.

— Не в шелковых, кретин, это капрон.

— Капрон не звучит.

— Послушайте, может, кто-нибудь объяснит мне, — жалобно попросила Филлипа, — почему здесь столько говорят о смерти?

Все загалдели, перебивая друг друга, хотели показать ей *«Газету»,* но не смогли — Мици унесла

ее на кухню.

Через несколько минут вернулась мисс Блеклок.

— Ну, — оживленно начала она, бросая беглый взгляд на часы, — *теперь* все готово. А времени — двадцать минут седьмого. Значит, так: или сейчас кто-нибудь пожалует, или я плохо знаю своих соседей.

— Но с какой стати им приходить? — в замешательстве спросила Филлипа.

— Неужели, дорогая, ты действительно не в курсе? Хотя похоже, что нет. Да, такую нелюбопытную особу еще надо поискать.

— Отношение Филлипы к жизни можно выразить одним словом: равнодушие, — гаденьким тоном произнесла Джулия.

Филлипа предпочла промолчать.

Мисс Блеклок огляделась по сторонам.

Мици успела поставить на стол бутылку шерри и три блюда — с оливками, сырными палочками и какими-то печеньицами.

— Патрик, если тебе не трудно, перенеси поднос... нет, лучше передвинуть стол в угол, в ту нишу. В конце концов, у нас ведь не званый ужин. Я лично *никого* не приглашала. И не хочу, чтобы все сразу решили, будто я жду гостей.

— Тетя Летти, неужели вы хотите скрыть свою мудрую прозорливость?

— Прекрасно сказано, Патрик. Спасибо, дорогой.

— Изобразим же тихий семейный вечер в домашнем кругу, — сказала Джулия, — а при виде нежданных гостей выразим искреннее удивление.

Мисс Блеклок взяла бутылку шерри и застыла в нерешительности.

— Да здесь почти полбутылки, — попытался успокоить ее Патрик. — Должно хватить.

— Конечно... конечно. — Мисс Блеклок, однако, колебалась. Потом, слегка зардевшись, произнесла: — Патрик, пожалуйста... там, в кладовке, в шкафу, стоит еще одна бутылка. Принеси ее и захвати штопор. Я... мы вполне можем поставить и новую бутылку. А эта... эта уже початая.

Патрик молча исполнил ее просьбу. Откупорив бутылку и, поставив ее на поднос, он с любопытством поглядел на мисс Блеклок.

— А вы, никак, принимаете все всерьез? — ласково спросил он.

— О-о! — воскликнула шокированная Дора Баннер. — Нет, Летти, неужели ты даже думаешь...

— Тсс, — резко оборвала ее мисс Блеклок. — Зво-

нок. Видите, как я мудра и прозорлива?

II

Мици распахнула дверь в гостиную и впустила полковника Истербрука с женой. У Мици была своеобразная манера объявлять о приходе гостей.

— Тут этот... полковник и миссис Истербрук... явились, — фамильярно сообщила она.

Пытаясь скрыть смущение, полковник вел себя разудало.

— Ничего, что мы так ввалились? — сказал он. (С кресла, где сидела Джулия, раздался тихий смешок.) — Просто проходили мимо и решили заскочить. Промозглый сегодня вечерок. Я смотрю, вы уже топите. А мы еще не начинали.

— Что за *прелесть* ваши хризантемы! — зашлась от восторга миссис Истербрук.

— А по-моему, тут и смотреть не на что, — возразила Джулия.

С Филлипой Хаймс миссис Истербрук поздоровалась с особой, чуть преувеличенной сердечностью, желая подчеркнуть, что понимает, насколько Филлипа выше обычных сельскохозяйственных рабочих.

— Как поживает садик миссис Лукас? — поин-

тересовалась она. — Вы полагаете, его можно привести в божеский вид? Он ведь в полнейшем запустении... всю войну без ухода... да и после войны им никто не занимался... этот противный старикан Эш только подметал листья и посадил немного капусты.

— Да, сад можно привести в порядок, — кивнула Филлипа. — Но это потребует времени.

Мици снова распахнула дверь и выпалила:

— Тут эти... дамы из Боулдерс.

— Добрый вечер. — Миссис Хинчклифф в два шага пересекла всю комнату и стиснула руку мисс Блеклок в своей огромной клешне. — Я, знаете ли, и говорю Мергатройд: «А не нагрянуть ли нам в Литтл-Паддокс?» Я хотела спросить, как ваши утки, уже сели на яйца?

— Так быстро стало смеркаться, не правда ли? — чуть взволнованно обратилась мисс Мергатройд к Патрику. — Какие *прелестные* хризантемы!

— Дохлые, — буркнула Джулия.

— Могла бы и не вредничать, — с упреком шепнул ей Патрик.

— А, вы затопили! — сказала мисс Хинчклифф: в ее устах это прозвучало как обвинение. — Рановато.

— В это время года в доме ужасно сыро, — вино-

ватым тоном произнесла мисс Блеклок.

Патрик просигналил бровями: «Подавать шерри?» И мисс Блеклок послала ответный сигнал: «Пока не надо». Она вернулась к полковнику Истербруку:

— Вам прислали из Голландии луковицы тюльпанов?

Дверь вновь отворилась, и вплыла немного пристыженная миссис Светтенхэм, за спиной которой маячил хмурый и сконфуженный Эдмунд.

— А вот и мы! — весело воскликнула миссис Светтенхэм и с явным любопытством посмотрела по сторонам. Потом смутилась и добавила: — Я просто решила забежать... узнать, не нужен ли вам котенок, мисс Блеклок. Наша кошка вот-вот...

— Принесет потомство от рыжего кота, — сказал Эдмунд. — Результат будет ужасающим. Так что потом не говорите, что я вас не предупреждал.

— Она прекрасно ловит мышей, — поспешно вставила миссис Светтенхэм. И добавила: — Какие *прелестные* хризантемы!

— А вы, я вижу, затопили, — пытаясь выглядеть оригинальным, изрек Эдмунд.

— До чего же люди похожи на граммофонные пластинки! — прошептала Джулия.

— Последние сводки новостей мне не нравятся, — говорил полковник Истербрук, вцепившись в Патрика мертвой хваткой. — Не нравятся, и точка! Спросите меня, и я отвечу: война неизбежна... неизбежна — и точка.

— Я не интересуюсь последними сводками новостей, — сказал Патрик.

Дверь открылась опять, и вошла миссис Хармон. Пытаясь одеться помоднее, она нацепила на затылок поношенную фетровую шляпку, а вместо обычного свитера напялила несуразную блузку с рюшечками.

— Здравствуйте, мисс Блеклок! — лучезарно улыбаясь, воскликнула она. — Я не опоздала, нет? Когда у вас начнется убийство?

III

Все ахнули. Джулия одобрительно хихикнула, Патрик сморщился, а мисс Блеклок растянула губы в улыбке.

— Джулиан рвал и метал, что не может прийти, — сказала миссис Хармон. — Он *обожает* убийства. Из-за них он прочел такую чудесную проповедь в прошлое воскресенье... наверно, мне не стоит ее хвалить, как-никак он мой муж, но она действительно удалась, правда же? Куда больше,

чем остальные проповеди... А все из-за романа *«Смерть строит козни».* Вы читали? Продавщица из Бутса[15] отложила для меня экземплярчик. Там *ничего* не разберешь. Думаешь: наконец-то хоть что-то прояснилось, и вдруг на тебе — опять ничего не понятно! А убийств сколько... четыре или даже пять, просто прелесть! Я забыла книжку в кабинете, а Джулиан там готовился к проповеди. Он решил взглянуть, зачитался и *не смог* оторваться до самого конца. В общем, проповедь пришлось составлять наспех, без всяких там ученых выкрутасов, и, конечно, получилось в сто раз лучше. Господи, я совсем заболталась! Так когда же, скажите на милость, начнется убийство?

Мисс Блеклок взглянула на каминные часы.

— Если ему суждено начаться, — бодро ответила она, — то уже вот-вот. До половины седьмого осталась одна минута. А пока выпейте шерри.

Патрик с готовностью устремился в проход под аркой. Мисс Блеклок подошла к столику, сдвинутому в нишу, и потянулась за сигаретами.

— Я-то с удовольствием выпью, — сказала миссис Хармон. — Но почему вы говорите *«если»?*

---

[15] notes: 15

Б у т с — однотипные аптеки, принадлежащие компании Бутс, в которых кроме аптекарских товаров продаются также некоторые предметы домашнего обихода — книги, канцелярские принадлежности и т.п.

— Так ведь я, — пожала плечами мисс Блеклок, — пребываю в таком же неведении, как и вы. Откуда мне знать...

Она осеклась и повернула голову на бой каминных часов. Звук был нежный, мелодичный, похожий на звон серебряных колокольчиков. Все замолчали и замерли, глядя на циферблат.

Часы отбили четверть, потом половину. И едва затих последний звук, комната погрузилась во тьму.

IV

Послышались восхищенные вздохи и женский писк. «Началось!» — в экстазе воскликнула миссис Хармон. Дора Баннер жалобно захныкала: «Ой, мне это совсем не нравится!» Раздавались и другие голоса: «Какой ужас, какой ужас! Жуть как страшно!.. У меня мурашки по коже!..», «Арчи, где ты...», «Что мне *делать?..»,* «О господи, кажется, я наступила вам на ногу. Простите, пожалуйста».

Потом с грохотом отворилась дверь. Яркий свет фонаря замельтешил по комнате. Хриплый мужской голос скомандовал:

— Руки вверх, руки вверх, кому говорят!

Все сразу почувствовали себя героями кинобоевика и восхищенно подняли руки над головой.

— Ну, разве не замечательно? — выдохнула какая-то дамочка. — Просто с ума сойти.

И вдруг раздался выстрел. Затем второй. Свист пуль вдребезги разбил всеобщее благодушие. Игра перестала быть игрой. Кто-то взвизгнул...

Внезапно человек в дверях обернулся и на мгновение словно замер, потом грянул третий выстрел, и незнакомец упал. Фонарь выпал из его руки и погас. Все опять погрузилось во мрак. А дверь в гостиную медленно, со слабым, негодующим стоном закрылась и защелкнулась.

V

В комнате было вавилонское столпотворение. Все наперебой кричали: «Свет, включите свет!.. Неужели нельзя найти выключатель?»... «У кого есть зажигалка?»... «Ой, не нравится мне это, *не нравится!»...* «Но ведь стреляли *по-настоящему!»...* «У него был *настоящий* пистолет!»... «Это кто — грабитель?»... «Арчи, Арчи, я хочу выбраться отсюда!»... «Ради бога, есть у кого-нибудь зажигалка?..»

Затем почти одновременно щелкнули две зажигалки, и вспыхнуло два маленьких ровных пламени.

Щурясь, все смотрели друг на друга. Лица были

испуганные. Возле стены у прохода под аркой, прижав руку к лицу, стояла мисс Блеклок. Что-то темное сочилось у нее между пальцами; ничего больше при слабом свете разглядеть было невозможно.

Полковник Истербрук откашлялся и даже встал ради такого случая.

— Попробуйте выключатель, Светтенхэм, — приказал он.

Застывший возле двери Эдмунд послушно щелкнул выключателем.

— Или это на станции, или пробки, — изрек полковник. — А там что за базар?

Где-то за дверью вопил-разрывался женский голос. Он завопил еще истошней, и кто-то забарабанил в дверь.

Тихо всхлипывающая Дора Баннер воскликнула:

— Это Мици! Мици убивают!..

— Как же! Дождешься такого счастья! — пробормотал Патрик.

Мисс Блеклок сказала:

— Надо достать свечи, Патрик, ты не мог бы...

Но полковник уже открыл дверь. Они с Эдмундом, светя перед собой зажигалками, вышли в холл и чуть не споткнулись о лежащего на полу

человека.

— Похоже, подбит, — сказал полковник. — Ну, где ваша горлодерка?

— В столовой, — ответил Эдмунд.

Двери столовой выходили в холл. Кто-то бился о стены, выл и визжал.

— Ее заперли, — сказал, наклоняясь и ища замочную скважину, Эдмунд.

Он повернул ключ, и Мици выпрыгнула из комнаты, как тигр из клетки. В столовой свет горел. Стоявшая против него Мици являла собой картину неописуемого ужаса и продолжала визжать. Во всей ситуации было нечто комическое, потому что в момент нападения она чистила столовое серебро и до сих пор сжимала в одной руке шкурку, в другой — длинный нож для рыбы.

— Успокойся, Мици, — сказала мисс Блеклок.

— Прекрати! — поддержал ее Эдмунд, но поскольку замолкать Мици явно не собиралась, то он подался вперед и влепил ей звонкую пощечину. Мици судорожно глотнула воздуха, икнула и замолчала.

— Достаньте свечи, — велела мисс Блеклок. — Они на кухне в шкафу. Патрик, ты знаешь, где у нас пробки?

— В коридоре за моечной? Сейчас посмотрю.

Мисс Блеклок вступила в полосу света, падавшего из столовой, и Дора Баннер захлебнулась рыданиями. Мици издала еще один душераздирающий вопль.

— Кровь! *Кровь!* — истошно заголосила она. — Вас стреляли, мисс Блеклок... Вы умереть от потери крови.

— Не глупи! — оборвала ее мисс Блеклок. — Я совсем не ранена. Только ухо слегка задето.

— Но, тетя Летти, — сказала Джулия, — это действительно кровь.

И правда, белая блузка мисс Блеклок, ее жемчужное ожерелье, руки — все было запачкано кровью.

— Уши всегда сильно кровоточат, — сказала мисс Блеклок. — Помню, как-то в детстве я упала в обморок в парикмахерской. Мастер чуть-чуть порезал мне ухо, а крови натекло чуть не целый таз. Но *надо* зажечь свет.

— У меня есть свечи, — подала голос Мици.

Джулия пошла вместе с ней, и они принесли несколько свечей, поставленных на блюдца.

— Ну-ка, ну-ка, взглянем на нашего злодея, — сказал полковник. — Опустите свечу пониже, Светтенхэм. Ниже, как можно ниже.

— Я зайду с другой стороны, — сказала Фил-

липа.

Твердой рукой она взяла пару блюдец. Полковник Истербрук опустился на колени.

Поверженный человек был одет в грубо сшитый черный плащ с капюшоном. Черная маска закрывала ему лицо, черные хлопчатобумажные перчатки — руки. Капюшон сполз, и из-под него выбились взъерошенные светлые волосы.

Полковник Истербрук перевернул его, пощупал пульс, послушал, бьется ли сердце, и, с возгласом отвращения отдернув руки, воззрился на них. Руки были липкими и красными.

— Застрелился, голубчик, — сказал полковник. — Может, это самоубийство, а может, он запутался в плаще, и в момент падения пистолет разрядился. Если б разглядеть получше...

И тут, как по мановению волшебной палочки, зажегся свет.

Со странным чувством, будто все происходит невзаправду, обитатели Чиппинг-Клеорна, стоявшие в холле Литтл-Паддокса, вдруг поняли, что у них на глазах трагически погиб человек. Рука полковника Истербрука была красной от крови. Кровь все еще стекала по шее мисс Блеклок, капая на блузку и юбку, а на полу лежал, нелепо растянувшись, незваный гость.

— Кажется, только одна пробка перегорела, — начал было, войдя в комнату, Патрик и осекся.

Полковник потянулся к маленькой черной маске, закрывавшей лицо погибшего.

— Давайте-ка взглянем, что это за тип. Хотя, думаю, мы вряд ли его знаем.

Он сорвал маску. Все вытянули шеи. Мици икнула, судорожно ловя ртом воздух. Остальные стояли, как будто окаменев.

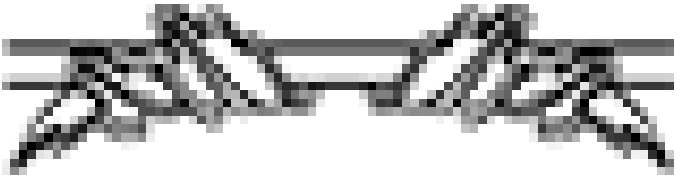
— Совсем молоденький, — с жалостью в голосе протянула миссис Хармон.

И вдруг Дора Баннер взволнованно закричала:

— Летти, Летти, да это ж молодой человек из отеля «Спа» в Меденхэм-Уэллсе! Он еще приходил к нам и просил, чтобы ты дала ему денег для возвращения в Швейцарию, а ты отказалась. Наверное, это был лишь предлог, чтобы проникнуть в дом и хорошенько все тут разглядеть! Боже, боже, он ведь мог убить тебя!..

Мисс Блеклок взяла инициативу в свои руки:

— Филлипа, отведи Банни в столовую и дай ей полстакана бренди. Джулия, дорогая, сбегай в ванную и принеси мне из шкафчика лейкопластырь, а то противно — кровь так и хлещет. А ты, Патрик, будь добр, немедленно позвони в полицию.



Глава 4

ОТЕЛЬ «РОЙЯЛ СПА»

I

Джордж Райдсдейл, начальник полиции Миддлшира, был человеком спокойным. Этот среднего роста мужчина с проницательными глазами под кустистыми бровями имел обыкновение больше слушать, чем говорить. Выслушав собеседника, он бесстрастным голосом отдавал краткие приказания, и они выполнялись неукос-

нительно.

Сейчас он слушал инспектора Дермота Крэддока, которому было поручено расследование происшествия в Литтл-Паддоксе. Вчера ночью Райдсдейл отозвал его из Ливерпуля, куда Крэддока послали для наведения справок по другому делу. Райдсдейл высоко ценил Крэддока. Тот обладал не только острым умом и богатым воображением, но, что было для Райдсдейла еще важнее, выдержкой и терпением, позволяющими вести расследование очень медленно, перепроверяя каждый факт и сохраняя способность мыслить непредубежденно до самого конца следствия.

— Вызов принял констебль Легг, сэр, — говорил Крэддок. — Он проявил оперативность и не потерял присутствия духа. А это было нелегко. Вообразите себе десяток людей, галдящих наперебой, да еще эта беженка, которая боится полицейских, как черт ладана. Она решила, что попала в ловушку, и вопила так, что чуть стены не обрушились.

— Вы установили личность покойного?

— Да, сэр. Это Руди Шерц. Швейцарец. Работал администратором в отеле «Ройял Спа» в Меденхэм-Уэллсе. Если вы не возражаете, сэр, я сначала выясню все в отеле, а потом отправлюсь в Чип-

пинг-Клеорн. Там сейчас сержант Флетчер. Он должен встретиться с шоферами автобусов, а после пойти в Литтл-Паддокс.

Райдсдейл одобрительно кивнул.

Открылась дверь. Начальник полиции поднял глаза.

— Входите, Генри, — сказал он. — У нас довольно необычное дело.

Сэр Генри Клитеринг, высокий, видный мужчина средних лет, бывший комиссар Скотленд-Ярда, изумленно поднял брови.

— Неужели мы сумели вас заинтересовать? При вашей-то пресыщенности!

— Ну, уж пресыщенным я никогда не был, — с негодованием возразил сэр Генри.

— Последний крик моды, — сказал Райдсдейл, — объявлять об убийстве заранее. Крэддок, покажите сэру Генри объявление.

Сэр Генри прочел то место, куда ткнул пальцем Крэддок.

— Гм, действительно необычно.

— А вам известно, кто дал объявление? — спросил Райдсдейл у Крэддока.

— Судя по описаниям, сэр, сам Руди Шерц. В эту среду.

— И оно никого не заинтриговало? Не удивило

человека, который его принимал?

— Тщедушная блондинка, сидящая на приеме объявлений, совершенно неспособна думать. По крайней мере, у меня создалось такое впечатление, сэр. Она просто сосчитала количество слов и взяла деньги.

— Но зачем он это затеял?

— Чтобы собрать побольше местных зевак, — предположил Крэддок. — Собрать их в определенном месте в определенное время, потом крикнуть: «Руки вверх!» — и быстренько облегчить их карманы от лишних денег и драгоценностей. Идея довольно оригинальная.

— А что за местечко Чиппинг-Клеорн? — спросил сэр Генри.

— Большая, растянувшаяся на несколько миль, живописная деревня. Есть лавка мясника, зеленщика, булочная, вполне приличный антикварный магазинчик, две чайные. Красивое местечко. «Приманка для туристов». Плотно заселено. Раньше в коттеджах жили фермеры, а теперь там обитают старые девы и пожилые супружеские пары. Значительное число домов построено в викторианскую эпоху.

— Представляю, — сказал сэр Генри. — Милые настырные старушки и отставные полковники.

Эти действительно явятся, прочитав объявление, и станут вынюхивать что к чему. Много бы я дал за то, чтобы одна такая настырная старушка оказалась в то время там. Моя давняя знакомая. Уж она бы вцепилась в эту историю своими маленькими зубками. Это вполне в ее духе.

— И кто же она, эта ваша старушка, сэр Генри? Тетушка?

— О нет, — вздохнул сэр Генри. — Она мне не родственница... Но она — самый лучший сыщик на свете. Гений сыска, взращенный на благодатной почве.

Он повернулся к Крэддоку.

— И вам не стоит пренебрегать старушками в вашей деревне, мой мальчик. Запомните на случай, если дело окажется запутанным: пожилая незамужняя женщина, занятая преимущественно вязаньем и обихаживанием клумб в своем саду, всегда даст сто очков вперед любому следователю. Она расскажет вам, что *могло* произойти и что *должно* было произойти, и даже — что на *самом деле* произошло. А главное — она расскажет, *почему* это произошло!

— Буду иметь в виду, сэр, — кивнул инспектор Крэддок, стараясь держаться как можно официальней. Никто не догадался бы, что Дермот Эрик

Крэддок — крестник сэра Генри и отношения у них самые что ни на есть дружеские.

Райдсдейл кратко изложил суть дела сэру Генри.

— Можно было поручиться, что они соберутся в половине седьмого, — сказал он. — Но откуда было об этом знать нашему швейцарцу? И еще одно: как он мог быть уверен, что ему будет чем поживиться?

— Да, улов бы был невелик... Пара старомодных брошек, нитка фальшивого жемчуга, одна, максимум две банкноты, — задумчиво протянул сэр Генри. — А мисс Блеклок хранит дома много денег?

— Вроде бы нет, сэр. Фунтов пять, не больше.

— Выходит, поживиться особо нечем, — сказал Райдсдейл.

— То есть вы думаете, — спросил сэр Генри, — что молодчику просто нравились розыгрыши? Что это был не грабеж, а маскарад, игра в налетчика? Как в кино? М-да, вполне вероятно. Но как он умудрился застрелиться?

Райдсдейл протянул ему бумагу.

— Предварительное медицинское заключение. Выстрел произведен с близкого расстояния... ожоги... гм... но отсюда никак не следует, что это такое:

самоубийство или несчастный случай. Может, он застрелился, а может, пистолет разрядился случайно, когда молодой человек споткнулся и упал. Вероятнее всего последнее. — Сэр Генри посмотрел на Крэддока. — Надо очень деликатно опросить свидетелей, так, чтобы они точно описали, что же они на самом деле видели.

Инспектор Крэддок вздохнул:

— Каждый из них видел свое.

— Меня всегда занимал вопрос, — сказал сэр Генри, — что видят люди в минуту крайнего возбуждения или нервного напряжения? А еще интересней: чего же они не видят?

— Каковы характеристики пистолета?

— Марка иностранная... в Европе таких довольно много. Шерц не имел разрешения на ношение оружия. Когда он въезжал в Англию, то не заявил о пистолете.

— Вот негодяй! — сказал сэр Генри.

— Да, сомнительный тип, с какой стороны ни посмотри. Ну, Крэддок, можете идти. Выясните все, что можете, о Руди Шерце в отеле «Ройял Спа».

II

В «Ройял Спа» Крэддока сразу же провели в контору управляющего.

Управляющий Роулендсон, высокий румяный добряк, принял его с бурным радушием.

— Счастлив буду помочь, чем смогу, инспектор. Воистину для меня это неожиданность. Вот уж никогда бы не поверил... Шерц казался мне таким заурядным парнем, симпатичным, но обыкновенным. Никак не могу представить его в роли налетчика.

— Как долго он работал у вас, мистер Роулендсон?

— Как раз перед вашим приходом я рылся в бумагах. Он проработал тут чуть больше трех месяцев. Представил хорошие рекомендации, нужные разрешения... все что полагается.

— И вы были им довольны?

— Вполне.

Однако Крэддок заметил, что Роулендсон слегка замялся. Тогда инспектор прибегнул к испытанному средству:

— Ну-ну, мистер Роулендсон, — сказал он, ласково покачивая головой, — вы не до конца со мной откровенны.

— Э-э... — Похоже было, что управляющий застигнут врасплох.

— Ну-ну! Ведь что-то было не так. А что именно?

— В том-то и загвоздка, что не знаю.

— Но вам *казалось*, что что-то неладно.

— Да-да... я... но у меня нет доказательств. И мне не хотелось бы, чтобы мои домыслы были занесены в протокол и обернулись потом против меня.

Крэддок любезно улыбнулся.

— Я вас понял. Не беспокойтесь. Мне просто нужно уяснить, что из себя представлял этот Шерц. Вы его подозревали. В чем?

— Пару раз у нас возникали сложности со счетами, — произнес Роулендсон довольно нерешительно. — Туда было включено то, чего не следовало бы включать.

— То есть вы подозревали Шерца в том, что он запрашивал деньги за услуги, которые не числятся в прейскуранте гостиницы, а разницу прикарманивал?

— Примерно так. В лучшем случае — речь шла о непростительной небрежности с его стороны. Дважды это касалось весьма крупных сумм. Если честно, то я заставил нашего бухгалтера проверить все книги Шерца, предполагая найти... мм...

ошибки, но, хотя было обнаружено несколько неточностей и записи велись весьма небрежно, в целом касса оказалась на месте. Так что я сделал вывод, что напрасно его обвинял.

— Ну а если нет? Что, если Шерц брал небольшие суммы, урывая понемножку то тут, то там, а потом покрывал недостачу за счет оборота взятых ранее средств?

— Это было бы возможно, если бы у него *были* деньги. Но люди, которые, как вы изволили выразиться, «урывают понемножку то тут, то там», обычно нуждаются в деньгах, а получая, сразу же их тратят.

— Значит, если бы Шерцу понадобилось покрыть недостачу, ему нужно было бы раздобыть денег... например, ограбить кого-нибудь?

— Да. Интересно, это первая его попытка?

— Вероятно. Проделано все очень неумело. А кто мог, что называется, подкидывать ему деньжат? Может, у него была женщина?

— Была, одна официантка из гриль-бара. Ее зовут Мирна Харрис.

— Пожалуй, мне стоит с ней переговорить.

III

Мирна Харрис оказалась миловидной девушкой, курносенькой, с огромной копной рыжих волос.

Она была встревожена и держалась напряженно, ее явно возмущало, что приходится отвечать на расспросы полицейского.

— Я ничего не знаю, сэр. Абсолютно ничего! Знай я, что он за типчик, ни за что не стала бы с ним связываться. А так я видела, что он работает в отеле, и думала, что человек приличный. Мне так казалось. А вообще-то гостиницам надо тщательней отбирать персонал, особенно иностранцев. С ними нужно держать ухо востро. Он, наверно, был из тех гангстеров, о которых пишут в газетах.

— Мы полагаем, — сказал Крэддок, — что он действовал в одиночку.

— Подумать только, такой спокойный, солидный! Никогда бы не заподозрила! Правда, у меня пропало несколько вещей, я только сейчас вспомнила. Брошка с бриллиантиком и небольшой золотой медальончик. Но я даже мысли не допускала, что это Руди.

— Охотно верю, — сказал Крэддок. — Кого угод-

но можно ввести в заблуждение. А вы хорошо его знали?

— Да как вам сказать...

— Но вы были в дружеских отношениях?

— О да, именно в дружеских, не больше. Ничего серьезного между нами не было. Я не доверяю иностранцам. Поди разберись, что у них на уме... Ох уж эти мне поляки, как они вели себя во время войны! Да и американцы тоже не лучше. Ни за что не признаются, что женаты, а когда выяснится, уже поздно... Руди любил пустить пыль в глаза, но я не очень верила его россказням.

Крэддок ухватился за ее последнюю фразу.

— Пустить пыль в глаза? Любопытно... Мисс Харрис, я вижу, вы сможете нам помочь. Как это он пускал пыль в глаза?

— Ну... распинался, какие у него богатые предки в Швейцарии, какие они важные персоны. Но не больно-то это вязалось с тем, что он постоянно сидел без денег. Он уверял, будто не смог вывезти свои капиталы из Швейцарии из-за таможенных ограничений. Может, оно и правда, но шмотки его были не очень-то... Я об одежде. В них не было шику. И я думаю, большинство его россказней — чистое вранье. И о восхождении на Альпы, и о том, как он спасал людей на леднике. А у самого

голова закружилась, когда мы взобрались на нашу горку Боултерс. Тоже мне! Альпы!..

— Вы проводили много времени вместе?

— Д-да... много. Он был ужасно хорошо воспитан и знал, как... ну... как ухаживать за девушкой. В кино брал лучшие билеты. И даже цветочки дарил иногда. И потом, он классно танцевал... просто классно!

— А он когда-нибудь упоминал мисс Блеклок?

— Ту, что приезжает к нам иногда пообедать? Она еще останавливалась как-то в гостинице... Нет, вроде бы нет. Я и понятия не имела, что он с ней знаком.

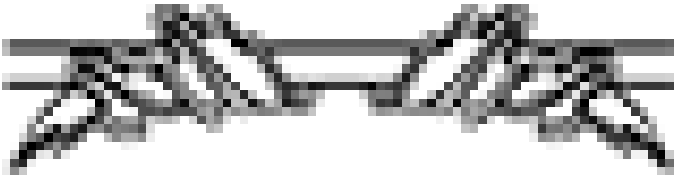
— А он не говорил про Чиппинг-Клеорн?

Крэддоку показалось, что во взгляде Мирны Харрис промелькнула настороженность. Но, может быть, только показалось...

— Да нет... Правда, как-то он спросил про автобусы, как они ходят, но я не уверена, что ему было нужно именно в Чиппинг-Клеорн. Не могу вспомнить. Это было довольно давно.

Больше инспектору не удалось ничего у нее выудить. Руди Шерц вел себя как обычно. Накануне налета она его не видела. Мирна и понятия не имела, *ни малейшего* (она особенно на это упирала), что Руди Шерц — проходимец.

«И вероятно, — подумал Крэддок, — девица говорит правду».



Глава 5

МИСС БЛЕКЛОК И МИСС БАННЕР

Литтл-Паддокс оказался примерно таким, каким и представлял его себе инспектор. Он обратил внимание на цыплят и уток и на цветочный бордюр, который еще совсем недавно выглядел просто прелестно и где теперь последним всплеском летней красоты цвело несколько пурпурных астр. На лужайках и тропинках были следы запустения.

Крэддок сделал вывод, что у хозяев, очевидно,

нет денег на садовника, но цветы здесь любят: клумбы разбиты со вкусом. Дом нуждается в покраске. Большинство домов сейчас нуждается в покраске. Ах уж эти миленькие особнячки!..

Машина Крэддока остановилась около парадного входа, и тут же из–за угла вынырнул сержант Флетчер. Выправкой он напоминал гвардейца и обладал способностью вкладывать множество различных значений в одно коротенькое слово «сэр».

— Вот вы где, Флетчер.

— Сэр, — сказал сержант.

— Какие новости?

— Только что закончили осмотр дома, сэр. Похоже, Шерц не оставил отпечатков пальцев. Понятное дело — он же был в перчатках. Следов взлома нет ни на дверях, ни на окнах. Наверно, он приехал на автобусе из Меденхэма и появился тут в шесть. Черный ход, я так понимаю, закрыли в семнадцать тридцать. Видимо, он прошел через парадный. Мисс Блеклок утверждает, что эта дверь не запирается допоздна, пока все не лягут спать. Но служанка показала, что парадная дверь была заперта целый день; правда, она может сказать что угодно. Девушка с норовом, сами убедитесь. Какая-то беженка с континента.

— Трудновато с ней?

— Сэр! — с чувством произнес сержант Флетчер.

Крэддок улыбнулся.

Флетчер продолжал докладывать:

— Освещение везде в порядке. Пока что не удалось установить, что он сделал с проводкой — свет отключился в гостиной и в холле. Конечно, сейчас бра и верхний свет проводят раздельно, но здесь старая система освещения. Даже не представляю, что он мог сделать такого с пробками, ведь они находятся около кладовки, и, чтобы добраться до них, ему пришлось бы идти через кухню, а тогда служанка его бы увидела.

— А если она была с ним заодно?

— Вполне вероятно. Оба они иностранцы... я бы ни одному ее слову не поверил, ни единому.

Крэддок поймал на себе испуганный взгляд огромных черных глаз. Кто-то смотрел на него из окна возле главного входа. Лицá, расплющенного об оконное стекло, было почти не разглядеть.

— Она?

— Так точно, сэр.

Лицо исчезло.

Крэддок позвонил.

Ждал он довольно долго. Наконец дверь от-

крыла хорошенькая девица с каштановыми волосами и с выражением скуки на лице.

— Инспектор Крэддок.

Девица вперила в него холодный взгляд удивительно красивых миндалевидных глаз и ответила:

— Проходите. Мисс Блеклок ждет вас.

Крэддок заметил, что холл длинный, узкий, и в него выходит очень много дверей.

Между тем скучающая девица распахнула одну из дверей на левой стороне и сказала: «Тетя Летти, к вам инспектор Крэддок. Мици открыть не пожелала. Она заперлась в кухне и издает оттуда восхитительные стоны. Полагаю, что ланча мы сегодня не дождемся». Потом повернулась к Крэддоку и пояснила: «Мици не любит полицейских». После чего удалилась, прикрыв за собой дверь.

Крэддок сделал шаг навстречу хозяйке Литтл-Паддокса. Перед ним стояла высокая энергичная женщина лет шестидесяти. Ее седые волнистые волосы служили великолепной оправой для умного решительного лица. Проницательные серые глаза и волевой подбородок. Левое ухо перевязано. Косметикой дама не пользовалась и была одета в простой, хорошего покроя, пиджак, юбку и свитер. На шее поверх свитера у нее

красовалось старомодное ожерелье из жемчуга, плохо сочетавшееся с костюмом. Этот отголосок викторианской эпохи указывал на некоторую сентиментальность, которая внешне никак больше не проявлялась.

Рядом с ней стояла женщина примерно того же возраста, на ее круглом лице было написано усердие, а растрепанные волосы выбивались из-под сеточки; Крэддок без труда угадал в ней Дору Баннер, которую констебль Легг назвал в докладной записке «компаньонкой», а на словах добавил, что она «немножко с приветом».

Мисс Блеклок заговорила приятным голосом — чувствовалось хорошее воспитание:

— Доброе утро, инспектор. Это моя подруга, мисс Баннер, она помогает мне вести хозяйство. Не желаете ли присесть? Вы не курите, я надеюсь?

— Только в свободное от работы время.

— Зря, надо бросать.

Крэддок окинул комнату быстрым опытным взглядом. Типичная сдвоенная гостиная викторианских времен. Два продолговатых окна в этой комнате, в другой — эркер[16], стулья, диван,

---

[16] notes: 16

Э р к е р — часть внутреннего объема здания, вынесенная за пределы наружной стены.

посреди комнаты стол, на нем в большой вазе хризантемы, на окне другая ваза... все чистенькое, миленькое, но довольно ординарное. Из общей картины выпадала только маленькая вазочка с увядшими фиалками. Крэддоку не верилось, что мисс Блеклок могла бы терпеть у себя в комнате увядшие цветы, и решил, что недосмотр объясняется пережитым потрясением.

— Если я правильно понял, мисс Блеклок... э-э... инцидент имел место именно здесь? — спросил он.

— Да.

— Видали бы вы нашу комнату вчера! — воскликнула мисс Баннер. — Ну и *кавардак* был! Два столика перевернуты, от одного ножка отлетела... темень, сутолока... кто-то бросил зажженную сигарету и подпалил один из столиков. Люди, а в особенности молодежь, так наплевательски относятся к вещам! Хорошо хоть фарфор цел остался.

Мисс Блеклок мягко, но решительно осадила ее:

— Дора, конечно, это все досадно, но, право же, ты говоришь о мелочах. По-моему, нам лучше отвечать на вопросы инспектора.

— В таком случае, мисс Блеклок, я сразу перейду к вчерашнему вечеру. Прежде всего мне

хотелось бы знать, когда вы впервые увидели Руди Шерца?

— Руди Шерца? — удивленно переспросила мисс Блеклок. — Вот, значит, как его зовут. А я думала... Впрочем, не важно. Впервые я увидела его, когда приехала в Меденхэм за покупками, это было... дай бог памяти... недели три тому назад. Мы с мисс Баннер обедали в «Ройял Спа». Мы уже собрались уходить, как вдруг я услышала, что меня кто-то окликнул. И увидела этого молодого человека. Он сказал: «Простите, вы случайно не мисс Блеклок?» И продолжил, что, может быть, я его не помню, но он сын владельца отеля «Альпы» в Монтрё. Во время войны мы с сестрой прожили там около года.

— Отель «Альпы», Монтрё, — отметил для себя Крэддок. — И вы вспомнили этого юношу?

— Нет. Я совершенно его не помнила. Юноши, работающие в гостиницах, все на одно лицо. Но мы с сестрой так чудесно провели время в Монтрё, хозяин гостиницы был чрезвычайно услужлив, и я постаралась сделать вид, что помню его... сказала, что, надеюсь, ему нравится в Англии, а он ответил — да, нравится, дескать, отец послал его сюда на полгода изучать гостиничное дело. Все это звучало очень естественно.

— А следующая ваша встреча?

— Где-то... где-то дней десять назад он вдруг объявился у нас. Я очень удивилась, когда его увидела. Он извинился за беспокойство, но объяснил, что я — единственный человек, которого он знает в Англии. Ему срочно понадобились деньги, чтобы вернуться в Швейцарию, так как мать его серьезно захворала.

— Но Летти не дала ему денег, — задыхаясь, выпалила мисс Баннер.

— О, все это было шито белыми нитками, — решительно заявила мисс Блеклок. — Я поняла, что тут дело нечисто. Эти его уверения, что ему не на что вернуться в Швейцарию! Да отец его прекрасным образом мог сюда телеграфировать и все устроить! Владельцы гостиниц все друг друга знают. Я заподозрила его в растрате. — Она помолчала и сухо добавила: — Может, вы считаете меня жестокой, но я много лет работала секретаршей одного крупного финансиста и привыкла осторожно относиться к просьбам о деньгах. Мне не раз доводилось слышать подобные душещипательные истории. Меня поразило лишь то, — задумчиво прибавила она, — что он так легко сдался. Тут же ушел, даже не попытавшись ничего возразить. Словно и не ожидал никаких денег.

— Теперь, задним числом, вы считаете его просьбу лишь предлогом для того, чтобы проникнуть в дом, не так ли?

Мисс Блеклок уверенно кивнула.

— Когда я его провожала, он отпустил несколько замечаний насчет комнат, например, сказал: «У вас очень милая столовая». Явная ложь, ведь это жуткая, малюсенькая, темная комнатушка. Он просто хотел туда заглянуть. А потом забежал вперед и открыл дверь, приговаривая: «Я сам». Наверно, хотел попробовать, как отпирается замок. Вообще-то мы, как и все, кто здесь живет, не запираем двери до самой темноты. *Кто угодно* может войти.

— Но черный-то ход был заперт?

— Да. Перед приходом гостей я выходила закрыть уток.

— Дверь была тогда заперта?

Мисс Блеклок наморщила лоб.

— Не припомню. Кажется, да. Но я точно помню, что заперла ее, когда вернулась.

— Это было примерно в четверть шестого?

— Да, где-то так.

— А парадная дверь?

— Обычно ее не запирают допоздна.

— Тогда Шерц мог свободно войти через нее.

Или же проскользнуть через черный ход, пока вы загоняли уток. Он уже знал расположение комнат и, очевидно, заметил, где можно спрятаться. Например, в шкафах. В общем, с этим вроде все ясно.

— Прошу прощения, вовсе даже не ясно, — сказала мисс Блеклок. — Зачем, скажите на милость, ему понадобилось вваливаться в дом и устраивать эту комедию с налетом?

— А вы храните деньги дома, мисс Блеклок?

— Ну... фунтов пять здесь, в письменном стеле, и фунт, от силы два, в кошельке.

— А драгоценности?

— Пару колец и эти камеи. Согласитесь, инспектор, это полнейший абсурд.

— Да он вовсе и не был грабителем! — вскричала мисс Баннер. — Сколько раз тебе говорить, Летти? Он *мстил!* За то, что ты не дала ему денег. И стрелял он именно в тебя... целых два раза.

— Ага, — сказал Крэддок. — Вот мы и подошли к вчерашнему вечеру. Что произошло, мисс Блеклок? Расскажите, пожалуйста, только поточней и поподробней.

Мисс Блеклок немного подумала.

— Пробили часы. Те, что на камине. Помню, я сказала, что если чему-то суждено случиться, то

оно вот-вот случится. И тут начали бить часы. Мы все молча слушали. Они успели отбить две четверти, и вдруг совершенно неожиданно погас свет.

— Что именно погасло?

— Бра, здесь и в той комнате. Большая люстра и ночники не были включены.

— А перед тем как они погасли, была какая-нибудь вспышка или шум?

— Вроде нет.

— Была, *была* вспышка, — сказала Дора Баннер. — И *треск.* Просто ужас!

— Ну, а потом, мисс Блеклок?

— Распахнулась дверь...

— Какая? Их две.

— Эта. Та, другая, не открывается. Она ложная. Открылась дверь, и вошел он, человек в маске. В руках у него был пистолет. Зрелище было совершенно невероятное, но, конечно, в ту минуту я подумала, что это просто глупая шутка. Он что-то сказал... не помню...

— Руки вверх! Стрелять буду, — театрально выкрикнула мисс Баннер.

— Что-то в этом духе, — неуверенно кивнула мисс Блеклок.

— И все подняли руки?

— О *да,* — сказала мисс Баннер. — Все. Ведь мы думали, это *игра.*

— Я лично не подняла, — сказала мисс Блеклок. — Все выглядело так глупо, вопиюще глупо. Меня это раздражало.

— Ну, а потом?

— Свет ударил мне прямо в глаза. Он меня ослепил. А затем... я не поверила своим ушам. Пуля просвистела у меня над головой и ударилась в стену. Кто-то взвизгнул, и я ощутила жгучую боль в ухе и услышала второй выстрел.

— Это было *чудовищно!* — вставила мисс Баннер.

— Ну, а потом что случилось, мисс Блеклок?

— Трудно сказать... От боли и от потрясения у меня голова пошла кругом. Он... он повернулся... похоже, споткнулся, а затем прогремел третий выстрел. Фонарь упал, и начались толчея и гвалт. Впотьмах все натыкались друг на друга.

— А где вы стояли, мисс Блеклок?

— Она стояла возле столика и держала вазочку с фиалками, — опять вылезла-вперед мисс Баннер.

— Я была здесь. — Мисс Блеклок подошла к маленькому столику возле прохода под аркой. — Но на самом деле в тот момент я держала сигаретницу.

Инспектор Крэддок осмотрел стену за ее спиной. На ней ясно виднелись две дырки от пуль. Сами пули уже изъяли и отправили на экспертизу, чтобы сравнить с пистолетом.

— Вы чудом избежали смерти, мисс Блеклок, — хладнокровно заметил Крэддок.

— Он стрелял в нее! — воскликнула мисс Баннер. — Именно в *нее!* Я его видела. Он наводил фонарь на всех подряд, пока не нашел ее, а потом прицелился и выстрелил. Он хотел *тебя* убить, Летти.

— Дора, милая, ты просто вбила это себе в голову.

— Он стрелял в *тебя,* — упрямо повторила Дора. — Он хотел тебя застрелить, а когда промахнулся, то покончил с собой. Именно так все и было, я *уверена.*

— А по-моему, ни о каком самоубийстве он и не помышлял, — возразила мисс Блеклок. — Не из той он породы.

— Значит, мисс Блеклок, вы до самого последнего момента, вплоть до выстрелов, считали происходящее шуткой?

— Разумеется, а что еще я могла думать?

— И кто, по вашему мнению, выступал в роли шутника?

— Сначала ты подумала на Патрика, — напомнила ей Дора Баннер.

— На Патрика? — резко переспросил инспектор.

— Да, это мой племянник, — так же резко ответила мисс Блеклок и продолжала, раздосадованная поведением подруги: — Когда я увидела объявление, мне пришло в голову, что Патрик попытался так сострить, но он категорически все отрицал.

— И ты заволновалась, Летти, — сказала мисс Баннер. — Ты волновалась, хотя и притворялась спокойной. И правильно делала, что волновалась. В газете говорилось: «Объявлено убийство», и действительно *было* объявлено убийство, *твое* убийство. Если бы он не промахнулся, тебя бы уже не было в живых. И что бы тогда с нами было?

Дора Баннер вся дрожала, произнося эти слова. Лицо ее сморщилось; казалось, она вот-вот заплачет.

— Все хорошо, милая Дора, не волнуйся. Тебе вредно. Все хорошо. Это было ужасно, но все позади. — Мисс Блеклок потрепала ее по плечу. — Ради меня, возьми себя в руки, Дора. Ты моя опора, ты ведешь хозяйство. Кстати, кажется, сегодня должны привезти белье из прачечной?

— О господи, Летти, как *хорошо,* что ты мне напомнила! Интересно, принесут они пропавшую наволочку? Надо будет это записать. Я сейчас пойду узнаю.

— И унеси фиалки, — сказала мисс Блеклок. — Больше всего на свете я ненавижу увядшие цветы.

— Ах, какая жалость! Я же только вчера их сорвала. Совсем не постояли. О господи, да я забыла налить в них воды! Представляешь? То и дело что-нибудь забываю! Значит, я пошла выяснять про белье. Ведь они могут приехать с минуты на минуту.

И, совершенно успокоившись, она поспешила прочь.

— У Банни слабое здоровье, — сказала мисс Блеклок, — и ей вредно волноваться. Ну, что еще вы хотели узнать, инспектор?

— Кто, кроме вас, живет в доме и что это за люди?

— Сейчас здесь живут двое моих дальних родственников — Патрик и Джулия Симмонс.

— Дальние родственники? Разве они вам не племянники?

— Нет, хоть они и называют меня тетей Летти; на самом деле они дальняя родня. Их мать моя

троюродная сестра.

— И они всегда жили с вами?

— О нет, что вы! Только два последних месяца. До войны они жили на юге Франции. Когда началась война, Патрика призвали на флот, он воевал, а Джулия, кажется, работала в каком-то министерстве. Они жили в Лландидно. Когда война кончилась, их мать написала мне: попросила, чтобы они пожили у меня квартирантами... Джулия учится в Мильчестерской больнице на фармацевта, а Патрик — на инженерном факультете в Мильчестерском университете. Ведь знаете, от нас до Мильчестера всего пятьдесят минут на автобусе... Ну, и я их с радостью приняла. Для меня одной дом слишком велик.

Они вносят небольшую сумму за жилье и питание, и мы прекрасно уживаемся. Люблю, когда рядом молодежь! — добавила она с улыбкой.

— Еще тут обитает миссис Хаймс, не так ли?

— Да. Она работает помощницей садовника в Дайас-Холле, у миссис Лукас. Старый садовник с женой живут там, и миссис Лукас попросила меня выделить Филлипе комнату. Филлипа очень хорошая женщина. Ее мужа убили в Италии. У нее остался восьмилетний сын, он ходит в подготовительный класс, и я договорилась, что он

будет приезжать сюда на каникулы.

— А какая у вас прислуга?

— Пять раз в неделю по утрам приходит миссис Хаггинс из поселка; еще есть одна беженка с неудобопроизносимым именем, она здесь за кухарку. Общаться с ней нелегко — сами увидите. У нее что-то вроде мании преследования.

Крэддок кивнул. Он вспомнил еще одно бесценное замечание констебля Легга. Сказав, что Дора Баннер «с приветом», а Летиция Блеклок «нормальная», он наделил Мици единственным определением — «лгунья».

Словно читая его мысли, мисс Блеклок сказала:

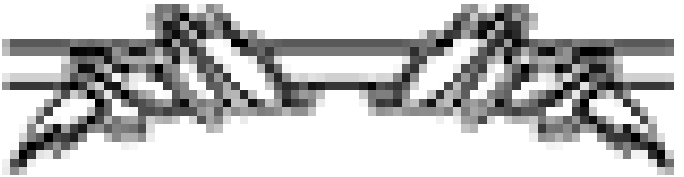
— Прошу вас, не относитесь к бедняжке с предубеждением. Я верю, что за любой ложью скрывается значительная доля правды. Она так извела себя кошмарными рассказами о всяческих злодеяниях, что теперь ей кажется, будто любое несчастье, о котором написано в газете, произошло с ней или с кем-нибудь из ее родственников. Но, поймите... она действительно испытала когда-то тяжелое потрясение, и у нее на глазах действительно убили кого-то из близких. Мне кажется, большинство перемещенных лиц требуют к себе внимания и симпатии вполне заслуженно; они считают, что пережили много жестокостей

и, чтобы вызвать к себе сочувствие, что-то преувеличивают и присочиняют. Хотя, — добавила мисс Блеклок, — откровенно говоря, Мици кого хочешь с ума сведет. Она всех нас раздражает и выводит из себя, она хмурая, подозрительная, у нее вечно какие-то предчувствия, она строит из себя обиженную. Но все-таки мне ее жаль. — Она улыбнулась. — И потом, Мици, когда захочет, готовит очень вкусно.

— Попытаюсь особенно ее не тревожить, — успокоил ее Крэддок. — А девушка, которая мне открыла?.. Это Джулия Симмонс?

— Да. Хотите — можете с ней поговорить. Патрика сейчас нет, а Филлипу вы застанете в Дайас-Холле, она на работе.

— Благодарю, мисс Блеклок. А сейчас, с вашего позволения, я побеседую с мисс Симмонс.



Глава 6

ДЖУЛИЯ, МИЦИ И ПАТРИК

I

Джулия с таким хладнокровным видом вошла в комнату и уселась в кресло, в котором только что сидела Летиция Блеклок, что Крэддок почувствовал досаду. Она устремила на него ясный взгляд и стала ждать расспросов.

Мисс Блеклок тактично удалилась.

— Расскажите мне, пожалуйста, о прошлой

ночи, мисс Симмонс.

— О прошлой ночи? — пробормотала Джулия, глядя на него пустыми глазами. — О, мы спали как убитые. Наверное, это была реакция на случившееся.

— Я имел в виду время с шести часов вечера...

— Понимаю... Ну, значит, пришли эти зануды...

— Кто именно?

Она снова устремила на него томно-безмятежный взгляд.

— А разве вы не знаете?

— Вопросы буду задавать я, мисс Симмонс, — мягко сказал Крэддок.

— Ах, извините! Но мне кажется, выслушивать одно и то же так скучно! Вам, очевидно, нет... Ну что ж, пришли полковник Истербрук с женой, мисс Хинчклифф, мисс Мергатройд, миссис Светтенхэм с Эдмундом Светтенхэмом и миссис Хармон, жена викария. Именно в том порядке, как я их назвала. Хотите знать, что они говорили? Все примерно одно и то же: «А вы, оказывается, уже затопили» и «Какие *прелестные* хризантемы!».

Крэддок закусил губу. Здорово она их изобразила.

— Единственным исключением оказалась миссис Хармон. Она просто душечка! Явилась в

шляпе набекрень и в ботинках с развязанными шнурками и напрямик спросила, когда начнется убийство. Все ужасно смутились: они-то делали вид, будто заскочили случайно! А тетя Летти сухо сказала, — она на подобные вопросы таким образом отвечает, — что это произойдет довольно скоро. Потом пробили часы, и с последним ударом погас свет, дверь распахнулась, и какой-то человек в маске как заорет: «А ну, руки вверх, кому говорят!» Или что-то в этом роде... Как в плохом боевике. Нет, правда, все выглядело ужасно нелепо. А потом он два раза выстрелил в тетю Летти, и стало вдруг очень даже не смешно.

— Где были в тот момент остальные?

— Когда погас свет? Ну, кто где... Миссис Хармон сидела на диване, Хинч, — мисс Хинчклифф, — стояла напротив камина... Какая она все-таки мужеподобная!

— Все находились в этой комнате или кто-то был в дальней?

— Большинство, по-моему, было здесь. Патрик пошел в ту комнату принести шерри. Полковник Истербрук, кажется, отправился за ним, но я не уверена. Остальные, как я уже говорила, находились здесь.

— А вы сами где были?

— Кажется, у окна. Тетя Летти пошла за сигаретами.

— Они лежали на том столике под аркой?

— Да... И тут погас свет и началось...

— У мужчины был карманный фонарик. Что он с ним делал?

— Ну... светил, естественно. Прямо нам в лицо. Совсем ослепил. Совершенно ничего не было видно.

— Пожалуйста, постарайтесь вспомнить как можно точнее, мисс Симмонс: он держал фонарь неподвижно или шарил им по комнате?

— Шарил, — медленно произнесла Джулия. Томности ее поубавилось. — Как прожектором в дансинге. Сначала свет ударил мне по глазам, потом заплясал по комнате, а затем раздались выстрелы. Два хлопка.

— А потом?

— Он обернулся... Мици начала откуда-то завывать как сирена, фонарь упал, и раздался третий выстрел. А потом дверь закрылась, знаете, так медленно, с жалобным визгом... Просто жуть... И мы очутились в кромешной темноте, что делать — не знаем, а бедная Банни визжала словно поросенок... ну, а Мици — та прямо наизнанку выворачивалась.

— Как вы полагаете, он выстрелил в себя нарочно или нечаянно, скажем, споткнулся, и пистолет разрядился?

— Понятия не имею. Я ведь считала, что это всего лишь глупая шутка... пока не увидела на ухе тети Летти кровь. Но, с другой стороны, даже если стреляешь просто так, чтобы игра была больше похожа на правду, нужно целиться очень тщательно, чтобы ни в кого не попасть, да?

— Конечно. А вы думаете, он видел, в кого стреляет? Я хочу сказать, мисс Блеклок хорошо высвечивалась фонарем?

— Да бог его знает. Я не на нее смотрела, а на него.

— Я вот к чему спрашиваю... Как вам кажется, он целился именно в нее?

Джулию, казалось, эта мысль поразила.

— Вы хотите сказать, что он хотел поймать на мушку именно тетю Летти? Не думаю... Разве мало было других способов ее укокошить? Какой смысл собирать для этого всех друзей и соседей? Только чтобы усложнить себе жизнь?.. Он мог в любое время застрелить ее из-за изгороди, по старой доброй ирландской традиции, и его бы не сцапали.

«Да, — подумал Крэддок, — это исчерпывающий

ответ на предположение Доры Баннер».

— Благодарю вас, мисс Симмонс, — вздохнул он. — Пойду теперь побеседую с Мици.

II

Крэддок с Флетчером застали Мици на кухне. Она раскатывала тесто для печенья и встретила их настороженно.

Черные волосы лезли ей в глаза, а темно-красный свитер и ярко-зеленая юбка плохо сидели на расплывшейся, бесформенной фигуре. Вид у нее был угрюмый.

— Почему вы входить на мой кухня, мистер полицейский? Вы из полиция, так? Везде, везде преследования! Говорят, Англия другой, но нет, тот же самый. Я знаю, вы приходить мучить меня, заставлять говорить, но я молчу, слышите? *Молчу!* Можете снимать мои ногти, подносить горящая спичка к моя кожа, можете делать меня еще более ужасно, но я не буду сказать. Я ничего не буду сказать. И можете посылать меня назад в концентрационный лагерь, все равно...

Крэддок задумчиво посмотрел на нее, прикидывая, какую тактику лучше выбрать. Наконец вздохнул и сказал:

— Хорошо, берите шляпу, пальто и пошли.

— Что вы говорить? — испуганно вскинулась Мици.

— Берите шляпу, пальто и пошли. Я не захватил аппарата для сдирания ногтей и прочих приспособлений. Они у меня в отделении. У вас есть наручники, Флетчер?

— Сэр! — восхищенно произнес сержант.

— Но я не хотеть ходить с вами! — в ужасе отпрянув, завопила Мици.

— Тогда вы будете вежливо отвечать на вежливые вопросы. Если хотите, в присутствии адвоката.

— Юристы? Мне не нравятся юристы. Я не хочу юристы.

Она отложила скалку, вытерла руки об одежду и села.

— Что вы хотели узнавать?

— Я хочу, чтобы вы рассказали о вчерашнем вечере.

— Вы сами хорошо знать.

— Я хочу услышать от вас.

— Я пытаться уйти. Она вам сказать это? Когда я видеть, что в та газета говорят об убийство, я пытаться уйти. Она не разрешать мне. Она очень жестокая, ей все плевать. Она заставить меня оставаться. Но я *знать*, что будет. *Знать*, что меня

убивать.

— Но вас же не убили.

— Нет, — неохотно признала Мици.

— Ладно, теперь расскажите, что произошло.

— Я быть очень нервный. О, я быть очень нервный. Весь вечер. Я слушать. Около меня ходить люди. Один раз мне казаться, кто-то красться в холл... но это только миссис Хаймс войти в черная дверь, чтобы не делать грязный главный лестница, так *она* объяснять. Очень *ей* важно! Она сама наци, этот ее белый волос, синие глаза, такая выше все, смотрит на меня как на грязный... грязный...

— Да бог с ней, с миссис Хаймс!

— Кто она думает *она* есть? Может, она училась дорогой университет, как я? Может, она имеет диплом экономиста? Нет, она простой наемный рабочий. Копает земля и косит трава, и каждый суббота ей столько платить! Как она может называться леди?

— Я же сказал: бог с ней! Давайте дальше.

— Я нести шерри, стаканы и маленькое печенье, которое готовить, очень вкусное — в гостиная. Позвонить дверь, и я ходить открывать... Потом еще раз, и еще, и еще. А я открывать. Очень стыдно, но я делать. Потом шла опять в

чулан и начинать чистить серебро, я думать, это удобно, потому что, когда приходить убивать меня, буду иметь нож для резать туша, очень острый и очень большой.

— Очень предусмотрительно.

— А потом вдруг я слышать, как стрелять. Я думать: ну, все, начался. И бежать к столовой. Эта другая дверь, ее нельзя открывать. Я стоять момент и слушать, и тогда третий выстрел, и сильный шум здесь, в холле, я поворачивать ручка двери, но ее запирать с той стороны. Я... как это... в мышеловка... Я чуть с ума не сойти. Я кричать, кричать и бить дверь. Потом они ее открывался и давался мне выходить. Я приносить свечи, много свечи... потом свет зажигать, и я видеть кровь... кровь! Ай! Это не первый раз я вижу кровь. Мой маленький брат... я видеть, его убивать... я видеть кровь на улица... людей стрелять, они умирать... Я...

— Да-да, — прервал ее инспектор Крэддок. — Большое спасибо.

— А теперь, — с пафосом продолжила Мици, — можете меня арестовывать и сажать в тюрьма.

— Не сегодня, — сказал инспектор Крэддок.

III

Когда Крэддок с Флетчером пересекали холл, направляясь к выходу, парадная дверь распахнулась, и они чуть не налетели на высокого красивого юношу.

— Сыщики, чтоб мне пусто было! — закричал он.

— Мистер Патрик Симмонс?

— Так точно, инспектор. Вы ведь инспектор, а он сержант, да?

— Совершенно верно, мистер Симмонс. Не могли бы вы уделить мне несколько минут?

— Я невиновен, инспектор. Клянусь, невиновен!

— Знаете что, мистер Симмонс, не валяйте дурака. Мне еще со многими нужно поговорить, и я не хочу терять времени. Что это за комната? Мы можем сюда пройти?

— Это так называемый кабинет, но здесь никто не работает.

— А мне сказали, вы на занятиях, — протянул Крэддок.

— Я обнаружил, что не могу сегодня сосредоточиться на математике, и отправился домой.

Инспектор держался официально: потребовал,

чтобы Патрик назвал свое полное имя, возраст, сказал об отношении к военной службе.

— А теперь, мистер Симмонс, будьте добры, опишите вчерашний вечер.

— Мы заклали упитанного тельца[17]. Я хочу сказать, Мици самолично изготовила мятные печенья, а тетя Летти повелела откупорить новую бутылку шерри...

— Новую? — прервал его Крэддок. — А что, была старая?

— Да. Целых полбутылки. Но тете Летти что-то в ней не понравилось.

— Она нервничала?

— Да не особенно. Она чрезвычайно разумная женщина. Это старушка Банни всех взвинтила — весь день каркала.

— Значит, у мисс Баннер и вправду были дурные предчувствия?

— О да, она натешилась вволю.

— Объявление она восприняла всерьез?

— Еще бы! Она так перепугалась!

— А мисс Блеклок сначала решила, что вы каким-то образом причастны к публикации объ-

---

[17] notes: 17

З а к л а т ь...у п и т а н н о г о...т е л ь ц а — угостить лучшим, что есть в доме, крылатое выражение, восходящее к библейской притче о блудном сыне.

явления. Почему?

— Так меня же здесь вечно обвиняют во всех смертных грехах!

— Вы *хотите* сказать, что к объявлению не имеете ни малейшего касательства?

— Я? Ни с какого бока!

— И вы раньше не видели Руди Шерца и не общались с ним?

— Никогда.

— Но вы способны на такие шутки, верно?

— Кто вам сказал?! А все из-за того, что я однажды подложил Банни в постель яблочный пирог и послал Мици открыточку: «Берегись! Гестапо напало на твой след!»

— Расскажите о случившемся.

— Как только я вышел в маленькую комнату, чтобы принести шерри, свет вдруг погас. Я обернулся: в дверях стоял какой-то тип, он рявкнул: «А ну руки вверх!» Все разохались, развопились, а я прикидывал, как бы половчей сбить его с ног. Но он вдруг принялся палить из пистолета, а потом хлоп — и повалился на пол; фонарик выпал из его руки, и опять стало темно; тут полковник Истербрук стал командовать, как в казарме: «Свет! Свет!..» А где я ему возьму свет? Разве моя зажигалка долго протянет? Эти проклятые новшества

— сплошное надувательство.

— Как вам показалось? Налетчик целился именно в мисс Блеклок?

— Откуда мне знать? Думаю, он стрельнул просто так, шутки ради, а потом понял, что зашел слишком далеко.

— И застрелился?

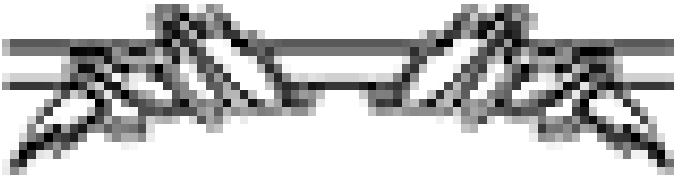
— Почему бы и нет? У него физиономия мелкого жулика, который легко впадает в панику.

— Вы абсолютно уверены, что никогда прежде его не видели?

— Абсолютно.

— Спасибо, мистер Симмонс. Я хотел бы опросить остальных, — тех, кто присутствовал здесь вчера. В каком порядке это лучше сделать?

— Значит, так... наша Филлипа — миссис Хаймс — работает в Дайас-Холле. Ворота почти напротив наших. А оттуда ближе всего до Светтенхэмов. Спросите — вам любой покажет дорогу.



Глава 7

...И ДРУГИЕ

I

Дайас-Холл сильно пострадал за время войны. Там, где некогда росла спаржа, теперь радостно произрастали сорняки, среди которых, как свидетели безобразия, с трудом пробивались жалкие, тощие метелочки спаржи. Зато вьюнки, крестовник и прочая нечисть чувствовали себя вольготно.

Часть огорода, правда, уже призвали к порядку, и там Крэддок обнаружил унылого старика, который задумчиво опирался о заступ.

— Вы небось миссис Хаймс ищете? Уж и не знаю, что вам сказать. Она все наперекор делает. Я к ней с чистой душой, да что толку? Эти молодые девицы никого не слушают, никого. Думают: раз штаны нацепили и уселись на трактор, так им никто не указ! Но тут настоящий *садовник* нужен. А эту премудрость в один день не одолеешь. Да, *садовник* — вот кто тут нужен.

— Пожалуй, — поддакнул Крэддок.

Но старик воспринял его слова как упрек.

— Да вы сами посудите, что я могу один? Здесь всегда работало трое взрослых мужиков и парнишка. Столько и сейчас требуется. Ведь далеко не всякий будет надрываться, как я. Порой до восьми вечера здесь спину гну. До восьми!

— А вы что, с фонариком работаете?

— Так я ж не про сейчас, говорю. Я о *лете* говорю.

— А-а, — протянул Крэддок. — Ну, я пошел искать миссис Хаймс.

Крестьянин, видимо, был заинтересован.

— А чего она вам понадобилась? Вы ж из полиции, да? Она что, в историю влипла, или это

из-за Литтл-Паддокса? Там какой-то тип в маске вломился с револьвером в комнату и хотел грабануть, а народу в комнате было — яблоку негде упасть! Эх! До войны такого бы не случилось. А все из-за дезертиров. Ишь головорезы, рыщут по стране. И почему только военные их не скрутят?

— Сам не знаю, — пожал плечами Крэддок. — Наверно, налет вызвал много пересудов, да?

— Еще бы! И куда мы катимся? Мне-то Нед Баркер рассказал. А виной всему вроде как девчонка, что готовит на мисс Блеклок, мерзопакостный у нее характер, *она* точно замешана, так он сказал. Он уверяет, она коммунистка или того хуже, а нам такие не подходят. А Марлен, она в баре за стойкой торчит, ну, вы понимаете, о чем я... она говорит, у мисс Блеклок есть что-то очень ценное. Нет, не то, про что вы подумали, я уверен, что с мисс Блеклок взять нечего, разве что ее большущие бусы из фальшивого жемчуга. А Марлен и говорит: «А вдруг они *настоящие*?» А Флорри, дочка старика Беллами, ей в ответ: «Еще чего! Это же...» И как-то она их обозвала. Бижутерия, вот как! Бижутерия... Хорошенькое названьице для обыкновенных побрякушек! Мы-то с вами знаем, что это просто стекляшки. Небось и то, что девчонка Симмонс носит, эта ее золотая веточка

и собачка — тоже бижутерия. Нынче редко у кого увидишь настоящее золото, даже обручальные кольца, и те делают из какой-то серой платиновой дряни. Сколько б ни стоило, все равно вид убогий, так я считаю.

Старик Эш перевел дух и продолжил:

— Мисс Блеклок дома денег не держит. Джим Хаггинс божился, что точно это знает. А кому еще знать, как не ему, если его жена ходит убираться в Литтл-Паддокс? Она все про всех знает. В каждую дырку свой нос сует, ей-богу.

— И что же, по словам ее мужа, считает миссис Хаггинс?

— А то, что тут Мици замешана. Ну и норов у девчонки! Спеси-то сколько, спеси! Недавно прямо в глаза назвала миссис Хаггинс батрачкой.

Крэддок еще немного постоял, попытался мысленно, — ибо в таких вещах был педантом, — разложить по полочкам сведения, полученные от старого садовника. Тот дал ему исчерпывающий отчет о деревенских сплетнях, но вряд ли это могло пригодиться. Крэддок уже собрался уходить, как вдруг старик ворчливо окликнул его.

— Она, может, яблоки собирает. Она молодая, ей это больше по силам.

И естественно, Крэддок там и обнаружил Фил-

липу Хаймс. Сперва он увидел ее стройные ноги, обтянутые бриджами, они легко скользили по стволу дерева. А потом перед ним предстала и сама Филлипа, зардевшаяся, растрепанная, испуганная.

«Из нее вышла бы прекрасная Розалинда», — машинально подумал Крэддок. Надо сказать, инспектор был большим почитателем Шекспира и с успехом сыграл некогда роль меланхолического Жака в пьесе *«Как вам это понравится»*. Спектакль ставили для сиротского приюта.

Но он тут же изменил свое мнение. Для Розалинды Филлипа Хаймс, пожалуй, чересчур холодна. Правда, ее красота типично английская, однако слишком современная, в шестнадцатом веке эталон красоты был иным.

Филлипа просто хорошо воспитанная, невозмутимая англичанка, без всякого ветра в голове.

— Доброе утро, миссис Хаймс. Извините, что напугал вас. Я инспектор полиции Крэддок из Миддлширского округа. Хотел поговорить с вами.

— Насчет вчерашнего?

— Да.

— А это надолго? Может, нам...

Она нерешительно огляделась.

Крэддок кивнул на поваленное дерево.

— Давайте побеседуем в неофициальной обстановке, — любезно предложил он, — не хочется отрывать вас от работы дольше, чем это будет необходимо.

— Благодарю.

— Несколько вопросов для протокола. В какое время вы пришли вчера с работы?

— Примерно в половине шестого. Я задержалась минут на двадцать, потому что поливала цветы в оранжерее.

— В какую дверь вы вошли?

— Через черный ход. Если идти мимо уток и курятника, можно чуть срезать путь. А кроме того, не испачкаешь крыльцо. Я ведь порой прихожу вся чумазая.

— Вы всегда ходите этим путем?

— Да.

— Дверь была не заперта?

— Нет. Летом она всегда нараспашку. Осенью ее прикрывают, не запирают. Мы часто через нее ходим. Когда я вошла, я ее заперла.

— Точно?

— Совершенно точно.

— Хорошо, миссис Хаймс. А что вы сделали, когда вернулись домой?

— Скинула грязные башмаки и поднялась наверх, приняла ванну и переоделась. Потом спустилась и увидела, что у них там в самом разгаре подготовка к приему гостей. Я ведь понятия не имела о том странном объявлении.

— Теперь, пожалуйста, опишите, что происходило во время налета.

— Ну... свет вдруг потух.

— Где вы стояли?

— Возле камина. Я искала зажигалку, думала, я ее там оставила. Свет потух... все захихикали. Потом дверь распахнулась настежь, и этот человек направил на нас фонарик, прицелился и приказал поднять руки вверх.

— И вы подняли?

— Я — нет. Я думала, это шутка... И потом, я устала и не видела особой необходимости.

— Вам все это казалось скучным?

— Довольно-таки. Но пистолет вдруг выстрелил. Грохнул так, что стены затряслись, и тут я перепугалась. Фонарик описал круг, упал и погас, и послышался визг Мици. Она визжала как резаная.

— Свет слепил?

— Не то чтобы очень. Но был довольно сильным. На секунду фонарик высветил мисс Баннер,

она была как призрак, представляете, белая-белая, рот раскрыт, глаза выпучены...

— Тот человек двигал фонариком?

— Да-да, он шарил им по комнате.

— Словно кого-то выискивая?

— Да нет, не сказала бы.

— Ну а после, миссис Хаймс?

Филлипа призадумалась.

— Потом началась толкотня и неразбериха. Эдмунд Светтенхэм и Патрик Симмонс зажгли зажигалки и вышли в холл, мы пошли за ними, кто-то открыл дверь в столовую... там свет горел... Эдмунд влепил Мици пощечину, и она прекратила визжать, после этого стало немного легче.

— Вы видели труп?

— Да.

— Вы знали покойного? Может, встречали его где?

— Нет. Никогда.

— На ваш взгляд, его смерть — случайность или самоубийство?

— Не имею ни малейшего представления.

— Вы не видели его, когда он приходил к мисс Блеклок?

— Нет. Кажется, это было днем, я уже ушла из дому.

— Благодарю, миссис Хаймс. И еще один вопрос. У вас нет драгоценностей? Колец? Браслетов?..

Филлипа покачала головой.

— Только обручальное кольцо и пара недорогих брошек.

— И, насколько вам известно, в доме ценностей не было?

— Нет. Только столовое серебро, да и то — ничего особенного.

— Еще раз спасибо.

II

Возвращаясь через огород, Крэддок нос к носу столкнулся с грузной, краснолицей, туго затянутой в корсет дамой.

— Доброе утро! — воинственно заявила она. — Что вам тут нужно?

— Вы миссис Лукас? Я инспектор полиции Крэддок.

— Ах, вон оно что... Тогда извините. Но мне не по душе, когда в мой сад приходят чужие и отрывают садовника от дела. Однако, насколько я понимаю, это ваша работа.

— Так точно.

— А можно узнать, повторится ли то безобразие, что случилось вчера у мисс Блеклок? Это что

же, орудует какая-то шайка?

— Нет, миссис Лукас, слава богу, *не* шайка.

— Нынче столько ограблений! А полиция ротозейничает.

Крэддок на этот ее выпад не отреагировал.

— Вы поговорили уже с Филлипой Хаймс? — поинтересовалась дама.

— Она свидетель, мне нужны ее показания.

— А подождать до часа вы, разумеется, не могли! Вам что, непременно нужно допрашивать Филлипу в *ее* рабочее время?

— Я тороплюсь в управление.

— Теперь ни в ком не найдешь сочувствия. И должного отношения к работе. Опаздывают, устраивают перекуры по полчаса... В десять — перерыв. В дождь не работают. Если нужно подстричь лужайку, так обязательно что-то случится с газонокосилкой. С работы норовят улизнуть на пять-десять минут раньше.

— А из рассказа миссис Хаймс я понял, что вчера она вместо пяти ушла в двадцать минут шестого.

— Ну, может быть. Надо отдать ей должное: миссис Хаймс неплохо справляется, хотя бывало и такое, что я приходила и не могла ее найти. Конечно, она рождена для другого. Филлипа хорошего происхождения, таким несчастным юным

вдовам военных лет хочется чем-то помочь. Но с ней тоже свои неудобства. Школьные каникулы слишком длинные, а по договору в каникулы ей полагается дополнительное свободное время. Я ей говорила, что сейчас появились чудесные летние лагеря, где детки прекрасно отдыхают и даже не вспоминают про родителей. И вообще, что за привычку взяли — приезжать домой на каникулы?

— Но миссис Хаймс вашу идею не оценила?

— Девчонка упряма как осел. И надо же, именно сейчас я решила подстричь травку на теннисном корте и обновить разметку. Старый Эш ни одной линии прямо не может провести. Но со *мной* никто не считается.

— Осмелюсь предположить, что миссис Хаймс получает во время каникул меньше, чем обычно.

— Естественно! А на что еще она может рассчитывать?

— Разумеется, ни на что, — сказал Крэддок. — До свидания, миссис Лукас.

III

— Это был кошмар! — радостно прощебетала миссис Светтенхэм. — Сущий кошмар! По-моему,

газетам следует быть поосторожней, когда они принимают объявления. Я сразу подумала, как только его увидела: странно, очень странно... И так тебе и сказала, правда, Эдмунд?

— А что вы делали, когда погас свет? — спросил инспектор.

— Как вы напоминаете мне мою старую нянюшку! *«Где был Моисей, когда погас свет?»* Ответ: конечно же в темноте! Как вчера вечером. Все стояли и гадали, что произойдет. А потом прямо *дух захватило:* темно хоть глаз выколи, представляете, как мы волновались! А дверь открывается — и на пороге вырастает мрачная фигура с пистолетом... Ослепительный свет и грозный голос: «Кошелек или жизнь?» В жизни не получала столько удовольствия! Ну, а через минуту начался *кошмар.* У меня над ухом *свистали настоящие пули!* Прямо как на войне.

— Вы сидели или стояли, миссис Светтенхэм?

— Так... дайте подумать... где я была? С кем я разговаривала, Эдмунд?

— Откуда я знаю, мама?

— Может, я спрашивала у мисс Хинчклифф, сто́ит ли в холода давать курам рыбий жир? Или я спрашивала об этом у миссис Хармон?.. Нет, она только вошла. Кажется, я все-таки говорила пол-

ковнику Истербруку, что, на мой взгляд, атомная станция в Англии — это очень опасно. Надо было бы устроить ее на каком-нибудь необитаемом острове, а то, не дай бог, будет утечка.

— Значит, вы не помните, где находились?

— А что, это важно, инспектор? Я стояла или около окна, или возле камина, потому что часы били *совсем* близко, я хорошо помню. Какой это был упоительный миг! Вот-вот что-то случится!

— Вы сказали, свет фонарика ослеплял. Он бил вам в глаза?

— Прямо в глаза. Я ничего не видела.

— Этот малый водил фонариком по сторонам или держал его неподвижно?

— Право, не помню. Что он делал, Эдмунд?

— Он довольно медленно перемещал его, высвечивая нас по очереди, будто хотел разглядеть повнимательней, чем мы занимаемся. Наверно, на случай, если мы вздумаем на него наброситься.

— А вы можете сказать точно, где *вы* стояли, мистер Светтенхэм?

— Я разговаривал с Джулией Симмонс. Мы стояли посреди большой гостиной.

— А остальные тоже были там или кто-нибудь прошел в дальнюю комнату?

— Кажется, туда пошла Филлипа Хаймс. Она стояла у дальнего камина. По-моему, она что-то искала.

— Как вы считаете, третий выстрел — случайность?

— Не знаю. Этот человек резко повернулся, а потом согнулся и упал, но поднялась такая суматоха... Вы поймите, практически ничего не было видно. А потом беженка завопила истошным голосом.

— Это ведь вы отперли столовую и выпустили ее?

— Да.

— А дверь точно была заперта снаружи?

Эдмунд с любопытством глянул на него.

— Естественно. Уж не думаете ли вы, что...

— Я просто хочу полной ясности. Спасибо, мистер Светтенхэм.

IV

В обществе полковника и миссис Истербрук инспектору пришлось провести довольно много времени.

— Психологический подход — вот единственно верный путь к истине в наше время! — вещал полковник. — Надо преступника понимать. В

данном конкретном случае, правда, все ясно... по крайней мере, для человека с моим опытом. Почему наш приятель затевает эту бодягу? Опять же психология. Он хочет заявить о себе... сконцентрировать на себе внимание. Служащие «Спа» его не замечают, может, даже презирают за то, что он иностранец. Возможно, его отвергла любимая девушка. Он хочет привлечь ее внимание. Кто сейчас кумир кино? Гангстер, супермен. Превосходно, он станет суперменом. Ограбление с насилием! Маска? — Есть. Пистолет? — Есть. Но нужна публика. Что ж, он знает, чем ее заманить! И вот он собирает зрителей. А потом в кульминационный момент и слишком уж входит в роль и воображает, что он уже не просто грабитель. Он — убийца. Он палит... наугад...

Инспектор радостно ухватился за последнее слово.

— «Наугад» вы сказали? То есть вы не думаете, что он стрелял в конкретного человека, а именно — в мисс Блеклок?

— Помилуйте! Он просто разрядил пистолет. Наугад, как я уже сказал. И это привело его в чувство. Пуля в кого-то угодила... на самом деле обошлось пустяковой царапиной, но он-то этого не знал! Он опомнился. Глупый розыгрыш

оборачивается трагедией. Он попал в кого-то... возможно, даже убил. И в страшной панике он наставляет пистолет на себя!

Полковник Истербрук выдержал паузу, с чувством прокашлялся и довольным голосом добавил:

— Ясно как божий день. Как божий день!

— Просто чудо! — ахнула миссис Истербрук. — И откуда ты все знаешь, Арчи?!

В ее голосе звучало восхищение.

Инспектор Крэддок тоже подумал, что это чудо, но особого восторга не испытал.

— А где стояли вы, полковник, когда началась стрельба?

— Рядом с женой, возле круглого стола, на нем еще были какие-то цветы.

— Я схватила тебя за руку, да, Арчи? Я до смерти напугалась. Просто не знаю, что б со мной было, если бы тебя не было рядом.

— Ах ты, мой бедный котеночек, — игриво отозвался полковник.

V

Мисс Хинчклифф инспектор застал у свинарника.

— Прелестные создания — свиньи! — сказа-

ла она, почесывая розовую спину поросенка. — Здорово откормлен, да? К Рождеству будет шикарный бекон. Ну-с, и чего же вам вздумалось меня навестить? Я вчера сказала вашим людям, что об этом вашем разбойничке не имею ни малейшего понятия. Не видела, чтобы он здесь по соседству рыскал. Наша мисс Мопп говорит, он из большой гостиницы в Меденхэм-Уэллсе. Почему ж он не грабанул кого-нибудь там, если ему так приспичило? Мог найти добычу и покрупнее.

С этим спорить было нельзя... Крэддок начал допрос:

— Где вы находились во время инцидента?

— Инцидента! Тоже мне! Вот во время войны, когда я работала в отделе противовоздушной обороны, были инциденты так инциденты!.. Значит, где я стояла, когда началась стрельба? Вы это хотели спросить?

— Да.

— Облокотилась о камин и молила бога, чтобы поскорей дали выпить, — выпалила мисс Хинчклифф.

— Он стрелял наугад или целился в кого-то?

— То есть в Летти Блеклок? Откуда же мне знать? Дьявольски трудно теперь припомнить, все ведь уже позади. Я только знаю, что потух

свет, и фонарик замельтешил туда-сюда, ослепляя нас, а когда грохнули выстрелы, я подумала, что если это балуется чертов болван Патрик, то он добалуется — кого-то ведь можно и ранить!

— Вы подумали на Патрика Симмонса?

— А на кого еще? Эдмунд Светтенхэм у нас интеллектуал, он пишет книги и не развлекается грубыми шутками, старый полковник Истербрук таких вещей вообще не понимает. Ну, а Патрик — сорвиголова. Хотя сейчас мне неловко, что я на него грешила.

— Ваша подруга тоже подозревала Патрика Симмонса?

— Мергатройд? Да вы лучше с ней самой поговорите. Хотя вряд ли добьетесь чего-нибудь путного. Она в саду. Хотите, я ее кликну?

Мисс Хинчклифф повысила свой и без того зычный голос и оглушительно рявкнула:

— Мергатройд! Ау!

— Иду! — донесся слабый писк.

— Поторопись... полиция! — проревела мисс Хинчклифф.

Мисс Мергатройд прибежала бодрой трусцой, слегка запыхавшись. На юбке у нее оторвалась подпушка, волосы выбились из-под несуразной сеточки, а круглое добродушное лицо сияло.

— Вы из Скотленд-Ярда? — спросила она, едва переведя дух. — Я не знала, что вы приедете, а то сидела бы дома.

— Мы пока что не обращались в Скотленд-Ярд, мисс Мергатройд. Я инспектор Крэддок из Мильчестера.

— Очень мило с вашей стороны, — неопределенно сказала мисс Мергатройд. — Ну что, нашли какие-нибудь улики?

— Где ты была в момент преступления, вот что ему от тебя нужно, — сказала мисс Хинчклифф и подмигнула Крэддоку.

— Господи! — разинула рот Мергатройд. — Ах да, конечно. Я должна была подготовиться. Алиби, конечно же, *алиби!* Так-так, сейчас... значит... я была там же, где и все!

— Но не со мной, — заявила мисс Хинчклифф.

— Разве, дорогая? Ну да, конечно. Я любовалась хризантемами. По правде сказать, они были довольно чахлые. А потом все случилось, только на самом деле я не поняла, что это случилось... то есть, я хочу сказать, я не подозревала, что это что-то такое... Я даже мысли не допускала, что пистолет настоящий. И потом, в темноте было очень неуютно, и все визжали. Я все поняла не так. Я думала, убили *ее*... то есть беженку. Я дума-

ла, ей перерезали горло. И не знала, что это *он*... то есть я даже не знала, что это мужчина. Ведь я только голос слышала, представляете, он сказал: «Поднимите руки вверх, пожалуйста».

— Да просто «руки вверх», — поправила ее мисс Хинчклифф. — И никаких «пожалуйста».

— Так жутко сейчас это сознавать, но пока эта девушка не начала кричать, я прямо-таки наслаждалась. Только в темноте было очень неуютно, и я ушибла мозоль. Страшная боль! Вы что-то еще хотели спросить, инспектор?

— Ничего, — сказал инспектор Крэддок, задумчиво глядя на Мергатройд.

Ее подруга засмеялась:

— Он понял, что ты собой представляешь.

— Но, Хинч, — возразила мисс Мергатройд, — я ведь только старалась сообщить все, что знаю!

— А ему это не нужно, — сказала мисс Хинчклифф.

Она посмотрела на инспектора.

— Ежели вы делаете это по географическому принципу, то следующим номером посетите викария. Может, вам и удастся там что-нибудь выудить. Миссис Хармон кажется совершенно безмозглой, но подчас я думаю, что она отнюдь не глупа. Вдруг ей есть что сообщить вам?

Провожая взглядом удалявшихся инспектора и сержанта, мисс Мергатройд глубоко вздохнула и сказала:

— Ну как, Хинч, я ужасно себя вела? Я так волновалась!

— Отнюдь, — улыбнулась мисс Хинчклифф. — Ты держалась молодцом.

VI

Инспектор Крэддок с умилением оглядел большую убого обставленную комнату. Она напомнила ему родной дом в Камберленде. Линялый ситец, большие ветхие стулья, цветы и книги, разбросанные где попало, спаниель в корзинке. Сама миссис Хармон, ее рассеянный неряшливый вид и открытое лицо показались ему симпатичными.

Она тут же простодушно заявила:

— От меня вам никакого проку не будет, потому что я зажмурилась. Ненавижу, когда мне светят в глаза. А когда раздались выстрелы, я зажмурилась еще крепче. И молилась, да-да, молилась, чтоб убивали как можно *тише.* Мне не нравится, когда стреляют.

— Стало быть, вы ничего не видели, — улыбнулся инспектор. — Но слышать-то вы что-нибудь

слышали?

— Шума, конечно, было много. Двери открывались и закрывались, все говорили глупости и ахали, Мици ревела почище паровозного гудка, а бедняжка Банни верещала как резаная. И все толкались и падали друг на друга. Но я открыла глаза, только когда поняла, что выстрелов больше не будет. Все уже вышли в холл, принесли свечи. А потом зажегся свет, и сразу стало как обычно... то есть не совсем как обычно, но мы это опять были мы, а не те странные люди в темноте. Ведь в темноте люди совсем другие, да?

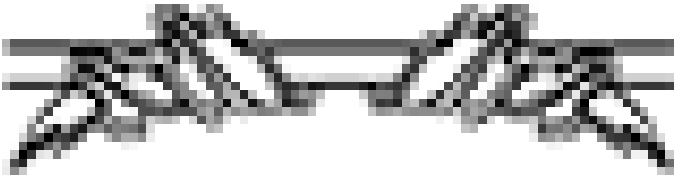
— Мне кажется, я понимаю, о чем вы говорите, миссис Хармон.

Миссис Хармон улыбнулась.

— И тут мы увидали его, — сказала она, — этого иностранца, и он был так похож на ласку... такой розовый и удивленный... он был совсем мертвый, а рядом валялся его пистолет. Это все было так *нелепо...*

Инспектору это тоже казалось нелепым, если только...

Все происходящее его тревожило...



Глава 8

НА СЦЕНУ ВЫХОДИТ МИСС МАРПЛ

I

Крэддок положил на стол начальника отпечатанный на машинке текст свидетельских показаний. Тот держал в руках телеграмму, только что полученную от швейцарской полиции.

— Выходит, в полиции он был на заметке, — сказал Райдсдейл. — Впрочем, я так и думал.

— Да, сэр.

— Драгоценности... мм... да... махинации с бухгалтерскими книгами... чеками... Настоящий проходимец.

— Совершенно верно, сэр, мелкий жулик.

— Вот-вот. Но малое влечет за собой и большое.

— Будем надеяться, сэр.

Начальник полиции поднял глаза.

— Вы чем-то обеспокоены, Крэддок?

— Да, сэр.

— Чем же? Все ведь ясно как божий день. Или нет? Ну-ка посмотрим, что нам расскажут свидетели.

Он придвинул к себе рапорт и начал быстро читать.

— Как обычно — масса несовпадений, противоречий. Воспоминания разных людей о стрессовой ситуации всегда разные. Но в целом картина ясная.

— Знаю, сэр, однако она не совсем ясная. Хотите, скажу больше? Она неверная.

— Ладно, обратимся к фактам. Руди Шерц садится в автобус, отправляющийся из Меденхэма в Чиппинг-Клеорн, и прибывает туда в шесть часов. Его запомнили кондуктор и два пассажира. От автобусной остановки он идет пешком по

направлению к Литтл-Паддоксу. Без труда проникает в дом, вероятно, с парадного входа. У него пистолет, из которого он делает два выстрела, одна из пуль слегка задела мисс Блеклок, затем третьим выстрелом он убивает себя. За недостаточностью улик мы не можем сказать, сделал он это намеренно или случайно. Согласен, *мотивы* его поведения кажутся малоубедительными. Но в общем-то мы с вами не призваны отвечать на вопрос *«почему?»*. Коллегия присяжных решит, признать это самоубийством или расценить как несчастный случай. Но каким бы ни было их заключение, нам это безразлично. Мы в любом случае можем поставить точку.

— То есть схватиться за соломинку полковника Истербрука, за эту его психологию, — мрачно сказал Крэддок.

Райдсдейл улыбнулся.

— Но, в конце концов, у полковника, наверное, богатый опыт. Правда, меня тошнит от модных ученых словечек, однако нельзя же совсем сбрасывать психологию со счетов.

— И все-таки я чувствую, что картина неверная, сэр.

— У вас есть основания полагать, что кто-то из Чиппинг-Клеорна лжет?

— Мне кажется, иностранка знает больше, чем говорит, — чуть помявшись, сказал Крэддок. — Хотя, возможно, у меня против нее предубеждение.

— Вы думаете, она действовала с ним заодно? Впустила его в дом? Подговорила?

— Вполне вероятно. Но тогда надо исходить из того, что в доме есть какие-то ценности: деньги или украшения. А похоже, это не так. Мисс Блеклок, во всяком случае, это решительно отрицала. И остальные тоже. Остается предположить, что в доме были ценности, о которых никто не знал.

— Сюжет для бестселлера.

— Согласен, это смешно, сэр. И последнее: мисс Баннер почему-то уверена, что Шерц пытался убить именно мисс Блеклок.

— Ну, из того, что вы о ней рассказывали, и из ее собственных показаний похоже, что мисс Баннер...

— Согласен, сэр, — быстро вставил Крэддок, — она ненадежный свидетель. Чрезвычайно внушаема. Ей можно вбить в голову любую чепуху... но интересно, что как раз это ее собственные домыслы, не *чьи-нибудь*, а ее собственные. Остальные с ней не согласны. Она впервые в жизни поплыла *против* течения.

— А с какой стати Руди Шерцу понадобилось

убивать мисс Блеклок?

— В том-то и дело, что не знаю. И мисс Блеклок тоже не знает... или она куда более искусная лгунья, чем кажется на первый взгляд. И никто не знает. Так что, вероятно, это неправда.

Он вздохнул.

— Не унывайте, Крэддок, — сказал начальник полиции. — Приглашаю вас пообедать с сэром Генри и со мной. Лучшие блюда, которые может предложить отель «Спа» в Меденхэм-Уэллсе.

— Спасибо, сэр. — Крэддок слегка удивился.

— Видите ли, мы получили письмо... — Райдсдейл осекся, потому что в комнату вошел сэр Генри Клитеринг. — А вот и вы, Генри.

Держась на этот раз неофициально, сэр Генри сказал:

— Привет, Дермот.

— У меня для вас кое-что есть, Генри, — сказал начальник полиции.

— Что же?

— Письмецо от одной настырной старушки. Она в «Ройял Спа». Считает, что может помочь нам в чиппинг-клеорнском деле.

— Ага, что я вам говорил? Старые ведьмочки! — победоносно изрек сэр Генри. — Эти зоркие кошечки все видят и все слышат. И наперекор

старинной притче любят позлословить.

Райдсдейл посмотрел на письмо.

— Почерк как у моей бабушки, — пожаловался он. — Пишет будто курица лапой да еще подчеркивает через каждые два слова. Значит, так, сначала очень длинно и нудно о том, что она надеется, что отнимет не очень много нашего драгоценного времени, и что, возможно, ее наблюдения окажутся полезными, и т.д. и т.п. Как бишь ее?.. Джейн Мерпл... нет, Марпл, Джейн Марпл.

— Разрази меня гром! — воскликнул сэр Генри. — Неужто она? Джордж, это же она, моя единственная и неповторимая старушка! Лучшая из всех самых настырных старушек на свете. А почему она очутилась в Меденхэм-Уэллсе вместо того, чтобы мирно поживать у себя дома в Сент-Мэри-Мид? И главное, поспела вовремя, как раз чтобы ввязаться в расследование! Убийство объявлено — на поживу и на потеху мисс Марпл!

— Что ж, Генри, — язвительно произнес Райдсдейл, — рад буду увидеть эталон сыщика. Отправимся на ланч в «Ройял Спа», там и встретимся с вашей дамой. Крэддок, правда, смотрит на свидание весьма скептически.

— Отнюдь, — возразил из вежливости Крэддок.

Но про себя подумал, что порой его крестный отец заходит в своем энтузиазме уж слишком далеко.

II

Мисс Марпл была почти такой, какой ее себе представлял Крэддок, правда, куда более беззлобной и гораздо старше. Она выглядела очень дряхлой. Волосы ее были белы как снег, румяное лицо иссечено морщинами, а взгляд голубых глаз был кротким и невинным. Мисс Марпл куталась в шерстяную ажурную шаль и вязала. Как потом оказалось — детскую косыночку.

При виде сэра Генри она пришла в неописуемый восторг, а когда ее представили начальнику полиции и инспектору Крэддоку, страшно смутилась.

— Ну, сэр Генри, вот так встреча... Сколько лет, сколько зим! Да, совсем ревматизм меня замучил. Особенно в последнее время. Конечно, я не смогла бы себе позволить поселиться в таком роскошном отеле, цены здесь фантастические, но Реймонд, мой племянник Реймонд Вест, может, вы о нем слышали...

– *Это* имя знает каждый.

— Да, его книжки пользуются большой популярностью. Последнюю даже отметило книжное

общество. Она самая жуткая из всех, но, наверное, такие частенько и хвалят, да? Так вот милый мальчик настоял на оплате всех моих расходов... А его очаровательная жена тоже делает себе имя, она художница. Рисует в основном кувшины с увядшими цветами и гребни со сломанными зубцами. Я не решаюсь ей признаться, но я лично до сих пор обожаю Блэра Лейтона и Альму-Тадему. Впрочем, я заболталась... Надо же, сам начальник полиции пожаловал сюда! Вот уж не ожидала... Боюсь, я отнимаю у вас время...

«Старушка в полном маразме», — с неприязнью подумал инспектор Крэддок.

— Пойдемте в комнату к управляющему, — сказал Райдсдейл. — Там нам будет удобнее разговаривать.

Закутавшись в свою шаль и подобрав спицы, мисс Марпл взволнованно засеменила за ними в приемную мистера Роулендсона.

— Итак, мисс Марпл, что вы можете нам рассказать? — спросил шеф полиции.

Мисс Марпл подошла к сути дела неожиданно быстро.

— Чек, — только и сказала она. — Он его подправил.

— Он?

— Молодой человек, сидевший за конторкой, тот, что вроде бы инсценировал налет и застрелился.

— Вы говорите, он подделал чек?

Мисс Марпл кивнула.

— Вот, посмотрите. — Она вытащила чек из сумки и положила на стол. — Сегодня утром его вместе с остальными прислали мне из банка. Можете убедиться сами: было семь фунтов, а он сделал семнадцать. Поставил *единичку* и дописал «надцать». А для надежности поставил кляксочку на мягкий знак и смазал все слово. Мастерская работа, ничего не скажешь! Думаю, у него была достаточная *практика.* И чернила те же самые — я выписывала чек прямо за банковской конторкой. Должно быть, он частенько проделывал это и раньше, как вы считаете?

— Но на сей раз не на того нарвался, — заметил сэр Генри.

Мисс Марпл еще раз кивнула.

— Да. Боюсь, на сей раз он не очень преуспел бы на преступной стезе. Я была совершенно неподходящей кандидатурой. Молодая деловая замужняя женщина или влюбленная девушка — те выписывают чеки на самые разные суммы и никогда не проверяют чековые книжки. Но

старуха, считающая каждый пенни, старуха со своими закоренелыми привычками — совершенно иное. Я *никогда* не выписываю чеков на семнадцать фунтов. Двадцать — это круглая цифра, я откладываю двадцать фунтов на прислугу и книги. А на карманные расходы обычно отвожу семь. Раньше было пять, но с тех пор цены так подскочили!

— А не напомнил ли он вам кого-нибудь? — подсказал сэр Генри, и в глазах его мелькнул озорной огонек.

Мисс Марпл улыбнулась и покачала головой.

— Ах, какой вы проказник, сэр Генри! Ну, конечно, напомнил! Фреда Тайлера из рыбной лавки. Он всегда приписывал лишний шиллинг. А поскольку рыбы мы едим много и счета бывали довольно длинные, почти никто никогда их не проверял, и он каждый раз клал в карман по десять шиллингов; не так уж много, но вполне достаточно, чтобы купить несколько галстуков и сводить в кино Джесси Спрегг, продавщицу из драпировочной мастерской. Эти молодчики так и норовят урвать везде, где только можно!.. Так вот, в первую же неделю моего пребывания здесь я обнаружила ошибку в счете. Я указала на нее молодому человеку, он рассыпался в извинениях

и, похоже, очень расстроился; но про себя я подумала: «Жуликоватые у тебя глаза, мой милый». Для меня жуликоватые глаза, — пояснила мисс Марпл, — это когда человек смотрит прямо на тебя и даже не моргнет.

Крэддок одобрительно кивнул, вспомнив отъявленного мошенника Джимми Келли, которого он недавно засадил за решетку.

— Поведение Руди Шерца было подозрительным во всех отношениях, — сказал Райдсдейл. — Мы выяснили, что он стоял на учете в швейцарской полиции.

— Значит, на родине ему пришлось туго, и он по фальшивым документам приехал сюда? — спросила мисс Марпл.

— Именно так, — подтвердил Райдсдейл.

— Его часто видели с рыжей официанткой из гриль-бара, — сказала мисс Марпл. — К счастью, как мне кажется, ее сердце не разбито. Ей просто хотелось чего-нибудь новенького, а он имел обыкновение дарить ей цветы и шоколадки, чего редко дождешься от английских парней... Она рассказала вам все, что знала? — спросила мисс Марпл, неожиданно повернувшись к Крэддоку. — Или не совсем все?

— Полной уверенности у меня нет, — осторож-

но молвил Крэддок.

— Думаю, тут все уладится, — сказала мисс Марпл. — Она очень встревожена. Сегодня утром принесла мне вместо селедки лососину и забыла поставить молочник. А ведь она отличная официантка. Да, она встревожена. Но надеюсь, — и простодушные голубые глазки мисс Марпл с чисто женским восхищением окинули ладную фигуру и красивое лицо инспектора Крэддока, — надеюсь, *вы* сможете убедить ее, и она расскажет все, что знает.

Инспектор покраснел, а сэр Генри одобрительно хмыкнул.

— Это может иметь очень большое значение, — сказала мисс Марпл, — вдруг он открыл ей, кто это был?

Райдсдейл удивленно воззрился на старушку.

— Как кто?

— О, я так плохо выражаю свои мысли! Я хочу сказать, кто его подбил на это.

— Неужели вы считаете, что его подговорили?

Мисс Марпл сделала большие глаза.

— Разумеется. Ведь что мы имеем? Смазливого юношу, который норовит урвать помаленьку то тут, то там, подделывает чеки на небольшие суммы... может быть, крадет мелкие драгоценности,

если их оставят без присмотра, или берет понемножку хозяйские деньги из кассы. Ему хватает на карманные расходы, на одежду и на девушек. И чтобы такой молодец среди овец вломился в дом, держал в страхе всю честную компанию и вдобавок в кого-то выстрелил! Да *никогда* в жизни! Не тот он был человек. Это *нелепо.*

У Крэддока резко перехватило дыхание. То же самое говорила Летиция Блеклок. И жена викария. *Нелепо...* И вот теперь «настырная старушка» сэра Генри повторила это же самое слово, и в голосе ее звучала твердая уверенность.

— Тогда, может, вы расскажете нам, мисс Марпл, — неожиданно резко произнес он, — что же на самом деле произошло?

Она удивленно повернулась к инспектору.

— Откуда же мне знать? Было сообщение в газете, но из него мало что почерпнешь. Конечно, можно строить догадки, но ведь это не достоверные факты.

— Джордж, — обратился сэр Генри к Райдсдейлу, — если мы дадим мисс Марпл почитать показания свидетелей из Чиппинг-Клеорна, это будет против правил?

— Да, против, — сказал Райдсдейл, — но если бы я соблюдал правила, то вряд ли бы чего в этой

жизни добился. Пусть прочтет. Любопытно, что вы скажете, мисс Марпл.

Старушка не находила себе места от смущения.

— Боюсь, вы зря доверяете сэру Генри. Он слишком добр ко мне и переоценивает мои скромные возможности. На самом деле у меня нет никаких талантов, совершенно никаких... кроме, может быть, определенного знания человеческой натуры. Я нахожу, что люди склонны к излишней доверчивости. А вот я, увы, имею склонность верить в *наихудшее.* Это неприятное свойство характера, но оно часто оказывалось полезным.

— Прочтите, — сказал Райдсдейл, пододвигая к ней листы с машинописным текстом. — Это не займет много времени. Помимо всего прочего, свидетели — люди вашего круга... Может, вы припомните кого-то из своих знакомых со схожими чертами. И вам удастся заметить что-нибудь этакое... Что ускользнуло от нас. Дело вот-вот будет закрыто. Давайте ж послушаем мнение человека со свежим взглядом, непрофессионала... Перед тем... как ставить точку. Не скрою: наш Крэддок не удовлетворен исходом дела. Как и вы, он говорит, что это нелепо.

Пока мисс Марпл читала, все молчали. Наконец

она отложила записи в сторону.

— Очень интересно, — вздохнув, начала она. — Как все видят все по-разному, разные вещи люди говорят... и по-разному думают. Что именно они видят... или думают, что видят. Да, очень сложно, ведь почти все ужасно банально, а если что-нибудь небанально, то очень трудно выявить — что именно... это как иголка в стоге сена.

Крэддок испытал разочарование. А ведь в первый момент ему показалось, что сэр Генри прав насчет своей смешной старушенции. Она могла бы что-нибудь подметить, старики часто очень проницательны. Ему, например, никогда не удавалось ничего скрыть от старой тетки Эммы. В конце концов, она призналась, что, когда он собирается соврать, у него начинает дергаться нос. Однако мисс Марпл способна лишь на мелкие тривиальные обобщения... Он почувствовал раздражение и довольно резко сказал:

— Но факты остаются фактами. Несмотря на разнобой в деталях, свидетели в основном твердят одно и то же. Они видели человека в маске, он держал пистолет и фонарик, открыл дверь, приказал им поднять руки вверх, и, как бы они ни передавали его слова: «Руки вверх» или «Кошелек или жизнь» — в зависимости от того, какая фраза

ассоциируется у них с налетом, — они его *видели,* и это самое главное.

— Но ведь, — мягко возразила мисс Марпл, — на самом деле они не могли... они ничего не могли увидеть.

У Крэддока перехватило дыхание. Прямо в яблочко! Значит, все-таки у нее действительно острый глаз! Ведь он испытывал ее, но она не попалась на эту удочку. Факты пока что оставались фактами, а случившееся — случившимся, но мисс Марпл, вслед за Крэддоком, поняла, что люди, видевшие грабителя в маске, на самом деле видеть его не могли.

— Если я правильно себе представляю, — щеки мисс Марпл зарумянились, а глаза заблестели и стали довольными, как у ребенка, — света не было ни в холле, ни на лестничной площадке?

— Не было, — сказал Крэддок.

— В таком случае, если человек стоял в дверях и направлял яркий свет на людей в комнате, *никто ничего не мог видеть, кроме этого света,* так?

— Так. Я проверял.

— Значит, если они уверяют, что видели мужчину в маске, то невольно пересказывают то, что они увидели уже *после,* когда зажегся свет в доме? А это лишний раз подтверждает предположение

о том, что Руди Шерц был, так сказать, «лицом подставным».

На лице Райдсдейла отразилось столь сильное изумление, что она покраснела еще больше.

— Наверное, я неудачно выразилась, — пробормотала мисс Марпл. — Я плохо знаю американизмы, и они так быстро меняются. Я выискала это словечко у мистера Хэммета, мой племянник говорил, что это один из самых жестких нынешних писателей. Но если я правильно понимаю, так говорят про человека, обвиняемого в преступлении, которое на самом деле совершил кто-то другой. Мне кажется, Руди Шерц оказался именно таким человеком. Он был глуповат, но весьма корыстолюбив и, вероятно, необычайно легковерен.

Райдсдейл спросил, терпеливо улыбаясь:

— Уж не считаете ли вы, что кто-то подучил его устроить пальбу в комнате, битком набитой людьми?

— Я думаю, ему сказали, что это *шутка,* — ответила мисс Марпл. — И конечно, хорошо заплатили. За то, что он поместит объявление в газете, разузнает расположение комнат, а потом в назначенный час явится туда, наденет маску и черный плащ, распахнет дверь, взмахнет фона-

риком и крикнет: «Руки вверх!»

— И выстрелит?

— О нет, нет! — замотала головой мисс Марпл. — У него и пистолета-то не было!

— Но все говорят... — начал было Райдсдейл и осекся.

— Вот именно, — сказала мисс Марпл. — На самом же деле пистолета в его руках никто не видел. И не мог увидеть. А мне кажется, его и не было. Думаю, после того, как он скомандовал: «Руки вверх!», кто-то другой бесшумно подошел к нему в темноте и выстрелил дважды через его плечо. Руди до смерти перепугался, обернулся, и тогда тот, другой, застрелил его и бросил пистолет рядом с ним.

Все трое полицейских теперь не сводили с нее глаз. Сэр Генри мягко заметил:

— Это лишь одна из возможных версий.

— Но кто сей мистер Икс, подошедший в темноте? — спросил начальник полиции.

Мисс Марпл кашлянула.

— Вы должны выяснить у мисс Блеклок, кто хотел убить ее.

«Один-ноль в пользу Доры Баннер, — подумал Крэддок. — Вечное состязание интуиции и интеллекта».

— Стало быть, вы считаете, что это преднамеренное покушение на мисс Блеклок? — спросил Райдсдейл.

— По всей видимости, да, — сказала мисс Марпл. — Хотя есть кое-какая загвоздка... Но сейчас меня прежде всего интересует, не проговорился ли он кому-нибудь об этом «розыгрыше». Тот, кто договаривался с Руди Шерцем, несомненно старался заставить его держать язык за зубами, и если Шерц все-таки проговорился, то только этой девушке, Мирне Харрис. Ей он вполне мог намекнуть, кто сделал ему столь нетривиальное предложение.

— Я сейчас же с ней побеседую, — сказал, поднимаясь, Крэддок.

Мисс Марпл кивнула.

— Сделайте милость, инспектор. После этой беседы у меня станет легче на душе. Ведь когда она расскажет вам все, что знает, она будет в гораздо большей безопасности.

— В безопасности?.. Ах да, понимаю...

Крэддок вышел из комнаты. Начальник полиции сказал вежливо, но с явным сомнением:

— Что ж, мисс Марпл, вы действительно заставили нас призадуматься.

III

— Простите меня, пожалуйста, простите. Как мило с вашей стороны, что вы не в претензии. Но понимаете, мама у меня такая... по каждому пустяку нервничает. А выглядело, будто я пособница преступления, боже, слова-то какие. — Мирна Харрис тараторила без передышки. — Я хочу сказать: я боялась, что вы мне не поверите. Но я действительно думала, что это шутка!

Инспектор Крэддок еще раз повторил заверения, благодаря которым ему удалось сломить сопротивление Мирны.

— Я *все* скажу. Но вы обещаете меня не привлекать, если можно? Из-за мамы. Все началось, когда Руди отменил свидание. Мы собирались в кино, а он сказал, что не может, и поэтому я говорила с ним очень сухо, ведь, в конце концов, это была его идея, и мне совсем не улыбается, чтобы меня динамили иностранцы. А он сказал: я не виноват. А я: знаю я твою песенку. А он: вот уж будет потеха... и что он внакладе не останется, и вообще, как мне понравятся часики в подарок? А я сказала: что значит «потеха»? А он сказал: ты никому не говори, но тут в одном месте будет вечеринка и мне надо изобразить налетчика. И

показал, какое объявление он поместил в газете — просто умора! Вообще он говорил довольно презрительно. Сказал, что это детские шуточки, но вообще-то все это очень в духе англичан. Они никогда по-настоящему не взрослеют. А я, конечно, сказала: с какой стати ты так о нас отзываешься?.. И мы немножко поцапались, но после помирились. Только вы, сэр, можете меня понять! Когда я прочитала о налете и узнала, что дело вовсе нешуточное, что Руди кого-то застрелил, а потом наложил на себя руки... Боже, я не знала, *что* делать. И подумала: если скажу, что мне были известны его планы, то все решат, что я и в остальном участвовала. Но ведь действительно, когда он мне рассказывал, это казалось шуткой. Он тоже так думал, могу поклясться. А я даже не знала, что у него есть пистолет. Он ничего не говорил о пистолете.

— А что он сказал: кто придумал такую забаву? — спросил Крэддок.

Но его надежды не оправдались.

— Он ничего не говорил о том, кто предложил ему это сделать. Небось никого и не было. Сам все придумал.

— И он не назвал ничьего имени? Может, хотя бы намекнул, кто это: мужчина или женщина?

— Нет, Руди сказал только, что будет жуткий сюрприз. «То-то будет потеха — полюбоваться на их физиономии». Так он сказал.

«Недолго же он потешался, бедняга», — подумал Крэддок.

IV

— Это только чисто умозрительное предположение, — сказал Райдсдейл, когда они возвращались в Меденхэм. — Оно абсолютно ничем не подтверждается. Может, отбросим его как досужие домыслы старой девы?

— Я бы не стал этого делать, сэр.

— Но где доказательства? Некий таинственный Икс внезапно появляется в темноте за спиной этого молодчика. Откуда он взялся? Кто он? Где он был до того?

— Он мог пройти через черный ход, — сказал Крэддок, — как прошел сам Шерц. Или, — произнес инспектор с расстановкой, — выйти из кухни.

— Вы хотите сказать, *она* могла выйти из кухни?

— Да, сэр, не исключено. Мне эта беженка не внушает доверия. Очень уж она мерзкая. Все ее вопли, истерики могут быть чистым притвор-

ством. Она могла обработать парня, в нужный момент впустить его в дом, все обстряпать, застрелить его и примчаться обратно на кухню. А там она схватила приборы и начала тереть их замшей, а затем принялась ломать комедию с воплями.

— Против всего этого один-единственный факт, мистер... как бишь его... ну да, Эдмунд Светтенхэм сказал, что ключ торчал в замке с наружной стороны, и он повернул его, чтобы ее выпустить. Может, в той половине дома есть еще какая-нибудь дверь?

— Да, к черному ходу и в кухню, прямо под лестницей, но там недели три тому назад сломалась ручка и до сих пор ее не соизволили починить. А со сломанной ручкой дверь открыть невозможно. Так мне сказали, и это похоже на правду. Соединительный штырь и ручки — и наружная, и внутренняя — лежали на полочке в холле, за дверью, на них был толстый слой пыли. Впрочем, профессионал сумел бы открыть и эту дверь — без всяких ручек.

— Посмотри-ка, что у нас есть на эту иностранку. В порядке ли у нее документы. Но вообще, сдается мне, что все как-то слишком уж надуманно.

Начальник полиции снова испытующе взглянул на подчиненного. Крэддок спокойно ответил:

— Знаю, сэр, и, разумеется, если вы считаете, что дело пора закрывать, мы его закроем. Но я был бы вам очень обязан, если бы смог поработать над ним еще немного.

К вящему его удивлению, шеф одобрительно произнес:

— А вы молодчина, Крэддок!

— Надо проверить пистолет. Вполне возможно, что мисс Марпл права, и он не принадлежал Шерцу. Тем более что никто не может определенно сказать: был у Шерца пистолет или нет.

— Он германского производства.

— Знаю, сэр. Но в Англии сейчас полно иностранных пистолетов. Все американцы привозили с войны трофейное оружие, англичане от них тоже не отставали. Это нам ничего не дает.

— Справедливо. Какие еще соображения?

— Должен существовать мотив преступления. Если версия мисс Марпл хоть в чем-то верна, значит, происшедшее в пятницу не было ни шуткой, ни обычным налетом. *Кто-то пытался убить мисс Блеклок.* Возникает вопрос: *«Почему?»* И сдается мне, что если кто и может ответить на

сей вопрос, то только сама мисс Блеклок.

— Как я понял, она весьма прохладно восприняла эту идею?

— Да, весьма прохладно, когда в покушении обвинили *Руди Шерца.* И была совершенно права. Но теперь дело другое, сэр.

— Почему?

— Убийца может попытаться еще раз.

— Что безусловно подтвердило бы правильность версии мисс Марпл, — сухо сказал Райдсдейл. — Кстати, вы бы позаботились о ней.

— О мисс Марпл? А в чем дело?

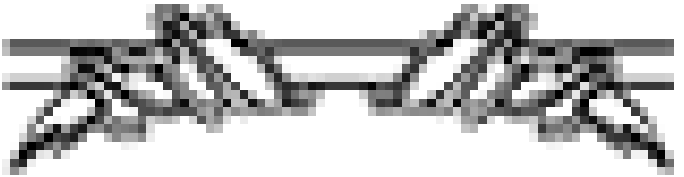
— По-моему, она намерена поселиться в Чиппинг-Клеорне у викария и дважды в неделю ездить в Меденхэм-Уэллс на лечение. Похоже, миссис... как бишь ее... в общем, жена викария — дочь старой подруги мисс Марпл. У нашей старушенции прямо-таки спортивный азарт и хватка. Наверно, у нее не так уж много треволнений, и она не прочь пощекотать себе нервишки, расследуя убийство... которое, может быть, все же имело место.

— Мне бы не хотелось, чтобы она туда приезжала, — нахмурившись сказал Крэддок.

— Будет путаться под ногами?

— Не в этом дело, сэр. Мисс Марпл — милая ста-

рушка. Не хотелось бы, чтобы с ней что-нибудь стряслось... разумеется, если предположить, что в нашей новой версии все же есть доля истины.



Глава 9

ПО ПОВОДУ ДВЕРИ

I

— Извините, что снова беспокою вас, мисс Блеклок...

— О, полно! Раз следствие затянулось еще на неделю, значит, вы надеетесь получить еще какие-то сведения?

Инспектор Крэддок кивнул.

— Руди Шерц не был сыном владельца отеля

«Альпы» в Монтрё. Свою карьеру он начал с санитара в Бернской больнице. Именно тогда у многих пациентов стали пропадать мелкие драгоценности. Потом он работал под другим именем официантом на одном из небольших зимних курортов. Занимался подделкой счетов, в дубликате указывал услуги, которых не числилось в самих счетах. Разницу, естественно, прикарманивал. После он работал в универмаге в Цюрихе. В тот период кражи товаров превысили средний уровень. И похоже, этим занимались не только покупатели.

— Вот как? Значит, он действительно был нечист на руку? — сухо осведомилась мисс Блеклок. — И я была права, думая, что раньше его никогда не встречала?

— Совершенно правы. Нет сомнения, что ему на вас указали в отеле, а он притворился, будто узнал вас. Швейцарская полиция, видимо, занялась им вплотную, и он решил переехать к нам, запасшись фальшивыми документами. А здесь устроился на работу в «Ройял Спа».

— Подходящее местечко для поживы, — холодно процедила мисс Блеклок. — Отель очень дорогой, в нем останавливается много зажиточных людей, которые подчас весьма небрежно

относятся к счетам.

— Да, — сказал Крэддок, — можно собрать неплохой урожай.

Мисс Блеклок нахмурилась.

— Я все понимаю, но зачем Шерцу понадобилось приезжать в Чиппинг-Клеорн? Неужели он рассчитывал, что ему от нас больше корысти, чем от постояльцев гостиницы?

— Вы совершенно уверены, что в доме нет никаких ценностей?

— Конечно нет. *Я* бы знала. Смею вас заверить, инспектор, у нас нет ни неизвестной картины Рембрандта, ни, скажем, редкого антиквариата.

— Тогда, выходит, ваша подруга мисс Баннер права. Он покушался на *вашу* жизнь.

— Видишь, Летти, что я тебе говорила!

— Вздор, Банни.

— Вздор ли? — произнес Крэддок. — Думаю, вы и сами осознаете, что это вполне серьезно.

Мисс Блеклок вперилась в него тяжелым взглядом.

— Давайте говорить начистоту. Вы действительно считаете, что этот юноша пришел сюда, чтобы меня убить? Но тогда зачем ему было давать объявление в газете, из-за которого к нам сбежалось полдеревни зевак?

— Но, может, он не думал, что все *так* получится, — в запальчивости перебила ее мисс Баннер. — Это было просто зловещее предупреждение. Я именно так и поняла. *«Объявлено убийство...»* Я сразу почуяла беду... Если б все получилось так, как он задумал, он бы застрелил тебя и убежал, и никто бы не узнал, кто он такой.

— Вполне допускаю, — сказала мисс Блеклок, — но...

— Я знала, что объявление не шутка, Летти! Я так прямо и сказала. А вспомни Мици, *она* тоже перепугалась!

— Мици, — подхватил Крэддок. — Ах, Мици! Мне бы хотелось побольше узнать о сей молодой особе.

— Вид на жительство и документы у нее в полном порядке.

— Не сомневаюсь, — сухо заметил инспектор. — Документы Шерца тоже были в полном порядке.

— Но зачем Руди Шерцу понадобилось меня убивать?

— За спиной Шерца мог стоять кто-то другой, — сказал Крэддок. — Вам не приходила в голову эта мысль?

Он сказал «за спиной» в переносном смысле, хотя у него и промелькнуло, что, если версия мисс

Марпл верна, выражение будет правильным и в прямом его значении. Однако мисс Блеклок и бровью не повела. Взгляд ее оставался по-прежнему скептическим.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказала она. — С какой стати кому-то *меня* убивать?

— Именно это я и хотел бы узнать у *вас*, мисс Блеклок.

— Но откуда мне знать? Какой вздор! У меня нет врагов. С соседями, смею думать, я всегда жила в мире. Я не знаю ничьих тайн. Просто смешно! А если вы намекаете на то, что здесь замешана Мици, так это тоже абсурд. Мисс Баннер вам уже говорила, Мици до смерти перепугалась, прочитав объявление в газете. Она тут же хотела собрать вещи и уехать.

— Это могло быть просто ловким маневром. Она прекрасно знала, что вы начнете ее удерживать.

— Ну конечно, если что-то вбить в голову, то на любое возражение найдется контраргумент. Однако уверяю вас, если бы Мици вдруг ни с того ни с сего меня возненавидела, она просто бы подсыпала мне чего-нибудь в пищу и не стала бы ломать комедию... Мне кажется, у полиции предубеждение против иностранцев. Мици, может, и лгунья, но вовсе не убийца. Можете

запугивать ее и дальше, но, если она в порыве негодования возьмет расчет или запрется у себя в комнате и закатит истерику, обед придется готовить вам, инспектор. Сегодня ко мне зайдет миссис Хармон с одной пожилой дамой, своей гостьей. Они будут к вечернему чаю, и я хотела, чтобы Мици испекла маленькие печеньица, но вы ее можете совершенно выбить из колеи. *Сделайте* милость, возьмите под подозрение кого-нибудь другого!

II

Крэддок отправился на кухню. Он снова задал Мици все те же вопросы и получил все те же, что и прежде, ответы.

Да, она заперла входную дверь сразу после четырех. Нет, она не всегда так поступает, но в тот вечер она нервничала из-за «ужасный объявления». Почему же не заперла черный ход? Но что толку его запирать, когда мисс Блеклок и мисс Баннер выходят через него закрыть уток и покормить цыплят, да и миссис Хаймс именно через черный ход возвращается с работы.

— Миссис Хаймс сказала, что она заперла дверь в пять тридцать.

— А вы верить... да-да, вы верить...

— Почему бы и нет?

— Что вам разница, что я думаю? Вы *мне* не верить.

— Допустим, что поверю. Так ты думаешь, миссис Хаймс не запирала ту дверь?

— Думаю, она очень стараться, чтобы не запирать ее.

— Что ты имеешь в виду?

— Тот парень, он работать не один. Нет, он знать, *куда* идти, знать, что, *когда* он приходить, дверь будет открытая, о, такая удобно открытая!

— Что ты хочешь сказать?

— А какой польза, что я говорю? Вы не будете слушать. Вы будете сказать, что я бедный беженка, я не говорю правда. А эта английский леди с белый волосы, о нет, *она* никогда не говорит неправда, она такой английский, такой честный. И вы верите она, а не я. Но я могу рассказать кое-что. О да, могу.

Она грохнула кастрюлей о плиту.

Крэддок не знал, стоит ли обращать внимание на слова Мици. Они вполне могли оказаться лишь потоком желчи.

— Мы учитываем все, что нам говорят, — наконец произнес он.

— Но я ничего не буду говорить. Зачем? Вы как

везде. Преследоваете и презираете бедные беженцы. Если я говорю, что неделя назад, когда этот парень приходить просить деньги у мисс Блеклок и она его посылать домой... если я говорю, что потом я слышать, что он говорить с миссис Хаймс... да-да, с ней, около оранжерея, вы опять думаете, что я придумать?

«Вполне вероятно», — подумал Крэддок, но вслух возразил:

— Но ты не могла слышать, о чем они говорили!

— И вы ошибаться! — торжествующе взвизгнула Мици. — Я ходить собирать крапива, она делать такой хороший суп. Хозяева не согласны, но я им не говорить, готовить, и все. Вот я ходить и слышать: они там беседовать. Он говорит: «Но как я могу прятаться?» А она говорит: «Я тебе покажу». А потом говорит: «Четверть седьмого». А я думать: «Ага, так ты ведешь себя, моя леди! Идешь с работа и бежишь к мужчина. Несешь его в дом. Наверно, мисс Блеклок это не очень нравится. Она тебя выгонять быстро». Я думать, я буду смотреть, слышать, а потом рассказывать все мисс Блеклок. Но сейчас я понимаю, что думать неправильно. Она с ним хотеть не любовь, она с ним хотеть грабить и убивать. Но вы говори-

те, что я все придумывать. Злая Мици, говорите вы, я буду садить ее тюрьма.

Крэддок призадумался. Мици могла и сочинять. Но могла и не сочинять. Он осторожно спросил:

— А ты уверена, что она разговаривала именно с Руди Шерцем?

— Конечно. Он выходить, я видеть, что он пойти по дорожка к оранжерея. А я в тот момент, — вызывающе добавила Мици, — выходить смотреть, вырастать ли молодая крапива.

«Интересно, — подумал Крэддок, — что за молодая крапива может вырасти в октябре?» Но он понимал: Мици просто наспех выдумала причину, чтобы скрыть свои истинные намерения.

— А больше ты ничего не слышала?

Мици посмотрела на него удрученно.

— Эта мисс Баннер, с ее длинный нос, начинать меня звать: «Мици! Мици!» И я должна уходить. Она такой вредный! Все лезет. Говорит, будет меня учить готовить. *Ее* готовление! В ней, да, везде, везде вода, вода, *вода!*

— А почему ты в прошлый раз ничего не сказала? — строго спросил Крэддок.

— Потому что не помнить... Я не думать... Я потом решить, что они иметь план... он и она.

— А ты уверена, что это была миссис Хаймс?

— Очень уверена. Она воровка, эта миссис Хаймс. Она воровает и показывает воры хорошие дом. Что она получает за работа в саду, для такая леди не хватает, нет. Ей надо ограбливать мисс Блеклок, которая была с ней такая добрая. Она плохая, плохая женщина, эта миссис Хаймс.

— А вдруг, — сказал инспектор, — вдруг мне сообщат, что не Филлипу, а *тебя* видели с Руди Шерцем, тогда как?

Но предположение произвело на Мици гораздо меньшее впечатление, чем думал Крэддок. Мици только фыркнула и тряхнула головой.

— Если они видят меня с ним, это ложь, ложь, ложь! — презрительно сказала она. — Говорить ложь о кого-нибудь просто, но в Англия это надо доказывать. Мисс Блеклок так мне говорить, и это правда или нет? Я не разговариваю с воры и убийцы. Никакой английский полицейский не может так утверждать. Но как я могу готовить, если вы всегда здесь говорить, говорить, говорить... Уходите из моя кухня, пожалуйста. Я хочу делать сейчас очень осторожный соус.

Крэддок послушно вышел. Его подозрения насчет Мици слегка поколебались. Слишком уж убежденно она рассказывала про Филлипу Хаймс. Конечно, Мици могла и приврать. (И так оно, по

его мнению, и было.) Но в ее рассказе, вероятно, все же была доля правды. Он решил поговорить с Филлипой Хаймс. Во время допроса она показалась ему спокойной, хорошо воспитанной молодой женщиной. Ее он не подозревал.

Крэддок прошел через холл и, задумавшись, попытался открыть не ту дверь. Спускавшаяся с лестницы мисс Баннер поспешно указала ему дорогу.

— Не туда, — сказала она. — Та дверь не открывается. В следующую налево. Запутаться можно, да? Столько дверей!

— Многовато, — согласился Крэддок, оглядывая узкий холл.

Мисс Баннер любезно принялась перечислять:

— Первая ведет в гардеробную, за ней дверь в чулан, затем в столовую, это по нашей стороне. А по той — фальшивая дверь в гостиную, в которую вы сейчас пытались войти, потом настоящая дверь в гостиную, потом в кладовку с фарфором, дальше дверь в маленькую оранжерею и в конце — черный ход. Запутаться можно. Особенно в этих двух, они так близко друг от друга. Я тоже частенько по ошибке толкалась не в ту дверь. Обычно ее стол загораживал, но его отодвинули.

Крэддок почти машинально заметил тонкую

горизонтальную полоску на двери, которую он недавно пытался открыть. Теперь он понял, что полоска — след от стола. Смутная мысль шевельнулась в его мозгу, и он спросил:

— Отодвинули? Когда?

К счастью, Дору Баннер никакие вопросы не удивляли. Словоохотливой старушке все казалось естественным, любой вопрос по любому поводу, и ей доставляло наслаждение давать любую, самую пустяковую информацию...

— Так... дайте подумать... совсем недавно, дней десять назад, от силы недели две.

— А почему его отодвинули?

— Не помню. Кажется, из-за цветов. Вроде бы Филлипа поставила их в большую вазу — она просто очаровательно составляет букеты — осенние цветы, веточки, ветки, и букет получился такой большой, что цеплялся за волосы, поэтому Филлипа сказала: «А почему бы не отодвинуть стол подальше? Цветы будут лучше смотреться на фоне стены, а не этой двери!» Только пришлось снять картину «Веллингтон в Ватерлоо». Правда, я от нее не в восторге. Мы ее положили под лестницу.

— Так на самом деле дверь не фальшивая? — спросил Крэддок.

— Нет-нет, она *настоящая.* Она ведет в бывшую маленькую гостиную, однако, когда комнаты соединили, две двери стали не нужны, и одну закрыли.

— Закрыли? — снова осторожно переспросил Крэддок. — Вы хотите сказать: заколотили? Или просто заперли?

— По-моему, закрыли на ключ и на задвижку.

Он заметил задвижку и попробовал ее отодвинуть. Задвижка легко поддалась, слишком легко...

— А когда ее открывали в последний раз? — решил уточнить он.

— Должно быть, давным-давно. С тех пор как я здесь — ни разу, а то бы я знала.

— А где ключ?

— Там в холле стол, и в ящике полно ключей. Наверное, там.

Крэддок пошел за ней и вынул из глубины ящика связку ржавых ключей. Он внимательно рассмотрел каждый, выбрал один, заметно отличавшийся от остальных, и вернулся к двери. Ключ сразу вошел в замочную скважину и легко повернулся. Он толкнул дверь, она бесшумно открылась.

— Осторожней! — воскликнула мисс Баннер.

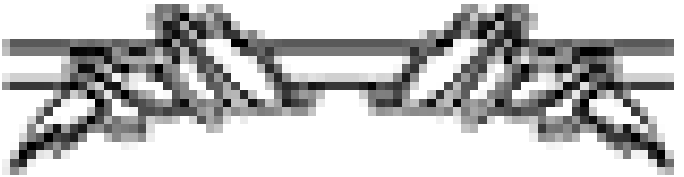
— С той стороны может быть что-нибудь прислонено. Мы же никогда ее не открывали.

— Так ли? — сказал инспектор. Лицо его помрачнело, и он добавил внушительным тоном: — Мисс Баннер, эту дверь открывали совсем недавно. Замок и петли смазаны.

Она воззрилась на него, глупо разинув рот.

— Но кто мог ее открыть?

— Вот это мне и предстоит выяснить, — мрачно ответил Крэддок. А про себя подумал: «Икс с улицы? Как бы не так! Икс был здесь, в доме. Икс был в тот вечер в гостиной».



Глава 10

ПИП И ЭММА

I

На сей раз мисс Блеклок слушала его более внимательно. Она была умной женщиной и сразу ухватила самую суть.

— Да, — спокойно согласилась она, — это меняет дело... Никто не должен был открывать ту дверь. Но *никто* и не открывал ее, насколько мне известно.

— Поймите же, — настаивал инспектор, — когда погас свет, *кто-то из сидевших в комнате* мог выскользнуть через ту дверь, подкрасться к Шерцу сзади и выстрелить в вас.

— И никто его не заметил, не услышал?

— Никто. Вы же помните: когда погас свет, все задвигались, закричали, начали толкаться. А потом единственное, что можно было увидеть, — это свет фонарика.

— И вы верите, что кто-то из моих милых соседей, этих вполне мирных обывателей, проскользнул туда и пытался меня убить? — сказала мисс Блеклок с расстановкой. — Но *почему* меня? За *что,* скажите на милость?

— По-моему, вы, а не я *должны* ответить на этот вопрос, мисс Блеклок.

— Но я не могу, инспектор. Уверяю вас.

— Что ж, начнем сначала. Кто получит наследство после вашей смерти?

Слегка поколебавшись, мисс Блеклок ответила:

— Патрик и Джулия. Дора Баннер получит обстановку и небольшой годовой доход. Но в общем-то мне нечего особо оставлять. У меня были вклады в немецких и итальянских ценных бумагах, но они обесценились, да и налоги нынче

высокие, а проценты низкие, так что убивать меня не имеет никакого смысла, уверяю вас... Большую часть денег я положила на срочный вклад в банк под проценты около года назад.

— И все-таки кое-какие средства у вас есть, мисс Блеклок, и ими завладеют ваши племянник с племянницей.

— И что же — Патрик с Джулией замыслили меня убить? Просто невероятно. Да они не так уж и нуждаются.

— Вы точно знаете?

— Нет. Только с их слов... Но я решительно отказываюсь их подозревать. Может, *когда-нибудь* у них появится стимул убить меня, но только не сейчас.

— Что вы имеете в виду, мисс Блеклок? — ухватился за ее слова инспектор.

— То, что когда-нибудь, — а может, и весьма скоро, — я *стану* очень богата.

— Интересно. Вы не могли бы пояснить?

— Разумеется. Вы, должно быть, не знаете, но двадцать с лишним лет назад я была секретаршей и близким другом Рэнделла Гедлера.

Крэддок навострил уши. Рэнделл Гедлер был одним из крупнейших финансовых воротил. Его дерзкие спекуляции и почти актерская из-

вестность сделали его человеком, о котором еще долго будут помнить. Он умер, если Крэддока не подводила память, в тридцать седьмом или тридцать восьмом году.

— Вы были еще совсем маленьким, — сказала мисс Блеклок. — Но, вероятно, слышали о нем.

— О да. Он ведь был миллионером?

— Мультимиллионером, хотя его дела не всегда отличались стабильностью. Он, как правило, вкладывал большую часть прибыли в какое-нибудь рискованное предприятие.

Она оживилась, глаза ее заблестели.

— Тем не менее он умер очень богатым человеком. Детей у него не было. И он завещал все свое состояние жене, с условием, что после ее смерти оно перейдет ко мне.

Что-то смутно промелькнуло в памяти инспектора.

«Преданная секретарша получит миллионное состояние...», что-то в этом роде.

— За последние двенадцать лет, — чуть прищурившись, сказала мисс Блеклок, — *у меня были* все основания убить миссис Гедлер, но в нашем случае это вряд ли имеет какое-нибудь значение.

— Простите, пожалуйста... но миссис Гедлер... была возмущена тем, что ее муж так распорядил-

ся капиталом?

Мисс Блеклок его слова искренне позабавили.

— Не пытайтесь деликатничать. Вы ведь хотите узнать, была ли я любовницей Рэнделла Гедлера? Нет, не была. Не думаю, что и Рэнделл когда-либо вздыхал по мне. А я — так уж точно не вздыхала. Он любил Белль, свою жену, и продолжал любить до самой смерти. Думаю, его шаг объясняется благодарностью. Видите ли, инспектор, давным-давно, когда Рэнделл еще как следует не встал на ноги, он вдруг оказался на грани банкротства. Речь шла всего о нескольких тысячах. Он сделал *важный ход,* очень рискованный и дерзкий, как и все его планы, но у него не хватало денег, чтобы довести операцию до конца. Я выручила его. У меня были кое-какие сбережения. Я верила в Рэнделла. И отдала ему все до последнего пенса. План удался. Через неделю он стал баснословно богат.

После этого он обращался со мной как с младшим партнером. Какие чудесные были времена! Я чувствовала себя счастливой. А потом мой отец умер, сестра осталась одна, будучи беспомощной калекой. Мне пришлось все бросить и ухаживать за ней. Рэнделл через пару лет тоже умер. За время нашего сотрудничества я скопила вполне достаточно денег и не ожидала, что он мне оставит

что-нибудь, но была до глубины души тронута и очень горда, да-да, горда, когда выяснилось, что в случае если Белль умрет раньше меня (а она из тех хрупких созданий, о которых говорят, что они не жильцы на этом свете), я буду единственной его наследницей. Думаю, бедняга действительно не знал, кому завещать свои миллионы. Белль милая, она пришла в восторг. Она прекрасная, добрая женщина. Живет в Шотландии. Я не виделась с ней много лет, мы только посылаем друг другу открытки на Рождество. Перед началом войны я с сестрой поехала в санаторий, в Швейцарию. Там сестра умерла от туберкулеза. Я же вернулась в Англию только год назад.

— Значит, вы можете разбогатеть... А как скоро?

— От сиделки, ухаживающей за Белль, я знаю, что бедняжка быстро слабеет. Это может случиться буквально через несколько недель. Но теперь деньги не имеют для меня такой уж цены, — печально добавила мисс Блеклок. — Запросы у меня небольшие, мне вполне хватает того, что у меня есть. Раньше я бы с удовольствием тряхнула стариной и поиграла на бирже, но теперь... Так что вы поймите, инспектор, если бы Патрик с Джулией замыслили убить меня из-за денег, с их

стороны было бы чистым безумием не потерпеть еще несколько недель.

— Так-то оно так, мисс Блеклок, но что будет, если вы умрете раньше миссис Гедлер? К кому тогда перейдет наследство?

— Никогда не задумывалась... Наверное, к Пипу и Эмме.

Увидев изумление, написанное на лице Крэддока, мисс Блеклок улыбнулась.

— Решили, что я сошла с ума? Повторяю: если я умру раньше Белль, деньги, наверное, перейдут к законному потомству или, как там это у вас называется, к детям Сони, единственной сестры Рэнделла. Он с ней в свое время рассорился. Она вышла замуж за человека, которого Рэнделл считал отпетым негодяем.

— А он действительно был им?

— О да. Но, очевидно, женщины находили его привлекательным. Он был то ли грек, то ли румын... как же его звали? А! Стэмфордис, Дмитрий Стэмфордис.

— Когда Соня вышла замуж, Рэнделл исключил ее из завещания?

— Нет. Соня сама была очень богата. Рэнделл уже успел поместить на ее имя крупную сумму денег так, чтобы муж не мог до них добраться.

Но, наверно, юристы уговаривали его указать наследника на случай, если Белль меня переживет, и он после долгих колебаний назвал Сониных детей. Просто потому, что ничего больше ему в голову не пришло, а он был не из тех, кто завещает наследство благотворительным учреждениям.

— Значит, от Сониного брака были дети?

— Да. Пип и Эмма. — Мисс Блеклок рассмеялась. — Звучит, конечно, очень смешно. Все, что я о них знаю, — так это то, что Соня однажды написала Белль после свадьбы, просила передать Рэнделлу, что очень счастлива, что у нее недавно родились близнецы и она назвала их Пипом и Эммой. Насколько мне известно, больше писем не было. Но, конечно, от Белль вы получите более исчерпывающие сведения.

Мисс Блеклок позабавил ее собственный рассказ. Однако инспектору было не до смеха.

— Значит, — сказал он, — если бы в тот вечер вас убили, по меньшей мере двум людям досталось бы огромное наследство. Мисс Блеклок, вы говорили, что ни у кого нет оснований желать вашей смерти. Так вот: вы ошиблись! По крайней мере, два человека в этом жизненно заинтересованы. Сколько сейчас лет братцу и сестрице?

Мисс Блеклок задумалась.

— Дайте сообразить. Тысяча девятьсот двадцать второй год... Нет, мне трудно припомнить... Думаю, лет двадцать пять — двадцать шесть. — Лицо ее посерьезнело. — Но не думаете же вы, что...

— Я думаю, что кто-то стрелял в вас, пытаясь убить. Думаю, этот человек или эти люди захотят повторить свою попытку. Мне бы хотелось, чтобы вы были *очень-очень* осторожны, мисс Блеклок, постарайтесь. Одна попытка сорвалась. Полагаю, весьма скоро за ней последует вторая.

II

Филлипа Хаймс выпрямилась и откинула прядь волос со вспотевшего лба. Она пропалывала цветочный бордюр.

— Да, инспектор?

Филлипа вопросительно посмотрела на него. Он, в свою очередь, взглянул на нее более придирчиво, чем в прошлый раз. Ничего не скажешь, симпатичная девушка, чисто английский тип: светло-пепельные волосы, удлиненное лицо. Упрямый подбородок и рот. Она была чем-то удручена, обеспокоена. Но пристальный взгляд голубых глаз не выдавал ничего, абсолютно ничего. Да, эта девушка умеет хранить тайны.

— Извините, что опять отрываю вас от работы,

миссис Хаймс, — сказал он, — но мне не хотелось ждать, пока вы придете на ланч. Кроме того, я решил, что, может, нам удобнее будет поговорить здесь, а не в Литтл-Паддоксе.

— Слушаю вас, инспектор.

А в голосе ни тени волнения или интереса! Но зато промелькнула тревога... или ему почудилось?

— Сегодня утром мне было сделано одно заявление. Оно касается вас.

Филлипа приподняла брови.

— Миссис Хаймс, вы утверждаете, что незнакомы с Руди Шерцем?

— Да.

— И вы впервые увидели его уже мертвым? Так ли это?

— Разумеется. Я никогда его раньше не видела.

— И никогда с ним не разговаривали в оранжерее Литтл-Паддокса?

– *В оранжерее?*

Он был почти уверен, что в голосе ее прозвучал страх.

— Да, миссис Хаймс.

— А *кто* это сказал?

— Мне сообщили, что у вас был разговор с Руди Шерцем. Он спросил, где ему спрятаться, а вы

ответили, что покажете место, и вполне определенно обозначили время: четверть седьмого. Как раз в четверть седьмого Руди Шерц должен был добраться от автобусной остановки до усадьбы.

На мгновение воцарилось молчание. Потом Филлипа презрительно хохотнула. Слова инспектора явно ее позабавили.

— Я знаю, кто вам все это наговорил, — процедила она сквозь зубы. — По крайней мере, догадываюсь. Очень глупая и неуклюжая ложь. Злобная ложь. По неясным мне причинам Мици ненавидит меня больше, чем остальных.

— Значит, вы отрицаете?

— Конечно! Я ни разу в жизни не встречала Руди Шерца. Да меня и дома не было в то утро. Я была здесь, на работе.

— Простите, в какое утро? — вкрадчиво спросил инспектор.

Секундная заминка и легкий взмах ресниц.

— Каждое утро. Я прихожу сюда каждое утро. И не ухожу до часу дня, — отрезала Филлипа и презрительно добавила: — Не стоит слушать Мици. Она все время лжет.

III

— Значит, мы имеем, — говорил Крэддок, шагая рядом с сержантом Флетчером, — показания двух молодых женщин, противоречащие друг другу. Кому же мне верить?

— Все считают, что эта беженка постоянно рассказывает небылицы, — сказал Флетчер. — Я по опыту знаю, что у иностранцев врать получается лучше, чем говорить правду. Да и, потом, видно, что она миссис Хаймс терпеть не может.

— Значит, на моем месте вы поверили бы миссис Хаймс?

— Если бы не появилось каких-то веских доказательств против нее, сэр.

У Крэддока таких доказательств не было… Ничего, кроме слишком пристального взгляда голубых глаз и сорвавшихся с языка слов *«в то утро»*. А ведь, насколько он помнил, он не говорил ей, когда состоялся предполагаемый разговор в оранжерее: утром или днем.

Однако мисс Блеклок (а если не она, то мисс Баннер) могла упомянуть о приходе молодого швейцарца, выпрашивавшего денег на обратную дорогу домой. И Филлипа Хаймс могла подумать, что разговор произошел именно в то утро.

Но все же Крэддоку казалось, что в голосе ее послышался страх, когда она переспросила: *«В оранжерее?»*

Он решил пока что не делать окончательных выводов.

IV

В саду викария было просто чудесно. Неожиданно выдались погожие осенние денечки. Бабье лето — так, кажется, их называют? Крэддок сидел в шезлонге, который притащила ему энергичная Банч. Сама она умчалась на собрание матерей[18]. Мисс Марпл, тепло укутанная шалями и большим пледом, сидела рядом с Крэддоком и вязала. Солнце, покой, мерное позвякивание спиц в руках мисс Марпл — от всего этого инспектора клонило ко сну. Но где-то в глубине души затаился страх, будто в ночном кошмаре. Как в навязчивом сне, когда смутная тревога растет, растет и наконец превращается в ужас...

Он отрывисто произнес:

— Вам не следовало приезжать сюда.

Спицы мисс Марпл на мгновение замерли. Она

---

[18] notes: 18

С о б р а н и е...м а т е р е й — собрание прихожанок для обсуждения церковных дел.

задумчиво посмотрела на Крэддока своими ясными фарфорово-голубыми глазами.

— Знаю, на что вы намекаете. Вы очень заботливый юноша. Но не волнуйтесь. Отец Банч (он был викарием нашего прихода, весьма образованный человек) и ее мать (поистине необыкновенная женщина, удивительно сильная духом) — мои старинные друзья. И совершенно естественно, что, раз я оказалась в Меденхэм-Уэллсе — поехала погостить у Банч.

— Возможно, — сказал Крэддок, — но... но, пожалуйста, не надо ничего разузнавать. Поверьте, я чувствую, что это *небезопасно.*

Мисс Марпл еле заметно улыбнулась.

— Боюсь, — сказала она, — что старухам свойственно везде совать свой нос. И куда больше бросится в глаза, если я не стану этого делать. Мы всегда выискиваем общих знакомых, выясняем, помнят ли они того-то и того-то: за кого вышла замуж дочка такого-то, и так далее и тому подобное. А это очень помогает.

— Помогает? — с недоумением переспросил инспектор.

— Да, помогает выяснить, на самом ли деле они те люди, за кого себя выдают, — сказала мисс Марпл.

И продолжала:

— Именно это вас и беспокоит, правда? И действительно, так уж повелось после войны. Возьмите Чиппинг-Клеорн. Он так похож на мой Сент-Мэри-Мид. Пятнадцать лет назад я *знала* там всех жителей. Отцы и матери, бабушки и дедушки этих людей жили там всю жизнь. Если приезжал кто-то новый, он привозил рекомендательные письма, а если нет — то оказывался чьим-нибудь однополчанином или плавал на одном корабле с кем-нибудь из местных. Ну а если появлялся какой-нибудь чужак и оседал в поселке, все не успокаивались до тех пор, пока не узнавали всю его подноготную.

Она кротко покачала головой.

— Теперь не так. В каждой деревне или городишке полно пришлых, людей без роду без племени. Большие дома проданы, коттеджи перестроены. Люди приезжают без всяких рекомендаций, и вам остается верить им на слово. Они стекаются в Англию со всего света — из Индии, Гонконга, Китая... Есть такие, что подолгу жили во французском захолустье или в Италии. Или на каких-то экзотических островах. Там они подкопили денег и теперь могут спокойно переселиться в Англию. В наши дни никто *ничего* не

знает о своих соседях. Можно иметь дома медную утварь с Бенареса и беседовать о *гиффин* и *чота хазри*[19] или развесить виды Таормина и обсуждать англиканскую церковь и библиотеку, как это делают мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд. Вы можете приехать с юга Франции или провести большую часть жизни на Востоке. О вас судят с ваших же собственных слов. Не так, как раньше, когда не торопились приглашать в дом, пока не получат письма от старых друзей с хорошими отзывами о приезжих.

Именно *это,* подумал Крэддок, и угнетало его. Он *никого* не знал. Перед ним были просто люди, личность которых подтверждалась продовольственными карточками и чистенькими удостоверениями, на которых нет ни фотографий, ни отпечатков пальцев, а стоят только номера. Заполучить такое удостоверение мог кто угодно, и отчасти поэтому порвались тончайшие нити, связывающие английское общество. В городе никто и не надеялся узнать своих соседей. В деревне теперь тоже никто никого не знал, хоть, может, и думал, что знает...

---

[19] notes: 19

Г и ф ф и н — англо-индийское слово со значением «второй завтрак, ланч»; ч о т а...х а з р и *(инд.)* — «небольшая трапеза, еда на скорую руку».

Обнаружив что петли на той двери кто-то смазал, Крэддок понял, что в гостиной Летиции Блеклок находился некто, — он или она, — лишь прикидывающийся добрым соседом... Вот почему он боялся за мисс Марпл, старую, слабую и... слишком уж проницательную женщину.

Он сказал:

— Мы можем послать запрос на этих людей.

Однако задачка была не из легких. Индия, Китай, Гонконг, Южная Франция... Теперь все не так просто, как пятнадцать лет назад. Теперь есть люди, живущие по чужим удостоверениям, «заимствованным» у тех, кто нашел «случайную» смерть в больших городах. Существуют целые организации, скупающие и подделывающие удостоверения и продовольственные карточки; появились сотни мелких мошенников. На проверку уйдет уйма времени, а его-то как раз и нет, ведь вдова Рэнделла Гедлера уже одной ногой в могиле.

И тогда, встревоженный и уставший, разморенный на солнце, он рассказал мисс Марпл о Рэнделле Гедлере, Пипе и Эмме.

— Только имена, — сказал он. — А возможно, и прозвища. Этих людей, может, вообще не существует. А может, они добропорядочные граждане

и обитают где-нибудь в Европе... С другой стороны, кто-то из них или даже оба сразу могут находиться сейчас здесь, в Чиппинг-Клеорне... Им лет по двадцать пять. Кому из здешних жителей двадцать пять?.. — И продолжал, словно размышляя вслух: — Эти ее племянник с племянницей или кем они там ей доводятся... Интересно, когда она их в последний раз видела до их приезда сюда?

— Хотите, я выясню? — предложила мисс Марпл, невинно глядя на него.

— Нет, мисс Марпл, пожалуйста, не надо...

— Но это очень просто, инспектор, право, не стоит беспокоиться. И потом, если выяснять буду я, мое поведение не вызовет подозрений, ведь я — лицо неофициальное. Вы же не хотите, чтобы они насторожились.

«Пип и Эмма, — думал Крэддок. — Пип и Эмма?» Эти имена преследовали его как наваждение. Обаятельный повеса и хорошенькая девушка с холодным пристальным взглядом...

Он продолжил:

— В ближайшие двое суток я, возможно, выясню о них побольше. Я еду в Шотландию. Миссис Гедлер, если она в состоянии говорить, наверное, знает о них гораздо больше.

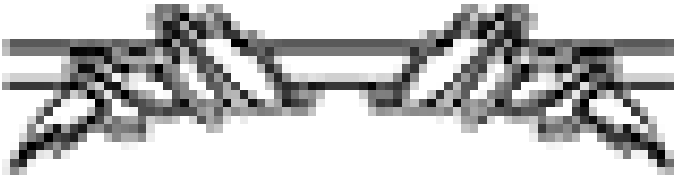
— Пожалуй, это мудрый шаг, — с сомнением в голосе произнесла мисс Марпл. — Надеюсь, вы предупредили мисс Блеклок, что ей следует соблюдать осторожность?

— Предупредил. Кроме того, я оставлю тут человека, он будет вести постоянное наблюдение.

Крэддок уклонился от взгляда мисс Марпл, в котором ясно читалось, что от полицейского будет, мало проку, если опасность притаилась в семейном кругу...

— И запомните, — сказал он, наконец-то взглянув ей прямо в глаза: — Я *вас* предупредил.

— Уверяю вас, инспектор, — успокоила его мисс Марпл, — я смогу позаботиться о себе.



Глава 11

МИСС МАРПЛ ПРИХОДИТ НА ЧАЙ

I

Если Летиция Блеклок и была немного рассеянной, когда миссис Хармон и ее гостья пришли к вечернему чаю, то мисс Марпл, та самая гостья, вряд ли это заметила, поскольку видела хозяйку дома впервые в жизни.

Пожилая дама тут же принялась мило болтать. Она оказалась большой любительницей историй

о грабителях.

— Они куда угодно могут проникнуть, моя дорогая, — уверяла она хозяйку. — *Куда угодно!* Сейчас появилось столько новых американских изобретений! Но я полагаюсь на испытанные старые. *Крючок и глазок.* Они могут взломать замок и вытащить засов, но перед медным крючком и глазком воры бессильны. Вы не пробовали их ставить?

— Боюсь, мы плохо разбираемся в замках и засовах, — бодро ответила мисс Блеклок. — У нас нечем поживиться.

— А цепочку на входную дверь не пробовали? Тогда прислуге достаточно приоткрыть дверь, чтобы увидеть, кто пришел, и они не могут к вам вломиться.

— Думаю, нашей Мици это придется по душе.

— Наверно, это было очень страшно, я про налетчика... — сказала мисс Марпл. — Банч мне говорила...

— Я чуть не умерла! — воскликнула Банч.

— Да, мы поволновались, — признала мисс Блеклок.

— Просто чудо, что он споткнулся и застрелился. Грабители теперь такие *жестокие!* А как он пробрался в дом?

— Боюсь, мы плохо запираем двери.

— О Летти! — воскликнула мисс Баннер. — Я забыла тебе сказать, что инспектор сегодня утром вел себя так странно. Он очень настойчиво просил открыть вторую дверь, ту, которая никогда не открывается. Выспросил все про ключ и сказал, что петли недавно смазали. Хотя я лично ума не приложу, зачем, ведь...

Она слишком поздно заметила, что мисс Блеклок делает ей знаки замолчать, и застыла с разинутым ртом.

— О Летти, я... прости... я хотела сказать... *извини* меня, Летти. Боже, какая я глупая!

— Ничего, — сказала мисс Блеклок, но видно было, что она раздражена. — Только мне кажется, инспектору не понравится, если об этом будут говорить. А я и не знала, что ты была там, когда он занимался своими экспериментами. Но вы понимаете, правда, миссис Хармон?..

— О да, — сказала Банч. — Мы не пророним ни звука. Но хотелось бы мне знать, *зачем* он...

Она впала в глубокую задумчивость. Мисс Баннер ерзала на стуле с несчастным видом, наконец ее прорвало:

— Я все время ляпаю что-то не то. Боже, какая тебе со мной мука, Летти!

Мисс Блеклок торопливо ответила:

— Ты для меня величайшая радость, Дора. Да и вообще, в таком крошечном местечке, как Чиппинг-Клеорн, все секреты все равно выходят наружу...

— Что верно, то верно, — сказала мисс Марпл. — В таких местах слухи распространяются самым невероятным образом. Конечно, прежде всего от прислуги, хотя вряд ли это единственный источник — в наши дни так мало слуг. Остаются, правда, приходящие работницы, и, наверное, от них еще больше неприятностей, ведь они могут за день обойти с полпоселка и насплетничаться вволю.

— О! — вдруг вскричала миссис Хармон. — Я поняла! Ну, разумеется, если та дверь тоже открывается, кто-то мог пробраться сюда в темноте... только никто этого, естественно, не сделал, потому что налетчик был из «Ройял Спа», ведь так? Ничего не понимаю, — вновь нахмурилась она.

— Значит, это произошло здесь? — спросила мисс Марпл и добавила извиняющимся тоном: — Боюсь, вы сочтете меня слишком *любопытной,* мисс Блеклок, но это действительно потрясающе! Прямо как в газетах, а тут надо же: такое — и случилось со знакомыми!.. Я просто жажду услы-

шать ваш рассказ и представить, как это было... ну, вы меня понимаете...

Мисс Марпл тут же услышала пространный и сбивчивый рассказ Банч и мисс Баннер, изредка прерывавшийся поправками и уточнениями мисс Блеклок.

На середине повествования вошел Патрик, великодушно поддержал компанию и даже исполнил роль Руди Шерца.

— А тетя Летти стояла здесь... в углу возле прохода под аркой. Станьте там, тетя Летти.

Мисс Блеклок послушно встала, после чего мисс Марпл были продемонстрированы следы от пуль.

— Какое чудесное, просто божественное спасение! — изумленно воскликнула мисс Марпл.

— Я как раз хотела предложить гостям сигареты. — Мисс Блеклок кивнула на большую серебряную сигаретницу, стоявшую на столе.

— Люди так неаккуратны, — неодобрительно отозвалась мисс Баннер. — Нынче никто не ценит хорошую мебель, не то что раньше. Только взгляните, какую жуткую подпалину оставили! Надо же, положили сигарету прямо на стол. Как только *не стыдно!*

— Боюсь, мы слишком много думаем о вещах,

— вздохнула мисс Блеклок.

Мисс Баннер любила вещи подруги так страстно, будто они были ее собственными. Банч Хармон находила эту черту очаровательной. В отношении Банни к вещам мисс Блеклок не было ни тени зависти.

— Чудный столик! — вежливо похвалила мисс Марпл. — А какая прелестная на нем лампа!

И опять мисс Баннер восприняла похвалу так, словно не мисс Блеклок, а она владелица лампы.

— Правда, восхитительная? Дрезденский фарфор. У нас таких две. Вторая, по-моему, в кладовке.

— И все-то ты знаешь, Дора... или тебе кажется, что знаешь, — добродушно улыбнулась миссис Блеклок. — Право, ты заботишься о моих вещах больше, чем я сама.

Мисс Баннер зарделась.

— Да, я *люблю* красивые вещи, — сказала она вызывающе, но с оттенком грусти.

— Должна признаться, — вздохнула мисс Марпл, — что те немногие вещи, что у меня есть, тоже мне очень дороги. Столько *воспоминаний* с ними связано! И с фотографиями тоже. Сейчас люди мало фотографируются. А я коллекционирую снимки племянников и племянниц с тех

самых пор, когда они еще были в пеленках. Мне нравится смотреть, как они взрослеют.

— У вас есть и моя жуткая карточка, там мне три года, — сказала Банч. — Я стою рядом с фокстерьером, такая косоглазая.

— Наверно, у тетушки Летти куча ваших фотографий, — сказала мисс Марпл, поворачиваясь к Патрику.

— О, мы всего лишь дальние родственники, — промямлил тот.

— По-моему, Элинор когда-то прислала мне одну твою детскую фотографию, Пат, — сказала мисс Блеклок. — Но, боюсь, она не сохранилась. Я не помнила даже, сколько у твоей матери детей и как их зовут, пока она не написала, что вы приедете.

— Еще одна примета времени, — сказала мисс Марпл. — Сейчас люди пожилого возраста часто даже не знакомы со своими молодыми родственниками. В старые добрые времена, когда так чтились родственные отношения, это было невозможно.

— В последний раз я видела мать Пата и Джулии на свадьбе тридцать лет назад, — сказала мисс Блеклок. — Она была очень хорошенькой девушкой.

— И поэтому у нее такие хорошенькие детки! — ухмыльнулся Патрик.

— У вас такой прелестный старинный альбом, — вставила Джулия. — Помните, тетя Летти, мы его смотрели на днях. Ну там и шляпки!

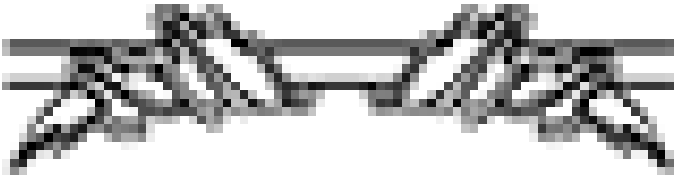
— А мы считали, что выглядели в них очень мило, — вздохнула мисс Блеклок.

— Не стоит расстраиваться, тетя Летти, — сказал Патрик. — Когда лет тридцать спустя Джулия натолкнется на свою фотографию, вряд ли она решит, что выглядит будто роза.

II

— Вы нарочно это сделали? — спросила Банч, когда они с мисс Марпл возвращались домой. — Нарочно завели разговор про фотографии?

— Ну конечно, милочка, ведь смотри, *как* любопытно: мисс Блеклок не знает в лицо ни племянницу, ни племянника... Думаю, инспектора Крэддока это должно заинтересовать.



Глава 12

УТРЕННИЕ ХЛОПОТЫ В ЧИППИНГ-КЛЕОРНЕ

I

Эдмунд Светтенхэм осторожно присел на садовую тележку.

— Доброе утро, Филлипа, — сказал он.

— Привет.

— Вы очень заняты?

— Более или менее.

— А что вы делаете?

— А вы не видите?

— Нет. Я не садовник. На мой взгляд, вы просто забавляетесь.

— Я сажаю салат.

— Вот как? Значит, сажаете...

— Вы что-то хотели? — холодно спросила Филлипа.

— Да. Увидеть вас.

Филлипа метнула на него быстрый взгляд.

— Вам не следует приходить сюда. Миссис Лукас это не понравится.

— Она не позволяет вам иметь поклонников?

— Не говорите глупостей.

— А что? Поклонник... Прекрасное слово. Великолепно передает мое отношение к вам. Уважительно... на расстоянии... но неотступно.

— Пожалуйста, Эдмунд, уходите. Вам незачем сюда приходить.

— А вот и неправда! — торжествующе провозгласил Эдмунд. — Вот и *есть* зачем. Миссис Лукас позвонила сегодня маме и сказала, что у нее полно кабачков.

— Их и правда пропасть.

— И спросила, не хотим ли мы поменять горшочек меда на кабачки.

— Но это неравный обмен! Сейчас кабачки — совершенно неходкий товар, их у всех хоть отбавляй.

— Конечно. Поэтому миссис Лукас и позвонила. В прошлый раз, если мне не изменяет память, она предложила обменять снятое молоко[20], — представляете, *снятое* молоко — на зеленый салат. В самом начале сезона! Он тогда шел по шиллингу за пучок.

Филлипа промолчала.

Эдмунд полез в карман и извлек оттуда горшочек меда.

— Так что вот мое алиби. В самом широком и неоспоримом смысле слова. Если миссис Лукас ухитрится протиснуть свой бюст в дверь подсобки, я сообщу, что пришел насчет кабачков. А это отнюдь не праздное времяпрепровождение.

— Понятно.

— Вы читали Теннисона? — как бы между прочим поинтересовался Эдмунд.

— Не так уж много.

— А зря. Он скоро опять войдет в моду. Даже теперь по вечерам передают по радио *«Королевские идиллии»,* а не бесконечного Троллопа. Я всегда

---

[20] notes: 20

С н я т о е...м о л о к о — обезжиренное молоко.

считал, что Троллоп невыносимо слащав. Конечно, в небольших количествах его читать можно, но когда тебя им пичкают!.. Так вот о Теннисоне... Вы читали *«Мод»?*

— Когда-то давным-давно.

— Там есть такие строки. — Он процитировал, нежно глядя на Филлипу: — «Невинность и порок и холод совершенства — роскошное ничто». Это вы, Филлипа.

— Странный комплимент!

— А это и не комплимент. Я думаю, Мод запала бедняге в душу так же, как вы мне.

— Не болтайте чепухи, Эдмунд.

— Черт подери, Филлипа, почему вы такая? Что таится за вашими идеально правильными чертами? О чем вы думаете? Что *чувствуете?* Счастливы вы или несчастны? А может, напуганы? Или еще что-нибудь? Но хоть *что-то* вы же должны чувствовать!

Филлипа спокойно сказала:

— Что я чувствую — это мое дело.

— Но и мое тоже! Я хочу заставить вас говорить. Хочу знать, что творится в вашей безмятежной головке. Я имею *право* знать. Правда, имею. Я не хотел в вас влюбляться. Я хотел спокойно писать свою книгу. Прекрасную книгу о том, какие

люди несчастные. Очень ведь просто разглагольствовать с умным видом о том, какие все вокруг несчастные. Это становится привычкой. Да-да, я убедился... после того, как прочел про жизнь Берн-Джонса.

Филлипа оторвалась от работы и уставилась на него, удивленно наморщив лоб.

— При чем тут Берн-Джонс?

— При том. Когда прочтешь про прерафаэлитов, начинаешь понимать, что такое мода. Они были ужасно жизнерадостные, говорили на сплошном жаргоне, смеялись, шутили и уверяли, что жизнь прекрасна. Но это тоже было данью моде. Они были не жизнерадостней или счастливей нас. А мы ничуть не несчастней их. Все это мода, поверьте. После войны мы помешались на сексе. А теперь нам этот бзик надоел. А впрочем, не важно. Почему мы об этом заговорили? Я же начал про нас с вами. Только у меня язык присох к нёбу. А все потому, что вы не хотите мне помочь.

— Что вам от меня нужно?

– *Скажите!* Ну скажите же! Это из-за мужа? Вы обожали его, а теперь он умер, и вы спрятались, словно улитка, в свою раковину? Из-за него? Что ж, прекрасно, вы его обожали, а он умер. Но другие женщины тоже потеряли мужей, — очень

многие, — и некоторые из них любили своих мужей. И что же они расскажут тебе об этом в баре, немного поплачут, когда напьются, а потом лягут с тобой в постель, чтобы утешиться. Наверно, так можно утешиться. Вы переживете это, Филлипа. Вы молоды, чертовски привлекательны, и я люблю вас до безумия. Расскажите, расскажите о вашем муже! Черт бы его побрал!

— Что тут рассказывать? Мы встретились и поженились.

— Вы были очень молоды?

— Слишком.

— Значит, вы не были счастливы? *Продолжайте,* Филлипа.

— Да продолжать-то нечего. Мы поженились. Были счастливы, как, наверное, большинство людей. Родился Гарри. Рональд уехал за границу. Его... его убили в Италии.

— И остался Гарри?

— Остался Гарри.

— Мне нравится Гарри. Он славный мальчик. И я ему тоже нравлюсь. Мы с ним поладим. Ну как, Филлипа? Давайте поженимся, а? Вы можете продолжать садовничать, а я — писать книгу. А в праздники мы работать не будем, будем развлекаться. Действуя тактично, мы могли бы

отделиться от мамы. Она будет подкидывать нам деньжат, чтобы поддержать обожаемого сынулю. Я иждивенец, пишу дрянные книжки, у меня плохое зрение, и я болтлив. Вот худшие из моих недостатков. Может, попробуем, а?

Филлипа подняла глаза. Перед ней стоял высокий, весьма серьезный молодой человек в больших очках. Его пшеничные волосы разлохматились, а глаза смотрели ободряюще и дружелюбно.

— Нет, — сказала Филлипа.

— Это ваш окончательный ответ?

— Окончательный.

— Почему?

— Вы обо мне ничего не знаете.

— И это все?

— Нет. Вы вообще ни о чем ничего не знаете.

Эдмунд немного подумал.

— Возможно, но кто знает? Филлипа, моя обожаемая Филлипа...

Он осекся, вдруг услышав быстро приближающееся визгливое тявканье.

И тогда он тут же стал декламировать:

— «И болонки на закате так резвились и играли... (Только сейчас всего лишь одиннадцать утра.) Фил, Фил, Фил, Фил! — Они тявкали и зва-

ли...» Ваше имя плохо вписывается в размер. Может, у вас есть другое?

— Джоан. *Пожалуйста,* уходите. Это миссис Лукас.

– *Джоан, Джоан, Джоан, Джоан...* Лучше, но не намного.

— Миссис Лукас...

— О *черт!* — выругался Эдмунд. — Ладно, давайте ваши проклятые кабачки.

II

Литтл-Паддокс остался на попечение сержанта Флетчера.

У Мици был выходной. В такие дни она всегда уезжала с одиннадцатичасовым автобусом в Меденхэм-Уэллс. С разрешения мисс Блеклок сержант Флетчер осматривал дом. Сама же мисс Блеклок с Дорой отправились в деревню.

Флетчер работал рьяно. Итак, кто-то смазал дверные петли, чтобы незаметно покинуть гостиную, едва погаснет свет... Мици эта дверь не понадобилась бы, а значит, служанка исключалась.

«Кто же тогда? Соседи, — думал Флетчер, — тоже исключаются». Он не мог себе представить, как они ухитрились бы смазать петли. Остава-

лись Патрик и Джулия Симмонс, Филлипа Хаймс и, возможно, Дора Баннер. Симмонсы сейчас были в Мильчестере. Филлипа Хаймс на работе. Сержанту Флетчеру выпала возможность все хорошенько осмотреть. Но в доме все оказалось в полном порядке — комар носу не подточит. Флетчер, прекрасно разбиравшийся в электричестве, не смог обнаружить ни в проводке, ни в розетках, ни в выключателях никаких изъянов. Как и отчего погас свет — продолжало оставаться тайной.

При беглом осмотре комнат, к сожалению, тоже не обнаружилось ничего интересного. В комнате Филлипы Хаймс висели фотографии маленького мальчика с серьезными глазами, хранился еще один снимок — тот же ребенок в младенчестве, пачка писем, которые он прислал из школы, и пара театральных программок. Ящик стола в комнате Джулии ломился от моментальных снимков юга Франции. Купающиеся люди, виллы под сенью мимоз... Патрик хранил какие-то мелочи в память о службе на флоте. У Доры Баннер тоже нашлись какие-то безделушки, с виду совершенно невинные.

«И все-таки — кто-то из домашних смазал петли на той двери». Раздумья Флетчера прервал шум внизу. Он быстро подошел к краю лестницы.

Через холл шла миссис Светтенхэм с корзинкой в руке. Заглянула в гостиную, пересекла холл и направилась в столовую. Вышла она оттуда уже без корзинки.

Сержант Флетчер пошевелился, половица скрипнула, и миссис Светтенхэм обернулась. Задрав голову, она спросила:

— Это вы, мисс Блеклок?

— Нет, это я, миссис Светтенхэм, — сказал Флетчер.

Миссис Светтенхэм слабо вскрикнула:

— Боже! Как вы меня напугали. Я подумала: еще один грабитель!

Флетчер спустился к ней.

— Похоже, дом не слишком защищен от грабителей, — сказал он. — И что, каждый вот так, запросто может прийти и уйти, когда ему вздумается?

— Я принесла айвы из нашего сада, — объяснила миссис Светтенхэм. — Мисс Блеклок хотела сварить айвовое желе, но у нее нет айвы. Я оставила корзинку в столовой.

Она улыбнулась.

— О, понимаю, вы хотите узнать, как я вошла? Очень просто — через черный ход. У нас так принято, сержант. Никому и в голову не приходит

запирать двери до темноты. И действительно, как было бы неудобно, если бы ты не мог принести и оставить, что нужно. Прошли те времена, когда на звонок выходил слуга и спрашивал, что вам угодно. — Миссис Светтенхэм вздохнула. — Помню, в Индии, — печально продолжала она, — мы держали восемнадцать слуг, восемнадцать! Не считая няню-туземку. Это само собой. А когда я была маленькая, у нас дома всегда крутилось трое слуг, и при этом мама считала нас страшно нищими, потому что мы не могли позволить себе нанять кухарку. Должна признаться, сержант, теперешняя жизнь кажется мне очень странной, хотя, конечно, грех жаловаться. Шахтерам, к примеру, живется куда хуже, они вечно болеют этим пситасикозом (кажется, это от птичек передается?)[21], им, бедненьким, приходится бросать шахту и наниматься в садовники, хотя они не в состоянии отличить сорняк от шпината.

Потом она добавила, направляясь к выходу:

— Не смею вас больше задерживать. У вас, наверно, уйма работы. А вы что — ждете еще каких-нибудь неприятных сюрпризов?

---

[21] notes: 21

Здесь героиня путает два совершенно разных заболевания: п с и т а к о з — вирусное заболевание у птиц и с и л и к о з — хроническое легочное заболевание, вызываемое длительным вдыханием кремниевой пыли.

— Почему вы спрашиваете, миссис Светтенхэм?

— Да просто так. Увидела вас тут и подумала: наверное, все-таки *шайка* орудует. Вы скажете мисс Блеклок про айву, хорошо?

Миссис Светтенхэм ушла. А Флетчер стоял, будто громом пораженный. Совсем недавно он считал, что дверь смазал кто-то из домочадцев. Теперь он понял, что заблуждался. Постороннему стоило лишь дождаться, пока Мици уедет на автобусе, а Летиция с Дорой Баннер уйдут. Все было проще простого. И значит, ни одного из тех, кто присутствовал тогда в гостиной, из подозреваемых исключать было нельзя.

III

— Мергатройд!

— Да, Хинч?

— Знаешь, я тут все думала-думала...

— И что?

— Да уж пришлось поломать голову. Так вот, Мергатройд, то, что случилось тогда вечером, — сплошная липа.

— Липа?

— Ага. Ну-ка подбери волосы и возьми совок. Представь себе, что ты держишь пистолет.

— Ой! — занервничала мисс Мергатройд.

— Так. Да не бойся ты, он не кусается. Теперь подойди к двери. Ты грабитель. Стань *там.* А сейчас ты должна войти на кухню и проделать все эти глупости. Возьми фонарик. Включи его.

— Но как же... среди бела дня?

— А воображение у тебя на что, Мергатройд. Давай включай.

Мисс Мергатройд, зажав фонарь под мышкой, довольно неуклюже проделала все манипуляции.

— Так, — сказала мисс Хинчклифф, — поехали! Вспомни, как ты в Институте благородных девиц играла Гермию из *«Сна в летнюю ночь».* Играй же! Вложи всю душу. «Руки вверх!» — вот твоя реплика, и не вздумай портить ее никакими «пожалуйста».

Мисс Мергатройд послушно подняла фонарик и, размахивая совком, двинулась к кухонной двери.

— Руки вверх! — пискнула она и огорченно добавила: — Господи, как все это трудно, Хинч!

— Почему?

— Из-за вертящейся двери. Она, того и гляди, ударит, а у меня обе руки заняты.

— То-то и оно, — торжествующе воскликнула

мисс Хинчклифф, — а в гостиной Литтл-Паддокса дверь тоже постоянно захлопывается. Хоть она и не вертящаяся, как у нас, а все равно ходит ходуном. Потому-то Летти Блеклок и купила отличный дверной фиксатор у Эллиота с Хай-стрит. Никогда ей не прощу, что она меня обскакала. Я уже почти сторговалась с этим старым болваном Эллиотом. И вот когда он наконец готов был сбавить цену с восьми гиней[22] до шести фунтов десяти шиллингов, является Блеклок и покупает у него этот проклятый фиксатор. В жизни не видела стеклянного шара такого размера!

— Может, грабитель тоже вставил в дверь фиксатор, чтобы она не закрывалась?

— Да ты в своем уме, Мергатройд? Как бы он исхитрился? Распахнул бы дверь, сказал: «Подождите минуточку», нагнулся, поставил фиксатор, а потом перешел бы к делу и выкрикнул: «Руки вверх»? А теперь попытайся-ка придержать дверь плечом.

— Все равно очень неудобно, — пожаловалась мисс Мергатройд.

— Вот и я о том же, — сказала мисс Хинчклифф.

---

[22] notes: 22

Г и н е я — денежная единица, равная 21 шиллингу; применялась до 1971 года; первоначально чеканилась из золота, привозимого из Гвинеи, отсюда и название.

— Пистолет, фонарь да еще и дверь придерживать — не слишком ли много для одного человека? А если много, то что из этого следует?

Мисс Мергатройд даже не попыталась ничего предположить, а лишь вопрошающе и восхищенно взглянула на подругу, ожидая, что та ее просветит.

— Мы знаем, что у него был пистолет, поскольку он из него стрелял — сказала мисс Хинчклифф. — И фонарик, поскольку все его видели, если только это не массовый гипноз... ну вспомни нудные индийские байки старого Истербрука о трюках с канатами... Значит, вопрос стоит так: придерживал ли кто-нибудь ему дверь?

— Но кто?

— Да хотя бы *ты*, Мергатройд. Насколько я помню, ты стояла как раз за дверью, когда погас свет. — Мисс Хинчклифф добродушно рассмеялась. — А ты ведь крайне подозрительная личность, а, Мергатройд? Но кто додумается обратить на тебя внимание? Ладно, давай сюда совок: слава богу, это не настоящий пистолет, а то ты бы сейчас застрелилась!

IV

— Странно, крайне странно, — пробормотал полковник Истербрук. — Крайне странно.

— В чем дело, милый?

— Поди-ка сюда на минуточку.

— Что случилось, милый?

Миссис Истербрук появилась в дверях гардеробной.

— Помнишь, я показывал тебе пистолет?

— Да, Арчи, такую мерзкую черную штуковину.

— Ну. Сувенир из Венгрии. Он лежал в этом ящике, помнишь?

— Помню.

— А теперь его тут нет.

— Как *странно,* Арчи!

— Ты его не трогала?

— Ты что, я даже прикоснуться к нему боюсь!

— Может, это старая грымза, как бишь ее...

— Да нет! Миссис Батт в жизни бы такого не сделала. Спросить у нее?

— Не надо. А то разговоры пойдут... Лучше скажи, ты помнишь, когда я тебе его показывал?

— Где-то неделю назад. Ты ворчал, что тебе плохо постирали воротнички в прачечной, вы-

двинул ящик, а там в глубине лежал пистолет, и я спросила, что это.

— Точно. Где-то неделю тому назад. А числа не припомнишь?

Миссис Истербрук задумалась, она закрыла глаза, лицо выдавало напряженную работу мысли.

— Ну да, — воскликнула она, — в субботу! Мы еще собирались пойти в кино, но не пошли.

— Гм... а ты уверена, что не раньше? Может, в пятницу или даже на позапрошлой неделе?

— Нет, милый. Я *прекрасно* помню. Это было тридцатого, в субботу. Просто из-за того несчастья кажется, что все было так давно. Я даже скажу тебе, почему могу точно назвать дату. Это случилось на следующий день после налета. Я увидела пистолет, и он напомнил мне вчерашнюю пальбу.

— Уф, — сказал полковник Истербрук, — прямо гора с плеч свалилась.

— Но почему, Арчи?

— А потому, что если бы пистолет исчез перед налетом, то его мог стащить проходимец Шерц.

— Но откуда ему было знать про твой пистолет?

— Эти гангстеры добывают сведения самыми невероятными способами. Они все про всех

знают.

— Какой ты умный, Арчи!

— Ха! Да уж кое-что повидал на своем веку. Но раз ты точно помнишь, что видела пистолет после налета, тогда все в порядке. Ведь не мог же он стрелять из моего пистолета?

— Конечно нет.

— Слава богу. А то пришлось бы заявлять в полицию и отвечать на всякие неприятные вопросы. Никуда не денешься. А я в свое время не удосужился получить разрешение на ношение оружия... После войны было как-то не до законов мирного времени. Я относился к пистолету как к реликвии, а не как к огнестрельному оружию.

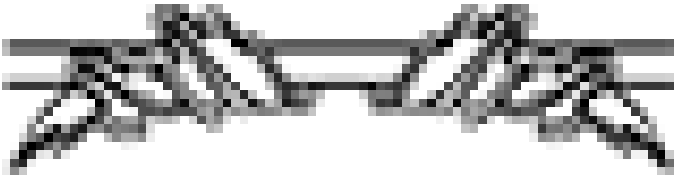
— Понимаю.

— Но все же куда запропастилась эта проклятая штуковина?

— Может, его все-таки миссис Батт взяла? Правда, она всегда казалась мне порядочной женщиной, но, наверное, после налета она занервничала и решила, что пистолет в доме не помешает. Хотя, конечно, она никогда не сознается. Да я и спрашивать не буду. Она ведь может обидеться. А куда мы без нее? Дом такой большой... я одна просто не справлюсь.

— Конечно, — согласился полковник, — лучше

ничего не говорить.



Глава 13

УТРЕННИЕ ХЛОПОТЫ В ЧИППИНГ-КЛЕОРНЕ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Мисс Марпл вышла из ворот дома викария и двинулась по переулку, ведущему на главную улицу.

Она шла очень быстро, опираясь на толстую палку преподобного Джулиана Хармона.

Миновав бар «Рыжая корова» и лавку мясни-

ка, она на минутку остановилась взглянуть на витрину антикварного магазинчика мистера Эллиота, который был удачно расположен рядом с чайной «Синяя птица» и кафе, так, чтобы богатые автомобилисты, остановившись выпить чашку чаю и съесть нечто сомнительное ядовито-шафранового цвета, именуемое «домашними пирожными», не могли бы устоять перед искушением заглянуть в витрину его лавчонки. Оформляя старинную витрину-эркер, предусмотрительный мистер Эллиот постарался угодить на все вкусы. Тут были две вещицы вотерфордского стекла, стоявшие на ведерке для льда. Бюро орехового дерева с инкрустацией рекламировалось как «стоящее приобретение», на столике, который стоял рядом, красовались дешевые дверные молотки, причудливые талисманы, несколько треснувших чашек дрезденского фарфора, пара жалких бисерных бус, кружка с надписью «Подарок из Танбридж-Уэллса» и кое-какие серебряные безделушки викторианской поры.

Не успела мисс Марпл оглядеть витрину, как мистер Эллиот, тучный пожилой паук, уже начал прикидывать материальные возможности новой «мушки».

Но как раз когда он решил, что гостья из до-

мика викария (а мистер Эллиот, подобно всем в округе, прекрасно знал, кто такая мисс Марпл) не устоит перед прелестями «Подарка из Танбридж-Уэллса», мисс Марпл краем глаза заметила, что в «Синюю птицу» входит Дора Баннер, и подумала, что столь ветреным утром отнюдь не помешает выпить чашечку кофе.

В кафе уже расположилось несколько дам, подслащивавших себе утреннюю беготню по магазинам. Мисс Марпл, слегка прищурившись, вглядывалась в полумрак «Синей птицы» и искусно разыгрывала легкое замешательство. Внезапно у нее над ухом раздался голос Доры Баннер:

— Доброе утро, мисс Марпл. Подсаживайтесь ко мне. Я одна.

— Спасибо.

Мисс Марпл благодарно опустилась на неуклюжее фирменное кресло синего цвета.

— Такой резкий ветер, — пожаловалась она, — а я не могу идти побыстрее — из-за ревматизма.

— Я вас так понимаю. В прошлом году меня прихватил ишиас — так это была просто *пытка.*

Дамы принялись жадно обсуждать свои болячки: ревматизм, ишиас и неврит. Хмурая девица в розовом халате с аппликацией из синих птиц,

зевая, приняла заказ на кофе и пирожные. Вид у нее был устало-терпеливый.

— Здесь *прекрасные* пирожные, — заговорщицки прошептала мисс Баннер.

— Меня заинтересовала прехорошенькая особа, которую мы встретили, уходя от мисс Блеклок, — начала мисс Марпл. — Кажется, она ухаживает за цветами или работает в поле. Как ее зовут? Хаймс?

— Да-да, Филлипа Хаймс. Мы прозвали ее «наша квартирантка». — Мисс Баннер рассмеялась собственной шутке. — Приятная женщина, очень спокойная. Настоящая *леди,* ну, вы понимаете, о чем я...

— Любопытно. А я знавала одного полковника Хаймса, он служил в индийской кавалерии. Может, ее отец?

— Она Хаймс *по мужу.* Вдова. Ее мужа убили где-то в Италии — то ли в Сицилии, то ли еще где... Ваш знакомый мог быть отцом ее мужа.

— А нет ли у нее небольшого романчика? — лукаво предположила мисс Марпл. — С тем высоким юношей?

— С Патриком? Вы думаете? Нет, мне кажется...

— Я имела в виду юношу в очках. Я его тут както видела...

— Ах, вы об Эдмунде Светтенхэме! Тсс... Вон там в углу сидит его мать, миссис Светтенхэм. Право, не знаю. Вы думаете, Филлипа ему нравится? Он такой странный, порой говорит совершенно неслыханные вещи. И его почему-то считают *умным,* — сказала мисс Баннер с явным неодобрением.

— Ум — это еще не все, — с готовностью заметила мисс Марпл. — А вот и наш кофе.

Хмурая девица грохнула на стол поднос. Мисс Марпл и мисс Баннер принялись потчевать друг друга пирожными.

— Как интересно, что вы с мисс Блеклок вместе учились в школе. Вот уж действительно, дружба проверенная временем.

— Правда, — вздохнула мисс Баннер. — Мало кто так верен друзьям, как дорогая мисс Блеклок. Боже, как же давно это было! Такая хорошенькая девушка, она так любила жизнь! Как все это *грустно!*

Мисс Марпл вздохнула и покачала головой, хотя абсолютно не понимала, что же здесь грустного.

— Жизнь тяжела, — пробормотала она.

– *«И бремя печалей на сердце легло»,* — прошептала Мисс Баннер, глаза ее затуманились

от слез. — Я всегда вспоминаю это стихотворение. Истинное терпение, истинное смирение. Такое мужество и стойкость *должны* быть вознаграждены. Мисс Блеклок достойна величайшего счастья.

— Деньги, — сказала мисс Марпл, — могут существенно облегчить жизнь.

Она со спокойным сердцем позволила себе отпустить это замечание, поскольку считала, что мисс Баннер намекает на изобилие в доме мисс Блеклок в ближайшем будущем. Однако мисс Баннер вдруг резко настроилась на совсем другой лад.

— Деньги! — с горечью воскликнула она. — Знаете, что я думаю? По-настоящему понять, что значат деньги, а скорее даже их отсутствие, можно только на собственном опыте.

Мисс Марпл сочувственно закивала.

Мисс Баннер продолжала:

— Я часто слышала, как люди говорят: «Лучше вообще не обедать, чем обедать без цветов на столе». Но приходилось ли им сидеть без обеда? Они и представить себе не могут, что это значит, такое надо пережить самому... Голод. Каково оно... когда у тебя только банка паштета и остатки маргарина... И ты годами сидишь на этом и

сходишь с ума, мечтая о хорошем куске мяса с овощами. А одежда! Штопаная-перештопаная, живого места не осталось, а все убеждаешь себя, что незаметно. А поиски работы! И везде тебе говорят, что ты слишком стара. А когда вдруг подворачивается место, силы уже не те. Однажды ты падаешь в обморок и снова оказываешься на улице. А *квартплата!* Вечная *квартплата...* И обязательно *надо* заплатить вовремя, не то тебя выселят. На жизнь остается совсем чуть-чуть, цены-то кусаются! На одну пенсию не очень-то разживешься, не очень.

— Понимаю, — сочувственно сказала мисс Марпл.

— Я написала Летти. Случайно увидела ее имя в газете. Там говорилось про благотворительный завтрак в пользу мильчестерской больницы. Так прямо черным по белому и стояло: «Мисс Летиция Блеклок». И я вдруг вернулась в прошлое. Я сто лет ничего о ней не слышала. Она работала секретаршей у одного очень богатого человека, наверное, вы знаете, Гедлера. Летти была умной девушкой, из тех, кто преуспевает в жизни, не очень хорошенькой, но зато с *сильной волей.* Ну, я и подумала... подумала, что, может, она помнит меня... ведь она единственная, кого я *могла* по-

просить о небольшой услуге. Я хочу сказать... те, кого знаешь с детства, с кем училась в школе, они ведь не подумают про тебя плохо, не решат, что ты попрошайка, вымогающая в письмах деньги.

На глаза Доры Баннер навернулись слезы.

— А потом приехала Лотти и забрала меня... она сказала, ей нужна помощница по дому. Конечно, я очень *удивилась*... но в газетах часто все перевирают... А столько в ней доброты, сочувствия! И она так хорошо помнит старые времена. Я на все для нее готова, на все. И я очень стараюсь, но, боюсь, подчас я многое путаю... память не та стала. Я ошибаюсь. Все на свете забываю и говорю глупости. Но она — само терпение. И что самое трогательное — она постоянно делает вид, будто ей от меня польза. Ведь это истинная доброта, правда?

— Да, это истинная доброта, — ласково подтвердила мисс Марпл.

— Я все время волновалась, с тех пор как приехала в Литтл-Паддокс: что будет со мной, если с мисс Блеклок что-нибудь случится? Ведь вокруг столько опасностей, машины носятся как угорелые, никто не застрахован, правда? Но, разумеется, я *ничего* не говорила Летти, хотя она, вероятно, догадывалась. Наверняка даже, потому

что однажды сказала, что оставит мне небольшой годовой доход и — что для меня куда более ценно — всю свою чудесную обстановку. Я была совершенно *потрясена.* Но она сказала, что никто не умеет ценить вещи так, как я, и это правда... я просто из себя выхожу, если на моих глазах бьют фарфор или оставляют на столе следы от мокрых стаканов. Я действительно забочусь о ее вещах. Тут у нас некоторые, да, именно «некоторые», относятся к ее вещам наплевательски, чтобы не сказать хуже. Я вовсе не так глупа, как кажется, — простодушно продолжала мисс Баннер. — И прекрасно вижу, как Летти обводят вокруг пальца. Кое-кто, не буду называть имен, занимается *чистым надувательством.* Наша дорогая мисс Блеклок излишне *доверчива.*

Мисс Марпл сокрушенно покачала головой:

— Доверчивость — вещь опасная.

— Да, вот именно. Мы-то с вами, мисс Марпл, знаем жизнь. А мисс Блеклок...

Мисс Марпл подумала, что мисс Блеклок, бывшая секретарша крупного финансиста, тоже должна бы знать жизнь. Но, вероятно, Дора Баннер хотела сказать, что Летти Блеклок всегда жила в комфорте, а люди, привыкшие жить в довольстве, не знают бездн человеческой души.

— Ох уж этот Патрик! — вдруг воскликнула мисс Баннер, да так неожиданно, что мисс Марпл подскочила. — Насколько мне известно, он, по крайней мере, дважды вытягивал из нее деньги. Прикинулся, будто попал в передрягу. Залез в долги. В общем, песенка обычная. А Летти слишком щедрая. На мои упреки знай отвечает: «Мальчик молод, Дора. В юности можно и побезумствовать».

— Что ж, в этом есть доля истины, — сказала мисс Марпл. — Тем более он такой красивый молодой человек.

— Человек красен делами, — возразила Дора Баннер. — А он очень любит поднимать всех на смех. И, наверно, чересчур увлекается девушками. Я, например, для него только объект для насмешек, не больше. Ему, по-моему, и в голову не приходит, что у других людей тоже есть какие-то чувства.

— Молодежь *частенько* этим грешит, — сказала мисс Марпл.

Мисс Баннер вдруг подалась вперед с таинственным видом.

— Вы ведь никому не расскажете, правда, дорогая? — спросила она. — Понимаете, я никак не могу избавиться от ощущения, что он *замешан* в

той жуткой истории. Я думаю, или он, или Джулия были знакомы с тем молодым человеком. Мисс Блеклок я, конечно, даже и не заикаюсь, она устроит мне выволочку — ведь он ее *племянник*. Но раз тот швейцарец застрелился, Патрик должен ведь чувствовать какую-то ответственность, правда же? То есть если он его подбил, конечно. В общем, я совсем запуталась. И все столько шумят о второй двери в гостиную! А меня другое беспокоит: то, что сыщик сказал, будто петли смазали. Потому что, понимаете, я видела...

Она запнулась.

Мисс Марпл молчала, подбирая нужные слова.

— Да, сложное положение, — сочувственно сказала она. — Естественно, вы не хотите, чтобы дело дошло до полиции.

— Вот именно! — вскричала Дора Баннер. — Я ночи напролет лежу и думаю... понимаете, я тут на днях натолкнулась в кустах на Патрика. Я искала яйца, одна наша курица несет яйца прямо в саду, а он стоял там и держал в руках перышко и баночку из-под масла. Увидев меня, отскочил с виноватым видом и сказал: «Я вот как раз думал: откуда это взялось?» Он, конечно, парень сообразительный. Наверное, на ходу придумал, когда я его застукала. Да и вообще, сами посудите,

как можно найти такое в кустах, если не искать намеренно, если не знать, что это — там! Но, конечно, я ничего не сказала. Однако я так на него *посмотрела!* Ну, вы понимаете...

Дора Баннер протянула руку и отщипнула кусочек розово-рыжеватого, совсем как лососина, пирожного.

— А в другой раз я случайно услышала их очень странный разговор с Джулией. Они вроде бы ссорились. Он сказал: «Если бы я знал, что ты с этим связана!» А Джулия, всегда такая спокойная, ему в ответ: «Ну и что ж, мой милый братец, ты собираешься теперь делать?» Но тут, *как назло,* скрипнула половица, и они меня заметили. Мне ничего не оставалось, как самым шутливым тоном спросить: «Да вы, как видно, ссоритесь?» А Патрик сказал: «Я убеждаю Джулию не связываться с продавцами на черном рынке». У него очень ловко получилось, но я не поверила. И еще я считаю, что с лампой в гостиной что-то сделал Патрик. Это его рук дело, я ведь прекрасно помню, что там была пастушка, а *не* пастушок. А на следующий день...

Она осеклась и покраснела. Обернувшись, мисс Марпл увидела, что сзади стоит мисс Блеклок... должно быть, она только что вошла.

— Попиваем кофе и сплетничаем, Банни? — спросила мисс Блеклок, и в голосе ее прозвучал укор. — Доброе утро, мисс Марпл. Сегодня очень свежо, правда?

— Мы как раз говорили, что сейчас столько новых правил и ограничений, — поспешно заявила мисс Баннер. — Что всего и не упомнишь.

Дверь с грохотом распахнулась, и в «Синюю птицу» влетела Банч Хармон.

— Привет, — сказала она. — Я опоздала?

— Ну, почему же, дорогая, — сказала мисс Марпл. — Садись, выпей кофейку.

— Мы должны идти, — сказала мисс Блеклок. — Ты все купила, что нужно, Банни?

Она говорила вполне милостивым тоном, но в глазах еще таился упрек.

— Да-да, спасибо, Летти. Я только забегу по пути в аптеку, куплю аспирин и лейкопластырь.

Когда дверь за ними закрылась, Банч спросила:

— О чем вы беседовали?

Мисс Марпл ответила не сразу. Она подождала, пока у Банч приняли заказ, и только потом сказала:

— Семейная сплоченность — очень серьезная вещь. Очень. Помнишь одно нашумевшее

дело? Не помню точно чье. Говорили, что один джентльмен отравил жену. Подсыпал яд в бокал с вином. Но на суде дочь показала, что полбокала выпила она, и все доводы обвинения разлетелись в пух и прах. Говорят, — но, может, это лишь слухи, — будто она с тех пор не обмолвилась с отцом ни единым словом и ни разу не ночевала с ним под одной крышей. Но, конечно, отец — одно, а племянник или дальний родственник — совсем другое. И все-таки никому не хочется, чтобы кого-нибудь из его семьи повесили, да?

— Естественно, — задумчиво протянула Банч.

Мисс Марпл откинулась на спинку кресла и еле слышно пробормотала:

— Все люди очень похожи друг на друга.

— А на кого похожа я?

— Ты-то как раз на саму себя. Ты мне никого особо не напоминаешь. Разве что...

— Начинается! — воскликнула Банч.

— Да нет, дорогая, я просто подумала о своей горничной.

— О горничной? Из меня вышла бы ужасная горничная.

— Из нее тоже. Она совершенно не умела прислуживать за столом. Устраивала кавардак, клала кухонные ножи вперемежку со столовыми, а ее

чепчик (это было очень давно, моя милая, тогда горничные носили специальные головные уборы) всегда сидел набекрень.

Банч машинально поправила шляпку.

— Ну, а еще что? — тревожно спросила она.

— Но я держала эту горничную, потому что с ней было хорошо, и вдобавок она меня смешила. Мне нравилось, что она все говорила напрямик. Пришла как-то раз и заявляет: «Не знаю, мэм, но по тому, как Флорри сидит, похоже, она уже не девица». И разумеется, Флорри действительно оказалась в интересном положении из-за одного подмастерья-парикмахера. По счастью, это случилось в старые добрые времена, и я могла с ним потолковать и все уладить. Они сыграли прелестную свадьбу и зажили очень счастливо. Флорри была хорошей девушкой, но чересчур падкой на красивых мужчин.

— Но она никого не убила, правда? — спросила Банч. — Я про горничную.

— Нет, конечно, — ответила мисс Марпл. — Она вышла замуж за баптистского священника, у них пятеро детей.

— Совсем как я, — воскликнула Банч. — Правда, пока что у меня только Эдвард и Сьюзен.

Помолчав некоторое время, она добавила:

— А сейчас вы о ком думаете, тетя Джейн?

— О многих, — неопределенно откликнулась мисс Марпл.

— В Сент-Мэри-Мид?

— В основном... В частности, я думала о сестре Эллертон, воплощенной добродетели. Она ухаживала за одной старой дамой, души в ней не чаяла. Потом старушка скончалась. Сестра Эллертон стала ухаживать за другой, *та* тоже умерла. От морфия. Все выплыло наружу. Истинная доброта. Проделала все с удивительным добросердечием и, что самое возмутительное, так и не осознала, что поступила дурно. «Все равно им недолго оставалось жить, — сказала она, — у одной был рак, и бедняжка ужасно страдала».

— Значит, сестра Эллертон убивала из милосердия?

– *Нет-нет.* Они переводили на ее имя деньги. Видишь ли, она любила деньги... А еще был один молодой человек, *племянник* миссис Пьюси, которая держала магазин канцтоваров. Он приносил домой наворованное и просил продать. Говорил, что купил за границей. Заморочил тетке голову. А когда полиция заинтересовалась и стала докапываться до истины, попытался проломить бедняжке череп, чтобы она не смогла его выдать...

Не очень приятный юноша, но зато какой красавец! Две девушки были в него влюблены. На одну из них он просадил кучу денег.

— Наверно, на самую противную, — предположила Банч.

— Да, дорогая. А потом была еще миссис Крей, торговка шерстью. Обожала своего сына и, конечно, его испортила. Он впутался в очень темное дело. Банч, а ты помнишь Джоан Крофт?

— Н-нет, вроде бы нет.

— Я думала, может, ты ее видела, когда мы ходили в гости. Она обычно гордо восседала с сигарой или трубкой в зубах. Как-то на банк напали налетчики, а Джоан Крофт как раз там оказалась. Она сбила бандюгу с ног и отобрала пистолет. За мужество суд объявил ей благодарность.

Банч, казалось, ловила каждое слово.

— Ну, и что дальше? — допытывалась она.

— А помнишь ту женщину, которая жила как-то летом в Сент-Жан-де-Коллен? Такая спокойная... скорее даже молчаливая. Всем она нравилась, но никто не мог сойтись с ней поближе... Потом мы узнали, что у нее муж — *фальшивомонетчик.* Из-за него она чувствовала себя как бы отрезанной от мира. В конце концов она стала немножко странной. С теми, кто слишком много думает,

это бывает.

— А в ваши воспоминания не затесался какой-нибудь полковник, служивший в Индокитае?

— Как же не затесался, моя милая?! В Ларчесе жил полковник Вон, а в Симла-Лодж — полковник Райт. За ними я ничего плохого не замечала. Но вот мистер Ходсон, управляющий банком, поехал как-то в кругосветное путешествие и женился на женщине, которая годилась ему в дочери. Он и понятия не имел, кто она и откуда... Верил тому, что она о себе рассказывала.

— А она говорила неправду?

— Да, врала буквально на каждом шагу.

— Недурно, — кивнула Банч и распрямила пальцы, которые загибала по ходу рассказа. — Мы имеем преданную Дору, красавца Патрика, миссис Светтенхэм и Эдмунда, Филлипу Хаймс, полковника и миссис Истербрук. Кстати, насчет *нее* вы, по-моему, совершенно правы. Но только зачем ей убивать Летти Блеклок?

— Мисс Блеклок может знать что-нибудь о ее прошлом.

— Романтическая история в духе миссис Танкрей? Нынче такого не бывает!

— А может, и бывает. Видишь ли, Банч, ты из тех, кто не очень обращает внимание на обще-

ственное мнение.

— Я понимаю, о чем вы, — внезапно сказала Банч. — Если долго бедствуешь, а потом вдруг, как бездомная намерзшаяся кошка, обретаешь теплый дом и сметанку на блюдечке, и тебя ласкают и называют котеночком, и решают все твои проблемы... Тут на все пойдешь, лишь бы это сохранить... Да, должна признать, вы нарисовали полную галерею человеческих характеров.

— Правда, ты не всех правильно расставила по местам, — сказала мисс Марпл.

— Разве? А где я ошиблась? С Джулией? *«Джулия томная — особа темная».*

— Три шиллинга шесть пенсов. — Хмурая официантка неожиданно вынырнула из полумрака. — И скажите на милость, миссис Хармон, — прибавила она, и грудь ее под синими пташками заходила ходуном, — почему вы назвали меня «темной особой»? Правда, у меня была тетя, которая вступила в секту «Особенный народ», но я всегда была правоверной англичанкой, преподобный Хопкинсон может это подтвердить.

— Ради бога, извините меня, — сказала Банч. — Я просто процитировала песенку. И вовсе не имела в виду вас. Я даже не знала, что вас зовут Джулией.

— А, ну тогда совпадение, — сказала, сразу оттаяв, официантка. — Я, конечно, не думала, что вы хотите меня обидеть, но вы тоже меня поймите... я услышала свое имя и решила, что это обо мне. А если вам кажется, что речь идет о вас, то вполне естественно подойти и послушать. Спасибо.

Она взяла чаевые и удалилась.

— Тетя Джейн, — сказала Банч, — не надо так расстраиваться. Что случилось?

— Нет-нет, — пробормотала мисс Марпл. — Не может быть. Для этого *нет оснований.*

— Тетя Джейн!

Мисс Марпл вздохнула, но тут же весело улыбнулась.

— Ничего, моя милая, — сказала она.

— Неужели вы догадались, кто убийца? — спросила Банч. — Кто?

— Понятия не имею. У меня мелькнула какая-то мысль, но тут же исчезла. Если б я знала! У нас ведь так мало времени. Катастрофически мало.

— Что значит «мало»?

— Старая дама из Шотландии может умереть в любую минуту.

Банч уставилась на нее.

— Вы что, и вправду верите в Пипа и Эмму? Значит, вы считаете, что это они... и что они по-

пытаются снова?

— Ну, конечно, попытаются, — ответила мисс Марпл с какой-то странной рассеянностью. — Если они попытались однажды, то почему бы не попробовать вновь? Когда решаешь кого-то убить, то не остановишься из-за того, что первая попытка сорвалась. Особенно если совершенно уверен, что ты вне подозрений.

— Но Пипом и Эммой, — сказала Банч, — *могут* быть только двое: Патрик и Джулия. Они брат с сестрой и примерно того же возраста.

— Ах, милая, если б все было так просто! Возможны любые варианты и комбинации. Это может быть жена Пипа, если он женат, или муж Эммы. У них есть мать... она хоть и не прямая наследница, но тоже сторона заинтересованная. Раз Летти Блеклок не видела ее тридцать лет, она вполне может ее сейчас не узнать. Пожилые женщины так похожи друг на друга! Вспомни: миссис Возерспун получала пенсию за себя и за миссис Бартлетт в то время, как миссис Бартлетт давным-давно умерла. Тем более мисс Блеклок близорука. Ты разве не замечала, как она щурится? А кроме того, существует еще и сам Стэмфордис. И по всей видимости, он большой мерзавец!

— Но он же иностранец!

— По происхождению — да. Но он вовсе не обязательно говорит на ломаном английском или бурно жестикулирует. Полагаю, он вполне достойно сыграл бы роль... скажем, полковника, служившего в Индии.

— Так вы считаете...

— Я ничего не считаю, моя милая, ей-богу, ничего. Просто я думаю, что здесь пахнет деньгами. Огромными деньгами. И боюсь, мне слишком хорошо известно, на какие ужасные преступления идут люди, лишь бы заполучить крупный куш.

— Да, пожалуй, вы правы, — сказала Банч. — Но ведь это не принесет им счастья, не так ли? В конечном итоге не принесет?

— Нет, но, как правило, люди этого не знают.

— А я могу их понять. — Внезапно Банч улыбнулась своей милой лукавой улыбкой. — Им кажется, жизнь станет совсем иной... Даже мне иногда так кажется. Убеждаешь себя, что, имея деньги, могла бы сделать столько добрых дел... Строишь планы... Детские дома... помощь многодетным матерям... можно еще организовать отдых за границей для пожилых женщин, которые много поработали на своем веку...

Лицо ее омрачилось, а глаза потемнели и стали страдальческими.

— Знаю, о чем вы думаете, — сказала она. — Вы думаете, что я еще хуже их. Потому что я себя по-детски обманываю. Те, кто хотят денег только для себя, прекрасно знают себе цену. Но начни притворяться, что хочешь совершать добро, и очень скоро убедишь себя, что ради благородных намерений не страшно даже кого-нибудь отправить на тот свет.

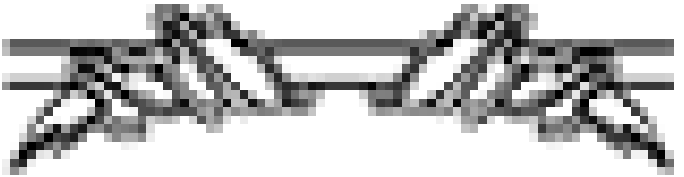
Тут ее взгляд прояснился.

— И все-таки я бы не стала, — сказала она. — Нет, честно, я бы никогда не смогла убить. Даже старика, или больного, или самого жуткого злодея в мире. Даже какого-нибудь шантажиста или... или самого последнего *подонка.* — Банч осторожно выудила из кофейной гущи муху и положила ее на столик обсыхать. — Ведь люди любят жизнь, правда? И мухи тоже. Даже старики или тяжелобольные, которые едва могут доковылять до ворот, чтобы погреться на солнышке. Джулиан говорит, такие люди любят жизнь еще больше, чем здоровые и молодые. Он говорит, им трудней умирать, и они сопротивляются еще отчаянней, чем мы. Я тоже люблю жить... не просто чувствовать себя счастливой, развлекаться, хорошо проводить время, а вообще *жить*... вставать и чувствовать каждой клеточкой, что я еще *здесь*,

что завод еще не кончился.

Она осторожно подула на муху, та задрыгала ножками и чуть погодя тяжело взлетела.

— Только не падайте духом, тетя Джейн, — сказала Банч. — *Я* никогда никого не убью.



Глава 14

ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ

Проведя ночь в поезде, инспектор Крэддок наконец сошел на маленькой станции в Хайлендсе.

Сначала он поразился тому, что богатая миссис Гедлер, имевшая дом в фешенебельном квартале Лондона, поместье в Хэмпшире и виллу на юге Франции, почему-то избрала для постоянного места жительства эту уединенную усадьбу на севере Шотландии. Ведь здесь она наверняка лишена общества и многих развлечений. Неужто

ей не одиноко? Или она настолько больна, что не обращает внимания на то, что творится вокруг?

Его ждала машина, большой старомодный «даймлер» с пожилым шофером. Утро было солнечное, и всю дорогу, все двадцать миль, инспектор наслаждался, хотя совсем недавно недоумевал, почему миссис Гедлер предпочла одиночество. Он заговорил с шофером, который частично объяснил ему что к чему.

— Она тут в детстве жила, сэр. Эх, она ведь последняя в роду. Им с мистером Гедлером было тут лучше всего; он, правда, редко когда мог вырваться из Лондона. Но уж если приезжал, они здесь резвились, точно дети малые.

Едва на горизонте показались стены средневековой крепости, Крэддок почувствовал, что время отступает назад. Его встретил пожилой дворецкий, а после того, как Крэддок умылся и побрился, его провели в комнату, где в старинном камине полыхало жаркое пламя и где был сервирован завтрак.

После завтрака появилась высокая пожилая женщина в медицинском халате; она назвалась сестрой МакКлелланд и разговаривала приветливо и со знанием дела.

— Моя подопечная готова принять вас, мистер

Крэддок. Она очень ждала встречи с вами.

— Постараюсь не волновать ее, — пообещал Крэддок.

— Однако лучше я заранее предупрежу вас о том, что произойдет. Сначала вам покажется что миссис Гедлер чувствует себя нормально. Она будет охотно с вами беседовать, а потом, совершенно неожиданно, ее силы иссякнут. Тогда вам следует сразу же выйти и послать за мной. Видите ли, мы почти все время держим ее на морфии. Весь день она дремлет. Готовя ее к вашему посещению, я дала ей сильные стимуляторы. Но едва их действие прекратится, она впадет в полубессознательное состояние.

— Понимаю, мисс МакКлелланд. А вы не могли бы мне сказать, каково состояние миссис Гедлер?

— Она умирает, мистер Крэддок. Ей осталось жить буквально несколько недель. Наверное, вам мои слова покажутся странными, но в действительности она умерла много лет тому назад, поверьте. Миссис Гедлер поддерживала только ее огромная любовь к жизни, умение ей радоваться. Наверно, вы удивлены, что я так говорю об инвалиде, который пятнадцать лет не выходит из дому, но дело обстоит именно так. Миссис Гедлер всегда была необыкновенно хрупкой, но у нее

потрясающая воля к жизни. А кроме того, она очень обаятельна, сами убедитесь, — с улыбкой прибавила сестра.

Крэддока провели в большую спальню с растопленным камином; на кровати под балдахином лежала старуха. Она была старше Летиции Блеклок всего лет на семь-восемь, но выглядела значительно дряхлее.

Ее белые волосы были аккуратно уложены, шея и плечи укутаны бледно-голубой ажурной шалью. Лицо мученицы, но без следов ожесточения, а в выцветших голубых глазах даже мелькает плутовской огонек.

— Любопытно, — сказала она. — Нечасто меня навещает полиция. Я слышала, Летиция Блеклок не сильно пострадала во время покушения? Как там моя дорогая Блеки?

— Прекрасно, миссис Гедлер. Она шлет вам самый нежный привет.

— Давно я ее не видела... Многие годы мы лишь обмениваемся поздравлениями на Рождество. Я просила ее заехать, когда она вернулась в Англию после смерти Шарлотты, но она сказала, что через столько лет это будет мучительно, и, наверно, была права. Блеки всегда отличалась здравомыслием... Год назад ко мне приезжала

моя школьная подруга, и, о боже, — миссис Гедлер улыбнулась, — мы наскучили друг другу до смерти. Едва иссякли наши «ты помнишь?», как нам не о чем стало говорить. *Ужасно* неловко!

Крэддок решил дать ей выговориться и уж потом приступить к расспросам. Ему хотелось погрузиться в ее прошлое, проникнуть в мир Гедлеров и Блеклок.

— Я полагаю, — проницательно взглянула на него Белль, — вы хотите спросить о деньгах! После моей смерти деньги по завещанию Рэнделла перейдут к Блеки. Разумеется, у Рэнделла и в мыслях не было, что я его переживу. Он был крупным, сильным мужчиной, никогда не болел, а я всегда хандрила, хныкала, и вокруг меня постоянно роились доктора с кислыми минами.

— Не думаю, что к вам подходит слово «хныкать», миссис Гедлер.

Старая дама усмехнулась.

— Я не в том смысле. Сама я никогда себя *особо* не жалела. Но считалось само собой разумеющимся, что раз я слабее, то первой уйду из жизни. Однако расчет не оправдался...

— Но почему ваш муж распорядился деньгами таким образом?

— Вы хотите спросить, почему он оставил их

именно Блеки? Нет, вовсе не из-за того, о чем вы, очевидно, подумали. — Плутовской блеск в ее глазах стал особенно заметен. — Вы, полицейские, все не так понимаете! Рэнделл никогда не был влюблен в Блеки, а она в него. Дело в том, что у Блеки нет женских слабостей. У нее воистину мужской склад ума. По-моему, она вообще никогда не влюблялась. Она не была хорошенькой и не интересовалась тряпками. Правда, она слегка подкрашивалась, но только потому, что так было принято, а вовсе не из желания выглядеть красивой. — В голосе миссис Гедлер зазвучала жалость. — Блеки никогда не понимала, как это приятно — быть женщиной.

Крэддок с интересом посмотрел на хрупкое создание, казавшееся совсем крошечным на огромной постели. Он вдруг осознал, что Белль Гедлер действительно *наслаждалась* — до сих пор! — тем, что родилась женщиной. Она подмигнула ему.

— Я всегда считала, — сказала она, — что быть мужчиной безумно скучно. — Потом задумчиво произнесла: — Мне кажется, Рэнделл относился к Блеки как к младшему братишке. Он доверял ее мнению, она неизменно оказывалась права. Не раз Блеки выручала его из беды.

— Мисс Блеклок рассказывала, как однажды помогла ему деньгами.

— Да, но я имела в виду нечто большее. Спустя столько лет можно открыть правду. Рэнделл не мог отличить честную сделку от бесчестной. Он был не настолько совестлив. Бедняга не мог распознать, где ловкая комбинация, а где обыкновенное надувательство. Блеки не давала ему сбиться с пути истинного. Одна из черт Летиции Блеклок — ее удивительная добропорядочность. Она никогда не совершит бесчестного поступка. Она очень хорошая. Я ею всю жизнь восхищалась. На долю девочек выпало тяжелое детство. Их отец был старый деревенский врач, упрямый как осел и ужасно ограниченный — сущий домашний тиран. Летиция порвала с ним, переехала в Лондон и стала учиться на бухгалтера. Вторая сестра родилась калекой, у нее было какое-то увечье, она ни с кем не встречалась и вообще не выходила из дому. Поэтому, когда их отец умер, Летиция все бросила и уехала ухаживать за сестрой. Рэнделл рвал и метал, но поделать ничего не смог. Если Летиция считала что-либо своим долгом, никто не мог ее переубедить.

— Это случилось задолго до смерти вашего мужа?

— Примерно года за два. Но завещание Рэнделл составил еще до того, как она бросила фирму, и не стал его менять. Он сказал мне: «Ведь у нас нет детей». (Наш малыш умер, когда ему было два года.) «Так пусть после нашей смерти деньги достанутся Блеки. Она будет играть на бирже и пустит их в рост».

— Понимаете, — продолжала Белль Гедлер, — Рэнделл обожал сам процесс делания денег, а не деньги как таковые. Он любил связанные с этим острые ощущения, волнения, риск. И Блеки это тоже любила. Она тоже была очень азартной и к тому же имела деловое чутье. Бедняжка, у нее никогда не было обыкновенного человеческого счастья: она не влюблялась, не интересовала мужчин, не кокетничала с ними... и семьи у нее не было, и детей, — в общем, не получала удовольствия от жизни.

«Странно, — подумал Крэддок, — неподдельная жалость и даже легкое презрение ощущается в тоне этой женщины, жизнь которой была омрачена болезнью, женщины, лишившейся единственного ребенка, потерявшей мужа и уже много лет прикованной к постели».

Она кивнула.

— Я знаю, о чем вы думаете. Но у меня *было* все,

ради чего стоит жить. Это можно отнять, и все же у меня все это было! Я росла хорошенькой, веселой девочкой, вышла замуж за любимого человека, и он любил меня всю жизнь. Мой малыш умер, но все же он пробыл со мной два года. Прекрасные два года. Я испытала много физических страданий, но, представляете, какое наслаждение, когда боль тебя на время отпускает. И все всегда были ко мне добры... Я действительно счастливая женщина.

Крэддок подумал, что кое-что выпало из ее воспоминаний.

— Миссис Гедлер, вы только что сказали, что муж оставил наследство мисс Блеклок, поскольку больше его некому было завещать. Но ведь это не совсем так. У него есть сестра.

— Ах, вы о Соне! Но они давно рассорились и порвали отношения.

— Он не одобрял ее брак?

— Да, она вышла замуж за этого... как его звали...

— Стэмфордиса.

— Да-да, Дмитрия Стэмфордиса. Рэнделл считал его прохвостом. Они невзлюбили друг друга с первого взгляда. Но Соня по уши в него влюбилась и твердо решила выйти за него замуж. А почему

бы и нет? У мужчин на сей счет странные идеи. В двадцать пять лет Соня уже не была глупой маленькой девочкой и прекрасно понимала, на что идет. Наверное, Стэмфордис действительно был мошенником, самым настоящим; за ним, по-моему, числились какие-то темные делишки, к тому же Рэнделл подозревал, что он живет под чужой фамилией. Соня обо всем знала. Однако Рэнделл, естественно, не мог оценить мужского обаяния Дмитрия. Еще он уверял, что Дмитрий женится на деньгах, но это неправда. Дмитрий тоже влюбился. Соня была красива, очень красива. И отличалась сильным характером. Начни Дмитрий плохо с ней обращаться или изменять, она бы тут же ушла от него. У нее были деньги, и она могла самостоятельно строить свою жизнь.

— Значит, брат с сестрой так и не помирились?

— Нет. Не помирились. Она очень обиделась на то, что он пытался расстроить ее брак, и сказала: «Ах, так? Чудесно! Ты совершенно невозможный человек и больше никогда обо мне не услышишь».

— Но вы все-таки услышали о ней?

Белль улыбнулась.

— Через полтора года я получила письмо. Помнится, она написала из Будапешта, но обратного

адреса не указала. Она просила передать Рэнделлу, что бесконечно счастлива и что у нее родилась двойня.

— Она сказала, как назвала детей?

Белль снова улыбнулась.

— Она написала, что они родились чуть позже полудня и что она собирается назвать их Пипом и Эммой[23]. Но, конечно, она могла и пошутить.

— И больше вы о ней ничего не слышали?

— Нет. Она писала, что они всей семьей собираются ненадолго в Америку. Больше от нее не было ни слуху ни духу.

— Письмо не сохранилось?

— Боюсь, что нет... Я прочитала его Рэнделлу, он проворчал только: «Она еще пожалеет, что вышла за мерзавца». Больше он ничего не сказал. И мы совершенно о ней забыли. Она как-то выпала из нашей жизни.

— Но если вы переживете мисс Блеклок, наследство мистера Геллера достанется ее детям, так?

— О, это моих рук дело. Когда он рассказал мне о завещании, я возразила: «А представь, что Блеки умрет раньше меня». Он очень удивился.

---

[23] notes: 23

Здесь игра слов, построенная на том, что по-английски время «после полудня» сокращенно обозначается как p.m. *(лат.* post meridiem) и произносится как «пи» и «эм», откуда и имена Пип и Эмма.

Я сказала: «Я знаю, что у Блеки отменное здоровье, а я создание хрупкое, но учти... скрипучее дерево, бывает, долго стоит». «Но больше некому оставить, абсолютно некому», — сказал он. А я возразила: «Почему? Есть Соня». Он тут же полез в бутылку: «Чтобы этот тип прикарманил мои денежки? Ни за что!» «Но у них есть дети, Пип и Эмма, а может, и еще кто-нибудь», — сказала я. Он поворчал, но в завещание их вставил.

— И с тех пор, — задумчиво проговорил Крэддок, — вы ничего не слышали ни о своей золовке, ни о ее детях?

— Ничего... Может, их уже и на свете нет, а может, где-то и живут... Бог знает где...

«Может, даже в Чиппинг-Клеорне», — подумал Крэддок.

В глазах Белль появилась тревога, словно она угадала его мысль.

— Нельзя допустить, чтобы они причинили зло Блеки. Она *хорошая*, действительно хорошая... Вы должны предотвратить несчастье.

Внезапно голос миссис Гедлер угас. Вокруг рта и под глазами появились серые тени.

— Вы устали, — сказал Крэддок. — Я пойду.

Она кивнула и еле слышно прошептала:

— Пришлите ко мне Мэк. Устала я... — Она слабо

шевельнула рукой. — Позаботьтесь о Блеки... с Блеки ничего не должно случиться... позаботьтесь о ней.

— Сделаю все, что в моих силах, миссис Гедлер. — Он встал и направился к двери.

Ее голос потянулся за ним, словно тонкая нить.

— Вам недолго придется стараться... только, пока я не умру. Она в опасности... позаботьтесь о ней...

На выходе он повстречался с сестрой МакКлелланд.

— Надеюсь, я не очень повредил ее здоровью, — смущенно пробормотал Крэддок.

— О, не переживайте, мистер Крэддок! Я же предупреждала: она потеряет силы внезапно.

Потом, попозже, он спросил сестру:

— Я только не успел узнать у миссис Гедлер, нет ли у нее каких-нибудь старых фотографий? Вдруг сохранились альбо...

— Боюсь, ничего не осталось, — перебила его МакКлелланд. — Все ее личные вещи и бумаги были сданы на хранение вместе с обстановкой лондонского дома в самом начале войны — миссис Гедлер тогда тяжело болела. А склад разбомбили. Миссис Гедлер очень расстроилась. Еще бы! Потеряла столько семейных реликвий

и ценных бумаг! Боюсь, никаких снимков у нее нет.

«Вот значит как», — подумал Крэддок.

Тем не менее он чувствовал, что съездил не напрасно. Мифические близнецы Пип и Эмма оказались вполне реальными людьми.

«Итак, — рассуждал Крэддок. — Есть брат с сестрой, воспитывавшиеся где-то в Европе. Когда Соня выходила замуж, она была богата, но с тех пор деньги в Европе сильно обесценились. К тому же мы имеем дело с сыном и дочерью человека, за которым числились какие-то прегрешения. А что, если эти близнецы приехали в Англию нищими или почти нищими? Что им тогда делать? Естественно, разузнать про богатых родственников. Дядя, владевший огромным состоянием, умер. Перво-наперво они, вероятно, поинтересуются дядиным завещанием. Вдруг им или их матушке тоже что-нибудь перепало? Они пойдут в Соммерсет-хаус[24], познакомятся с завещанием и, вероятно, все что можно разузнают про фигурирующую там Летицию Блеклок. Затем наведут

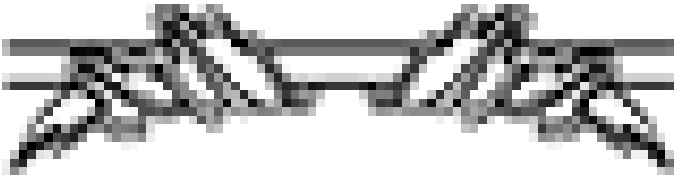
---

[24] notes: 24

С о м м е р с е т - х а у с — большое здание в Лондоне на берегу Темзы, в котором располагается ряд государственных учреждений, в одном из которых, заплатив один шиллинг, можно было познакомиться с любым завещанием.

справки о вдове Рэнделла Гедлера. Она инвалид, живет в Шотландии, и, как выясняется, жить ей осталось недолго. *Если Летиция Блеклок умрет раньше нее,* они завладеют огромными деньгами. Что из этого следует?»

Крэддок призадумался. «Нет, в Шотландию они не поедут. Скорее, выяснят, где живет сейчас Летиция Блеклок, и отправятся туда. Но выдадут себя за других... А как они поедут: поодиночке или вместе? Эмма... хотел бы я знать... Пип и Эмма... Голову даю на отсечение, что или Пип или Эмма, а может, и тот, и другая находятся сейчас в Чиппинг-Клеорне», — сказал себе Крэддок.



Глава 15

ДИВНАЯ СМЕРТЬ

I

На кухне мисс Блеклок отдавала приказания Мици:

— Надо приготовить сэндвичи с сардинами и сэндвичи с помидорами. И немного лепешек. Они у тебя получаются просто великолепно. И хотелось бы, чтобы ты испекла свой фирменный торт.

— То есть мы имеем праздник?

— У мисс Баннер день рождения, к чаю придут гости.

— Когда такой старый, уже не устраивают рождение. Лучше забыть о рождении.

— Ну а ей забывать не хочется. Она получит подарки... и потом... устроить небольшое торжество очень даже приятно.

— Вы так сказать и тот раз. А что получалось?

Мисс Блеклок с трудом сдержалась.

— Ну, теперь такого не случится.

— Почему вы знать, что случится теперь? Я весь день дрожу от страх, а весь ночь закрою дверь и смотрю даже гардероб, если там кто-то есть.

— Ну, ты таким образом обеспечиваешь свою безопасность, — холодно процедила мисс Блеклок.

— Вы хотите, чтобы я приготовить... — Мици произнесла нечто, прозвучавшее для уха англичанки Блеклок как «Швицебзр», словно две кошки зашипели друг на друга.

— Вот-вот, он такой вкусный!

— Вкусный. Да. Но у меня *ничего* нет для этот торт. Я не могу приготовлять его. Мне нужен шоколад, и много масла, и сахар, и изюм.

— Возьми баночку масла, которое нам присла-

ли из Америки. И немного изюма, припрятанного для Рождества. А вот тебе плитка шоколада и фунт сахару.

Лицо Мици расплылось в улыбке.

— Хорошо, я приготовлю вкусный торт, очень вкусный! — в экстазе воскликнула она. — Он будет во рту растопляться. А наверх я положу глазурь, шоколадный!.. У меня он отлично получаться, и напишу: *«С лучший пожелания».* Этот англичане со свой торты, они как песок, они *никогда* не кушают торт как мой. Дивный, скажут они, дивный...

Ее лицо опять помрачнело.

— Ах, этот мистер Патрик! Он называл его «Дивная смерть». Мой торт! Я не хочу, чтобы так называть мой торт!

— Но это был комплимент, — сказала мисс Блеклок. — Он имел в виду, что ради твоего торта стоит умереть.

Мици взглянула на нее с сомнением.

— Знаете, мне не нравится, когда говорят *«смерть».* Они не будут умирать потому, что есть мой торт, а, наоборот, будут лучше чувствовать...

— Разумеется.

Мисс Блеклок со вздохом облегчения вышла из кухни; беседа завершилась благополучно. А ведь

от Мици всего можно было ожидать.

В коридоре она столкнулась с Банни.

— Летти, я пойду покажу Мици, как делать сэндвичи.

— Нет. — Мисс Блеклок решительно затолкнула Банни в холл. — Мици сейчас в хорошем настроении, и не надо ее нервировать.

— Но я только покажу ей...

— Пожалуйста, Дора, не надо ей *ничего* показывать. Выходцы из Центральной Европы *не любят,* когда ими руководят. Они этого просто терпеть не могут.

Дора неуверенно посмотрела на нее. Потом лучезарно улыбнулась.

— Только что звонил Эдмунд Светтенхэм. Пожелал мне всяческих благ. Сказал, что принесет в подарок горшочек меда. Правда, мило? Даже не представляю, откуда он узнал про мой день рождения?

— Похоже, это все знают. Да, наверное, ты сама и сказала, Дора.

— Что ты, я просто невзначай обмолвилась, что завтра мне стукнет пятьдесят девять.

— Шестьдесят четыре, — подмигнула ей мисс Блеклок.

— А мисс Хинчклифф сказала: «Непохоже. А как

вы думаете, сколько лет *мне?»* И мне вдруг так стало неловко, ведь мисс Хинчклифф какого-то неопределенного возраста. Она сказала, что по пути занесет нам яиц. Я пожаловалась, что в последнее время наши куры плохо несутся.

— Да, неплохой у нас улов на твой день рождения, — подытожила мисс Блеклок. — Мед, яйца, коробка прекрасных шоколадных конфет в подарок от Джулии...

— Интересно, где она все это достает?

— Лучше не спрашивать. Скорее всего, на черном рынке.

— А еще твоя чудная брошка. — Мисс Баннер гордо посмотрела на свою грудь, на которой красовался маленький листочек с бриллиантиком.

— Нравится? Я рада. А я вот никогда не увлекалась драгоценностями.

— Я в восторге.

— Ну и прекрасно. А теперь пойдем покормим уток.

II

— Ха! — трагически воскликнул Патрик, когда гости расселись за столом. — Что я вижу? *«Дивная смерть!»*

— Тсс, — шикнула на него мисс Блеклок. — Не

дай бог, Мици услышит. Она сердится, когда ты так называешь ее торт.

— Но это же воистину «Дивная смерть»! Это ведь ваш именинный пирог, Банни?

— Да, — сказала мисс Баннер, — у меня сегодня просто великолепный день рождения.

Ее щеки пылали с того самого момента, когда полковник Истербрук вручил ей маленькую коробочку конфет и с поклоном провозгласил: «Сласти для наисладчайшей!»

Джулия поспешно отвернулась, за что мисс Блеклок послала ей укоризненный взгляд.

Они воздали должное яствам и, откушав на десерт по кусочку «смерти», поднялись из-за стола.

— Мне как-то не по себе, — сказала Джулия. — А все торт. Помню, в прошлый раз я чувствовала себя так же.

— Но он того стоит, — сказал Патрик.

— Иностранцы действительно знают толк в кондитерских изделиях, — изрекла мисс Хинчклифф. — А вот простого пудинга приготовить не могут.

Все вежливо промолчали, хотя губы Патрика дрогнули, словно он намеревался спросить: кто из присутствующих *хотел бы* сейчас отведать простого пудинга?

— Что, вы взяли нового садовника? — поинтересовалась мисс Хинчклифф у мисс Блеклок, когда они возвратились в гостиную.

— Нет, а почему вы так решили?

— Да тут какой-то малый вертелся. Возле курятника. Вид у него, правда, был довольно пристойный, армейская выправка.

— Ах *этот!* — воскликнула Джулия. — То наш сыщик.

— Сыщик!.. Но почему? — Миссис Истербрук даже выронила сумочку.

— Не знаю, — пожала плечами Джулия. — Он все ходит кругами и следит за домом. Наверное, охраняет тетю Летти.

— Какая чушь! — сказала мисс Блеклок. — Покорнейше благодарю, но я могу и сама за себя постоять.

— Так ведь все давно кончено! — вскричала миссис Истербрук. — Я как раз хотела спросить: почему они не закрыли дело?

— Полиция не удовлетворена, — объяснил ее муж. — Вот почему.

— А чего им не хватает?

Полковник Истербрук покачал головой, давая понять, что он мог бы поведать куда больше, если б счел необходимым. Эдмунд Светтенхэм,

недолюбливавший полковника, сказал:

— По правде говоря, мы тут все под подозрением.

— Под подозрением? — переспросила миссис Истербрук.

— Не бери в голову, котеночек, — проворковал ее муж.

— Нас подозревают в том, что мы тут шляемся намеренно, — продолжал Эдмунд, — чтобы при первой же возможности совершить убийство.

— Пожалуйста, не надо, мистер Светтенхэм! — вскричала Дора Баннер, заливаясь слезами. — Я уверена, что никто из нас не смог бы убить нашу дорогую, драгоценную Летти!

На мгновение все стушевались. Эдмунд побагровел и пробормотал:

— Я пошутил.

Тут Филлипа предложила послушать последние известия, и все горячо ее поддержали.

Патрик прошептал Джулии:

— Сюда бы еще миссис Хармон. Уж она бы наверняка спросила своим звонким голоском: «Но ведь, наверно, *кто-то* ждет случая убить вас, мисс Блеклок?»

— Я рада, что она и эта ее старуха Марпл не пришли, — сказала Джулия. — Старая грымза везде

сует свой нос. И, по-моему, любит покопаться в грязном белье. Типичный образчик викторианской эпохи.

Последние новости спровоцировали всех на чинное обсуждение ужасов атомной войны. Полковник Истербрук сказал, что, несомненно, Россия — главная угроза мировой цивилизации, а Эдмунд возразил: дескать, у него есть несколько совершенно очаровательных русских друзей, однако его заявление было принято весьма прохладно.

Затем все снова рассыпались в благодарностях хозяйке.

— Ты повеселилась, Банни? — спросила мисс Блеклок, когда ушел последний гость.

— О да. Но у меня страшно болит голова. Наверно, от нервного возбуждения.

— Это от торта, — сказал Патрик. — Меня тоже мутит. А вы еще целое утро прикладывались к шоколадным конфетам.

— Пожалуй, пойду лягу, — сказала мисс Баннер, — приму сразу две таблетки аспирина и попытаюсь заснуть.

— Хорошая мысль, — одобрительно кивнула мисс Блеклок.

Мисс Баннер отправилась наверх.

— Мне пойти закрыть уток, тетя Летти?

Мисс Блеклок строго взглянула на Патрика.

— Если дашь честное слово, что хорошенько запрешь дверь.

— Клянусь!

— Выпейте шерри, тетя Летти, — предложила Джулия. — Как говаривала моя нянюшка: «Это утихомирит ваш желудок». Жуткое выражение, но оно идеально соответствует моменту.

— Думаю, ты права. Откровенно говоря, я просто не привыкла к такой жирной пище... О Банни, как ты меня напугала! В чем дело?

— Не могу найти аспирин, — с обреченным видом сказала Банни.

— Возьми мой, дорогая. У меня в спальне, около кровати.

— И у меня на трюмо стоит флакончик, — сказала Филлипа.

— Спасибо... большое спасибо. Возьму, если не найду свои. Но он должен быть *где-то* здесь, я точно знаю. Новый пузырек. Куда я его положила?

— Да их в ванной полно! — нетерпеливо воскликнула Джулия. — Этот дом просто ломится от аспирина.

— Меня раздражает моя рассеянность, я все теряю, — пожаловалась мисс Баннер, поднимаясь

обратно по лестнице.

— Бедная старушка Банни, — сказала Джулия, взяв бокал. — Как вы считаете, стоит дать ей чуточку шерри?

— Нет, — покачала головой мисс Блеклок. — Она сегодня и без того перевозбуждена, толку все равно не будет. А назавтра ей будет худо... Но мне кажется, она от души повеселилась.

— Да, она была в восторге, — кивнула Филлипа.

— Ну, тогда давайте угостим шерри Мици, — предложила Джулия. — Эй, Патрик! — позвала она, услышав, что тот вошел через черный ход. — Пригласи сюда Мици.

Мици привели, и Джулия налила ей шерри.

— За лучшую кухарку в мире, — сказал Патрик, поднимая бокал.

Мици была польщена, но решила, что следует возразить:

— Абсолютно нет. Я не повар. На родина я занималась умственный труд.

— Ты даром теряла время, — заявил Патрик. — Какой умственный труд сравнится с таким шедевром, как «Дивная смерть»?

— О-о! Я говорила... мне не нравится...

— Да какое мне дело до того, что тебе нравится,

а что не нравится, моя прелесть? — сказал Патрик. — Я его так прозвал — и точка! Давайте же выпьем за «Дивную смерть», и к черту последствия!

III

— Филлипа, дорогая, я хочу с тобой поговорить.

— Да, мисс Блеклок?

Филлипа Хаймс слегка удивилась.

— Ты ведь немножко расстроена, да?

— Расстроена?

— Я замечаю, что в последнее время у тебя расстроенный вид. Что-нибудь случилось?

— О нет... ничего, мисс Блеклок. Что может случиться?

— Ну... не знаю. Я подумала, может, вы с Патриком...

— С Патриком? — Филлипа удивилась еще сильней.

— Ну, значит, нет. Пожалуйста, прости, если я допустила бестактность. Но вы так часто бывали вместе... и хотя Патрик мой родственник, не думаю, что из него получился бы хороший муж. Во всяком случае, в ближайшем будущем.

Лицо Филлипы окаменело.

— Я больше не выйду замуж, — заявила она.

— Выйдешь, когда-нибудь выйдешь, дитя мое. Ты молода. Но мы не будем это обсуждать. Значит, других поводов для расстройства у тебя нет? Никаких проблем... к примеру, денежных?

— Нет. Все в порядке.

— Я знаю, тебя беспокоит, сможет ли твой малыш учиться дальше. Поэтому я хочу тебе кое-что сказать. Сегодня днем я ездила в Мильчестер к мистеру Беддингфелду, моему поверенному. В последнее время все так шатко, что я решила составить новое завещание... мало ли что! Кроме того, что завещано Банни, все остальное перейдет к тебе, Филлипа.

— Что? — Она резко повернулась к мисс Блеклок. Казалось, она напугана и ей вот-вот станет плохо. — Но я не хочу... Правда, не хочу... Что вы... И почему? Почему *мне?*

— Наверное, потому, — каким-то странным тоном произнесла мисс Блеклок, — что больше некому.

— Но есть же Патрик и Джулия!

— Да, есть Патрик и Джулия. — В голосе мисс Блеклок продолжали звучать странные нотки.

— И они ваши родственники.

— Очень дальние. Они не могут ни на что претендовать.

— Но... Я тоже не могу... не знаю, что вы обо мне думаете... О нет, я не хочу этого.

Взгляд ее был скорее враждебным, чем благодарным. А в жестах сквозил страх.

— Я знаю, что делаю, Филлипа. Я к тебе привязалась. И потом, у тебя растет мальчик. Если я умру сейчас, тебе достанется не очень много... но через несколько недель все переменится. — Она твердо выдержала взгляд Филлипы.

— Но вы же не собираетесь умирать! — запротестовала Филлипа.

— Нет, если приму меры предосторожности.

— Предосторожности?

— Да. Подумай над этим... И больше не беспокойся.

Мисс Блеклок вышла из комнаты. Филлипа слышала, как она о чем-то разговаривает в холле с Джулией.

Через несколько секунд Джулия вошла в гостиную.

В глазах ее появился металлический блеск.

— Прекрасно сыграно, Филлипа. Теперь я вижу: ты из тех, о ком говорят: «В тихом омуте...» Темная ты лошадка, темная...

— Значит, ты все слышала.

— Слышала. Думаю, так было специально за-

думано.

— Что ты имеешь в виду?

— Наша тетя Летти далеко не дура... Но уж с тобой-то теперь все в порядке, Филлипа. Ты неплохо устроилась, да?

— О Джулия... я не хотела... совсем не хотела...

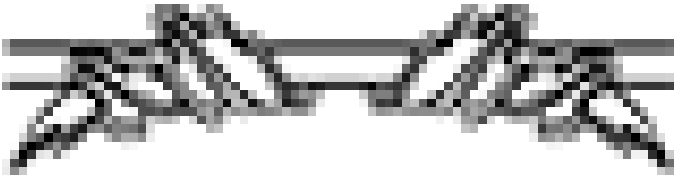
— Разве? Врешь, конечно, ты хотела. Или ты против всей этой затеи? Нет, голубушка, ты очень даже нуждаешься в деньгах! Но запомни: если кто-нибудь теперь укокошит тетю Летти, подозрение падет прежде всего на тебя.

— Но я не стану этого делать! Разве не идиотизм убивать ее сейчас, когда... стоит только подождать...

— Ах, *значит*, ты знаешь об этой старой миссис... как бишь ее... которая отдает концы в Шотландии? Любопытно... Да, Филлипа, я все больше убеждаюсь, что ты и впрямь очень темная лошадка.

— Я вовсе не хочу лишать вас с Патриком вашей доли.

— Неужто, моя милочка? Извини... но я тебе не верю.



Глава 16

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИНСПЕКТОРА КРЕДДОКА

На обратном пути из Чиппинг-Клеорна в Мильчестер инспектор Крэддок провел жуткую ночь в поезде. Его мучили кошмары. Снова и снова он мчался по серым коридорам старинного замка, тщетно пытаясь куда-то добраться и что-то предотвратить. Под конец ему приснилось, что он проснулся. Он испытал огромное облегчение. Но вдруг дверь его купе медленно открылась, и

Летиция Блеклок, по лицу которой стекала кровь, сказала: «Почему вы не спасли меня? А ведь могли бы, если бы постарались».

Тут он действительно проснулся.

Так что инспектор Крэддок очень обрадовался, когда наконец добрался до Мильчестера. Он прошел прямиком к Райдсдейлу, который внимательно выслушал его сообщение.

— М-да, мы пока, похоже, почти не продвинулись, — сказал Райдсдейл. — Зато сообщение мисс Блеклок на счет завещания Гедлера подтвердилось. Стало быть, Пип и Эмма? Гм... Интересно.

— Патрик и Джулия Симмонс подходят по возрасту, сэр. Если бы удалось установить, что мисс Блеклок не видела их с тех пор, когда они были совсем детьми...

Райдсдейл слегка причмокнул и произнес:

— Наша коллега мисс Марпл уже это установила. Мисс Блеклок впервые увидела своих племянников два месяца назад.

— Тогда, сэр, они наверняка...

— Все не так просто, Крэддок. Мы проверяли. Судя по всему, Патрика и Джулию следует исключить. Его характеристика из морской части подлинная... кстати, вполне приличная; единственный недостаток, который там указывают,

— это «склонность к неповиновению» Мы связались с Каннами, и разгневанная миссис Симмонс ответила, что, разумеется, ее дети сейчас в Чиппинг-Клеорне у своей родственницы Летиции Блеклок. Вот такие дела!

— А миссис Симмонс *настоящая?*

— По крайней мере, она была миссис Симмонс многие-многие годы. Это единственное, что я могу сказать, — сухо ответил Райдсдейл.

— Что ж, вполне однозначно. Хотя... они так подходят! И возраст... И то, что мисс Блеклок их лично не знает... Лучших Пипа и Эмму не сыскать.

Начальник полиции задумчиво кивнул. Потом пододвинул к Крэддоку бумагу.

— Мы тут раскопали кое-что про миссис Истербрук.

Инспектор поднял брови.

— Очень любопытно. Ловко же она одурачила старого болвана! Но, как я понимаю, с нашим делом это не связано.

— Очевидно, нет.

— А вот что касается миссис Хаймс...

Брови Крэддока снова поползли вверх.

— Думаю, с этой юной леди стоит побеседовать еще раз, — сказал он.

— Вы считаете, здесь есть какая-то связь?

— Вполне возможно. Хотя, конечно, и непрямая.

Они помолчали.

— А как Флетчер, справляется?

— Флетчер проявил потрясающую расторопность. С разрешения мисс Блеклок он произвел обыск вокруг дома, но не нашел ничего существенного. Затем он стал проверять, кто имел возможность смазать дверные петли. Выяснил, кто оставался дома в те дни, когда их иностранка отсутствовала. Но тут выплыло еще одно обстоятельство: эта Мици, даже когда приходит, имеет обыкновение почти ежедневно совершать прогулку в деревню. Заходит там в «Синюю птицу» выпить чашечку кофе. Так что, когда мисс Блеклок и мисс Баннер нет дома, а это тоже случается почти ежедневно — они ходят по ежевику, — входи в дом кто хочешь.

— Хозяева оставляют двери открытыми?

— Раньше оставляли. Сейчас, думаю, нет.

— Ну, а каковы результаты изысканий Флетчера? Кто бывает в доме в отсутствие хозяев?

— Практически все.

Райдсдейл взглянул на лежавший перед ним листок.

— Мисс Мергатройд была там с курицей, чтобы посадить ее на яйца. Звучит диковато, но это ее собственная фраза. Она очень волновалась и сама себе противоречила, но Флетчер считает, что все дело в ее темпераменте, а вовсе не в причастности к преступлению.

— Возможно, — допустил Крэддок. — Она всегда квохчет.

— Потом приходила миссис Светтенхэм забрать конину, которую мисс Блеклок оставила для нее на кухонном столе, потому что мисс Блеклок ездила на машине в Мильчестер, а когда она ездит на машине в Мильчестер, она всегда привозит конину для миссис Светтенхэм. По-вашему это звучит вполне убедительно?

Крэддок поразмыслил.

— А почему бы мисс Блеклок не завезти эту самую конину прямо миссис Светтенхэм домой — на обратном пути из Мильчестера?

— Не знаю почему, но она так не поступила. Миссис Светтенхэм говорит, что она (то бишь мисс Блеклок) всегда оставляет конину на кухонном столе, а ей (то есть миссис Светтенхэм) удобней забирать ее, когда Мици нет дома, потому что порой Мици бывает очень груба.

— Что ж, концы с концами вроде бы сходятся.

Кто следующий?

— Мисс Хинчклифф. Она утверждает, что в последнее время не заглядывала к мисс Блеклок. Однако это неправда. Мици видела, как она выходила через черный ход, то же самое показала и миссис Батт, местная жительница. Мисс Хинчклифф пошла на попятную: дескать, может, она и заходила, но не помнит. А зачем заходила — так уж точно не припоминает. Якобы забегала просто так.

— Довольно странно.

— Но в ее стиле. Дальше у нас миссис Истербрук. Она выгуливала своих драгоценных собачонок и по дороге заглянула узнать, не даст ли ей мисс Блеклок выкройку, но хозяйки не оказалось дома. Миссис Истербрук вроде бы немного ее подождала.

— Ага. А тем временем могла разведать обстановку. Или смазать дверные петли. А что полковник?

— Занес как-то книгу про Индию, мисс Блеклок изъявила желание ее прочесть.

— Неужели?

— По ее словам, она пыталась отбрыкаться, но ничего не вышло.

— Что верно, то верно, — вздохнул Крэддок.

— Если кто-нибудь вознамерится всучить тебе книгу, отбрыкаться трудно.

— Был ли там Эдмунд Светтенхэм, мы не знаем. Он вообще личность загадочная. Говорит, что порой заглядывал туда, разыскивая мать, но в последнее время, кажется, не заходил.

— Всего этого действительно недостаточно, чтобы делать какие-то выводы.

— Да.

— Мисс Марпл тоже проявила активность, — сказал Райдсдейл с легкой усмешкой. — Флетчер сообщил, что она пила кофе в «Синей птице». Ее приглашали на рюмку шерри в Боулдерс и на чай в Литтл-Паддокс. Она восхищалась садом миссис Светтенхэм и заходила посмотреть на индийские диковинки полковника Истербрука.

— Может, хоть мисс Марпл нас просветит: настоящий он полковник или нет?

— Уж она бы определила, будь он ненастоящий... Думаю, с ним все в порядке. Хотя нам и предстоит снестись с властями на Востоке, чтобы в этом удостовериться.

— А пока суд да дело, — Крэддок запнулся, — как вы считаете, мисс Блеклок согласится уехать?

— Из Чиппинг-Клеорна?

— Да. Она могла бы прихватить с собой свою

верную Банни и отбыть в неизвестном направлении. Почему бы ей не съездить в Шотландию и не пожить у Белль Гедлер? Там она будет в полной безопасности.

— Вы предлагаете ей там поселиться и ожидать смерти Белль? Вряд ли она согласится. Какой женщине, если только у нее есть сердце, понравится подобное предложение?

— Но она спасет свою жизнь...

— Бросьте, Крэддок, ухлопать кого-нибудь вовсе не так легко, как вам кажется.

— Неужели, сэр?

— Ну, в принципе, конечно, легко. Существует тысяча способов. Ядохимикаты. Можно огреть ее чем-нибудь тяжелым, когда она пойдет закрывать на ночь уток, или выстрелить из-за изгороди. Да мало ли что можно! Однако убить так, чтобы остаться вне подозрений, отнюдь не просто. А наши голубчики прекрасно понимают, что они под подозрением. Пип и Эмма... Такой оригинальный, тщательно продуманный план, и провалился... Теперь убийце придется изобретать что-то новенькое.

— Вы правы, сэр, но надо учитывать и фактор времени. Миссис Гедлер при смерти. Она может скончаться в любой момент. Следовательно,

убийце нельзя медлить.

— Верно.

— И еще одно, сэр... Он... или она должны знать, что мы проверяем каждого.

— И что это отнимает уйму времени, — вздохнул Райдсдейл. — Нам надо послать запрос в Индию. Это долго и хлопотно.

— Вот и другая причина для спешки. Уверен, сэр, опасность весьма реальна. На карту поставлены большие деньги. Если Белль Гедлер умрет...

Он оборвал себя на полуслове, потому что вошел полицейский.

— Констебль Легг на проводе. Звонит из Чиппинг-Клеорна, сэр.

— Давайте его сюда.

Инспектор Крэддок, наблюдавший за шефом полиции, увидел, что лицо начальника вдруг посуровело и застыло.

— Очень хорошо, — рявкнул Райдсдейл. — Инспектор Крэддок выезжает к вам немедленно. — Он положил трубку.

— Неужели... — запнулся Крэддок.

Райдсдейл покачал головой.

— Нет. Это Дора Баннер, — сказал он. — Она хотела выпить аспирина. И, очевидно, взяла пузырек, стоявший возле постели Летиции Блеклок.

В нем было всего несколько таблеток. Она взяла две, а третью оставила. Врач забрал ее и отправил на экспертизу. Кажется, это вовсе *не* аспирин.

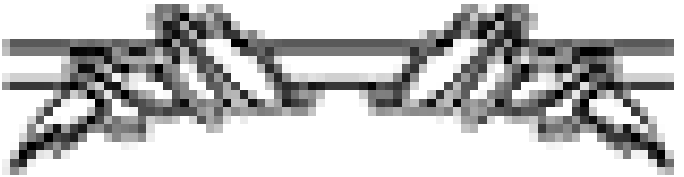
— Она мертва?

— Да, ее нашли мертвой в постели сегодня утром. Умерла во сне. Врач говорит, это не естественная смерть, хотя здоровье ее было сильно подорвано. Он подозревает отравление наркотиками. Вскрытие назначено на сегодняшний вечер.

— Таблетки аспирина возле постели Летиции Блеклок... Умный, ох, умный дьявол! Патрик рассказывал, что мисс Блеклок выбросила початую бутылку шерри и откупорила новую. Не думаю, что ей пришло бы в голову сделать то же самое с аспирином. Кто находился дома в последний и предпоследний день? Таблетки не могли храниться дольше.

Райдсдейл взглянул на него.

— Вчера там были все наши подозреваемые в полном составе, — сказал он. — Мисс Баннер праздновала день рождения. Любой из присутствующих мог прокрасться наверх и незаметно подменить таблетки. Разумеется, то же самое мог проделать и любой из домочадцев в любое удобное ему время.



Глава 17

АЛЬБОМ

Выходя из дома викария, тепло укутанная мисс Марпл взяла у Банч записку.

— Передайте мисс Блеклок, — сказала Банч, — что Джулиан очень сожалел, но прийти сам никак не мог. У него один прихожанин при смерти в Лок-Хамлите. Если мисс Блеклок не против, он подойдет после обеда. Записка про подготовку к похоронам. Раз опрос свидетелей назначен на вторник, то он предлагает устроить похороны в

среду. Бедная старушка Банни!.. Но как это, право, на нее похоже: отравиться аспирином, который предназначался для другого человека! Ну, пока, тетечка! Надеюсь, прогулка вас не очень утомит. А то мне нужно немедленно отвезти ребенка в больницу.

Мисс Марпл сказала, что прогулка ее совершенно не утомит, и Банч умчалась.

Дожидаясь мисс Блеклок, мисс Марпл оглядывала гостиную. Что же имела в виду Дора Баннер, сказав в то утро в «Синей птице», что, желая «выключить свет», Патрик «что-то сделал с лампой». С какой лампой? И что сделал?

Мисс Марпл решила, что, должно быть, Дора имела в виду маленькую лампу, стоявшую на столике возле прохода под аркой. Она упомянула про пастушка и пастушку, а этот светильник тончайшего дрезденского фарфора как раз и был сделан в виде пастуха в голубом кафтане и розовых панталонах. В руках пастушок держал подсвечник, который впоследствии приспособили под электрическую лампу. Под большим абажуром из однотонного пергамента фигуру было почти не разглядеть. Что еще говорила Дора Баннер? «Там стояла пастушка, я точно помню... А назавтра...» Да, теперь это явно был пастух.

Мисс Марпл вспомнила, что, когда они с Банч приходили на чай, Дора Баннер обмолвилась о том, что лампа *парная.* Естественно, где пастух, там и пастушка. И в тот день на столе стояла пастушка... а наутро вместо нее появилась *другая* лампа — та, что стояла здесь и сейчас. За ночь ее подменили. И у Доры Баннер были основания считать, что подменил ее Патрик.

Зачем? А затем, что если бы осмотрели ту лампу, сразу стало бы ясно, каким образом умудрились отключить свет. Мисс Марпл внимательно оглядела пастушка. Шнур тянулся через стол к розетке. На середине шнура виднелся маленький грушеобразный выключатель. Мисс Марпл это ни о чем не говорило, в электричестве она разбиралась слабо.

«Где же пастушка? — гадала она. — В нежилой комнате, или на свалке, или... или там, где Дора Баннер наткнулась на Патрика, державшего в руках перышко и баночку из-под масла? В кустах?» Мисс Марпл решила высказать свои соображения инспектору Крэддоку.

Поначалу мисс Блеклок сразу же решила, что объявление — проделка Патрика. Интуиция — великая вещь, во всяком случае, мисс Марпл в нее верила. Ведь если хорошо знаешь человека,

то чувствуешь, на что он способен...

Патрик Симмонс... Красивый юноша, обаятельный. Любимец женщин — и молодых и пожилых. Вероятно, за такого же выскочила замуж сестра Рэнделла Гедлера. Может ли Патрик Симмонс оказаться Пипом? Но ведь во время войны он служил во флоте! Полиция может запросто это проверить. Только вот... подчас *происходят* самые невообразимые перевоплощения. Наберись наглости — и можешь горы свернуть.

Дверь открылась, и вошла мисс Блеклок. Она выглядела сейчас гораздо старше своих лет, отметила мисс Марпл. Куда только девались ее жизненная сила и энергия?

— Ради бога, извините за беспокойство, — сказала мисс Марпл, — но у викария умирает прихожанин, а Банч срочно потребовалось отвезти ребенка в больницу. Викарий написал вам записку.

— Присаживайтесь, мисс Марпл. Спасибо, что принесли, вы очень любезны, — сказала мисс Блеклок, разворачивая записку.

Мисс Блеклок внимательно прочла записку Джулиана Хармона.

— Викарий очень чуткий человек. Он не выражает бессмысленных соболезнований...

Передайте ему, что приготовления будут очень кстати. Ее любимый... ее любимый псалом был...

Внезапно голос мисс Блеклок прервался.

— Я, конечно, чужой человек, — мягко сказала мисс Марпл, — но поверьте, мне очень, очень жаль.

И тут Летиция Блеклок не удержалась и зарыдала. Плач был жалобным, в нем звучало безутешное горе и какая-то обреченность. Мисс Марпл сидела не шелохнувшись. Наконец мисс Блеклок выпрямилась. Лицо ее опухло и пошло пятнами от слез.

— Извините, — сказала она, — на меня просто... что это со мной. Какая это для меня утрата! Понимаете, она... она была единственной ниточкой, связывающей меня с прошлым. Единственной, кто... кто *помнил.* Теперь она ушла, и я осталась совсем одна.

— Я прекрасно вас понимаю! — закивала мисс Марпл. — Человек остается один, когда уходит последний, кто *помнит* его в молодости. У меня тоже есть племянники, и племянницы, и добрые друзья, но никто из них не помнит меня молодой, никого из тех людей не осталось. Я уже давно совершенно одинока.

Они посидели молча.

— Да, вы все понимаете, — вздохнула Летиция Блеклок. Поднявшись, она подошла к письменному столу. — Мне надо черкнуть пару строк викарию.

Взяв ручку негнущимися пальцами, она начала медленно выводить каждую букву.

— Артрит замучил, — объяснила она мисс Марпл. — Иногда я вообще не могу написать ни слова.

Мисс Блеклок заклеила конверт и надписала его.

— Если вам не трудно, будьте любезны, захватите его с собой.

Внезапно в холле послышался мужской голос.

— Это инспектор Крэддок, — поспешно сказала мисс Блеклок.

Она подошла к зеркалу, висевшему над камином, и припудрила лицо. Вошел мрачный, сердитый Крэддок. Он неодобрительно глянул на мисс Марпл.

— О! И *вы* здесь!

Стоявшая у камина мисс Блеклок обернулась.

— Мисс Марпл любезно принесла мне записку от викария.

— Ухожу... Ухожу, — засуетилась мисс Марпл. — Не буду вам мешать.

— Вы были тут вчера — в гостях?

— Нет, не была. Мы с Банч ездили навестить друзей, — нервно сказала мисс Марпл.

— Тогда вам нечего мне сообщить. — Крэддок недружелюбно распахнул дверь, и мисс Марпл в смущении ретировалась. — Эти старухи везде суют свой нос, — проворчал Крэддок.

— По-моему, вы к ней несправедливы, — возразила мисс Блеклок. — Она действительно пришла с запиской от викария.

— Естественно!

— Вряд ли это праздное любопытство.

— Не знаю, может, вы и правы, мисс Блеклок, однако мой вам совет: будьте пожестче с теми, кто сует нос в чужие дела.

— Да она совершенно безобидная старушка! — воскликнула мисс Блеклок.

«Как же — «безобидная»! Поопасней гремучей змеи», — подумал инспектор. Но откровенничать он не собирался. Убийца поблизости, и лучше сейчас по возможности держать язык за зубами. А то, не дай бог, следующей жертвой окажется Джейн Марпл.

Убийца где-то здесь... Но где?

— Не буду тратить времени на выражение соболезнований, мисс Блеклок. Скажу только

одно: мне очень не по себе. Мы обязаны были предотвратить смерть мисс Баннер.

— Как? Не представляю себе...

— Конечно, задача не из легких. Но сейчас надо не рассуждать, а действовать, и притом без промедления. Кто это может быть, мисс Блеклок? Кто дважды покушался на вашу жизнь? И вероятно, попытается и в третий, если мы ему не помешаем...

Мисс Блеклок поежилась:

— Не знаю, инспектор... ей-богу, *не знаю!*

— Я связался с миссис Гедлер. Она помогла мне по мере сил. Но толку от этого мало. Ваша смерть сыграла бы на руку нескольким людям. Прежде всего Пипу и Эмме. Патрик и Джулия Симмонс примерно того же возраста, однако с их прошлым мы более или менее разобрались. Впрочем, ограничиваться только ими нельзя. Скажите, пожалуйста, мисс Блеклок, если б вы сейчас увидели Соню Гедлер, вы бы ее узнали?

— Соню? Конечно... — Она вдруг осеклась и медленно поправилась: — Н-нет, наверное, нет. Слишком много лет прошло. Целых тридцать. Сейчас она уже пожилая женщина.

— А какой вы ее помните?

Мисс Блеклок немного подумала.

— Довольно маленького роста, смуглая.

— А особые приметы? Может, что-то в поведении?

— Да нет, ничего такого. Она была веселой... очень веселой.

— Но ведь прошло тридцать лет... Возможно, сейчас она уже не такая веселая, — сказал инспектор. — А фотографий ее у вас нет?

— Сониных? Дайте подумать... Нет, точно нет. Были какие-то общие снимки... в альбоме... Наверное, там есть и она.

— Ага. Можно взглянуть?

— Конечно. Куда же я подевала альбом?

— Мисс Блеклок, скажите, пожалуйста, допускаете ли вы хотя бы теоретически, что миссис Светтенхэм — это Соня Гедлер?

– *Миссис Светтенхэм?* — Мисс Блеклок посмотрела на него с непритворным изумлением. — Но ее муж состоял на государственной службе в Индии, а потом в Гонконге.

— Это ведь она сама вам рассказывала? Говоря юридическим языком, сведения недостоверны. Так ведь?

— Так, — с запинкой произнесла мисс Блеклок. — В принципе, я, конечно, не знаю... Но неужели вы думаете, что миссис Светтенхэм?.. Господи,

какой вздор!..

— А Соня Гедлер никогда не пыталась играть? Скажем, в любительских спектаклях?

— О да! И у нее неплохо получалось.

— Видите? И еще одно: миссис Светтенхэм носит парик. По крайней мере, — поправился инспектор, — так утверждает миссис Хармон.

— Да-да, мне тоже так кажется. Ее пепельные кудряшки выглядят ужасно ненатурально. Но, по-моему, это все вздор. Она очень приятная женщина, и порой с ней бывает даже забавно.

— Еще есть мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд. Кто-нибудь из них может оказаться Соней Гедлер?

— Мисс Хинчклифф слишком высокая. Она ростом со среднего мужчину.

— А мисс Мергатройд?

— Ах, что вы! Я уверена, что мисс Мергатройд не Соня!

— Но вы ведь не очень хорошо видите, мисс Блеклок?

— Да, у меня близорукость, вы на это намекаете?

— Так точно. А теперь мне все же хотелось бы взглянуть на фотографию Сони Гедлер. Пусть прошло много лет, пусть даже она сейчас мало

похожа на себя прежнюю. У нас профессиональный навык отыскивать сходство там, где другой человек в жизни его не увидит.

— Я постараюсь найти альбом.

— Пожалуйста, поищите его сейчас.

— Как, прямо сию минуту?

— Я был бы вам весьма признателен.

— Хорошо... дайте-ка мне подумать... Я видела его, когда мы вытирали пыль в книжных шкафах. Помогала мне Джулия. Помню, она еще потешалась над платьями тех времен... Мы поставили книги на полку в гостиной. А куда мы положили альбомы и большую подшивку *«Арт джорнел»?* Совсем голова дырявая стала! Может, Джулия помнит? Она сегодня дома.

— Я схожу поищу ее.

Инспектор отправился за Джулией. Внизу ее нигде не было. Он спросил у Мици, где мисс Симмонс, и Мици сердито ответила, что не ее это забота.

— Я! Я на кухня занимаюсь обед. Я ничего не кушаю, кроме то, что сама готовляю. Вы слышите: ничего!

Стоя под лестницей, инспектор позвал: «Мисс Симмонс!» И, не услышав ответа, начал подниматься.

Столкнулись они неожиданно. Джулия выходила из двери, за которой в глубине виднелась винтовая лесенка.

— Я была на чердаке, — сказала она. — Что случилось?

Инспектор Крэддок объяснил.

— А, те старые альбомы с фотографиями? Да, я прекрасно помню. Мы засунули их в большой шкаф в кабинете. Сейчас посмотрю.

Она спустилась и толкнула дверь в кабинет. Возле окна стоял большой шкаф. Джулия открыла дверцу и выгребла кучу всякой всячины.

— Сколько же тут хлама! — воскликнула Джулия. — Старики *никогда* ничего не выбрасывают.

Инспектор опустился на колени и поднял с нижней полки пару старинных альбомов.

— Эти?

— Да.

Мисс Блеклок вошла и встала рядом.

— Ах *вот куда* мы их запихнули! А я не могла припомнить.

Крэддок перенес альбомы на стол и начал листать.

Женщины в шляпах с большими прямыми полями, в юбках, суживавшихся книзу настолько, что, видимо, в них трудно было ходить. Под

снимками — аккуратные подписи, но чернила давно выцвели и еле видны.

— Наверное, тут, — сказала мисс Блеклок. — Или на второй странице... А может, на третьей? Другой альбом собран уже после того, как Соня вышла замуж и уехала.

Она перевернула страницу.

— Вот здесь...

И осеклась.

На странице виднелось несколько пустых мест. Крэддок наклонился, стараясь разобрать размытую подпись: «Соня... я... Р.Г.» Чуть дальше — «Соня и Белль на пляже». А на противоположном листе слова: «Пикник в Скейне». Она перевернула следующую страницу. «Шарлотта, я, Соня, Р.Г.».

Крэддок встал. Губы его мрачно сжались.

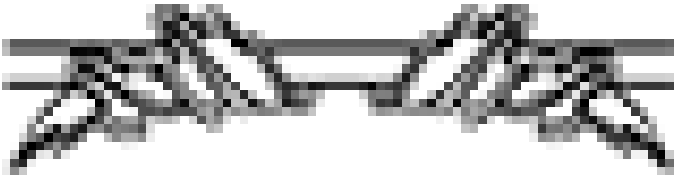
– *Кто-то вытащил фотографии.* И, по-моему, совсем недавно.

— Когда мы смотрели альбом, они ведь были. Правда, Джулия?

— Я смотрела вполглаза, меня в основном интересовали наряды. Но, кажется, вы правы, тетя Летти, пустых мест тут *не было.*

Крэддок посуровел еще больше.

— Кто-то, — сказал он, — вынул из альбома все фотографии, на которых была Соня Гедлер.



Глава 18

ПИСЬМА

I

— Простите, что снова беспокою вас, миссис Хаймс.

— Ничего, — холодно проронила Филлипа.

— Может, нам пройти в ту комнату?

— В кабинет? Ради бога, только там очень холодно. Там нет камина.

— Не важно. Я вас долго не задержу. Кроме того,

там нас вряд ли смогут подслушать.

— А это имеет значение?

— Не для меня, миссис Хаймс. Для вас.

— Что вы хотите сказать?

— Вы вроде бы говорили, миссис Хаймс, что вашего мужа убили на войне в Италии?

— Ну и что?

— А не проще ли было сказать правду, признаться, что он дезертировал?

Филлипа побелела и стиснула руки.

— Вы всегда до *всего* докапываетесь? — В голосе ее звучала горечь.

Крэддок сухо ответил:

— Мы ждем от людей правды.

Она помолчала. Потом спросила:

— Ну и что?

— То есть, миссис Хаймс?

— Что вы намерены теперь делать? Рассказать всему свету? Так нужно, да? Этого требует справедливость? Или, может, милосердие?

— А разве никто не знает?

— Здесь — никто. Гарри, — ее голос дрогнул, — мой сын тоже ничего не знает. И я не хочу, чтобы он узнал. Нет-нет, никогда.

— Позвольте заметить, миссис Хаймс, что вы поступаете опрометчиво. Когда мальчик под-

растет, лучше скажите ему правду. А то, если он узнает об этом не от вас, ему будет еще горше. Или вы всю жизнь собираетесь рассказывать ему сказки про отца, погибшего геройской смертью?

— Я не рассказываю никаких сказок. Вы что, считаете меня настолько бесчестной? Мы просто не говорили на эту тему. Его отец был... был убит на войне. В конце концов, для нас он и так все равно что мертв.

— Но ваш муж жив?

— Возможно. Откуда мне знать?

— Когда вы встречались с ним в последний раз, миссис Хаймс?

Филлипа торопливо ответила:

— Я не видела его много лет.

— Вы совершенно уверены? А может, вы все-таки видели его... недели две тому назад?

— На что вы намекаете?

— Я не мог поверить, что вы встречались в оранжерее с Руди Шерцем. Однако рассказ Мици звучал весьма убедительно. Так что напрашивается вывод: мужчина, ради которого вы в то утро ушли с работы, — это ваш муж.

— Ни с кем я в оранжерее не встречалась.

— Может, ему потребовались деньги, и вы их ему дали?

— Я же сказала, я его не видела. И ни с кем в оранжерее не встречалась!

— Среди дезертиров частенько попадаются сущие головорезы. Иногда они участвуют в ограблениях... В налетах... В общем в делах такого рода. *И нередко у них есть пистолеты, привезенные из-за границы.*

— Я не знаю, где мой муж. Мы не виделись много лет.

— Это ваше последнее слово, миссис Хаймс?

— Да, больше мне нечего сказать.

II

Крэддок ушел от Филлипы злой и растерянный.

— Упряма, как ослица! — сердито бурчал он себе под нос.

Он был совершенно уверен, что Филлипа лгала, но перемочь ее упорное отнекивание ему так и не удалось.

Разузнать бы побольше о бывшем капитане Хаймсе! Но Крэддок располагал лишь самыми скудными сведениями. Послужной список его был неудовлетворительным, но нельзя же на этом основании считать Хаймса преступником!

И уж во всяком случае, Хаймс никак не мог

смазать дверные петли.

Это сделал либо кто-то из домочадцев, либо тот, кто запросто вхож в Литтл-Паддокс.

Крэддок стоял в раздумье, глядя на лестницу, как вдруг ему пришла в голову мысль: а что делала Джулия на чердаке? Чердак, подумал он, не совсем подходящее место для такой изнеженной барышни. Что же она там делала?

Он бегом поднялся на второй этаж. Поблизости никого не было. Крэддок открыл дверь, из которой вышла Джулия, и поднялся по узкой спиральной лестнице.

На чердаке он увидел кованые сундуки, старые чемоданы, полуразвалившуюся мебель... Стул со сломанной ножкой, разбитая фарфоровая лампа, разрозненные столовые сервизы.

Крэддок подобрался к сундукам и открыл крышку одного из них. Одежда. Старомодные добротные женские платья. Наверно, мисс Блеклок и ее покойной сестры.

Он заглянул в другой сундук.

Занавеси.

Взял маленький кожаный чемоданчик. Там были бумаги и письма. Старые письма, пожелтевшие от времени.

Крэддок посмотрел на крышку чемоданчика,

на ней стояли инициалы «Ш.Л.Б.». Видимо, чемоданчик принадлежал Шарлотте, сестре Летиции. Крэддок развернул одно из писем. Оно начиналось так:

«Дорогая Шарлотта!

Вчера Белль почувствовала себя лучше и смогла поехать на пикник. Р.Г. тоже взял выходной. Дела с основанием предприятия в Асвогеле идут превосходно. Р.Г. очень этим доволен. Привилегированные акции поднялись выше номинала».

Он пропустил остальное и посмотрел на подпись.

«Твоя любящая сестра Летиция».

Крэддок взял другое письмо.

«Милая Шарлотта!

Я хочу, чтобы ты все-таки иногда виделась с людьми. Знаешь, ты все преувеличиваешь. На такие недостатки, как у тебя, люди вообще не обращают внимания. Ты напрасно считаешь это уродством».

Крэддок вспомнил, что Белль Гедлер говорила насчет какого-то уродства у Шарлотты Блеклок. В результате Летиции пришлось бросить работу и ухаживать за сестрой. Взволнованные письма были пронизаны нежностью и любовью к несчастной калеке. Летиция пространно описывала свои каждодневные дела, со всеми подробностями, которые могли заинтересовать больную девушку. И Шарлотта хранила ее письма. А вдруг среди них затесались какие-нибудь старые снимки?

Крэддок внезапно разволновался. Что, если разгадка здесь? Может, в письмах есть нечто, о чем сама Летиция Блеклок давно позабыла? Ведь письма представляют собой беспристрастную картину прошлого, в них может быть ключ к разгадке. Вдруг он с их помощью нападет на след убийцы? И потом, возможно, среди писем обнаружатся фотографии Сони Гедлер, о которых не знает тот, кто вынул снимки из альбома.

Инспектор Крэддок аккуратно сложил письма, закрыл чемоданчик и стал спускаться.

Внизу стояла Летиция Блеклок и с изумлением глядела на него.

— Так это вы были на чердаке? А я слышала шаги и не могла понять кто...

— Мисс Блеклок, я нашел здесь кое-какие письма. Вы писали их Шарлотте много лет назад. Вы позволите мне взять их?

От возмущения мисс Блеклок даже побагровела.

— Это необходимо? Но почему? Какой вам от них прок?

— Там могут быть снимки Сони Гедлер или описание ее характера, какие-нибудь намеки, эпизоды, которые могут мне помочь.

— Но это частная переписка, инспектор!

— Я знаю.

— А впрочем, вы все равно их заберете... Наверно, у вас есть на то полномочия, а если нет — то вы легко их получите. Берите! Забирайте! Но о Соне вы почти ничего не найдете. Она вышла замуж и уехала всего через два года после того, как я начала работать у Рэнделла Гедлера.

Крэддок упрямо твердил:

— А вдруг *что-нибудь* есть? Надо посмотреть. Уверяю вас, опасность очень реальна.

— Знаю, — сказала она, закусив губу. — Банни умерла оттого, что приняла таблетку, предназначавшуюся для меня. Следующей жертвой могут оказаться Патрик или Джулия, Филлипа или Мици, а ведь у них еще вся жизнь впереди.

Они выпьют бокал вина, налитый для меня, или съедят шоколад, посланный мне в подарок. Забирайте письма! Прочтите их и сожгите. Они интересны только для меня и Шарлотты. Все давно кончено... ушло, минуло. Этого уже никто не помнит.

Она поднесла руку к ожерелью из фальшивого жемчуга. Крэддок подумал, что оно совершенно не вязалось с твидовым пиджаком и юбкой.

— Забирайте письма, — повторила она.

III

На следующий день инспектор зашел к викарию. День выдался пасмурный, ветреный.

Мисс Марпл вязала, пододвинув кресло к камину. Банч ползала по полу, раскраивая материал. Она села, откинула упавшие на глаза волосы и выжидательно посмотрела на инспектора.

— Не знаю, может, я нарушаю устав, — сказал Крэддок, обращаясь к мисс Марпл, — но мне бы хотелось показать вам это письмо.

Он поведал, как обнаружил письма на чердаке.

— Письма очень трогательные, — добавил Крэддок, — мисс Блеклок всячески старалась поддержать в сестре интерес к жизни и поправить

ее здоровье. В письмах ясно вырисовывается личность старика отца, доктора Блеклока. Это был тупоголовый тип, косный, убежденный в том, что все его мысли и сентенции правильны. Из-за своего упрямства он, наверно, уморил не одну тысячу пациентов. Он не выносил никаких новых веяний или методов лечения.

— Я бы не стала его за это упрекать, — заметила мисс Марпл. — Наши молодые врачи слишком увлекаются экспериментами. Сначала выдерут тебе все зубы, исследуют все железы, удалят добрую половину внутренностей, а потом разведут руками и заявят, что медицина бессильна. По мне, так лучше старые испытанные средства. Их, в конце концов, всегда можно выбросить в помойное ведро.

Она взяла письмо, которое ей протягивал Крэддок.

— Прочтите, — сказал инспектор, — мне кажется, вы лучше поймете то поколение. Их поступки, желания, образ мышления...

Мисс Марпл развернула хрупкий пересохший листок.

«Дорогая Шарлотта!
Я не писала тебе целых два дня, потому

что дома у нас ужасные сложности. Соня, сестра Рэнделла (помнишь ее? Она еще заезжала за тобой на машине. Как бы я хотела, чтобы ты побольше бывала на людях!), так вот, Соня объявила о своем намерении выйти замуж за Дмитрия Стэмфордиса. Я видела его всего один раз. Он очень импозантный мужчина, но, по-моему, не внушает доверия. Р.Г. его терпеть не может, считает мошенником и плутом. Белль (господь с ней!) только и делает, что целыми днями валяется на диване и безмятежно улыбается. Соня только на первый взгляд такая флегматичная, на самом деле характер у нее бешеный, они с Р.Г. все время на ножах, вчера я по-настоящему испугалась, как бы она его не убила!

Я старалась изо всех сил. Говорила и с Соней, и с Р.Г., и вроде бы убедила их встретиться и трезво все обсудить. Они встретились, и все началось сызнова! Ты даже представить не можешь, насколько это утомительно. Р.Г. наводил справки, похоже, Стэмфордис действительно нежелательная кандидатура.

Дела опять же запущены. Все лежит на мне, и в каком-то смысле это неплохо, потому что Р.Г. предоставляет мне свободу действий. Вчера он сказал: «Слава тебе, господи, хоть один нормальный человек еще остался! Блеки, ты ведь никогда не влюбилась бы в мошенника?» Я ответила, что вообще вряд ли могу влюбиться. Р.Г. сказал: «Давай-ка затеем еще одну игру». Но порой он так рискует, что буквально ходит по лезвию бритвы. «Ты твердо решила не дать мне сбиться с пути истинного, Блеки?» – спросил он меня однажды. А ведь я именно это и делаю. Я просто не могу себе представить, как это люди не понимают, что честно, а что – нет. Но Р.Г. совершенно искренне не понимает. Он знает только, что законно, а что противозаконно. Белль надо всем этим смеется. Она считает, что страсти вокруг Сониного замужества раздуты. «У Сони есть деньги, – говорит она, – почему бы ей не выйти за кого она хочет?» Я сказала, что это может оказаться непоправимой ошибкой, а Белль ответила: «Замужество по любви никогда не может оказаться ошибкой...

даже если потом будешь раскаиваться». И добавила: «По-моему, Соня только из-за денег не хочет рвать с Рэнделлом. Соня очень любит деньги».

Вот пока и все. Как там папа? Я не пишу, чтобы ты передавала ему привет, но если сочтешь нужным – передай. Чаще ли ты стала выходить в общество? Право, дорогая, нельзя быть такой затворницей!

Соня передает тебе привет. Только что она вошла ко мне в комнату, она похожа на разъяренную кошку, выпускающую когти. Наверно, они с Р.Г. снова поругались. Вообще-то Соня порой любого может вывести из себя. Не знаешь, куда деваться под ее холодным пристальным взглядом.

Тысячу поцелуев, моя милая. Взбодрись. Курс лечения йодом может вызвать заметные сдвиги. Я выясняла... и, похоже, это дает хорошие результаты.

Любящая тебя сестра

Летиция».

Мисс Марпл сложила письмо и отдала его Крэддоку. Вид у нее был задумчивый.

— Ну? Что вы о ней скажете? — спросил Крэддок. — Какое у вас сложилось впечатление?

— О ком? О Соне? Сами понимаете, трудно судить о человеке с чужих слов... Она самостоятельна... по-моему, это главное. И хотела взять от жизни все, что только возможно.

– *«Она похожа на разъяренную кошку, выпускающую когти»,* — вполголоса процитировал Крэддок. — Знаете, это мне кого-то напоминает.

Он наморщил лоб.

— Наводил справки... — пробормотала мисс Марпл.

— Да что толку от этих справок, — сказал Крэддок.

— А ни о ком из жителей Сент-Мэри-Мид вам письмо Летиции не напомнило? — спросила Банч. Она говорила невнятно, потому что держала во рту булавки.

— Да вроде нет, дорогая... Правда, отец Летиции, доктор Блеклок, наверное, походил на мистера Кёртисса, служителя Уэслианской церкви. Он не разрешил своей дочери поставить пластинку на искривленные зубы. Говорил: «Богу угодно, чтобы ее зубы торчали вперед». «Но ведь, — возразила я ему, — вы подстригаете бороду и волосы. А может, богу угодно, чтобы вы совсем обросли». Но он

ответил, что это другое дело. Истинно мужская логика. Впрочем, к нашему делу это не имеет отношения.

— Знаете, а мы ведь так и не установили, кто владелец пистолета. Руди Шерцу он не принадлежал. Эх, знать бы, был ли у кого в Чиппинг-Клеорне пистолет до этого, так сказать, «объявленного убийства»!

— У полковника Истербрука, — отозвалась Банч. — Он хранит в ящичке для воротничков.

— Откуда вам это известно, миссис Хармон?

— От миссис Батт. Она приходит к нам прибираться два раза в неделю. Она сказала, что, поскольку он военный, у него, естественно, имеется пистолет. Мало ли что, вдруг к нему вздумают залезть грабители?

— А когда вы с ней разговаривали?

— Давно. Где-то с полгода назад.

— Неужели полковник Истербрук? — пробормотал Крэддок.

— Это похоже на игру в рулетку на ярмарке, — сказала Банч. — Она тоже крутится и каждый раз останавливается на другом месте.

— Не травите душу! — простонал Крэддок.

— Полковник Истербрук однажды принес в Литтл-Паддокс книгу, — сказал он, слегка пораз-

мыслив. — Он вполне мог тогда смазать дверные петли. Однако он не скрывал, что заходил. В отличие от мисс Хинчклифф.

Мисс Марпл кашлянула.

— Надо делать скидку на то, в какие времена мы живем, инспектор. Вы полицейский. А люди не могут всего рассказать полиции, ведь так?

— Не понимаю почему, — сказал Крэддок. — Почему, если они не замешаны в преступлении?

— Тетя Джейн имеет в виду масло, — сказала Банч, ползая вокруг ножки стола и пытаясь поймать улетевший кусок выкройки. — Масло, зерно для кур и сметану, а иногда и кусочек бекона.

— Покажи инспектору записку мисс Блеклок, — сказала мисс Марпл. — Она написана довольно давно, но это не важно: читается как захватывающий детектив.

— Куда же она запропастилась? Вы об этой записке, тетя Джейн?

Мисс Марпл взяла ее в руки и кивнула.

— Да, именно о ней.

Она протянула бумажку инспектору.

«Я обо всем справилась: это в четверг. В любое время после трех. Если будет что-нибудь для меня, оставьте где обычно».

Банч выплюнула булавки и рассмеялась. Мисс Марпл следила за выражением лица инспектора.

Жена викария начала объяснять:

— В четверг на местных фермах готовят масло. Кто хочет, может его купить. Обычно мисс Хинчклифф объезжает фермы и скупает какое-то количество масла. Она с фермерами на короткой ноге, может, из-за того, что у нее свиньи. Но, понимаете, все проделывается втихую, это как бы товарообмен между местными жителями. Кто-то получает масло, а взамен дает огурцы, а когда режут свиней, то еще и кусочек свинины. Ведь частенько с животными что-то «случается», и их приходится убивать. Ну, вы меня понимаете. Но, конечно, полиции об этом не стоит говорить. Думаю, добрая половина таких сделок противозаконна, только никто не может сказать наверняка, потому что все жутко запутано. Я полагаю, Хинч принесла в Литтл-Паддокс фунт масла или еще что-нибудь и оставила *«где обычно».* Кстати, «где обычно» означает в ящике для муки, под шкафом. Никакой муки там нет.

Крэддок вздохнул.

— Я весь внимание, милые дамы, — продолжайте свою лекцию.

— А потом, эти купоны на одежду, — сказала Банч. — Обычно их не покупают. Считается неприличным. Ведь их выдают бесплатно. Но миссис Батт, миссис Финч, миссис Хаггинс и другим женщинам нравятся красивые шерстяные платья и почти не ношенные зимние пальто, и они расплачиваются талонами на одежду, которые скупают по дешевке.

— Лучше не продолжайте, — сказал Крэддок. — Все подобные махинации противозаконны.

— Значит, надо отменить такие глупые законы, — сказала Банч, опять зажав в зубах несколько булавок. — Конечно, сама *я* так не поступаю, потому что Джулиану это не нравится. Но я знаю, что творится вокруг.

Крэддоком начало овладевать отчаяние.

— Все выглядит так просто и обыденно, — сказал он. — Милые пустячки, забава. И тем не менее уже имеется двое убитых, и, того и гляди, укокошат еще кого-нибудь, прежде чем я успею принять меры. В настоящий момент я перестал заниматься Пипом и Эммой и сосредоточился исключительно на Соне. Знать бы, как она выглядит! В письмах есть несколько фотографий, но никого похожего на нее.

— Разве вам известно, как она выглядела?

— Мисс Блеклок сказала, что она была маленького роста и смуглая.

— Вот как, — протянула мисс Марпл, — *любопытно.*

— Правда, — продолжал Крэддок, — один снимок мне кого-то смутно напомнил. Высокая светловолосая девушка с пучком на затылке. Бог знает, кто она такая, но, во всяком случае, не Соня. Как вам кажется, миссис Светтенхэм была в юности смуглой?

— Едва ли, — ответила Банч. — У нее голубые глаза.

— Я рассчитывал найти фотографию Дмитрия Стэмфордиса, но увы... Ладно. — Он взял письмо. — Извините, что тут нет ничего интересного для вас, мисс Марпл.

— О, что вы, как раз напротив, — запротестовала мисс Марпл. — Тут очень даже много интересного... Вчитайтесь, инспектор... особенно в то место, где она пишет, что Р.Г. навел справки про Дмитрия Стэмфордиса.

Крэддок удивленно уставился на нее.

Зазвонил телефон.

Банч поднялась с пола и вышла в холл, ибо телефонный аппарат, согласно викторианским традициям, находился там.

Вернувшись в комнату, она сказала Крэддоку:

— Это вас.

Слегка удивленный, инспектор вышел, не забыв, однако, плотно притворить за собой дверь.

— Крэддок? Райдсдейл на проводе.

— Слушаю, сэр.

— Я тут просматривал наше дело. Как я понял, в разговоре с вами Филлипа Хаймс твердила, что не видела мужа с тех пор, как он дезертировал?

— Так точно, сэр. Она все категорически отрицала. Но, по-моему, лгала.

— Совершенно с вами согласен. Помните случай, произошедший дней десять назад? Мужчину переехал грузовик… потерпевшего отвезли в Мильчестерский госпиталь с сотрясением мозга и переломом таза.

— Вы про парня, который вытащил ребенка из-под колес грузовика, а сам под него угодил?

— Да. При нем не было никаких бумаг, и никто не пришел его опознать. Похоже было, что он в бегах. Прошлой ночью бедняга умер, так и не придя в сознание. Но мы выяснили его личность. Он дезертировал из армии, и зовут его Рональд Хаймс, бывший капитан, служивший в Южном Луамшире.

— Муж Филлипы Хаймс?

— Да. Кстати, при нем обнаружили использованный билет в Чиппинг-Клеорн и довольно приличную сумму денег.

— Значит, он получил деньги от жены? Я всегда думал, что Филлипа разговаривала в оранжерее с ним. Конечно, она все начисто отрицала... Но, сэр, несчастный случай ведь произошел до...

— Вот именно! — подхватил Райдсдейл. — Его положили в больницу двадцать восьмого. А события в Литтл-Паддоксе были двадцать девятого. Так что к нему Хаймс не имеет отношения. Но жена его, разумеется, ничего не знала. И могла подозревать, что муж замешан. Поэтому она и молчала: все-таки он ее муж.

— А он поступил благородно, да, сэр? — сказал Крэддок.

— Что спас ребенка? Безусловно. Смельчак! Так что не думайте, будто Хаймс дезертировал из трусости. Ладно, бог с ним, что было — то быльем поросло. Для человека с замаранной репутацией это хорошая смерть.

— Я рад за Филлипу, — сказал инспектор. — И за ее сына.

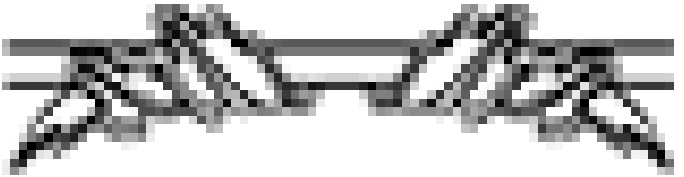
— Да, мальчику не придется краснеть за отца. А молодая женщина сможет снова выйти замуж.

— Я уже думал, сэр, — откликнулся Крэддок.

— Это открывает новые перспективы.

— Раз уж вы сейчас в Чиппинг-Клеорне, то, наверное, стоит рассказать о случившемся Филлипе.

— Хорошо, сэр. Я тотчас же пойду поговорю с ней. Хотя нет, лучше подождать, когда она вернется в Литтл-Паддокс. Известие может сильно потрясти ее... и, потом, я хочу еще кое с кем переговорить.



Глава 19

ПОПЫТКА ВОССОЗДАТЬ КАРТИНУ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

I

— Я ухожу, но сначала давайте-ка поставлю лампу к вам поближе, — сказала Банч. — Здесь темно. Наверно, будет гроза.

Она перенесла настольную лампу на другой конец стола: так, чтобы та лучше освещала вязание мисс Марпл, сидевшей в просторном кресле

с высокой спинкой.

Шнур зашуршал по столу; кот Тиглатпаласар бросился к нему и впился в него зубами.

— Не надо, Тиглатпаласар, не надо. Ей-богу, что за ужасный котище! Посмотрите, чуть не перекусил шнур... весь его растрепал. Ну, как ты не понимаешь, дурачина, что тебя может дернуть током, если ты будешь так себя вести?

— Спасибо, дорогая, — сказала мисс Марпл и протянула руку к выключателю.

— Не здесь. Надо нажать на кнопку посередине шнура, ужасно дурацкая система! Погодите минуточку. Я уберу цветы.

Она подняла вазу с рождественскими розами. Кот, помахивая хвостом, озорно вытянул когти и слегка оцарапал руку Банч. Из вазы пролилось немного воды. Она попала на растрепавшуюся часть шпура и на самого кота, который с возмущенным шипеньем соскочил на пол.

Мисс Марпл нажала маленькую грушевидную кнопку. Что-то вспыхнуло и затрещало — там, где вода попала на шнур.

— О боже! — воскликнула Банч. — Она перегорела. И наверно, все остальные лампы в комнате тоже. — Она попыталась зажечь свет. — Да. Какой идиотизм, что все лампы действуют от одной...

как ее. И стол тоже прожгли... Мерзкий, мерзкий Тиглатпаласар — это все он! Что с вами, тетя Джейн? Вы испугались?

— Ничего, дорогая. Просто я вдруг увидела то, что должна была увидеть гораздо раньше...

— Я пойду вкручу пробку и принесу лампу из кабинета Джулиана.

— Не надо, дорогая, не беспокойся. Ты опоздаешь на автобус. Мне достаточно света. Я хочу просто спокойно посидеть... и все обдумать. Поторапливайся, милочка, а то не успеешь.

Когда Банч ушла, мисс Марпл довольно долго сидела не шевелясь и сосредоточенно сдвинув брови. В комнате было душно, на дворе собиралась гроза.

Потом старая леди пододвинула к себе листок бумаги и написала *«Лампа?»* — и жирно подчеркнула.

Потом написала еще одно слово.

Карандаш заскользил по листу, оставляя за собой лесенку коротких фраз...

II

В Боулдерсе, в полутемной гостиной с низкими потолками и решетчатыми окнами, спорили мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд.

— Вся беда в том, Мергатройд, — говорила мисс Хинчклифф, — что ты даже не хочешь попытаться.

— Но уверяю тебя, Хинч, я ничего не могу припомнить.

— Ладно, слушай, Эми Мергатройд. Сейчас мы попробуем мысленно воссоздать ход событий. Пока что сыщики из нас никудышные. Я была в корне не права насчет двери. Ты не придерживала ее, помогая убийце. Ты оправдана, Мергатройд.

Мисс Мергатройд кисло улыбнулась.

— Нам, конечно, очень не повезло, что наша домработница — не болтунья, в отличие от всей прочей прислуги в Чиппинг-Клеорне, — продолжала мисс Хинчклифф. — Вообще-то я ей за это благодарна, но на сей раз она нас подвела. Всей округе давно известно про вторую дверь в гостиную, а мы услыхали о ней только вчера...

— Но я до сих пор не понимаю, как...

— Все очень просто. Наши с тобой сомнения были совершенно оправданны. Как можно одновременно придерживать дверь, шарить фонарем по комнате, и при этом еще стрелять из пистолета! Мы исключили дверь, а пистолет и фонарь оставили. И вот тут-то мы ошиблись. Надо было

исключить пистолет.

— Но у него же *был* пистолет! — не сдавалась мисс Мергатройд. — Я сама видела. Он валялся на полу.

— Конечно, но Шерц тогда уже окочурился. Все ясно как день. *Он* не стрелял из пистолета...

— А кто стрелял?

— Это нам и предстоит выяснить. Ясно одно: тот же самый человек положил отравленные таблетки возле постели Летиции Блеклок, а укокошил по ошибке бедняжку Дору Баннер. Руди Шерц сотворить этого не мог, потому что сам дал дуба. Это сделал тот, кто был среди гостей в день налета и, очевидно, на дне рождения тоже. Сразу отпадает только миссис Хармон.

— А ты думаешь, таблетки подложили именно в день рождения?

— Скорее всего.

— Но как?

— Ну, в сортир-то мы все ходили, — с грубой откровенностью сказала мисс Хинчклифф. — А я мыла руки в ванной, они у меня были липкие от торта. А наша маленькая пампушечка Истербрук пудрила свою грязную мордочку в спальне Блеклок, помнишь?

— Хинч! Неужто ты думаешь, что... *она...*

— Пока не знаю. Очень уж смело. Если хочешь подбросить кому-нибудь таблетки, вряд ли станешь околачиваться в спальне. Да нет, конечно, есть масса других возможностей.

— Мужчины наверх не поднимались.

— В доме есть черный ход. Ну, и потом... когда мужчина выходит из комнаты, ты же не потащишься за ним проверять, туда ли он побрел на самом деле, куда ты подумала. В конце концов, это бестактно! Ладно, *не спорь,* Мергатройд! Вернемся к первому покушению на Летти Блеклок. Для начала уясни обстановку, потому что все будет зависеть только от тебя.

Мергатройд заволновалась.

— Но, Хинч, милая, ты же знаешь, я все на свете перепутаю!

— Сейчас речь не об опилках, которые у тебя вместо мозгов. Речь о твоих *глазах.* О том, что ты *видела.*

— Но я *ничего* не видела!

— Я же тебе сказала, Мергатройд: вся сложность в том, что ты не хочешь *попытаться.* Слушай внимательно. Значит, так: кто бы ни охотился на Летти Блеклок, в тот вечер он был в комнате. Он (я говорю *«он»* потому, что так проще, но не вижу причины, по которой это не могла совер-

шить и женщина, разве что только потому, что в принципе все мужики — свиньи)... так вот, он заранее смазал петли двери, которая считалась заколоченной. О том, *когда* он умудрился, не спрашивай, ты только собьешь меня с мысли. На самом деле можно, улучив момент, зайти в любой дом в Чиппинг-Клеорне, сделать свое дело, и никто тебя не заметит. Надо лишь выяснить, где прислуга и куда смотались хозяева. Хорошенько прощупать почву — только и всего! Ладно, поехали дальше. Он смазал петли. Теперь дверь открывается бесшумно. А сейчас давай представим себе тот вечер... Погас свет. Дверь (главная) распахнулась настежь. Суматоха, свет фонаря, выкрики налетчика... И пока мы стоим и пялимся в темноте, Икс (будем называть его так) тихонько прокрадывается через дверь Б в темный холл, подходит сзади к дураку-швейцарцу, выпускает пару пуль в Летти Блеклок и пристреливает горе-гангстера. Потом бросает пистолет, чтобы такие тугодумы, как ты, решили, будто бы стрелял швейцарец, и прошмыгивает обратно, стараясь поспеть до того, как зажгут свет. Поняла?

— Д-да... но кто он?

— Ну, уж если *ты,* Мергатройд, не знаешь, то никто не знает!

– *Я?* — еле слышно пискнула встревоженная Мергатройд. — Но я *абсолютно* ничего не знаю. Правда, *ничего,* Хинч!

— Напряги, напряги опилки, которые ты называешь мозгами. Начнем сначала: кто где был, когда погас свет?

— Не знаю.

— Нет, знаешь. Ты меня с ума сведешь, Мергатройд. *Ты* хотя бы знаешь, где сама была? Ты стояла за дверью.

— Да-да, помню. Она еще стукнула меня по мозоли, когда распахнулась.

— Ты бы лучше к педикюрше сходила, вместо того чтобы жаловаться. Допрыгаешься до заражения крови. Ладно, поехали дальше. *Ты* за дверью. *Я* стою напротив камина, высунув язык от жажды. Летти Блеклок у стола возле прохода под аркой, она достает сигареты. Патрик Симмонс прошел в маленькую комнату, туда, где Летти поставила напитки. Так?

— Да-да.

— Хорошо, дальше. Кто-то отправился вслед за Патриком или собирался отправиться. Кто-то из мужчин. Вот досада, что я не могу вспомнить, кто именно: Истербрук или Эдмунд Светтенхэм. Ты не помнишь?

— Нет.

— Еще бы ты помнила!.. Так... Потом кто-то еще тоже прошел в маленькую комнату. А! Филлипа Хаймс! Я ее отчетливо запомнила, потому что обратила внимание на ее осанку и подумала, что эта девочка хорошо смотрелась бы на лошади. Она подошла к камину. Не знаю, что ей там понадобилось. И в тот самый момент погас свет... Итак, фигуры расставлены. Патрик Симмонс, Филлипа Хаймс и то ли полковник Истербрук, то ли Эдмунд Светтенхэм, — мы точно не знаем, — находятся в дальней гостиной. Теперь внимание, Мергатройд! Вероятнее всего, это сделал *кто-то из них.* Если человек хочет прошмыгнуть в ту самую дверь, он, естественно, заранее постарается занять удобную позицию. Так что, скорее всего, это один из тех троих. И тогда, Мергатройд, ты ничего не сможешь прояснить.

Мисс Мергатройд явно повеселела.

— Но, с другой стороны, — продолжала мисс Хинчклифф, — возможно, это и *не они.* И тут все зависит от тебя, Мергатройд.

— Но откуда *мне* знать?

— Говорю же: кому еще знать, как не тебе?

— Но я не знаю! Правда, *не знаю!* Я ничего *не могла* видеть!

— Нет, могла. Ты — единственная, кто *мог.* Ты стояла за дверью и *поэтому* не смотрела на фонарь, поскольку дверь тебе мешала. А значит, ты глядела туда, куда светил фонарь. Всех остальных он, стало быть, ослепил, а *тебя* нет, значит, ты могла что-то увидеть.

— Может быть, но я ничего *не видела,* свет от фонаря прыгал из стороны в сторону...

— И *что* освещал? Он ведь задерживался на *лицах,* да? На столах? На креслах?

— Да-да... Мисс Баннер стояла, разинув рот, выпучив глаза. Уставилась в одну точку и только моргала...

— Наконец-то! — облегченно вздохнула мисс Хинчклифф. — Самое сложное — это заставить тебя шевелить опилками. Ну, давай, давай!

— Но я больше ничего не видела! Честное слово!

— Ты хочешь сказать, что видела пустую комнату? И никого в ней не было? Никто не стоял? Не сидел?

— Нет, конечно нет. Мисс Баннер стояла с открытым ртом, а миссис Хармон сидела на подлокотнике кресла. Она крепко зажмурилась и закрыла лицо руками, совсем как ребенок.

— Хорошо, с миссис Хармон и мисс Баннер мы

разобрались... Ну, разве тебе не ясно, к чему я клоню? Я вовсе не хочу что-то тебе вдалбливать. Но понимаешь, когда мы исключим тех, кого ты *видела...* мы сможем подойти к самому главному: кого ты *не видела.* Усекла? Кроме столов, кресел, хризантем и всего прочего, в комнате находились люди: Джулия Симмонс, миссис Светтенхэм, миссис Истербрук, полковник Истербрук или Эдмунд Светтенхэм... Дора Баннер и Банч Хармон. Ты увидела Банч Хармон и Дору Баннер. Прекрасно! Вычеркни их. А теперь *напрягись,* Мергатройд. Хорошенько *подумай:* кого, только точно, в комнате *не было?*

В растворенное окно стукнула ветка. Мисс Мергатройд от неожиданности подскочила на стуле. Закрыв глаза, она пробормотала: «Цветы... на столе... большое кресло... фонарь не дошел до тебя, Хинч... Миссис Хармон... о да...»

Зазвонил телефон. Мисс Хинчклифф подошла к нему.

— Алло, слушаю. Кто это? Станция?

Закрыв глаза, мисс Мергатройд послушно пыталась воссоздать в памяти вечер двадцать девятого числа. Фонарь медленно двигался по комнате... группа людей... окна... диван... Дора Баннер... стена, стол с лампой... проход под ар-

кой... внезапный звук выстрела...

— Но это *невероятно!* — проговорила мисс Мергатройд.

— Что? — рявкнула в телефонную трубку мисс Хинчклифф. — Он там с утра? Со скольких? Черт побери, и вы только *теперь* мне звоните. Я натравлю на вас ОБЖОЖ[25]. Недосмотр? И *это* все, что вы можете сказать?

Она швырнула трубку.

— Звонили по поводу той собаки, рыжего сеттера. Сучка. Она у них с утра на станции... с восьми! Без глотка воды, представляешь? А эти болваны позвонили только сейчас. Поеду заберу ее.

Она ринулась вон из комнаты. Мисс Мергатройд, очнувшись, пронзительно запищала:

— Но послушай, Хинч, это невероятно... Я ничего не понимаю...

Мисс Хинчклифф выбежала из дома и помчалась через двор к сараю, служившему гаражом.

— Продолжим, когда вернусь, — откликнулась она. — Я не могу ждать, пока ты соберешься. Ты, как всегда, в шлепанцах.

Она завела мотор и рывком вырулила из гаража. Мисс Мергатройд проворно подскочила

---

[25] notes: 25

О Б Ж О Ж — Общество борьбы против жестокого обращения с животными.

сбоку.

— Но послушай, Хинч, я *должна* тебе сказать...

— Когда я вернусь...

Машина рванулась с места и умчалась. Вслед ей полетел слабый, взволнованный крик Мергатройд:

— Но, Хинч, *там ее не было...*

III

Над головой собирались густые черные тучи. Пока мисс Мергатройд стояла, ошарашенно глядя вслед умчавшейся машине, упали первые крупные капли дождя. Мергатройд кинулась к веревке, на которой несколько часов назад развесила сушиться свитера и шерстяные нижние рубашки. Она бормотала, еле переводя дух:

— Нет, *совершенно* невероятно... Боже, я не успею снять белье... А ведь оно почти высохло.

Борясь с заклинившей прищепкой, она вдруг услышала чьи-то шаги и, повернув голову, гостеприимно улыбнулась.

— Здравствуйте, заходите в дом, а то еще промокнете.

— Ничего, я помогу вам.

— О, если вас не затруднит... как ужасно, если вещи снова намокнут. Наверно, проще снять

веревку, но я не могу дотянуться.

— Вот ваш шарф. Можно, я вам его завяжу?

— Спасибо... Вот бы мне дотянуться до той прищепки...

Шерстяной шарф обвился вокруг шеи и вдруг стиснул ее...

Мисс Мергатройд открыла рот, но из него вырывалось лишь слабое, приглушенное бульканье.

А шарф стягивал ее шею все туже и туже...

IV

На обратном пути со станции мисс Хинчклифф притормозила рядом с мисс Марпл, которая торопливо шла по улице.

— Привет! — крикнула она. — Вы промокнете до нитки. Поедемте к нам, выпьем чаю. Я видела на остановке автобуса Банч. У викария никого нет дома. Поедемте к нам, составите нам компанию. Мы с Мергатройд пытаемся воссоздать картину преступления. Кажется, даже кое до чего додумались. Поосторожней с собакой, она нервничает.

— Какая красавица!

— Прелестная сучка, правда? Эти кретины продержали ее на станции целый день и не удосужились мне сообщить. Я им все высказала, лоботрясам чертовым!.. О!.. Ради бога, простите

за грубость, я ведь росла в Ирландии, среди грумов...[26]

Маленькая машина рывком завернула в небольшой задний дворик Боулдерса.

Женщины вышли из машины, и их тут же окружила стая голодных уток и прочей домашней птицы.

— Черт побери эту Мергатройд! — воскликнула мисс Хинчклифф. — Она их не покормила.

— А трудно доставать корм? — поинтересовалась мисс Марпл.

Мисс Хинчклифф подмигнула:

— Я у фермеров свой человек.

Она отогнала птиц и двинулась вслед за мисс Марпл к коттеджу.

— Надеюсь, вы не очень промокли?

— Нет, у меня прекрасный плащ.

— Сейчас разожгу камин, если Мергатройд не успела. Эй, Мергатройд, ау! Куда она запропастилась? И где собака? Надо же, теперь и *она* пропала.

Снаружи донесся зловещий протяжный вой.

— Черт подери глупую псину! — Мисс Хинчклифф тяжело затопала к двери и позвала: — Ко

---

[26] notes: 26

Г р у м — человек, ухаживающий за лошадьми, конюх.

мне, Душка!.. Душка!.. Ужасно дурацкое имя, но так ее окрестили. Мы дадим ей другое. Эй, Душка!

Рыжий сеттер обнюхивал что-то, лежавшее под натянутой веревкой, на которой развевались на ветру рукава свитеров.

— Мергатройд даже не сообразила снять белье. И куда она *подевалась*, ума не приложу?!

Рыжий сеттер снова обнюхал что-то, похожее на кучу тряпья, задрал морду кверху и завыл.

— Что это *творится* с собакой?

Мисс Хинчклифф размашистым шагом направилась к ней.

Мисс Марпл внезапно все поняла и побежала следом...

Они стояли рядом, под проливным дождем. Мисс Марпл обнимала за плечи свою спутницу.

Вся напрягшись, мисс Хинчклифф смотрела на подругу, лежавшую на земле, на ее застывшее, посиневшее лицо с вывалившимся языком.

— Кто бы она ни была, я ее убью, — сказала мисс Хинчклифф низким спокойным голосом. — Только бы мне до нее добраться!

Мисс Марпл вопросительно взглянула на мисс Хинчклифф:

— До *нее?*

Мисс Хинчклифф повернула к ней свое опрокинутое лицо.

— Да. Я знаю, кто это... Примерно догадываюсь... Одна из трех дамочек.

Она еще постояла, глядя на убитую подругу, потом пошла к дому. Голос ее был сухим и жестким:

— Надо позвонить в полицию. А пока я вам все расскажу. В общем-то здесь есть и моя вина. Я превратила это в игру. А убийство вовсе не игра.

— Да, — сказала мисс Марпл, — убийство не игра.

— Вы, я вижу, в этом разбираетесь? — спросила мисс Хинчклифф, снимая телефонную трубку.

Вкратце изложив происшедшее, она нажала на рычаг.

— Через пару минут они будут здесь... Да, я слышала, вы и раньше участвовали в каких-то расследованиях... Кажется, мне Эдмунд Светтенхэм говорил... Хотите знать, что мы тут с Мергатройд делали?

Мисс Хинчклифф сжато пересказала их последний перед отъездом на станцию разговор.

— Она кричала мне вслед, когда я уезжала... Поэтому я и знаю, что убийца не мужчина, а женщина. Если б я подождала!.. Если бы *выслушала!..*

Дьявол! Собака могла поторчать на станции еще четверть часа.

— Не изводите себя, дорогая. Горю все равно не поможешь. Вы ведь не могли предвидеть.

— Конечно нет... Я теперь припоминаю... Что-то слегка стукнуло в окно. Наверно, *она* уже стояла там... Должно быть, она пришла к нам, а мы с Мергатройд спорили. Очень громко... А она услышала... Она все слышала!

— Вы так и не сказали, что же крикнула ваша подруга.

— Только одну фразу: *«Там ее не было...»*

Она помолчала.

— Понимаете? Мы не исключили трех: миссис Светтенхэм, миссис Истербрук и Джулию Симмонс. И одной из них *там не было...* Ее не было в гостиной, потому что она проскользнула в другую дверь и очутилась в холле.

— Так, — сказала мисс Марпл, — понимаю.

– *Одна* из этих трех. Я не знаю кто. Но я выясню!

— Простите меня, — начала мисс Марпл, — но она... то есть мисс Мергатройд, сказала именно так?

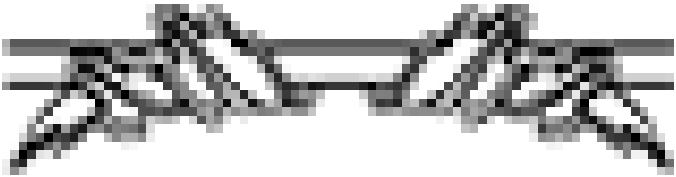
— Как — «так»?

— О, дорогая, как бы получше объяснить? Вы

сказали: *«Там ее не было»,* почти не делая ударение на каком-то слове. Понимаете, можно по-разному сказать то же самое. Вы могли сказать: «Там *ее* не было». Если имели в виду кого-то определенного. Или: «Там ее *не было».* Тогда бы вы как бы подтверждали уже существующие подозрения. А можно сказать, и вы сейчас сказали именно так: «*Там* ее не было». То есть с упором на слово *«там».*

— Не знаю, — покачала головой мисс Хинчклифф. — Не припомню... Да и как я могу припомнить? По-моему... ну да, точно, она сказала: «Там *ее* не было». Мне кажется, так естественней. Впрочем, я... я не знаю. А что, это важно?

— Да, — задумчиво молвила мисс Марпл. — Полагаю, важно. Конечно, это *неявное* указание, но все же указание. Пожалуй, это имеет значение, и весьма существенное.



Глава 20

МИСС МАРПЛ ИСЧЕЗАЕТ

I

К своему неудовольствию, в последнее время почтальон получил распоряжение доставлять почту в Чиппинг-Клеорн не только утром, но и к вечеру. В тот день без десяти пять он принес в Литтл-Паддокс целых три письма. Одно, адресованное Филлипе Хаймс, было написано детским почерком, два других предназначались для мисс

Блеклок. Она распечатала их, когда они с Филлипой пили чай. Из-за проливного дождя Филлипа кончила работу раньше обычного: оранжерею пришлось закрыть, а других дел у нее в Дайас-Холле не нашлось.

Мисс Блеклок вскрыла первый конверт. В нем оказался счет за починку котла на кухне. Она сердито хмыкнула.

— Цены у Даймонда просто *неимоверные*... немыслимые! Хотя и у других, очевидно, не ниже.

Она развернула другое письмо, написанное незнакомым почерком:

> «Дорогая тетя Летти!
>
> Надеюсь, я не нарушу ваших планов, если приеду к вам во вторник? Два дня назад я написала Патрику, но он мне не ответил. Так что я решила, что все нормально. В следующем месяце мама поедет в Англию и надеется увидеть вас.
>
> Мой поезд приходит в Чиппинг-Клеорн в шесть часов пятнадцать минут. Вам это удобно?

Искренне ваша

Джулия Симмонс».

Сначала мисс Блеклок прочла письмо с неподдельным и простодушным удивлением, потом перечитала еще раз, уже нахмурившись. Подняла глаза на Филлипу, которая улыбалась, читая письмо сына.

— Ты не знаешь, Джулия и Патрик уже пришли?

Филлипа оторвалась от письма.

— Да, сразу вслед за мной, и поднялись переодеваться. Они промокли до нитки.

— Что, если я попрошу тебя позвать их?

— Конечно. Сейчас позову.

— Погоди минуточку. На, прочти вот это.

Мисс Блеклок протянула Филлипе странное послание, Филлипа нахмурилась:

— Ничего не понимаю.

— Я тоже. А пора бы понять. Так позови их, Филлипа.

Филлипа крикнула, подойдя к лестнице:

— Патрик! Джулия! Мисс Блеклок хочет с вами поговорить.

Патрик сбежал вниз и вошел в комнату.

— Не уходи, Филлипа, — попросила мисс Блек-

лок.

— Привет, тетя Летти! — радостно сказал Патрик. — Вы меня звали?

— Да. Может, ты объяснишь мне, что *это* значит?

Патрик начал читать, и на его лице появилось почти комическое смятение.

— Черт, я же хотел отбить ей телеграмму! Ну, осел!

— Я так понимаю, письмо от твоей сестры Джулии?

— Д-да...

– *Тогда позволь спросить,* — мрачно молвила мисс Блеклок, — *что за юную особу ты привез сюда, выдав за Джулию Симмонс,* свою сестру и мою родственницу.

— М-м... Понимаете, тетя Летти... дело в том, что... я сейчас все объясню! Конечно, мы не должны были... но нам все это казалось просто шуткой. Если позволите, я объясню.

— Да-да, изволь. *Кто эта молодая женщина?*

— Я встретил ее на одном коктейле, вскоре после того, как демобилизовался. Мы разговорились, я сказал, что еду сюда, а потом мы... Ну, подумали, что будет здорово, если я возьму ее с собой... Понимаете, Джулия, настоящая Джулия,

сходила с ума по театру, а мама даже слышать об этом не хотела, с ней из-за этого семь сердечных приступов случилось. Ну вот, а Джулии как раз подвернулась возможность поступить в одну отличную труппу, кажется в Перте[27], и она решила попробовать... Но она считала, что маме будет спокойнее думать, что она, Джулия, здесь и, как паинька, учится на фармацевта.

— И все-таки мне хотелось бы знать, кто *эта* юная леди.

Тут в комнату с холодным и невозмутимым видом вошла Джулия, и Патрик с облегчением повернулся к ней.

— Нас разоблачили, — сообщил он.

Джулия подняла брови. Потом так же невозмутимо прошла вперед и села.

— О'кей, — сказала она. — Значит, так суждено. Вы очень на меня сердитесь? — Джулия всмотрелась в лицо мисс Блеклок с каким-то ледяным любопытством. — Я бы на вашем месте сердилась.

– *Кто вы такая?*

Джулия вздохнула.

— Пожалуй, настал момент внести ясность. Я

---

[27] notes: 27

П е р т — бывшая столица Шотландии, центр туризма.

половинка от Пипа и Эммы. А точнее, имя, данное мне при крещении, — Эмма Джоселин Стэмфордис. Однако отец вскоре перестал называться Стэмфордисом. Кажется, он именовал себя Де Курси… Отец с матерью разошлись через три года после нашего с Пипом рождения. Каждый из них зажил самостоятельно. Нас они поделили между собой. Я досталась отцу. Родителем он оказался никудышным, хотя мужчиной был весьма обаятельным. Мне пришлось провести несколько затворнических лет в монастырских школах, когда отец сидел без денег или готовил какую-нибудь очередную авантюру. Обычно он, не скупясь, платил за обучение в первом семестре, а потом уезжал, бросив меня на попечение монахинь на год или даже на два. В перерывах мы с ним прекрасно проводили время, вращаясь в самом разношерстном обществе. Война нас разлучила окончательно. Я не имею понятия, где он и что с ним. У меня тоже не обошлось без приключений. Какое-то время я участвовала во Французском Сопротивлении. Это было потрясающе. Короче говоря, в конце концов я обосновалась в Лондоне и задумалась о будущем. Я знала, что брат моей матери, с которым она вдрызг разругалась, умер и оставил большое наследство. Я навела справки

о завещании, — надеясь, что там окажется что-нибудь и для меня. Но в завещании ничего об этом не говорилось, впрямую во всяком случае. Я навела справки о его вдове, она, похоже, дышала на ладан, держалась только на наркотиках и медленно умирала. Откровенно говоря, *вы* показались мне самым подходящим вариантом. Вам должны были привалить огромные деньжищи, и, насколько мне удалось выяснить, вам их особо не на кого было тратить. Буду совершенно искренней. Мне пришло в голову, что надо постараться подружиться с вами, войти в доверие, ведь после смерти дяди Рэнделла многое изменилось... Я хочу сказать, что во время бури, пронесшейся над Европой, мы с отцом растратили все наши сбережения. Так вот, я думала: может, вы пожалеете бедную сиротку, которая осталась одна-одинешенька на белом свете, и выделите ей небольшой годовой доход.

— Вот, значит, как вы рассуждали? — мрачно молвила мисс Блеклок.

— Да. Я же вас ни разу в жизни не видела... Я считала, что надо пойти к вам и поплакаться... Потом я случайно встретила Патрика — и это было просто чудом, выяснилось, что он ваш родственник, не то племянник, не то кто-то еще. Я

по уши влюбилась в него, он отвечал мне взаимностью. Настоящая Джулия просто бредила сценой, и я быстро убедила ее, что ее долг перед искусством — поселиться в вонючих номерах в Перте и попытаться стать новой Сарой Бернар. Пожалуйста, не ругайте Патрика. Ему стало меня жалко, ведь я была совсем одна... он подумал, что будет действительно здорово, если я приеду сюда под видом его сестры и добьюсь вашего расположения.

— А то, что вы рассказывали эти свои сказки полиции, он тоже приветствовал?

— Помилосердствуйте, Летти! Ведь когда произошел этот дурацкий налет, — вернее после него — я поняла, что попала в мышеловку. Сами посудите: в принципе у меня было достаточно оснований желать вашей смерти. Но поверьте, у меня и в мыслях такого не было. Поймите, я же не могла сама явиться в полицию с повинной! Даже у Патрика порой возникали всякие гадкие подозрения, а уж если *он* мог меня заподозрить, то что говорить о полиции? Инспектор настроен весьма скептически. Нет, я видела только один выход: по-прежнему прикидываться Джулией, а после окончания семестра тихо смыться. Откуда мне было знать, что эта дурища, настоящая Джу-

лия, поцапается с продюсером и в порыве гнева пошлет театр к чертям собачьим? Она спросила Патрика в письме, можно ли ей приехать сюда, а он вместо того, чтобы тут же ей ответить: «И не думай!» — преспокойно про все забыл! *Идиот* несчастный!

Девушка метнула на Патрика разъяренный взгляд.

— Если бы вы только знали, — вздохнула Джулия, — как тяжело приходилось мне в Мильчестере. Ни в какую больницу я, конечно, на занятия не ходила. Но *куда-то* ходить надо было! Вот я и просиживала часами в кино, смотрела по десять раз одни и те же отвратительные фильмы.

– *Пип и Эмма,* — пробормотала мисс Блеклок. — Я так до конца в них и не верила, хотя инспектор мне говорил...

Она испытующе посмотрела на Джулию.

— Значит, вы — Эмма. А где Пип?

Ответный взгляд Джулии был чист и невинен.

— Не знаю, — сказала она, — не имею ни малейшего понятия.

— По-моему, ты лжешь, Джулия. Когда ты его в последний раз видела?

Показалось ей или нет, будто Джулия чуть-чуть замешкалась с ответом? Нет, голос девушки зву-

чал внятно и решительно:

— Последний раз видела... когда нам обоим было по три года. Мама забрала Пипа с собой. С тех пор я не встречалась с ними обоими. Где они теперь — не знаю.

— Это все, что ты можешь мне сказать?

Джулия вздохнула.

— Я могу, конечно, сказать, что мне стыдно. Но это будет неправдой, потому что, если бы можно было все вернуть обратно, я поступила бы точно так же... Разумеется, если б не знала, что придурок Шерц такое выкинет.

— Джулия, — сказала мисс Блеклок, — я уж называю тебя так по привычке... Ты ведь участвовала во Французском Сопротивлении?

— Да, целых полтора года.

— Значит, ты умеешь стрелять?

И — вновь холодный взгляд голубых глаз.

— Да, и отлично. Я первоклассный снайпер. У меня, конечно, нет доказательств, но, поверьте, Летиция, в вас я не стреляла. Потому что наверняка бы не промахнулась...

II

Создавшуюся напряженность разрядил шум подъехавшей машины.

— Кто это может быть? — спросила мисс Блеклок.

Мици просунула в дверь взъерошенную голову и закатила глаза.

— Опять полиция! — объявила она. — Это преследование! Почему они не оставляют нас в покое? Я не перенесу. Я буду писать премьер-министр. Я буду писать ваш король.

Крэддок решительно и бесцеремонно отодвинул ее в сторону. Губы его были столь мрачно сжаты, что все сразу насторожились. Таким они его еще не видели.

Он сурово сказал:

— Убита мисс Мергатройд. Ее задушили меньше часа тому назад.

Взгляд его остановился на Джулии:

— Мисс Симмонс, где вы были днем?

— В Мильчестере, — осторожно ответила Джулия. — Я только сейчас вернулась.

— А вы? — Инспектор перевел взгляд на Патрика.

— Тоже.

— Вы приехали вместе?

— Да, да, — сказал Патрик.

— Нет, — сказала Джулия. — Какой смысл обманывать, Патрик? Ведь это легко проверить...

Водители автобусов нас прекрасно знают. Я приехала раньше, инспектор, на автобусе, который приходит сюда в четыре часа.

— И что вы потом делали?

— Пошла погулять.

— В сторону Боулдерса?

— Нет, я гуляла по полям.

Он пристально на нее посмотрел. Джулия побледнела, но выдержала взгляд.

Никто не успел вымолвить ни слова, потому что зазвонил телефон.

Вопросительно взглянув на Крэддока, мисс Блеклок сняла трубку.

— Да. Кто? А, Банч. Что? Нет, ее здесь не было. Не представляю... Да, он-то как раз здесь. — Она отняла трубку от уха и сказала: — Инспектор, вас просит миссис Хармон. Мисс Марпл еще не вернулась, и миссис Хармон беспокоится.

Крэддок в два прыжка пересек комнату.

— Крэддок у телефона.

— Инспектор, я волнуюсь. — Голос Банч по-детски дрожал. — Тетя Джейн куда-то ушла, я не знаю куда. А тут еще говорят, мисс Мергатройд убили. Это правда?

— Правда, миссис Хармон. Мисс Марпл как раз была вместе с мисс Хинчклифф, когда они обна-

ружили тело.

— А, *значит,* она там, — облегченно вздохнула Банч.

— Боюсь, что нет. Она ушла... сейчас скажу... где-то полчаса назад. Разве она еще не вернулась?

— Нет. А от них ходьбы всего десять минут. Где же она?

— Может, зашла к кому-нибудь из соседей?

— Нет, я их обзвонила, *всех до единого.* Нигде ее нет. Я так за нее тревожусь, инспектор.

«*Я* тоже», — подумал Крэддок.

Он торопливо сказал:

— Я выезжаю к вам сию минуту.

— О, пожалуйста... тут лежит листок бумаги. Перед уходом она что-то записала. Я не знаю, есть ли в ее записях смысл... По мне, там какая-то тарабарщина...

Крэддок положил трубку.

Мисс Блеклок обеспокоенно спросила:

— Что такое с мисс Марпл? Надеюсь, ничего страшного?

— Будем надеяться. — На лице Крэддока появилось выражение горечи.

— Она ведь такая старая и... слабая.

— Да-да.

Мисс Блеклок встала и, рванув на себе жемчуж-

ное ожерелье, осипшим голосом произнесла:

— Час от часу не легче. Просто безумие какое-то, инспектор, просто безумие...

— Да уж...

От рывка ожерелье мисс Блеклок порвалось. Гладкие белые бусины рассыпались по комнате.

— Мой жемчуг... *Мой жемчуг!!!* — в тоске закричала Летиция. В голосе ее звучала такая мука, что все поразились. Она повернулась, прижала руку к горлу и, всхлипывая, выбежала из комнаты.

Филлипа принялась собирать жемчужины.

— Никогда не видела ее такой расстроенной, — сказала Филлипа. — Она, правда, все время носит это ожерелье. Наверно, подарок от дорогого человека. Как вы думаете? Может, от Рэнделла Гедлера?

— Возможно, — задумчиво произнес инспектор.

— А они... что, если... вдруг они *настоящие?* — спросила Филлипа, ползая на коленях и старательно подбирая блестящие бусины.

Крэддок положил одну на ладонь, собираясь презрительно процедить: «Настоящие? Как бы не так!» Но слова застряли у него в горле.

А действительно, *вдруг* жемчуг настоящий? Он был таким крупным, таким откровенно фальши-

вым, что сразу напрашивалась мысль о подделке. Но Крэддок вспомнил, как однажды, при расследовании одного дела, обнаружилось, что в ломбарде приобрели целую нитку настоящего жемчуга всего за несколько шиллингов. Летиция Блеклок уверяла, что в доме нет ценностей. Однако если жемчуг все-таки настоящий, он стоит баснословных денег. А если вдобавок его подарил Рэнделл Гедлер, так ему просто цены нет!

Да, жемчуг казался искусственным и, может, *действительно* был искусственным, но... что, если он настоящий?

А почему бы и нет? Летиция может и сама не подозревать. А может и охранять таким образом свое сокровище, обращаясь с ним словно с дешевой побрякушкой, красная цена которой — пара гиней. Сколько же стоит ожерелье, если оно из настоящего жемчуга? Бешеные деньги... Ради них пойдешь и на убийство. *И если кто-нибудь знал об этом...*

Инспектор резко встряхнул головой. Хватит раздумывать! Мисс Марпл исчезла. Надо идти к викарию.

III

Банч с мужем ждали его, вид у них был встревоженный и унылый.

— Ее еще нет, — сказала Банч.

— А уходя из Боулдерса, мисс Марпл говорила, что собирается к нам? — поинтересовался Джулиан.

— Да нет, так прямо не говорила, — с запинкой ответил Крэддок, припоминая обстоятельства своей последней встречи с Джейн Марпл.

Губы ее были тогда сурово сжаты, а голубые глаза, обычно такие ласковые, смотрели холодно и строго.

Эта суровость, эта... непреклонная решимость... что-то сделать, но вот что? Пойти... но куда?

— В последний раз, когда я ее видел, она разговаривала с сержантом Флетчером, — сказал Крэддок. — Они стояли у калитки. Потом мисс Марпл ушла. Я решил, что она пошла к вам. Я хотел отправить ее на машине, но закрутился, и она незаметно исчезла. Может, Флетчер что-нибудь знает? Где он?

Однако, когда Крэддок позвонил в Боулдерс, ему ответили, что Флетчера там нет, а куда он ушел — неизвестно. Предполагают, что он поехал

в Мильчестер.

Инспектор дозвонился до полицейского управления в Мильчестере, но и там о Флетчере ничего не знали.

Тогда Крэддок обратился к Банч, вспомнив, что она говорила ему про записи.

— Где тот листок? Вы сказали, она что-то написала.

Банч принесла. Инспектор развернул бумагу, положил на стол. Заглядывая ему через плечо, Банч вслух повторяла написанное. Мисс Марпл писала как курица лапой, разобрать ее почерк было нелегко.

«Лампа».

«Фиалки».

Потом через промежуток: *«Где пузырек с аспирином?»*

Наибольшие затруднения вызвал следующий пункт.

– *«Дивная смерть»,* — наконец прочитала Банч. — А, так это торт Мици!

– *«Справлялась»,* — прочитал Крэддок.

— Справлялась? Интересно, о чем? А это что такое? *«И бремя печалей на сердце легло...»* Скажите на милость!..

– *«Йод»,* — прочитал инспектор. — *«Жемчуг».*

Вот как? Жемчуг?! И еще: *«Лотти»*, нет: *«Летти»*. Тут *«е»* очень похоже на *«о»*. А потом *«Берн»*. А это что? — *«Пенсия по старости»*.

Они озадаченно посмотрели друг на друга.

Крэддок быстро прочитал снова:

— Лампа. Фиалки. Где пузырек с аспирином? Дивная смерть. Справлялась. И бремя печалей на сердце легло. Йод. Жемчуг. Летти. Берн. Пенсия по старости.

Банч спросила:

— Это что-нибудь означает? Есть тут смысл? Я лично не вижу никакой связи.

— У меня промелькнула какая-то мысль, но тут же исчезла. Странно, что она вставила сюда жемчуг, — произнес Крэддок.

— Какой жемчуг? О чем вы?

— Мисс Блеклок всегда носит трехрядное жемчужное ожерелье?

— Всегда. Мы порою над ней подтруниваем. Он выглядит такой дешевкой, не правда ли? Но она, наверно, считает, что это модно.

— Возможно, есть и другая причина, — с расстановкой сказал Крэддок.

— Уж не думаете ли вы, что он *настоящий?* Быть *не может!*

— А вам часто приходилось видеть настоящий

жемчуг такого размера, миссис Хармон?

— Но ее бусы обыкновенные стекляшки!

Крэддок пожал плечами.

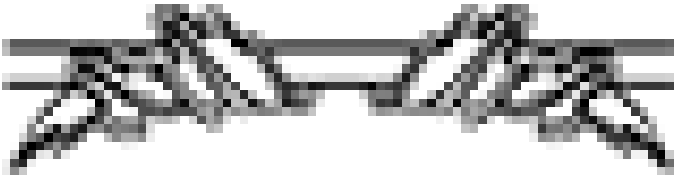
— Ладно, сейчас не до этого. Мисс Марпл... Мы должны ее разыскать.

Разыскать, пока не поздно... А если уже поздно? Записи мисс Марпл говорили о том, что она напала на след. Но это опасно, очень опасно! И где, скажите на милость, шляется Флетчер?

Крэддок вышел из дома викария и размашистым шагом направился к машине. Надо искать... другого выхода нет...

Внезапно из мокрых зарослей лавра раздался голос.

— Сэр! — настойчиво звал Флетчер. — *Сэр!*



Глава 21

ТРИ ЖЕНЩИНЫ

В Литтл-Паддоксе кончился обед. За столом царило неловкое молчание.

Патрик чувствовал себя очень неуютно из-за того, что впал в немилость у тети Летти, время от времени он пытался завязать разговор, но безуспешно. Филлипа Хаймс целиком была погружена в свои мысли. А сама мисс Блеклок оставила все попытки сохранить свой привычно-бодрый вид. Она надела нарядное платье и ожерелье

из камей, однако под глазами у нее явственно обозначились темные круги, а в глазах сквозил страх, и руки заметно дрожали.

Одна Джулия держалась, как обычно, с циничным отчуждением.

— Прошу прощения, Летти, — сказала она, — что не могу сию минуту собрать вещички и покинуть ваш дом. Полиция не позволит. Но, надеюсь, мне недолго осталось омрачать ваше существование. С минуты на минуту сюда, очевидно, явится инспектор Крэддок с ордером на арест и наручниками. Право, не понимаю, почему он не сделал этого раньше.

— Он ищет ту пожилую даму, — сказала мисс Блеклок.

— Вы думаете, ее тоже убили? — спросил Патрик с чисто исследовательским любопытством. — Но почему? Что она могла такого знать?

— Бог весть, — глухо ответила мисс Блеклок. — Может, мисс Мергатройд ей что-нибудь рассказала.

— Если мисс Марпл тоже убита, — сказал Патрик, — то по логике это мог сделать только один человек.

— Кто?

— Конечно же Хинчклифф! — с торжественным

видом заявил Патрик. — Ведь в последний раз мисс Марпл видели живой именно у Хинчклифф. Думаю, она так и не покинула Боулдерс.

— У меня болит голова. — Мисс Блеклок стиснула лоб ладонями. — Зачем, зачем Хинч убивать мисс Марпл? Какая чушь!

— И вовсе не чушь, если это Хинч убила Мергатройд, — уверенно возразил Патрик.

Филлипа вышла из задумчивости и покачала головой.

— Хинч не могла убить Мергатройд.

Но в Патрика вселился дух противоречия.

— Нет, могла, если Мергатройд случайно обнаружила, что Хинч — преступница.

— И вообще, когда убили Мергатройд, Хинч была на станции.

— Она могла убить Мергатройд до ухода.

Внезапно Летиция Блеклок вскричала так, что все вздрогнули:

— Убийство, убийство, *убийство!..* Вы что, не можете поговорить о *чем-нибудь* другом? Неужели вы не понимаете, что я боюсь? Боюсь? Раньше я не боялась, думала, что сама смогу... справиться... Но как можно уберечься от убийцы, который все время выжидает... выслеживает... О, Господи!

Она уткнулась лицом в ладони. Но через

несколько мгновений подняла голову и натянуто извинилась.

— Простите... Я... я потеряла самообладание.

— Ничего, тетя Летти, — ласково сказал Патрик. — Я позабочусь о вас.

— Ты? — только и молвила Летиция, но с такой горечью, что это прозвучало как обвинение.

Подходило уже время обеда, а тут еще Мици подлила масла в огонь, заявив, что обед готовить не собирается.

— Я больше ничего тут не делать! Я иду своя комната. Запираю себя. И остаюсь здесь до завтра. Я боюсь... столько людей убивать... Мисс Мергатройд с ее глупый английский лицо... кому нужно убивать мисс Мергатройд? Только маньяк! Значит, здесь явился маньяк. А маньяк все равно, *кого* убивать. Но я не хочу, чтобы меня убивать! В кухня... там тени... я слушаю шорох и думаю, кто-то во дворе. Потом видеть тень около дверь в кладовая и слышу шаги. Поэтому я иду в моя комната, запираю дверь и даже кладу к ней комод. А утром говорю этот полицейский без душа, что я уезжать. А если он не разрешает, я говорю: «Я буду закричать, и закричать, и закричать, пока вы меня не пускаете».

Едва прозвучали эти угрозы, у всех мороз

пробежал по коже, потому что каждый живо припомнил, как Мици умеет кричать.

— Поэтому я иду своя комната, — повторила Мици, чтобы ее намерение дошло до всех, и сняла театральным жестом кретоновый фартук. — Спокойной ночи, мисс Блеклок. Может, утром вас уже не будет живой. Поэтому я прощаюсь на всякий случай.

Мици вышла, и дверь затворилась за ней — как обычно со слабым жалобным стоном.

Джулия поднялась.

— Я займусь обедом, — сказала она, будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся. — Мудрое решение. Я избавлю вас от неловкости сидеть со мной за одним столом. Раз Патрик вызвался быть вашим защитником, тетя Летти, значит, он будет первым пробовать каждое блюдо. Я не хочу, чтобы меня обвинили еще и в том, что я вас отравила.

И Джулия приготовила и подала отменный обед.

Филлипа заглянула на кухню, пытаясь предложить свою помощь, но Джулия решительно отказалась.

— Джулия, я хочу тебе что-то сказать...

— Сейчас не время для девичьих признаний,

— твердо заявила Джулия. — Отправляйся в столовую, Филлипа.

Обед закончился, и, перейдя в гостиную, все пили кофе за маленьким столиком у камина; похоже, им было нечего сказать друг другу... Они ждали.

В половине девятого позвонил инспектор.

— Я буду через четверть часа, — объявил он. — Со мной приедут полковник, миссис Истербрук, миссис Светтенхэм и ее сын.

— Но, право же, инспектор... Я не могу сегодня принимать гостей.

Казалось, у мисс Блеклок от страдания вот-вот разорвется сердце.

— Понимаю ваши чувства, мисс Блеклок, и приношу свои извинения. Но дело срочное.

— Вы нашли мисс Марпл?

— Нет, — сказал инспектор и повесил трубку.

Джулия понесла на кухню кофейный поднос и, к своему удивлению, обнаружила там Мици, которая созерцала груду блюд и тарелок, стоявших возле раковины.

Мици разразилась потоком обвинений:

— Смотри, что ты сделала с мой такая прекрасный кухня! Эта сковородка... я использовать *только* для омлет, для омлет! А ты что с ней го-

товить?

— Жарила лук.

— Она испортилась. *Испортилась!* Теперь ее нужно *мыть*, а я никогда, *никогда* не мою моя сковородка для омлет! Я протираю аккуратно газета с сало, и все. А эта кастрюля, что ты брала, я использовываю только для молоко...

— Ну, я не знаю, какие кастрюли и для чего ты используешь, — сердито отрезала Джулия. — По-моему, ты хотела спать. Так чего ради вскочила, позволь поинтересоваться? Выметайся отсюда, дай мне спокойно помыть посуду.

— Нет, я не разрешаю использовать моя кухня!

— Мици, ты *невыносима!*

Не успела рассерженная Джулия выйти из комнаты, как в дверь позвонили.

— Я не иду открывать, — откликнулась Мици.

Джулия сквозь зубы тихо выругалась и пошла к входной двери. Явилась мисс Хинчклифф.

— Добрый вечер, — произнесла она своим грубоватым голосом. — Извините за вторжение. Надеюсь, инспектор уже позвонил?

— Он не предупредил, что вы тоже придете, — буркнула Джулия, проводя ее в гостиную.

— Он сказал, что, если я не хочу, то могу не приходить. Но я хочу! — отчеканила мисс Хинч-

клифф.

Никто не выразил ей соболезнований и ни словом не обмолвился о смерти мисс Мергатройд. У мисс Хинчклифф, обычно такой деятельной, было настолько измученное, опустошенное лицо, что все было понятно и без слов. Любые соболезнования звучали бы неуместно.

— Зажгите свет, — сказала мисс Блеклок. — И подбросьте в камин угля. Я ужасно замерзла. Проходите, садитесь возле огня, мисс Хинчклифф. Инспектор обещал приехать через пятнадцать минут. Значит, он вот-вот будет.

— Мици снова спустилась вниз, — сообщила Джулия.

— Да? Порой мне кажется, что она сумасшедшая, просто сумасшедшая. Но, может, мы все тут безумны?

— Терпеть не могу, когда говорят, что преступники — сумасшедшие! — вдруг брякнула мисс Хинчклифф. — По-моему, наоборот, они очень даже неплохо соображают... раз способны так холодно и жестоко рассчитать каждый свой шаг.

С улицы донесся шум машины, и вошел Крэддок с полковником, миссис Истербрук, Эдмундом и миссис Светтенхэм. Вид у них был подавленный.

Полковник Истербрук сказал голосом, прозву-

чавшим как слабое эхо его обычного голоса:

— Ха! Хороший огонь.

Миссис Истербрук села рядом с мужем, не снимая шубы. Ее лицо, всегда очаровательное и немножко кукольное, напоминало сейчас маленькую, облезлую мордочку ласки. Эдмунд был настроен весьма злобно и хмуро глядел по сторонам. Миссис Светтенхэм держалась напряженно и казалась пародией на саму себя.

— Ужасно, правда? — затараторила она. — Я имею в виду то, что творится. Воистину молчание — золото. Никому не дано знать, *кто* будет следующим... это как чума. Мисс Блеклок, дорогая, вам не кажется, что вам не помешало бы выпить чуточку бренди? Всего полрюмочки. Я всегда говорила, что бренди — прекрасная штука, он так взбадривает! С моей... с нашей стороны, конечно, ужасно, что мы вторглись к вам, но нас *заставил* прийти инспектор. Ах, все так ужасно, ее ведь не нашли. Я о бедной старушке, которая жила у викария. Банч Хармон чуть не помешалась. Никто не знает, *куда* она пропала. К нам не заходила... Я ее вообще сегодня не видела. А уж я бы знала, если б она *возвратилась* в дом викария, ведь я была в гостиной на другой половине дома, а Эдмунд работал у себя в кабинете, у него окна

выходят на улицу... Так что какой бы дорогой она ни пошла, мы все равно бы ее *увидели.* Но я все же надеюсь и молюсь, чтобы с нашей дорогой старушкой ничего не приключилось. Хоть бы все было в порядке!

— Мама! — В голосе Эдмунда звучало страдание. — Неужели ты не можешь помолчать?

— Конечно, дорогой, охотно! — заявила миссис Светтенхэм и уселась рядом с Джулией.

Инспектор Крэддок стал возле двери. Лицом к нему рядком сидели три женщины. Джулия и миссис Светтенхэм расположились на диване, а миссис Истербрук притулилась на подлокотнике кресла, в котором восседал ее муж. Крэддок их так не рассаживал, но то, что они сели вместе, очень его устраивало.

Мисс Блеклок и мисс Хинчклифф склонились над камином. Эдмунд стоял возле них. Филлипа отошла в глубь комнаты, в тень.

Крэддок начал без проволочек.

— Ни для кого не секрет, что мисс Мергатройд убили, — сказал он. — У нас есть основания полагать, что убийца — женщина. По ряду причин мы можем сузить круг подозреваемых. Я намерен спросить у некоторых дам, что они делали сегодня с шестнадцати часов до шестнадцати

часов двадцати минут. У меня уже есть сведения о передвижениях одной молодой особы, именующей себя мисс Симмонс. Я прошу ее повторить свои показания. Причем должен предупредить вас, мисс Симмонс, вы не обязаны отвечать, если боитесь, что ваши ответы будут вам инкриминированы, каждое ваше слово будет фиксироваться констеблем Эдвардсом и может быть использовано в качестве свидетельских показаний на суде.

— Это все обязательно, да? — спросила Джулия. Она сильно побледнела, но держала себя в руках.

— Хорошо, я повторю. С четырех до двадцати минут пятого я гуляла по полям — сначала у ручья, около фермы Комптона. Потом вышла на дорогу и свернула в поле, где растут три тополя. Насколько помню, по пути никого не встретила. Мимо Боулдерса я не проходила.

— А чем вы занимались, миссис Светтенхэм?

Эдмунд поинтересовался:

— А вы что, всех нас подозреваете?

Инспектор повернулся к нему.

— Нет. На данный момент только мисс Симмонс. Но я не исключаю, что обвинение может быть предъявлено любому из здесь присутствующих, и, разумеется, каждый из вас имеет право заявить о том, что согласен отвечать только в

присутствии своего адвоката.

— О, это лишь зряшная трата времени! — вскричала миссис Светтенхэм. — Я уверена, что в двух словах смогу рассказать о том, что делала в это время. Вас ведь это интересует, да? Я начинаю?

— Пожалуйста, миссис Светтенхэм.

— Сейчас. — Миссис Светтенхэм на миг зажмурилась. — Конечно, к убийству мисс Мергатройд я не имею *ни малейшего* отношения. Думаю, *это всем* здесь очевидно. Но существуют общепринятые правила... и я прекрасно понимаю, что полиция вынуждена задавать массу ненужных вопросов и тщательно записывать все ответы. Для так называемого «досье». Я права? — Миссис Светтенхэм повернулась к констеблю Эдвардсу, прилежно записывавшему каждое ее слово, и снисходительно добавила: — Надеюсь, я говорю не слишком быстро?

Констебль Эдвардс, хороший стенографист, однако человек совершенно *несветский,* покраснел до ушей и ответил:

— Все в порядке, мадам. Разве что *чуточку* помедленней.

Миссис Светтенхэм продолжила свою речь, делая выразительные паузы там, где, по ее мнению, следовало ставить запятые или точки.

— Наверняка, конечно, сказать трудно, потому что у меня отсутствует чувство времени. Когда началась война, половина наших часов вообще встала, а другие спешат, отстают или вовсе не ходят, потому что мы их не заводим. — Миссис Светтенхэм помолчала, дабы присутствующие в полной мере прочувствовали, насколько ненадежны нынче временные ориентиры, а потом важно заявила с очень серьезным выражением на лице: — Пожалуй, в четыре часа я вывязывала пятку на чулке (и по необъяснимым причинам ошиблась... провязала лицевой ряд вместо изнаночного). А может, я была во дворе, обрезала увядшие хризантемы... Хотя нет, это произошло раньше, до дождя.

— Дождь, — напомнил инспектор, — начался в шестнадцать часов десять минут.

— Правда? Это облегчает дело. Тогда я поднялась на чердак и подставила тазик туда, где у нас обычно капает с крыши. На этот раз текло так сильно, что я поняла, водосток опять забит. Я спустилась, надела плащ и резиновые сапоги. Я позвала Эдмунда, но он не ответил, и я решила, что он работает над очередным сложным эпизодом своего романа и не стоит его беспокоить. Лучше самой все сделать, я ведь раньше прекрас-

но и сама справлялась. Ничего сложного тут нет, нужно только взять ручку от метлы и привязать ее к такой длинной штуке, которой поднимают фрамуги.

— Вы, вероятно, собирались прочистить водосток? — уточнил Крэддок, видя замешательство своего подчиненного.

— Да, он весь был забит листьями. Мне пришлось порядком повозиться, я насквозь промокла, но в конце концов добилась своего. Потом пошла домой, переоделась и помылась. Они так *«благоухают»*, эти опавшие листья! Затем я отправилась на кухню и поставила чайник. Кухонные часы показывали шесть пятнадцать.

Констебль Эдвардс нервно моргнул.

— А это значит, — торжествующе закончила миссис Светтенхэм, — что на самом деле было ровно без двадцати пять. Или примерно столько.

— Кто-нибудь видел, как вы прочищали водосток? — спросил Крэддок.

— Ну, естественно, нет! — воскликнула миссис Светтенхэм. — А то бы я их живенько привлекла. Одной ведь ужасно трудно!

— То есть, по вашим словам, выходит, что, когда начался дождь, вы вышли в плаще и сапогах на улицу и занялись чисткой водостока, но подтвер-

дить ваши показания некому?

— Можете осмотреть водосток, — нашлась миссис Светтенхэм. — Он такой чистенький, просто прелесть!

— Мистер Светтенхэм, вы слышали, как ваша мать звала вас?

— Нет, — сказал Эдмунд. — Я спал без задних ног.

— Эдмунд, — укоризненно сказала мать, — а я-то думала, ты *работаешь...*

Инспектор Крэддок повернулся к миссис Истербрук:

— Ну, а вы, миссис Истербрук?

— Я сидела с Арчи в его кабинете, — сказала миссис Истербрук, устремив на Крэддока невинный взгляд. — Мы слушали радио, да, Арчи?

Последовала пауза. Полковник Истербрук густо покраснел и взял жену за руку.

— Ты не понимаешь, котеночек, — сказал он. — Я... ну, я должен сказать, инспектор, что вы нас совсем не подготовили. Она нервничает, взвинчена и не осознает всей важности...

— Арчи! — с упреком вскричала миссис Истербрук. — Неужели ты хочешь сказать, что тебя со мной не было?

— Но ведь меня и правда не было, дорогая! Нуж-

но строго следовать фактам. Это крайне важно. Я беседовал с Лэмпсоном, фермером из Крофт-Энда, о сетке для цыплят. Было что-то без пятнадцати четыре. Домой я пришел, только когда дождь уже кончился. Лаура жарила лепешки.

— А *вас* тоже не было дома, миссис Истербрук?

Хорошенькое личико сильнее, чем когда бы то ни было, напоминало мордочку ласки. Миссис Истербрук явно приперли к стенке.

— Нет-нет, я как раз слушала радио и никуда не выходила. Я выходила раньше. Около... около половины третьего. Пошла прогуляться. Неподалеку.

Казалось, она ждет дальнейших расспросов, но Крэддок удовлетворенно кивнул.

— Достаточно, миссис Истербрук.

Потом обратился ко всем присутствующим:

— Показания будут отпечатаны на машинке. Вы сможете прочитать их и, если сочтете, что все верно, подписать.

Миссис Истербрук взглянула на него с неожиданной злобой.

— А почему вы других не допрашиваете? К примеру, Хаймс? Или Эдмунда Светтенхэма? Откуда вы знаете, что он *спал?* Никто его не видел.

Инспектор Крэддок спокойно ответил:

— Перед смертью мисс Мергатройд сделала важное заявление. В тот момент, когда Шерц ворвался в дом, *одного* человека в комнате не оказалось, хотя он, по идее, должен был находиться там все время. Мисс Мергатройд назвала своей подруге имена людей, которых она *видела.* Путем исключения она пришла к выводу, что был некто, кого она *не видела.*

— Но никто не мог ничего увидеть, — сказала Джулия.

— Мергатройд могла, — неожиданно подала голос мисс Хинчклифф. — Она стояла за дверью, там, где сейчас стоит инспектор. И была единственной, кого свет не слепил и кто мог видеть происходящее.

– *Ага! Вы в это уверена?* — заявила Мици.

Она появилась весьма эффектно — распахнув дверь с такой силой, что чуть не сбила с ног Крэддока. Она была чрезвычайно возбуждена.

— Так вы не приглашать Мици приходить вместе с другие, да, деревянный полицейский? Конечно, я просто Мици! Мици для кухня! Она должен сидеть на кухня, там ее место. Но я скажу: Мици, как остальные, а может, даже лучше все видит. Да, я немного видеть. И немного видеть в день налета. Немного видеть, но не поверить

и до теперь держать язык... как это... за зубы. Я думать, я не буду говорить, что видеть. Пока не буду. Я буду ждать.

— А когда все успокоится, попросишь кое у кого подкинуть тебе деньжат? — ухмыльнулся Крэддок.

Мици накинулась на него, как разъяренная кошка.

— А почему нет? Почему мне нельзя платить, если я великодушно молчать? Особенно если когда-то будут деньги... много, *много* деньги. О! Я кое-что слышать и знаю, что есть вокруг. Я знаю эти Пипэммары... это тайное общество, агент который, — Мици картинно указала на Джулию, — являться *она.* Да, я хотела подождать и просить деньги... Но сейчас боюсь. Лучше быть в *безопасность.* Потому что, может, скоро кто-то убьет и *меня.* Поэтому я скажу, что знаю.

— Прекрасно! — скептически отозвался инспектор. — Итак, *что же* ты знаешь?

— Я скажу, — торжественно продолжила Мици. — Тот вечер я не сижу в чулан и очищаю серебро, как говорить. Я в столовой, когда услышать, как ружье стреляет. Смотрю дырка для замок. Холл черный, но ружье опять стреляет, и фонарь падает, он все светит, когда падает, и я вижу *ее!* Я

вижу *ее* близко с налетчик. У нее в руке ружье. Я вижу мисс Блеклок!

— Меня? — Мисс Блеклок даже привстала от удивления. — Ты с ума сошла!

— Вздор! — вскричал Эдмунд. — Мици не могла увидеть мисс Блеклок...

– *Ах, вот как, мистер Светтенхэм?* — язвительно прервал его Крэддок. — *Почему же?* Уж не потому ли, что *не* мисс Блеклок, а вы собственной персоной стояли там с пистолетом, а?

— Я? Конечно нет... Что за *чертовщина?!*

– *Вы* взяли пистолет полковника Истербрука. *Затеяли* всю эту бодягу с Руди Шерцем. Под видом шутки. Вслед за Патриком Симмонсом вы отправились в глубь гостиной, а когда свет погас, выскользнули через ту самую дверь, петли которой вы смазали заранее. Вы выстрелили в мисс Блеклок, а после убили Руди Шерца. Через несколько минут вы уже снова стояли в гостиной, щелкая зажигалкой.

На мгновение Эдмунд, казалось, утратил дар речи, потом забрызгал слюной:

— Ваша идея *чудовищна!* Почему именно *я?* Зачем, черт побери, *мне* бы это понадобилось?

— Помните завещание? Если мисс Блеклок умрет раньше миссис Гедлер, наследство полу-

чают двое. Небезызвестная парочка! Пит и Эмма. Джулия Симмонс оказалась Эммой...

— И вы решили, что я — Пип? — рассмеялся Эдмунд. — Фантастика! Просто *фантастика!* Единственное, что у нас может быть общего с Пипом, так это возраст. И я докажу вам, мудрейший наш полицейский, что я — Эдмунд Светтенхэм. У меня есть свидетельство о рождении, об окончании школы, университета, есть все необходимые документы!

— Он не Пип, — раздался голос из темного угла, Филлипа Хаймс выступила вперед, лицо ее было ужасно бледным. — Пип — *это я,* инспектор.

– *Вы???*

— Да. Все почему-то решили, что Пип — мальчик. Джулия, естественно, знала, что ее двойняшка — сестра, но почему-то никому не сказала.

— Из чувства семейной солидарности, — подала голос Джулия — Я вдруг поняла, кто ты такая. Раньше я не догадывалась.

— У меня были те же намерения, что и у Джулии, — сказала Филлипа слегка дрожащим голосом. — После того, как я... потеряла мужа, я задумалась о будущем. Моя мать давно умерла. Я выяснила, где живет мисс Блеклок, и... и приехала сюда. Нанялась на работу к миссис Лукас. Я надеялась, что,

поскольку мисс Блеклок — пожилая женщина, у которой нет родственников, она не откажет мне в помощи. Не мне — я в состоянии прокормить себя. Поможет Гарри получить образование. В конце концов, деньги ведь *принадлежали* Гедлерам, а у мисс Блеклок нет своей родни, так что ей не на кого их тратить. А потом, — Филлипа старалась говорить быстрее, как бы понукая себя, но слова все равно застревали у нее в горле, хотя ей хотелось выговориться, — потом... после тарарама, устроенного Шерцем, я испугалась. Ведь все выглядело так, будто *я* единственная, у кого имелись причины убить мисс Блеклок. Я же понятия не имела, кто такая Джулия, мы с ней совсем не похожи. Мне казалось, что подозрение может пасть только на меня.

Она остановилась, отбросила упавшую на щеку прядь волос, и внезапно Крэддок понял, что размытый снимок, лежавший в коробке с письмами, был фотографией матери Филлипы. Сходство было поразительным! А еще он понял наконец, кого напомнил ему штрих из письма, — о том, что Соня похожа на кошку, выпускающую когти. Именно эту ленивую кошачью грацию он увидел сейчас у Филлипы.

— Мисс Блеклок была ко мне очень добра.

Очень, *очень* добра! У меня и в мыслях не было... ну... избавиться от нее. Но все равно Пип — это я. — Филлипа помолчала и добавила: — Так что не надо больше подозревать Эдмунда.

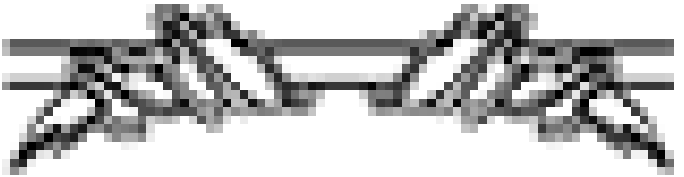
— Не надо? — переспросил Крэддок. В голосе его снова зазвучали язвительные нотки. — Эдмунд Светтенхэм — юноша, обожающий деньги. И наверное, он не прочь заполучить богатую невесту. Но она не разбогатеет, *если миссис Гедлер умрет раньше мисс Блеклок.* А поскольку миссис Гедлер почти наверняка умрет раньше мисс Блеклок, ему надо что-то предпринять, *не так ли, мистер Светтенхэм?*

— Гнусная ложь! — воскликнул Эдмунд.

И вдруг послышался истошный крик. Он несся из кухни. Протяжный, почти звериный крик ужаса...

— Господи, но ведь это не Мици?! — вскричала Джулия.

— Нет, — сказал Крэддок. — Это кричит человек, на совести которого три убийства.



Глава 22

ПРАВДА

Когда инспектор набросился на Эдмунда Светтенхэма, Мици тихонько улизнула из комнаты в кухню. Не успела она налить в раковину воды, как появилась мисс Блеклок.

Мици украдкой бросила на нее пристыженный взгляд.

— Какая же ты лгунья, Мици! — ласково пожурила ее мисс Блеклок. — И вообще, разве... разве так моют посуду? Сначала помой серебро, да

налей полную раковину. Как можно мыть, если у тебя совсем нет воды?

Мици послушно открутила краны.

— Вы не сердиться, что я сказать, мисс Блеклок? — спросила она.

— Если б я сердилась на все твои выдумки, мне пришлось бы беситься с утра до ночи, — ответила мисс Блеклок.

— И я иду сейчас к инспектор и говорю, я все выдумать? — спросила Мици.

— Он и без тебя уже в курсе, — любезно откликнулась мисс Блеклок.

Мици закрутила кран, и тут же сильные руки схватили ее за волосы и одним рывком сунули под воду.

— Только *я* знаю, что ты раз в жизни сказала-таки правду, — злобно прошипела мисс Блеклок.

Мици отбивалась, пытаясь вырваться, но мисс Блеклок оказалась на удивление сильной...

И вдруг совсем рядом раздался жалобный голос Доры Баннер: *«О Лотти, Лотти... не надо... Лотти!»*

Мисс Блеклок вскрикнула. Руки ее взлетели вверх, и Мици, задыхаясь и отплевываясь, вытащила голову из раковины.

А мисс Блеклок снова закричала, завывающим

долгим криком, потому что на кухне никого не было...

– *Дора, Дора, прости меня! Я должна была, я должна была это сделать...*

Не разбирая дороги, она кинулась в посудомоечную, но путь ей преградил сержант Флетчер, а из шкафчика для веников вышла раскрасневшаяся, торжествующая мисс Марпл.

— Я всегда хорошо умела подражать чужим голосам, — сказала она.

— Мадам, вам придется пройти со мной, — заявил сержант Флетчер. — Я свидетель того, как вы пытались убить эту девушку. Вам будут предъявлены и другие обвинения. Должен предупредить, Летиция Блеклок...

— Шарлотта Блеклок, — поправила его мисс Марпл. — Шарлотта Блеклок, вот кто она такая. И под жемчужным ожерельем, которое она носит не снимая — шрам от операции.

— От операции?

— Да. Остался после удаления зоба...

Притихшая мисс Блеклок посмотрела на мисс Марпл.

— Стало быть, вы обо всем знаете?

— Да, с некоторых пор.

Шарлотта Блеклок села к столу и заплакала.

— Зря вы это сделали, — бормотала она, всхлипывая. — Зачем вы заговорили Дориным голосом... Я любила Дору. Я действительно любила Дору.

Инспектор Крэддок и все остальные столпились в дверях. Констебль Эдвардс, обладавший, помимо прочих достоинств, умением оказать первую помощь пострадавшему, делал Мици искусственное дыхание. Едва Мици смогла говорить, она принялась превозносить себя до небес:

— Я все хорошо делать, да? Я умная! И смелая! О, очень смелая! *Меня* совсем немного — и убивать. Но я так смелая, что рискую *все.*

Внезапно из толпы вырвалась мисс Хинчклифф. Она набросилась на рыдающую Шарлотту Блеклок. Сержант Флетчер с трудом ее оттащил.

— Что вы, — пытался он урезонить мисс Хинчклифф, — что вы... не надо...

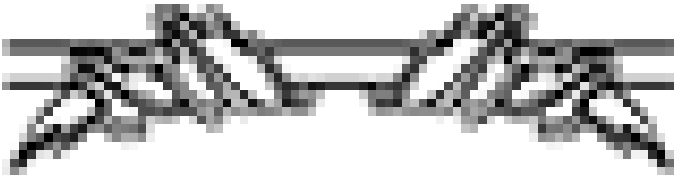
— Пустите меня! — прорычала сквозь зубы Хинч. — Я все равно с ней расправлюсь. Это она убила Эми Мергатройд.

Шарлотта Блеклок подняла на нее глаза и всхлипнула:

— Я не хотела ее убивать. Я никого не хотела убивать... так получалось... Но жаль мне только Дору, после Дориной смерти я осталась совсем

одна... с тех пор как она умерла, я одна... О Дора, Дора...

Она закрыла лицо руками и вновь зарыдала.



Глава 23

ВЕЧЕР У ВИКАРИЯ

Мисс Марпл сидела в высоком кресле, Банч — на полу напротив камина, обхватив руками колени.

Преподобный Джулиан Хармон подался вперед и теперь был больше похож на школьника, чем на умудренного и много повидавшего на своем веку человека. Инспектор Крэддок курил сигару, потягивая виски с содовой, и чувствовал себя вольготно. Несколько в стороне от них сидели

Джулия, Патрик, Эдмунд и Филлипа.

— Я считаю, что это ваша история, мисс Марпл, — сказал Крэддок.

— О нет, мой мальчик. Я просто чуть-чуть помогла вам. А *вы* были в курсе всех событий, вели дело и знаете куда больше меня.

— Ладно, рассказывайте вдвоем, — нетерпеливо перебила ее Банч. — Каждый по кусочку. Только пусть начинает тетя Джейн, потому что мне нравится, как образно она все рассказывает. Когда вы в первый раз заподозрили Блеклок?

— Ну, Банч, милочка, трудно сказать определенно. Конечно, поначалу мне показалось, что самый *подходящий* человек для этого, то есть для организации этого дурацкого налета, — *мисс Блеклок.* Было известно, что она единственная, кто общался с Руди Шерцем. Да и потом, устроить такую штуку в собственном доме проще простого. Возьмем, к примеру, вдруг включенное центральное отопление. Потому что камин зажигать было нельзя: от него был бы свет в комнате. Но никто, кроме хозяйки дома, не может отдать приказ *не разжигать* камин. Не хочу сказать, что я все время об этом думала... однако я порой жалела, что все *обстоит* не так просто. Впрочем, я, как и остальные, была введена в заблуждение и счита-

ла, что кто-то хочет убить Летицию Блеклок.

— Наверно, лучше сразу уточнить, что же произошло на самом деле, — сказала Банч. — Швейцарец узнал ее?

— Да. Он работал в...

Мисс Марпл в нерешительности взглянула на Крэддока.

— В клинике доктора Адольфа Коха в Берне, — сказал Крэддок. — Кох был всемирно известным хирургом. Шарлотта Блеклок легла в его клинику на операцию, а Руди Шерц работал там санитаром. Приехав в Англию, он увидел в гостинице даму, бывшую пациентку, узнал ее и при случае заговорил с ней. Дай он себе труд задуматься, он бы наверняка не подошел к ней, ведь Руди уволился из клиники, когда над его головой собирались тучи; впрочем, это произошло спустя некоторое время после того как Шарлотта выписалась, и она этого могла не знать.

— Так он не говорил ей ни о Монтрё, ни об отце, владельце гостиницы?

— О нет, она все выдумала. Иначе как объяснить всем окружающим, почему он с ней заговорил? — задумчиво протянула мисс Марпл. — Она чувствовала себя в относительной безопасности, и вдруг — на тебе, так не повезло! Она встречает то-

го, кто знал ее не как одну из двух мисс Блеклок (к *этому* она была готова), а именно как *Шарлотту* Блеклок, больную, у которой был удален зоб.

— Но вы хотели услышать все с самого начала. Итак, началом этой истории я считаю, — с вашего позволения, инспектор, — тот самый момент, когда у Шарлотты Блеклок, хорошенькой, легкомысленной и ласковой девочки, стала увеличиваться щитовидная железа, именуемая в народе зобом. Это разбило ее жизнь, она ведь была очень ранимой девочкой. И болезненно относилась к своей внешности. Многие девочки этим страдают, особенно в подростковом возрасте. Если б жива была ее мать или если б отцу Господь дал больше разума, она не оказалась бы, наверное, в столь ужасном состоянии. Но никто не пытался отвлечь ее от грустных мыслей, не побуждал к общению с людьми, не пытался помочь вести нормальный образ жизни и не думать о своем уродстве. И конечно, если б она росла в другой семье, ей бы сделали операцию гораздо раньше.

Однако доктор Блеклок был мракобесом, человеком ограниченным и упрямым. Он не верил в такие операции. И видимо, убедил Шарлотту, что ей ничто не поможет, кроме йода и прочих

лекарств. Шарлотта же безоговорочно *верила* ему; думаю, и ее сестра чересчур доверяла медицинским познаниям своего папаши.

Шарлотта любила отца, как любят слабодушные, покорные люди. Отцу, считала она, видней, что для дочери лучше. А зоб продолжал расти, становился все безобразней, и она постепенно замыкалась в себе, теряла связь с людьми. Хотя вообще-то она была очень добрым, привязчивым созданием.

— Весьма подходящая характеристика убийцы, — хмыкнул Эдмунд

— Отнюдь, — возразила мисс Марпл. — Слабые и добрые люди часто оказываются способными на предательство. А если они к тому же еще и в обиде на жизнь, это делает их черствыми и жестокими. Летиция Блеклок была, конечно, полной противоположностью Шарлотте. Белль Гедлер отзывалась о ней очень *хорошо,* и, я полагаю, Летиция этого *заслуживала.* Она была удивительно цельной натурой, искренне не понимавшей, — по ее собственному признанию, — как можно не распознать, что честно, а что — нет. Как бы ее ни искушали, Летиция Блеклок и в мыслях не могла допустить бы мошенничества... Она преданно любила сестру. Чтобы Шарлотта не теряла связи

с миром, Летиция писала ей длинные письма, подробно рассказывая обо всем мало-мальски интересном. Ее очень беспокоило душевное состояние сестры. И вот доктор Блеклок умирает. Летиция без колебании бросает работу у Рэнделла Гедлера и посвящает себя Шарлотте. Она повезла ее в Швейцарию, чтобы проконсультироваться у тамошних специалистов насчет операции. Болезнь оказалась очень запущенной, но, как мы знаем, операция прошла успешно. Зоб удалили, а шрам легко маскировался жемчужным ожерельем или другими бусами.

Разразилась война. Вернуться в Англию не представлялось возможным, и сестры остались в Швейцарии, работали в Красном Кресте и других организациях. Время от времени до них доходили новости из Англии... очевидно, дошел и слух о том, что Белль Гедлер долго не проживет. Уверена, что любой на их месте начал бы строить планы и мечтать о тех временах, когда они получат огромное состояние. Думаю, вам всем понятно, что это было куда важнее для *Шарлотты*, чем для Летиции. Впервые в жизни Шарлотта чувствовала себя нормальной женщиной, на которую смотрят без отвращения или жалости. Наконец-то она вздохнула свободно... А ведь впе-

реди у нее — целая жизнь, и оставшиеся годы будет чем заполнить! Она сможет путешествовать, купит дом и прекрасное поместье... будет иметь наряды и украшения, ходить в театры, на концерты; любая ее прихоть теперь может быть исполнена... Она грезила наяву.

И вдруг Летиция, сильная, здоровая Летиция, подхватывает простуду, перешедшую в воспаление легких, и через неделю умирает. Шарлотта потеряла не только сестру, рухнули все ее планы на будущее. Знаете, я думаю, она даже негодовала на Летицию: и чего это она умерла именно сейчас, когда они получили известие о том, что Белль Гедлер долго не протянет?! Еще бы только месяц, и все деньги перешли бы к Блеклокам, а тогда могла бы и умирать...

В этом-то и проявилась разница между сестрами. Видимо, Шарлотта попросту не понимала, что, выдавая себя за сестру, поступает дурно, искренне не понимала. Ведь деньги *должны были* перейти к Летиции, — и перешли бы в ближайшем будущем! — а она рассматривала Летицию и себя как единое целое.

Наверное, мысль о подмене не приходила ей в голову, пока врач не спросил точного имени ее сестры. Тут она вдруг осознала, что почти

все вокруг воспринимают их как «двух мисс Блеклок», немолодых, хорошо воспитанных англичанок, одинаково одевавшихся и очень похожих внешне. (А я уже обращала внимание Банч на то, что все пожилые женщины *удивительно* похожи). Почему бы в таком случае Шарлотте не умереть, а *Летиции* не остаться в живых?

Вряд ли это был продуманный план, скорее — мгновенный порыв. Но тем не менее Летицию похоронили под именем Шарлотты. «Шарлотта» умерла, «Летиция» вернулась в Англию, где и раскрылась ее природная предприимчивость, дремавшая столько лет. Шарлотта всегда играла вторую скрипку. Теперь же она научилась командовать, в ней проявились организаторские способности, какие были у ее умершей сестры. По складу ума сестры вообще были очень схожи, а вот в нравственном плане, — видимо, *полной противоположностью.*

Шарлотте, разумеется, пришлось принять меры предосторожности. Она купила дом в совершенно незнакомой местности. Впрочем, ей следовало избегать только камберлендских знакомых (хотя и там она жила уединенно), ну, и, естественно, Белль Гедлер, которая слишком хорошо знала Летицию. Обмануть ее было бы невозможно. Из-

менившийся вдруг почерк Шарлотта объяснила артритом. И все шло как по маслу, ведь ее знала лишь очень небольшая горстка людей.

— А если бы она встретила знакомых Летиции? — спросила Банч. — У той же было полно знакомых!

— Это другое дело. Они бы потом говорили: «Я тут наткнулся на Летицию Блеклок. Она так изменилась, что я ее с трудом узнал». Но подозрений у них бы не возникло. За десять лет люди *меняются.* То, что *она* их не узнала, *списали бы* на ее близорукость, да и потом, она же была в курсе мельчайших подробностей лондонской жизни Летиции, знала, с кем сестра там встречалась, куда ходила. Шарлотте стоило просмотреть письма, и она живо устранила бы любое подозрение, упомянув про какой-нибудь случай или спросив об общем знакомом. Нет, единственное, чего ей следовало опасаться, — это того, что ее узнают как *Шарлотту.*

Она поселилась в Литтл-Паддоксе, познакомилась с соседями, а получив письмо с просьбой к дорогой Летиции «оказать гостеприимство» и прочее и прочее, с удовольствием согласилась приютить Джулию и Патрика, которых никогда в жизни не видела. Они воспринимали ее как

тетю Летти и тем самым как бы гарантировали ее безопасность.

Все шло превосходно. И вдруг... Она совершает непоправимую ошибку. Ошибка эта была вызвана исключительно ее добросердечием и привязчивым характером. Она получила письмо от старой школьной подруги, влачившей жалкое существование, и поспешила на выручку. Возможно, ее подтолкнуло чувство одиночества. Тайна отдалила ее от людей. Кроме того, она искренне любила Дору Баннер, та была для нее олицетворением радостных и беззаботных школьных лет. Повинуясь мгновенному порыву, Шарлотта ответила на Дорино письмо. Представляю, как изумилась Дора! Она писала *Летиции,* а отвечает *Шарлотта.* Притворяться перед Дорой Шарлотте и в голову не пришло. Дора была одной из немногих школьных подруг, которым позволялось навещать Шарлотту в годы ее одиночества и несчастья.

Она знала, что Дора будет на ее стороне, и рассказала ей о своем обмане. Дора поддержала подругу от всей души. В ее затуманенном мозгу царила страшная путаница, и ей казалось совершенно правильным, что дорогая Лотти не лишится наследства из-за безвременной кон-

чины Летти. За свои безмолвные страдания, которые она переносила так мужественно, Лотти *заслуживала* награду. И было бы очень несправедливо, если бы деньги перешли к каким-то самозванцам.

Дора прекрасно понимала, что обман не должен раскрыться. Получить благодаря рассеянности продавца лишний фунт масла очень приятно, считала она, хотя, конечно, знакомым об этом рассказывать не стоит. Вот таким образом Дора и приехала в Литтл-Паддокс. Но очень скоро Шарлотта поняла, что совершила ужасную ошибку. Нет, дело было вовсе не в том, что жизнь с рассеянной, все на свете путавшей неумехой превратилась для Шарлотты в сумасшедший дом. С этим она еще могла бы примириться, ведь Шарлотта действительно любила Дору. Но вскоре подруга стала представлять для нее опасность. Шарлотта и Летиция всегда звали друг друга полными именами, но Дора признавала только уменьшительные. Она всегда звала сестер Летти и Лотти. И хотя она очень старалась привыкнуть называть Шарлотту «Летти», старое имя частенько срывалось у нее с языка. Дора могла проболтаться о прошлом, и Шарлотте приходилось все время быть начеку. Это начинало

действовать ей на нервы.

Однако на оговорки Доры никто не обращал особого внимания. Настоящая опасность нависла над Шарлоттой, когда в «Ройял Спа» ее встретил Руди Шерц, узнал и заговорил.

Я думаю, это Шарлотта Блеклок давала Руди Шерцу деньги для покрытия недостач. Но ни инспектор Крэддок, ни я не думали, что Руди Шерц замышлял шантаж.

— Он и понятия не имел, чем ее можно шантажировать, — подтвердил инспектор Крэддок. — Шерц знал, что он недурен собой, и уже успел удостовериться в том, что обаятельному молодому человеку не так уж сложно вытягивать деньги из пожилых дам, надо только убедительно рассказать им какую-нибудь душещипательную историю.

Но она видела все в ином свете. Вероятно, Шарлотта решила, что Руди просто изощренно ее шантажирует, и боялась, что, когда после смерти Белль Гедлер наследственные дела получат широкую огласку, швейцарец возомнит, будто напал на золотую жилу.

А она уже завязла в обмане по уши. Все считали ее Летицией Блеклок: и банкиры, и миссис Гедлер. Так хорошо все шло, и вот надо же — появляет-

ся мерзкий швейцарец, какой-то гостиничный клерк, личность в высшей мере сомнительная, ненадежная и к тому же, вероятно, шантажист! Надо только убрать его с дороги, и все опять пойдет как по маслу...

Вначале Шарлотта, наверное, просто фантазировала, обуреваемая жаждой острых ощущений, которыми не баловала ее судьба. Просто так, развлечения ради, она принялась думать, как бы избавиться от Шерца. И в конце концов придумала. Шарлотта решила осуществить свой план. Она предложила Руди Шерцу сыграть роль «гангстера», объяснив, что это может сделать только незнакомый ее соседям мужчина. И конечно, пообещала ему щедрую награду.

Шерц согласился, не заподозрив ничего дурного. Я полагаю, это подтверждает мою гипотезу: ему и в голову не приходило, что Шарлотта его опасается. Он считал ее чудаковатой старушенцией, которой, по-видимому, некуда девать деньги.

Шарлотта поручила Руди поместить объявление в газете, велела ему нанести ей визит, чтобы разузнать планировку дома, и показала, где она его встретит в назначенный вечер. Дору Баннер она в свои планы посвящать не стала.

И вот день настал...

Крэддок сделал паузу. Мисс Марпл тут же продолжила:

— Думаю, она чувствовала себя ужасно. Еще не поздно было отступить... Дора Баннер говорила нам, что Летти чего-то боялась. А Шарлотта и в самом деле боялась. И своего замысла, и того, что план не удастся... Но все же боялась не настолько, чтобы пойти на попятную.

Наверно, ей все это было даже занятно проделывать: добывать пистолет у полковника Истербрука, — просто-напросто, прихватив с собой корзинку яиц или джем, проскользнуть в пустой дом. Потом смазывать петли второй двери в гостиной, чтобы она открывалась и закрывалась бесшумно. Потом вроде бы ненарочно предложить отодвинуть стол от двери, якобы для того, чтобы цветы, собранные Филлипой, лучше смотрелись. Все это еще можно было воспринимать как игру... Но то, что ей предстояло совершить после, совсем на игру не походило. Да, ей было чего бояться. Дора Баннер была права.

— И все же Шарлотта довела дело до конца, — сказал Крэддок. — Все шло точно по плану. Едва пробило шесть, она отправилась «закрыть уток», впустила Шерца, дала ему маску, плащ, перчатки и фонарь. Когда часы начинают бить

половину седьмого, она уже у стола возле прохода под аркой, тянется за сигаретами. Все так естественно! Патрик, играя роль хозяина, пошел за напитками. Шарлотта — хозяйка, она угощает всех сигаретами. Она правильно рассчитала, что, когда часы начнут бить, это привлечет всеобщее внимание. Так и случилось. Только Дора, преданная Дора не отрывала глаз от подруги. И она сразу же заявила следствию, что мисс Блеклок подняла вазочку с фиалками.

Шарлотта заранее надрезала и растрепала кусок шнура лампы, почти оголив провод. Остальное заняло считанные доли секунды. Сигаретница, ваза и кнопка выключателя находились рядом. Она подняла фиалки, плеснула воды на оголенный провод и включила лампу. Вода хорошо проводит электричество. Произошло короткое замыкание.

— Совсем как тогда у нас, — сказала Банч. — Вы этому тогда так поразились, тетя Джейн?

— Да, милочка. Я ведь никак не могла догадаться, почему погас свет. А потом поняла, что было две лампы, и их поменяли местами... возможно, той же ночью.

— Верно, — сказал Крэддок. — Когда на следующее утро Флетчер осматривал лампу, она, как

и остальные, была в полном порядке, ни тебе обтрепанного шнура, ни сожженных проводов.

— Я поняла, что Дора Баннер имела в виду лампу, когда говорила, что накануне в гостиной стояла *«пастушка»*, — сказала мисс Марпл, — но не придала этому значения, приняв на веру утверждение Доры, будто это шутка *Патрика.* Доре нельзя было верить, когда она рассказывала о том, что *слышала:* она всегда все преувеличивала или искажала, все вечно путала. Но зато она умела абсолютно точно описать *увиденное* собственными глазами. Любопытно, правда? А она видела, как Летиция подняла вазочку с фиалками...

— Это то, что она определила как «вспыхнуло и затрещало», — заметил Крэддок.

— И конечно, когда дорогая моя Банч пролила воду из вазы с рождественскими розами на провод лампы, я сразу догадалась, что только сама мисс Блеклок могла устроить короткое замыкание, ведь, кроме нее, возле того стола никто не стоял.

— Не могу себя простить! — воскликнул Крэддок. — Ведь Дора Баннер лепетала про подпалину на столе, дескать, кто-то положил туда сигарету... Но закурить-то никто не успел!.. И фиалки завяли

потому, что в вазе не было воды; тут Летиция допустила промашку, ей следовало бы налить воду. Но, наверно, она подумала, что этого никто не заметит, и, действительно, мисс Баннер охотно поверила, что с самого начала забыла налить в вазу воды... Мисс Баннер можно было внушить все что угодно. И мисс Блеклок неоднократно пользовалась этим. Я полагаю, именно она внушила Банни подозрения в отношении Патрика.

— Но зачем же на мне отыгрываться? — горестно возопил Патрик.

— Вряд ли она хотела причинить вам неприятности, просто ей нужно было отвлечь Банни от своей персоны, — объяснил Крэддок. — Ну, а дальнейшее нам известно. Едва погас свет и все начали кричать, мисс Блеклок выскользнула в дверь и подошла сзади к Руди Шерцу, который шарил фонарем по комнате, с азартом играя свою роль. Он и не подозревал, что она находится у него за спиной — сзади в садовых перчатках и с пистолетом. Мисс Блеклок подождала, пока фонарь высветил ту стену, возле которой она якобы стояла в тот момент, прицелилась и дважды выстрелила, а когда Шерц испуганно обернулся, поднесла к его голове пистолет и выстрелила еще раз. Бросив пистолет возле трупа, она кину-

ла перчатки на столик в холле и поторопилась вернуться на прежнее место. И еще она предусмотрительно поранила себе ухо... точно не знаю чем...

— Наверно, маникюрными ножницами, — предположила мисс Марпл. — На мочке уха от малейшего пореза начинается сильное кровотечение. Это был тонкий психологический ход. Кровь, струящаяся по белой блузке, служила бесспорным доказательством того, *что стреляли именно в мисс Блеклок* и промахнулись лишь чудом.

— Все вроде бы должно было обойтись, — сказал Крэддок. — Уверения Доры Баннер, что Руди Шерц хотел убить Летти, сыграли свою роль. Сама того не подозревая, Дора Баннер убедила всех, что собственными глазами видела, как ранили ее подругу. То, что произошло с Шерцем, очень походило на самоубийство или несчастный случай. И дело едва не закрыли. А не закрыли его только благодаря вам, мисс Марпл.

— О нет, нет! — решительно возразила мисс Марпл. — Я лишь чуточку помогла вам. Но основная заслуга ваша, мистер Крэддок. Это *вы* не хотели прекращать следствие.

— Мне было не по себе, — сказал Крэддок. — Я

чувствовал: что-то здесь неладно. Но никак не мог понять, *что именно,* пока вы мне не подсказали. И кроме того, мисс Блеклок просто не повезло: схватившись не за ту ручку, я совершенно случайно обратил внимание на вторую дверь. До того наши догадки оставались *гипотезой.* Но смазанные дверные петли уже *улика...*

— Я считаю, что вас *вело* провидение, инспектор, — сказала мисс Марпл. — Правда, у меня, наверное, устаревшие представления о жизни.

— И охота началась сызнова, — продолжал Крэддок, — но теперь мы выясняли, у кого есть причины желать смерти мисс Блеклок.

— А кое у кого они *действительно* имелись, и мисс Блеклок было это известно, — заметила мисс Марпл. — Думаю, она почти сразу узнала Филлипу. Похоже, что Соня Гедлер была одна из немногих, кому дозволялось нарушать уединение Шарлотты. А в старости (вам это пока неведомо, мистер Крэддок) гораздо лучше помнятся лица тех, кого знал в молодости, чем лица людей, с которыми встречался пару лет назад. Шарлотта помнила Соню примерно в том же возрасте, в каком сейчас Филлипа, а Филлипа очень похожа на свою мать. Как ни странно, узнав Филлипу, Шарлотта очень обрадовалась.

Она привязалась к девушке; может быть, просто неосознанно пыталась заглушить угрызения совести, которые, наверно, все-таки у нее были. Шарлотта убеждала себя, что, получив наследство, она будет заботиться о Филлипе, заменит ей мать. И они заживут все вместе: она, Филлипа и Гарри. Думая так, Шарлотта заранее чувствовала себя благодетельницей и была счастлива. Но тут инспектор начал выяснять про Пипа и Эмму, и Шарлотта стала нервничать. Она не хотела, чтобы в конечном итоге пострадала Филлипа. Ей хотелось, чтобы все ограничилось нападением юного головореза и его «случайной» смертью. Насколько *она* знала (Шарлотта ведь не догадывалась, кто такая Джулия), только Филлипа могла бы желать ее смерти. Она приложила все усилия, чтобы Филлипу не опознали, и вовремя сообразила сказать инспектору, что Соня была низкого роста и смуглой; вместе с фотографиями Летиции она вынула из альбома и Сонины снимки, чтобы вы, инспектор, не смогли уловить сходство ее с дочерью.

— Надо же, а я подозревал, что Соня Гедлер — это миссис Светтенхэм, — недовольно пробурчал Крэддок.

— Бедная моя мамочка! — пробормотал Эдмунд.

— Заподозрить женщину со столь безупречной репутацией... По крайней мере, я всю жизнь считал ее безупречной...

— Но, конечно, — кротким голосом продолжила мисс Марпл, — настоящую опасность для Шарлотты представляла только Дора Баннер. Она делалась все более забывчивой и разговорчивой. Помню, каким взглядом мисс Блеклок смотрела на нее, когда мы с Банч пришли к ним на чай. А знаете почему? — Дора опять назвала ее Лотти. Для нас это прозвучало безобидной оговоркой, но Шарлотта испугалась. Так все и шло. Бедная Дора... ей так хотелось поболтать. Когда мы пили кофе в «Синей птице», у меня возникло странное ощущение, будто бы Дора говорит не об одном человеке, а сразу о *двух*. На самом деле так оно и было. То она говорила о подруге, что она дурнушка, но зато сильная личность, и почти сразу же расписывала ее как хорошенькую, веселую девушку. Рассказав об уме и удачливости Летти, Дора вдруг посетовала на то, что у бедняжки была такая грустная жизнь, и процитировала строки «И бремя печалей на сердце легло». Это совершенно не вязалось с образом Летиции. Очевидно, зайдя утром в кафе, Шарлотта подслушала большую часть Дориных откровений. Наверняка

она слышала, как Дора упомянула про подмену лампы –дескать, это «пастушок», а не «пастушка». И поняла, что ее бедная преданная Дора очень опасна.

Боюсь, наш разговор в кафе окончательно решил Дорину участь, простите за столь мелодраматическое выражение. Но, наверно, этим все равно бы кончилось. Ведь, пока Дора Баннер была жива, Шарлотта не чувствовала себя спокойно. Она любила Дору... и вовсе не хотела ее убивать... но другого выхода она не видела. Возможно, она даже убедила себя (как сестра Эллертон, помнишь, Банч?), что поступает так чуть ли не из *милосердия.* Ну да. Бедняжка Банни, ей же все равно осталось жить совсем недолго. К тому же конец может оказаться мучительным... Что самое интересное — Шарлотта всячески старалась сделать последний день Банни как можно счастливее. День рождения, гости, именинный торт...

— «Дивная смерть», — содрогнулась Филлипа.

— Да-да. Именно... Она пыталась устроить подруге дивную смерть. Гости, любимые кушанья, запрет говорить о неприятных вещах, чтобы не расстраивать Банни. А потом — таблетки. Бог знает, какая гадость была в пузырьке из-под аспирина, который она оставила возле своей кровати,

чтобы Банни, не найдя только что купленного ею пузырька, смогла взять из этого. А все решат, что таблетки предназначались для *нее самой,* — рассуждала Шарлотта, и оказалась права...

Вот так Банни и умерла: во сне, совершенно счастливая, и Шарлотта вновь почувствовала себя в безопасности. Но она тосковала по Доре Баннер, по ее любви и верности, ей больше не с кем было поговорить о прошлом... Она горько плакала в тот день, когда я принесла ей записку от Джулиана, и ее горе было искренним. Она убила свою самую близкую подругу...

— Ужасно! — воскликнула Банч. — Ужасно!

— Но очень по-человечески, — сказал Джулиан Хармон. — Вы забываете, что убийцы — тоже люди.

— Нет, я лично не забываю, — возразила мисс Марпл. — Конечно, они люди. И часто их бывает даже жаль. Но они очень опасны. Особенно убийцы со слабым характером и мягким сердцем, такие как Шарлотта Блеклок. Ведь стоит слабому человеку испытать *сильный страх,* как он просто теряет от ужаса голову и уже не ведает, что творит.

— Как в случае с Мергатройд? — спросил Джулиан.

— Да, бедняжка Мергатройд. Видимо, Шарлотта подошла к дому как раз в тот момент, когда они разыгрывали сцену убийства. Окно было открыто, Шарлотта прислушалась. До этого ей и в голову не приходило, что кто-то еще может представлять для нее опасность. Но мисс Хинчклифф попыталась заставить Мергатройд вспомнить, и той удалось воссоздать картину нападения... Такой оборот событий был для Шарлотты явно неожиданным... Она-то думала, что в это время все смотрели на Руди Шерца! Шарлотта притаилась под окном и слушала. Вдруг все обойдется? Но когда мисс Хинчклифф собралась ехать на станцию, Мергатройд вдруг вспомнила нечто, что могло привести к выяснению истины. Она крикнула вслед мисс Хинчклифф: «*Там* ее не было...»

Я специально просила мисс Хинчклифф припомнить точные слова подруги. Потому что скажи она: «Там *ее* не было» — смысл утверждения коренным образом изменился бы.

— Для меня это слишком сложно, — покачал головой Крэддок.

Мисс Марпл живо к нему обернулась. Ее лицо было розовым от смущения.

— А вы поставьте себя на место мисс Мергатройд. Человек очень многое видит, хотя часто

сам того не подозревает. Когда я однажды попала в железнодорожную катастрофу, в память мне запало небольшое вздутие на стенке купе. Я могла бы *воспроизвести* его очень точно. А однажды мне пришлось пережить воздушный налет на Лондон... помню бомбы... осколки... жуткое потрясение... но ярче всего мне запомнилась какая-то женщина: она стояла передо мной, и у нее была большая дырка на чулке, а сами чулки — разного цвета. Так что когда мисс Мергатройд перестала думать и попыталась просто мысленно воспроизвести, что она *видела,* она припомнила очень многое.

Наверно, она начала с камина, куда первоначально был направлен свет фонарика... потом луч прошелся по окнам, выхватывая из темноты фигуры людей... Вот, например, миссис Хармон, она закрыла лицо руками. Мергатройд мысленно двигается вслед за фонарем дальше, доходит до мисс Баннер, которая стоит с разинутым ртом и выпученными глазами... потом взгляд Мергатройд упирается в пустую стену и стол с лампой и сигаретницей. Звучат выстрелы, и вдруг она вспоминает нечто совершенно невероятное! Она видит стену, возле которой стояла Летиция Блеклок, когда в нее стреляли. Но в тот момент,

когда в нее выстрелили, *ее там не было...*

Теперь понятно? Мергатройд думала о трех женщинах, на которых ей указала мисс Хинчклифф. Если б одной из них не оказалось на месте, Мергатройд сделала бы ударение на местоимении *«ее».* Она бы сказала: «*Этой!* Там *ее* не было». Но она имела в виду место, где кто-то должен был находиться, а оно пустовало — там никого не было. И Мергатройд не смогла сразу это осознать. «Как странно, Хинч, — сказала она. — *Там* ее не было...» А следовательно, она имела в виду Летицию Блеклок.

— Но вы поняли это раньше, — сказала Банч, — когда перегорела лампа. Вы еще тогда написали какие-то слова, да?

— Да, моя милая. Разрозненные фрагменты вдруг соединились в единое целое, все встало на свои места.

Банч тихо процитировала:

– *«Лампа»...* Теперь понятно. *«Фиалки»...* Тоже. *«Пузырек аспирина»...* Вы хотели сказать, что Банни собиралась купить новый пузырек, и ей не было нужды брать аспирин Летиции?

— Да, а значит, преступнице необходимо было спрятать ее лекарство. Ведь все должно было выглядеть так, будто намеревались убить Летицию

Блеклок!

— Ясно. Что там шло дальше? «Дивная смерть». Да, это не просто торт. Это вообще весь день рождения. Предсмертный праздник для Банни. Шарлотта обращалась с ней как с собакой, которую собираются убить. По-моему, самое ужасное во всей этой истории то, что она прикидывалась такой вот добренькой.

— Но она в общем-то *не была* злой. Последние слова, сказанные Шарлоттой на кухне, — и это чистая правда, — «Я не хотела никого убивать...» Да, она просто хотела заполучить кучу денег, которые ей не принадлежали. И перед этим желанием, — ставшим навязчивой идеей — будто бы деньги могли вознаградить ее за все страдания в прошлом, — так вот, перед этим желанием все остальное меркло. Люди, затаившие обиду на весь мир, всегда опасны. Они считают, что их судьба в долгу перед ними. А между тем я знавала многих калек, которые страдали куда больше, чем Шарлотта, и были гораздо несчастней ее, но умудрялись радоваться жизни. Счастье или несчастье — понятия относительные, все зависит от *восприятия самого человека.* Впрочем, я, кажется, уклонилась от темы. На чем мы остановились?

— Мы вспоминали ваши пометки, — подсказала Банч, — Что вы имели в виду, написав «справлялась»?

— Уж вам-то, инспектор, — мисс Марпл повернулась к Крэддоку, — грех было не заметить. Помните, вы показали мне письмо Летиции? Там дважды встречалось «навел *справки*». А в записке, которую я попросила Банч показать вам, мисс Блеклок написала «я обо всем *справилась*». Люди стареют, но присущие им обороты речи обычно не меняются. Это несоответствие показалось мне весьма существенным.

— Да, — согласился Крэддок, — как же я это упустил!

А Банч продолжала:

— «И бремя печалей на сердце легло...» Но это же слова, сказанные Дорой в кафе, она подразумевала недуг Шарлотты, а у Летиции, разумеется, никакого недуга не было и в помине. *«Йод»* связан с зобом?

— Да, милочка. А в разговорах про Швейцарию мисс Блеклок пыталась создать впечатление, что сестра умерла от чахотки. Но я вспомнила, что в Швейцарии крупнейшие эндокринологи и самые искусные хирурги. А потом это как-то очень увязывалось с нелепым жемчужным ожерельем,

которое постоянно носила Летиция Блеклок. Оно ей совершенно не шло — *не ее стиль*, — но зато помогало скрыть шрам.

— Теперь понятно, почему она так огорчилась, когда порвалась нитка, — сказал Крэддок. — В тот момент ее переживания выглядели довольно нелепыми.

— Так, — значит, вы *написали* «Лотти», а не Летти, как нам показалось? — спросила Банч.

— Ну да, я вспомнила, что сестру звали Шарлотта и что Дора Баннер несколько раз называла мисс Блеклок Лотти и каждый раз очень расстраивалась.

— А что означают слова «Берн» и «пенсия»?

— Руди Шерц работал санитаром в одной из бернских больниц.

— А «пенсия»?

— Банч, милая, я же тебе рассказывала тогда в «Синей птице»... Правда, я еще не знала, с чего это вдруг мне вспомнилась эта история... Ну помнишь? Мисс Возерспун получала пенсию за себя и за миссис Бартлетт, а та давным-давно умерла. А стало это возможным потому, что все старухи так похожи друг на друга... Ну вот, так у меня и сложилась картина преступления. Я после всех этих размышлений безумно устала и

пошла прогуляться, а заодно и еще раз обдумать, как бы вывести Шарлотту на чистую воду. Тут-то меня и подобрала мисс Хинчклифф, ведь начался ливень... а потом мы нашли мисс Мергатройд...

Голос мисс Марпл потускнел. Куда-то исчезло все ее радостное оживление. Теперь она говорила бесстрастно и сурово:

— Я знала, что нужно *действовать*, и действовать немедленно. Но ведь *доказательств* не было! И тут у меня возник план, которым я поделилась с сержантом Флетчером.

— Ну, уж я ему устроил головомойку! — воскликнул Крэддок. — Какое право он имел обсуждать что-то с вами, предварительно не доложив мне?

— Он не хотел, но я его уговорила, — сказала мисс Марпл. — Мы пошли в Литтл-Паддокс, и я начала обрабатывать Мици.

Джулия глубоко вздохнула:

— И как это вам удалось ее уговорить...

— О, мне пришлось потрудиться, моя дорогая, — улыбнулась мисс Марпл. — Она ведь привыкла думать только о себе, и ей не помешало бы сделать кое-что и для других. Конечно, я ее всячески хвалила, сказала, что у себя на родине она наверняка участвовала бы в Сопротивлении. Она ответила — «Конечно». Тогда я стала говорить,

что, по-моему, героизм у нее в крови, и при ее смелости она смогла бы отлично сыграть свою роль. Я рассказывала ей про подвиги участниц Сопротивления; некоторые из них — действительный факт, а некоторые, каюсь, выдумка. И Мици страшно воодушевилась!

— Просто замечательно, — ввернул Патрик.

— Ну в общем, мне удалось ее уговорить. Мы долго репетировали, пока она не выучила роль назубок. А потом я попросила ее отправиться к себе и не спускаться до прихода инспектора Крэддока. Самый большой недостаток легковозбудимых людей в том, что они нетерпеливы и могут испортить все дело.

— Но Мици прекрасно справилась со своей задачей, — сказала Джулия.

— Я не совсем понимаю, зачем вы это устроили, — сказала Банч. — Ведь меня там не было... — добавила она извиняющимся тоном.

— Наш замысел был довольно сложным и рискованным. Мици должна была сделать вид, что *собиралась* шантажировать мисс Блеклок, но перепугалась и решила открыть правду полиции. Что сквозь замочную скважину в столовой она видела, как мисс Блеклок с пистолетом в руках подошла сзади к Руди Шерцу, то есть видела все,

как оно было на самом деле. Мы боялись лишь одного: Шарлотта Блеклок могла сообразить, что раз в замке торчал ключ, Мици не могла ничего увидеть. Но я рассчитывала на то, что, когда человек в шоке, ему не до рассуждений. Я надеялась, что Шарлотта поверит.

— А я — и это важный момент, — подхватил Крэддок, — притворился, что воспринимаю ее заявление скептически, и тут же перешел в наступление, якобы решив открыть свои карты. Я напал на того, кто раньше вообще был вне подозрений, — на Эдмунда...

— А как здорово *я* сыграл *свою* роль! — воскликнул Эдмунд. — Страстно все отрицал. Точно по плану. Только вот мы не учли, что ты, моя драгоценная Филлипа, вдруг что-то залопочешь и поведаешь миру, кто ты такая. Ни инспектору, ни мне даже в голову не приходило, что ты — Пип. Пипом должен был оказаться *я!* На миг ты выбила нас из колеи, но инспектор ловко парировал удар, сделав пару грязных намеков на мои мечты жениться на богатой невесте; не исключено, что эти намеки станут впоследствии причиной наших раздоров.

— Не понимаю, зачем вам понадобилось ломать комедию?

— Не понимаешь? *А ты встань на место Шарлотты Блеклок.* Наше поведение говорило ей о том, что подозревал или знал правду всего один человек: *Мици!* Полиция подозревала других. Пока полицейские думали, что Мици лжет. Но если Мици будет упорствовать, они могут прислушаться к ней и принять ее слова всерьез. А раз так, то надо заставить Мици замолчать!

— Мици вышла из комнаты и отправилась на кухню, — сказала мисс Марпл. — Мисс Блеклок вышла почти сразу же вслед за ней. Она не подозревала, что Мици на кухне не одна. Сержант Флетчер спрятался за дверью в кладовке, а я — в шкафчике для веников и щеток. Просто счастье, что я не толстая.

Банч посмотрела на мисс Марпл.

— И чего вы ждали, тетя Джейн?

— Одного из двух. Либо Шарлотта предложит Мици денег, чтобы та держала язык за зубами, — и тогда сержант Флетчер это засвидетельствует, — либо... она попытается убить служанку.

— Но не могла же она надеяться, что и на этот раз *все сойдет ей с рук!* Тут уж ей было бы не отвертеться!

— Ах, милая, она уже ни о чем таком не думала. Так, наверное, ведет себя испуганная крыса,

угодившая в ловушку. Ты только представь, сколько событий произошло в тот день. Сцена между мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд. Мисс Хинчклифф уезжает на станцию. Как только она вернется, мисс Мергатройд расскажет ей, что Летиции Блеклок не было в тот вечер в комнате. В распоряжении Шарлотты считанные минуты, а надо каким-то образом не позволить мисс Мергатройд открыть правду. Времени на раздумья нет. Единственный выход — убийство... Шарлотта здоровается с бедной женщиной и душит ее. Потом бегом — мчится домой и, переодевшись, усаживается у камина, чтобы к приходу домашних все выглядело так, будто она никуда не выходила.

Затем — неожиданное разоблачение Джулии. Шарлотта нечаянно рвет ожерелье и страшно пугается: вдруг заметят ее шрам? Чуть позже звонит инспектор и говорит, что приедет с кучей соседей. Ни минуты на то, чтобы подумать, передохнуть... Руки ее уже по локоть в крови, а последнее убийство... его уже никак не назовешь актом милосердия и не успокоишь себя тем, что ты избавляешь мир от молодого проходимца... обыкновенное отвратительно жестокое убийство. Но теперь-то она хоть в безопасности?

— Да, пока да. И вот появляется Мици — *новая угроза.* Убить Мици, заткнуть ей рот! Шарлотта обезумела от страха и, окончательно потеряв человеческий облик, превращается в опасного зверя.

— Но зачем вы залезли в шкаф, тетя Джейн? — спросила Банч. — Неужели сержант Флетчер один не мог справиться?

— Так было надежней, дорогая. И потом я знала, что сумею изобразить голос Доры Баннер. Если что и могло остановить Шарлотту Блеклок, так только это.

— Так оно и вышло.

— Да, этого испытания она не вынесла.

Все притихли, погрузившись в печальные воспоминания. Наконец Джулия, чтобы разрядить обстановку, сказала нарочито беззаботным тоном:

— Мици просто не узнать. Вчера сообщила мне, что устраивается в какой-то дом около Саутгемптона. — Джулия начала мастерски пародировать кухаркин акцент: — «Я идути туда, и если мне говорят, вы должны регистрировать себя полиция, вы иностранец, я им ответ: «Да, я буду регистрировать себя полиция! Полиция... они меня хорошо знают! Я помогаю полиция!

Если не я, полиция никогда не арестовала один очень опасный преступник. Я рисковать свою жизнь, потому что я смелый, смелый, как лев... я не боюсь рисковать». «Мици, — говорят они, — ты *героиня*, ты прекрасная!» «Ах, пустяк, — говорю я». — Джулия остановилась. — Ну, и так далее.

— Полагаю, — задумчиво произнес Эдмунд, — скоро выяснится, что Мици помогла полиции не в одном, а в целой сотне дел!

— Она ко мне помягчела, — подала голос Филлипа. — Даже презентовала рецепт «Дивной смерти» в качестве свадебного подарка. Правда, добавила, чтобы я ни в коем случае не открывала секрета Джулии, потому что Джулия испортила ее омлетную сковородку.

— А миссис Лукас, — сказал Эдмунд, — теперь очень расположена к Филлипе. Ведь после смерти Белль Гедлер они с Джулией унаследуют все гедлеровские миллионы. Миссис Лукас подарила нам к свадьбе серебряные щипцы для спаржи. А я доставлю себе превеликое удовольствие, *не пригласив* ее на торжество.

— А потом они жили долго и счастливо, — процитировал Патрик, — Эдмунд с Филлипой... Ну, а Патрик с Джулией? — нерешительно повернулся он к Джулии.

— Нет, со мной этот номер не пройдет, — сказала та. — Намеки инспектора Крэддока — скорее камешки в твой огород, а не в огород Эдмунда. *Это ты юноша,* мечтающий о богатой невесте. Так что не надейся.

— О, черная неблагодарность! — воскликнул Патрик. — И это после всего, что я для нее сделал.

— Да уж, из-за твоего разгильдяйства меня чуть было не упекли за решетку, — хмыкнула Джулия. — Никогда не забуду тот вечер, когда пришло письмо от твоей сестрицы. Я уж подумала: пиши — пропало. Казалось, выхода нет. Ну, а теперь, — промурлыкала она, — я, наверное, подамся в артистки.

— Как? И ты туда же? — простонал Патрик.

— Да. Поеду в Перт. Посмотрю, может, удастся получить место твоей Джулии. А когда освоюсь — займусь театральным бизнесом... И может, буду ставить пьесы Эдмунда.

— А я думал, вы пишете романы, — сказал Джулиан Хармон.

— Я тоже так думал, — ответил Эдмунд. — И даже писал. Вполне приличный, кстати говоря, роман. На первых страницах там обстоятельно рассказывалось, как небритый мужчина выле-

зает из постели, как серо на улице, чем пахнет в комнате; потом появлялась жуткая старуха с отечной мордой и злобная потаскуха, и они вели бесконечные разговоры о мироздании и размышляли о смысле жизни. И вдруг я тоже начал размышлять... Мне пришла в голову забавная мысль... я ее записал... А потом из этого вышла весьма колоритная сценка. Получилось простенько, но мило... И не успел я сообразить что к чему, как закончил уморительный фарс в трех действиях.

— А как называется твоя пьеса? — спросил Патрик. — *«Что увидел дворецкий»?*

— Можно, конечно, и так... Но я назвал ее по-другому: *«И слоны забывают».* Скажу больше: пьесу уже приняли к постановке.

— «И слоны забывают»... — прошептала Банч. — Интересно, а они на самом деле забывают?

Преподобный Джулиан Хармон виновато вскочил.

— Господи! Я заслушался... Моя *проповедь...*

— А всё эти детективы, — сказала Банч. — Только на этот раз не выдуманные, а из жизни.

— Возьмите тему «Не убий», — предложил Патрик.

— Нет, — решительно покачал головой Джули-

ан Хармон. — Не хочу.

— Ты совершенно прав, Джулиан. Есть темы гораздо более приятные. — И она своим непоставленным голоском процитировала: — «Ибо пришла весна, пение черепах раздается над землей»... Я точно не помню, но ты понимаешь, что я имею в виду. Вот только я никак не возьму в толк, при чем тут *черепахи.* Разве черепахи умеют петь?

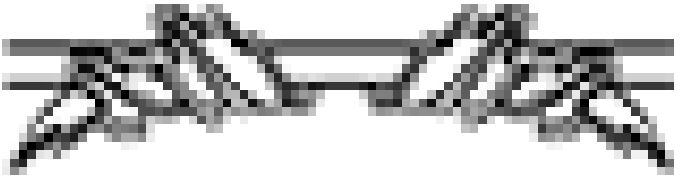
— Просто здесь не очень удачный перевод, — объяснил викарий. — Имеется в виду не черепаха, а «черепаховый голубь», т.е. горлинки. Вообще-то в первоисточнике написано, что...

Банч перебила его, крепко обняла и сказала:

— Я знаю только одно: *ты* думаешь, что библейский Агасфер — это Артаксеркс Второй, но (правда, это между нами!) он был Артаксерксом Третьим...

И в который раз Джулиан Хармон не понял, что смешного находит его жена в этой истории.

— Тиглатпаласар хочет тебе помочь, — сказала Банч. — Он теперь загордился, ведь *он* подсказал нам, как и почему погас свет!



ЭПИЛОГ

— Надо выписать газеты, — сказал Эдмунд Филлипе, когда они вернулись в Чиппинг-Клеорн из свадебного путешествия. — Пойдем к Тотмену.

Мистер Тотмен, неповоротливый мужчина, страдающий одышкой, встретил их очень приветливо.

— Рад снова увидеть вас в наших краях. *Мое почтение,* мадам.

— Мы хотим оформить подписку, — сказал Эдмунд.

— Извольте, сэр. Как поживает ваша матушка? Надеюсь, она здорова? Как она, обжилась на новом месте? Она в Борнмуте?

— Она в восторге, — сказал Эдмунд, не имевший ни малейшего понятия, так ли это, но, подобно большинству сыновей, предпочитавший думать, что с их любимыми, хотя и надоедливыми матушками все в порядке.

— Да, сэр, Борнмут — милое местечко. Мы ездили туда в отпуск в прошлом году. Миссис Тотмен очень понравилось.

— Я рад. Так вот насчет газет, мы бы хотели...

— А еще я слышал, ваша пьеса идет в Лондоне. Говорят, она презабавная.

— Она имеет успех.

— Вы вроде бы назвали ее *«И слоны забывают»*... Простите, сэр, но мне всегда казалось, что нет... то есть я хотел сказать, что они *не забывают.*

— Да-да, вы правы. Я теперь думаю, что зря ее так назвал. Мне уже многие об этом говорят.

— Так уж они устроены. Закон природы, сэр.

— Конечно-конечно! Как и то, что уховертки — образцовые матери.

— Неужели, сэр? Надо же, вот этого я *не знал!*

— Так вот, насчет газет...

— Ну... наверное, подпишемся на *«Таймс»?* —

Мистер Тотмен застыл с карандашом наготове.

— Нет, лучше на *«Дейли уоркер»,* — твердо заявил Эдмунд.

— И на *«Дейли телеграф»,* — вставила Филлипа.

— И *«Нью стейтсмен»,* — добавил Эдмунд.

— И *«Радио таймс»,* — сказала Филлипа.

— И *«Спектейтор»,* — подхватил Эдмунд.

— И *«Вопросы садоводства»,* — спохватилась Филлипа.

Они замолчали, переводя дыхание.

— Чудненько, сэр, — кивнул мистер Тотмен. — Ну, и, конечно, выпишем *«Газету»?*

— Нет, — сказал Эдмунд.

— Нет, — поддержала его Филлипа.

— Простите... Вы что, *не желаете* получать *«Газету»?*

— Не желаем.

— Конечно нет!

— Вы не хотите получать *«Норт бенхэм ньюз энд Чиппинг-Клеорн газетт»?*

— Нет.

— Вам не хочется, чтобы я присылал ее в ваш дом каждую пятницу?

– *Да нет же!* — воскликнул Эдмунд и добавил: — Теперь вам все ясно?

— О да, сэр... д-да...

Когда Эдмунд с Филлипой ушли, мистер Тотмен проковылял в гостиную, располагавшуюся в глубине дома.

— Мамочка, у тебя есть карандаш? — спросил он. — А то у меня кончились чернила.

— Я сама запишу, — сказала миссис Тотмен и схватила книгу заказов. — Что им нужно?

– *«Дейли уоркер», «Дейли телеграф», «Радио тайме», «Нью стейтсмен», «Зритель»...* погоди... еще *«Вопросы садоводства».*

– *«Вопросы садоводства»,* — повторила миссис Тотмен, деловито записывая. — И разумеется, *«Газету».*

— Нет, *«Газету»* они не хотят.

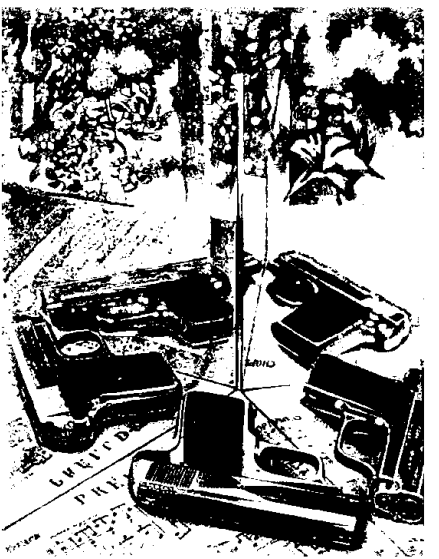
— Что?

— Они не хотят *«Газету».* Так прямо и заявили.

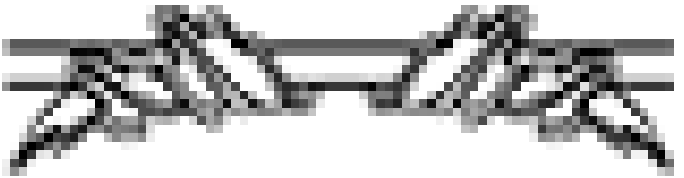
— Чепуха! — воскликнула миссис Тотмен. — Ты просто недослышал. Естественно, они хотят выписать *«Газету».* Ее же все выписывают. А иначе как же узнать, что вокруг творится?

ФОКУС С ЗЕРКАЛАМИ

THEY DO IT WITH MIRRORS



ФОКУС С ЗЕРКАЛАМИ



Посвящается
Мэтью Причарду

ГЛАВА 1

Миссис Ван-Райдок немного отступила от зеркала и вздохнула.

— Ничего, сойдет, — сказала она. — Ну как, Джейн, сойдет?

Мисс Марпл одобрительно оглядела модель от Ланванелли.

— Очень красивое платье.

— Платье-то неплохое, — сказала миссис Ван-Райдок и снова вздохнула. — Помогите мне его снять, Стефания.

Немолодая горничная с седой головой и поджатыми губами осторожно сняла платье через голову и вытянутые руки миссис Ван-Райдок.

Миссис Ван-Райдок стояла теперь перед зеркалом в розовой шелковой комбинации, затянутая в изящный корсет. На ногах, все еще стройных, были тончайшие нейлоновые чулки. Ее лицо, которое регулярно массировали, под слоем косметики и на некотором расстоянии казалось почти девическим. Волосы, не столько седые, сколько нежно-голубые, были красиво уложены. Глядя на миссис Ван-Райдок, было почти невозможно представить ее себе без макияжа. Для нее дела-

лось все, что могут сделать деньги, — плюс диета, массаж и гимнастика.

Она с улыбкой взглянула на свою подругу.

— Кто бы мог подумать, Джейн, что мы с тобой ровесницы?

Мисс Марпл была верной подругой.

— Конечно, никто, — успокоила она ее. — А вот я, пожалуй, *выгляжу на свой возраст.*

У мисс Марпл были седые волосы, розовое лицо в морщинках и невинные фарфорово-голубые глаза. Это была удивительно милая старушка. Миссис Ван-Райдок никто бы не назвал удивительно милой старушкой.

— Да, Джейн, ты выглядишь на свой возраст, — сказала миссис Ван-Райдок и вдруг усмехнулась. — Впрочем, ведь и я тоже, только на другой лад. «Поразительно, как эта старая ведьма сохранила фигуру» — вот что обо мне говорят. И все знают, что я старая ведьма. И сама я чувствую себя именно такой!

Она тяжело опустилась в стеганое атласное кресло.

— Можете идти, Стефания, — сказала она.

Стефания взяла платье и вышла.

— Моя верная Стефания! — сказала Рут Ван-Райдок. — Служит у меня уже более тридцати лет.

Единственная, кто знает, как я выгляжу на самом деле. Джейн, мне надо поговорить с тобой.

Мисс Марпл с готовностью пододвинулась ближе. В этой пышной спальне гостиничного номера люкс она смотрелась несколько странно. Однако и в своем несколько мешковатом черном костюме, с большой хозяйственной сумкой она выглядела настоящей леди.

— Я тревожусь, Джейн. За Керри-Луизу.

— За Керри-Луизу? — задумчиво переспросила мисс Марпл. Это имя перенесло ее на много лет назад.

Пансион для молодых девиц во Флоренции. Вот она сама — бело-розовая девочка, росшая под сенью провинциального английского собора. И вот сестры Мартин, американки, которые удивляют и привлекают эту английскую девочку необычным говором, живостью и непринужденностью поведения. Рут — высокая, энергичная, уверенная в себе. Керри-Луиза — миниатюрная, изящная, задумчивая.

— Когда ты с ней виделась в последний раз, Джейн?

— О, много лет назад, лет двадцать пять. Но мы, конечно, всегда пишем друг другу на Рождество.

Странная вещь дружба! Юная Джейн Марпл

и две американки. Их жизненные пути сразу же разошлись, но старая дружба сохранилась: иногда они переписывались, на Рождество обменивались открытками. И странно, что с Рут, чей дом, а вернее, дома находились в Америке, мисс Марпл виделась чаще, чем с ее сестрой. Впрочем, не так уж и странно, ведь Рут, как большинство американцев ее круга, была, в сущности, космополитом, примерно раз в год она наезжала в Европу, порхала между Лондоном, Парижем и Ривьерой, и надо отдать ей должное, непременно старалась выкроить часок для старых друзей. Таких встреч, как сегодняшняя, было много. То в «Клариджe», то в «Савойе», то в «Беркли», то в «Дорчестере». *Изысканный* ланч, воспоминания и торопливое, ласковое прощание. Посетить деревню Сент-Мэри-Мид у Рут, конечно же, не хватало времени. Джейн Марпл на это и не рассчитывала. У каждого свой *темп* жизни. У Рут это было *presto*[28]. Мисс Марпл довольствовалась *adagio*[29].

Итак, с американкой Рут она виделась чаще, а Керри-Луизу, жившую в Англии, не видела уже более двадцати лет. Странно, но вполне объяс-

---

[28] notes: 28
Быстро, скоро *(ит.; муз.)*

[29] notes: 29
Медленно, неторопливо *(ит.; муз)*

нимо, потому что, когда друзья живут в одной стране, они не стремятся к встречам. Считается, что рано или поздно встреча произойдет сама собой. Однако, если эти друзья вращаются в разных кругах, ничего подобного не происходит. Вот и пути Джейн Марпл и Керри-Луизы ни разу не пересекались.

— Почему ты тревожишься о Керри-Луизе? — спросила мисс Марпл.

— Не знаю почему, и это как раз тревожит меня больше всего.

— Она болеет?

— Особенно крепкой она никогда не была. И я бы не сказала, что она чувствует себя хуже обычного. Стареет, конечно, как и все мы.

— Может быть, несчастлива?

— О *нет!*

Конечно нет, подумала мисс Марпл. Трудно представить себе Керри-Луизу несчастной, хотя бывали в ее жизни времена, когда так могло быть. Но это как-то не вязалось с ней. Ее можно было представить испуганной, огорченной, обиженной, но в горе и отчаянии — нет, невозможно!

Миссис Ван-Райдок будто угадала ее мысли.

— Керри-Луиза всегда была не от мира сего, — сказала она. — Она не знает жизни. Наверно, *это*

меня и тревожит.

— Обстоятельства... — начала мисс Марпл, но тут же, покачав головой, осеклась. — Нет, не то.

— Не обстоятельства, а она сама, — сказала миссис Ван-Райдок. — У Керри-Луизы всегда были идеалы. Во времена нашей юности идеалы были в моде. По нашим тогдашним понятиям не иметь идеалов было просто неприлично. Ты, Джейн, собиралась ухаживать за прокаженными, а я хотела уйти в монастырь. У всех девиц эта дурь проходит. Обычно ее выбивает замужество. Но мне из замужества, пожалуй, удалось и кое-что извлечь.

Мисс Марпл подумала, что ее подруга чересчур скромно оценивает свои достижения. Рут выходила замуж трижды, всякий раз за очень богатого человека, и каждый развод только увеличивал ее счет в банке, нисколько не портя ей характера.

— Разумеется, — сказала миссис Ван-Райдок, — я не позволяла себе расслабиться. Я всегда прочно стояла на ногах. Не ждала слишком многого от жизни и тем более — от мужчин. И все оказывались довольны, и никому не было обидно. С Томми мы до сих пор дружим, а Джулиус часто советуется со мной о делах на бирже. — Ее лицо омрачилось. — Кажется, я поняла, что меня бес-

покоит. Керри-Луиза всегда имела обыкновение выходить за *одержимых.*

— За одержимых?

— Да, за людей с идеалами. Перед идеалами Керри-Луиза никогда не могла устоять. В семнадцать лет — а она была прехорошенькая — старый Гулбрандсен увлек ее планами спасения человечества. Ему было за пятьдесят, но она за него тем не менее вышла. За вдовца со взрослыми детьми, исключительно из-за его филантропических идей. Она слушала его как зачарованная. Ну прямо как Дездемона слушала Отелло. К счастью, на этот раз не было Яго, чтобы испортить дело. К тому же Гулбрандсен все-таки не был цветным. Кажется, он был шведом или норвежцем, что-то в этом роде.

Мисс Марпл задумчиво кивнула. Имя Гулбрандсена было известно всему миру. Этот человек, при его блестящих деловых качествах и безукоризненной честности, нажил такое огромное состояние, что просто не мог не заняться благотворительностью. Его имя еще было на слуху. Существовал Фонд Гулбрандсена, премия Гулбрандсена за научные открытия, основанные им приюты для бедных, но более всего прославился его Колледж для детей рабочих.

— Ты-то знаешь, что она вышла за него не ради его денег, — сказала Рут. — *Я* если бы и решилась завести такого мужа, то именно ради денег. Но не Керри-Луиза. Не знаю, что было бы дальше, если бы он не умер. Ей тогда было тридцать два. Отличный возраст для вдовы. Уже имеется опыт, но еще не утрачена способность адаптироваться.

Старая дева кротко кивала головой, слушая все это, и перебирала в памяти вдов, которых знала в деревне Сент-Мэри-Мид.

— Больше всего я радовалась за Керри-Луизу, когда она вышла за Джонни Рестарика. *Он-то,* конечно, женился на ней ради ее денег — ну, может быть, не только, но, во всяком случае, деньги сыграли тут решающую роль. Джонни был эгоист, лентяй и сибарит, но это куда безопаснее, чем одержимость. Все, чего хотел Джонни, — это жить в свое удовольствие. Он хотел, чтобы Керри-Луиза одевалась у лучших портных, скупала яхты и автомобили и вместе с ним наслаждалась бы всеми этими радостями жизни. С таким мужчиной никаких *хлопот.* Дайте ему комфорт и роскошь, и он будет мурлыкать и окружать вас вниманием. Я никогда особенно не принимала всерьез его работу. Подумаешь, театральный художник. Но Керри-Луиза воспринимала все его

поделки как Искусство с большой буквы, она и заставила его снова вернуться в эту богему. Ну и получила — эта кошмарная особа из Югославии вцепилась в него мертвой хваткой и увезла. Он не так уж и хотел этого. Если бы Керри-Луиза проявила благоразумие, он вернулся бы к ней.

— А она тяжело это переживала? — спросила мисс Марпл.

— По-моему, не очень. Это-то и странно. Она вела себя как *ангел.* В этом она вся. Тут же согласилась на развод, чтобы он мог жениться на этой твари. И даже предложила ему не забирать с собой двух его сыновей от первого брака, потому что им будет у нее спокойнее. Так что бедняга Джонни просто *вынужден* был жениться на той югославке, и она превратила его жизнь в ад, а через полгода, в приступе ярости, пустила под откос машину, в которой они ехали. *Говорили* о несчастном случае, но *я* думаю, что она просто показала характер.

Миссис Ван-Райдок помолчала, взяла зеркальце и стала внимательно рассматривать свое лицо. Потом взяла пинцет и выдернула волосок.

— И что же потом? Потом она не придумала ничего лучшего, как выскочить за Льюиса Серроколда. Еще один одержимый! Еще один с

идеалами! Конечно, он очень ей предан, что и говорить. Но у него опять-таки мания — сделать всех счастливыми. А ведь добиться счастья человек может только сам.

— Не уверена, — сказала мисс Марпл.

— В таких вещах тоже есть мода, как и в одежде. Кстати, видела ты, в какие юбки нас хочет упихнуть Кристиан Диор? О чем я говорила? Да, о моде. В благотворительности она тоже существует. Во времена Гулбрандсена беднякам давали образование. Теперь это устарело. Потому что за это теперь взялось и государство. Сейчас каждый твердит, что имеет право на образование. И очень мало его ценит, когда получает. Малолетние правонарушители — вот кто сейчас в моде. Потенциальные преступники. На них просто помешались. Видела бы ты, как сверкают у Льюиса Серроколда глаза за толстыми стеклами очков, когда он говорит о них. У него железная воля. Он из тех, кто готов питаться одними бананами и сухарями, если того потребует Дело. Керри-Луиза, как всегда, в полном восхищении. А мне, Джейн, это совсем не нравится. Состоялось собрание попечителей Фонда, и всё имение отдали под новую идею. Открыли нечто вроде школы с трудовым воспитанием для малолетних

правонарушителей. С психиатрами, психологами и прочим. Льюис и Керри-Луиза живут, можно сказать, среди этих мальчишек, а ведь они, мягко говоря, не совсем нормальны. Ну а специалисты по трудовой терапии и педагоги-энтузиасты... из них половина уж наверняка *сумасшедшие.* И все жуткие фанатики! И среди всего этого кошмара моя маленькая Керри-Луиза!

Она умолкла и беспомощно посмотрела на мисс Марпл.

Та произнесла, несколько озадаченная:

— Но ты так и не сказала, Рут, чего именно ты опасаешься.

— Говорю же тебе, что *не знаю.* Вот *это* меня и тревожит. Я только что оттуда — ненадолго к ним заезжала. И все время чувствовала что-то неладное. В атмосфере... в доме... и я знаю, что не ошиблась. У меня всегда была развита интуиция. Рассказывала я тебе, как уговаривала Джулиуса продать акции Зернового Объединения, пока они не обанкротились? Ну что, разве я была не права? Да, у Керри-Луизы что-то *неладно.* Не знаю, что именно. То ли что-то не так в Школе, у этих ужасных маленьких арестантов. То ли в семье. Не могу сказать. Льюис весь в своих идеях и ничего вокруг не замечает. А Керри-Луиза (храни ее бог)

и подавно. Она обожает красивые пейзажи, прекрасную музыку, размышления о возвышенном. Это очень мило, но как *непрактично!* Ведь на свете существует и зло. Вот я и хочу, Джейн, чтобы ты скорее поехала туда и выяснила, в чем дело.

– *Я?* — воскликнула мисс Марпл. — Но почему именно я?

— Потому что у тебя чутье на такие вещи. Ты всегда была очень милым, невинным созданием, а вместе с тем умела предугадывать самое худшее.

— Худшее так часто оказывается правдой, — тихо сказала мисс Марпл.

— И почему ты такого дурного мнения о человеческой природе? Не понимаю. Ведь ты живешь в тихой деревне, где чистые нравы, не тронутые современной циничностью.

— Ты никогда не жила в деревне, Рут. Ты и представить не можешь, что порою творится в тихой деревне, где, по-твоему, такие чистые нравы.

— Возможно. Я говорила только о том, что подобные вещи *тебе* любопытны. Значит, ты *поедешь* в Стоунигейтс и выяснишь, что там неладно?

— Милая Рут, это очень трудно сделать.

— Ничуть. Я уже все обдумала и подготовила

почву. Если ты не слишком на меня рассердишься, я все расскажу.

Миссис Ван-Райдок несколько смущенно взглянула на мисс Марпл, закурила и, заметно нервничая, начала:

— Согласись, что после войны жизнь в Англии для людей с небольшим фиксированным доходом стала труднее. То есть для таких, как ты, Джейн. Я права?

— О да! Если бы не мой заботливый племянник Реймонд, не знаю, как бы я жила.

— О твоем племяннике Керри-Луиза ничего не знает, — сказала миссис Ван-Райдок. — Возможно, она слышала о его книгах, но не подозревает, что их автор — твой племянник. Вот я и сказала Керри-Луизе, что я очень беспокоюсь о нашей дорогой Джейн. Ей, дескать, иной раз едва хватает на еду. Но гордость ни за что не позволит ей обратиться к старым друзьям. *Деньги* она наверняка не примет. Но можно предложить ей побыть в приятной обстановке, со старой подругой. Не надо будет тратиться на еду и вообще отдохнуть от забот... — Рут Ван-Райдок остановилась, а потом добавила с вызовом: — Ну теперь выскажи все, что ты обо мне думаешь!

Мисс Марпл с кротким изумлением раскрыла

фарфорово-голубые глаза.

— О чем ты, Рут? Ты нашла отличный предлог. Я уверена, что и Керри-Луизе твоя идея понравится.

— Она тебе уже написала. Ты найдешь письмо, когда вернешься домой. Скажи честно, Джейн, ты не считаешь, что я слишком много себе позволила? И ты согласна...

Она запнулась. Мисс Марпл тут же пришла ей на помощь, изящно выразив ее мысль:

— ...поехать в Стоунигейтс вроде бы в качестве объекта благотворительности? Почему бы нет, если это необходимо? Ты считаешь, что *необходимо,* и я склонна с тобой согласиться.

Миссис Ван-Райдок удивленно на нее взглянула.

— Но почему? До тебя уже дошли какие-то слухи?

— Ничего подобного. Но тебя что-то смущает. А ты отнюдь не фантазерка, Рут.

— Да. Хотя ничего определенного я не знаю.

— Помнится, — сказала мисс Марпл. — Однажды утром в церкви, а было это во второе воскресенье рождественского поста, я сидела позади Грейс Лэмбл. И все больше за нее тревожилась. Я была уверена, что у нее что-то случилось.

Хотя не могла бы сказать, что именно. Какое-то тяжелое чувство не оставляло меня.

— И что-то действительно произошло?

— О да! Ее отец, старый адмирал, в последнее время вел себя странно. А на следующий день бросился на нее с тяжелым молотком. Кричал, что она — антихрист, принявший обличье его дочери. Он чуть не убил ее. Его увезли в дом умалишенных, а ей пришлось провести несколько месяцев в больнице, еле оправилась.

— Значит, у тебя в церкви появилось предчувствие?

— Мою тревогу вызвало вполне *реальное обстоятельство,* как обычно и бывает в таких случаях, хотя мы не всегда замечаем это вовремя. Ее воскресная шляпка была надета задом наперед. А Грейс Лэмбл — очень аккуратная женщина и не страдает рассеянностью. Не заметить, как она надела шляпку, отправляясь в церковь, она могла только при чрезвычайных обстоятельствах. Отец бросил в нее мраморным пресс-папье и разбил зеркало. Она, видимо, уже на ходу напялила шляпку и поспешила из дому. Она не хотела, чтобы слуги что-то услышали. Сама же она искренне считала, что у ее родителя остались замашки старого «морского волка», ей было и невдомек,

что это психическое заболевание. Он постоянно жаловался, что за ним следят, что у него полно врагов — в общем, все обычные симптомы.

Миссис Ван-Райдок с уважением посмотрела на свою подругу.

— Пожалуй, в твоем Сент-Мэри-Мид не такие уж идиллические нравы. А я-то думала...

— Человеческая природа, милая, всюду одинакова. Просто в городе ее труднее наблюдать.

— Так ты поедешь в Стоунигейтс?

— Да, поеду. Пожалуй, я дурно поступаю по отношению к моему племяннику Реймонду. Подумают, что он мне не помогает. Впрочем, мой милый мальчик уехал на полгода в Мексику. А к тому времени все, вероятно, окончится.

— Что окончится?

— Едва ли Керри-Луиза пригласит меня на неопределенное время. Скорее всего недели на три, на месяц. Этого вполне достаточно.

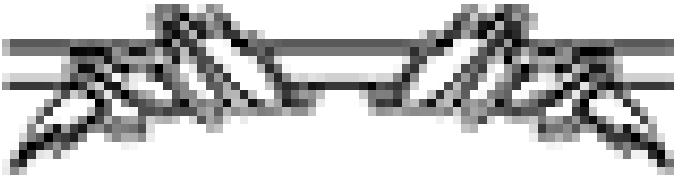
— Достаточно, чтобы выяснить, в чем там дело?

— Да, именно это я имела в виду.

— Боже мой, Джейн, — сказала миссис Ван-Райдок. — Ты, кажется, очень в себе уверена.

Мисс Марпл взглянула на нее с легким упреком.

— Это *ты* во мне уверена, Рут. Или говоришь так... А я могу только обещать, что постараюсь оправдать твою уверенность.



ГЛАВА 2

Прежде чем пуститься в обратный путь (была среда — и билеты в ее «идиллический» Сент-Мэри-Мид стоили дешевле), мисс Марпл очень деловито собрала некоторые сведения.

— Мы с Керри-Луизой иногда переписывались, но чаще всего это были рождественские открытки и календари. Мне нужны некоторые факты, милая Рут, а также сведения о тех, кого я встречу в ее доме в Стоунигейтсе.

— Ну, о браке Керри-Луизы с Гулбрандсеном ты знаешь. У них не было детей, и Керри-Луиза об

этом горевала. Гулбрандсен был вдовец с тремя взрослыми сыновьями. И они с Керри-Луизой удочерили девочку. Назвали ее Пиппой. Прелестный был ребенок. Ей было два годика, когда они ее взяли.

— Откуда? Кто были ее родители?

— Я, право, не помню, Джейн. А может, никогда и не знала. То ли ее взяли из приюта для подкидышей, то ли это был чей-то нежеланный ребенок и Гулбрандсен об этом услышал. А что? Ты считаешь это важным?

— Всегда желательно знать всю подоплеку. Но продолжай, пожалуйста.

— Потом Керри-Луиза все же забеременела. Я слышала от врачей, что так нередко бывает.

Мисс Марпл кивнула.

— Да, по-видимому.

— Словом, это произошло, и, как ни странно, Керри-Луиза, пожалуй, даже огорчилась. Случись это раньше, она себя не помнила бы от радости. Но она уже так привязалась к Пиппе, что даже почувствовала себя виноватой перед ней, словно в чем-то ущемила ее права. А Милдред родилась очень непривлекательным ребенком. Она пошла в Гулбрандсенов, людей достойных, но определенно некрасивых. Керри-Луиза так старалась

не делать разницы между родной и приемной дочерьми, что больше баловала Пиппу и меньше внимания уделяла Милдред. Иногда мне казалось, что Милдред затаила обиду. Впрочем, я не часто их видела. Пиппа выросла красавицей, а Милдред дурнушкой. Эрик Гулбрандсен умер, когда Милдред было пятнадцать, а Пиппе восемнадцать.

В двадцать лет Пиппа вышла замуж за итальянца, маркиза ди Сан-Севериано. За настоящего маркиза, не какого-нибудь авантюриста. Она была богатой наследницей — иначе Сан-Севериано, конечно, не женился бы на ней, ты ведь знаешь итальянцев! Гулбрандсен оставил одинаковые суммы родной и приемной дочерям. Милдред вышла за каноника[30] Стрэта — приятный человек, только очень подверженный насморкам. Старше ее лет на десять-пятнадцать. Насколько я знаю, брак был вполне счастливый.

Год назад он умер, и Милдред вернулась в Стоунигейтс, к матери. Но я слишком спешу и пропустила одно-два замужества. Надо вернуться к ним. Итак, Пиппа вышла за своего итальянца. Керри-Луиза была очень довольна. У Гвидо были

---

[30] notes: 30

К а н о н и к — в англиканской церкви старший священник кафедрального собора.

прекрасные манеры, он был красив и отличный спортсмен. Через год Пиппа родила дочь и умерла в родах. Это была ужасная трагедия. Гвидо Сан-Севериано очень горевал. Керри-Луиза несколько раз ездила в Италию. В Риме она и познакомилась с Джонни Рестариком и вышла за него. Маркиз снова женился и очень охотно отдал свою маленькую дочь, чтобы она воспитывалась в Англии, у богатой бабушки. Все они поселились в Стоунигейтсе: Джонни Рестарик, Керри-Луиза, двое сыновей Джонни — Алексис и Стефан (первая жена Джонни была русская) и маленькая Джина. Милдред вскоре вышла за своего каноника. Потом Джонни завел роман с югославкой и последовал развод. Сыновья Джонни и после этого приезжали в Стоунигейтс на каникулы и очень привязались к Керри-Луизе. А в тысяча девятьсот тридцать восьмом году Керри-Луиза вышла за Льюиса. — Миссис Ван-Райдок остановилась, чтобы перевести дух. — А ты не знакома с Льюисом?

Мисс Марпл покачала головой.

— Нет. В последний раз я виделась с Керри-Луизой в двадцать восьмом году. Она тогда любезно пригласила меня в Ковент-Гарден, в оперу.

— Да-да. Что ж, Льюис в общем был для нее

вполне подходящим мужем. Он возглавлял известную фирму. Кажется, они познакомились, когда решались некие финансовые дела Фонда и Колледжа, основанных Гулбрандсеном. Состоятельный человек, примерно ее ровесник и с безупречной репутацией. Но тоже одержимый. Помешан на перевоспитании молодых преступников.

Рут Ван-Райдок вздохнула.

— Как я уже говорила, Джейн, в благотворительности тоже существует мода. Во времена Гулбрандсена все кому не лень пеклись об образовании. Еще раньше — устраивали благотворительные кухни.

Мисс Марпл кивнула.

— Да, да. Больным приносили желе из портвейна и бульон из телячьей головы. Помню, как этим занималась моя мать.

— Правильно. Сперва насыщали тело. Потом стали питать умы. Все помешались на образовании для низших классов. Но и эта мода прошла. Скоро, по-моему, будет модным вообще не учить детей, пусть до восемнадцати лет не знают грамоты. У Фонда Гулбрандсена возникли некоторые трудности, потому что его функции взяло на себя государство. Тут и появился Льюис, энтузиаст

трудового перевоспитания молодых правонарушителей. Сперва он заинтересовался этим как профессионал. Анализируя мошеннические проделки шустрых юнцов, он все более убеждался, что молодые правонарушители вовсе не дебилы. Напротив, у них отличные головы и незаурядные способности. Их надо только направить в нужное русло.

— В этом что-то есть, — сказала мисс Марпл. — Хотя я не рискнула бы утверждать это столь категорично... Помню...

Она не договорила и взглянула на часы.

— О боже! Мне нужно обязательно поспеть на поезд в шесть тридцать шесть.

Рут Ван-Райдок настойчиво повторила:

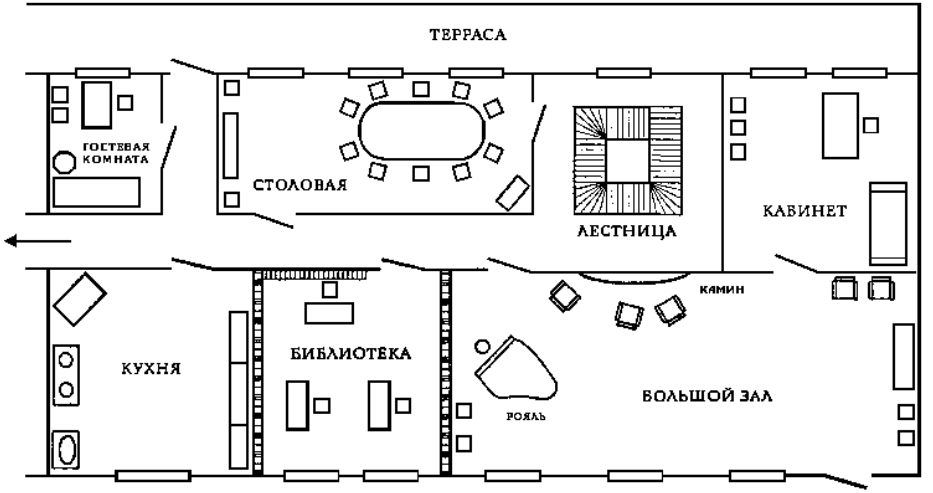
— Так ты поедешь в Стоунигейтс?

Взяв свою хозяйственную сумку и зонтик, мисс Марпл сказала:

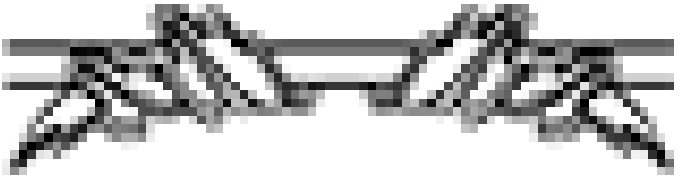
— Если Керри-Луиза меня пригласит.

— Пригласит. Значит, поедешь? Обещаешь?

Джейн Марпл обещала.



ПЛАН СТОУНИГЕЙТСА



ГЛАВА 3

Мисс Марпл сошла с поезда на станции Маркет-Киндл. Любезный попутчик вынес за ней ее чемодан. Мисс Марпл, держа в руках сетку, выцветшую кожаную сумочку и несколько шалей, благодарно щебетала:

— Вы очень любезны. Сейчас так трудно... не хватает носильщиков... Для меня поездка — это столько волнений...

Щебетанье заглушил станционный радиоузел, который громко, но неразборчиво объявлял, что поезд пятнадцать восемнадцать прибыл на

первую платформу и вскоре последует дальше, через такие-то станции — их названия разобрать было совершенно невозможно.

На большой, продуваемой всеми ветрами станции Маркет-Киндл почти не было ни пассажиров, ни железнодорожных служащих. Зато она могла похвалиться шестью платформами и запасным путем, где важно пыхтел крохотный паровозик с одним вагоном.

Мисс Марпл, одетая несколько скромнее обычного (как хорошо, что она не успела отдать свое старое пестренькое платье), неуверенно озиралась вокруг. К ней подошел молодой человек.

— Мисс Марпл? — спросил он неожиданно театральным тоном, как будто с ее имени начинался текст его роли в любительском спектакле. — Я из Стоунигейтса. Приехал вас встретить.

Мисс Марпл с благодарностью взглянула на него. Милейшая старая дама, на вид очень беспомощная, но — если бы он сумел это заметить — с очень проницательными голубыми глазами. Внешность молодого человека мало соответствовала его звучному голосу. Она была гораздо менее импозантной, можно даже сказать незначительной. И еще он имел привычку нервно моргать.

— О, благодарю вас, — сказала мисс Марпл. — У

меня только этот чемодан.

Она заметила, что молодой человек не взял ее чемодан. Он сделал знак носильщику, который вез на тележке несколько ящиков.

— Возьмите это, пожалуйста, — сказал он. И прибавил с важностью: — Я из Стоунигейтса.

Носильщик весело отозвался:

— Будет сделано. Сейчас вернусь.

Мисс Марпл показалось, что ее новому знакомому это не понравилось. Все равно, что адрес «Букингемский дворец» приравнять к какому-нибудь «Лабернем-роуд, дом три».

— Порядки на железных дорогах становятся просто невыносимыми, — посетовал он. Деликатно развернув мисс Марпл в сторону выхода, он добавил: — Я Эдгар Лоусон. Миссис Серроколд попросила меня встретить вас. Я помогаю мистеру Серроколду в его работе.

Это был тонкий намек на то, что очень занятой человек отложил чрезвычайно важные дела, чтобы рыцарски услужить супруге своего патрона.

И снова это прозвучало как-то неестественно, с привкусом театральности.

Мисс Марпл очень насторожил этот Эдгар Лоусон.

Они вышли из здания вокзала, и Эдгар подвел

старую леди к видавшему виды «фордику».

— Как вам угодно — впереди, со мной, или на заднем сиденье? — спросил он. Но тут произошло нечто неожиданное.

К станции подкатил новенький, блестящий двухместный «Роллс-бентли» и остановился впереди «Форда». Из него выпрыгнула очень красивая молодая женщина. Ее запачканные вельветовые брюки и простая блузка с расстегнутым воротом лишь подчеркивали несомненный факт, что она не только красива, но и элегантна.

— А, вы уже здесь, Эдгар? Я так и думала, что не успею. Вижу, вы уже встретили мисс Марпл. Я тоже ее встречаю. — Она ослепительно улыбнулась гостье, показав великолепные зубы на загорелом лице южанки. — Я Джина, — сказала она. — Внучка Керри-Луизы. Как вы доехали? Наверное, ужасно? Какая миленькая сетка! *Обожаю* сетки. Позвольте, я понесу ее. И ваши шали. Вам будет удобнее.

Эдгар вспыхнул и запротестовал:

— Послушайте, Джина, это я встречаю мисс Марпл. Меня...

Зубы девушки опять сверкнули в широкой улыбке.

— Знаю, Эдгар. Но я вдруг подумала, что хоро-

шо бы и мне приехать. Я отвезу ее, а вы можете подождать багаж.

Усадив мисс Марпл, она захлопнула дверцу, обежала машину, села за руль, и они быстро отъехали от станции.

Мисс Марпл оглянулась и увидела вытянувшееся лицо Эдгара Лоусона.

— Мне кажется, дорогая, — кротко заметила она, — что мистер Лоусон не слишком доволен.

Джина засмеялась.

— Эдгар просто идиот, — сказала она. — Всегда такой напыщенный. Можно подумать, будто он *что-то значит!*

— Разве он ничего не значит? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Эдгар? — В презрительном смехе Джины безотчетно прозвучала жестокая нотка. — Да он с приветом.

— С приветом?

— В Стоунигейтсе все с приветом. Исключая Льюиса и бабушку и еще нас с мальчиками. И уж конечно исключая мисс Беллевер. А все остальные точно... Иногда мне кажется, что и *я* там делаюсь немножко того... Даже тетя Милдред на прогулке что-то все время бормочет себе под нос, представляете? А ведь она как-никак — вдова

каноника.

Они выехали на шоссе и прибавили скорость.

Джина бросила на свою спутницу быстрый взгляд.

— Вы учились в школе вместе с бабушкой? Вот удивительно!

Мисс Марпл отлично понимала, что она хочет сказать. Юность всегда удивляется тому, что и старость была когда-то юной, носила косички и одолевала десятичные дроби и английскую литературу.

— Наверное, это было *очень* давно? — вежливо поинтересовалась Джина, по наивности не замечая бестактности своего вопроса.

— Да, — сказала мисс Марпл. — По мне это сразу видно, не то что по вашей бабушке. Верно?

Джина кивнула.

— Вы правильно подметили. Бабушка почему-то кажется женщиной без возраста.

— Я давно с ней не виделась. Может быть, с тех пор она все-таки изменилась.

— Она, конечно, седая, — подумав, сказала Джина. — И ходит с палочкой, из-за артрита. В последнее время ей стало хуже...

Джина не договорила, а помолчав спросила:

— Вы когда-нибудь бывали раньше в Стоуни-

гейтсе?

— Нет, никогда. Но очень много о нем слышала.

— Скажу вам сразу: дом просто ужасен, — сказала весело Джина. — Этакое готическое чудовище. Громадина. Стив говорит, что это Лучший Викторианский Сортирный Стиль. В общем, даже забавно. Но его обитатели безумно серьезны. То и дело натыкаешься на психиатров. Им тут раздолье. Они похожи на скаутских командиров, только хуже. А среди молодых преступников встречаются очень милые. Один научил меня открывать замки кусочком проволоки. А другой, с виду совершенный ангелочек, поделился известными ему способами укокошить человека.

Мисс Марпл молча усваивала эту информацию.

— Больше всего мне нравятся убийцы, — сказала Джина. — А вот психи меньше. Конечно, Льюис и доктор Маверик считают, что ненормальны они *все* и что это — результат подавленных желаний и неблагополучия в семье, например, если мать сбежала с солдатом и тому подобное. Я так не считаю. Мало ли людей, у которых было ужасное детство, но они все-таки сумели вырасти порядочными.

— Я думаю, что это очень сложная проблема, — сказала мисс Марпл.

Джина засмеялась, опять показав свои великолепные зубы.

— Честно говоря, меня она не слишком волнует. Но есть люди, которым не терпится улучшать жизнь на земле. Льюис на этом просто помешан. Специально едет на той неделе в Абердин, потому что там будет слушаться дело какого-то парнишки, у которого уже пять судимостей.

— А что молодой человек, который меня встретил на станции? Мистер Лоусон. Он сказал мне, что помогает мистеру Серроколду. Он у него секретарем?

— У Эдгара не хватит мозгов, чтобы быть секретарем. Он ведь тоже из *этих.* Останавливался в гостиницах и выдавал себя за кавалера Ордена Виктории или за боевого летчика, занимал деньги, а сам потом потихоньку смывался. По-моему, он просто дрянь. Но Льюис возится с каждым из них. Как бы принимает в члены семьи и дает работу. Это якобы должно повысить у них чувство ответственности. В один прекрасный день кто-нибудь из них перережет нас. — И Джина весело рассмеялась.

Мисс Марпл смеяться не стала.

Въехали в величавые ворота, у которых дежурил швейцар с военной выправкой; потом проехали аллею, обсаженную рододендронами. Аллея, да и весь сад выглядели запущенными.

Заметив взгляд своей спутницы, Джина сказала:

— Садовников у нас нет еще с войны, а теперь мы уж и рукой махнули. Но вид в самом деле ужасный.

Вскоре Стоунигейтс предстал во всей своей красе. Как и сказала Джина, это действительно было очень большое здание в стиле викторианской готики. Некий Храм Плутократии. Филантропия добавила к нему крылья и пристройки, которые хотя и не слишком отличались по стилю, но лишили здание всякой цельности и смысла.

— Уродина, верно? — сказала Джина, ласково глядя на дом. — А вон и бабушка, на террасе. Я здесь остановлюсь, и вы сможете выйти к ней.

Мисс Марпл пошла вдоль террасы навстречу своей старой подруге.

Миниатюрная фигурка издали казалась девичьей, хотя Керри-Луиза опиралась на палку и шла медленно, явно с трудом. Казалось, какой-то молодой девушке взбрело в голову изобразить старуху.

— Джейн! — воскликнула миссис Серроколд.

— Милая Керри-Луиза!

Да, это она. Удивительно, как мало она изменилась, хотя, не в пример своей сестре, не употребляет косметики и прочих ухищрений. Волосы седые. Но поскольку они всегда были светлыми, почти серебристыми, их цвет изменился очень мало. Кожа у нее все еще нежно-розовая, только теперь это лепестки увядшей розы. А в глазах прежняя лучистая невинность. По-девичьи стройна, и этот грациозный наклон головы, как у птички.

— Я очень себя виню, — сказала Керри-Луиза своим нежным голосом, — за то, что мы так долго не виделись. Ведь прошли *годы*, милая Джейн! Как хорошо, что ты наконец нас навестила.

С другого конца террасы Джина крикнула:

— Шла бы ты в дом, бабушка! Становится холодно. Джолли будет сердиться.

Керри-Луиза засмеялась серебристым смехом.

— Как они суетятся вокруг меня! Всячески напоминают, что я уже старая.

— А ты не чувствуешь себя старой?

— Нет, Джейн, не чувствую. Несмотря на мои боли и недуги, а у меня их много, в душе я все еще чувствую себя девчонкой вроде Джины.

Наверное, так у всех. Зеркало говорит нам, как мы состарились, но все равно не верится. Мне кажется, и года не прошло с той поры, как я была во Флоренции. Помнишь фрейлейн Швайх и ее высокие ботинки?

Приятельницы весело расхохотались, припоминая события чуть не полувековой давности.

Они вместе направились к боковой двери. Там их встретила высокая и худая пожилая дама. У нее был надменно вскинутый нос, короткая стрижка и хорошего кроя костюм из толстого твида.

Она гневно сказала:

— Чистое безумие, Кара, так поздно выходить из дому. Вы совершенно не способны о себе заботиться. Что скажет мистер Серроколд?

— Не браните меня, Джолли, — умоляюще сказала Керри-Луиза. И представила ее своей гостье: — Это мисс Беллевер. Она для меня абсолютно все: нянька, дракон, сторожевой пес, секретарь, домоправительница и преданный друг.

Джульетта Беллевер фыркнула, но кончик ее большого носа покраснел, что было признаком волнения.

— Делаю, что могу, — сказала она угрюмо. — Но у нас здесь сумасшедший дом. И просто невозможно ввести правильный распорядок.

— Милая Джолли, ну конечно невозможно. Меня удивляет, что вы все еще пытаетесь. Где вы поместите мисс Марпл?

— В Голубой комнате. Я провожу ее туда? — спросила мисс Беллевер.

— Да, Джолли, пожалуйста. А потом ведите ее пить чай. Сегодня чай подадут, кажется, в библиотеке.

В Голубой комнате висели тяжелые портьеры из выцветшей голубой парчи, которым, как решила мисс Марпл, было лет пятьдесят. Мебель была красного дерева, громоздкая и прочная. Над кроватью — массивный полог на четырех столбах. Мисс Беллевер открыла дверь, за которой оказалась ванная комната. Она была неожиданно современной, с бледно-лиловой кафельной плиткой и сверкающими хромированными кранами.

Мисс Беллевер сказала сердито:

— Джон Рестарик, когда женился на Каре, велел сделать в доме десять ванных комнат. Пожалуй, это здесь единственная дань времени. О других изменениях он не хотел и слышать. Говорил, что все здесь — антиквариат. Вы его знали?

— Нет, ни разу не встречалась. Мы с миссис Серроколд виделись очень редко, хотя всегда переписывались.

— Приятный был человек, — сказала мисс Беллевер. — В общем ни на что не пригодный, но очень милый. Масса обаяния и слишком большой успех у женщин. Это его и погубило. Каре он, конечно, не подходил.

Помолчав, она добавила:

— Ваши вещи распакует горничная. Не хотите ли перед чаем помыть руки?

Получив утвердительный ответ, она сказала, что подождет мисс Марпл на верхней площадке лестницы.

Мисс Марпл вошла в ванную, вымыла руки и робко вытерла их великолепным бледно-лиловым полотенцем, потом сняла шляпку и пригладила свои мягкие седые волосы.

Мисс Беллевер, ожидавшая за дверью, повела ее вниз по широкой и мрачной лестнице, через большой темный зал в комнату, до потолка уставленную книжными полками. Из огромного окна открывался вид на искусственное озеро.

Керри-Луиза стояла у окна, и мисс Марпл подошла к ней.

— Внушительных размеров дом, — сказала мисс Марпл. — Я в нем просто теряюсь.

— Да. Но, в сущности, нелепый. Он был построен разбогатевшим фабрикантом скобяных

изделий или кем-то в этом роде. Довольно скоро он разорился. И неудивительно. Четырнадцать гостиных — и все огромные. Я никогда не могла понять, на что людям все эти гостиные. По мне, хватит и одной. Спальни тоже огромные. Столько ненужного пространства! Моя спальня меня просто подавляет. Так долго приходится идти от кровати до туалетного столика... А портьеры! Такие тяжелые, такие мрачные — бордового цвета.

— И ты ее не отделала заново?

Керри-Луиза немного удивилась.

— Нет. Все осталось почти так же, как было, когда я поселилась здесь с Эриком. Маляры, конечно, побывали, но все цвета — прежние. Какая, собственно, разница? Мне кажется, я не имею права тратить деньги на подобные вещи, когда для них есть лучшее применение.

— Неужели в доме ничего не изменили?

— Ну как же! Изменили очень многое. Мы не тронули только середину — Большой Зал и комнаты, которые туда выходят. Самые лучшие. Джонни, мой второй муж, очень восхищался ими и говорил, что там ничего нельзя менять. Он был художник, театральный декоратор, так что в этих вещах разбирался. А оба крыла мы перестроили. Разгородили комнаты. Получились кабинеты и

спальни для педагогов. Мальчики живут в здании Колледжа. Его отсюда видно.

Мисс Марпл посмотрела на большие строения из красного кирпича, видневшиеся за деревьями. Потом ее взгляд упал на более близкий объект, и она сказала, улыбаясь:

— Как хороша Джина!

Лицо Керри-Луизы просияло.

— Не правда ли? — сказала она с нежностью. — Я так рада, что она опять с нами. В начале войны я отправила ее в Америку, к Рут. Может быть, Рут говорила тебе о ней?

— Нет. Только упомянула.

— Бедная Рут! Она была очень расстроена браком Джины. Я много раз говорила ей, что ничуть не осуждаю Джину. Рут не понимает того, что поняла я: что прежние сословные и классовые различия исчезли или исчезают. Джина работала на каком-то военном предприятии и встретила этого молодого человека. Он был моряк и имел много военных отличий. Они поженились после недельного знакомства. Конечно, они поспешили. Не было времени узнать, действительно ли они подходят друг другу. Но теперь такие браки не редкость. Они — дети своей эпохи. Мы можем считать многие их действия неразумными, но

с этим надо мириться. А Рут была ужасно расстроена.

— Она считала молодого человека неподходящим?

— Она твердила, что мы ничего о нем не знаем. Он родом со Среднего Запада[31]. Денег у него нет и, разумеется, никакой профессии. Таких мальчиков теперь сотни. Рут хотела для Джины совсем другого. Но что теперь говорить, дело сделано. Я была очень рада, что Джина приняла мое приглашение приехать вместе с мужем. Здесь жизнь кипит. Волтеру есть чем заняться. Если он задумал изучать медицину, получить ученую степень, у нас тут все условия для этого. И Джина у себя дома. Я так рада, что она вернулась и в доме есть кто-то веселый, ласковый и живой.

Мисс Марпл кивнула и снова посмотрела в окно на молодую пару, стоявшую над озером.

— Какая красивая пара! — сказала она. — Я не удивляюсь, что Джина в него влюбилась.

— О, это не Волтер. — В голосе миссис Серроколд вдруг послышалось смущение. — Это Стив, младший сын Джонни Рестарика. Когда Джонни... уехал отсюда, его мальчикам стало некуда

---

[31] notes: 31

С р е д н и й...З а п а д — традиционное название территории США, лежащей между Скалистыми и Аллеганскими горами.

деваться на каникулы. Вот я и брала их к себе. Здесь по-прежнему их дом. А Стив теперь все время живет тут. Он ведает нашим театром. Потому что мы поощряем все творческие наклонности. Льюис говорит, что большая часть преступлений среди молодежи рождается из желания как-то себя показать. У большинства этих мальчиков было несчастное детство, их всячески подавляли. Ограбив кого-то, они чувствуют себя героями. Вот мы и хотим, чтобы они сочиняли пьесы, сами в них играли и сами писали декорации. Театр мы поручили Стиву. Он оказался таким энтузиастом! Удивительно, но он сумел вдохнуть во все это жизнь!

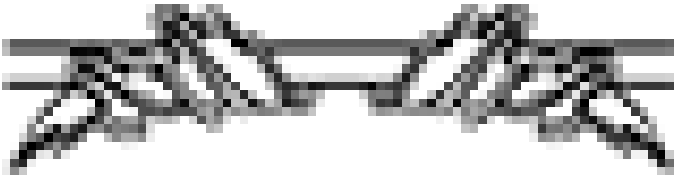
— Так, так, — медленно произнесла мисс Марпл.

Она была дальнозорка (об этом знали, по горькому опыту, многие ее соседи в деревне Сент-Мэри-Мид) и ясно видела красивое смуглое лицо Стивена Рестарика, который в чем-то с жаром уверял Джину. Лица Джины она не могла видеть — та стояла к ней спиной. Но выражение лица Стивена не оставляло никаких сомнений.

— Это не мое дело, — сказала мисс Марпл. — Но ты, конечно, видишь, Керри-Луиза, что он в нее влюблен.

— О нет! — сказала Керри-Луиза несколько встревоженно. — Надеюсь, что нет.

— Ты вечно витаешь в облаках, Керри-Луиза. Тут нет никаких сомнений.



ГЛАВА 4

I

Прежде чем миссис Серроколд успела что-нибудь ответить, в библиотеку вошел ее муж. В руке он держал несколько распечатанных писем.

Льюис Серроколд был невысок ростом, и внешность его была очень заурядной. Но сразу было видно, что он яркая личность. Недаром Рут однажды сказала о нем, что это не человек, а какая-то динамо-машина. Он был настолько увлечен сво-

ими делами и идеями, что частенько не замечал ничего и никого вокруг.

— Дурные вести, дорогая, — сказал он. — Джеки Флинт опять взялся за старое. А я-то думал, что на этот раз он искренне хотел исправиться, просто ему нужно дать шанс. Он всегда интересовался железными дорогами. Поэтому мы с Мавериком надеялись, что за эту работу — на железной дороге — он будет держаться и выбьется в люди. А он опять за свое! Стал по мелочам красть из посылок. И даже то, что нельзя ни продать, ни как-то использовать. Значит, тут *наверняка* психологический мотив. И ведь мы так пока его и не разгадали. Но мы еще повоюем за этого несмышленыша.

— Льюис, это моя старая подруга Джейн Марпл.

— Здравствуйте, — рассеянно произнес мистер Серроколд. — Очень рад. Теперь его, разумеется, будут судить. А ведь мальчик славный. Звезд с неба не хватает, но очень славный. Условия у него дома просто неописуемые...

Тут он прервал свою речь. Динамо переключилось на гостью.

— Я в восторге, мисс Марпл, что вы приехали погостить у нас. Очень важно, что у Каролины

появилась возможность пообщаться с подругой ее юности. Столько, наверное, общих воспоминаний! Здешняя атмосфера для нее несколько мрачна. Очень уж нелегка была жизнь этих бедных детей. Мы надеемся, что вы пробудете у нас подольше.

Мисс Марпл теперь поняла, чем он привлек к себе ее подругу. Было очевидно, что для Льюиса Серроколда главное — его Дело. Многих женщин это могло раздражать. Но только не Керри-Луизу.

Льюис Серроколд взял еще одно письмо.

— А вот тут хорошие вести. Из банка «Уилтшир и Сомерсет». Наш Моррис отлично себя показал. Им очень довольны и со следующего месяца думают повысить в должности. Я всегда знал, что ему нужно только почувствовать ответственность. Иметь дело с деньгами и понимать, что они значат.

Он обратился к мисс Марпл:

— Половина этих мальчиков *не знает*, что такое деньги. Для них это просто возможность пойти в кино или купить сигареты. Но у них большие способности, и им нравится жонглировать цифрами. Вот мне и кажется, что именно этим их надо брать — готовить из них бухгалтеров, показывать им, так сказать, скрытую романтику

денег. Обучать, а потом доверять ответственную работу. Чтобы они уже напрямую имели дело с деньгами. Так мы одержали самые большие наши победы. Подвели нас всего двое из тридцати восьми человек. А один стал даже старшим кассиром в фармакологической фирме. Это ответственная должность...

Он остановился, чтобы сказать жене:

— Дорогая, чай подали.

— Я думала, что его подадут сюда. Я так и сказала Джолли.

— Нет, чай будем пить в Зале. Там все уже собрались.

— А я думала, что никого нет дома.

Керри-Луиза взяла мисс Марпл под руку, и они пошли в Большой Зал. Чаепитие в такой обстановке было несколько несуразным. Чайные чашки и приборы принесли на подносе. Тут громоздились вперемежку с дешевыми белыми кружками остатки рокингемского и споудского сервизов.

К чаю был подан хлеб, две банки варенья и множество дешевых, подозрительного вида пирожных.

За чайным столом сидела полноватая немолодая женщина с седыми волосами. Миссис

Серроколд сказала:

— Джейн, это Милдред. Моя дочь Милдред, которую ты помнишь маленькой девочкой.

Из тех, кого мисс Марпл успела встретить в этом доме, Милдред Стрэт более всех ему соответствовала. Само воплощение зажиточности и чувства собственного достоинства. Когда ей было уже около сорока, она вышла замуж за каноника англиканской церкви, а теперь была его вдовой. И выглядела она именно как вдова каноника — респектабельно и пресно. Это была некрасивая женщина с широким, невыразительным лицом и тусклыми глазами. В детстве, вспомнила мисс Марпл, она тоже была очень некрасива.

— А вот Волли Хадд, муж Джины.

Волли оказался высоким молодым человеком с зачесанными назад волосами и угрюмым выражением лица. Он неловко поклонился и продолжил набивать рот пирожными.

Вошли Джина и Стивен Рестарик. Оба были очень оживленны.

— Джина очень хорошо придумала, как расписать задник, — сказал Стивен. — Из тебя, Джина, вышел бы отличный театральный художник.

Джина засмеялась, явно польщенная. Вошел Эдгар Лоусон и сел рядом с мистером Серроколд-

дом. Когда Джина заговорила с ним, он сделал вид, будто не слышит.

Все это несколько озадачило мисс Марпл, и она была рада после чая уйти к себе и прилечь.

К обеду за столом собралось еще больше народу. Был молодой доктор Маверик, то ли психиатр, то ли психолог — мисс Марпл не очень ясно понимала разницу. Он изъяснялся исключительно научными терминами, и понять, что он говорил, было просто невозможно. Были также два очкастых молодых человека, которые преподавали в Колледже. Еще присутствовал мистер Баумгартен, специалист по трудовой терапии, и трое очень застенчивых юношей, которым выпала очередь быть «гостями в доме». Один из них, блондин с ярко-голубыми глазами, оказался, как шепотом сообщила Джина, тем самым экспертом по части «укокошить».

Обед не был особенно аппетитным. Кое-как приготовлен и кое-как подан. Одеты все были очень по-разному, явно пренебрегая условностями этикета. Мисс Беллевер была в черном платье с закрытым воротом. Милдред Стрэт надела вечернее платье, но поверх него — вязаную кофту. На Керри-Луизе было короткое серое шерстяное платье, Джина сияла красотой в неком подобии

крестьянского наряда. Волли и Стивен Рестарик даже не переоделись. Эдгар Лоусон облачился в аккуратный темно-синий костюм, а Льюис Серроколд — в полагающийся к обеду смокинг. Льюис ел очень мало и едва ли замечал, что у него на тарелке.

После обеда Льюис Серроколд и доктор Маверик удалились в кабинет. Специалист по трудовой терапии и оба учителя ушли к себе. Трое «воспитанников» вернулись в Колледж. Джина и Стивен отправились просматривать ее эскизы декораций. Милдред принялась вязать что-то неопределенное, а мисс Беллевер — штопать носки. Волли тихо покачивался на стуле, тупо глядя в пространство. Керри-Луиза и мисс Марпл стали вспоминать прошлое, которое было понятно и интересно только им самим.

Один только Эдгар Лоусон не мог найти себе места. Он то садился, то беспокойно вставал.

— Мне, наверное, надо идти к мистеру Серроколду, — сказал он громко. — Может быть, я ему нужен.

— Не думаю. Сегодня вечером он хотел кое-что обсудить с доктором Мавериком, — ласково сказала Керри-Луиза.

— Тогда я, конечно, не стану мешать. Мне же

меньше хлопот. Я и без того уж потерял сегодня время на станции, я ведь не знал, что миссис Хадд собралась сама туда ехать.

— Ей следовало предупредить вас, — сказала Керри-Луиза. — Но она, вероятно, решила это в последний момент.

— Понимаете, миссис Серроколд, она выставила меня дураком. Совершенным дураком.

— Нет-нет, — сказала Керри-Луиза, улыбаясь. — Вы не должны так думать.

— Я знаю, что я никому не нужен... *Отлично знаю.* А могло бы быть иначе, совершенно иначе, если бы я нашел свое место в жизни. Я не виноват, что это место мне не досталось.

— Не надо, Эдгар, — сказала Керри-Луиза. — Зачем расстраиваться из-за пустяков? Джейн очень вам благодарна за то, что вы ее встретили. А у Джины часто бывают такие внезапные порывы. Она не хотела вас обидеть.

— Нет, именно хотела. Все было сделано нарочно, чтобы меня унизить.

— О Эдгар...

— Вы не знаете и половины того, что происходит. Сейчас не стоит об этом заводить разговор, так что спокойной ночи.

И он вышел, хлопнув дверью.

Мисс Беллевер фыркнула:

— Ужасные манеры!

— Он очень ранимый, — не очень уверенно произнесла Керри-Луиза.

Милдред Стрэт, щелкая спицами, резко сказала:

— Он отвратительно ведет себя. Мама, ты не должна ему это позволять.

— Льюис говорит, что он не может сдерживаться.

— Каждый может сдерживаться и не грубить, — сухо возразила ей Милдред. — Но Джина тоже виновата. Она легкомысленна во всех отношениях. Никогда не думает, что из ее капризов получится. Сегодня она поощряет его, завтра унижает. Чего же можно ожидать?

Волли Хадд заговорил. Впервые за весь вечер:

— Этот парень псих. Вот и все! Псих!

II

Вечером у себя в комнате мисс Марпл попыталась составить себе общую картину из того, что ей удалось уже узнать, но картина эта была еще слишком нечеткой. Тут несомненно было несколько бурных встречных течений. Но давало ли это основания для тревоги, какую испытывала

Рут Ван-Райдок, сказать было невозможно. Мисс Марпл казалось, что все происходившее вокруг никак не затрагивает Керри-Луизу. Стивен влюблен в Джину. Может быть, и Джина влюблена в Стивена, однако последнее неясно. Волтеру Хадду очень невесело — вот это совершенно очевидно. Подобные ситуации могут возникать — и возникают — повсюду. В них, к сожалению, нет ничего исключительного. Оканчиваются они бракоразводным процессом, и все участники, с новыми надеждами, все начинают снова — и снова могут запутаться. Милдред Стрэт явно не любит Джину и ревнует к ней свою мать. Это, по мнению мисс Марпл, было вполне естественно.

Она вспомнила, что рассказывала ей Рут Ван-Райдок. Как Керри-Луиза огорчалась, что у нее нет детей, как удочерила маленькую Пиппу и как вдруг оказалось, что ребенок у нее все-таки будет. «Случай нередкий, — говорил мисс Марпл ее врач. — Когда женщина успокаивается, Природа делает свое дело».

Он добавлял, что обычно это сулит мало хорошего приемышу.

Однако на этот раз все получилось иначе. Гулбрандсен и его жена обожали маленькую Пиппу. Она заняла в их сердцах настолько прочное ме-

сто, что потеснить ее было трудно. Гулбрандсен давно уже был отцом, так что это отцовство не было для него чем-то новым. Материнское чувство Керри-Луизы было удовлетворено Пиппой. Беременность она перенесла тяжело, а роды были трудные и длились долго. Возможно, что Керри-Луизе, всегда чуждавшейся суровой жизненной прозы, не понравилась эта первая встреча с ней.

И вот стали подрастать две девочки — одна хорошенькая и забавная, другая некрасивая и не слишком умная. Это, подумала мисс Марпл, было опять-таки вполне естественно. Когда люди удочеряют маленькую девочку, они, конечно, выбирают хорошенькую. И хотя Милдред могло повезти и она могла уродиться в Мартинов — эта семья произвела на свет красивую Рут и изящную Керри-Луизу, — Природа решила, что она будет похожа на Гулбрандсенов, людей рослых и здоровых, но очень некрасивых.

К тому же Керри-Луиза старалась ничем не напоминать приемной дочери о том, что она неродная, так старалась, что была чересчур снисходительна к Пиппе, а к Милдред порою несправедлива.

Пиппа вышла замуж и уехала в Италию. Милдред некоторое время оставалась единственной

дочерью. Но скоро Пиппа умерла, Керри-Луиза привезла ее ребенка в Стоунигейтс, и Милдред опять отступила на второй план. Потом ее мать снова вышла замуж, и в доме появились сыновья Рестарика. В 1934 году Милдред вышла замуж за каноника Стрэта, ученого-антиквария, старше ее на пятнадцать лет, и уехала с ним на юг Англии. Возможно, что она была с ним счастлива, а возможно, и нет. Этого никто не знал. Детей у нее не было. А теперь она снова живет в доме, в котором выросла. И снова, как показалось мисс Марпл, не чувствует себя там особенно счастливой.

Джина, Стивен, Волли, Милдред, мисс Беллевер, которая любила порядок, но никак не могла навести его. Льюис Серроколд — вот кто был безраздельно счастлив: идеалист, сумевший воплотить свои идеалы в практические дела. Никто из этих людей, по мнению мисс Марпл, не представлял угрозу для Керри-Луизы. Непонятно, что же так насторожило Рут. Ее сестра была покойна и безмятежна вопреки всему. Такой она была всю свою жизнь. Откуда же эта тревога? А что чувствует она, Джейн Марпл? Действительно ли в этом доме назревает некая беда?

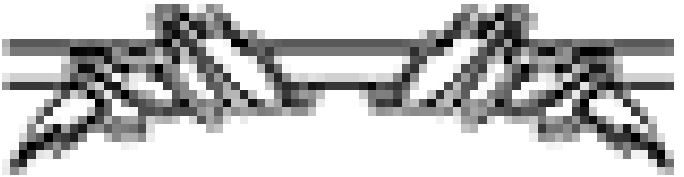
Имеются и другие действующие лица, находящиеся несколько дальше от эпицентра

водоворота: специалисты по трудовой терапии, учителя — серьезные и безобидные молодые люди; молодой, с большим апломбом доктор Маверик; трое розовощеких юных правонарушителей с невинными глазами; Эдгар Лоусон...

Уже засыпая, мисс Марпл почему-то подумала об Эдгаре Лоусоне. Он напоминал ей о ком-то или о чем-то. Что-то в Эдгаре Лоусоне слегка ее *беспокоило.* А может, даже и не слегка. Не приспособленный к жизни, так это, кажется, называется. Но как это могло навредить Керри-Луизе? И могло ли?

Мисс Марпл мысленно как бы покачала головой.

Ее тревожило нечто более серьезное.



ГЛАВА 5

I

На следующее утро, постаравшись не встретиться с хозяйкой дома, мисс Марпл спустилась в сад. Его вид огорчил ее. В свое время сад был заложен с большим размахом. Там были кусты рододендронов, бархатные газоны, пышные цветочные бордюры и розарий, окаймленный подстриженными кустами тиса. Теперь от былого великолепия не осталось и следа. Лужайки были

выкошены кое-как; бордюры заглушены сорняками, среди которых едва пробивались спутанные стебли цветов; дорожки заросли мхом и давно не чистились. Зато огород, обнесенный кирпичными стенами, был в отличном состоянии. Потому, очевидно, что от него была польза. А вот большая часть газонов и цветников была превращена в теннисные корты и в лужайку для игры в шары.

Оглядев цветочный бордюр, мисс Марпл досадливо пощелкала языком и выдернула оттуда пышно разросшийся сорняк.

Она держала его в руке, когда в саду показался Эдгар Лоусон. Увидев мисс Марпл, он в нерешительности остановился. Но она громко его окликнула. Когда он подошел, она спросила, не знает ли он, где хранятся садовые инструменты.

Эдгар сказал, что где-то тут садовник, и он должен знать.

— Обидно видеть такую запущенность, — прощебетала мисс Марпл. — Я так люблю сады. — Она не хотела, чтобы Эдгар отправился на поиски инструментов, и поэтому поспешно продолжала: — Ведь это, в сущности, почти все, на что еще способна старая, бестолковая женщина. Вот *вам*, мистер Лоусон, наверное, совсем не до сада. У вас гораздо более важная работа. Ответственная

работа при мистере Серроколде. Вот что интересно вам.

— Да, да, очень интересно, — тут же охотно отозвался он.

— И ваша помощь, конечно, крайне важна для мистера Серроколда.

Его лицо омрачилось.

— Вот этого я не знаю, не уверен. Дело в том, что за *этим* стоит...

Он не договорил. Мисс Марпл задумчиво разглядывала его. Жалкий, низенький и щуплый человечек в унылом, хотя и очень аккуратном темном костюме. Такого мало кто заметит, а если заметит — не запомнит...

Рядом была садовая скамья. Мисс Марпл направилась туда и села. Эдгар, насупившись, ждал, что еще она скажет.

— Я уверена, — подбадривающе прощебетала мисс Марпл, — что мистер Серроколд *очень* на вас полагается.

— Не знаю, — сказал Эдгар. — Право, не знаю. — Еще больше нахмурившись, он машинально уселся рядом. — Я нахожусь в очень трудном положении.

— Да? — сказала мисс Марпл.

Эдгар смотрел прямо перед собой.

— Все это весьма конфиденциально, — выпалил он вдруг.

— Да, да, конечно, — сказала мисс Марпл.

— Если бы я получил то, чем должен владеть по праву...

— Да?

— Вам я, пожалуй, могу сказать. Уверен, что от вас это не пойдет дальше.

— О нет! Можете всеце... — Она не договорила, поняв, что ему даже не требуются ее заверения.

— Мой отец... видите ли, мой отец — очень важная особа.

Да, теперь уже не надо было ничего говорить. Требовалось только слушать.

— Кроме мистера Серроколда, никто не знает. Видите ли, огласка могла бы повредить положению моего отца. — Он обернулся к ней и улыбнулся. Печальной улыбкой, полной затаенной гордости. — Дело в том, что *я сын Уинстона Черчилля.*

— О, — сказала мисс Марпл. — *Понимаю.*

Она действительно с пониманием восприняла это заявление. Ей тут же вспомнилась довольно печальная история, случившаяся в ее родном Сент-Мэри-Мид, и то, чем эта история кончилась.

Эдгар Лоусон продолжал, его откровения звуча-

ли совсем как театральный монолог:

— Были причины. Моя мать была замужняя женщина. Ее муж находился в доме умалишенных — развод был невозможен, — о браке не могло быть и речи. Я не виню своих родителей. Во всяком случае, мне хочется так думать... Он всегда делал для меня все, что мог. Разумеется, негласно. Вот тут и начались мои беды. У него есть враги — они стали и моими врагами. Им удалось разлучить нас. И они следят за мной. Куда бы я ни шел — слежка. И во всем мне вредят.

Мисс Марпл покачала головой.

— Подумать только! — сказала она.

— Я изучал в Лондоне медицину. На экзаменах меня спрашивали не по билету. *Специально,* чтобы я провалился. На улицах за мной следили. Наговаривали на меня квартирной хозяйке. Меня преследуют всюду.

— Ну, вы наверняка преувеличиваете, — попробовала успокоить его мисс Марпл.

— Говорю вам, что я точно *знаю* это! О, они очень хитры. Мне никак не удается их увидеть или хотя бы выяснить, кто они. Но я все-таки выясню... Мистер Серроколд увез меня из Лондона и привез сюда. Он был добр ко мне. Очень добр. Но даже здесь я не чувствую себя в *безопасности.*

Они и здесь тоже не оставляют меня в покое. Настраивают всех против меня. Мистер Серроколд говорит, что это не так, но мистер Серроколд не все знает. Впрочем, иногда мне кажется...

Он не договорил и поднялся со скамьи.

— Повторяю, это сугубо конфиденциально, — сказал он. — Вы, конечно, понимаете. Так вот, если вы заметите, что кто-то *следит* за мной, *шпионит,* дайте мне знать *кто!*

И он удалился — унылый, неприметный и жалкий. Мисс Марпл задумчиво смотрела ему вслед.

— Псих, — раздалось над ее головой. — Обыкновенный псих.

Около скамейки стоял Волтер Хадд. Засунув руки в карманы, он хмуро взирал на удалявшегося Эдгара.

— Вообще странная здесь компания, — сказал он. — Чокнутые, все до единого.

Мисс Марпл молчала, и Волтер продолжал:

— Этот Эдгар, что вы о нем думаете? Говорит, будто его настоящий отец — лорд Монтгомери. По-моему, *не похоже,* чтобы Монти! Судя по тому, что я о нем слышал, — нет!

— Нет, конечно, — сказала мисс Марпл. — Очень маловероятно.

— Джине он плел совсем другое — будто он

наследник российского престола, сын какого-то там великого князя. Не знает, что ли, кто его настоящий отец?

— Вероятно, нет, — сказала мисс Марпл. — В этом-то и вся беда.

Волтер опустился рядом с нею на скамью и снова повторил:

— Тут у нас все не в себе.

— Вам не нравится в Стоунигейтсе?

Молодой человек нахмурился.

— Я здесь просто ничего *не понимаю!* Возьмите это имение: дом — и обитателей. Они ведь богаты. Им нечего беспокоиться о деньгах. А посмотрите, как они живут! Надбитый старинный фарфор и простые кружки, все вперемешку. Ни одного приличного слуги — нанимают каких-то случайных. Обивка, драпировки — сплошной атлас да парча — и все расползается! Большие серебряные чайницы — и все потускнели и пожелтели, потому что не чищены. Миссис Серроколд ни до чего нет дела. Видели вы платье, что было на ней вчера вечером? Изношено, заштопано под мышками. А ведь она может пойти в самый дорогой магазин и выбрать что угодно. Хоть на Бонд-стрит. Деньги? Да они купаются в деньгах!

Он замолчал и задумался.

— Бедности я не боюсь. Не так уж она страшна, если вы молоды, здоровы и готовы работать. У меня никогда не было больших денег, но была цель. Я хотел открыть гараж. Кое-какие деньги у меня были отложены. О своих планах я сказал Джине. И она как будто была не против. Но, вообще-то, я мало о ней знал. В военной форме все девушки одинаковы. То есть я хочу сказать, что не догадаешься, какая из них с деньгами. Я, конечно, видел, что она на голову меня выше. По части образования. Но это вроде было не важно. Уж очень нас потянуло друг к другу. И мы поженились. У меня были отложены деньги, Джина сказала, что у нее тоже. Собирались открыть заправочную станцию у меня на родине. Джина была согласна. Мы были без ума друг от друга. Но тут вмешалась спесивая тетка Джины и давай мутить воду. А Джина захотела в Англию, повидать бабушку. Что ж, правильно. Здесь ее родной дом. Да и мне хотелось в Англию, любопытно было посмотреть. Столько я о ней слышал. Мы и приехали. Но в гости, на время — так я понимал.

Теперь он был мрачнее тучи.

— Оказалось не так. Мы тут застряли, в этом сумасшедшем доме. «Почему бы вам здесь не остаться, не поселиться?» Вот что они говорят.

Здесь и работа, мол, для меня найдется. Работа! Не нужна мне такая работа — кормить конфетками малолетних бандитов, играть с ними в детские игры... Ну какой тут смысл? А это имение могло бы стать шикарным местом, *да еще каким* шикарным! Неужели эти богачи не понимают, как им повезло? Не понимают, что мало у кого все это есть? Можно ли так отмахиваться от собственного счастья? Работать я совсем не против, раз нужно. Только работать где сам захочу и чтобы чего-то добиться. А здесь я точно паутиной опутан. И не узнаю Джину. Это уже не та девушка, на которой я женился в Штатах. Теперь я, черт возьми, даже *поговорить* с ней не могу. Проклятие!

— Я вас хорошо понимаю, — участливо сказала мисс Марпл.

Волли бросил на нее быстрый взгляд.

— Я ведь только с вами так разболтался. А большей частью молчу как рыба. Не знаю, почему заговорил. Вы англичанка с головы до ног, а почему-то напомнили мне мою тетю Бетси.

— Мне это очень приятно слышать.

— Умница была, — задумчиво продолжал Волли. — Тоненькая, того гляди переломится, а крепкая. Ох, какая крепкая!

Он встал со скамьи.

— Простите, что столько наговорил, — извинился он. Мисс Марпл впервые увидела его улыбку. Улыбка была очень привлекательная, и Волли Хадд из угрюмого и неловкого мальчишки внезапно преобразился в красивого и симпатичного молодого человека. — Наверное, мне не терпелось высказаться, но плохо, что я обрушил все это на вас.

— Совсем напротив, мой мальчик, — сказала мисс Марпл. — У меня тоже есть племянник, но он, конечно, гораздо старше вас.

Она на миг вспомнила ультрасовременного писателя Реймонда Веста. Большего контраста с Волтером Хаддом нельзя было вообразить.

— Сейчас у вас будет другая компания, — сказал Волтер Хадд. — Эта дама меня не любит. Так что я пойду. До свиданья, мэм. Спасибо за беседу.

II

— Вижу, что вам надоедал этот ужасный молодой человек, — сказала миссис Стрэт, несколько запыхавшись, и опустилась на скамью. — Какая трагедия!

— Трагедия?

— Да, замужество Джины. Все оттого, что ее отправили в Америку. Я в свое время говорила

маме, что это крайне неразумно. В наших краях было тихо. Воздушных налетов почти не было. Меня возмущает, как легко многие впадают в панику — кто из-за детей, а кто из-за себя.

— Вероятно, трудно было выбрать правильное решение, — задумчиво сказала мисс Марпл. — Ведь дело касалось детей. А что, если бы Англию все-таки оккупировали, и тогда бы они выросли при немцах. Ну, и бомбежки.

— Чепуха! — отрезала миссис Стрэт. — Я никогда не сомневалась в нашей победе, просто во всем, что касалось Джины, мама всегда теряла чувство меры. Ребенка баловали как только могли. Начнем с того, что ее незачем было увозить из Италии.

— Кажется, ее отец не возражал.

— О Сан-Севериано? Разве вы не знаете итальянцев? Для них важны только деньги. Он и на Пиппе женился из-за денег.

— Боже мой! А я слышала, что он был ей очень предан и безутешно горевал, когда она умерла.

— Притворялся! Не понимаю, как это мама согласилась на ее брак с иностранцем. Думаю, это у нее от американцев — благоговение перед всяческими титулами.

— А я-то думала, что милая Керри-Луиза далека,

и даже слишком далека, от житейской суеты, — кротко сказала мисс Марпл.

— Да уж, так далека, что уже нет никаких сил терпеть все ее фантазии и идеалистические прожекты. Вы и представить не можете, тетя Джейн, что это такое. А я знаю, о чем говорю. Я выросла среди всего этого кошмара.

Мисс Марпл с некоторым удивлением услышала, что ее называют «тетя Джейн». Впрочем, так действительно повелось. На рождественских подарках детям Керри-Луизы она всегда писала: «С любовью от тети Джейн». Так она и осталась для них «тетей Джейн», когда о ней заходил разговор. Что, впрочем, случалось едва ли часто...

Мисс Марпл задумчиво смотрела на сидевшую рядом с ней пожилую женщину. На ее поджатые губы, на глубокие борозды от носа к углам рта, на стиснутые руки.

— У вас, вероятно, было... трудное детство, — ласково сказала она.

Милдред Стрэт благодарно взглянула на нее.

— О, как хорошо, что хоть кто-то понимает это. Взрослые не знают, что приходится переживать детям. Пиппа была хорошенькая. И старше меня. Ей всегда доставалось все внимание и все похвалы. И отец и мама постоянно с ней носились. Я

же была тихая, застенчивая. А Пиппа вообще не знала, что такое застенчивость. Ребенок способен очень глубоко страдать, тетя Джейн.

— Я это знаю, — сказала мисс Марпл.

— «Милдред жуткая тупица», — так всегда говорила Пиппа. Но я ведь была моложе. Понятно, что я не могла поспевать за нею в учении. Очень несправедливо, когда твою сестру все время ставят выше тебя. Все говорили маме: «Какая Пиппа прелестная девочка!» А *меня* никто не замечал. Отец шутил и играл только с Пиппой. Должны же они были понимать, как *мне* это обидно! Нет, все внимание доставалось ей. Я была слишком мала, чтобы осознать, что самое важное — это какой ты *человек,* а не как ты выглядишь.

Ее губы задрожали, потом снова плотно сжались.

— И как несправедливо! Ведь я была их родной дочерью. А Пиппа только приемышем. *Я* была у себя дома. А она была — никто.

— Наверное, именно поэтому ваши родители были к ней особенно снисходительны, — заметила мисс Марпл.

— Они ее больше любили, — сказала Милдред Стрэт. И добавила: — Для собственных родителей она была нежеланной, а вернее всего — она была

незаконной, — и, помолчав, продолжила: — Это проявилось в Джине. Дурная наследственность всегда дает себя знать. Пусть Льюис исповедует какие угодно теории о влиянии среды, а яблочко от яблони недалеко падает. Вы только посмотрите на Джину!

— Джина — прелестная девушка, — сказала мисс Марпл.

— Но вы посмотрите, как она себя ведет! — воскликнула миссис Стрэт. — Она же флиртует со Стивеном Рестариком! Это только мамочка, как всегда, ничего не видит. Возмутительно! Конечно, она очень неудачно вышла замуж, но брак есть брак. Он налагает определенные обязанности. В конце концов, она сама выбрала этого ужасного молодого человека.

— Неужели он так ужасен?

— Ах, милая тетя Джейн! По-моему, он выглядит как настоящий гангстер. Угрюмый, грубый. Почти не раскрывает рта. И всегда такой неопрятный.

— Мне кажется, он несчастлив, — мягко сказала мисс Марпл.

— С чего бы? Причин у него для этого нет, не считая, конечно, поведения Джины. Здесь для него столько всего сделали. Льюис предложил ему на выбор несколько полезных и почтенных

занятий. Но он предпочитает дуться и ничего не делать. А что здесь вообще творится! Льюис думает только о своих кошмарных подопечных, а мама занята исключительно им, Льюисом. Беспрекословно его слушается. Вы только взгляните, во что превратился наш сад! Сплошные сорняки. В доме тоже никакого порядка. Я знаю, что хороших слуг сейчас найти трудно. Но ведь все-таки можно. Если бы не хватало денег, другое дело. Но просто всем на все *наплевать*. Будь это *мой* дом... — Она вдруг осеклась.

— Боюсь, что времена изменились, и нам всем приходится с этим мириться, — сказала мисс Марпл. — Большие имения теперь содержать очень трудно. Вас, конечно, огорчает, что дом стал совсем не похож на дом вашего детства. А вы действительно предпочитаете жить здесь, а не... не где-нибудь... у себя?

Милдред Стрэт вспыхнула.

— В конце концов, мой дом здесь, — с нажимом произнесла она. — Это был дом моего отца. Уж этого-то никто не может отменить. Я имею право здесь жить, если захочу, и я хочу! Если бы только с мамой не было так трудно! Она даже не хочет купить себе приличной одежды. Это очень огорчает Джолли.

— Я как раз хотела спросить у вас о мисс Беллевер.

— О, наше счастье, что есть она! Маму она просто обожает. Она здесь уже давно, со времен Джонни Рестарика. Она так поддержала маму во время этой ужасной истории. Вы, вероятно, слышали, что он оставил маму. Связался с этой кошмарной дамочкой из Югославии. С этой развратницей, менявшей любовников как перчатки. Мама держалась с большим достоинством. Без лишнего шума дала ему развод. Мало того, продолжала принимать на каникулы его сыновей. Необходимости в этом не было, можно было устроить иначе. Конечно, их не оставили бы с отцом и с той женщиной. Но мама брала их сюда... И все это время мисс Беллевер была для нее самой надежной опорой. Правда, иногда мне кажется, что, избавив маму от всех житейских забот, она совсем уж отгородила ее от жизни. Но теперь просто не могу представить, что бы мама делала без нее.

Милдред Стрэт помолчала, потом с удивлением сказала:

— Вон идет Льюис. Он очень редко выходит в сад.

Мистер Серроколд приближался к ним так же

целеустремленно, как он делал все, за что бы ни брался. Он не заметил Милдред, потому что в данную минуту его интересовала только мисс Марпл.

— Должен извиниться, — сказал он. — Я хотел провести вас по нашему заведению и все вам показать. Об этом меня попросила Каролина. Но, к сожалению, я спешно еду в Ливерпуль. Там будут судить одного нашего мальчика. За кражу посылок. Вам все покажет Маверик. Сейчас он сюда придет. А я вернусь только послезавтра. Как было бы хорошо, если бы до суда все же не дошло!

Милдред встала и удалилась. Льюис Серроколд не заметил и ее ухода. Сквозь толстые стекла очков он серьезно смотрел на мисс Марпл.

— Видите ли, судьи редко бывают объективны. То они слишком суровы, то чересчур снисходительны. Срок заключения в несколько месяцев не пугает мальчишек. Им лишь бы отличиться, чтобы было чем похвастать перед девушкой. Более суровый приговор нередко отрезвляет их. Заставляет понять, что игра не стоит свеч. Но лучше всего вообще не сажать их в тюрьму. Им нужно исправительно-трудовое воспитание, вот как у нас.

Мисс Марпл решилась его прервать:

— Мистер Серроколд, вас не тревожит юный мистер Лоусон? Можно ли считать его... вполне нормальным?

Вопрос явно расстроил мистера Серроколда.

— Неужели опять? Что он вам говорил?

— Сказал, что он сын Уинстона Черчилля.

— Да-да. Обычная картина. Бедный мальчик — незаконнорожденный, как вы, вероятно, догадались, и вырос в крайней бедности. Ко мне его направило одно лондонское благотворительное общество. Он однажды бросился на прохожего, утверждая, что тот якобы ведет за ним слежку. Очень типичный случай, как считает доктор Маверик. Я ознакомился с его историей болезни. Мать — из бедного, но порядочного семейства в Плимуте. Отец — моряк. Мать не знала даже его фамилии... Ребенок рос в нужде. Он стал сочинять романтические небылицы о своем отце, а потом и о себе. Носил форму и награды, на которые не имел права. Это опять-таки весьма типично. Но Маверик делал благоприятные прогнозы. Надо было только внушить ему уверенность в себе. Я пытался также развить в нем чувство ответственности. Внушал ему, что главное — не социальное происхождение, а то, как человек себя проявит. Внушал ему, что у него отличные способности. И

мы наблюдали у него заметное улучшение. Я так радовался. А вот теперь вы говорите, что...

Он горестно покачал головой.

— Мистер Серроколд, а это не опасно?

— Опасно? Но он не проявляет склонности к самоубийству.

— Я не имею в виду самоубийство. Он говорил мне о врагах, о том, что его преследуют. Разве это не опасный симптом?

— Не думаю, что его состояние так уж обострилось. Но я поговорю с Мавериком. До сих пор мальчик, наоборот, подавал надежды. Большие надежды.

Он взглянул на часы.

— Мне пора. А вот и наша милая Джолли. Поручаю вас ей.

Быстрым шагом подошла мисс Беллевер:

— Машина подана, мистер Серроколд. Доктор Маверик звонил из Института. Я сказала, что провожу мисс Марпл. А он встретит нас у ворот.

— Благодарю вас. Иду. А мой портфель?

— Он в машине, мистер Серроколд.

Льюис Серроколд поспешно ушел. Глядя ему вслед, мисс Беллевер сказала:

— В один прекрасный день этот человек упадет замертво. Никогда не расслабляться и не отды-

хать! Это противно человеческой природе. Он спит всего четыре часа в сутки.

— Он очень предан своему делу, — сказала мисс Марпл.

— Ни о чем другом не думает, — угрюмо согласилась мисс Беллевер. — Ему и в голову не приходит позаботиться о жене, он нисколько с ней не считается. Вы знаете, мисс Марпл, какое это кроткое существо. Ее бы окружить любовью и вниманием... Но здесь все внимание отдано юнцам, которые хнычут, потому что хотят сладкой жизни любым путем... но совсем не хотят работать. А как насчет порядочных мальчиков из порядочных семей? Почему бы и для них что-то не сделать? Очевидно, честные и достойные не интересуют чудаков вроде мистера Серроколда, доктора Маверика и прочих здешних разводящих сантименты недоучек. Меня и моих братьев воспитывали сурово, мисс Марпл, и хныканье не поощрялось. Уж очень все теперь изнежены.

Они прошли через сад к воротам, которые Эрик Гулбрандсен воздвиг у входа в свою Школу — солидное и уродливое здание из красного кирпича.

Доктор Маверик, который и сам показался мисс Марпл не совсем нормальным, вышел им навстречу.

— Благодарю вас, мисс Беллевер, — сказал он. — А вы, мисс... э... мисс Марпл, несомненно заинтересуетесь тем, что мы здесь делаем. Нашим уникальным подходом к важной проблеме. Мистер Серроколд — человек, который широко мыслит и далеко видит. Нас поддерживает сэр Джон Стиллвелл, мой прежний начальник. До выхода на пенсию он работал в Министерстве внутренних дел. Он сыграл решающую роль в создании нашего центра. Наша проблема — это проблема *медицинская,* вот что необходимо понять судебным органам. Психиатрия заняла подобающее ей место во время войны. Таков единственный положительный результат войны. А я прежде всего хочу показать вам наш основной принцип. Взгляните сюда.

Мисс Марпл подняла глаза на надпись, высеченную над высокой аркой входа.

«ИМЕЙ
НАДЕЖДУ, ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ»

— Великолепно, не правда ли? Именно та нота, которая должна здесь звучать. Мы не браним этих мальчиков и не наказываем. Они ожидают наказания, а мы хотим дать им почувствовать, что они отличные парни.

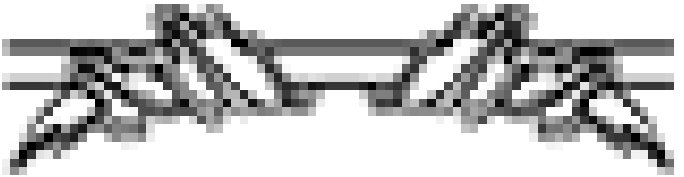
— Как, например, Эдгар Лоусон? — спросила мисс Марпл.

— Это интересный случай. Вы с ним говорили?

— Это он со мной говорил, — уточнила мисс Марпл. И добавила извиняющимся тоном: — Но ведь он, кажется, немного *не в себе?*

Доктор Маверик весело рассмеялся.

— Все мы немного не в себе, дорогая мисс Марпл, — сказал он, пропуская ее в дверях. — В этом и состоит тайная суть нашего существования. Мы все немного помешаны.



ГЛАВА 6

В общем, день выдался трудный. Энтузиазм, как убедилась мисс Марпл, уже сам по себе может утомлять. Она ощущала недовольство собой и своей реакцией на все увиденное. Картина становилась все полнее, но мисс Марпл никак не могла выявить четкую причинно-следственную связь, вернее, связи происходящего. И у нее почему-то все не шел из головы этот никчемный и жалкий Эдгар Лоусон... Вот если бы ей удалось отыскать в своей памяти подобный типаж...

Она вспомнила ту непонятную историю с фур-

гоном мистера Селкирка, потом рассеянного почтальона, потом садовника, который работал в Духов день[32], наконец, прелюбопытное дело с облегченными весами. Нет, ничего похожего.

И все же с Эдгаром Лоусоном что-то было не так, хотя у нее не было никаких очевидных фактов.

Но мисс Марпл опять-таки не видела, как это могло повредить ее подруге. Жизнь в Стоунигейтсе была, бесспорно, сложной. Заботы и желания его обитателей настолько разные, что до идиллии было очень далеко. Но все их обиды и недовольство (насколько она могла видеть) не могли нанести ущерб Керри-Луизе.

Керри-Луиза... Мисс Марпл внезапно вспомнила, что только она сама, да еще далекая Рут, называли ее этим именем. Муж называл ее Каролиной. Мисс Беллевер — Карой. Стивен Рестарик обычно звал ее Мадонна. Для Волли она была миссис Серроколд, а для Джины — бабушкой.

Не в этом ли многообразии имен таится тревожный смысл? Не была ли Каролина-Луиза Серроколд для окружающих скорее символом, чем реальным человеком?

На следующее утро, когда Керри-Луиза, ступая

---

[32] notes: 32

Д у х о в...д е н ь — Воскресенье Святого Духа, традиционный церковный праздник, приходящийся на седьмое воскресенье после Пасхи.

с некоторым трудом, подошла к садовой скамье и, усевшись рядом со своей подругой, спросила, о чем она думает, мисс Марпл сразу ответила:

— О тебе, Керри-Луиза.

— Что же именно?

— Скажи честно, тебя ничто не тревожит?

— Не тревожит? — Собеседница удивленно подняла ясные голубые глаза. — Что же может меня тревожить, Джейн?

— Тревоги есть у всех нас. — Мисс Марпл чуть улыбнулась. — Вот у меня, например, сколько угодно. Улитки в саду, хлопоты с починкой белья, не всегда удается достать леденцы. На них я настаиваю сливовую наливку. Масса мелочей. Не может быть, чтобы у тебя совсем уж не было забот.

— Да, конечно, они есть и у меня, — нерешительно сказала миссис Серроколд, — Льюис слишком много работает. Стивен со своим театром забывает поесть. Джина стала очень нервной. Но я не умею и никогда не умела влиять на людей. Не знаю, как это удается тебе. А раз меня никто не слушает, какой смысл тревожиться?

— Мне кажется, что Милдред не слишком счастлива.

— Да, — сказала Керри-Луиза. — Она с детства

считает себя самой несчастной. Вот Пиппа — та всегда сияла.

— Может быть, у Милдред есть на то причины? — предположила мисс Марпл.

Керри-Луиза спокойно сказала:

— Ревность? Да, вероятно. Но людям не требуются причины, чтобы испытывать те или иные чувства. Они испытывают то, к чему предрасположены. А ты другого мнения, Джейн?

Мисс Марпл вспомнилась мисс Монкрифф, которую тиранила и целиком подчинила себе больная мать. Бедная мисс Монкрифф, мечтавшая путешествовать и повидать свет. Она вспомнила, как вся деревня Сент-Мэри-Мид хоть и старалась соблюсти приличия, но радовалась, когда миссис Монкрифф упокоилась в могиле и мисс Монкрифф обрела наконец свободу и достаточные средства. И как мисс Монкрифф, отправившись путешествовать, не уехала дальше побережья Франции. Решив навестить там «маминых старых подруг», она была так тронута судьбой пожилой дамы, страдавшей ипохондрией[33], что вернула

[33] notes: 33

И п о х о н д р и я — психическое расстройство, выражающееся в чрезмерной мнительности в отношении собственного здоровья, в подавленном настроении, в беспокойстве по поводу своих якобы очень тяжелых болезней.

билет и поселилась у нее, готовая терпеть все старческие капризы, работать сверх сил и опять мечтать о прелестях путешествий.

Мисс Марпл сказала:

— А ведь ты, пожалуй, права, Керри-Луиза.

— Конечно, моей беззаботной жизнью я отчасти обязана Джолли. Милая Джолли! Она появилась у нас, когда мы с Джонни только что поженились. И знаешь, мы сразу поняли, какое обрели сокровище. Она заботится обо мне, точно о малом, беспомощном ребенке. Все для меня готова сделать. Иной раз мне просто бывает совестно. Мне кажется, что ради меня Джолли способна убить. Ой, Джейн! Какую ужасную вещь я сказала!

— Она, конечно, очень тебе предана, — согласилась мисс Марпл.

— И очень на меня сердита. — Миссис Серроколд засмеялась серебристым смехом. — Она хотела бы, чтобы я щеголяла в роскошных туалетах и чтобы все тут плясали под мою дудку. Она здесь единственный человек, который совершенно не разделяет педагогического энтузиазма Льюиса. По ее мнению, наши бедные мальчики — это преступники, которые не стоят наших забот. А еще она считает, что здешний сырой климат плох для моего ревматизма и мне необходимо ехать в

Египет или еще куда-нибудь, где тепло и сухо.

— А тебя очень мучает твой ревматизм?

— В последнее время — да. Стало трудно ходить. Ужасно сводит ноги. Но что же делать? — Она опять улыбнулась своей чарующей улыбкой. — Возраст.

Из застекленной двери показалась мисс Беллевер и поспешила к ним.

— Кара, по телефону только что передали телеграмму:

«Приезжаю сегодня вечером.

Кристиан Гулбрандсен».

— Кристиан? — Керри-Луиза очень удивилась. — Я не знала, что он в Англии.

— Я думаю поместить его в Дубовой гостиной.

— Да, пожалуйста, Джолли. Чтобы ему не пришлось подыматься по лестнице.

Мисс Беллевер кивнула и направилась к дому.

— Кристиан Гулбрандсен — мой пасынок, — пояснила Керри-Луиза. — Старший сын Эрика. Он на два года старше меня. Это один из попечителей Фонда, а точнее, главный попечитель. Какая досада, что Льюис уехал! Кристиан редко остается у нас дольше чем на сутки. Это чрезвычайно занятой человек. И, наверное, им с Льюисом надо

было бы обсудить множество дел.

Кристиан Гулбрандсен приехал как раз к чаю. Это был крупный человек с крупными чертами лица и размеренной речью. Он очень нежно приветствовал Керри-Луизу.

— Как поживает наша маленькая Керри-Луиза? Ничуть не состарилась. Ни на один день.

Он положил руки ей на плечи и смотрел на нее, улыбаясь.

Чья-то рука потянула его за рукав.

— Кристиан!

Он обернулся.

— Милдред! Как поживаешь, Милдред?

— Последнее время чувствую себя очень неважно.

— Плохо. Очень плохо.

Между Кристианом Гулбрандсеном и его сводной сестрой, Милдред, было заметное сходство. Но он был старше ее на тридцать лет, и их можно было принять за отца и дочь. Его приезд явно обрадовал Милдред. Она раскраснелась, разговорилась и несколько раз в течение дня упоминала «моего брата Кристиана» или «моего брата мистера Гулбрандсена».

— Ну а как поживает маленькая Джина? — спросил Гулбрандсен, обращаясь к своей очаро-

вательной племяннице. — Ты и твой муж еще здесь?

— Да. Мы тут, кажется, надолго обосновались, правда, Волли?

— Похоже на то, — сказал Волли.

Маленькими, проницательными глазами Гулбрандсен сразу понял, что представляет собой Волли. Тот, как всегда, был угрюм и недружелюбен.

— Ну вот я и в лоне семьи, — сказал Гулбрандсен. Он сказал это особенно бодрым и веселым тоном, но мисс Марпл показалось, что ему не так уж весело. Его губы были угрюмо сжаты, а взгляд выражал озабоченность.

Когда его представили мисс Марпл, он окинул новоприбывшую внимательным, оценивающим взглядом.

— Мы не знали, что ты в Англии, Кристиан, — сказала миссис Серроколд.

— Я приехал неожиданно.

— Как досадно, что ты разминулся с Льюисом. Ты к нам надолго?

— Собирался завтра уехать. А когда вернется Льюис?

— Завтра во второй половине дня или вечером.

— Тогда я, видимо, останусь еще на денек.

— Если бы ты нас известил...

— Милая Керри-Луиза, обстоятельства заставили меня выехать как можно скорее, совершенно неожиданные обстоятельства...

— Значит, дождешься Льюиса?

— Да. Мне непременно надо с ним поговорить.

Мисс Беллевер, обращаясь к мисс Марпл, пояснила:

— Мистер Гулбрандсен и мистер Серроколд являются попечителями Института Гулбрандсена. А вместе с ними еще епископ Кромерский и мистер Гилфой.

Мисс Беллевер, как и остальные, видимо, решила, что Кристиан Гулбрандсен приехал в Стоунигейтс по делам Института. Но мисс Марпл не была в этом уверена.

Раз или два старик, незаметно для Керри-Луизы, бросал на нее пытливый и словно бы недоумевающий взгляд. Потом он приглядывался к остальным, как бы украдкой проверяя каждого. Это было очень странно.

После чая мисс Марпл тактично удалилась в библиотеку. Она уселась там со своим вязаньем и была крайне удивлена, когда туда пришел Кристиан Гулбрандсен и уселся рядом.

— Вы, кажется, очень давняя подруга нашей милой Керри-Луизы? — спросил он.

— Мы с ней учились в школе в Италии, мистер Гулбрандсен. Много-много лет назад.

— Да-да. И вы очень к ней привязаны?

— Да, конечно. — Мисс Марпл тепло улыбнулась.

— Я думаю, что ее любят все. Так и должно быть, потому что она изумительный человек. Когда мой отец женился на ней, мои братья и я сразу очень ее полюбили. Она стала нашей милой сестрой. А отцу она была преданной женой и помогала ему во всех его начинаниях. Никогда не думала о себе. Только о том, чтобы было хорошо другим.

— Она всегда была идеалисткой, — сказала мисс Марпл.

— Идеалисткой? Да, вот именно. Поэтому она, возможно, и не замечает, как много в мире зла.

Мисс Марпл удивленно посмотрела на него. Его лицо было очень серьезным.

— Скажите, — спросил он, — как ее здоровье?

Мисс Марпл удивилась еще больше.

— По-моему, она здорова. Не считая артрита или ревматизма.

— Ревматизма? А сердце? Сердце у нее здоровое?

— Насколько я знаю, да, — сказала мисс Марпл, вконец заинтригованная. — Но ведь мы встретились с ней только вчера, я не видела ее много лет. О состоянии ее здоровья вам лучше спросить домашних, например мисс Беллевер.

— Да, да, мисс Беллевер. Или Милдред?

— Да, или Милдред.

Мисс Марпл слегка смутилась.

Кристиан Гулбрандсен пытливо на нее посмотрел.

— Как вам кажется? Между матерью и дочерью нет особенно теплых чувств?

— Пожалуй, нет.

— Вот и я так думаю. Жаль. Ведь это ее единственный ребенок. А миссис Беллевер, по-вашему, действительно к ней привязана?

— Да, очень.

— И Керри-Луиза во всем полагается на мисс Беллевер?

— Да, так мне кажется.

Кристиан Гулбрандсен нахмурился и тихонько сказал — скорее самому себе, чем мисс Марпл:

— Есть еще маленькая Джина, но она слишком молода. И трудно... — Он умолк, но потом продолжил: —...трудно решить, как лучше действовать. Я очень хотел бы избежать ошибок. Чтобы с этой

милой женщиной не случилось ничего дурного. Но это нелегко, очень нелегко.

Тут в комнату вошла миссис Стрэт.

— Вот ты где, Кристиан. А мы не могли понять, куда ты пропал. Доктор Маверик просит узнать, нет ли у тебя вопросов к нему.

— Здешний новый доктор? Нет, я подожду возвращения Льюиса.

— Но доктор уже ждет тебя в кабинете Льюиса. Что мне сказать?

— Я сам скажу ему несколько слов.

Гулбрандсен поспешно вышел. Милдред Стрэт проводила его взглядом, потом уставилась на мисс Марпл.

— Что случилось? Кристиан просто сам не свой. Что он тут говорил?

— Он только спросил меня о здоровье твоей матери.

— О здоровье? Почему вас?

Милдред говорила резко. Ее широкое лицо покрылось грубым румянцем.

— Право, не знаю.

— Мама совершенно здорова. Даже удивительно здорова для женщины ее возраста. Гораздо здоровее меня, если на то пошло. — После небольшой паузы она добавила: — Надеюсь, вы так и

сказали ему.

— Как я могу, я ведь ничего об этом не знаю, — сказала мисс Марпл. — Он спросил меня, как у нее с сердцем.

– *С сердцем?*

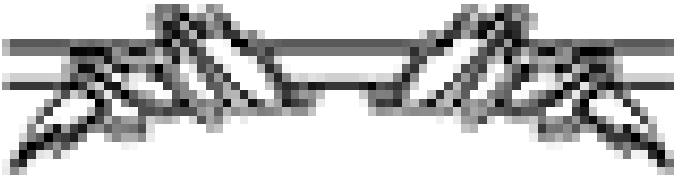
— Да.

— Сердце у мамы в полном порядке.

— Я очень рада это слышать, моя девочка.

— Но зачем Кристиану понадобилось об этом спрашивать?

— Понятия не имею, — сказала мисс Марпл.



ГЛАВА 7

I

Следующий день прошел вроде бы спокойно, хотя мисс Марпл казалось, что в доме ощущается некое внутреннее напряжение. Кристиан Гулбрандсен провел утро с доктором Мавериком. Обошел вместе с ним Институт и обсудил некоторые проблемы его деятельности. Сразу после полудня Джина увезла его прокатиться, а потом мисс Марпл услышала, как он попросил мисс Бел-

левер что-то показать ему в саду. Явный предлог, чтобы поговорить *наедине* с этой суровой женщиной. Но если неожиданный приезд Кристиана Гулбрандсена был сугубо деловым, почему он искал общества мисс Беллевер, которая ведала исключительно хозяйством?

Однако мисс Марпл все время себя одергивала, считая, что у нее слишком богатое воображение. Единственный тревожный инцидент этого дня произошел около четырех часов. Она свернула свое вязанье и вышла в сад, чтобы немного прогуляться перед чаем. Обойдя один из разросшихся рододендронов, она увидела Эдгара Лоусона, который почти бежал, что-то бормоча про себя, и едва на нее не наткнулся.

Извинившись на ходу, он поспешил дальше. Но мисс Марпл успела приметить странное выражение его лица.

— Вам нехорошо, мистер Лоусон?

— Как мне может быть хорошо? Я только что пережил удар. Страшный удар.

— Какой же именно?

Молодой человек тревожно оглянулся назад, потом по сторонам. Мисс Марпл стало не по себе.

— Сказать? — Он с сомнением посмотрел на нее. — Не знаю. *Не знаю.* За мной все время сле-

дят.

Мисс Марпл решилась. Она твердо взяла его под руку.

— Пойдемте по этой дорожке. Тут нет ни деревьев, ни кустов. Никто не сможет нас подслушать.

— Да, да, вы правы. — Он сделал глубокий вдох, наклонил голову и сказал почти шепотом: — Я сделал открытие. Ужасное открытие!

— Какое?

Эдгар Лоусон дрожал всем телом. И почти плакал.

— Я доверился... Я верил... А все было ложью, ложью. Мне лгали, чтобы я не дознался до истины. Невыносимо! Какое коварство! Он был единственным человеком, которому я доверял, а теперь оказывается, что он-то и стоит за всем этим. Это *он* был моим врагом! *Он* посылал шпионов всюду следить за мной. Но больше ему это не удастся. Я не буду молчать! Я скажу ему, что все знаю про все его делишки.

— Кто *он?* — спросила мисс Марпл.

Эдгар Лоусон гордо выпрямился, чтобы придать себе внушительный вид. Но этот величественный жест был попросту смешон.

— Я говорю о своем отце.

— О виконте Монтгомери или о Уинстоне Черчилле?

Эдгар бросил на нее уничижительный взгляд.

— Они внушали мне это — чтобы я не узнал правду. Но теперь я ее знаю. У меня есть друг — истинный друг. Друг, который открыл мне правду и рассказал, как меня обманывали. Что ж, теперь моему отцу придется во всем признаться. Я уличу его во *лжи*! Я брошу правду ему в лицо. Посмотрим, что он на это скажет!

Внезапно сорвавшись с места, Эдгар бросился бежать и скрылся в парке.

Мисс Марпл, не на шутку встревоженная, вернулась в дом.

II

Льюис Серроколд приехал в шесть тридцать. Он оставил машину у ворот и пошел домой через парк. Из своего окна мисс Марпл увидела, как Кристиан Гулбрандсен вышел к нему навстречу, как они поздоровались, а потом стали расхаживать взад и вперед около террасы.

Мисс Марпл предусмотрительно привезла с собой бинокль. Сейчас она им воспользовалась. Что-то появилось над дальней купой деревьев... Кажется, это стайка чижей?

Переводя бинокль, мисс Марпл заметила, что собеседники очень взволнованы. Она немного больше высунулась из окна. Временами до нее долетали обрывки их разговора. Но если бы кто-то из них поднял глаза, он увидел бы страстную любительницу птиц, которая устремила свой взгляд на какую-то далекую от них точку.

— Как скрыть от Керри-Луизы... — говорил Гулбрандсен.

Когда они прошли под ее окном в следующий раз, говорил Льюис Серроколд:

— ...если скрыть *удастся.* Я согласен, что прежде всего надо подумать о ней...

Можно было расслышать еще: «в самом деле серьезно...», «не оправданно...», «слишком большая ответственность...», «следует обратиться за советом...»

Наконец мисс Марпл услышала, как Кристиан Гулбрандсен сказал:

— Стало холодно. Пойдемте в дом.

Мисс Марпл отошла от окна в недоумении. То, что она услышала, было слишком отрывочно, чтобы можно было составить нечто осмысленное, но этот странный разговор подтверждал смутные опасения, которые все больше ею овладевали, и тревога Рут Ван-Райдок теперь не казалась ей

напрасной.

Если что-то было неладно в Стоунигейтсе, оно действительно касалось Керри-Луизы.

III

Обед в тот день тоже прошел в каком-то напряжении. Гулбрандсен и Льюис были рассеянны и погружены в свои мысли. Волтер Хадд дулся больше обычного, Джине и Стивену на этот раз нечего было сказать ни друг другу, ни остальным. Один лишь доктор Маверик поддерживал разговор, обсуждая что-то сугубо профессиональное с мистером Баумгартеном, специалистом по трудовой терапии.

После обеда, когда все перешли в Зал, Кристиан Гулбрандсен сразу попросил извинить его. Ему надо было написать важное письмо.

— Если позволишь, милая Керри-Луиза, я пойду к себе.

— У тебя там есть все, что нужно? Джолли?

— Да-да, все есть. Даже пишущая машинка, стоило мне попросить. Мисс Беллевер — сама любезность и внимательность.

Он вышел из Зала через дверь, выходившую к подножию главной лестницы, и направился в коридор, в конце которого находилась его комната

и смежная с ней ванная. Когда он ушел, Керри-Луиза спросила:

— Сегодня ты не идешь в ваш театр, Джина?

Девушка покачала головой и села у окна, выходившего на подъездную аллею и двор.

Стивен взглянул на нее, подошел к роялю и стал тихонько наигрывать странный и печальный мотив. Мистер Баумгартен и мистер Лейси — специалисты по трудовой терапии, — а также доктор Маверик пожелали всем спокойной ночи и ушли. Волтер включил настольную лампу. Вдруг что-то затрещало, и половина лампочек в Зале погасла.

Он проворчал:

— Эти чертовы пробки вечно выбивает. Пойду вверну новые.

Когда он вышел, Керри-Луиза сказала:

— Волли хорошо разбирается в электроприборах, помните, как он починил тостер?

— Это, кажется, единственное, что он сделал в этом доме, — сказала Милдред. — Мама, ты приняла свое тонизирующее?

Мисс Беллевер, всполошившись, вскочила:

— Совсем про него позабыла. — Она пошла в столовую и тотчас вернулась со стаканчиком розовой жидкости.

Керри-Луиза, улыбаясь, послушно протянула

к нему руку.

— Ужасная гадость! Хоть бы раз забыли ее дать, — сказала она, сделав гримасу.

Неожиданно вмешался Льюис Серроколд:

— Я бы не стал сегодня его принимать, дорогая. Я совсем не уверен, что оно тебе показано.

Спокойно, но с обычной для него решительностью он взял стакан из рук мисс Беллевер и поставил его на дубовый буфет.

Мисс Беллевер тут же вмешалась:

— Я, право, не могу с вами согласиться, мистер Серроколд. Миссис Серроколд чувствует себя гораздо лучше с тех пор, как...

Она не договорила и быстро обернулась.

Кто-то с силой толкнул входную дверь, и она, распахнувшись, с шумом захлопнулась. В Зал вступил Эдгар Лоусон. Это выглядело как триумфальный выход на сцену исполнителя главной роли.

Он остановился посреди комнаты и принял эффектную позу.

Это было смешно — но не только смешно.

— Вот где он! Вот где мой враг! — возопил он, сверля взглядом Льюиса Серроколда.

Тот спросил удивленно:

— Что такое? В чем дело, Эдгар?

— И вы можете спрашивать — вы? Вам известно, в чем дело. Вы обманывали меня, вы следили за мной, вы действовали заодно с моими врагами.

Льюис взял его за руку.

— Ну-ну, мальчик, зачем так волноваться? Расскажи мне обо всем спокойно. Пойдем ко мне в кабинет.

Он провел Эдгара через Зал к двери справа и закрыл ее за собой. После этого послышался звук ключа, который поворачивали в замке.

Мисс Беллевер взглянула на мисс Марпл, и у обеих мелькнула одна и та же мысль... *Ключ повернул не Льюис Серроколд.*

Мисс Беллевер сказала сердито:

— Молодой человек окончательно помешался. Это опасно.

— Он очень неуравновешен, — поддержала ее Милдред. — И никакой благодарности за все, что для него сделали. Мама, ты должна положить конец его выходкам.

— В общем-то он безобиден, — со вздохом сказала Керри-Луиза. — И любит Льюиса. Очень любит.

Мисс Марпл посмотрела на нее с любопытством. Во взгляде, каким Эдгар только что смотрел

на Льюиса Серроколда, не было любви. Совсем наоборот... И она подумала, уже не в первый раз, что Керри-Луиза сознательно пытается уйти от реальной действительности.

— У Эдгара что-то было в кармане. Он там что-то вертел, — с тревогой сказала Джина.

Пальцы Стивена соскользнули с клавишей.

— В фильме в подобном случае непременно фигурировал бы револьвер, — усмехнувшись добавил он.

Мисс Марпл кашлянула.

— Мне кажется, — сказала она, словно извиняясь, — что это был именно револьвер.

За закрытой дверью кабинета Льюиса ясно слышались голоса. Теперь они стали еще слышнее. Эдгар Лоусон кричал. Голос Льюиса Серроколда звучал спокойно.

— Ложь, ложь — все ложь! *Вы* мой отец. Я *ваш* сын. Вы лишили меня всех моих прав. Это имение должно было бы быть *моим.* Вы ненавидите меня! Хотите избавиться от меня!

Льюис что-то успокаивающе бормотал. Но истерический голос звучал все громче. Послышалась грубая брань. Видимо, Эдгар быстро терял над собой контроль. Льюис повторял: «Спокойно-спокойно, — ты же знаешь, что все это ложь». Но его

слова не успокаивали, а, казалось, приводили молодого человека в еще большую ярость.

В Зале все замолкли, напряженно прислушиваясь к тому, что происходило за запертой дверью кабинета.

— Нет, ты меня выслушаешь! — кричал Эдгар. — И не смотри на меня с таким презрением! Я отомщу! Я отомщу за все, что я выстрадал!

На этот раз Льюис каким-то не своим голосом отрывисто сказал:

— Положи револьвер!

— Эдгар его убьет! — крикнула Джина. — У него помешательство. Надо вызвать полицию!

Но Керри-Луиза по-прежнему спокойно произнесла:

— Не бойся, Джина. Эдгар любит Льюиса. Он просто все драматизирует.

Из-за двери послышался смех. Как отметила про себя мисс Марпл, это был смех сумасшедшего.

— Да, у меня револьвер. И он заряжен. Молчи и не двигайся! Ты меня выслушаешь. Это ты устроил заговор против меня. И сейчас за это расплатишься.

Прозвучало что-то похожее на выстрел, и все вздрогнули. Но Керри-Луиза сказала:

— Успокойтесь, это снаружи. Где-то в парке.

За запертой дверью Эдгар выкрикивал безумные слова:

— Что смотришь на меня! Неужели не страшно? Будто бы! На колени и моли о пощаде. Сейчас я выстрелю! Я застрелю тебя! Я твой сын — непризнанный, отвергнутый. Ты хотел утаить меня от всего света. Приставил ко мне шпионов — чтобы затравить меня. И это мой отец! Я незаконный, да? Ты все время лгал мне. Притворялся этаким добреньким, а все это время... все это время... Ты недостоин жить! И не будешь жить!

Вслед за этим снова послышалась грубая брань. Мисс Марпл услышала, как мисс Беллевер сказала:

— Что-то надо *делать!..* — и вышла из Зала.

Эдгар перевел дух и опять закричал:

— Ты умрешь, *умрешь! Сейчас* умрешь! Вот тебе, дьявол, *получай!*

Раздались два выстрела, на этот раз не в парке, а явно за запертой дверью.

Кто-то, кажется Милдред, крикнул:

— Боже! Что нам делать?

За дверью послышался глухой стук, потом звук, может быть, более страшный, чем все, что раздавалось перед тем. Звук тяжких рыданий.

Кто-то пробежал мимо мисс Марпл и стал коло-

тить в дверь и трясти ее.

Это был Стивен Рестарик.

— Открой дверь! Открой! — кричал он.

В Зал со связкой ключей вбежала мисс Беллевер.

— Попробуйте эти, — проговорила она, запыхавшись.

В этот миг снова загорелись все лампочки. Все в Зале обрело прежние очертания и выступило из призрачной полутьмы.

Стивен Рестарик стал подбирать ключ. Было слышно, как ключ, торчавший изнутри, выпал из замка.

В кабинете все еще слышались отчаянные рыдания.

Волтер Хадд, неспешно войдя в Зал, остановился как вкопанный.

— Эй, что тут происходит?

— Этот сумасшедший застрелил мистера Серроколда, — сквозь слезы ответила Милдред.

— Пожалуйста, дайте мне поговорить с ним. — Это сказала Керри-Луиза. Она встала и подошла к двери кабинета. Мягко отстранив Стивена Рестарика, она сказала: — Я поговорю с ним.

И тихо позвала:

— Эдгар... Эдгар, пожалуйста, впустите меня.

Было слышно, как в дверь вставили ключ и повернули его. Дверь медленно открылась. Открыл ее не Эдгар, а мистер Серроколд. Он тяжело дышал, точно после бега, но был совершенно спокоен.

— Все в порядке, дорогая, — сказал он. — Все в порядке.

— Мы думали, что вас застрелили, — сердито сказала мисс Беллевер.

Льюис Серроколд нахмурился. И сказал с некоторым раздражением:

— Как видите, не застрелили.

— Но ведь мы слышали выстрелы, — сказала Милдред.

— Да, он выстрелил дважды.

— И не попал?

— Разумеется, не попал.

«Почему же «разумеется», — подумала мисс Марпл. — Ведь Эдгар стрелял почти в упор?»

Льюис Серроколд сказал все так же раздраженно:

— Где Маверик? Вот кто нам сейчас нужен.

— Я сейчас вызову его. А полицию тоже вызвать? — спросила мисс Беллевер.

— Полицию? Ну конечно нет!

— Полицию надо вызвать непременно. Он

опасен.

— Чепуха! — сказал Льюис Серроколд. — Бедный малый! Посмотрите на него, неужели он может показаться опасным?

Теперь Эдгар действительно не казался опасным. Он выглядел мальчишкой, вызывающим жалость и, пожалуй, брезгливость.

— Я не хотел, — простонал он. — Не понимаю, что на меня нашло... И как я мог все это нагородить... Я, наверное, сошел с ума...

Милдред презрительно фыркнула.

— Да, да, — лепетал Эдгар, — у меня помутилось в голове. Но я не хотел... Мистер Серроколд, я правда не хотел...

Льюис Серроколд похлопал его по плечу.

— Все в порядке, мальчик. Никакого вреда ты не причинил.

— Ведь я мог убить вас, мистер Серроколд.

Волтер Хадд подошел и вгляделся в кусок стены позади письменного стола.

— Вот куда попали пули, — сказал он. Его взгляд упал на письменный стол и на стул, стоявший за ним. — Промахнулся, но ненамного, — добавил он мрачно.

— Я потерял голову. Не понимал, что делаю. Я думал, что он лишил меня моих прав. Думал...

Мисс Марпл наконец задала вопрос, вертевшийся у нее на языке:

— Кто вам сказал, что мистер Серроколд ваш отец?

На какую-то секунду на расстроенном лице Эдгара мелькнуло хитрое выражение. И тотчас исчезло.

— Никто, — сказал он. — Мне это просто пришло в голову.

Волтер Хадд смотрел на револьвер, валявшийся на полу.

— Откуда ты взял эту пушку?

— Пушку? — Эдгар тоже уставился на револьвер.

— Чертовски похож на мой, — сказал Волтер. Он нагнулся и поднял револьвер. — Так и есть, черт возьми! Ты его взял у меня в комнате, мразь ты этакая.

Льюис Серроколд встал между съежившимся Эдгаром и грозным американцем.

— Разберемся позже, — сказал он. — А вот и Маверик. Пожалуйста, займитесь им, Маверик.

Доктор Маверик взялся за Эдгара со всем своим профессиональным рвением.

— Так не годится, Эдгар, — сказал он. — Совсем не годится.

— Это буйное помешательство! — резко сказала Милдред. — Он стрелял из револьвера и нес какую-то чушь. Едва не попал в моего отчима.

Эдгар едва слышно заскулил, и доктор Маверик укоризненно произнес:

— Осторожнее, прошу вас, миссис Стрэт.

— Надоело мне все это! Надоело! Говорю вам — он точно сумасшедший.

Эдгар вырвался из рук доктора Маверика и упал на колени перед Серроколдом.

— Спасите меня! Спасите! Не давайте им меня увезти и запереть! Не позволяйте им...

«Какая неприятная сцена!» — подумала мисс Марпл.

— Говорят вам, что он... — опять сердито начала Милдред.

Мать попыталась успокоить ее:

— Прошу тебя, Милдред. Не сейчас. Сейчас он страдает.

Волтер пробормотал:

— Какое там, к черту, страдает! Псих — да и остальные тоже.

— Я займусь им, — сказал доктор Маверик. — Пойдемте со мной, Эдгар. Успокоительное — и в постель. А завтра утром обо всем поговорим. Ведь вы доверяете мне?

Поднимаясь на ноги и все еще дрожа, Эдгар с сомнением посмотрел на молодого доктора, потом на Милдред Стрэт.

— Она сказала, что я сумасшедший.

— Нет-нет, вы не сумасшедший.

В Зале раздались четкие шаги мисс Беллевер. Губы ее были сжаты, лицо покрылось красными пятнами.

— Я позвонила в полицию, — сказала она сурово. — Они прибудут через несколько минут.

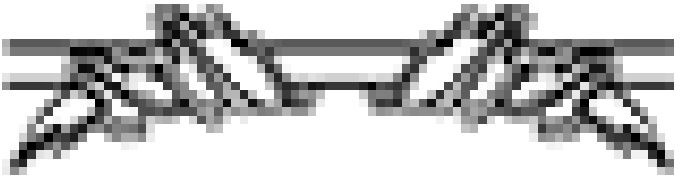
— Джолли! — испуганно воскликнула Керри-Луиза.

Эдгар издал вопль.

Льюис Серроколд сердито нахмурился.

— Я ведь сказал вам, Джолли, что *не хочу* вызывать полицию. Здесь требуется только врач.

— Это как вам угодно, — сказала мисс Беллевер. — Правда, у меня на этот счет другое мнение. Но вызвать полицию все равно бы пришлось. Убит мистер Гулбрандсен.



ГЛАВА 8

Ее слова были восприняты не сразу.

После довольно продолжительного молчания Керри-Луиза недоверчиво спросила:

— Кристиан убит? Не может быть!

— Если вы мне не верите, — сказала мисс Беллевер, поджав еще больше губы и обращаясь не столько к Керри-Луизе, сколько к остальным, — идите и убедитесь сами.

Она сердилась. И говорила отрывисто и резко. Медленно, все еще не веря, Керри-Луиза сделала шаг к двери. Льюис Серроколд положил руку ей

на плечо.

— Нет, дорогая, лучше пойду я.

Он вышел. Доктор Маверик, с сомнением посмотрев на Эдгара, последовал за ним. Пошла и мисс Беллевер.

Мисс Марпл ласково усадила Керри-Луизу в кресло. Она села. В глазах ее были ужас и боль.

— Кристиан убит? — повторила она.

Так мог бы спросить ребенок, которого больно ударили.

Волтер Хадд, стоя возле Эдгара Лоусона, сердито глядел на него. В руке он держал поднятый с пола револьвер.

Миссис Серроколд сказала удивленно, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Но кто же мог убить *Кристиана?*

Волтер пробормотал про себя:

— Чокнутые! Все до одного.

Стивен придвинулся ближе к Джине, словно желая ее защитить. Ее юное испуганное лицо было таким страдающим, таким живым в этой громоздкой комнате.

Внезапно распахнулась входная дверь, и вместе со струей холодного воздуха вошел человек в широком пальто.

Его радушное приветствие прозвучало до ужаса

неуместно.

— Алло, как вы тут? На дороге густой туман. Пришлось не ехать, а ползти.

В первое мгновение мисс Марпл подумала, что у нее двоится в глазах. Как мог один и тот же человек стоять возле Джины и одновременно появиться в дверях? Потом она поняла, что это всего лишь сходство, а если приглядеться, то не такое уж и большое. Эти молодые люди несомненно были братьями.

Только Стивен Рестарик был худощав — до того, что казался истощенным, а вновь прибывший выглядел сытым и холеным. Широкое, теплое пальто с каракулевым воротником уютно облекало его мощное тело. Он был красив и с тем отпечатком веселой властности, какой рождается жизненным успехом.

И еще мисс Марпл заметила, что глаза пришедшего остановились прежде всего на Джине.

Он спросил немного неуверенно, переведя взгляд на Керри-Луизу:

— Разве вы *не ждали* меня? Не получили мою телеграмму? — Он подошел к ней.

Керри-Луиза почти машинально подала ему руку. Он взял ее и нежно поцеловал. Было видно, что это не простая галантность, а искренняя дань

любви и уважения.

Она сказала тихо:

— Конечно, получили, милый Алекс. Только сейчас у нас...

— Что-то случилось?

Ответила ему Милдред, и даже с каким-то мрачным упоением, которое очень не понравилось мисс Марпл.

— Кристиана Гулбрандсена, моего брата Кристиана, нашли мертвым. Он застрелен.

— О боже! — с несколько преувеличенным ужасом воскликнул Алекс. — Вы хотите сказать — застрелился?

Керри-Луиза протестующе подняла руку.

— О нет! — сказала она. — Только не это. *Кристиан* этого никогда бы не сделал.

— Дядя Кристиан никогда бы не застрелился, я уверена, — сказала Джина.

Алекс Рестарик переводил взгляд поочередно на каждого из присутствующих. Его брат Стивен утвердительно кивнул. Волтер Хадд ответил сердитым взглядом. Потом глаза Алекса остановились на мисс Марпл, и тут лицо его омрачилось. Как если бы он обнаружил на сцене откуда-то вдруг взявшийся лишний реквизит.

Он, вероятно, ждал, чтобы ему объяснили

причину ее появления. Однако никто ничего не говорил, и мисс Марпл предстала ему просто как незнакомая и слегка растерянная старая дама.

— Когда? — спросил Алекс — То есть когда это случилось?

— Перед самым твоим приездом, — сказала Джина. — Всего три-четыре минуты назад. Мы слышали выстрел. Только как-то не обратили внимания.

— Не обратили внимания? Почему?

— Тут, видишь ли, происходило еще кое-что... — неуверенно сказала Джина.

— И еще как происходило! — добавил со значением Волтер.

Из дверей библиотеки в Зал вошла Джульетта Беллевер.

— Мистер Серроколд предлагает всем нам собраться в библиотеке. Так будет удобнее для полиции. Всем, кроме миссис Серроколд. Кара, вы испытали потрясение. Я велела положить вам в постель горячие бутылки. Сейчас я отведу вас наверх и...

Керри-Луиза встала и покачала головой.

— Сначала я должна увидеть Кристиана, — сказала она.

— О нет, дорогая! Это вас расстроит.

Керри-Луиза очень мягко отстранила ее.

— Милая Джолли, вы не понимаете. — Она огляделась вокруг и сказала: — Джейн?

Мисс Марпл уже шла к ней.

— Ты пойдешь со мной, Джейн?

Они вместе направились к двери. Входивший в это время доктор Маверик почти столкнулся с ними.

— Доктор Маверик, остановите ее! Это так неразумно! — воскликнула мисс Беллевер.

Керри-Луиза спокойно взглянула на молодого доктора. И даже слегка улыбнулась.

Доктор Маверик спросил:

— Вы хотите... увидеть его?

— Я должна.

— Понимаю. — Он посторонился. — Если вы так считаете, как угодно. Но после этого прошу вас лечь и предоставить себя заботам мисс Беллевер. Сейчас вы еще не ощущаете потрясения, но, уверяю вас, оно скажется.

— Вы, вероятно, правы. Я буду разумна. Пойдем, Джейн.

Обе женщины вышли из комнаты, прошли мимо главной лестницы и дальше по коридору, мимо столовой, которая была справа, и кухни, которая была слева; прошли мимо двери на

террасу, пока не дошли до Дубовой гостиной, отведенной Кристиану Гулбрандсену. Она и была обставлена скорее как гостиная, чем спальня. Кровать помещалась в алькове. Небольшая дверь вела в туалетную комнату и в ванную.

Керри-Луиза остановилась на пороге. Кристиан Гулбрандсен сидел за большим бюро красного дерева. Перед ним была раскрытая портативная пишущая машинка. Он все еще сидел там, только сполз немного вбок. Высокие подлокотники кресла не дали ему упасть на пол.

Льюис Серроколд стоял у окна и, слегка раздвинув занавеси, смотрел в ночной мрак.

Он оглянулся и нахмурился.

— Дорогая, тебе не следовало приходить.

Он подошел к ней, и она протянула ему руку. Мисс Марпл отступила немного назад.

— Нет, Льюис. Мне надо... увидеть его. Я должна своими глазами все видеть.

Она подошла к бюро.

— Здесь нельзя ничего трогать, — сказал Льюис, остерегая ее. — До прихода полиции...

— Да, конечно. Значит, кто-то его застрелил?

— Да. — Льюис Серроколд был удивлен подобным вопросом. — Я думал... ты знаешь.

— Да, знаю. Кристиан не мог покончить с

собой... и выстрелить случайно, по неосторожности, тоже не мог... он хорошо умел обращаться с оружием. Значит... — Она на миг запнулась. — Значит, убийство.

Она зашла за бюро и смотрела на покойного. Лицо ее выражало печаль и нежность.

— Милый Кристиан, — тихо произнесла она. — Он всегда был добр ко мне. — Она чуть дотронулась до его головы. — Господь с тобой, и спасибо тебе, милый Кристиан...

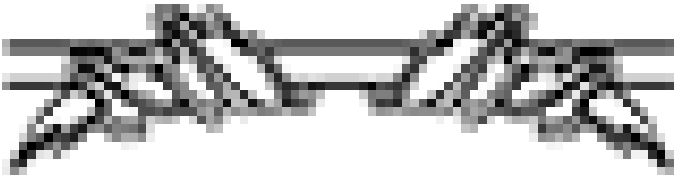
— Видит бог, я хотел избавить тебя от этого, Каролина, — сказал Льюис Серроколд. Таким взволнованным мисс Марпл его еще не видела.

Жена тихо покачала головой.

— Ты не можешь никого и ни от чего избавить, — сказала она. — Рано или поздно нам приходится встречать горе лицом к лицу. И раз уж так случилось, лучше не тянуть. Я пойду лягу. А ты, Льюис, наверное, останешься до прихода полиции?

— Да.

Керри-Луиза повернулась, чтобы уйти, и мисс Марпл обняла ее за плечи, поддерживая.



ГЛАВА 9

Полицейского инспектора Карри и его спутников встретила в Зале только мисс Беллевер.

Она деловито выступила вперед.

— Я — Джульетта Беллевер, компаньонка и секретарь миссис Серроколд.

— Это вы обнаружили тело и позвонили нам?

— Да. Почти все сейчас в библиотеке, вон в ту дверь, пожалуйста. Мистер Серроколд остался в комнате мистера Гулбрандсена следить за тем, чтобы там ни к чему не прикасались. Доктор Маверик — он уже сделал предварительный

осмотр тела — сейчас сюда придет. Ему пришлось отвести... пациента... в другое крыло дома. Вас проводить?

— Да, пожалуйста.

«Деловая особа, — подумал инспектор. — Она словно все уже на машинке отстукала».

Он пошел за ней по коридору.

В следующие двадцать минут полицейские выполнили все, что положено в таких случаях. Фотограф сделал снимки. Прибыл полицейский врач и встретился с доктором Мавериком. Спустя полчаса карета увезла останки Кристиана Гулбрандсена, и инспектор Карри приступил к допросу.

Льюис Серроколд привел его в библиотеку, и он зорко оглядел собравшихся, мысленно делая первые заметки. Старушка с седой головой; пожилая женщина; красивая девушка, которую он не раз видел и раньше, за рулем машины; ее странноватый американский муж; двое молодых людей, тоже имеющие какое-то отношение к семье; и деловитая мисс Беллевер, которая звонила инспектору и первая его встретила.

Инспектор Карри заготовил небольшую речь и теперь ее произнес:

— Вы, конечно, сейчас очень взволнованы, —

начал он, — и я надеюсь, что сегодня не задержу вас слишком долго. Мелкие подробности мы оставим до завтра. Так как именно мисс Беллевер первая увидела мистера Гулбрандсена мертвым, ее я и попрошу обрисовать мне общую картину, чтобы избежать многих повторений. Мистер Серроколд, если вы хотите пойти сейчас к жене — пожалуйста. С вами я поговорю, когда закончу с мисс Беллевер. Все ясно? Нет ли здесь небольшой комнаты, где я мог бы?..

Льюис Серроколд сказал:

— Мой кабинет, Джолли?

Мисс Беллевер кивнула:

— Я как раз хотела это предложить.

Она пошла впереди. Инспектор Карри и его помощник сержант последовали за ней.

Мисс Беллевер была на высоте. Можно было подумать, что расследование поручено не инспектору Карри, а ей.

Однако наступил момент, когда инициатива перешла к нему. Инспектор Карри обладал приятным голосом и приятными манерами. Он был спокоен, серьезен и даже как бы слегка извинялся за вторжение. Некоторые были склонны недооценивать его, и напрасно. Он имел не меньше деловых качеств, чем мисс Беллевер. Но предпо-

читал не выставлять их напоказ.

Он откашлялся.

— Основные сведения я уже получил от мистера Серроколда. Мистер Кристиан Гулбрандсен был старшим сыном покойного Эрика Гулбрандсена, учредителя Фонда, стипендий и прочего. Он был одним из попечителей Фонда. И прибыл сюда вчера, неожиданно. Все правильно?

— Да.

Инспектору Карри понравилась односложность ее ответов. Он продолжал:

— Мистер Серроколд был в это время в Ливерпуле. Сюда он вернулся сегодня вечером, поездом восемнадцать тридцать?

— Да.

— Сегодня после обеда мистер Гулбрандсен объявил о своем намерении поработать у себя в комнате и после того, как подали кофе, удалился. Так?

— Да.

— А теперь, мисс Беллевер, будьте добры своими словами рассказать мне, как именно вы обнаружили, что он мертв.

— Сегодня вечером у нас произошел довольно неприятный инцидент. Один молодой психопат, сильно возбужденный, угрожал мистеру

Серроколду револьвером. Они заперлись в этой комнате. Молодой человек стрелял, видите, в стене отверстия от пуль? К счастью, мистер Серроколд остался невредим. А молодой человек совершенно расклеился. Мистер Серроколд послал меня за доктором Мавериком. Я позвонила ему по внутреннему телефону, но никто не брал трубку. Я нашла его среди его коллег, передала просьбу мистера Серроколда, и он сразу пришел сюда. Возвращаясь назад, я решила зайти к мистеру Гулбрандсену, спросить, не нужно ли ему чего-нибудь перед сном — горячего молока или виски. Я постучала, ответа не было, и я вошла. Увидела, что мистер Гулбрандсен мертв, и позвонила вам.

— Какие имеются в доме входы и выходы? И как они запираются? Мог ли кто-нибудь войти незамеченным?

— Через боковую дверь, выходящую на террасу, мог войти каждый. Она запирается только, когда все мы ложимся спать, потому что через нее все ходят в здания Школы.

— А в Школе, кажется, находятся от двухсот до двухсот пятидесяти молодых правонарушителей?

— Да. Но здания Школы тщательно запираются

и охраняются. Я считаю очень маловероятным, чтобы оттуда можно было выйти незамеченным.

— Это нам, конечно, придется проверить. Скажите, мог ли мистер Гулбрандсен вызвать там недовольство? Каким-нибудь решением?

Мисс Беллевер покачала головой:

— О нет! Мистер Гулбрандсен не имел никакого отношения к управлению Школой.

— Какова была цель его приезда?

— Не имею понятия.

— Но ему необходимо было встретиться с мистером Серроколдом, и он решил дождаться его возвращения?

— Да.

— Следовательно, он приехал ради встречи с мистером Серроколдом?

— Да. Если он приехал по делам Фонда, эта встреча была ему необходима.

— Понятно. И он уже совещался с мистером Серроколдом?

— Нет, не успел. Мистер Серроколд приехал только сегодня к обеду.

— А после обеда мистер Гулбрандсен сказал, что ему надо написать важные письма, и ушел к себе? И не сказал при этом, что желал бы поговорить с мистером Серроколдом?

Мисс Беллевер чуть поколебалась.

— Нет, не сказал.

— Странно. Ведь он задержался здесь дольше, чем хотел, именно ради этого разговора.

— Действительно, странно.

Эту странность мисс Беллевер, видимо, заметила только сейчас.

— Мистер Серроколд не пошел с ним в его комнату?

— Нет, мистер Серроколд остался в Зале.

— И вы не знаете, когда именно был убит мистер Гулбрандсен?

— Возможно, что мы даже слышали выстрел. В таком случае это было в девять часов двадцать три минуты.

— Вы слышали выстрел? И это вас не встревожило?

— Нет, потому что тут были особые обстоятельства.

И она более подробно описала сцену между Льюисом Серроколдом и Эдгаром Лоусоном, которая происходила именно в те минуты.

— И никому не пришло в голову, что стреляли в доме?

— Нет. Никому. Мы испытали такое облегчение, когда поняли, что стреляли не здесь, не в

этой комнате.

И мисс Беллевер добавила мрачно:

— Кто же мог подумать, что в доме в один и тот же вечер могло произойти и покушение на убийство, и убийство...

Инспектор Карри был вынужден признать справедливость этого замечания.

— И все-таки, — вдруг сказала мисс Беллевер, — именно это побудило меня зайти к мистеру Гулбрандсену. Я действительно хотела спросить, не нужно ли ему чего-нибудь, но это был предлог. Я хотела убедиться, что у него все в порядке.

Инспектор Карри внимательно посмотрел на нее.

— Почему вам показалось, что что-то могло быть не так?

— Не знаю. Вероятно, все-таки из-за выстрела в парке. В тот момент ему не придали значения. Но позже я о нем вспомнила. Правда, я решила, что это мог быть выхлоп машины мистера Рестарика.

— Машины мистера Рестарика?

— Да, Алекса Рестарика. Он приехал сегодня вечером — на машине. Вошел сразу после того, как все случилось.

— Вот как? Когда вы обнаружили тело мистера

Гулбрандсена, вы не дотрагивались до каких-нибудь вещей в его комнате?

— Конечно нет. — Мисс Беллевер даже обиделась. — Я знаю, что в таких случаях ничего нельзя трогать и передвигать.

— А сейчас, когда вы провели нас в его комнату, там все было точно так, как в тот раз, когда вы обнаружили тело?

Мисс Беллевер задумалась. И даже зажмурила глаза. Инспектор Карри подумал, что она обладает так называемой фотографической памятью.

— Все так, но не совсем, — сказала она. — В пишущей машинке ничего уже не было.

— То есть, — сказал инспектор Карри, — когда вы вошли в первый раз, у мистера Гулбрандсена было в машинке недопечатанное письмо, а потом это письмо кто-то вынул.

— Да, я почти уверена, что видела в машинке край листа.

— Благодарю вас, мисс Беллевер. А кто, кроме вас, побывал в той комнате до нашего прибытия?

— Конечно, мистер Серроколд. Он и оставался там, когда я вышла вас встретить. А кроме него, миссис Серроколд и мисс Марпл. Миссис Серроколд непременно хотела посмотреть на убитого.

— Миссис Серроколд и мисс Марпл? — переспросил инспектор Карри. — Которая из них мисс Марпл?

— Старая седая дама. Это школьная подруга миссис Серроколд. Она приехала погостить. Четыре дня назад.

— Что ж, благодарю вас, мисс Беллевер. Вы дали нам очень ясную картину. Сейчас я подробнее поговорю с мистером Серроколдом. Впрочем... Мисс Марпл — пожилой человек. Я поговорю сперва с ней, чтобы она могла скорее лечь в постель. Было бы жестоко заставлять старую леди ждать до поздней ночи, — сказал человеколюбивый инспектор. — Она, вероятно, в шоке.

— Значит, пригласить ее сюда?

— Да, пожалуйста.

Мисс Беллевер вышла. А инспектор Карри уставился в потолок.

— Гулбрандсен? — сказал он. — Почему именно Гулбрандсен? Здесь проживает более двухсот социально опасных юнцов. Любой из них мог бы совершить это. Так оно скорее всего и было. Но почему убили именно Гулбрандсена? Он был здесь человеком посторонним.

— Конечно, мы еще не все знаем, — сказал сержант Лейк.

— Мы еще ничего не знаем, — согласился инспектор Карри.

Когда вошла мисс Марпл, он галантно встал. Она казалась взволнованной, и он прежде всего поспешил успокоить ее:

— Не волнуйтесь, мэм. — Он помнил, что старые дамы любят обращение «мэм». Они еще привыкли причислять полицейских к низшему классу, который должен оказывать им почтение. — Очень прискорбное событие. Но нам необходимо разобраться во всех обстоятельствах. Чтобы все было ясно.

— Да, конечно, — сказала мисс Марпл. — А ведь это очень трудно, не правда ли? Чтобы все стало ясно. Потому что, когда смотришь на что-нибудь одно, нельзя одновременно видеть другое. А мы так часто смотрим не туда, куда следовало бы. Хотя очень трудно сказать, случайно ли мы смотрим не туда или потому, что кто-то ловко умеет отвлечь! Я до сих пор *не пойму*, откуда у них берутся золотые рыбки. Ведь стеклянный сосуд нельзя сложить, сделать его плоским, не правда ли?

Инспектор Карри удивленно поморгал, но сказал успокоительно:

— Да-да, именно. Итак, мэм, мисс Беллевер со-

общила мне о событиях сегодняшнего вечера. Все вы, конечно, многое пережили.

— О, *ужасная драма...*

— Во-первых, эта сцена между мистером Серроколдом и... — Инспектор заглянул в свои заметки —...и Эдгаром Лоусоном.

— Очень странный молодой человек, — подхватила мисс Марпл. — Я все время чувствовала, что с ним что-то не то.

— Ну еще бы не почувствовать, — сказал инспектор Карри. — А тут, едва все более или менее успокоились, еще одна новость — о смерти мистера Гулбрандсена. Я знаю, что вы с миссис Серроколд пошли взглянуть на... на тело.

— Да. Она попросила меня проводить ее. Мы очень давние подруги.

— Понимаю. Итак, вы вошли в комнату мистера Гулбрандсена. Не трогали ли вы там что-нибудь, вы или она?

— О нет! Мистер Серроколд предупредил нас, что этого делать нельзя.

— А был ли в пишущей машинке какой-нибудь листок? Вы случайно не заметили, мэм?

— Не было, — не задумываясь ответила мисс Марпл. — Я сразу обратила на это внимание, потому что сочла странным. Ведь мистер Гул-

брандсен сидел за машинкой, значит, он должен был что-то печатать. Да, это мне показалось очень странным.

Инспектор Карри пристально посмотрел на нее.

— Вы разговаривали с мистером Гулбрандсеном?

— Очень мало.

— Можете ли вы припомнить из сказанного им что-нибудь особенное, значительное?

Мисс Марпл подумала.

— Он спросил меня о здоровье миссис Серроколд. Как у нее с сердцем.

— С сердцем? У нее что, больное сердце?

— Насколько мне известно, нет.

Инспектор Карри немного помолчал, потом спросил:

— Во время ссоры между мистером Серроколдом и Эдгаром Лоусоном слышали ли вы выстрел?

— Сама я его не слышала. Я ведь немного глуховата. Но я слышала, как миссис Серроколд сказала, что выстрелили где-то в парке.

— Мистер Гулбрандсен, насколько я понял, удалился сразу после обеда?

— Да. Сказал, что ему надо писать письма.

— Он не собирался совещаться с мистером Серроколдом по какому-либо делу?

— Нет.

Потом мисс Марпл добавила:

— Один разговор у них все же был.

— В самом деле? Когда? Я понял, что мистер Серроколд приехал как раз перед обедом.

— Это верно. Но он прошел к дому через парк. Мистер Гулбрандсен вышел ему навстречу, и они некоторое время прогуливались взад и вперед вдоль террасы.

— Кто-нибудь знает об этом?

— Едва ли, — сказала мисс Марпл. — Разве только мистер Серроколд сообщил об этом своей жене. А я случайно выглянула в то время из окна — посмотреть на птиц.

— На птиц?

— Да. — Помолчав, мисс Марпл добавила: — Мне даже показалось, что это чижи.

Чижи не вызвали у инспектора никакого интереса.

— Может быть, — деликатно осведомился он, — вы случайно... услышали что-либо из их беседы?

На инспектора взглянула пара невинных фарфорово-голубых глаз.

— Боюсь, что только отрывки, — сказала мисс

Марпл.

— Что же именно?

После некоторого молчания мисс Марпл сказала:

— Предмет их разговора мне остался неясен, но я поняла, что они хотели что-то скрыть от миссис Серроколд. Пощадить ее — именно так выразился мистер Гулбрандсен, а мистер Серроколд сказал: «Я согласен, что о ней надо подумать прежде всего». Еще они говорили о «слишком большой ответственности» и что надо посоветоваться с посторонним лицом.

Она остановилась.

— Я думаю, вам лучше всего спросить обо всем этом самого мистера Серроколда.

— Мы так и сделаем, мэм. Не заметили ли вы в течение вечера еще чего-либо необычного?

Мисс Марпл подумала.

— Понимаете, необычным было все.

— Понимаю.

Что-то все же мелькнуло в памяти мисс Марпл.

— Вот что было, пожалуй, самым необычным. Мистер Серроколд не дал своей жене принять лекарство. Мисс Беллевер это очень раздосадовало.

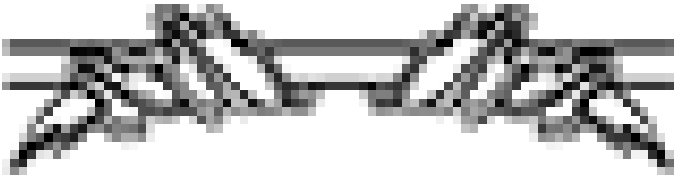
Она улыбнулась, пожалуй, чуть-чуть виновато.

— Это, впрочем, такая мелочь...

— Да, конечно. Что ж, благодарю вас, мисс Марпл.

Когда мисс Марпл вышла из комнаты, сержант Лейк сказал:

— Такая старая, а какая наблюдательная...



ГЛАВА 10

Войдя в кабинет, Льюис Серроколд тщательно закрыл за собой дверь, создав этим конфиденциальную обстановку. Он сел не на тот стул, где только что сидела мисс Марпл, а в свое собственное кресло за письменным столом. Мисс Беллевер усадила инспектора Карри на один из стульев, стоявших сбоку, бессознательно сохранив для Льюиса Серроколда его привычное место.

Усевшись в кресло, Льюис Серроколд задумчиво посмотрел на обоих полицейских. Его лицо было усталым и осунувшимся. Это было лицо

человека, пережившего тяжкое испытание, и это немного удивило инспектора. Хотя смерть Кристиана Гулбрандсена несомненно потрясла Льюиса Серроколда, покойный все же не был ни близким другом, ни родственником, а всего лишь дальним родственником жены.

Роли странным образом переменились. Не похоже было, что Льюис Серроколд пришел отвечать на вопросы полиции. Создавалось впечатление, что он явился с намерением сам проводить расследование. Инспектор Карри почувствовал легкое раздражение.

— Итак, мистер Серроколд... — решительно произнес он.

Льюис Серроколд все еще находился в задумчивости. Он сказал со вздохом:

— Как трудно выбрать правильное направление!..

— Это уж *наша* забота, мистер Серроколд, — сказал инспектор Карри. — Итак, мистер Гулбрандсен приехал неожиданно?

— Совершенно неожиданно.

— Вы не знали, что он приедет?

— Не имел понятия.

— А о цели его приезда вы тоже не имели понятия?

— Нет, мне известно, почему он приехал, — спокойно сказал Льюис Серроколд. — Он мне сам это сказал.

— Когда?

— Я шел со станции, и он увидел меня из окна и вышел встретить. Тогда он и объяснил мне причину своего приезда.

— Вероятно, дела Института Гулбрандсена?

— О нет, к Институту это не имело никакого отношения.

— Мисс Беллевер думает, что имело.

— Естественно. Так казалось всем. Гулбрандсен хотел, чтобы все так думали. И я тоже ему подыгрывал.

— Почему, мистер Серроколд?

Льюис Серроколд медленно произнес:

— Потому что оба мы считали важным, чтобы об истинной цели его приезда никто не догадался.

— Какова же была эта истинная цель?

Некоторое время Льюис Серроколд хранил молчание. Потом вздохнул и заговорил:

— Гулбрандсен регулярно приезжал сюда дважды в год, на заседания попечителей. В последний раз это было всего месяц назад. Следовательно, его можно было ждать только через

пять месяцев. Поэтому все и подумали, что на этот раз дело *было срочное,* но что опять-таки оно касается Фонда. Насколько я знаю, Гулбрандсен ничего не сделал для того, чтобы рассеять это заблуждение, или ему так казалось. Да, верно, ему так казалось.

— Боюсь, мистер Серроколд, что я не вполне вас понимаю.

Льюис Серроколд ответил не сразу. Потом сказал очень серьезно:

— Из-за смерти Гулбрандсена — а это несомненно убийство — я вынужден все вам открыть. Но меня заботит счастье и душевный покой моей жены. Я не вправе что-либо вам диктовать, инспектор, но, если есть возможность кое-что скрыть от нее, я буду вам очень признателен. Видите ли, инспектор, Кристиан Гулбрандсен приехал специально, чтобы сообщить мне, что, по его мнению, мою жену методично и хладнокровно отравляют.

— Что? — Инспектор Карри наклонился к нему поближе.

Серроколд утвердительно кивнул.

— Представляете, как это меня потрясло. Сам я не подозревал ничего подобного, но после слов Кристиана я понял, что некоторые симптомы, на

которые моя жена жаловалась в последнее время, вполне подтверждают такое подозрение. То, что она принимала за ревматизм — судороги в ногах, боли, иногда тошнота. Все это очень похоже *на симптомы отравления мышьяком.*

— Мисс Марпл сказала нам, что Кристиан Гулбрандсен спрашивал ее о состоянии сердца миссис Серроколд.

— Вот как? Это интересно. Он, вероятно, думал, что это какой-то яд, который действует на сердце и ведет к внезапной, не вызывающей подозрений смерти. Но я склонен думать, что это мышьяк.

— Значит, вы уверены, что подозрения Кристиана Гулбрандсена имеют под собой основания?

— Да, я так думаю. Хотя бы потому, что Гулбрандсен едва ли высказал бы мне такие подозрения, если бы не имел оснований. Это был человек осторожный и трезвый. Его трудно было убедить в чем-либо, но сам он был очень проницателен.

— Какие же доказательства он приводил?

— Мы не успели поговорить подробно. Только раз, да и то как-то на ходу. Он успел только сообщить причину своего приезда, и мы условились ничего не говорить моей жене, пока не будем вполне уверены.

— И кто же, по его мнению, это делал?

— Он не сказал, а я думаю, что и не знал. Может, кого-то только подозревал... Сейчас я думаю, что подозревал, — иначе почему его убили? Мы договорились все тщательно проверить. Он предложил просить совета и помощи доктора Голбрейта, епископа Кромерского. Доктор Голбрейт очень давний друг Гулбрандсенов и тоже является одним из попечителей Фонда. Это человек мудрый и опытный. Он очень поддержал бы мою жену, если бы мы сочли необходимым открыть ей наши подозрения. Мы хотели посоветоваться с ним, следует ли сообщать о наших предположениях полиции.

— Неординарный подход, — сказал Карри.

— После обеда Гулбрандсен ушел к себе, чтобы написать письмо доктору Голбрейту. Он как раз печатал его, когда был убит.

— Откуда вам это известно?

— Потому что я вынул это письмо из машинки, — спокойно сказал Льюис. — Вот оно.

Он извлек из нагрудного кармана вчетверо сложенный лист и протянул его Карри.

Последний сказал резко:

— Вы не должны были вынимать его и вообще что-либо трогать в комнате.

— Ничего другого я не трогал. Знаю, что, на ваш

взгляд, я совершил непростительный проступок, но у меня была очень серьезная причина. Я был уверен, что моя жена непременно захочет войти в комнату, и боялся, что она может увидеть его и прочесть. Я знаю, что поступил неправильно, но если бы снова оказался в подобной ситуации, то поступил бы так же. Я готов на все — *на все,* чтобы избавить мою жену от огорчений.

Инспектор Карри ничего на это не сказал. Он читал отпечатанное на машинке письмо.

«Дорогой доктор Голбрейт!

Если вы имеете хоть какую-то возможность, прошу вас приехать в Стоунигейтс сразу же, как получите это письмо. Здесь происходит нечто чрезвычайно серьезное, и я не знаю, как мне действовать. Но я знаю, как сильна ваша привязанность к нашей дорогой Керри-Луизе и как вас заботит все, что ее касается. Что она должна знать? Что мы можем скрыть от нее? Вот вопросы, на которые мне так трудно найти ответ.

Чтобы дольше не говорить загадками, скажу: у меня есть основания думать, что это доброе, невинное создание тайком

постепенно отравляют. Впервые я заподозрил это, когда...»

На этом письмо обрывалось.

— Когда Кристиан Гулбрандсен дошел до этих слов, его убили? — спросил Карри.

— Да.

— Но тогда почему письмо было оставлено в машинке?

— Мне приходят в голову два объяснения. Первое: что убийца не знал, кому и зачем писал Гулбрандсен. Второе: что он не успел вытащить листок. Услышал, что кто-то идет, и едва успел унести ноги...

— И Гулбрандсен даже не намекнул вам, кого он подозревал — если подозревал, конечно?

После очень небольшой паузы Льюис ответил:

— Нет.

И добавил несколько загадочно:

— Кристиан был очень справедливым человеком.

— Каким образом, по-вашему, вашей жене дают яд?

— Я размышлял над этим, пока одевался к обеду, мне кажется, что легче всего смешивать его с лекарством. Моя жена принимает укрепляющую

микстуру. В бутылочку с лекарством каждый может подмешать мышьяку. Что касается пищи, то все мы едим одно и то же, отдельно для моей жены ничего не готовят.

— Мы должны взять это лекарство и отправить его на анализ.

— Я вам уже приготовил, — спокойно сказал Льюис. — Я налил немного в этот пузырек сегодня перед обедом.

Из ящика своего бюро он достал маленький закупоренный флакон, содержавший какую-то красную жидкость.

Инспектор Карри как-то странно на него взглянул.

— Вы очень предусмотрительны, мистер Серроколд.

— Я привык действовать решительно. Сегодня вечером я не позволил ей принять ее обычную дозу. Стакан до сих пор еще стоит на дубовом буфете в Зале. Сама бутылка в гостиной...

Карри наклонился через письменный стол. Он понизил голос и заговорил доверительно и совершенно неофициально:

— Простите, мистер Серроколд, но *почему* вы так уж стараетесь все скрыть от жены? Боитесь, что она впадет в панику? Право, ради ее собствен-

ной безопасности было бы лучше предостеречь ее.

— Да-да, возможно. Но думаю, что вы не вполне понимаете. Впрочем, не зная Каролину, понять трудно. Инспектор, моя жена — идеалистка, безгранично верящая в людей. Вот о ком можно сказать: не видит зла, не слышит зла и не говорит зла[34]. Для нее непостижимо, что кто-то может желать ее смерти. Но это еще не все. Этот «кто-то» в данном случае — вы понимаете, — вероятно, очень близок и дорог ей...

— Так вот что вы думаете!

— Рядом с нами живут две сотни извращенных личностей, не раз совершавших акты грубого и бессмысленного насилия. Но по самой элементарной логике, никого из *них* в данном случае подозревать нельзя. Ее методично травит кто-то из домашних. Подумайте, кто окружает ее: муж, дочь, внучка, муж внучки, пасынок, к которому она относится как к родному сыну, мисс Беллевер — преданная компаньонка, многолетний друг. Все они близки и дороги ей — и тем не менее это мог делать только кто-то из них.

– *Есть* и посторонние... — медленно сказал

---

[34] notes: 34

Здесь обыгрывается известная восточная притча о трех обезьянах: у одной закрыты глаза, у другой уши, у третьей рот.

Карри.

— Да, действительно. Доктор Маверик и один или два человека из персонала часто у нас бывают. Есть, наконец, слуги. Но скажите откровенно: какой мотив может быть у них?

— Есть еще молодой — как его — Эдгар Лоусон, — сказал инспектор.

— Да. Но он в последнее время бывает в нашем доме редко. У него также не может быть никакого мотива. И он глубоко привязан к Каролине — как, впрочем, и все.

— Но он крайне неуравновешен. Взять хоть его сегодняшнее нападение на вас.

Серроколд нетерпеливо отмахнулся.

— Детская выходка. Он и не думал убивать меня.

— А два пулевых отверстия в стене? Ведь он стрелял в вас.

— Стрелял, но вовсе не в меня. Это было не более чем спектакль.

— Довольно опасный спектакль, мистер Серроколд.

— Вы не понимаете. Вам следует поговорить с нашим психиатром доктором Мавериком. Эдгар — незаконнорожденный. Страдая от отсутствия отца и от своего убогого происхождения,

он утешался тем, что воображал себя сыном какого-нибудь знаменитого человека. Это — распространенное явление, уверяю вас. Здесь у нас он заметно выправился. Потом почему-то произошел рецидив. Ему вдруг почудилось, что его отец — это я, он устроил мелодраматическую сцену, размахивал револьвером, выкрикивая угрозы. Я ничуть не испугался. После того как он два раза выстрелил, он разрыдался. Доктор Маверик увел его и дал успокоительное. Завтра утром он, полагаю, будет совершенно в норме.

— Вы не хотите подать на него в суд?

— Это было бы самое худшее — для него.

— Откровенно говоря, мистер Серроколд, его свободу следовало бы ограничить. Человек, который стреляет из револьвера ради самоутверждения... Надо, знаете ли, думать и о других людях.

— Поговорите на эту тему с доктором Маверик, — сказал Льюис. — Он представит вам точку зрения профессионала. Во всяком случае, бедняга Эдгар уж наверняка неповинен в убийстве Гулбрандсена. Он в это время угрожал *мне.*

— Да, вернемся к нашей главной теме, мистер Серроколд. Мы уже говорили о людях со стороны. По-видимому, каждый мог войти в дом *снаружи*

и застрелить мистера Гулбрандсена. Ведь дверь на террасу не была заперта. Но не надо забывать и о тех, *кто живет в доме.* В свете того, что вы мне только что сказали, им надо уделить самое пристальное внимание. Возможно, что, кроме этой старушки мисс... да, мисс Марпл, которая случайно выглянула из окна своей комнаты, никто не знает, что вы с Кристианом Гулбрандсеном уже говорили наедине. Если так, Гулбрандсена могли убить, чтобы он не сообщил вам о своих подозрениях. Конечно, сейчас еще рано говорить о возможных мотивах... Мистер Гулбрандсен был, кажется, человеком состоятельным?

— Да, он был очень богат. У него есть сыновья, дочери и внуки, и все они, видимо, что-то унаследуют. Но никто из них не проживает в нашей стране, и все они — солидные, весьма уважаемые люди. Насколько я знаю, среди них нет ни одной сомнительной личности.

— Были ли у него враги?

— Это маловероятно. У таких людей нет врагов.

— Стало быть, мы ограничены стенами этого дома и его обитателями. Кто же *из них* мог его убить?

Льюис Серроколд медленно произнес:

— Мне очень трудно говорить об этом. Ведь это члены моей семьи, наши гости, конечно, по-вашему, все они попадают под подозрение, но только учтите — все, за исключением слуг, находились в Большом Зале, когда Кристиан ушел к себе, и, пока я сам был там, никто из Зала не выходил.

— Никто?

— Кажется... — Льюис нахмурился, пытаясь вспомнить. — Ах да! Погасло несколько лампочек, и мистер Волтер Хадд выходил, чтобы выяснить, в чем дело.

— Молодой американец?

— Да. Разумеется, я не знаю, что еще происходило после того, как Эдгар и я вошли сюда, в кабинет.

— И больше вы ничего не можете сказать, мистер Серроколд?

Льюис Серроколд покачал головой.

— Боюсь, что ничем не могу вам помочь. Все это так... так непостижимо.

Инспектор Карри вздохнул и сказал:

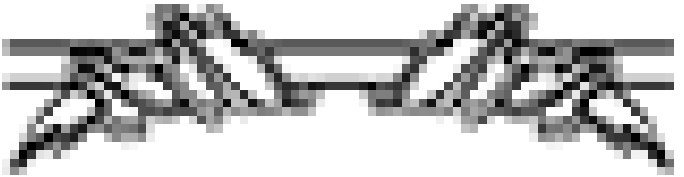
— Пожалуйста, передайте остальным, что они могут ложиться спать. Я поговорю с ними завтра.

Когда мистер Серроколд вышел из комнаты, инспектор Карри спросил сержанта Лейка:

— Ну как, по-вашему?

— Он знает, кто убил, или думает, что знает, — сказал Лейк.

— Согласен с вами. И то, что он знает, очень ему не нравится.



ГЛАВА 11

I

Джина взволнованно приветствовала мисс Марпл, когда та наутро вышла к завтраку, и так же взволнованно сообщила:

— Полицейские опять здесь. Сейчас они в библиотеке. Волли потрясен их хладнокровием. Его все это очень увлекает. А меня нет. Меня это ужасает. Я так страшно переживаю. Как вы думаете, почему? Потому что я наполовину итальянка?

— Очень возможно. Во всяком случае, это объясняет, почему вы не скрываете того, что чувствуете.

При этом мисс Марпл чуть улыбнулась.

— А Джолли ужасно злится, — сказала Джина, ведя ее в столовую. — Наверное, потому, что сейчас всем руководит полиция, и Джолли не может командовать ими, как привыкла командовать нами. Вот Алексу и Стивену, — строго сказала Джина, входя в столовую, где братья заканчивали завтрак, — все это совершенно безразлично.

— Милая Джина, — сказал Алекс, — ты к нам очень несправедлива. Доброе утро, мисс Марпл. Мне это никак не безразлично. Если опустить тот факт, что я едва знал твоего дядю Кристиана, я ведь самый главный подозреваемый. Надеюсь, ты это понимаешь?

— То есть как?

— Ведь я подъехал к дому как раз в то время. Сейчас все это проверяют и высчитывают, и оказывается, я слишком задержался на пути от въездных ворот до дома. А это значит, по их мнению, что я мог успеть, оставив машину, обежать вокруг дома, войти через боковую дверь, застрелить Кристиана и бегом вернуться к машине.

— А как было на самом деле?

— Мне всегда казалось, что девочек сызмала учат не задавать нескромных вопросов. Я несколько минут простоял как идиот, глядя на фары в тумане и соображая, как добиться такого эффекта на сцене. Для постановки моего нового балета «Ночи в порту».

— Ты можешь им сказать это!

— Конечно. Но ты же знаешь, что такое полицейские. Они тебя вежливенько поблагодарят, все запишут, но поди догадайся, *что* они о тебе думают... Эти ребята не очень-то доверчивы...

— Забавно было бы увидеть тебя в кутузке, — сказал Стивен со своей тонкой, немного жесткой улыбкой. — Вот *я* — вне всяких подозрений. Я весь вечер не уходил из Зала.

— Не могут же они подозревать кого-то *из нас!* — воскликнула Джина.

Ее темные глаза испуганно округлились.

— Только не говори, что это сделал некий бродяга, — сказал Алекс, щедро накладывая себе джему. — Слишком банально.

В комнату заглянула мисс Беллевер:

— Мисс Марпл, когда вы окончите завтрак, пройдите, пожалуйста, в библиотеку.

— Опять вас, — сказала Джина. — Раньше нас всех.

Она как будто была этим немного обижена.

— Слышите? Что это? — спросил Алекс.

— Не слышу, — сказал Стивен.

— Пистолетный выстрел.

— Стреляют в комнате, где убили дядю Кристиана, — сказала Джина. — Не понимаю зачем. И в парке тоже.

Дверь снова открылась, и вошла Милдред Стрэт. Она была в черном платье — и в ожерелье из оникса.

Ни на кого не глядя, она пробормотала: «Доброе утро» — и села.

Потом сказала приглушенно:

— Чаю, Джина, пожалуйста. Нет, есть я не буду. Только немного тостов.

Она деликатно промокнула нос и глаза носовым платком. Потом подняла глаза на братьев, но словно не видела их. Стивену и Алексу стало не по себе. Они перешли на шепот, а вскоре встали и вышли.

Обращаясь не то к мисс Марпл, не то к пустому пространству, Милдред Стрэт сказала:

— Хоть бы черные галстуки надели!

— Не думаю, — извиняющимся тоном сказала мисс Марпл, — что они заранее знали о готовящемся убийстве.

Джина как-то подозрительно пискнула, и Милдред Стрэт сурово на нее взглянула.

— Где же Волтер? — спросила она.

Джина покраснела.

— Не знаю. Я его еще не видела.

И потупилась, как провинившийся ребенок.

Мисс Марпл встала.

— Пойду в библиотеку, — сказала она.

II

В библиотеке у окна стоял Льюис Серроколд.

Больше там никого не было.

Он обернулся к входившей мисс Марпл, подошел к ней и взял ее руку в свои.

— Надеюсь, — сказал он, — что потрясение было не слишком сильным. Столкнуться с убийством — а это несомненно было убийство — тяжелое испытание для тех, кто видит это впервые.

Скромность не позволила мисс Марпл ответить, что она вполне привыкла к подобным испытаниям. Она сказала только, что жизнь в Сент-Мэри-Мид вовсе не столь чиста и безгрешна, как думают те, кто там не живет.

— В деревне случаются весьма нехорошие вещи, уверяю вас, — сказала она. — Вот где можно наблюдать жизнь и людские нравы, не то что

в городе.

Льюис Серроколд слушал ее с вежливым, но рассеянным видом. Потом сказал напрямик:

— Мне нужна ваша помощь.

— Я готова, мистер Серроколд.

— Дело касается моей жены Каролины. Я знаю, что вы очень к ней привязаны.

— О да! Ее любят все.

— Я тоже так думал. Но, оказывается, я ошибался. С разрешения инспектора Карри я сообщу вам то, чего другие еще не знают. Вернее, один-то точно знает.

И он кратко повторил ей то, что сказал накануне вечером инспектору Карри.

Мисс Марпл пришла в ужас.

— Не могу поверить, мистер Серроколд. Не могу поверить!

— Мне тоже не верилось, когда я услышал это от Кристиана Гулбрандсена.

— Я думала, что у милой Керри-Луизы нет ни одного врага.

— Невероятно, но похоже, что есть. Вы понимаете, в чем дело? Ее травят, методично подсыпая небольшие дозы, такое возможно только дома. Значит, это делает кто-то из нашего тесного семейного круга...

— Если это *действительно* происходит. А вы уверены, что мистер Гулбрандсен не ошибался?

— Кристиан не ошибался. Он был слишком осмотрительным человеком, чтобы сказать такое, не имея оснований. К тому же полиция взяла бутылку с лекарством и то, что было в стакане. И там и там обнаружен мышьяк, а в рецепте его не было указано. Будет сделан еще количественный анализ, это требует больше времени. Но что касается ингредиентов, найденных в микстуре... здесь нет никаких сомнений... мышьяк!

— Значит, ее ревматизм и то, что ей трудно ходить, все это...

— Судороги в ногах — очень типичный симптом, насколько я знаю. Перед вашим приездом у Каролины было раз или два что-то похожее на острый гастрит. Но мне и в голову не приходило, пока Кристиан...

Он не договорил. Мисс Марпл тихо сказала:

— Значит, Рут была права.

— Рут? — удивленно переспросил Льюис Серроколд.

Мисс Марпл покраснела.

— Я кое-чего не сказала вам. Мой приезд сюда не случайность. Сейчас объясню. Боюсь, что я неважный рассказчик. Пожалуйста, наберитесь

терпения.

Льюис Серроколд слушал, а мисс Марпл рассказывала ему, как тревожилась Рут и как торопила ее ехать.

— Поразительно! — сказал он. — А я ничего не подозревал.

— Все было очень неясно, — сказала мисс Марпл. — Рут и сама не знала, откуда у нее такие опасения. Я все допытывалась. Я по опыту знаю, что причина всегда есть. Но Рут только твердила: «Что-то у них там неладно».

Льюис Серроколд мрачно заметил:

— Что ж, она, как видно, была права. Теперь вы понимаете мое положение, мисс Марпл. Надо ли сказать Керри-Луизе?

— О нет! — выпалила мисс Марпл, но, вспыхнув, с сомнением взглянула на Льюиса.

Он кивнул:

— Значит, и вы так считаете? Так же, как считал Кристиан Гулбрандсен, да и сам я так думаю. А если бы дело касалось обычной женщины?

— Керри-Луиза — *необычная* женщина. Она живет своей верой в людей. Боюсь, что я плохо выражаю свою мысль. Но, пока мы не знаем, кто...

— Да, в этом вся трудность. Ведь если ничего ей не говорить, мы рискуем...

— Поэтому вы хотите, чтобы я оберегала ее?

— Вы единственный человек, которому я могу довериться, — сказал Льюис Серроколд. — Здесь все *как будто* преданы ей. Но так ли это? А вашей дружбе уже столько лет.

— И я приехала всего несколько дней назад, — очень кстати добавила мисс Марпл.

Льюис Серроколд улыбнулся.

— Вот именно.

— Прошу прощения за такой меркантильный вопрос, — сказала мисс Марпл. — В случае смерти нашей милой Керри-Луизы — кто ее наследники?

— Деньги! — с горечью сказал Льюис. — Неужели все в конце концов сводится к ним?

— Пожалуй, в данном случае, да. Керри-Луиза такой очаровательный человек, что трудно представить себе, чтобы у нее мог быть *враг.* Значит, все сводится именно к деньгам. Надо ли мне говорить вам, мистер Серроколд, что из-за денег люди часто готовы на все.

— Да, наверное, это так.

Он продолжал:

— Разумеется, инспектор Карри уже занялся этой стороной дела. Сегодня приедет из Лондона мистер Гилфой, который может дать подробную

информацию. «Гилфой, Гилфой, Джеймс и Гилфой» — это очень известная адвокатская фирма. Отец нынешнего мистера Гилфоя был одним из первых попечителей. Они составляли завещание и для Каролины, и для Эрика Гулбрандсена. Я объясню вам суть дела насколько можно проще.

— Благодарю вас, — сказала мисс Марпл. — Юридический язык очень сложен, так мне всегда казалось.

— Эрик Гулбрандсен оставил своему Фонду очень большие средства на стипендии ученым и на другие благотворительные цели. Своей дочери Милдред и приемной дочери Пиппе (матери Джины) он завещал равные суммы. Остаток своего огромного состояния он оставил попечителям, с тем чтобы проценты выплачивались Каролине пожизненно.

— А после ее смерти?

— После ее смерти все эти деньги должны быть разделены поровну между Милдред и Пиппой или их детьми, если они умрут раньше Каролины.

— То есть между миссис Стрэт и Джиной.

— Да. У Каролины есть и немалое собственное состояние, хотя, конечно, его не сравнить с деньгами Гулбрандсена. Половину всех своих денег

она перевела на мое имя четыре года назад, десять тысяч фунтов завещала Джульетте Беллевер, а остальное, поровну, своим пасынкам Алексу и Стивену Рестарикам.

— Боже! — сказала мисс Марпл. — Вот это плохо! Очень плохо!

— То есть?

— Это значит, что у каждого из них есть мотив — деньги.

— Да. И все же я не могу поверить, что кто-либо из них способен ее убить. Просто не могу... Милдред — ее дочь — и без того хорошо обеспечена. Джина обожает свою бабушку. Она легко и щедро тратит деньги, но ради них уж точно не станет брать грех на душу. Джолли Беллевер фанатически предана Каролине. Братья Рестарик любят ее как родную мать. Собственных средств у них нет, но Каролина из своего дохода финансирует их предприятия, особенно Алекса. Я просто не могу поверить, что кто-то из них двоих способен отравить ее ради того, чтобы наследовать ее деньги. Нет, я не могу этому поверить, мисс Марпл.

— Есть еще муж Джины.

— Да, — сказал Льюис очень мрачно. — Есть еще муж Джины.

— Его вы мало знаете. Но видно, что он очень

несчастлив.

Льюис вздохнул.

— Он не пришелся здесь ко двору. Он не сочувствует тому, что мы пытаемся делать. На что ему это? Он молод и к тому же довольно примитивен. В его стране ценят только тех, кому улыбнулась удача...

— Тогда как мы любим неудачников, — сказала мисс Марпл.

Льюис Серроколд взглянул на нее пристально и подозрительно.

Она слегка покраснела и заговорила — не слишком связно:

— Иногда мне кажется, видите ли, что можно впасть в другую крайность... Я хочу сказать, что если у юноши хорошая наследственность, если его разумно воспитали, если у него есть твердость, выдержка и способность продвинуться, то ведь именно такие люди *нужны* стране.

Льюис насупился, а мисс Марпл продолжала. Ее щеки становились все более розовыми, а речь — все более несвязной:

— Нет, конечно, нельзя не ценить то, что вы и Керри-Луиза... Истинно благородное дело, дело милосердия... А милосердие необходимо... Ведь важнее всего то, *чем человек является сам по*

себе... Одним везет, другим нет... И со счастливчиков спрос, конечно, больше... Но иной раз мне кажется, что и тут нужна мера. О, я не о *вас,* мистер Серроколд. Я вообще... Есть у англичан эта *странность.* Даже на войне они больше гордятся поражениями и отступлениями, чем победами. Иностранцы не могут понять, почему мы так гордимся Дюнкерком. Они о подобных вещах предпочитают не упоминать. А мы всегда даже как-то конфузимся, когда побеждаем. И победой не принято хвастать. А что воспевают наши поэмы? Гибель легкой кавалерии в Крымской войне. Или то, как маленький «Ревендж» пошел ко дну в Карибском море. Очень странная черта, если вдуматься!..

Мисс Марпл остановилась, чтобы перевести дух.

— Я хотела сказать, что молодому Волтеру Хадду все у нас должно казаться странным.

— Да, — сказал Льюис. — Я понимаю, о чем вы. Волтер очень отличился на войне. Его храбрость вне всяких сомнений.

— Это, конечно, мало что значит, — признала мисс Марпл. — Одно дело — война, другое — повседневная жизнь. Конечно, чтобы совершить убийство, тоже, по-моему, нужна храбрость. А

чаще, пожалуй, просто самоуверенность. Да, именно самоуверенность.

— Но едва ли у Волтера Хадда мог быть достаточно веский мотив.

— Вы полагаете? — сказала мисс Марпл. — Ему все здесь ужасно не нравится. Он хотел бы уехать. И увезти Джину. И если ему нужны деньги, ему важно, чтобы Джина получила все свои деньги, прежде чем она... увлечется другим человеком.

— Увлечется другим человеком? — озадаченно переспросил Льюис.

Мисс Марпл про себя подивилась слепоте энтузиастов социальных реформ.

— Вот именно. Оба брата Рестарика влюблены в нее.

— О, не думаю, — рассеянно произнес Льюис.

И продолжал:

— Стивен для нас неоценим — просто неоценим. Он удивительно сумел увлечь и заинтересовать мальчиков. В прошлом месяце они показали великолепный спектакль. Декорации, костюмы — все сами. Это лишний раз доказывает — я всегда говорил об этом Маверику, — что на преступления их толкает отсутствие в их жизни ярких событий. Ребенок придумывает себе драматические ситуации. Маверик говорит... ах да,

Маверик... — Льюис не договорил, о чем-то вдруг вспомнив. — Надо, чтобы Маверик поговорил с инспектором об Эдгаре. Нелепая история...

— А что вы на самом деле знаете об Эдгаре Лоусоне, мистер Серроколд?

— Все, — решительно сказал Льюис. — То есть все, что надо знать. Знаю, каково его происхождение... воспитание... и эту его укоренившуюся неуверенность в себе...

Мисс Марпл прервала его:

— Не мог ли Эдгар Лоусон пытаться отравить Керри-Луизу?

— Едва ли. Он пробыл здесь всего несколько недель. И вообще смешно! Зачем Эдгару травить мою жену? Что он может этим выиграть?

— Ничего материального, конечно. Но он может иметь какой-то *свой* мотив. Он ведь очень *странный.*

— Вы хотите сказать — ненормальный?

— Пожалуй. Впрочем, не совсем. Просто в нем что-то *не так.*

Нельзя сказать, чтобы она выразилась ясно. Льюис Серроколд принял ее слова в их прямом смысле.

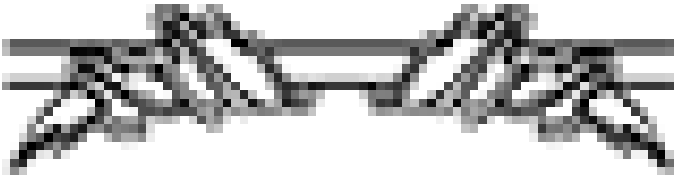
— Да, — сказал он со вздохом. — У бедного малого все не так. Но улучшение было значительное.

Я просто не понимаю, что спровоцировало этот внезапный рецидив.

Мисс Марпл подхватила:

— Да, я тоже пытаюсь это понять... Если...

В комнату вошел инспектор Карри, и она не договорила.



ГЛАВА 12

I

Льюис Серроколд вышел, а инспектор Карри сел и как-то особенно улыбнулся мисс Марпл.

— Итак, мистер Серроколд просил вас быть сторожевым псом, — сказал он.

— Ну да, — сказала она извиняющимся тоном. — Надеюсь, вы ничего не имеете против.

– *Не имею.* Считаю это хорошей мыслью. А знает ли мистер Серроколд, что вы как нельзя лучше

подходите для этой роли?

— Я не совсем понимаю вас, инспектор.

— Он думает, что вы — очень милая пожилая дама, которая училась вместе с его женой. А мы, — он одобрительно кивнул, — знаем, что вы умеете кое-что еще. Преступления — это прямо по вашей части. Мистер Серроколд знает только один вид преступника — начинающего и подающего надежды. Мне прямо становится противно. Может, я, конечно, не прав, сужу по старинке. Но разве мало у нас хороших, порядочных парней, которым очень следовало бы помочь делать в жизни первые шаги? Так нет! Добродетель, мол, сама по себе награда. Порядочным людям миллионеры ничего не завещают. Впрочем, не слушайте меня, я ведь сужу по старинке. Но мне довелось видеть парней и девушек — уж, кажется, все было против них: и дурные родители, и невезенье, а они выстояли, не оступились. Вот таким я завещаю свою кубышку, если она у меня будет. Да только не будет ее. Будет пенсия, и копайся себе в саду.

Он опять ласково кивнул мисс Марпл.

— Вчера мой начальник Блэкер рассказал мне о вас. Сказал, что у вас большой опыт, что вы здорово изучили неприглядные стороны человеческой натуры. Я хотел бы знать вашу точку зрения. Кто

же злодей? Молодой муж и доблестный американский солдат?

— Это очень устроило бы всех, — сказала мисс Марпл.

Инспектор Карри улыбнулся своим воспоминаниям.

— Один такой солдат когда-то увел у меня девушку, так что я, конечно, предубежден. Поведение молодого человека тоже не располагает в его пользу. Ну а каково мнение сыщика-любителя? Кто тайно на протяжении длительного времени отравляет миссис Серроколд?

— Обычно, — сказала рассудительно мисс Марпл, — зная человеческую натуру, мы прежде всего подозреваем *мужа.* Или, соответственно, жену. При отравлениях это всегда первое, что приходит в голову, не правда ли?

— Полностью с вами согласен, — сказал инспектор Карри.

— Однако в данном случае, — мисс Марпл покачала головой, — я *не могу* подозревать мистера Серроколда. Видите ли, инспектор, он действительно *привязан* к своей жене. Обычно это выставляется напоказ. А его чувство сдержанное, но оно искренне. Он любит свою жену, и я убеждена, что не стал бы травить ее.

— Не говоря уж о том, что у него нет мотива. Она уже перевела деньги на его имя.

— Конечно, — сказала рассудительно мисс Марпл, — бывают и другие причины избавиться от жены. Например, любовь к молодой женщине. Но в нашем случае я не вижу и этого. Не похоже, чтобы мистер Серроколд имел какие-то сердечные дела. Боюсь, — сказала она с явным оттенком сожаления, — что мы должны исключить его из числа подозреваемых.

— Жаль, — улыбаясь, сказал инспектор. — Во всяком случае, он не убивал Гулбрандсена. Мне кажется несомненным, что одно связано с другим. Тот, кто травит миссис Серроколд, тот и убил Гулбрандсена, чтобы он не выдал его. Сейчас мы должны выяснить, у кого была возможность убить Гулбрандсена. Главным подозреваемым, безусловно, является Волтер Хадд. Это он включил настольную лампу, вызвал короткое замыкание, что и дало ему предлог выйти из Зала. А пробки находятся в коридорчике, который напротив кухни. Выстрел раздался именно тогда, когда его не было в Зале. Итак, вот подозреваемый номер один.

— Кто же номер два? — спросила мисс Марпл.

— Подозреваемый номер два — это Алекс Реста-

рик, который что-то уж чересчур долго добирался на своей машине от въездных ворот до дома.

— Кто-нибудь еще? — с интересом спросила мисс Марпл и не забыла добавить: — Очень любезно с вашей стороны сообщить мне все это.

— Тут вовсе не любезность, — сказал инспектор Карри. — Мне нужна ваша помощь. Вы попали в точку, когда спросили, кто еще. Тут мне приходится положиться на *вас.* Вы вчера вечером были в Зале и можете сказать мне, *кто еще оттуда выходил...*

— Да, да, это я могла бы заметить... Но вот заметила ли? В тех обстоятельствах...

— Вы хотите сказать, что все вы слушали, что происходило в кабинете мистера Серроколда?

Мисс Марпл энергично кивнула.

— Да, мы все очень перепугались. Мистер Лоусон был явно в припадке безумия. Кроме миссис Серроколд, которая казалась совершенно спокойной, все мы очень переживали за мистера Серроколда. Мистер Лоусон кричал, выкрикивал ужасные вещи, ведь нам все было слышно. К тому же было темно, погасли почти все лампочки. Где уж тут было что-нибудь заметить.

— Значит, пока это происходило, каждый мог выскользнуть из Зала, пройти по коридору до

Дубовой гостиной, застрелить мистера Гулбрандсена и вернуться?

— Думаю, что это было возможно...

— Можете ли вы сказать определенно, кто оставался в Зале все время?

Мисс Марпл подумала.

— Прежде всего миссис Серроколд, я все время смотрела на нее. Она сидела возле двери в кабинет и ни разу не встала. Меня страшно тогда удивило, как она может быть такой спокойной.

— А остальные?

— Мисс Беллевер выходила. Но мне кажется, нет, я почти уверена, что это было *после* выстрела. Миссис Стрэт? Не знаю. Она сидела позади меня. Джина сидела у дальнего окна. Мне *кажется*, что она оставалась там все время, но не могу сказать наверняка. Стивен сидел за роялем. Он перестал играть, когда ссора разгорелась...

— Выстрел может ввести нас в заблуждение, — сказал инспектор Карри. — Эту штуку нередко проделывают. Стреляют нарочно, чтобы зафиксировать время, когда якобы совершено преступление. *Если бы* в этой истории была замешана мисс Беллевер (версия, конечно, надуманная, но чего только на свете не бывает), она поступила бы так, как поступила: вышла бы из Зала после

выстрела. Нет, этот выстрел для нас не ориентир. Нам важен отрезок времени от момента выхода из Зала Кристиана Гулбрандсена до того, как мисс Беллевер обнаружила, что он мертв. То есть исключить из списка подозреваемых мы можем только тех, кто наверняка не мог его убить. Это Льюис Серроколд и Эдгар Лоусон, которые все это время были в кабинете. И миссис Серроколд, которая неотлучно находилась в Зале. Конечно, досадно, что Гулбрандсен был убит как раз во время разборки между Серроколдом и Лоусоном.

— Всего лишь досадно? — тихо спросила мисс Марпл.

— А что, по-вашему?

— Мне пришло в голову, что ссора могла быть *специально спровоцирована.*

— Как же вы себе это представляете?

— Видите ли, все находят очень странным внезапный рецидив болезни у Эдгара Лоусона. У него комплекс, или уж не знаю как это там называется. Он все время придумывает себе отца. Им оказывается то Уинстон Черчилль, то виконт Монтгомери, словом, любой знаменитый человек, какой приходит ему в голову. А что, если кто-то решил внушить ему, что это Льюис Серроколд? Что именно Льюис Серроколд его

преследует. И что он, Эдгар Лоусон, по праву наследник Стоунигейтса. Расчет верный. При его теперешнем болезненном состоянии эта мысль превратится в навязчивую идею, он возбудится до исступления и устроит сцену. *Отличное прикрытие!* Всеобщее внимание будет прикован к создавшейся ситуации, особенно если этот «кто-то» предусмотрительно снабдит его револьвером.

— Да. А револьвер, между прочим, Волтера Хадда.

— Я об этом подумала, — сказала мисс Марпл. — Но... конечно, Волтер необщителен и угрюм, и все же он *явно не так уж глуп.*

— Значит, Волтера вы не подозреваете?

— Я думаю, что все вздохнули бы с облегчением, если бы *это оказался он.* Звучит ужасно, но что поделаешь — он здесь чужак.

— А его жена? — спросил инспектор Карри. — Она тоже вздохнула бы с облегчением?

Мисс Марпл не ответила. Она думала о Джине и о Стивене Рестарике, которых в день своего приезда видела вместе. Вспомнила она и глаза Алекса Рестарика, прикованные к Джине с первого же момента, как он появился вчера вечером в Зале. А сама Джина? К кому склоняется она?

II

Два часа спустя инспектор устало откинулся на спинку стула, потянулся и вздохнул.

— Ну что ж, — сказал он, — многое мы уже отсеяли.

Сержант Лейк согласился с ним:

— Слуг можно исключить, — сказал он. — Все они в это время были на месте. Те, кто здесь живет. А приходящие уже ушли домой.

Карри кивнул. Он был очень утомлен.

Он уже опросил физиотерапевтов, педагогов и тех, кого про себя называл «молодыми каторжниками» и кому в тот вечер выпала очередь обедать в семье Серроколда. Их показания полностью совпадали. Он мог сбросить их со счетов. В их среде действовали законы стада, что определяло все их поступки и привычки. Любителей пооригинальничать среди них не было, и это весьма облегчало установление алиби. Доктора Маверика, который, как показалось инспектору, был главным среди персонала Института, он оставил под конец.

— Но сейчас, Лейк, мы побеседуем и с ним.

И в комнату бодро вошел молодой врач — опрятный, подтянутый, с несколько жестким

взглядом сквозь стекла пенсне.

Он подтвердил показания своих сотрудников и согласился с выводами инспектора. В непроницаемых стенах нет ни малейшей щели. Смерть Кристиана Гулбрандсена не может быть приписана ни одному из «молодых пациентов», как едва не назвал их Карри — настолько загипнотизировала его медицинская атмосфера.

— Да, инспектор, все они здесь пациенты, — сказал доктор Маверик, слегка улыбаясь.

Эта снисходительная улыбка не могла не вызвать у инспектора некоторого раздражения.

Он спросил со всей профессиональной строгостью:

— А теперь, доктор Маверик, вы можете отчитаться в ваших собственных действиях в тот вечер?

— Разумеется. Вот, я все записал и примерно указал время.

Доктор Маверик, вместе с мистером Лейси и доктором Баумгартеном, покинул Зал в двадцать один пятнадцать. Он и его коллеги направились в комнату доктора Баумгартена, с тем чтобы обсудить там некоторые методы лечения, пока не пришла мисс Беллевер просить доктора Маверика скорее вернуться в Зал. Это было примерно

в половине десятого. Он поспешил туда и застал Эдгара Лоусона в совершенной депрессии.

Инспектор Карри слегка повел рукой.

— Одну минуту, доктор Маверик. Этот молодой человек действительно психически нездоров?

Доктор Маверик снова снисходительно улыбнулся.

— Мы все психически нездоровы, инспектор.

Дурацкий ответ, подумал инспектор. Доктор Маверик пусть о себе думает что угодно, но про себя-то инспектор знал, что *он* абсолютно психически здоров.

— Но его можно считать дееспособным? — спросил инспектор. — Он сознает, что делает?

— Отлично сознает.

— Значит, он хотел совершить преднамеренное убийство, когда стрелял в мистера Серроколда.

— О нет, инспектор! *Ничего подобного.*

— Послушайте, доктор Маверик! Я видел в стене два отверстия от пуль. Они прошли в опасной близости от головы мистера Серроколда.

— Возможно. Но у Лоусона не было намерения убить мистера Серроколда или хотя бы ранить его. Он очень любит мистера Серроколда.

— Весьма странный способ выражать любовь.

Доктор Маверик снова улыбнулся. Эту улыбку

инспектор Карри переносил уже с трудом.

— Все, что мы делаем, мы делаем намеренно. Ну например: вы не можете вспомнить чье-то имя или лицо. Почему? Да потому, что вы бессознательно *хотите* его забыть.

Взгляд инспектора выразил недоверие.

— Даже если мы просто оговариваемся, в этой оговорке таится глубокий смысл. Эдгар Лоусон стоял всего в нескольких футах от мистера Серроколда. Он легко мог убить его наповал. И, однако, промахнулся. Почему же он промахнулся? Да потому, что *хотел* промахнуться. Вот и все. Мистеру Серроколду не грозила ни малейшая опасность, и сам мистер Серроколд ясно это сознавал. Он понял жест Эдгара именно так, как его и надо было понимать. Как жест протеста и вызова миру, который отказал ему в главном, что нужно ребенку, — в любви и защищенности.

— Я хотел бы видеть этого молодого человека.

— Конечно, если желаете. Вчерашняя вспышка очистила его разум и успокоила душу. Сегодня ему гораздо лучше. Мистер Серроколд будет очень доволен.

Инспектор Карри внимательно посмотрел на доктора Маверика, однако тот был абсолютно серьезен.

Инспектор вздохнул.

— Есть ли у вас мышьяк? — спросил он.

— Мышьяк? — Вопрос был для доктора Маверика неожиданным. — Любопытно узнать, почему именно мышьяк?

— Прошу вас отвечать на вопрос.

— Нет, мышьяка ни в каком виде у меня нет.

— А лекарства есть?

— Конечно. Успокаивающие. Морфий, барбитураты. Обычный набор.

— Вы лечите миссис Серроколд?

— Нет. Их семейный врач — доктор Гантер из Маркет-Кимбла. У меня, разумеется, тоже есть диплом врача, но я практикую исключительно как психиатр.

— Так-так. Что ж, благодарю вас, доктор Маверик.

Когда доктор Маверик вышел, инспектор Карри сказал сержанту Лейку, что психиатры действуют ему на нервы.

— Перейдем к членам семейства, — сказал он. — И начнем с этого американца, Волтера Хадда.

Волтер Хадд вел себя осторожно. Он словно присматривался к полицейскому инспектору. Но отвечать не отказывался.

— Электропроводка в Стоунигейтсе в плохом состоянии. Вся система очень устарела. В Штатах такого не допустили бы.

— Кажется, электричество провели еще при покойном мистере Гулбрандсене-старшем, когда оно было в новинку, — сказал инспектор Карри, слегка улыбаясь.

— Вот именно! Добрая старая феодальная Англия. И с тех пор здесь ничего не меняли.

На этот раз выбило пробки и погасли почти все лампочки в Зале. Он, Волтер, пошел заменить пробки. Поменял и вернулся.

— Сколько времени вы отсутствовали?

— Точно сказать не могу. Пробки находятся в неудобном месте. Мне понадобились лесенка и свеча. В общем, это заняло минут десять-пятнадцать.

— Вы слышали выстрел?

— Нет, я ничего не слышал. На кухонную половину ведут двойные двери, а одна из них обита чем-то вроде войлока.

— Понимаю. А когда вы вернулись в Зал, что вы увидели?

— Все там столпились у двери, которая ведет в кабинет мистера Серроколда. Миссис Стрэт сказала, что мистер Серроколд убит, но оказа-

лось, что он цел и невредим. Этот болван Лоусон промахнулся.

— Вы узнали револьвер?

— Еще бы! Это был мой собственный револьвер.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Дня два или три назад.

— Где вы хранили его?

— В комоде, в моей комнате.

— Кому было известно, что вы храните его там?

— Не знаю, кому и что известно в этом доме.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что они здесь все с приветом.

— Когда вы вернулись в Зал, там были все?

— Кто — все?

— Все те, кто там был, когда вы пошли менять пробки?

— Джина была... и старая седая дама, и мисс Беллевер... Я не обратил особого внимания, но, кажется, так.

— Мистер Гулбрандсен приехал позавчера и приехал неожиданно?

— Да. Как я понял, это был непредвиденный визит.

— Его приезд кого-нибудь поразил или взвол-

новал?

Волтеру Хадду понадобились две-три секунды, прежде чем он ответил:

— Нет, такого я не заметил.

И опять в его поведении появилась настороженность.

— Известно ли вам что-нибудь о цели его приезда?

— Думаю, что он приехал по делам драгоценного Фонда. Вот уж бредовая затея!

— Такие затеи, как вы их называете, существуют и в Штатах.

— Да. Но одно дело — вклад в социальную программу, а другое — вся эта воспитательная возня. Мне психиатры еще в армии осточертели. Здесь же они так и кишат. Учат молодых громил плести корзиночки из рафии[35] и делать подставки для трубок. Нежности какие! Это же для малых ребят.

Инспектор Карри никак не прокомментировал этот критический отзыв. Не исключено, что в глубине души он был согласен. Внимательно глядя на Волтера, он спросил:

---

[35] notes: 35

Р а ф и я — пальмовое дерево с большими листьями, родиной которого является остров Мадагаскар. Из волокон, получаемых из листьев рафии, плетут корзины, шляпы и др.

— Как вы думаете, кто мог убить мистера Гулбрандсена?

— Думаю, что упражнялся один из одаренных воспитанников Школы.

— Нет, мистер Хадд, это исключено. Хотя в Школе всячески стараются создать атмосферу свободы, это как-никак место заключения. И порядки там соответствующие. Никто после наступления темноты не может выбраться оттуда.

— Я все же не исключал бы воспитанников Школы. А если вам угодно искать ближе к семейному кругу, думаю, что вернее всего ставить на Алекса Рестарика.

— Почему вы так думаете?

— У него была такая возможность. Он приехал один на машине и как раз в это время ехал через парк.

— А зачем ему убивать Кристиана Гулбрандсена?

Волтер пожал плечами:

— Я здесь человек пришлый. И не знаю всех их семейных дел... Может, старик что-то узнал про Алекса и мог рассказать Серроколдам.

— И что было бы?

— Возможно, они перестали бы давать ему деньги. А он их здорово умеет тратить, как я

слышал.

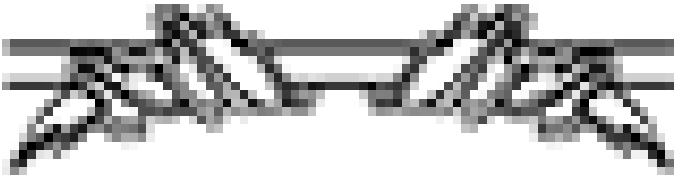
— На свои театральные антрепризы?

— Так он их называет.

— Вы полагаете — на что-то иное?

Волтер Хадд снова пожал плечами.

— Откуда мне знать? — сказал он.



ГЛАВА 13

I

Алекс Рестарик много говорил и много жестикулировал.

— Да знаю, знаю! Я идеально подхожу на роль подозреваемого. Приезжаю сюда один, а на пути к дому вдруг впадаю в творческий экстаз. Впрочем, вы едва ли это поймете.

— А вдруг все-таки пойму, — сухо возразил инспектор.

Но Алекс Рестарик продолжал, не останавливаясь:

— Ведь именно так и бывает. На тебя находит. Неизвестно когда и как. Какой-нибудь неожиданный эффект или ракурс — внезапное озарение — и забываешь про всех и вся. В следующем месяце я ставлю «Ночи в порту». И вдруг вчера вечером вижу нечто изумительное. *Идеальное освещение.* Туман — фары, разрезающие туман и отраженные им, тускло освещающие какие-то высокие здания. И все усиливало этот эффект! Выстрелы — звук бегущих шагов — пофыркивание электрического движка, но так могут пыхтеть и буксиры на Темзе. Я подумал: вот оно! Вот что мне надо! Но как воспроизвести это на сцене? И...

Инспектор Карри перебил его:

— Вы услышали выстрелы? Откуда?

— Из тумана, инспектор. — Алекс взмахнул холеными руками. — Из тумана. Это и было самым изумительным.

— И вам не пришло в голову, что случилась беда?

— Беда? С какой стати?

— Разве выстрелы такая уж обычная вещь?

— Ах, я же знал, что вы не поймете! Выстрелы вписывались в сцену, которую я создавал. Вы-

стрелы *были мне нужны.* Опасность — опиум — безумие... Не все ли мне равно, что это было в действительности? Может быть, выхлопы грузовика на дороге? Или браконьер стрелял кроликов?

— На кроликов здесь ставят капканы.

Алекс неудержимо несся дальше:

— А может, это ребенок забавлялся фейерверком. Я даже не подумал о них как *о реальных* выстрелах. Я мысленно был в портовом притоне, вернее, в задних рядах кресел, и смотрел на притон.

— Сколько было выстрелов?

— Не знаю, — нетерпеливо сказал Алекс. — Два или три. Два подряд, это я помню.

Инспектор Карри кивнул.

— Вы, кажется, сказали, что слышали топот бегущих ног? Откуда?

— Из тумана. Где-то возле дома.

Инспектор Карри сдержанно пояснил:

— Это может указывать на то, что убийца Кристиана Гулбрандсена появился *снаружи.*

— Разумеется. Не хотите же вы сказать, что его убил кто-нибудь из домашних?

Все еще осторожничая, инспектор Карри ответил общей фразой:

— Мы вынуждены учитывать все возможности.

— Видимо, да, — великодушно согласился Алекс Рестарик. — Как ваша работа должна иссушить душу, инспектор! Подробности, время, место — как же все это *мелко!* И ради чего? Разве это вернет к жизни несчастного Кристиана Гулбрандсена?

— А удовлетворение, мистер Рестарик, когда удается поймать преступника?

— О, это уже явно влияние Дикого Запада!

— Вы хорошо знали мистера Гулбрандсена?

— Не настолько, чтобы его убить, инспектор. Я иногда встречался с ним, потому что жил здесь в детстве. Он появлялся ненадолго. Это был один из наших промышленных боссов. Тип, который меня не интересует. Кажется, он собирал скульптуры Торвальдсена. — Алекс содрогнулся. — Это говорит само за себя, не правда ли? Боже! У богатых свои причуды!

Инспектор Карри задумчиво смотрел на него. Потом спросил:

— Вы интересуетесь ядами, мистер Рестарик?

— Ядами? Дорогой инспектор, неужели же он был сперва отравлен, а потом еще и застрелен? Это был бы самый безумный детектив!

— Он не был отравлен. Но вы не ответили на мой вопрос.

— Яды, конечно, обладают некоторой притягательностью... Это нечто более утонченное, чем револьверная пуля или какой-нибудь пошлый кинжал. Что же касается специальных познаний в этой области, то их у меня нет.

— Держали ли вы у себя когда-нибудь мышьяк?

— Чтобы подсыпать кому-то в сэндвичи после спектакля? Неплохая идея. Вы не знаете Розу Глайден? Эти актрисы воображают, будто они известны всем. Нет, о мышьяке я никогда не думал. Его, кажется, можно извлечь из гербицида или из липучки для мух.

— Как часто вы здесь бываете, мистер Рестарик?

— Раз на раз не приходится, инспектор. Иногда не бываю по многу недель. Но по мере возможности стараюсь приезжать на выходные. Я до сих пор считаю Стоунигейтс родительским домом.

— И миссис Серроколд поощряет это?

— Вы не представляете, сколькими я обязан миссис Серроколд, я перед ней в вечном долгу... Столько понимания, сочувствия и любви...

— А еще, кажется, немало наличных денег?

На лице Алекса выразилось легкое отвращение.

— Она считает меня своим сыном и верит в меня, в то, что я делаю.

— Она когда-нибудь говорила с вами о своем завещании?

— Да, конечно. Но могу я спросить вас о цели ваших вопросов, инспектор? С миссис Серроколд что-нибудь случилось?

— Надеюсь, что нет, — мрачно сказал инспектор Карри.

— Что могут означать ваши слова?

— Если вы их не понимаете, тем лучше, — ответил инспектор. — А если понимаете, пусть они будут для вас предостережением.

Когда Алекс ушел, сержант Лейк сказал:

— Строит из себя не поймешь кого.

Карри покачал головой:

— Трудно сказать. Может быть, он и в самом деле талантлив. А может, просто любит пошиковать да перед кем-нибудь покрасоваться. Неизвестно. Говорит, будто слышал чей-то топот. Готов спорить, что это он выдумал.

— С какой-то целью?

— Именно с особой целью. Нам пока неясно, с какой. Но мы докопаемся.

— Возможно, сэр, что один из их парнишек все-таки сумел тайком выбраться из здания Школы. Среди них могут быть и взломщики, а если так...

— Именно это нам и хотят внушить. Очень удобная для всех версия. Голову даю на отсечение, что на самом деле все совсем не так.

II

— Я сидел за роялем, — сказал Стивен Рестарик, — и тихонько бренчал, когда началась ссора между Льюисом и Эдгаром.

— Что вы в этот момент подумали?

— По правде сказать, не принял всерьез. У бедного малого бывают подобные приступы злобы. Он, конечно, не то чтобы псих. Он, так сказать, выпускает пар. Ведь все мы подтруниваем над ним, особенно, конечно, Джина.

— Джина? То есть миссис Хадд? Почему же особенно она?

— Потому что она женщина. И красивая женщина. И потому, что она находит его смешным. Она наполовину итальянка, а у итальянцев есть некая врожденная жестокость. У них нет сочувствия к старым, уродливым и прочим убогим. Они тычут в них пальцами и насмешничают. Именно это проделывает Джина. Не впрямую, ко-

нечно. Она его не считает за человека. Нелепый, надутый, а в глубине души неуверенный в себе. Он хочет произвести впечатление, а выглядит просто глупо. Но ей нет дела до того, что бедняга очень страдает.

— Вы хотите сказать, что Эдгар Лоусон влюблен в миссис Хадд? — спросил инспектор Карри.

— Да. Мы все более или менее в нее влюблены, — весело ответил Стивен. — Ей это нравится.

— А ее мужу это тоже нравится?

— Нет, ему это совсем не нравится. И он очень страдает, бедняга. Но долго так продолжаться не может. Я имею в виду их брак. Он скоро распадется. Это был обычный роман военного времени.

— Очень интересно, — сказал инспектор. — Но мы ушли от темы нашего разговора. От убийства Кристиана Гулбрандсена.

— Да, конечно. Только об этом мне совершенно нечего вам сказать. Я сидел за роялем и встал, только когда наша милая Джолли принесла связку ржавых ключей. И попробовала подобрать ключ к двери кабинета.

— Итак, вы сидели за роялем и продолжали играть?

— Аккомпанируя битве не на жизнь, а на смерть, которая шла в кабинете Льюиса? Нет, я

перестал играть, когда темп борьбы в кабинете стал слишком бурным. Не то чтобы я сомневался в исходе боя. Льюис обладает тем, что я назвал бы испепеляющим взглядом. Он легко мог остановить Эдгара, просто взглянув на него.

— Однако Эдгар Лоусон дважды в него выстрелил.

Стивен покачал головой:

— Это был спектакль. Эдгар получал от него удовольствие. Моя милая мамочка тоже обожала устраивать подобные спектакли. Она не то умерла, не то с кем-то сбежала, когда мне было всего четыре года, но тем не менее я помню, что она хваталась за револьвер, если ее что-нибудь расстраивало. Однажды она это проделала в ночном клубе. Изрешетила стену. Стреляла она отлично. В общем, наделала немало хлопот. Она была русской балериной.

— Вот как? Можете ли вы сказать, мистер Рестарик, кто вчера вечером выходил из Зала — в интересующий нас промежуток времени?

— Волли выходил чинить электричество. Джульетта Беллевер — чтобы подобрать ключ к двери кабинета. Больше вроде никто.

— А вы заметили бы, если бы вышел еще кто-то?

Стивен задумался.

— Едва ли. Особенно если на цыпочках, тихонько. В Зале ведь было очень темно. И шла битва, к которой мы все напряженно прислушивались.

— О ком вы можете точно сказать, *что он никуда не выходил?*

— Миссис Серроколд — да, и Джина. За них я готов поручиться.

— Благодарю вас, мистер Рестарик.

Стивен направился к двери. Но, поколебавшись, вернулся.

— Скажите, что значат эти разговоры о мышьяке?

— А кто вам сказал про мышьяк?

— Мой брат.

— А, да.

— Кто-нибудь давал миссис Серроколд мышьяк? — спросил Стивен.

— Почему вы назвали именно миссис Серроколд?

— Я читал о симптомах отравления мышьяком. Периферический неврит, так это, кажется, называется. Очень похоже на то, чем она в последнее время страдает. А вчера Льюис отобрал у нее лекарство. Значит, *вот что тут происходит?*

— Дело расследуется, — сказал инспектор Кар-

ри самым официальным тоном.

— А сама она знает об этом?

— Мистер Серроколд всячески заботится о том, чтобы не встревожить ее.

— Слово «встревожить» здесь не подходит. Миссис Серроколд ничем нельзя встревожить... Так вот что стоит за убийством Кристиана Гулбрандсена? Он обнаружил, что ее отравляют? Но как он мог это обнаружить? И с какой стати стали бы ее травить? Какая-то бессмыслица.

— Вас это очень удивляет, не правда ли, мистер Рестарик?

— Вот именно. Когда Алекс рассказал мне, я не поверил своим ушам.

— Кто, по-вашему, может давать мышьяк миссис Серроколд?

На красивом лице Стивена Рестарика мелькнула улыбка.

— Не тот, кого обычно подозревают. Мужа можете исключить. Льюис ничего не выигрывает. К тому же он ее обожает. Он сам не свой, когда у нее даже просто заболит мизинчик.

— Тогда кто же? Есть ли у вас какие-нибудь подозрения?

— О да! Я бы даже сказал — уверенность.

— Объяснитесь, пожалуйста.

Стивен покачал головой:

— Просто у меня, так сказать, внутренняя уверенность. И только. Доказательств нет. И вы вряд ли согласитесь со мной.

Стивен Рестарик вышел небрежной походкой, а инспектор Карри стал рисовать кошек на листе бумаги, лежавшем перед ним.

Он думал о трех вещах. Первое. Что Стивен Рестарик очень высокого о себе мнения. Второе. Что Стивен Рестарик и его брат представляют собой единый фронт. И третье. Что Стивен Рестарик красив, а Волтер Хадд нет.

И еще о двух вещах задумался инспектор: что понимает Стивен под «внутренней уверенностью» и мог ли Стивен со своего места за роялем видеть Джину. По всему выходило, что не мог.

III

В готический полумрак библиотеки Джина внесла экзотическую яркость. Даже инспектор Карри был на миг ослеплен молодой красавицей, которая облокотилась на стол и выжидательно произнесла:

— Ну что?

Взглянув на ее ярко-красную блузку и темно-зеленые брюки, инспектор Карри сухо заметил:

— Я вижу, что вы не надели траур, миссис Хадд.

— У меня его нет, — ответила Джина. — Я знаю, что на такой случай всем полагается иметь маленькое черное платье и надевать к нему жемчуг. Но я ненавижу черное. По-моему, оно уродливо, и носить его должны только секретарши, домоправительницы, ну и прочие деловые женщины. К тому же Кристиан Гулбрандсен не был мне родственником. Это пасынок моей бабушки.

— И вы, вероятно, почти его не знали?

— Он приезжал три или четыре раза, когда я была ребенком. Во время войны я уехала в Америку, а сюда вернулась всего полгода назад.

— Вы вернулись на постоянное жительство? Не просто погостить?

— Я еще не решила, — сказала Джина.

— Вы были вчера вечером в Зале, когда мистер Гулбрандсен ушел в свою комнату?

— Да. Он пожелал всем спокойной ночи и ушел. Бабушка спросила, есть ли у него все ему необходимое, и он сказал, что все есть и что Джолли отлично его устроила. Я в точности его слов не помню, но смысл был именно такой. Еще он сказал, что ему надо писать письма.

— А что было после этого?

Джина описала сцену между Льюисом и Эдгаром Лоусоном. Инспектор Карри слышал это уже много раз, но в устах Джины оно приобрело большую красочность. Оно стало драмой.

— Револьвер он взял у Волли. Подумать только! Забрался в его комнату и стащил. Не ожидала я от Эдгара такой прыти.

— Вы встревожились, когда они пошли в кабинет и Эдгар Лоусон запер дверь?

— О нет! — сказала Джина, широко раскрыв свои огромные карие глаза. — Мне это понравилось. Настоящий театр! Все, что делает Эдгар, всегда нелепо. Его нельзя ни на минуту принимать всерьез.

— Однако он стрелял.

— Да. Мы сперва подумали, что он застрелил Льюиса.

— И это вам тоже понравилось? — не удержался инспектор.

— О нет! Я пришла в ужас. И все пришли в ужас, кроме бабушки. Она и бровью не повела.

— Это весьма странно.

— Нет. Такая уж она у нас. Не от мира сего. Не верит, что может случиться *что-то плохое*. Она просто прелесть.

— Кто находился в Зале во время этой сцены?

– *Все.* Конечно, кроме дяди Кристиана.

— Положим, не все, миссис Хадд. Кто-то входил и выходил.

— Разве? — неуверенно спросила Джина.

— Ваш муж, например, выходил что-то там починить...

— Ах да. Волли может починить что угодно.

— Во время его отсутствия раздался выстрел. Но все вы подумали, что стреляют в парке.

— Не помню... Нет, вспомнила. Стреляли сразу после того, как свет опять зажегся, а Волли вернулся.

— Кто-нибудь еще выходил из Зала?

— Кажется, нет. Впрочем, не помню.

— Где именно вы сидели, миссис Хадд?

— У дальнего окна.

— Рядом с дверью в библиотеку?

— Да.

— А сами вы никуда не выходили?

— Уходить, когда все было так интересно? Конечно, нет. — Такое предположение прямо-таки поразило Джину.

— Где находились остальные?

— Большинство сидело вокруг камина. Тетя Милдред вязала. Тетя Джейн, то есть мисс Марпл, тоже. Бабушка сидела просто так.

— А мистер Стивен Рестарик?

— Стивен? Он сперва играл на рояле. Куда он пошел потом, я не знаю.

— А мисс Беллевер?

— Суетилась как всегда. Она почти никогда не сидит на месте. Кажется, она искала ключи.

Джина вдруг спросила:

— Что там такое с бабушкиным лекарством? Аптекарь ошибся или что?

— Почему вы так думаете?

— Потому что исчезла бутылка. Джолли всюду ее искала и ужасно волновалась. Алекс говорит, что бутылочку взяла полиция. Вы ее действительно взяли?

Вместо ответа на ее вопрос инспектор Карри сам спросил:

— Вы говорите, что мисс Беллевер была этим обеспокоена?

— О, Джолли вечно суетится, — небрежно сказала Джина. — Ей нравится суетиться. Я иногда удивляюсь, как бабушка ее переносит.

— И последний вопрос, миссис Хадд. У вас нет догадок относительно того, кто убил Кристиана Гулбрандсена и почему?

— По-моему, это сделал кто-нибудь из психов. Громилы — те более разумны. То есть они могут

укокошить, чтобы ограбить кассу, взять деньги или драгоценности, а не просто так, для забавы. Вот какой-нибудь псих, из этих, как они здесь называются — с психическими отклонениями, мог убить просто так. Чего ради им было убивать дядю Кристиана? Конечно, для забавы. То есть не то чтобы для забавы, но...

— Как я понял, вам неясен мотив?

— Да, вот именно, — сказала Джина. — Ведь его не ограбили?

— Но, видите ли, миссис Хадд, здания Школы тщательно запираются. Никто не может выйти оттуда без пропуска.

— Неужели вы этому верите! — весело засмеялась Джина. — Эти мальчишки откуда угодно сумеют выбраться. Они мне столько фокусов показывали!

— Веселая дамочка, — заметил Лейк после ухода Джины. — Я в первый раз разглядел ее вблизи. Фигура уж очень хороша. У нас тут таких не водится.

Инспектор Карри бросил на него холодный взгляд. Сержант Лейк смутился, но повторил, что дама веселая:

— Ее все это вроде забавляет.

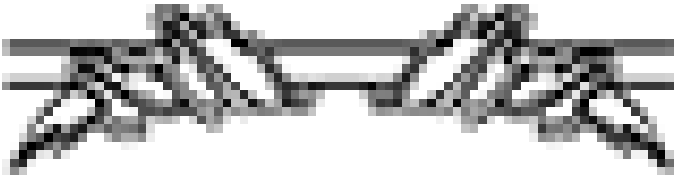
— Не знаю, прав или нет Стивен Рестарик,

пророча, что ее брак недолговечен, но она постаралась подчеркнуть, что Волтер Хадд вернулся в Зал еще до выстрела.

— Это ведь показали и остальные.

— Да. А вот чего она не сказала, так это про мисс Беллевер. Что та ходила за ключами.

— Верно, — задумчиво произнес инспектор. — Не сказала.



ГЛАВА 14

I

Миссис Стрэт куда больше, чем Джина, вписывалась в интерьер библиотеки. В миссис Стрэт не было ничего яркого и экзотического. Она была в черном, с бусами на шее и сеточкой на тщательно уложенных седых волосах.

Как ни странно, она выглядела именно так, как следовало выглядеть вдове каноника господствующей англиканской церкви. Уж инспектор-то

знал, что внешний облик почти никогда не отражает внутренней сути человека.

Даже в линиях ее сжатых губ было нечто пасторское. Они выражали Христианскую Стойкость, Христианскую Неколебимость, но отнюдь не Христианское Милосердие, решил инспектор.

К тому же миссис Стрэт была явно обижена.

— Я полагала, инспектор, что вы *дадите мне знать*, когда я вам потребуюсь, хотя бы примерно. Мне пришлось все утро просидеть в ожидании.

Инспектор понял, что она восприняла это как попрание ее авторитета и прав в этом доме. Он поспешил умиротворить ее:

— Очень сожалею, миссис Стрэт. Быть может, вам не совсем знакома наша процедура. Видите ли, мы обычно начинаем опрос с менее важных свидетелей, чтобы поскорее покончить с ними. А к концу мы приберегаем тех, на чьи суждения можем положиться. На тех, кто наиболее наблюдателен. По ним мы проверяем все, что нам сообщают до этого.

Миссис Стрэт заметно смягчилась.

— Понимаю. Я не вполне себе представляла...

— Вы — женщина зрелых суждений, миссис Стрэт. И женщина, которая разбирается в людях. К тому же это ваш родной дом, и вы лучше всех

можете рассказать нам о его обитателях.

— Конечно, могу, — сказала Милдред Стрэт.

— В поисках убийцы Кристиана Гулбрандсена вы можете очень нам помочь.

— Но разве надо искать? Разве не ясно, кто убил моего брата?

Инспектор Карри откинулся на стуле. И провел рукой по своим небольшим, аккуратно подстриженным усам.

— Однако... нужна осмотрительность, — сказал он. — А вы считаете, что дело ясное?

— Конечно. Убил этот ужасный американский муж бедной Джины. Он здесь единственный чужак. Мы абсолютно ничего о нем не знаем. Возможно, что он один из этих ужасных американских гангстеров.

— И все же разве это вполне доказывает, что он убил Кристиана Гулбрандсена? Зачем бы он стал его убивать?

— Вероятно, Кристиан что-нибудь о нем узнал. Из-за этого он и приехал так скоро после своего последнего визита.

— Вы в этом уверены, миссис Стрэт?

— Да, для меня это совершенно очевидно. Он дал всем понять, будто приехал по делам Фонда, но это чепуха. По этим делам он приезжал

всего месяц назад. С тех пор ничего важного не произошло. Значит, на этот раз его вынудили приехать какие-то обстоятельства, касающиеся семьи. В прошлый свой приезд он увидел Волтера, возможно, узнал его. Или навел о нем справки в Штатах — у него есть агенты во всем мире — и узнал что-нибудь порочащее. Джина очень глупа. Всегда была глупа. Это в ее духе — выйти за человека, о котором она ничего не знает. Она всегда была помешана на мужчинах. Может быть, его разыскивает полиция, потому что он уже женат или известен в преступном мире. Но моего брата Кристиана нелегко было провести. Вот он и приехал сюда, чтобы покончить с этим недоразумением. Разоблачить Волтера, показать, кто он таков. Поэтому Волтер и убил его.

Инспектор Карри, дорисовывая огромные усы кошкам, которыми был изрисован его блокнот, сказал:

— М-да.

— Вы согласны со мной, что это *именно так?*

— Могло быть так, — уточнил инспектор.

— Но разве это не очевидно? Врагов у Кристиана не было. Не понимаю, как это вы до сих пор не арестовали Волтера!

— Видите ли, миссис Стрэт, нам все-таки нужны

доказательства.

— Ну, это не проблема. Телеграфируйте в Америку...

— Мы, разумеется, наведем справки о мистере Волтере Хадде. Я вам обещаю. Но, пока мы не докажем, что у него имелся мотив, ничего предпринять нельзя. И еще надо установить, была ли у него возможность...

— Он вышел сразу вслед за Кристианом, якобы из-за короткого замыкания.

— Замыкание действительно было.

— Это он легко сам мог устроить.

— Верно.

— Вот вам и предлог. Он пошел за Кристианом в его комнату, застрелил его, потом починил электричество и вернулся в Зал.

— Его жена говорит, что он вернулся до того, как вы услышали выстрел.

— Ничего подобного! Она может сказать все, что угодно. Итальянцы вообще лживы. К тому же она наверняка католичка.

Проблему вероисповедания инспектор обошел молчанием.

— Вы полагаете, что жена была его сообщницей?

Милдред Стрэт немного заколебалась.

— Нет... этого я не думаю. — Казалось, ей было досадно, что она этого не думает. — Отчасти это и был его мотив: чтобы Джина не узнала о нем правду. Ведь Джина для него источник благополучия.

— И очень красивая женщина.

— Да. Я всегда говорила, что Джина хороша собой. Впрочем, в Италии это очень распространенный тип. Но я считаю, что для Волтера главное — *деньги.* Поэтому он и приехал сюда. И живет за счет Серроколдов.

— Как я понял, миссис Хадд богата.

— Сейчас нет. Мой отец завещал одинаковые суммы мне и матери Джины. Но той пришлось принять гражданство своего мужа-итальянца (сейчас закон, кажется, изменен). А из-за войны, из-за того, что итальянец, отец Джины, был фашистом, у Джины почти не осталось денег. Моя мать ее балует, ее американская тетка миссис Ван-Райдок во время войны тратила на нее огромные суммы. Покупала все, что она хотела. Но Волтер, наверное, считает, что больше всего ему достанется по смерти моей матери, когда Джина унаследует очень большое состояние.

— И вы также, миссис Стрэт.

Милдред Стрэт слегка покраснела.

— Да, и я также. Мы с мужем всегда жили скромно. Он очень мало тратил, разве только на книги — он был ученый. Так что мой капитал почти удвоился. Этого более чем достаточно для моих скромных потребностей. Конечно, с помощью денег можно делать много добра. Все деньги, которые я унаследую, я буду считать вверенными мне для этой святой цели.

— То бишь для поддержки Фонда? — с невинным видом спросил Карри. — Или вы распорядитесь ими по собственному усмотрению?

— Именно так, инспектор.

Тон, каким были сказаны последние слова, заставил инспектора Карри быстро поднять голову. Миссис Стрэт не смотрела на него. Глаза у нее блестели, на тонких губах появилась торжествующая улыбка.

— Итак, по вашему мнению, — а вы, конечно, имели достаточно возможностей об этом судить, — мистеру Хадду хочется получить деньги, которые его жена унаследует по смерти миссис Серроколд, — раздумчиво сказал инспектор. — Кстати, она, кажется, не слишком крепкого здоровья?

— Моя мать всегда была хрупкой.

— Однако люди такого склада часто живут

столько же, сколько здоровяки, а то и дольше.

— Да, так действительно бывает.

— Не заметили ли вы, что в последнее время здоровье вашей матери ухудшилось?

— У нее ревматизм. Но ведь в старости болезни появляются непременно. Я не сочувствую людям, которые ахают и охают над неизбежными болезнями и недугами.

— А миссис Серроколд ахает и охает?

Милдред Стрэт немного помолчала, затем сказала:

— Сама она не охает, но привыкла, чтобы над ней охали. Мой отчим чрезмерно заботлив. А мисс Беллевер доводит свою заботу просто до абсурда. Вообще, присутствие мисс Беллевер в доме крайне неприятно. Она здесь появилась много лет назад. Ее преданность моей матери сама по себе, конечно, трогательна, но это и стало настоящим бедствием. Она буквально тиранит мою мать своей опекой. Привыкла тут всем распоряжаться и вообще слишком много себе позволяет. Мне кажется, что Льюиса это иногда раздражает. Я не удивилась бы, если бы он дал ей расчет. У нее совершенно нет такта. А кому понравится, что его жена в полном подчинении у какой-то выскочки?

На все это инспектор Карри кивал головой.

— Так... так... понимаю. — И при этом задумчиво смотрел на свою собеседницу. — Одно мне не совсем ясно, миссис Стрэт. На каком положении в доме братья Рестарик?

— Опять-таки глупая сентиментальность. Их отец женился на моей бедной матери ради ее денег. Через два года он ушел от нее к одной бездарной певичке. Это был бесчестный и отвратный тип. Моя мать, по своему мягкосердечию, пожалела двух его мальчиков. Нельзя было допустить, чтобы они приезжали на каникулы к этой сомнительной особе, кстати, она еще и югославка. И моя мать как бы усыновила их. С тех пор они и живут здесь нахлебниками. Да, в этом доме прихлебателей хватает, что и говорить.

— У Алекса Рестарика была возможность убить Кристиана Гулбрандсена. Он приехал на машине и ехал через парк. А Стивен?

— Стивен был в это время с нами в Зале. Алекса я не одобряю. Он очень огрубел и наверняка ведет распутную жизнь. Но в роли убийцы я его себе не представляю. Да и зачем ему убивать моего брата?

— Мы возвращаемся к тому же, не правда ли? — сказал инспектор Карри. — А именно: что такого

знал Кристиан Гулбрандсен, чтобы «кому-то» понадобилось его убить?

— Вот именно! — с торжеством сказала миссис Стрэт. — И это, безусловно, *касалось* Волтера Хадда.

— А может быть, кого-нибудь более близкого?

— Что значат ваши слова? — резко спросила Милдред.

Инспектор Карри с расстановкой произнес:

— Мистер Гулбрандсен на этот раз проявил беспокойство о здоровье миссис Серроколд.

Миссис Стрэт нахмурилась:

— Мужчины постоянно тревожатся о моей матери, потому что у нее такой хрупкий вид. Должно быть, ей это нравится. А может, Кристиан чего-нибудь наслушался от Джульетты Беллевер.

— А сами вы разве не тревожитесь о здоровье вашей матери, миссис Стрэт?

— Я смотрю на вещи разумно. Моя мать немолода...

— И смерть неизбежна для каждого из нас, — сказал инспектор Карри. — Но нельзя допустить, чтобы она пришла раньше назначенного часа... Вот это мы и должны предотвратить, — выразительно добавил он.

А Милдред Стрэт внезапно разволновалась:

— Это ужасно! Ужасно! Никому нет дела! Конечно нет! Я здесь единственная кровная родственница Кристиана. Для моей матери он был только пасынком, которого она увидела уже взрослым. Джине он вообще никто. А мне он был братом.

— По отцу, — напомнил инспектор.

— Да, по отцу. Мы оба Гулбрандсены, несмотря на разницу в возрасте.

— Да-да, я вас понимаю, — сочувственно сказал Карри.

Со слезами на глазах Милдред Стрэт вышла из комнаты. Карри взглянул на сержанта Лейка.

— Итак, она твердо уверена, что убийца Волтер Хадд, — сказал он. — Не допускает даже мысли, что это мог быть кто-то другой.

— И возможно, что она права.

— Возможно. Уж очень все сходится на Волли. И удобный случай у него был, и мотив налицо. Если ему срочно нужны деньги, значит, нужна смерть бабушки его жены. Вот он и подбавляет кое-что в ее лекарство, а Кристиан Гулбрандсен замечает это или как-нибудь иначе узнает. Да, все сходится.

Помолчав, инспектор продолжал:

— А Милдред Стрэт любит деньги... Мало их тратит, но любит. Не знаю, зачем они ей нужны.

Может быть, любит их копить. Скупость — это сильная страсть. Или любит могущество, которое дают деньги. Или жаждет заняться благотворительностью. Она ведь из Гулбрандсенов. Не исключено, что мечтает превзойти в этом своего отца.

— Запутанное дело, — сказал сержант Лейк и почесал в затылке.

— Теперь нам надо поговорить с этим сумасбродом — с Эдгаром Лоусоном, — сказал инспектор. — А потом мы пройдем в Зал и разберемся, кто где сидел, и почему, и когда... Мы сегодня услышали кое-что интересное.

II

Как трудно, подумал инспектор Карри, составить себе правильное представление о человеке со слов других людей.

Эдгар Лоусон был ему в то утро описан многими и совершенно непохожими друг на друга людьми, но собственное впечатление инспектора, когда он его увидел, до смешного не совпадало со всеми описаниями. Эдгар не показался ему ни «чокнутым», ни «опасным преступником», ни «наглецом», ни «совершенно ненормальным». Это был весьма обыкновенный молодой чело-

век, очень подавленный и в своем смирении даже напоминавший Урию Хипа[36]. Он выглядел очень молодо, был немного вульгарен и довольно жалок.

На вопросы он отвечал с готовностью и все время каялся.

— Я знаю, что вел себя ужасно. Не понимаю, что на меня нашло. Устроить такую сцену, такой скандал... Даже стрелять... И в кого? В мистера Серроколда, который так ко мне добр и так терпелив! — Он нервно стискивал руки. Такие худые и по-мальчишечьи костлявые. — Если меня за это привлекут к ответственности, я готов. Я признаю себя виновным.

— Обвинение вам не предъявлено, — строго сказал инспектор. — Ваша вина не доказана. Мистер Серроколд заявил, что револьвер выстрелил случайно.

— Это потому, что он такой добрый. Нет никого на свете добрее его. Он все для меня сделал. И вот как я ему отплатил!

— Что же вас побудило так поступить?

---

[36] notes: 36

У р и я...Х и п — персонаж романа «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» (1849–1850) английского писателя Чарлза Диккенса (1812–1870). Негодяй, прикрывающийся маской смирения и покорности.

Эдгар был, видимо, смущен:

— Я вел себя как последний дурак.

— Совершенно с вами согласен, — сухо сказал инспектор. — Вы сказали мистеру Серроколду, при свидетелях, будто обнаружили, что он ваш отец. Это правда?

— Нет.

— Откуда же вы это взяли? Вам кто-то сказал?

— Это трудно объяснить.

Инспектор Карри задумчиво посмотрел на него, потом более мягко добавил:

— А вы все-таки попытайтесь. Мы вам зла не желаем.

— Видите ли, в детстве мне очень тяжело жилось. Другие мальчишки меня высмеивали. Потому что у меня не было отца. Дразнили ублюдком, да ведь так оно и было. Мать была почти всегда пьяна. К ней ходили мужчины. Моим отцом был, кажется, какой-то там моряк. В доме всегда было грязно, гадко, сущий ад. И как-то я подумал: вот если бы моим отцом был не какой-то матрос, а человек известный. Ну я и начал фантазировать. Детские мечты — будто меня подменили при рождении, а я богатый наследник — и тому подобное. Потом я поступил в другую школу и там стал всем намекать, что отец

у меня адмирал. А потом и сам в это поверил, и мне стало как-то даже легче.

Немного передохнув, он продолжал:

— Позже я придумал другое. Останавливался в гостиницах и плел разные небылицы. Будто я — боевой летчик или сотрудник Интеллидженс сервис[37]. В общем, вконец запутался. И не мог уже остановиться. Но врал я не потому, что хотел выудить у людей деньги. Я хотел, чтобы они лучше обо мне думали. Я не мошенник. Мистер Серроколд вам это подтвердит. И доктор Маверик. Они все обо мне знают.

Инспектор Карри кивнул. Он уже ознакомился с историей болезни Эдгара и с полицейскими протоколами.

— Мистер Серроколд вызволил меня и привез сюда. Он сказал, что ему нужен секретарь, помощник в работе. И я ему помогал. Правда помогал! Вот только другие надо мной смеялись. Они все время надо мной смеются.

— Кто эти другие? Миссис Серроколд?

— Нет, не она. Она настоящая леди, всегда добрая и приветливая. А вот Джина меня ни во что не ставит. И Стивен Рестарик. И миссис Стрэт смот-

---

[37] notes: 37

И н т е л л и д ж е н с...с е р в и с — секретная служба британской разведки.

рит свысока — потому что я не джентльмен. Мисс Беллевер тоже. А сама-то она кто? Компаньонка.

Инспектор заметил его нарастающее возбуждение.

— Значит, все эти люди плохо к вам относятся?

— Все потому, что я незаконнорожденный, — сказал Эдгар с горечью. — Будь у меня отец, они бы не посмели.

— Итак, вы присвоили себе пару знаменитых отцов.

Эдгар покраснел.

— Никак не могу перестать врать.

— А потом вы сказали, что ваш отец — мистер Серроколд. Почему?

— Потому что это заткнуло бы им рты раз и навсегда. Будь он моим отцом, они сразу бы от меня отстали.

— Да. Но вы заявили еще, что он вам враг. Что он вас преследует.

— Знаю. — Он потер себе лоб. — Тут я что-то спутал. Бывает, что я... хорошенько не понимаю... И все путаю.

— А револьвер вы взяли из комнаты мистера Волтера Хадда?

— Разве? Разве оттуда? — удивленно переспросил Эдгар.

— Вы, значит, не помните, как он у вас оказался?

— Я хотел пригрозить мистеру Серроколду револьвером, — сказал Эдгар. — Хотел его припугнуть. Я понимаю, что это уж совсем по-детски...

Инспектор Карри терпеливо спросил:

— Так где же вы взяли револьвер?

— Вы ведь сказали — в комнате Волтера.

— Вы теперь точно это вспомнили?

— Наверное, в его комнате. Откуда еще я мог его взять?

— Не знаю, — сказал инспектор Карри. — Кто-нибудь мог дать его вам.

Эдгар молчал, тупо глядя перед собой.

— Может, именно так и было?

— Не помню! Я был очень возбужден, — с отчаянием сказал Эдгар. — Перед этим я ходил по саду, и в глазах стоял красный туман. Я думал, что за мной шпионят, что хотят меня затравить. Даже та милая седая дама... Сейчас мне все понятно. Это был приступ безумия. Я почти не сознавал, где я и что делаю.

— Но вы, конечно, помните, кто сказал вам, что мистер Серроколд — ваш отец?

Эдгар опять смотрел ничего не выражающим взглядом.

— Никто не говорил, — ответил он угрюмо. — Мне это просто пришло в голову.

Инспектор Карри вздохнул. Он не был удовлетворен, но понимал, что сейчас ему больше ничего не добиться.

— Ну, смотрите, чтобы впредь такого не было, — сказал он.

— Да, сэр. Больше никогда.

Когда Эдгар вышел, Карри медленно покачал головой.

— Уж эти мне «особые» случаи! Сам черт ногу сломит.

— Вы считаете, сэр, что он помешан?

— Гораздо в меньшей степени, чем я ожидал. Глуповат, хвастлив, лжив... А вместе с тем эдакое трогательное простодушие. И, видимо, он очень внушаем.

— Вы думаете, кто-то внушил ему все это?

— Да. Тут старая мисс Марпл права. Старушка очень проницательна. Хотел бы я знать, кто именно. Но он не говорит. Если бы нам это узнать... А теперь, Лейк, давайте попробуем воспроизвести ту сцену в Зале.

III

— Теперь все вроде точно.

Инспектор Карри сидел за роялем. Сержант Лейк — на стуле у окна, выходившего на озеро.

— Если я вместе с табуретом развернусь к двери кабинета, — продолжал Карри, — вас я никак не смогу увидеть.

Сержант Лейк тихо встал и вышел в дверь, которая вела в библиотеку.

— В этой части Зала было темно. Горели только лампы у двери кабинета. Нет, Лейк, я не видел, как вы вышли. А войдя в библиотеку, вы могли через другую дверь выйти оттуда в коридор, за пару минут добежать до Дубовой гостиной, застрелить Гулбрандсена и снова через библиотеку вернуться к вашему месту у окна.

Женщины сидели к вам спиной. Миссис Серроколд — вот *здесь*, справа от камина, возле двери в кабинет. Все дружно показывают, что она вообще не вставала с места. И только одну ее можно было увидеть практически всем. Мисс Марпл сидела вот тут. Она смотрела через голову миссис Серроколд на дверь кабинета. Миссис Стрэт сидела вон там — слева от камина, близко к двери, которая ведет из Зала в коридор. Это очень темный

угол. Она тоже *могла* выйти и вернуться. Да, это вполне возможно.

Карри вдруг усмехнулся.

— А ведь и я мог бы. — Он встал с вертящегося табурета, прошел вдоль стенки к двери и вышел. — Только один человек мог заметить, что меня нет за роялем, — Джина Хадд. И помните, что сказала Джина: «Стивен вначале сидел за роялем. *Не знаю, где он был потом».*

— Так вы думаете, что это Стивен?

— Я не знаю кто, — сказал Карри. — Знаю только, что не Эдгар Лоусон, не Льюис Серроколд, не миссис Серроколд и не мисс Джейн Марпл. Что же касается остальных... — Он вздохнул. — Пожалуй, все же американец. Короткое замыкание — уж слишком удобное стечение обстоятельств. А вместе с тем парень мне нравится. Нет, замыкание все-таки не улика.

Он стал рассматривать лежавшие на рояле ноты.

— Хиндемит? Это кто ж такой? Не слыхал. Шостакович? Ну и фамилии! — Он встал и осмотрел старомодный вертящийся табурет и приподнял его сиденье.

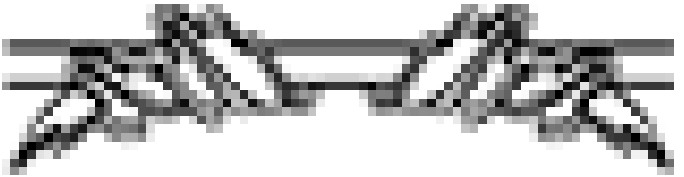
— А вот и старые ноты. Largo Генделя. Этюды Черни. Эти еще со времен старого Гулбрандсена.

Песенка «Какой прелестный сад». Помню, когда я был мальчиком, ее любила петь жена нашего викария...

Тут он замер, держа в руке пожелтевшие ноты. Под ними, на прелюдиях Шопена, лежал маленький автоматический пистолет.

— Значит, Стивен Рестарик! — радостно воскликнул сержант Лейк.

— Не спешите с заключениями, — предостерег его инспектор Карри. — Десять шансов против одного, что кто-то очень хочет, чтобы мы так подумали.



ГЛАВА 15

I

Мисс Марпл поднялась по лестнице и постучала в дверь спальни миссис Серроколд.

— Можно к тебе, Керри-Луиза?

— Конечно, милая Джейн.

Керри-Луиза сидела за туалетным столиком, расчесывая свои серебристые волосы. Она обернулась.

— Что, прибыла полиция? Через несколько

минут я буду готова.

— Как ты себя чувствуешь?

— Я здорова. Это Джолли настояла, чтобы я позавтракала в постели. А Джина принесла завтрак. Тихо-тихо, на цыпочках, как будто я при смерти! Люди, видимо, не понимают, что такие трагедии, как смерть Кристиана, гораздо меньше потрясают нас в старости. Ведь к тому времени мы уже готовы ко всему и все земное для нас не так уж много значит.

— Ну да, ну да, — не очень уверенно согласилась мисс Марпл.

— Разве ты этого не ощущаешь, Джейн? А я полагала, что тут мы мыслим одинаково.

Мисс Марпл медленно произнесла:

— Кристиан был убит...

— Да, я понимаю, что ты хочешь сказать. Ты считаешь, что это все-таки имеет значение?

— А ты?

— Для Кристиана не имеет, — просто сказала Керри-Луиза. — Но, конечно, имеет для его убийцы.

— Есть у тебя на этот счет какие-нибудь догадки?

Керри-Луиза недоуменно покачала головой:

— Никаких. И о причине тоже никаких. Долж-

но быть, это как-то связано с его предыдущим приездом, месяц назад. Иначе зачем бы он вдруг опять приехал? Что бы это ни было, началось оно именно в тот приезд. Я думаю, думаю, но не могу вспомнить ничего необычного.

— Кто был тогда в доме?

— Те же, кто и теперь. Алекс тоже тогда приехал из Лондона. Ах да! Еще Рут.

— Рут?

— Да, как всегда, приехала совсем ненадолго.

— Рут, — повторила мисс Марпл, погружаясь в раздумья.

Кристиан Гулбрандсен и Рут? Рут увезла отсюда опасения и тревогу, не понимая их причины. Что-то не так — точнее Рут ничего сказать не могла. У Кристиана Гулбрандсена тоже появились опасения и тревога, но Кристиан знал или подозревал нечто такое, о чем Рут не знала. Он знал или подозревал, что кто-то пытается отравить Керри-Луизу. Что же навело его на эти подозрения? Что он увидел или услышал? Может быть, то же самое, что увидела или услышала Рут, только она не сумела это правильно истолковать? Мисс Марпл хотелось знать, что это могло быть. Ее собственное смутное подозрение, касавшееся Эдгара Лоусона, теперь показалось ей неверным,

потому что об этом юнце Рут даже не упомянула.

Она вздохнула.

— Все вы что-то от меня скрываете, правда? — спросила Керри-Луиза.

Мисс Марпл вздрогнула от этих так спокойно произнесенных слов.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что это так. Все, кроме Джолли. Даже Льюис. Он вошел, когда я завтракала, и очень странно себя вел. Отпил немного моего кофе и даже съел гренок с джемом. Это на него не похоже. Он всегда пьет чай и не любит джема. Значит, он просто в этот момент о чем-то задумался. А может, забыл позавтракать. Это с ним бывает. И вид у него был очень озабоченный.

— Убийство... — начала мисс Марпл.

— Да, да. Это страшно, — быстро сказала Керри-Луиза. — Я еще никогда с этим не соприкасалась. А тебе случалось, не так ли, Джейн?

— Случалось, — призналась мисс Марпл.

— Рут мне говорила.

— Это она говорила тебе в свой последний приезд? — с любопытством спросила мисс Марпл.

— Нет, кажется, не тогда. Я, право, не помню.

Керри-Луиза была как-то рассеянна.

— О чем ты задумалась, Керри-Луиза?

Миссис Серроколд улыбнулась и словно вернулась откуда-то издалека.

— Я задумалась о Джине, — сказала она. — И о том, что ты говорила о Стивене Рестарике. Джина очень хорошая девушка и любит своего Волли, я уверена, что любит.

Мисс Марпл промолчала.

— Такие девушки, как Джина, любят немного порезвиться. — Миссис Серроколд говорила почти умоляющим тоном. — Они молоды, им нравится ощущать свою власть. Ведь это так естественно. Я знаю, что Волли Хадд не тот человек, какого мы хотели бы для Джины. При обычных обстоятельствах они бы никогда не встретились. Но они встретились, и она его полюбила и, вероятно, лучше нас знает, что ей нужно.

— Вероятно, — сказала мисс Марпл.

— Ведь так важно, чтобы Джина была счастлива.

Мисс Марпл с любопытством взглянула на свою подругу.

— Я думаю, важно, чтобы все были счастливы.

— О да! Но Джина — особый случай. Когда мы удочерили ее мать, Пиппу, мы понимали, что в некотором роде ставим опыт, и обязательно надо, чтобы он удался. Видишь ли, мать Пиппы...

Керри-Луиза остановилась.

— Кто же была мать Пиппы? — спросила мисс Марпл.

Миссис Серроколд как-то неуверенно посмотрела на нее.

— Я спрашиваю не из простого любопытства, — сказала мисс Марпл. — Мне действительно *нужно* знать. И тебе известно, что я умею держать язык за зубами.

— Да, ты всегда умела хранить тайны, Джейн, — сказала Керри-Луиза и улыбнулась своим воспоминаниям. — Об этом знает только доктор Голбрейт, нынешний епископ Кромерский. И больше никто. Матерью Пиппы была Кэтрин Элсворт.

— Элсворт? Женщина, которая отравила своего мужа мышьяком? Это было громкое дело.

— Да.

— И ее повесили?

— Да. Но, видишь ли, в этом деле не все так уж ясно. Ее муж употреблял мышьяк. В то время в этих вещах не слишком разбирались.

— Однако известно, что она вымачивала липучку для мух.

— Нам всегда казалось, что показания служанки были продиктованы злобой.

— Значит, Пиппа была ее дочерью?

— Да. Мы с Эриком решили дать ребенку шанс, окружить ее любовью и заботой, какие нужны детям. Это удалось. Пиппа выросла самым милым, счастливым существом, какое только можно себе представить.

Мисс Марпл долго молчала.

Керри-Луиза встала из-за туалетного столика.

— Я готова. Пожалуйста, попроси инспектора подняться в мою гостиную. Надеюсь, он ничего не будет иметь против.

II

Инспектор Карри ничего не имел против. Он был даже рад возможности видеть миссис Серроколд на ее собственной территории.

Ожидая ее, он с любопытством оглядывался вокруг. Все это было совсем не похоже на то, что он называл про себя «будуаром богатой женщины».

Там стояла старомодная кушетка и несколько неудобных викторианских стульев с выгнутыми деревянными спинками. Их ситцевая обивка выцвела, но рисунок был очень красив: Хрустальный Дворец. Это была одна из самых маленьких комнат в доме, и все же она была много больше современных гостиных. Комнатка была уютной,

со множеством столиков, уставленных безделушками и фотографиями. Карри увидел старое фото двух маленьких девочек. Одна была темноволосая, с живым, выразительным личиком, другая совсем некрасивая, угрюмо смотревшая на мир из-под густой челки.

Это выражение инспектор уже видел в то утро. На фотографии было написано: «Пиппа и Милдред». Фотография Эрика Гулбрандсена висела на стене в массивной раме черного дерева с золотом. Карри заметил также фотографию красивого мужчины со смеющимися глазами и предположил, что это Джон Рестарик. Тут открылась дверь и вошла миссис Серроколд.

Она была в черном платье из полупрозрачной, струящейся ткани. Маленькое, чуть розоватое лицо казалось еще меньше под короной серебристых волос. В ней была хрупкость, от которой у инспектора защемило сердце. В эту минуту он понял то, что озадачивало его все утро. Он понял, почему окружающие ее люди стараются оградить Каролину-Луизу Серроколд от всяких невзгод.

Однако, подумал он, она не из тех, кто все время ноет и жалуется.

Она поздоровалась, попросила его сесть и сама села на стул возле него. Ему сразу стало казаться,

что это не он пришел ободрить ее, а, наоборот, она старается поддержать его своей приветливостью. На вопросы, которые он ей задавал, она отвечала с готовностью и без колебаний. Четко рассказала о том, как погас свет, как разыгралась сцена между Эдгаром Лоусоном и ее мужем и как они услышали выстрел...

— Вам не показалось, что стреляли в доме?

— Нет, я подумала, что стреляют в парке. И даже что это мог быть автомобильный выхлоп.

— Во время сцены между вашим супругом и Эдгаром Лоусоном вы не заметили, чтобы кто-нибудь выходил из Зала?

— Волли вышел еще до того, чтобы починить электричество. Вскоре затем вышла мисс Беллевер, чтобы что-то принести, не помню что.

— И больше никто не выходил?

— Мне кажется, никто.

— А вы наверняка заметили бы это, миссис Серроколд?

Она слегка задумалась.

— Нет, пожалуй, не заметила бы.

— Вы были целиком поглощены тем, что происходило в кабинете?

— Да.

— И вы очень боялись того, что могло там слу-

читься?

— Нет, я бы не сказала. Я не думала, что действительно что-то случится.

— Однако у Лоусона был револьвер.

— Да.

— И он угрожал им вашему мужу.

— Да. Но он не собирался стрелять на самом деле.

Инспектор Карри ощутил уже ставшее привычным раздражение. Еще одна идеалистка!

— Вы не могли быть уверены в этом, миссис Серроколд.

— И все же я была уверена. Внутренне. Наша молодежь называет это «разыграть спектакль». Именно это там и происходило. Эдгар еще совсем мальчик. Он разыграл глупую мелодраму, вообразив себя этаким роковым героем. Героем романтической истории, которого преследуют злодеи. Я была совершенно уверена, что он не станет стрелять.

— Но он все же выстрелил, миссис Серроколд.

Керри-Луиза улыбнулась.

— Думаю, что револьвер выстрелил случайно.

Раздражение инспектора нарастало.

— Это не было случайностью. Лоусон стрелял дважды, он стрелял в вашего мужа. И едва не

попал.

Керри-Луиза вздрогнула и сразу стала очень серьезной.

— Я просто не могу поверить. Но, конечно, — поспешила она добавить, предупреждая протест инспектора, — конечно, я должна верить, раз вы так говорите. И все же я чувствую, что этому должно быть какое-то вполне безобидное объяснение. Может быть, доктор Маверик объяснит мне.

— О да, доктор Маверик, конечно, объяснит, — угрюмо сказал инспектор. — Уверен, что доктор Маверик может объяснить все, что угодно.

Миссис Серроколд неожиданно сказала:

— Я знаю, большая часть того, что мы здесь делаем, кажется вам глупым и бесполезным. Я понимаю, что психиатры могут порой очень раздражать. Но мы чего-то *достигаем.* Бывают неудачи, но есть и успехи. И то, что мы стараемся сделать, *стоит* усилий. Эдгар действительно предан моему мужу, хотя вы вряд ли в это поверите. Он вообразил эту глупость — будто Льюис его отец, — потому что ему очень хочется иметь такого отца, как Льюис. Мне только непонятно, с чего он вдруг так *разнервничался.* Ему ведь стало гораздо лучше, он стал практически нормальным. Впрочем, он и всегда казался мне вполне

здоровым молодым человеком.

Инспектор не стал спорить.

— Револьвер, из которого стрелял Эдгар Лоусон, принадлежит мужу вашей внучки, — сказал он. — Видимо, Лоусон взял его в комнате Волтера Хадда. Скажите, а вот *это* оружие вы когда-нибудь раньше видели?

На его ладони лежал маленький черный автоматический пистолет.

Керри-Луиза взглянула на него.

— Нет, по-моему, не видела.

— Я нашел его под сиденьем вертящегося табурета. Из него тоже недавно стреляли. Мы еще не успели как следует все проверить, но одно могу сказать: в мистера Гулбрандсена стреляли именно из него.

Она нахмурилась.

— И вы нашли его под сиденьем табурета?

— Под старыми нотами, которыми, видимо, не пользовались много лет.

— Значит, он был там спрятан?

— Да. Вы помните, кто сидел за роялем вчера вечером?

— Стивен Рестарик.

— Он играл?

— Да, тихонько наигрывал. Странный, печаль-

ный мотив.

— Когда он перестал играть, миссис Серроколд?

— Когда перестал? Не помню.

— Но ведь не играл же он весь вечер?

— Нет. В какой-то момент музыка смолкла.

— И он вышел из-за рояля?

— Не знаю. Не помню, что он делал до того, как подошел к двери кабинета, чтобы подобрать ключ к замку.

— Могла ли у Стивена Рестарика быть причина убить мистера Гулбрандсена?

— Никакой, — сказала она. — И я не верю, что он мог это сделать.

— А вдруг Гулбрандсен обнаружил нечто такое, что Стивен предпочел бы скрыть.

— О нет, едва ли.

Инспектору Карри очень захотелось ответить ей словами:

«И свиньи, случалось, летали, но что они птицы — едва ли». Это была одна из любимых поговорок его бабушки. И он подумал, что мисс Марпл поговорка наверняка известна.

Керри-Луиза спустилась по главной лестнице. К ней подбежали сразу с трех сторон: Джина из коридора, мисс Марпл из библиотеки и мисс

Беллевер из Зала.

Джина заговорила первая.

— Душечка! — пылко воскликнула она. — Ну как ты? Тебе не угрожали? Не применяли третью степень[38] или что-нибудь подобное?

— Конечно нет, Джина. Что за странные вещи приходят тебе в голову! Инспектор Карри был очень любезен и тактичен.

— Таким ему и следует быть, — сказала мисс Беллевер. — Кара, вот вся почта — письма и пакет. Я как раз несла их к вам.

— Несите в библиотеку, — попросила Керри-Луиза.

Все четверо вошли в библиотеку.

Керри-Луиза села и стала распечатывать письма. Их было около тридцати.

Потом она передавала письма мисс Беллевер, которая сортировала их, объясняя при этом мисс Марпл:

— Они у нас делятся на три категории. Во-первых, письма от родственников наших мальчиков. Их я передаю доктору Маверику. Письмами, в которых просят денег, я занимаюсь сама. Осталь-

---

[38] notes: 38

Имеется в виду «допрос третьей степени» — на полицейском жаргоне это означает допрос с применением психологического или физического воздействия.

ные — личные. Кара указывает мне, что с ними делать.

Разделавшись с письмами, миссис Серроколд занялась пакетом и перерезала ножницами веревочку.

Из аккуратной обертки появилась красивая коробка шоколадных конфет, перевязанная золотой ленточкой.

— Кто-то решил, что сегодня мой день рождения, — сказала, улыбаясь, миссис Серроколд.

Она сняла ленточку и открыла коробку. Внутри лежала визитная карточка. Керри-Луиза взглянула на нее с некоторым удивлением.

– *«С любовью от Алекса»,* — прочла она. — Как странно! Присылает коробку конфет по почте в тот самый день, когда сам собрался сюда ехать.

Мисс Марпл почувствовала тревогу.

— Подожди, Керри-Луиза, — поспешно сказала она. — Не ешь их.

— Я собиралась угостить присутствующих, — сказала миссис Серроколд.

— Не надо. Подожди, пока я спрошу... Джина, где сейчас Алекс?

Джина быстро ответила:

— Только что был в Зале. — Она открыла дверь и позвала.

Алекс Рестарик явился по первому же зову.

— Милая Мадонна! Вы встали? Как здоровье?

Он подошел к миссис Серроколд и нежно поцеловал ее в обе щеки.

— Керри-Луиза хочет поблагодарить вас за конфеты, — сказала мисс Марпл.

Алекс удивился.

— Какие конфеты?

— Вот эти, — сказала Керри-Луиза.

— Дорогая, я не посылал вам никаких конфет.

— В коробке лежит ваша визитная карточка, — сказала мисс Беллевер.

Алекс наклонился к коробке.

— Да, действительно. Странно!.. Очень странно!.. Но я их не посылал.

— Необычайно странно, — повторила мисс Беллевер.

— До чего соблазнительные! — сказала Джина, заглядывая в коробку. — Посмотри, бабушка, в середине твои любимые, с ликером.

Мисс Марпл мягко, но решительно взяла у нее коробку. Ничего не говоря, она вынесла ее из комнаты и пошла искать Льюиса Серроколда. Это потребовало времени, потому что он был в Школе, у доктора Маверика. Она поставила перед ним коробку и кратко сообщила, в чем дело. Его

лицо сразу стало суровым.

Вместе с доктором они вынули по конфете и принялись их рассматривать.

— Вот к этим, которые я отложил, — сказал доктор Маверик, — несомненно прикасались. Видите, снизу они не совсем гладкие. Их следует отправить в лабораторию.

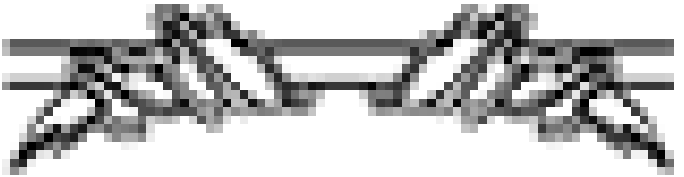
— Невероятно! — сказала мисс Марпл. — Ведь так можно было отравить весь дом.

Льюис кивнул. Лицо его все еще было бледным и суровым.

— Да. Какая изощренная жестокость!.. — Его голос прерывался. — Как раз вот эти, с вишневым ликером. Любимые конфеты Каролины. Как видите, пославший знает даже это.

— Если ваши подозрения подтвердятся, — спокойно сказала мисс Марпл, — и в этих конфетах окажется *яд,* придется рассказать Керри-Луизе, что происходит. Ее необходимо предостеречь.

— Да. Она должна знать, что кто-то пытается ее отравить, — угрюмо сказал Льюис Серроколд. — А ей, конечно, будет очень трудно в это поверить.



ГЛАВА 16

I

— Эй, мисс, а верно ли, что в доме орудует отравитель?

Джина вздрогнула, услышав этот хриплый шепот, и откинула со лба волосы. Ее брюки и даже щеки были измазаны краской. Вместе со своими помощниками она трудилась над задником для следующего спектакля, где был изображен закат на Ниле.

Вопрос задал один из ее помощников, Эрни, тот, кто сообщил ей много ценных сведений относительно того, как взламывать чужие замки. Руки Эрни оказались столь же ловкими для плотницкой работы, и он с большим удовольствием переключился на иную деятельность.

Сейчас его глаза блестели, предвкушая нечто интересное.

— Откуда эти слухи? — возмущенно спросила Джина.

Эрни прищурил один глаз.

— Ребята рассказывают, — сказал он. — Только знаете, мисс, *это не наша работа.* Мы такое нипочем бы не удумали. Уж только не с миссис Серроколд. *Ее* даже Дженкинс ни за что бы не укокошил. Вот старую суку компаньонку — другое дело. Я бы, например, совсем не против.

— Не говори так о мисс Беллевер.

— Виноват, мисс, нечаянно вырвалось. Какой же яд, интересно? Стрехлин, наверное. От него человека корчит в дугу, и он в мученьях умирает. А может, синиловая кислота?

— Я не знаю, о чем ты, Эрни.

— Ну уж будто! Говорят, это мистер Алекс. Привез из Лондона конфеты. Ну да это, конечно, вранье. Мистер Алекс такого не сделает, верно,

миссис?

— Конечно не сделает, — сказала Джина.

— Скорее уж мистер Баумгартен. Он, когда дает нам лекарство, такие гримасы корчит! Мы с Доном думаем, что он с приветом.

— Убери-ка лучше отсюда скипидар.

Эрни повиновался, бормоча про себя:

— Ну и дела здесь делаются! Вчера прикончили старого Гулбрандсена, сегодня — потайной отравитель. Как вы думаете, миссис, это все один и тот же орудует? А что, если я знаю, кто старика укокошил?

— Ничего ты не можешь об этом знать.

— А вот и могу! А если я вчера ночью выходил и кое-что видел?

— Как это — выходил? Колледж запирается в семь часов, после переклички.

— Перекличка!.. Да я когда хочу, тогда и выхожу. Я с замками что хошь сделаю. Выхожу и гуляю себе по парку.

— Довольно врать, Эрни, — сказала Джина.

— Кто это врет?

— Ты! Врешь и хвастаешь, а сам ничего подобного не делаешь.

— Это вы так говорите, мисс, а вот пусть полиция и спросит, что я видел прошлой ночью?

— Ну и что же ты видел?

— Ага! — сказал Эрни. — Небось хочется знать?

Джина замахнулась на него, и он обратился в бегство. Подошел Стивен. Они обсудили некоторые технические детали своей работы и вместе пошли к дому.

— Здесь все уже знают про бабушку и про конфеты, — сказала Джина. — Все мальчишки. Ну как они исхитряются все узнавать?

— Какой-нибудь местный беспроволочный телеграф!

— Знают даже про визитную карточку Алекса. Ну не глупо ли было вкладывать его карточку в коробку, когда он сам уже ехал сюда?

— Да, но кто знал, что он едет? Он собрался сюда неожиданно и послал телеграмму. А коробка, наверное, уже была отправлена по почте. Если бы он не приехал, визитная карточка была бы неплохой задумкой. Потому что он действительно иногда присылает Каролине конфеты.

Потом Стивен сказал:

— Чего я никак не пойму, так это...

— ...зачем кому-то потребовалось отравить бабушку? — перебила его Джина. — *Это трудно себе представить.* Ведь она такая прелесть! И все здесь ее обожают.

Стивен не ответил. Джина пристально взглянула на него.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Стив!

— Да, думаю!

— Ты думаешь, что Волли... не обожает ее. Но Волли никогда никого не отравил бы. Смешно даже думать!

— Ты хорошая жена.

— Не ехидничай.

— Я не ехидничаю. *Ты действительно хорошая жена.* Я восхищаюсь этим. Но, милая Джина, так не может тянуться до бесконечности.

— Ты о чем, Стив?

— Ты отлично знаешь, о чем. Вы с Волли не подходите друг другу. И ничего тут поделать нельзя. Он это тоже знает. Разрыв неизбежен, он давно назрел. И тогда вы оба будете гораздо счастливее.

— Не говори глупостей, — сказала Джина.

Стивен засмеялся.

— Не станешь же ты уверять, что вы подходящая пара и что Волли здесь нравится.

— Не могу понять, что с ним! — воскликнула Джина. — Он все время дуется. Почти не разговаривает со мной. Ума не приложу, что с ним делать. Почему ему здесь не нравится? Нам вна-

чале было так весело вместе, а теперь его точно подменили. Ну почему люди так меняются?

— Я тоже меняюсь?

— Нет, милый Стив. Ты все тот же. Помнишь, как я всюду увязывалась за вами, когда вы приезжали на каникулы?

— И какая ты была несносная девчонка... Что ж, теперь роли переменились. Теперь ты делаешь со мной, что хочешь, верно, Джина?

Джина коротко сказала:

— Идиот! — И продолжала: — Как ты думаешь, Эрни врет? Говорит, будто выходил вчера ночью, и намекает, что мог бы кое-что рассказать об убийстве. Может это быть правдой?

— Конечно нет. Ты же знаешь, какой он хвастунишка. Лишь бы обратить на себя внимание.

— Знаю. А все-таки...

Дальше они шли молча.

II

Заходящее солнце освещало западный фасад дома. Инспектор Карри огляделся.

— Говорите, примерно здесь остановили вчера вечером вашу машину? — спросил он.

Алекс Рестарик немного отступил назад, как бы присматриваясь.

— Да, пожалуй, — сказал он. — Из-за вчерашнего тумана мне трудно определить точно. Скорее всего здесь.

Инспектор Карри еще раз внимательно огляделся. Подъездная аллея делала в этом месте поворот, и из-за кущи рододендронов внезапно выступал западный фасад дома с его террасой, ступеньками, выходившими на газон, и живой изгородью из тиса. Дальше аллея вилась среди деревьев, проходила между домом и озером и перед восточным фасадом дома заканчивалась широкой площадкой, усыпанной гравием.

— Доджетт! — скомандовал инспектор.

Констебль Доджетт, стоявший наготове, тут же начал действовать. Он пересек по диагонали газоны, добежал до террасы и вбежал в боковую дверь. Несколько секунд спустя в одном из окон был подан знак — сильно колыхнулась занавеска. Констебль Доджетт снова появился в дверях и вернулся, пыхтя, как паровая машина.

— Две минуты сорок две секунды, — сказал инспектор Карри, щелкнув своим секундомером. — Эти дела много времени не требуют, — благодушно заметил он.

— Я бегаю не так быстро, как ваш констебль, — сказал Алекс. — Вы, очевидно, хронометрируете

мои предполагаемые передвижения.

— Я только выяснил, что у вас была возможность совершить это убийство. Вот и все, мистер Рестарик. Я не выдвигаю никаких обвинений — пока.

Алекс любезно сказал констеблю Доджетту, который все еще не мог отдышаться:

— Конечно, бегаю я не так быстро, но думаю, что я меньше бы запыхался.

— Это у меня с прошлогоднего бронхита, — сказал Доджетт.

Алекс обернулся к инспектору:

— Все стараетесь вывести меня из себя, смотрите, как я буду реагировать, а ведь мы, творческие люди, такие чувствительные и нежные создания! — Его тон стал насмешливым. — Слушайте, неужели вы всерьез думаете, что я причастен к этому делу? В таком случае, зачем бы я стал присылать миссис Серроколд отравленные конфеты и свою визитную карточку?

— А может быть, вы хотите посеять в нас сомнения. Ведь существует такая вещь, как двойной блеф, мистер Рестарик.

— Так-так. Остроумная догадка. Кстати, неужели конфеты и в самом деле *оказались* отравленными?

— Да, шесть конфет с ликером в верхнем ряду были отравленными. Там был аконит.

— Нет, этот яд не из моего арсенала, инспектор. Я питаю слабость к кураре.

— Кураре вводится в кровь, мистер Рестарик. А не в желудок.

— Познания полиции поистине безграничны, — с искренним восхищением сказал Алекс.

Инспектор Карри искоса бросил внимательный взгляд на молодого человека. Он отметил слегка заостренные уши, неанглийский, монгольский, тип лица и глаза, в которых искрилась смешинка. По лицу Алекса Рестарика трудно было угадать его мысли. Сатир или фавн. Немного раскормленный фавн, вдруг подумал инспектор Карри, и от этой мысли ему стало неприятно.

Плутоват и неглуп — вот как бы он определил Алекса Рестарика. Умнее своего брата. Мать у них была русская, так он слышал. «Русские» были для инспектора Карри тем же, чем был Бони[39] в начале девятнадцатого века или гунны в середине двадцатого. Всё, имевшее отношение к России, по мнению инспектора Карри, было чем-то сквер-

[39] notes: 39

Б о н и — прозвище французского императора Наполеона Бонапарта I (1769–1821), которым в начале XIX века в английских семьях пугали непослушных детей.

ным. Если Алекс Рестарик убил Гулбрандсена, этому есть вполне удовлетворительное объяснение. К сожалению, инспектор Карри вовсе не был убежден, что убил он.

Констебль Доджетт наконец отдышался и заговорил:

— Я подергал занавески, как вы приказали, сэр, — сказал он. — Потом сосчитал до тридцати. А на занавесях, вверху, один крючок оторван. Они неплотно сходятся. Значит, снаружи можно видеть в комнате свет.

Инспектор Карри спросил Алекса:

— Вы не заметили вчера, был ли в том окне свет?

— Я вообще не мог видеть дом из-за тумана. Об этом я уже говорил вам.

— Туман не всегда бывает сплошной. Иногда он рассеивается — то здесь, то там...

— Но не настолько, чтобы я мог видеть дом. Его центральную часть. А гимнастический зал, рядом с ним, виднелся сквозь туман, точно призрак. Получалась полная иллюзия портовых пакгаузов. Я уже говорил вам, что ставлю балет «Ночи в порту»?

— Да, говорили, — подтвердил инспектор.

— Привыкаешь, понимаете ли, всюду видеть

декорации, а не существующую реальность.

— Возможно. Но ведь и декорации вещь вполне реальная, не правда ли, мистер Рестарик?

— Я не совсем понимаю вас, инспектор.

— Они делаются из чего-то материального — холста, дерева, красок, картона... Иллюзия создается глазами зрителя, а не собственно самой декорацией. Сама декорация вполне реальна, не важно, в какой части сцены она расположена.

Алекс воззрился на инспектора.

– *Очень* мудрое замечание, инспектор. Оно подало мне мысль...

— Для еще одного балета?

— Нет, не для балета... Боже! Неужели все мы были так недогадливы?

III

Инспектор и констебль Доджетт пошли к дому напрямик — по газонам. Ищут следы, подумал Алекс. Но он ошибался. Следы они искали еще ранним утром, хотя и безуспешно, потому что в два часа пополуночи прошел сильный дождь. Алекс медленно шагал по аллее, обдумывая возможности пришедшей ему в голову с подачи инспектора идеи.

От этого занятия его отвлекло появление Джи-

ны, которая спускалась к озеру. Дом стоял на некотором возвышении, и от него шел к озеру пологий спуск, обсаженный рододендронами и другими кустами. Алекс сбежал по дорожке и подошел к Джине.

— Если бы можно было как-то заслонить это викторианское чудище, получилось бы великолепное Лебединое озеро. И ты, Джина, в роли Одетты. Впрочем, ты больше похожа на Одилию. Жестокая, своенравная. И совершенно неспособная на милосердие и сострадание. Ты очень-очень женственна, милая Джина.

— А ты очень-очень ехидный, милый Алекс.

— Потому что я тебя вижу насквозь? Можешь наслаждаться своей неотразимостью, Джина. Ты всех нас пришпилила к своей юбке. Меня, Стивена и своего простодушного мужа.

— Не болтай глупостей.

— О нет! Стивен в тебя влюблен, и я в тебя влюблен, а твой муж жестоко страдает. Чего еще может желать женщина?

Джина посмотрела на него и засмеялась.

Алекс энергично кивнул головой.

— Но, к счастью, ты прямолинейна. Это итальянская кровь. Ты не скрываешь, что тебе хочется внушать любовь, и не притворяешься,

будто жалеешь своих поклонников. Ведь тебе нравится влюблять в себя, жестокая Джина. Пусть это будет даже такое ничтожество, как Эдгар Лоусон?

Джина взглянула ему в глаза и сказала очень серьезно:

— Любовь, как ты знаешь, не слишком долго длится. И женщинам вообще труднее в жизни, чем мужчинам. Они более уязвимы. Они рожают детей, и дети для них самое главное. Как только увядает их красота, мужчины уже не любят их. Они им изменяют. Они их покидают. Отодвигают в сторону. Я не осуждаю мужчин. Я сама поступала бы так же. Не люблю старых, уродливых, больных, тех, кто ноет и жалуется на свои беды, или таких нелепых, как Эдгар, который строит из себя бог весть кого. Ты говоришь, я жестокая? Мы живем в жестоком мире! Когда-нибудь он будет жесток и ко *мне.* А сейчас я молода, хороша и привлекательна. — Она сверкнула своей особенной, солнечной, теплой улыбкой. — Да, Алекс, мне это нравится. А почему бы нет?

— Действительно, почему бы нет? — сказал Алекс. — Но мне все-таки хотелось бы знать, что у тебя на уме. За кого выйдешь замуж — за Стивена или за меня?

— Я замужем за Волли.

— Временно. Каждая женщина должна совершить одну матримониальную ошибку. Но зачем тянуть? Спектакль уже обкатан в провинции, пора показать его в столице, в Вест-Энде.

— Ты и есть этот самый Вест-Энд?

— Несомненно.

— И ты действительно хочешь на мне жениться? Я как-то не представляю тебя женатым.

— А я просто-таки настаиваю на женитьбе. *Внебрачные связи* совершенно вышли из моды. Трудности с паспортами, с гостиницами и прочим. Я *никогда* не сделаю женщину своей любовницей, разве что не смогу добиться ее никаким другим способом.

Джина звонко рассмеялась.

— Ты умеешь быть забавным, Алекс.

— Это мой главный козырь. Стивен гораздо красивее меня. Он очень красив и очень страстен, и женщины это, конечно, обожают. Но в домашнем быту страстность утомительна. Со мной, Джина, жизнь будет занимательной.

— Почему ты не говоришь, что безумно меня любишь?

— Даже если и так, я тебе этого не скажу. Это было бы очко в твою пользу. Нет, все, на что я

готов, — это сделать тебе предложение, очень трезвый шаг с моей стороны.

— Надо будет подумать, — улыбаясь, сказала Джина.

— Само собой. Сперва ты должна положить конец мучениям Волли. Я очень сочувствую Волли. Какое это, наверное, мучение — быть женатым на тебе, влачиться за твоей колесницей и задыхаться в этой гнетущей атмосфере семейной филантропии.

— Ну и скотина ты, Алекс!

— Очень проницательная скотина.

— Иногда, — сказала Джина, — мне кажется, что Волли ни капельки меня не любит. Он меня просто перестал замечать.

— Ты тычешь в него палкой, а он никак не реагирует? Конечно, досадно.

Джина размахнулась и влепила звонкую пощечину в гладкую щеку Алекса.

— Прямое попадание! — крикнул Алекс.

Быстрым и ловким движением он схватил ее в объятия. Прежде чем она могла воспротивиться, его губы прильнули к ее губам в долгом и страстном поцелуе. Она рванулась, но потом затихла...

— Джина!

Они отпрянули друг от друга. Милдред Стрэт,

вся красная, дрожа от негодования, грозно смотрела на них. Гнев так душил ее, что слова не сразу вырвались наружу.

— Омерзительно!.. Омерзительно!.. Распутная девка!.. Совсем как мать... Испорченная, распутная... Я всегда это знала... И не только распутница, а еще и убийца! Да, да, убийца!.. Мне кое-что известно!

— Что же вам известно? Что за нелепость, тетя Милдред!

— Слава богу, я тебе не тетя. Не родня. Да ты даже не знаешь, кто твоя мать и откуда она здесь взялась. Но ты хорошо знаешь, что за люди мой отец и моя мать. И кого они удочерили... Дочь преступницы или проститутки. Такие уж они были. Но им следовало помнить, что яблочко от яблони недалеко падает. Впрочем, раз ты взялась за *яд,* это уж твоя итальянская кровь.

— Как вы смеете так говорить?

— Буду говорить все, что хочу! Мою мать пытаются отравить, уж этого-то ты отрицать не можешь. А кто это делает, если не ты? Кому по смерти моей матери достанется огромное состояние? Тебе! И будь уверена, полиция все это учтет.

Все еще дрожа от гнева, Милдред быстро ушла.

— Патологический случай, — сказал Алекс. —

Несомненно патологический. И *весьма* любопытный. Поневоле начинаешь думать, что покойный каноник Стрэт... То ли по религиозным соображениям... то ли из-за импотенции...

— Фу, Алекс, не говори гадостей. Ох, как же я ее ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Джина крепко стиснула руки и дрожала от ярости.

— Хорошо, что у тебя не было кинжала в чулке, — сказал Алекс. — Иначе милейшая миссис Стрэт узнала бы кое-что об убийстве с точки зрения жертвы. Успокойся, Джина. Не надо мелодрамы, мы ведь не персонажи итальянской оперы.

— Как она смеет говорить, что я пыталась отравить бабушку?

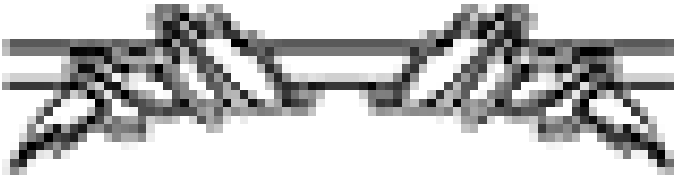
— Милая, ведь *кто-то* действительно пытается ее отравить. А что касается мотива, то ты очень подходишь. Не правда ли?

— Алекс! — Джина в ужасе смотрела на него. — Неужели и полиция так думает?

— Что именно думает полиция, узнать крайне трудно... Они ведь отлично умеют скрывать свои мысли. Они, знаешь ли, не дураки. А это напомнило мне...

— Куда же ты?

— Обдумать одну идею.



ГЛАВА 17

I

— Ты говоришь, что кто-то пытался меня *отравить?*

В голосе Керри-Луизы звучало недоумение и недоверие.

— Понимаешь, — продолжала она, — я просто не могу поверить...

Она умолкла и полузакрыла глаза.

Льюис сказал с нежностью:

— Как я хотел бы избавить тебя от этого, дорогая!

Она рассеянно протянула ему руку, и он взял ее в свои.

Мисс Марпл, сидя рядом, сочувственно качала головой.

Керри-Луиза открыла глаза.

— Неужели это правда, Джейн?

— Боюсь, что правда, милая.

— Тогда всё... — Керри-Луиза остановилась, потом продолжала: — Я всегда думала, что могу отличить реальное от нереального... *Это* не кажется мне реальным, однако это реальность... Значит, я ошибаюсь во всем... Но кто хочет так поступить со мной? Кому в этом доме нужна *моя смерть?*

В ее голосе все еще звучало недоверие.

— Я тоже не верил, — сказал Льюис. — Но я ошибался.

— А Кристиан это знал? Тогда понятно.

— Что понятно? — спросил Льюис.

— Понятно его поведение, — сказала Керри-Луиза. — Он вел себя очень странно. Был совсем не похож на себя. Все порывался что-то сказать... но не говорил. Спросил меня, здоровое ли у меня сердце. Не болела ли я в последнее время. Может

быть, этим он хотел мне намекнуть. Но почему бы ему не сказать прямо? Когда говорят прямо, все гораздо проще.

— Он не хотел причинять тебе боль, Каролина.

— Боль? Но почему?.. Ах да, понимаю... — Ее глаза удивленно расширились. — *Значит, ты веришь этому, Льюис?* Но ты ошибаешься. Ошибаешься, уверяю тебя.

Муж избегал ее взгляда.

— Прости меня, — сказала миссис Серроколд немного спустя. — Но я не могу поверить ничему из того, что происходит в последнее время. Что Эдгар стрелял в тебя. Что Джина и Стивен... И эта нелепая коробка конфет. Господи, неужели все это *правда?*

Никто ничего не сказал.

Каролина-Луиза Серроколд вздохнула.

— Кажется, я слишком долго жила вне реального мира... — сказала она. — Простите меня... я хотела бы побыть одна... и постараться понять...

II

Мисс Марпл спустилась по лестнице и вошла в Зал. У высокой сводчатой двери стоял Алекс Рестарик, он приветствовал ее торжественным жестом.

— Входите, входите, — радушно пригласил он, точно был владельцем этого Зала. — Я тут обдумываю события вчерашнего вечера.

Льюис Серроколд сразу прошел в своей кабинет и закрыл за собой дверь.

— Вы пытаетесь воспроизвести преступление? — с интересом спросила мисс Марпл.

— Что? — Алекс сморщил лоб. Потом лицо его прояснилось. — Не совсем, — сказал он. — Я сейчас взглянул на все это под другим углом. С точки зрения театра. Не реальности, но ее искусственного воссоздания. Подойдите-ка сюда. Представьте себе, что вы в театре. Освещение, мизансцены. Действующие лица. Шум за сценой. Очень интересно. Сама идея не моя. Мне ее подал инспектор. По-моему, он жестокий человек. Сегодня утром он всячески старался меня запугать.

— Ему это удалось?

— Не уверен.

Алекс описал эксперимент, проведенный инспектором, и результаты, показанные запыхавшимся констеблем Доджеттом.

— Время, — сказал он, — крайне обманчиво. Думаешь, что на что-нибудь его уходит много, а это вовсе не так.

— Да, — сказала мисс Марпл.

Изображая зрителей, она заняла соответствующее место. Декорация представляла собой высокую, завешенную гобеленом стену, сильно затененную сверху. На заднем плане слева — рояль. На заднем плане справа — окно и сиденье под ним. Очень близко к этому окну — дверь в библиотеку. Вертящийся табурет всего в восьми футах от двери, ведущей в прихожую, а оттуда в коридор. Два очень удобных выхода! Зрителям отлично видны оба...

Однако накануне вечером зрителей не было. Точнее говоря, никто не смотрел на сцену с того места, где сейчас находилась мисс Марпл. Накануне вечером зрители сидели спиной к сцене.

Сколько времени, подумала мисс Марпл, понадобилось бы, чтобы выскользнуть из зала, пробежать по коридору, застрелить Гулбрандсена и вернуться назад? Гораздо меньше, чем можно подумать. Очень мало времени...

Что имела в виду Керри-Луиза, когда сказала своему мужу: *«Значит, ты веришь этому, Льюис?* Но ты ошибаешься».

— Должен признать, что инспектор высказал весьма глубокомысленное замечание. — Эти слова Алекса вывели ее из задумчивости. — Он сказал, что декорации — вещь вполне реальная.

Они сделаны из дерева и картона, скреплены клеем, и их изнанка не менее реальна, чем то, что видит зритель. Иллюзию определенной картины, сказал он, создают не они, а глаза зрителя.

— Фокусники, — пробормотала про себя мисс Марпл, — *делают это с помощью зеркал.*

Вошел слегка запыхавшийся Стивен Рестарик.

— Привет, Алекс, — сказал он. — Этот крысенок Эрни Грегг... может, помнишь его?

— Это который играл Феста, когда ты ставил «Двенадцатую ночь»? Я тогда даже сказал, что у него талант.

— Да, есть, пожалуй, и талант. Руки тоже очень ловкие. Он у нас главный плотник. Но я не об этом. Он хвастал Джине, будто выходит по ночам и бродит по парку. И будто бродил там прошлой ночью и кое-что видел.

Алекс быстро обернулся к нему.

— Что — видел?

— Это он говорить не хочет. Мне кажется, что ему просто хочется обратить на себя внимание. Он ужасный враль, но, может быть, полиции все же следует его расспросить.

Алекс резко сказал:

— Я бы его пока оставил в покое. Пусть не думает, что мы им слишком уж заинтересовались.

— Что ж, может быть, ты прав. И лучше отложить это до вечера.

Стивен пошел в библиотеку.

Мисс Марпл, тихонько обходя Зал, дабы оценить все мизансцены, столкнулась с Алексом Рестариком, который поспешно попятился.

— Извините, — сказала мисс Марпл.

Алекс хмуро поглядел на нее и рассеянно извинился, но тут же удивленно сказал:

— Ах, *это вы...*

Замечание показалось мисс Марпл странным. Ведь он перед этим довольно долго беседовал с ней.

— Я думал сейчас о другом, — сказал Алекс Рестарик. — Этот мальчишка, Эрни... — Он как-то странно повел руками.

Потом, как-то вдруг изменившись, он прошел через Зал, вошел в библиотеку и закрыл за собой дверь.

Из-за закрытой двери раздались голоса, но мисс Марпл не стала вслушиваться. Ее не интересовали многочисленные таланты Эрни, как и то, что он видел или говорил, будто видел. Она сильно подозревала, что Эрни вообще ничего не видел. Она не верила, что в сырую и туманную ночь, подобную прошлой, Эрни захотелось блеснуть

своим талантом по части открывания замков — только ради того, чтобы пройтись по парку. Вероятнее всего, он вообще никогда не выходил по ночам, а просто хвастал.

Как Джонни Бэкхаус, подумала мисс Марпл, у которой всегда были наготове примеры из жизни обитателей Сент-Мэри-Мид.

«А я вас видел вчера ночью!» — ехидно дразнил Джонни Бэкхаус всех, кому хотел испортить настроение.

И очень часто ему это удавалось. Не так уж редко, подумала мисс Марпл, люди оказываются там, где им совсем не нужны свидетели!

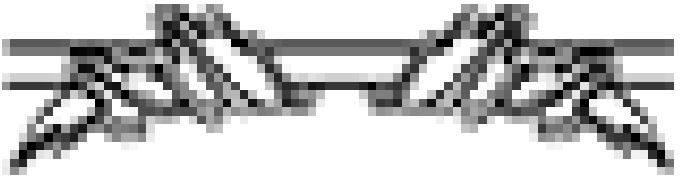
Она изгнала из своих мыслей Джонни и сосредоточилась на том, что сказал Алекс об инспекторе Карри и его соображениях. Эти соображения подали Алексу некую мысль. Кажется, они и ей подали мысль. Ту же самую? Или иную?

Она встала там, где только что стоял Алекс Рестарик. И подумала: «Пусть это будет не настоящий Зал, а только картон, холст и дерево. Декорации». В ее уме пронеслись отрывочные фразы: «Иллюзию создают глаза зрителя...» *«Это делается с помощью зеркал...»* Стеклянный сосуд с золотыми рыбками... длинные цветные ленты... исчезающие женщины... все атрибуты фокусни-

ка, отвлекающие внимание зрителя...

Что-то мелькнуло в ее сознании... какой-то образ... слова Алекса... его описание констебля Доджетта, который отдувался и пыхтел... Что-то шевельнулось в ее сознании, и все вдруг прояснилось.

– *Ну конечно!* — сказала мисс Марпл. — Вот как это было...



ГЛАВА 18

I

— Ох, Волли, как ты меня напугал!

Выходя из театра, Джина отпрянула назад. Из полумрака выступила фигура Волли Хадда. Еще не совсем стемнело, но в слабом, угасающем свете предметы теряли свою реальность и приобретали пугающие призрачные очертания.

— Что ты тут делаешь? Ведь ты сюда никогда не ходишь.

— Может быть, ищу тебя, Джина. А легче всего тебя найти здесь.

Негромко и с расстановкой сказанные слова не звучали упреком, однако Джине послышалось именно это.

— Здесь моя работа, и она меня увлекает. Мне нравится даже запах красок и холста. И вообще вся атмосфера кулис.

— Да, тебе здесь нравится, я знаю. Скажи, Джина, сколько еще времени будет разбираться это дело?

— Дознание будет завтра. А следствие закончится недели через две. Так, по крайней мере, дал нам понять инспектор Карри.

— Две недели, — задумчиво повторил Волли. — Ну, скажем, три. После этого мы свободны. И я уеду в Штаты.

— Не могу я так срываться с места! — воскликнула Джина. — Как можно сейчас оставить бабушку? И еще мы готовим два новых спектакля.

— Я не сказал *«мы»*. Я сказал, что *я* уеду.

Джина взглянула на своего мужа. В полутьме он казался очень большим. Крупный, спокойный... Но Джине почудилось в нем что-то угрожающее... Чем же он угрожает?

— То есть, — сказала она нерешительно, — ты не хочешь, чтобы я тоже ехала?

— И этого я не сказал.

— Значит, тебе просто безразлично, поеду я или нет? Так, что ли?

Она вдруг рассердилась.

— Послушай, Джина. Нам надо поговорить начистоту. Когда мы поженились, мы мало что знали друг о друге. О нашей родне, о том, где мы выросли. Мы думали, что это неважно. Уж очень нам было хорошо вдвоем. Только это и было важно. Теперь первое действие окончено. Твоя родня не очень высокого мнения обо мне. Что ж, может быть, они и правы. Я им не ко двору. Только не думай, что я останусь здесь. Бить баклуши или делать что придется в этом сумасшедшем доме. Так что подумай хорошенько. Я хочу жить у себя на родине и делать ту работу, какую хочу — и умею — делать. Я мечтал о такой жене, какими были жены наших первых поселенцев, готовые на все: на непривычные условия, на опасности, на лишения... Наверное, нельзя столько от тебя требовать. Но для меня или это, или ничего! Наверное, я слишком поспешно навязался тебе в мужья. Если так, то лучше тебе освободиться от меня и начать все заново. Тебе решать. Если пред-

почитаешь кого-нибудь из этой богемы — дело твое. А я еду домой.

— По-моему ты просто *нахал*, — сказала Джина. — Что же касается меня, то мне здесь нравится.

— Вот как? А мне нет. И то, что здесь произошло, тебе нравится?

— Так говорить жестоко. Я очень любила дядю Кристиана. А ты понимаешь, что кто-то давно пытается отравить бабушку? Какой ужас!

— Вот поэтому мне здесь и не нравится. Мне не по душе то, что здесь происходит. Я уезжаю.

— Если тебя выпустят! Неужели тебе не ясно, что тебя могут арестовать по подозрению в убийстве дяди Кристиана? Мне становится страшно, когда инспектор Карри на тебя поглядывает. Точно кошка, которая следит за мышью и уже выпустила когти и готова к прыжку. И все из-за того, что ты уходил менять пробки, и потому, что ты не англичанин. Я уверена, что они все хотят приписать тебе.

— Пусть сперва найдут доказательства.

Джина простонала:

— Я боюсь за тебя, Волли! Все время боюсь.

— Не стоит. У них же нет никаких доказательств.

Они пошли к дому и некоторое время молчали. Потом Джина сказала:

— Не верю, что ты в самом деле хочешь взять меня с собой в Америку.

Волтер не ответил.

Джина обернулась к нему и топнула ногой.

— Ненавижу тебя! Ненавижу! Какая же ты скотина — жестокая, бесчувственная скотина! И это после всего, что я пыталась для тебя сделать! Ты хочешь от меня избавиться. Тебе все равно — увидишь ты меня когда-нибудь или нет! Ну так и мне все равно! Какая я была дура, что вышла за тебя! Постараюсь поскорее развестись и выйду за Стивена или за Алекса и буду гораздо счастливее, чем с тобой. А ты уезжай в свои Штаты и женись на какой-нибудь кошмарной девице, уж она тебе покажет небо в алмазах!

— Вот и отлично! — сказал Волли. — Теперь, по крайней мере, все ясно.

II

Мисс Марпл видела, как Джина и Волли вместе вошли в дом. Она стояла как раз на том месте, где несколькими часами раньше инспектор Карри проводил эксперимент с констеблем Доджеттом.

Голос мисс Беллевер, раздавшийся за ее спиной,

заставил ее вздрогнуть.

— Вы простудитесь, мисс Марпл, нельзя здесь стоять после захода солнца.

Мисс Марпл послушно пошла с ней к дому.

— Я сейчас думала о фокусниках, — сказала мисс Марпл. — Когда смотришь их представления, очень трудно понять, как это делается, но на самом деле все оказывается до смешного просто. Правда, я до сих пор не понимаю, откуда берутся сосуды с золотыми рыбками. Вы когда-нибудь видели фокус «Дама, Которую Перепиливают Пополам»? Потрясающий фокус! Когда мне было одиннадцать лет, он меня завораживал. Я совершенно не представляла себе, как такое *возможно.* Но однажды в какой-то газете появилась статья, которая выдала весь секрет. По-моему, газете не следовало это делать, не правда ли? Оказывается, там участвует не одна женщина, а *две.* Показывают голову одной и ноги другой. Думаешь, что там одна, а на самом деле их две. А если наоборот, фокус тоже может получиться, не правда ли?

Мисс Беллевер взглянула на нее с некоторым удивлением. Мисс Марпл редко бывала такой взволнованной и говорила так бессвязно. «Слишком сильно все это подействовало на старушку», — подумала мисс Беллевер.

— Когда смотришь на что-нибудь только с одной стороны, эту сторону только и видишь, — продолжала мисс Марпл. — Но все отлично сходится, когда разберешься, где реальность, а где иллюзия. — Внезапно она спросила: — Как себя чувствует Керри-Луиза? Все обошлось?

— Да, — ответила мисс Беллевер. — Сейчас она успокоилась. Но, конечно, она была потрясена, когда узнала, что кто-то хотел ее убить. Это особенно должно было потрясти именно ее, потому что она не понимает насилия.

— Некоторые вещи Керри-Луиза понимает лучше нас, — задумчиво сказала мисс Марпл. — И всегда понимала.

— Я знаю, что вы хотите сказать. Но она живет вне реального мира.

— Вы в этом уверены?

Мисс Беллевер удивленно взглянула на нее:

— Но она действительно не от мира сего.

— А вы не думаете, что может быть...

Мисс Марпл не договорила, потому что мимо них большими шагами прошел Эдгар Лоусон. Он смущенно поклонился, но тут же почему-то отвернулся.

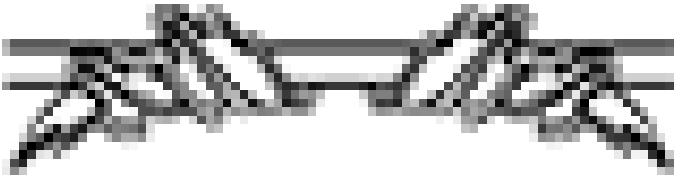
— Теперь я поняла, кого он мне напоминает. Молодого человека по имени Леонард Вайли. Его

отец был зубным врачом, но состарился, плохо видел, у него тряслись руки, и пациенты стали обращаться к его сыну. А старик очень страдал оттого, что ни на что уже не годен. Леонард, который был мягкосердечен и не умен, стал притворяться, будто сильно пьет. От него постоянно пахло виски, и, когда приходили пациенты, он притворялся, будто сильно под хмельком. Он надеялся, что они опять станут ходить к его отцу и говорить, что молодой врач никуда не годится.

— Так и вышло?

— Конечно нет, — сказала мисс Марпл. — Случилось то, что предсказал бы всякий здравомыслящий человек. Пациенты стали ходить к его конкуренту, к мистеру Рейли. Многим добрым людям не хватает сообразительности. К тому же Леонард Вайли очень неубедительно изображал пьяного... Совсем не похоже на настоящего. И с виски он перестарался. Чересчур обильно поливал им свою одежду.

Они вошли в дом через боковой вход.



ГЛАВА 19

Всю семью они застали в библиотеке. Льюис расхаживал взад и вперед, и в атмосфере чувствовалось сильное напряжение.

— Что-нибудь случилось? — спросила мисс Марпл.

Льюис ответил коротко:

— Пропал Эрни Грегг. На вечерней перекличке его не было.

— Убежал?

— Мы не знаем. Маверик с помощниками обыскивают парк. Если мы не найдем его, придется

сообщить полиции.

— Бабушка! — Джина подбежала к Керри-Луизе, испуганная ее бледностью. — Тебе плохо?

— Я огорчена. Бедный мальчик...

— Я собирался сегодня вечером расспросить его, — сказал Льюис, — действительно ли он вчера видел что-то необычное. Мне предложили для него хорошую работу. Я хотел сказать ему об этом, а там и расспросить. А теперь... — Он не договорил.

Мисс Марпл тихо сказала:

— Глупенький... Бедный, глупый мальчик...

Она покачала головой. Миссис Серроколд сказала:

— Значит, и *ты* так подумала, Джейн?..

Вошел Стивен Рестарик.

— Почему тебя не было в театре, Джина? — спросил он. — Ты ведь хотела... Э, что случилось?

Льюис повторил сказанное. В это время вошел доктор Маверик и белокурый розовощекий мальчик с подозрительно ангельским выражением лица. Мисс Марпл вспомнила, что он был на обеде в день ее приезда в Стоунигейтс.

— Вот, я привел Артура Дженкинса, — сказал доктор Маверик. — Он, кажется, последний, кто говорил с Эрни.

— Пожалуйста, Артур, помоги нам, если можешь, — сказал Льюис Серроколд. — Куда девался Эрни? Может быть, он просто где-то спрятался?

— Не знаю, сэр. Ей-богу, не знаю. Он мне ничего не сказал. Говорил только про театр. Что он такую штуку придумал для декорации, что миссис Хадд и мистер Стивен не нахвалятся.

— Еще одно, Артур. Эрни заявлял, будто прошлой ночью ходил по парку после того, как заперли двери. Это правда?

— Неправда это. Он просто хвастал. Эрни горазд врать. Никогда *он* по ночам не выходил. Хвастал, будто может, но не такой уж он мастер по замкам. Куда ему справиться с настоящим замком! А насчет прошлой ночи — так я точно знаю, что он не выходил.

— А ты не говоришь это, просто чтобы нам угодить?

— Истинный крест! — с жаром воскликнул благонравный Артур.

Льюис, видимо, все же не был удовлетворен.

— Слышите? — вдруг сказал доктор Маверик. — Что это?

Слышались приближавшиеся голоса. Дверь распахнулась, и в нее, пошатываясь, вошел очкастый мистер Баумгартен, очень бледный и

растерянный.

Он с трудом выговорил:

— Мы нашли его... то есть их... это ужасно...

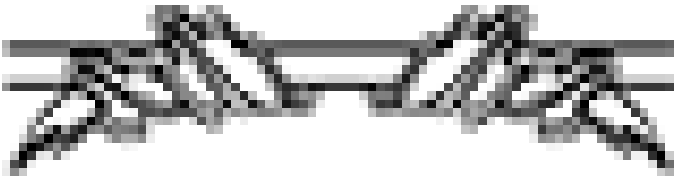
Он опустился на стул и вытер лоб.

Милдред Стрэт резко спросила:

— Почему вы сказали — *их?*

Баумгартен дрожал всем телом.

— Они там, в театре, — сказал он. — Оба с проломленными черепами. Наверное, на них свалился большой противовес. Алексис Рестарик и Эрни Грегг. Обоих — насмерть.



ГЛАВА 20

— Я принесла тебе крепкого бульону, Керри-Луиза, — сказала мисс Марпл. — Выпей, прошу тебя.

Миссис Серроколд спустила ноги со своей широкой, резного дуба кровати. Сейчас она была похожа на ребенка. С ее розовых щек сбежала краска, а глаза смотрели куда-то вдаль. Она послушно взяла бульон. Пока она пила его, мисс Марпл сидела на стуле у ее кровати.

— Сперва Кристиан, — сказала Керри-Луиза, — а теперь Алекс и бедный наш хитрый и

глупенький Эрни. Неужели он действительно... что-то знал?

— Не думаю, — сказала мисс Марпл. — Он врал, чтобы придать себе важности. Намекая, будто что-то видел. Трагедия в том, что кто-то поверил в его вранье.

Керри-Луиза вздрогнула. И снова ее глаза устремились вдаль.

— Мы так много хотели сделать для этих мальчиков... И ведь что-то нам удавалось. Некоторые превосходно себя показали. Несколько человек получили ответственную работу. Кто-то не устоял, вернулся к прежнему. Тут уж ничего не поделаешь. Наш мир так сложен. Слишком сложен для этих простых, неразвитых натур. Знаешь, в чем главная идея Льюиса? Он всегда считал, что в прошлом многих потенциальных преступников спасла перемена обстановки. Их вывозили за море, и они начинали новую жизнь в новых, более простых условиях. Льюис задумал современную социальную программу на этой основе. Надо купить большую территорию — или несколько островов. Создать коммуну и несколько лет финансировать ее, и чтобы потом она приносила доход. Каждому члену коммуны его долю. Это должно быть в какой-то глуши, чтобы

не возникал соблазн убежать в город и приняться за старое. Вот о чем мечтал Льюис. Но нужны огромные деньги, а сейчас мало филантропов такого масштаба. Нам бы нужен такой, как Эрик. Вот кто был бы энтузиастом этого дела.

Мисс Марпл взяла в руки маленькие ножницы и с любопытством их рассматривала.

— Какие необычные ножницы, — сказала она. — С одной стороны два отверстия для пальцев, а с другой одно.

Взгляд Керри-Луизы вернулся из дали, где ей виделось что-то страшное.

— Мне их принес сегодня утром Алекс, — сказала она. — Ими будто бы удобно срезать ногти на правой руке. Милый мальчик так их расхваливал. И даже заставил меня тут же попробовать.

— А потом, наверное, аккуратно собрал обрезки твоих ногтей и унес, — сказала мисс Марпл.

— Да, — сказала Керри-Луиза. — Он... А почему ты это сказала?

— Потому что Алекс был очень умен. Умен и догадлив.

— Ты хочешь сказать... что поэтому он и погиб?

— Думаю, что да.

— Он и Эрни... Думать об этом невыносимо.

Когда это могло случиться?

— Сегодня. Вероятно, между шестью и семью вечера.

— Когда они закончили свои дела в театре?

— Да. Там была тогда Джина. И Волли Хадд. Стивен говорит, что тоже заходил, искал Джину... Так что любой мог...

Но тут Керри-Луиза неожиданно ее перебила:

— Ты, значит, уже догадалась, Джейн?

Мисс Марпл подняла на нее взгляд. Глаза подруг встретились.

Мисс Марпл медленно сказала:

— Если бы я могла быть вполне уверена...

— Думаю, что ты уже уверена, Джейн.

Джейн Марпл спросила так же медленно:

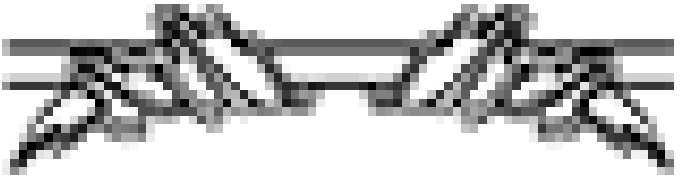
— Что ты хочешь? Что я должна сделать?

Керри-Луиза откинулась на подушки.

— Все в твоих руках, Джейн. Делай так, как считаешь правильным.

Она закрыла глаза.

— Завтра, — сказала мисс Марпл после некоторого колебания, — я попытаюсь поговорить с инспектором Карри... если он станет меня слушать...



ГЛАВА 21

Инспектор Карри нетерпеливо сказал:

— Да, мисс Марпл?

— Нельзя ли нам пройти в Зал?

Инспектор Карри немного удивился.

— Если вы считаете его подходящим местом для конфиденциального разговора... По-моему, здесь... — Он обвел взглядом кабинет.

— Конфиденциальность не столь существенна. Я хочу вам кое-что показать. То, что я увидела благодаря Алексу Рестарику.

Инспектор Карри, подавив вздох, встал и после-

довал за мисс Марпл.

— Кто-нибудь говорил с вами? — спросил он с некоторой надеждой.

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Дело не в том, что говорят люди. Дело в фокусах. Это делается с помощью зеркал. Если вы понимаете, о чем я.

Нет, инспектор Карри не понимал. Он смотрел на мисс Марпл и думал, что с головой у нее не все в порядке.

Мисс Марпл знаком попросила его встать рядом с нею.

— Представьте себе, инспектор, что здесь театр. Как это было в тот вечер, когда убили Кристиана Гулбрандсена. Вы сейчас находитесь в зрительном зале и смотрите на тех, кто на сцене. На миссис Серроколд, на меня, на миссис Стрэт, Джину и Стивена. Как положено, на сцене есть входы и выходы, и действующие лица то появляются на этой сцене, то куда-то выходят. Но только когда вы зритель, вы не думаете о том, куда они на самом деле идут. Они идут «к входной двери» или, скажем, «на кухню», и, когда они открывают дверь, вам виден кусочек размалеванного задника. *А на самом деле* они идут в кулисы и за сцену, туда, где плотники, электрики и где находятся все остальные задействованные в спектакле актеры,

ожидающие своего выхода. Они выходят — в другой мир.

— Я не совсем понимаю, мисс Марпл...

— Да, я знаю, вероятно, это звучит очень глупо. Но если представить себе, что идет спектакль, а сценой служит Зал в Стоунигейтсе, тогда что находится *за сценой?* Где другие театральные помещения? *На террасе,* не правда ли? На террасе, *куда выходит несколько окон.*

И вот теперь смотрите, как был проделан фокус. Эта мысль мне пришла, когда я вспомнила фокус под названием «Женщина, Которую Перепиливают Пополам».

— Женщина, Которую Перепиливают Пополам? — Теперь инспектор Карри был уже совершенно уверен, что мисс Марпл — душевнобольная.

— Это потрясающий аттракцион. Вы, вероятно, его видели. Там участвует не одна женщина, а две. У одной голова, у другой — ноги. Всем кажется, что женщина одна, а на самом деле их две. Вот я и подумала, *что может быть и наоборот.* Вместо кажущихся *двух* человек — один.

— Вместо двух — один? — переспросил инспектор Карри, отчаявшись что-либо понять.

— Да. Но на короткое время. Сколько пона-

добилось вашему констеблю в парке, чтобы добежать до дома и обратно? Две минуты сорок пять секунд? А тут было меньше. Неполных две минуты.

— Что же было сделано за неполных две минуты?

— Был проделан фокус. Он состоял в том, что вместо кажущихся двух человек был один. Они находились в кабинете. Мы с вами смотрим только на часть сцены, видную зрителям. А за сценой — терраса и *ряд окон.* Когда в кабинете действуют два человека, очень легко открыть одно из окон, выпрыгнуть, пробежать по террасе (вот когда Алекс слышал топот бегущих ног), войти в боковую дверь, застрелить Кристиана Гулбрандсена и вернуться. В это время человек, находящийся в кабинете, говорит и своим голосом, и имитирует голос другого, и все мы уверены, что там их *двое.* Впрочем, так оно и было почти все время — кроме этих неполных двух минут.

Ошеломленный инспектор перевел дух и рискнул спросить:

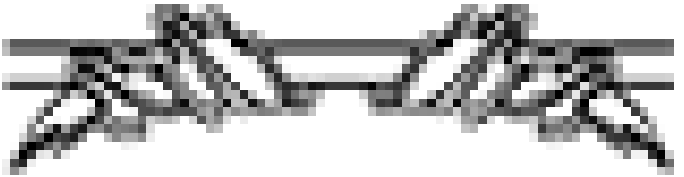
— Вы хотите сказать, что бежал по террасе и стрелял в Гулбрандсена *Эдгар Лоусон?* Что тот же Лоусон пытался отравить миссис Серроколд?

— Видите ли, инспектор, *миссис Серроколд*

никто не пытался отравить. Вас наводили на ложный след. Кто-то очень умело пытался использовать симптомы артрита, которым страдает миссис Серроколд, потому что они похожи на симптомы отравления мышьяком. Старый трюк: фокусник навязывает вам ту карту, какую хочет. Нетрудно добавить мышьяку в бутылку с лекарством, нетрудно и добавить несколько строк к письму, которое печаталось на машинке. А причина приезда мистера Гулбрандсена действительно имела отношение к делам Фонда. Проще говоря, к делам денежным. И если это были хищения в очень крупных размерах, то на кого все указывает? Только на одного человека...

— На Льюиса Серроколда?

— Да, на *Льюиса Серроколда.*



ГЛАВА 22

Из письма Джины Хадд ее тетке, миссис Ван-Райдок:

«...ты видишь, милая тетя Рут, каким кошмаром все было, в особенности конец. Я тебе описала этого странного молодого человека – Эдгара Лоусона. Он всегда был труслив, а когда инспектор стал его допрашивать, добиваясь признания, он совсем обезумел от страха и кинулся бежать. Выпрыгнул из окна, обежал вокруг

дома, потом вниз по аллее, но там ему преградил путь полицейский. Тогда он повернул и бросился к озеру. Прыгнул в старую гнилую плоскодонку, которая стояла там не знаю сколько лет, и оттолкнулся от берега. Это было совершенно бессмысленно, но он был именно обезумевшим от страха кроликом. Тут Льюис громко крикнул: «Лодка гнилая!» – и тоже побежал к озеру. Лодка пошла ко дну, и Эдгар очутился в воде. Он не умел плавать. Льюис прыгнул в воду, поплыл к нему и доплыл, но оба они запутались в камышах. Один из людей инспектора поплыл к ним, обвязав себя веревкой, но тоже запутался и его пришлось тащить обратно. Тетя Милдред тупо повторяла: «Они утонут... утонут». А бабушка сказала только: «Да». Я не могу тебе описать, как прозвучало это ее «Да». Одно только *«Да»*, но оно пронзало точно мечом. Ты скажешь – мелодрама? И все-таки оно прозвучало именно так. А когда все было кончено и их вытащили, им стали делать искусственное дыхание, но это не помогло, и инспектор подошел к нам и сказал

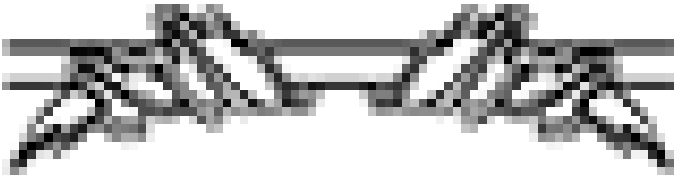
бабушке: «Боюсь, миссис Серроколд, что надежды нет». И бабушка очень спокойно сказала: «Благодарю вас, инспектор!»

Потом она посмотрела на всех нас. На меня, а я так хотела ей помочь, только не знала как. На Джолли, та, как всегда, была рядом с ней – суровая и любящая, готовая ей служить. Стивен протягивал к ней руки. Смешная старенькая мисс Марпл смотрела очень печально и устало. Даже Волли был взволнован. Все мы так любили ее и *так хотели что-нибудь сделать.*

Но бабушка сказала только: «Милдред». А тетя Милдред сказала: «Мама». И они вместе вошли в дом. Бабушка – такая маленькая, хрупкая – опиралась на тетю Милдред. Я раньше не знала, что они так любят друг друга. Это совершенно не было заметно».

Тут Джина остановилась и пососала кончик вечного пера. Потом закончила письмо так:

«Теперь обо мне и Волли – мы возвращаемся в Штаты при первой возможности».



ГЛАВА 23

— Как ты догадалась, Джейн?

Мисс Марпл ответила не сразу. Она задумчиво посмотрела на обоих своих собеседников — Керри-Луизу, похудевшую, еще более хрупкую, но по-прежнему странно спокойную, и старика с доброй улыбкой и копной седых волос. Это был доктор Голбрейт, епископ Кромерский.

Епископ взял руку Керри-Луизы в свою.

— Большое горе вы перенесли, дитя мое, и большое потрясение.

— Горе, да, но не потрясение.

— Да, именно так, — сказала мисс Марпл. — Это и помогло мне догадаться. Все твердили, что Керри-Луиза живет в ином мире и далека от действительности. А ведь ты была к действительности ближе всех. Ты никогда не жила иллюзиями, в отличие от большинства из нас. Когда я внезапно поняла это, я решила держаться именно того, что *ты* говорила и чувствовала. Ты была убеждена, что никто не пытается тебя отравить, ты не верила в это — и была права, что *не верила,* потому что так оно и оказалось. Ты не верила, что Эдгар может убить Льюиса, и опять-таки была права. *Он никогда не причинил бы ему никакого зла.* Ты была уверена, что Джина не любит никого, кроме своего мужа, и снова была права.

И как только я стала прислушиваться к твоим словам, я сразу поняла, что некоторые события, *казавшиеся* реальными, были всего лишь иллюзиями. И эти иллюзии создавались с определенной целью. Именно так действуют фокусники. Чтобы ввести зрителей в заблуждение. А зрителями были мы все.

Алекс Рестарик был первым, у кого мелькнула догадка, — он увидел вещи под другим углом, извне. Когда он стоял на подъездной аллее вместе с инспектором и смотрел на дом, он увидел, какие

возможности давали выходившие на террасу окна. Он вспомнил также топот бегущих ног, который слышал там накануне ночью. А хронометраж времени, проведенный инспектором, показал ему, что многое происходит гораздо быстрее, чем мы думаем. Констебль сильно запыхался. Думая об этом позже, я вспомнила, что Льюис Серроколд, отпирая в тот вечер дверь своего кабинета, тоже тяжело дышал, и не мудрено — ведь перед тем ему пришлось бежать что было сил...

Но для меня главной загадкой был Эдгар Лоусон. Мне всегда казалось, что что-то в нем не так. Все, что он говорил и делал, вполне соответствовало тому, кем он представлялся. И все же что-то было не так. Создавалось впечатление, что вполне нормальный молодой человек просто играет роль шизофреника. Он явно переигрывал. И поэтому в нем всегда было нечто театральное.

Все было, видимо, очень тщательно продумано и спланировано. Когда приехал Кристиан, Льюис почувствовал, что тот что-то заподозрил. И он достаточно знал Кристиана, чтобы понимать, что, однажды что-либо заподозрив, тот не успокоится, пока не выяснит, насколько основательны его подозрения.

— Да, — сказала Керри-Луиза. — Таков был

Кристиан. Вроде бы медлительный, зато очень въедливый и сметливый. Не знаю, что именно возбудило его подозрение, но он стал докапываться и обнаружил истину.

— Я так себя теперь ругаю, — сказал епископ, — за то, что не был более внимательным попечителем.

— От вас и не ждали компетентности в финансовых вопросах. Все финансы сперва были доверены мистеру Гилфою. Когда тот умер, Льюис благодаря своему большому опыту получил их, в сущности, целиком в свое распоряжение. Это и вскружило ему голову.

Щеки ее слегка порозовели.

— Льюис был выдающейся личностью, — сказала она. — Он лелеял великие планы и страстно верил, что многое можно сделать, если иметь много денег. Он их желал не для себя, во всяком случае, он не был вульгарным и жадным стяжателем. Ему нужно было могущество, которое дают деньги. И нужно было для того, чтобы делать великое добро...

— Он хотел быть Богом, — сказал епископ. Голос его внезапно стал суровым. — Он забыл, что человек всего лишь смиренное орудие божьей воли.

— И присвоил деньги Фонда, — сказала мисс

Марпл.

— Не только это... — Доктор Голбрейт не решался продолжать.

— Говорите ей все, — сказала Керри-Луиза. — Она — мой старый, верный друг.

— Льюиса Серроколда можно было назвать чародеем в области финансов, — продолжал епископ. — За годы своей долгой финансовой деятельности он, забавы ради, разработал множество способов мошенничества, которые практически невозможно было раскрыть. Если угодно, это была интеллектуальная игра. Но со временем он понял, какие заманчивые перспективы сулят крупные доходы, и не мог устоять — применил свое умение на практике. В его распоряжении оказался первоклассный материал. Из мальчиков, которые проходили через Школу, он составил небольшую группу избранных. Это были мальчики с преступными наклонностями, с очень острым умом и с любовью к сильным ощущениям. Мы еще не во всем разобрались, так как этот его кружок был тайным. Его участники получали специальную подготовку, а затем ключевые должности по финансовой части. Выполняя указания Льюиса, они так манипулировали бухгалтерскими документами, что

могли, не вызывая подозрений, изымать крупные суммы. Эти операции и их детали настолько сложны, что аудиторам потребуются месяцы на то, чтобы все распутать. Но уже сейчас видно, что под различными именами на разных банковских счетах Льюис Серроколд в самое ближайшее время располагал бы колоссальными суммами. Он хотел основать за океаном колонию, которой бы владели и управляли сами молодые правонарушители, на кооперативных началах. Конечно, это была фантазия...

— Но фантазия, которая могла осуществиться, — сказала Керри-Луиза.

— Да, возможно, и могла бы. Однако Льюис Серроколд использовал для достижения своей цели преступные средства, и Кристиан Гулбрандсен это обнаружил. Он был очень расстроен прежде всего тем, что значило бы разоблачение Льюиса для вас, Керри-Луиза.

— Вот почему он спросил меня, здоровое ли у меня сердце, — сказала Керри-Луиза. — А я тогда и не поняла.

— Когда Льюис Серроколд приехал из Ливерпуля, Кристиан вышел ему навстречу, в сад, и сказал, что обнаружил его махинации. Льюис, кажется, принял это спокойно. Оба они согласи-

лись, что надо, насколько возможно, щадить вас. Кристиан сказал, что напишет мне и попросит приехать сюда как одного из попечителей, чтобы обсудить положение.

— Льюис Серроколд, — сказала мисс Марпл, — разумеется, предвидел такую возможность и заранее себя подстраховал. Он привез сюда молодого человека, который сыграл бы роль Эдгара Лоусона. Существовал, конечно, и настоящий Эдгар Лоусон, на случай если полиция захочет ознакомиться с его документами. Этот подставной Эдгар знал, что ему надо делать: изображать шизофрению, манию преследования, а когда это потребуется, создать Льюису Серроколду безупречное алиби. Следующий шаг также был тщательно продуман. Льюис дал понять, что тебя, Керри-Луиза, кто-то пытается отравить. Для этого ему достаточно было сказать, *будто ему сообщил об этом Кристиан.* И дописать несколько строк к письму, пока он ждал прихода полиции. Добавить мышьяк в лекарство было легко, а для тебя это было совершенно безопасно — в любом случае, он не дал бы тебе его выпить... Для убедительности он добавил еще один штрих — конфеты. Он вложил в коробку несколько отравленных — перед тем как отдать их инспектору Карри.

— Алекс об этом догадался, — сказала Керри-Луиза.

— Да, поэтому он и собирал обрезки твоих ногтей. Анализ показал бы, давали ли тебе мышьяк...

— Бедный Алекс... Бедный Эрни...

Все смолкли, думая о Кристиане Гулбрандсене, об Алексе Рестарике, о несчастном мальчугане Эрни и о том, как быстро убийство деформирует человеческую душу.

— И все же, — сказал епископ, — Льюис сильно рисковал, когда взял в сообщники Эдгара, даже если имел над ним какую-то власть.

Керри-Луиза покачала головой.

— Нет, не то чтобы он имел над ним власть. Эдгар был предан Льюису.

— Как Леонард Вайли своему отцу, — сказала мисс Марпл. — Мне даже казалось...

Она деликатно не стала продолжать.

— Значит, ты заметила между ними сходство? — спросила Керри-Луиза.

— А ты знала?

— Догадывалась. Я знала, что у Льюиса, до того как он встретил меня, было кратковременное увлечение одной актрисой. Он сам рассказал мне об этом. Связь не была серьезной, она была аван-

тюристкой и его не любила. Но я не сомневаюсь, что Эдгар — сын Льюиса...

— Да, — сказала мисс Марпл. — Тогда все объясняется...

— И он отдал жизнь за своего сына, — сказала Керри-Луиза. Она умоляюще взглянула на епископа. — Ведь вы знаете это.

Снова наступило молчание, а потом Керри-Луиза сказала:

— Хорошо, что все кончилось именно так... Он отдал жизнь, стараясь спасти своего сына... Люди, которые могут быть очень хорошими, способны быть и очень плохими. Я всегда знала, что это относилось и к Льюису... А ведь он очень любил меня. А я любила его.

— Ты когда-нибудь прежде... подозревала его? — спросила мисс Марпл.

— Нет, — сказала Керри-Луиза. — Меня озадачила история с мышьяком. Я знала, что Льюис не мог бы меня отравить, а между тем в письме Кристиана определенно говорилось, что *меня пытаются отравить.* И тогда я решила, что все мои представления о людях были неверными...

— Но когда Алекса и Эрни нашли мертвыми, — спросила мисс Марпл, — ты все-таки заподозрила что-то?

— Да, — сказала Керри-Луиза. — Потому что никто, кроме Льюиса, на это не решился бы. И я стала бояться его следующего шага...

Она поежилась, как от озноба.

— Я восхищалась Льюисом. Меня восхищало — как бы лучше сказать — то, что было в нем хорошего. Но я вижу, что хороший человек обязательно должен быть смиренным.

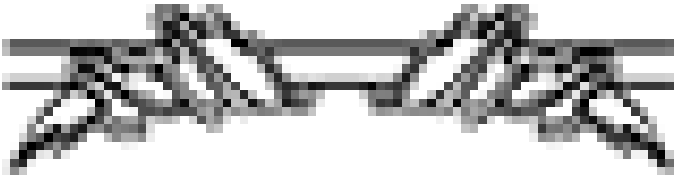
Доктор Голбрейт ласково сказал:

— Вот этим, Керри-Луиза, я всегда восхищался в вас — вашим смирением.

Прелестные голубые глаза раскрылись широко и удивленно.

— Но у *меня-то* — никаких талантов, и вообще не такая уж я хорошая. Я способна только восхищаться хорошими качествами в других.

— Милая Керри-Луиза, — сказала мисс Марпл.



ЭПИЛОГ

— Думаю, что бабушке будет хорошо с тетей Милдред, — сказала Джина. — Тетя Милдред стала гораздо симпатичнее, не такая чудаковатая, если понятно, что я имею в виду.

— Я поняла, что ты имеешь в виду, милочка, — сказала мисс Марпл.

— А мы с Волли недели через две возвращаемся в Штаты.

Джина искоса взглянула на своего мужа.

— Там я забуду и Стоунигейтс, и Италию, и свои девические годы и сделаюсь стопроцентной

американкой. Нашего сына будут до старости называть Младший. Волли, могу ли я сказать лучше, чем сказала?

— Конечно, не можешь, Кэт[40], — сказала мисс Марпл.

Волли снисходительно улыбнулся старой даме, путавшей имена, и мягко поправил ее:

— Она Джина, а не Кэт.

Но Джина рассмеялась.

— Она знает, что говорит. Тебя, вот увидишь, сейчас назовет Петруччио.

— Просто я считаю, — сказала мисс Марпл, обращаясь к Волтеру, — что вы поступили очень мудро, дорогой мальчик.

— Она считает, что ты для меня самый подходящий муж, — сказала Джина.

Мисс Марпл переводила взгляд с одного на другого. Как приятно, думала она, видеть любящих друг друга молодых людей. А Волтер Хадд из угрюмого молодого человека преобразился в добродушного, улыбчивого великана...

— Вы оба напоминаете мне...

Джина ринулась к мисс Марпл и зажала ей рот рукой.

---

[40] notes: 40

К э т (сокр. от Катарина) и ниже П е т р у ч ч и о — персонажи комедии Шекспира «Укрощение строптивой» (1593–1594).

— Нет, милая! — воскликнула она. — Не продолжайте! Мне подозрительны эти параллели с вашими деревенскими соседями. В них всегда таится какая-нибудь шпилька. Ведь вы такая насмешница!

Ее глаза затуманились.

— Я часто думаю о вас, о тете Рут и о бабушке, о том, как вы когда-то в молодости дружили... И очень хотела бы знать, какими вы тогда были, но как-то не могу себе это представить.

— Еще бы! — сказала мисс Марпл. — Ведь все это было так давно...

ПРИМЕЧАНИЯ

